

Годъ 5-й.

1916.

ХРИСТИАНСКІЙ ВОСТОКЪ.

СЕРІЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНІЮ ХРИСТИАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВЪ АЗІИ И АФРІКИ.

ТОМЪ V.

Изданіе Академіи Наукъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ (ВАС. ОСТР., 9 ЛИН., № 12).

1917.

Напечатано по распоряженію Академіи Наукъ. Май 1917 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Выпускъ I.

	Страницы.
Орбели, I. Два серебряныхъ ковша XVI вѣка съ армянской и греческой надписями	1—13
Архимандритъ Гарегинъ. Образчики армянскихъ церковныхъ вышивокъ	14—21
Чубиновъ, Г. Декоративное убранство Анійскихъ карасовъ	22—39
Танайшвили, Е. Суджунская церковь и ея древности	40—50
Разныя извѣстія и замѣтки	51
Н. Марръ: Одна мелочь къ арабской транскрипціи именъ въ спискахъ никееянъ (51).	
Критика	52—72
Н. Адонцъ. Діонисій Фракійскій и армянскіе толкователи (52—72). — Н. Марръ и С. Жебелевъ.	
Рисунки на таблицахъ	I—XXXVII

Выпускъ II.

Меликсетъ-Беновъ, Л. Грузинскій изводъ сказанія о постѣ «араджа-воръ»	73—111
Бенешевичъ, В. Н. Грузинскій великій номоканонъ по спискамъ Тифлисскаго Церковнаго Музея (окончаніе)	112—127
Орбели, I. Багаванскій храмъ и его надписи	128—143
Марковъ, А. и Ериштедтъ, П. Еще о ковшѣ съ греческой надписью 1586	144—146
Орбели, I. Армянскія надписи на камнѣ	147—154
Разныя извѣстія и замѣтки	155—166
I. Н. Еще о мингрелизмахъ въ грузинскихъ надписяхъ изъ Мингрели (155). I. Н. Монеты Грузіи (155).	
Рисунки на таблицахъ	XXXVIII—XLV

Выпускъ III.

	Страницы.
Джанашія, Н. Абхазскій культъ и бытъ	157—208
Гордѣвъ, Дмитрій. Описаніе пяти эмалевыхъ медальоновъ съ грузинскими надписями	209—216
Чубиновъ, Г. Церковь близъ селенія Болнис-Капанакчи	217—220
Разныя извѣстія и замѣтки	221—222
Н. М.: О вкладѣ Христіанскаго Востока въ древне-русское искусство (221—222). Н. М.: О Пицундѣ и постройкѣ Юстиніана въ Абхазіи (222).	
Рисунки на таблицахъ	XLVI—XLVIII

СОКРАЩЕНІЯ.

AB	Analecta Bollandiana.	EO	Échos d'Orient.
AcIBL	Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus.	GSAI	Giornale della Società Asiatica Italiana.
AAkB	Abhandlungen der Kgl. Preussischen Akademie der Wissenschaften in Berlin.	IgF	Indogermanische Forschungen.
APf	Archiv für Papyrusforschung.	JA	Journal asiatique.
ARw	Archiv für Religionswissenschaft.	JAOS	Journal of the American Oriental Society.
ASA	Annales du Service des Antiquités du Caire.	JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society.
B	Bessarione.	JS	Journal des Savants.
BAG	Bibliotheca Armeno-Georgica.	JTSt	Journal of theological studies.
BbZ	Biblische Zeitschrift.	JBL	Journal of biblical literature.
BCH	Bulletin de correspondance hellénique.	LSSSt	Leipziger semitistische Studien.
BCHPh	Bulletin de la Classe Histor.-Philologique de l'Acad. des Sciences de Petrograd.	MA	Mélanges Asiatiques.
BEFEO	Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient.	MACIBL	Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
BIE	Bulletin de l'Institut égyptien.	MACB	Mémoires de l'Académie Royale de Belgique.
BSA	Bulletin de la Société d'Anthropologie.	MAH	Mélanges d'archéologie et d'histoire publiées par l'École française de Rome.
BSAA	Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie.	MAS	Mémoires de l'Acad. des Sciences de Petrograd.
BZ	Byzantinische Zeitschrift.	MéIBeyr	Mélanges de la Faculté Orientale de l'Université St. Joseph à Beyrouth.
CHR	Congrès d'Histoire des Religions.	MGGH	Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft. Hamburg.
CQR	The Church Quarterly Review.	Mq	Al-Machriq.
CSCO	Corpus scriptorum christianorum orientaliū.	MMFC	Mémoires publiées par les membres de la mission archéologique française au Caire.
DAkM	Denkschriften der bayerischen Akademie. München.	MSOS	Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin.
DLZ	Deutsche Literaturzeitung.		

NE Notices et extraits des manuscrits.
 NE Νέα Σιών.
 OA Orientalisches Archiv.
 OCh Oriens Christianus.
 PEF Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement.
 PG Patrologia graeca } Migne.
 PL Patrologia latina }
 Phil Philologus.
 PO Patrologia Orientalis.
 PSBA Proceedings of the Society of biblical Archaeology.
 RA Revue archéologique.
 RAfr Revue africaine.
 RAcl Reale Accademia dei Lincei.
 RB Revue biblique.
 RE Revue Égyptologique.
 REG Revue des études grecques.
 RG Revue de géographie.
 RH Revue historique.
 RHE Revue d'histoire ecclésiastique.
 RHR Revue de l'histoire des religions.
 RL Revue linguistique.
 RO Roma e l'Oriente.
 ROC Revue de l'Orient Chrétien.
 RPL Revue de philologie d'histoire et de littérature anciennes.
 RQuS Römische Quartalschrift.
 RSto Rivista degli Studi Orientali.
 RMasp Recueil des travaux relat. philolog. et archéol. égypt. et assyr.
 RTP Revue des traditions populaires.
 SAKB Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.
 SAKW Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften. Wien.
 SAKH Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften.
 StGK Studien zur Geschichte und Kultur des Alterthums.

TLZ Theologische Literaturzeitung.
 ZA Zeitschrift für Assyriologie.
 VGWL Verhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig.
 WZKM Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes.
 ZÄS Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde.
 ZDMG Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft.
 BB Богословский Вѣстникъ.
 BBp Византийский Временникъ.
 ЖМНП Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
 ЗВО Записки Вост. Отдѣленія Русск. Археол. Общества.
 ЗКО Записки Классич. Отдѣленія Русск. Археол. Общ.
 ИАК Извѣстія Археол. Коммисіи.
 ИАН || Изв Извѣстія Академіи Наукъ.
 ИРАрхИнстКП Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополѣ.
 МАК Матеріалы по Археологіи Кавказа.
 ПрСоб Православный Собесѣдникъ.
 СМК || СМ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.
 ТР Тексты и разысканія по армяно-груз. филологіи, изд. Факультетомъ Вост. языковъ Петрогр. Унив.
 ТрКА Труды Кіевской Духовной Академіи.
 ХВ Христiанскій Востокъ.
 ХрЧт Христiанское Чтеніе.
 Ա Անհատ.
 Ար Արարատ.
 ԱՀ Ազգագրական Հանդէս.
 ԲԿ Բազմալեզու.
 Գա Գեղարուեստ.
 ՀԱ Հանդէս Ամսօրեայ.

NE Notices et extraits des manuscrits.
 NE Νέα Σιών.
 OA Orientalisches Archiv.
 OCh Oriens Christianus.
 PEF Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement.
 PG Patrologia graeca } Migne.
 PL Patrologia latina }
 Phil Philologus.
 PO Patrologia Orientalis.
 PSBA Proceedings of the Society of biblical Archaeology.
 RA Revue archéologique.
 RAfr Revue africaine.
 RAcl Reale Accademia dei Lincei.
 RB Revue biblique.
 RE Revue Égyptologique.
 REG Revue des études grecques.
 RG Revue de géographie.
 RH Revue historique.
 RHE Revue d'histoire ecclésiastique.
 RHR Revue de l'histoire des religions.
 RL Revue linguistique.
 RO Roma e l'Oriente.
 ROC Revue de l'Orient Chrétien.
 RPL Revue de philologie d'histoire et de littérature anciennes.
 RQuS Römische Quartalschrift.
 RSto Rivista degli Studi Orientali.
 RMasp Recueil des travaux relat. philolog. et archéol. égypt. et assyr.
 RTP Revue des traditions populaires.
 SAKB Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.
 SAKW Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften. Wien.
 SAKH Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften.
 StGK Studien zur Geschichte und Kultur des Alterthums.

TLZ Theologische Literaturzeitung.
 ZA Zeitschrift für Assyriologie.
 VGWL Verhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig.
 WZKM Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes.
 ZÄS Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde.
 ZDMG Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft.
 BB Богословский Вѣстникъ.
 BBp Византийский Временникъ.
 ЖМНП Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
 ЗВО Записки Вост. Отдѣленія Русск. Археол. Общества.
 ЗКО Записки Классич. Отдѣленія Русск. Археол. Общ.
 ИАК Извѣстія Археол. Коммисіи.
 ИАН || Изв Извѣстія Академіи Наукъ.
 ИРАрхИнстКП Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополѣ.
 МАК Матеріалы по Археологіи Кавказа.
 ПрСоб Православный Собесѣдникъ.
 СМК || СМ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.
 ТР Тексты и разысканія по армяно-груз. филологіи, изд. Факультетомъ Вост. языковъ Петрогр. Унив.
 ТрКА Труды Кіевской Духовной Академіи.
 ХВ Христiанскій Востокъ.
 ХрЧт Христiанское Чтеніе.
 Ա Անհատ.
 Ար Արարատ.
 ԱՀ Ազգագրական Հանդէս.
 ԲԿ Բազմալեզու.
 Գա Գեղարուեստ.
 ՀԱ Հանդէս Ամսօրեայ.

Напечатано по распоряженію Академіи Наукъ. Май 1917 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Олденбургъ.

1916 г.
т. 5
160423

Годъ 5-й.

1916.

ХРИСТИАНСКІЙ ВОСТОКЪ.

СЕРІЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНІЮ ХРИСТИАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВЪ АЗІИ И АФРИКИ.

ТОМЪ V.

ВЫПУСКЪ I.

Изданіе Императорской Академіи Наукъ.

Содержаніе:

Орбели, І. Два серебряныхъ ковша XVI
вѣка съ армянской и греческой над-
писями (стр. 1—13).
Архимандритъ Гарегинъ. Образчики ар-
мянскихъ церковныхъ вышивокъ.
(стр. 14—21).
Чубиновъ, Г. Декоративное убранство

Анійскихъ карасовъ (стр. 22 —
39).
Танайшвили, Е. Суджунская церковь и ея
древности (стр. 40—50).
Разныя извѣстія и замѣтки (стр. 51).
Критика (стр. 52—72).
Рисунки на таблицахъ I—XXXVII.

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1916.

Въ ближайшихъ выпускахъ „Христіанскаго Востока“ предполагается печатать:

Адонцъ, Н. Г. Фаустъ Византійскій, какъ историкъ.

Бенешевичъ, В. Н. Грузинскій великій номоканонъ по спискамъ Троицкаго
Церк. Музея (окончаніе).

Джанашія, Н. Абхазскій культъ и бытъ.

Дьяконовъ, А. П. Къ исторіи сирійскаго сказанія о св. Маръ-Авгелинѣ.

Меликсетъ-Бекъ, Л. Грузинскій изводъ сказанія о постѣ «араджаворъ».

Марръ, Н. Я. Замѣтки по текстамъ св. Писанія въ древнихъ переводахъ
армянъ и грузинъ. §§ 85-сл.

Изданіе выходитъ въ свѣтъ выпусками по 6—8 печатныхъ листовъ,
по возможности, въ три срока: въ апрѣлѣ, августѣ и декабрѣ.

Цѣна 2 руб.; — Prix 2 rbl.

Продается въ Книжномъ Складѣ Императорской Академіи Наукъ и у ея комиссіонеровъ:

И. И. Глазунова и Н. Л. Риккера въ Петроградѣ, Н. П. Карбасникова въ Петроградѣ, Москва.

Н. Я. Оглоблина въ Петроградѣ и Киевѣ, Н. Киммеля въ Ригѣ, Лейпцигѣ и Берлинѣ.

Commissaires de l'Académie Impériale des Sciences:

J. Glazounov et C. Ricker à Petrograd, N. Karbasnikof à Petrograd, Moscou, Leipzig.

à Petrograd et Kiev, N. Kummel à Riga, Luitz à Leipzig.

1916 г.

.5

160423

БИБЛИОТЕКА
Московской
Православной Духовной
Академии
Инв. № 183802

СОКРАЩЕНИЯ.

AB	Analecta Bollandiana.	EO	Échos d'Orient.
AcIBL	Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus.	GSAI	Giornale della Società Asiatica Italiana.
AAkB	Abhandlungen der Kgl. Preussischen Akademie der Wissenschaften in Berlin.	IgF.	Indogermanische Forschungen.
APf	Archiv für Papyrusforschung.	JA	Journal asiatique.
ARw	Archiv für Religionswissenschaft.	JAOS	Journal of the American Oriental Society.
ASA	Annales du Service des Antiquités du Caire.	JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society.
B	Bessarione.	JS	Journal des Savants.
BAG	Bibliotheca Armeno-Georgica.	JTSt	Journal of theological studies.
BbZ	Biblische Zeitschrift.	JBL	Journal of biblical literature.
BCH	Bulletin de correspondance hellénique.	LSSt	Leipziger semitistische Studien.
BCHPh	Bulletin de la Classe Histor.-Philologique de l'Acad. des Sciences de Petrograd.	MA	Mélanges Asiatiques.
BEFEO	Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient.	MacIBL	Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
BIE	Bulletin de l'Institut égyptien.	MacB	Mémoires de l'Académie Royale de Belgique.
BSA	Bulletin de la Société d'Anthropologie.	MAH	Mélanges d'archéologie et d'histoire publiées par l'École française de Rome.
BSAA	Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie.	MAS	Mémoires de l'Acad. des Sciences de Petrograd.
BZ	Byzantinische Zeitschrift.	MéIBeyr	Mélanges de la Faculté Orientale de l'Université St. Joseph à Beyrouth.
CHR	Congrès d'Histoire des Religions.	MGGH	Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft. Hamburg.
CQR	The Church Quarterly Review.	Mq	Al-Machriq.
CSCO	Corpus scriptorum christianorum orientaliū.	MMFC	Mémoires publiées par les membres de la mission archéologique française au Caire.
DAkM	Denkschriften der bayerischen Akademie. München.	MSOS	Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin.
DLZ	Deutsche Literaturzeitung.		

Продолжение см. на 3-ей страницѣ обложки.

Два серебряныхъ ковша XVI вѣка съ армянской и греческой надписями.

Докладъ, читанный 25 апрѣля 1913 г. въ Восточномъ Отдѣленіи Имп. Русск. Арх. Общ.

I.

Въ мартѣ 1913 года Н. Н. Пальмовъ прислалъ изъ Кіева въ редакцію «Христіанскаго Востока» фотографіи серебрянаго ковша, принадлежащаго неизвѣстному частному лицу, съ просьбой прочесть имѣющіяся на ковшѣ армянскія надписи. Получивъ согласіе владѣльца на изданіе надписи и фотографій ковша, Н. Я. Марръ передалъ снимки для разбора мнѣ.

Ковшъ, изображенный на этихъ фотографіяхъ (табл. I, II), обычной для русскихъ¹⁾ ковшей формы: круглая, точнѣе — нѣсколько овальная, чаша съ плоской ручкой, сначала поднимающейся вверхъ въ видѣ продолженія стѣнки, а затѣмъ горизонтально загнутой; на сторонѣ, противоположной ручкѣ, края ковша поднимаются вверхъ въ видѣ остраго мыска.

Вся чаша, кромѣ верхняго борта, украшена рельефными ложками, направляющимися отъ окружности ко дну не по прямой линіи, а съ сильнымъ изгибомъ. Внизу ложки утоньшаются и сглаживаются, вверху сильно углубляются; дно снаружи гладкое. Промежутки между краями ложекъ вверху, имѣющіе приблизительно форму треугольниковъ, заполнены рельефными (въ толщину листа) изогнутыми растительными побѣгами. По верхнему краю ковша снаружи идетъ лента бортика, на которомъ читается армянская надпись. Обращенная наружу сторона ручки прерываетъ надпись довольно красивымъ сложнымъ листомъ, имѣющимъ въ серединѣ и по сторонамъ растительные побѣги; небольшой простой листикъ украшаетъ противоположную сторону ковша. По верхнему краю стѣнокъ ковша на ребрѣ — плетеный жгутъ изъ трехъ двойныхъ лентъ. На верхней горизонтальной поверхности ручки также читается армянская надпись. Нѣсколько армянскихъ буквъ вырѣзано на нижней поверхности того же загиба.

1) Ср. также два ковша, серебряный и золотой, изъ кургановъ близъ ст. Бѣлорѣченской (Н. И. Смирновъ, Восточное серебро, 266-267; ОИАК, 1895, стр. 31, 33).
Христіанскій Востокъ.

БИБЛИОТЕКА
Московской
Православной Духовной
Академии
Инв. № 160423

Надписи, идущая по борту и находящаяся на верхней части ручки, по формѣ буквъ и по манерѣ и техникѣ рѣзбы должны быть связаны между собою. Буквы рельефны (въ толщину листа) и расположены на углубленномъ фонѣ съ сѣтчатой нарѣзкой. Округлыя части буквъ, напр., о, и, у, в, угловаты, что нисколько ихъ не безобразитъ и не дѣлаетъ тяжелыми, а даже украшаетъ. Отходящіе хвосты буквъ, напр., и, в, б, ч., имѣютъ видъ растительнаго побѣга¹⁾. Въ этихъ двухъ надписяхъ довольно много лигатуръ, но всѣ онѣ обычной группировки; два слова сокращены подъ титломъ.

Надпись на ободкѣ ковши идетъ въ одну строку, начинаясь у листика, на сторонѣ, противоположной ручкѣ; въ концѣ первой строки печатаемаго ниже текста надписи приходится листъ, украшающій ручку ковши.

ԻՍՍՅԷԳԱՍԹԳԻՆՈՎԻԴԻՆՍԶԻՍՁՈՎՆՅԻՆԻՎԱՅԵԼՈՒՄՆ
ՀԱՐՈՀԱՆԵՍԻՆԵԻՅԻՈՐՐՈՐԴՈՅՆԻԱԵՆԲԵՇԱԲԱԵՆԵԲԻՆ

Надпись составлена въ стихотворномъ размѣрѣ, очень распространенномъ въ позднихъ армянскихъ надписяхъ, и разбивается на четыре стиха; три слова въ третьемъ стихѣ не укладываются въ размѣръ и не рimeются; точки, которыми выдѣлены эти три слова, вѣроятно, имѣютъ значеніе скобокъ.

ԻՍՍՅ Է ԳԱՍԹ ԳԻՆՈՎ ԻԴԻՆ
ԱՐԶԵՆԱՍ ԱՁՈՎՆ ՅԻՍՈՒՄՆ:
Ի ՎԱՅԵԼՈՒՄՆ ՀԱՐ ԱՀԱՆԵՍԻՆ ԵՒ ՅԻՈՐՐ ՈՐԴՈՅՆ:
ԽԱՆԵՐ ԵՂԲԱՐԲ ԱՍԵՆԵԲԻՆ:

Это—чаша, полная вина, благословенная десницей Иисуса. Во здравіе²⁾ отца Иоанна и его сына вытѣмъ, братья, естъ.

1) Къ надписи на ковшѣ весьма близка по очертаніямъ буквъ вырѣзанная на деревянной доскѣ надпись 1532 г. въ сѣв. притворѣ церкви св. Сергія въ Осодосіи. Растительная форма хвостиковъ буквъ встрѣчается и въ значительно болѣе древнихъ памятникахъ напр., въ двухъ анійскихъ рельефныхъ надписяхъ. XIII в. съ алтарныхъ возвышеній, обнаруженныхъ раскопками 1892 и 1909 г. Фотографія одного камня изъ послѣдней надписи издана еп. Гарегиномъ (Овсепяномъ) въ его Атласѣ (Քարտեզ հայ հնադրութեան, Баг. 1913, табл. 44); первая изъ упомянутыхъ надписей видна на фотографіи внутренности стараго Анійскаго музея (см. Н. Я. Маррѣ, ТР, X, табл. XVII); кусочекъ такой же надписи изданъ Н. Я. Марромъ въ ЗВО, VIII, стр. 77. Образцами расцвѣтшихъ буквъ могутъ служить буквы надписи XIV в. князя князей Буртеле въ Амагу (Քարտեզ Էջմ., табл. 44).

2) Выраженіе Ի ՎԱՅԵԼՈՒՄՆ, буквально означающее *на пользованіе, съ пользованіе*. въ надписяхъ обыкновенно указываетъ на принадлежность предмета какому либо лицу; такимъ образомъ, четвертый стихъ нашей надписи долженъ быть бы только опредѣлять личность владѣльца ковши, но послѣдующая фраза располагаетъ къ пониманію словъ Ի ՎԱՅԵԼՈՒՄՆ именно въ указанномъ въ переводѣ надписи смыслѣ, болѣе соответствующемъ общему характеру надписи.

На верхней части ручки чашы помѣщена дата: ԶԴ.

Въ раскрытомъ видѣ дата читается: ԹՎԻԴ, ԶԴԸ: *Лѣта 998.*

На нижней поверхности ручки ковши имѣется еще одна надпись строчными вырѣзанными прямыми буквами; впрочемъ, послѣдняя буква близка къ инициальному начертанію. Надпись читается:

ՄԻ
ՎԵԴ

Представляется нѣсколько возможныхъ чтеній этихъ двухъ словъ. Первое слово, ՄԻ, можно читать *մարտն* *паронъ*, *господинъ* или *Պետրոս* *Петръ*. Второе, ՎԵԴ, можно читать или *վարդան* *Варданъ* или *վարդապետ*, послѣднее едва-ли въ значеніи: *варданетъ*, *doctor*, а скорѣе *мастеръ*, въ какомъ значеніи это слово имѣемъ не только въ древнихъ памятникахъ, но и въ весьма позднихъ¹⁾; то же слово имѣемъ въ современномъ *վարպետ* *мастеръ*²⁾. Такимъ образомъ, эти два слова могутъ читаться или *մարտն Վարդան* *паронъ (господинъ) Варданъ*, или *Պետրոս վարդանեան* *Петръ Варданянъ*, или *Պետրոս վարդապետ* *варданетъ Петръ*, *мастеръ Петръ*. Конечно, послѣднее чтеніе, наименѣе вѣроятное по формѣ, наиболѣе соблазнительно по своей опредѣленности; противъ признанія въ этихъ словахъ имени мастера могли бы говорить небрежность и несовершенство вырѣза буквъ, да и вообще весь характеръ этой надписи, хотя она и вырѣзана на приготовленномъ мѣстѣ, вродѣ щитка, на фонѣ усыпанной углубленными точками ручки.

Внутри ковшъ украшенъ прикрѣпленной ко дну плоской бляшкой (табл. III), окруженной жгутикомъ и вырѣзными фестонами, съ грубоватымъ пояснымъ изображеніемъ мужской фигуры въ облаченіи, въ орафѣ и въ тiарѣ, съ нимбомъ; правая рука благословляетъ, лѣвая держитъ книгу и посохъ. По сторонамъ фигуры помѣщается рельефная инициальная надпись:

ՄԻ ԼՈ
ԳԲԻ ԻՍՍ
ԳՈ ԻՈ
Բ ԲԻ

1) Напр., въ записи битлисеа махтеси Шахмурада о его пребываніи въ Версали въ 1683 г. Издана въ журналѣ *Արարած* (еженедѣльникъ, издававшийся въ Тифлисѣ), окт. 1850 г., стр. 99.

2) *վարպետ* изъ *վարդապետ*, быть можетъ черезъ *վարդապետ*, какую форму встрѣчаемъ въ надписи Сахмадина о построеніи дворца въ Мренѣ въ 1276 г.; см. Н. Маррѣ, Нов. матер. по арм. эпигр. (ЗВО, VII), стр. 83; I. Орбели, Надписи Мрена (ПАЭ, II), надп. I.

ԱՅԻՐ ԳՐԻԳՈՐ ԼՈՒՍԱՆԻՐԻ 2: Սвятой Григорій Просветитель.

Несомненно, эта бляшка не современна ковшу и прикреплена была к нему, когда ковш уже былъ готовъ, быть можетъ спустя много времени послѣ его изготовленія; непригодность бляшки къ занимаемому ею мѣсту, грубая заклепка, которыми она прикреплена, значительная грубость работы по сравненію съ ковшомъ, форма буквъ, существенно отличающихся отъ буквъ главной надписи, идущей по борту ковша, подтверждаютъ это. Вѣроятно, эта бляшка, по справедливому предположенію Н. Н. Пальмова, представляетъ половину нагрудной пряжки отъ фелони или ризы.

Время изготовленія ковша точно опредѣляется приведенной выше датой — 998 г. арм. эры, т. е. 1549 г. по Р. Х. Что же до мѣста изготовленія ковша, то ни его общій видъ, ни детали его отдѣлки не даютъ основанія для окончательнаго разрѣшенія этого вопроса; впрочемъ, ковшъ по формѣ тяготеетъ, какъ было указано, къ аналогичнымъ русскимъ памятникамъ. Рѣшенію вопроса можетъ помочь лингвистическій матеріалъ, которымъ мы тутъ располагаемъ, — языкъ надписи, представляющей, несмотря на ея краткость, значительный интересъ для армянской діалектологии.

Въ надписи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія необычныя формы: ԽԱՅԷ *этотъ*, ԻՐԻՔ *полный*, ՀԱՐ ԱԶԻՆԻՐԻ *отца Иоанна*, ՅՈՒՐ *его*, *своего*. Большой интересъ могло бы представить прочитанное мною въ литературной формѣ слово ՄԻՐԶԵՐԱ, столь типичное въ его разновидностяхъ для различныхъ армянскихъ нарѣчій, но оно, къ сожалѣнію, написано сокращенно, подъ титломъ.

Народная форма имени *Иоаннъ* ԱԶԻՆԻՐՎՈՒՄ. литературнаго ՅՈՒՀԱՆՆԵՍԻ сама по себѣ не можетъ намъ дать ничего, такъ какъ она не типична и встрѣчается въ цѣломъ рядѣ армянскихъ говоровъ.

Слово ՅՈՒՐ, несомненно звучавшее въ устахъ автора надписи ՏՐԻԳՐԻԳՈՐԻՆԻ или, что болѣе вѣроятно, ՏՐԻԳՐԻԳՈՐԻՆԻ, могло бы представить цѣнную данную, еслибы можно было утверждать, что начальный *յ* принадлежитъ къ составу мѣстоименія, а не является предлогомъ, соответствующимъ предлогу *ի*, стоящему въ началѣ этого стиха¹⁾. Что же до мѣстоименія *իւր*, то тутъ мы, безспорно, имѣемъ случай простой безграмотности, явленіе орфографическое, а не языковое; единственное, на чемъ можно было бы настаивать — что авторъ надписи или мастеръ произносилъ это мѣстоименіе не *йр* или *иг*, какъ это имѣемъ въ нѣкоторыхъ нарѣчійхъ, а *уир*, какъ въ литера-

1) Мнѣ кажется, это мѣсто надписи надо понимать такъ: ի Քաղաքումս Տար Աշակուհի եւ ի Քաղաքումս իւր որդւոյն.

турномъ языкѣ; иное чтеніе слова *իւր*, мнѣ кажется, невозможно: произношеніе его: *ир* не могло бы быть оправдано никакой діалектической формой этого мѣстоименія.

Такимъ образомъ, для опредѣленія нарѣчія, на которомъ составлена наша надпись мы располагаемъ только тремя надежными формами: *իւս* isa, *իւր* iur и *հար* har. При малой изученности армянскихъ говоровъ и даже нарѣчій, быть можетъ, рискованно указывать опредѣленно одинъ діалектъ, которому могутъ принадлежать указанные слова, но, мнѣ кажется, данныя языка надписи подтверждаютъ то, что подсказываетъ форма ковша: единственное нарѣчіе, въ которомъ возможны и сосуществуютъ всѣ три на- личныя въ надписи діалектическія формы — нарѣчіе польскихъ и крымскихъ (и нахичеванскихъ) армянъ¹⁾.

Составляющее особенность первыхъ двухъ формъ, isa и iur, появленіе (или сохраненіе) гласнаго *і* (имѣющаго въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаевъ особое объясненіе) въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, даже тамъ, гдѣ это не вызывается стеченіемъ согласныхъ и не можетъ быть объяснено исторіей слова, наблюдается въ армянскомъ вообще довольно рѣдко; въ крымскомъ и польскомъ говорахъ оно весьма распространено. Эти же самыя слова у крымскихъ армянъ звучатъ *իւս* isa *этотъ*, *իւր* iur *полный*, *իւր* iur *полный до краевъ*²⁾. Въ матеріалахъ по польско-армянскому Hanusz'a³⁾ этихъ именно словъ не встрѣчаемъ⁴⁾, но зато имѣемъ совершенно аналогичныя *ihon* тамъ, *ihos* тутъ, *ikañ* *приходитъ*, *ihax* *полякъ*, *ihov* *Львовъ*⁵⁾. Слово *իւր* iur встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ южныхъ говорахъ, напр. въ битлисскомъ⁶⁾, но указательныя мѣстоименія въ этихъ говорахъ, въ случаяхъ приращенія гласной, звучатъ не съ

1) Намѣчающіеся языковые факты съ достаточной убѣдительностью говорятъ за признаніе если не тождества, то ближайшаго сродства говоровъ крымскихъ и польскихъ армянъ.

2) Форма *ihing* (разумѣется, — турецкое образованіе отъ армянской основы) подтверждаетъ распространенность формы *ihing* и не случайность начального *і*: если бы тутъ имѣлась форма *ihng*, то усиленное турецкое образованіе отъ нея звучало бы *ihing*.

3) Dr. Jan Hanusz, O języku Ormian polskich (Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności, t. XI, Краковъ, 1886). Въ цитатахъ изъ статьи Hanusz'a сохранена его транскрипція.

4) У Hanusz'a указанъ лишь глаголъ *ihneñ* (s. v.).

5) Hanusz, s. vv.

6) См., напр., въ упоминавшейся выше записи Шахмурада, стр. 99, *իւր* iur. Аналогичная форма для начала XV вѣка засвидѣтельствована и въ указанномъ мнѣ Н. Я. Марромъ стихотвореніи Нагаша выраженіемъ *իւր* iur *армянскій* *իւր* iur (см. К. Костанянцъ, *Մարգարիտ* եւ *իւր* *արար*, Вагарш., 1898, стр. 36; издатель совершенно напрасно даетъ чтеніе *իւր* iur).

h в началѣ, а съ p или k: *ruw əsa*, *ruw əta*, *kəw əta*; мѣстоименія *ruw isa*, *ruw iwa* имѣемъ въ киликійскомъ нарѣчій¹⁾.

Наиболѣе характерное изъ трехъ интересующихъ насъ словъ — *šur haṙ* отецъ. Переходъ дифтонга *aj* въ *a* (или соотвѣтствіе *a* дифтонгу *aj*) наблюдается съ полной выдержанностью лишь въ группѣ польскаго и крымскаго говоровъ. Въ польско-армянскомъ имѣемъ такія формы, какъ *adz* коза, *saṙ* звукъ, *gadz* искра, *gadzəḡ* молнія, *kaḥ* волкъ, *ṭaṙ* широкій, *phad* дерево, *maṙ* мать, *maṙabətkə* монахиня, *astvadzaməṙ* Богоматерь и *haṙ* отецъ²⁾. Съ такой же яркостью это явленіе наблюдается въ говорѣ крымскихъ армянъ. Аналогичное явленіе встрѣчаемъ и въ карабахскомъ нарѣчій, въ которомъ, однако, невозможна форма *ruḥ* іш.

Хотя замѣна дифтонга *aj* если не звукомъ *a*, то *ä* и наблюдается въ нѣкоторыхъ другихъ (южныхъ) нарѣчійхъ, слово *šur haṙ* тяготѣетъ, несомнѣнно, именно къ указанной крымско-польской діалектической группѣ: сохраненный въ началѣ слова звукъ *š* h не позволяетъ отнести слово къ составу южныхъ нарѣчій, гдѣ вмѣсто этого *š* h имѣемъ всегда *ru q*³⁾; къ тому же во всѣхъ этихъ нарѣчійхъ такія слова, какъ *šur haṙ*, *šur maṙ*, *ruḡ* *gaṙ* звучатъ не съ *a*, а съ *e*: *ruḡ* *qer*, *šur* *mer*, *ruḡ* *kel*; въ киликійскомъ, прекрасно сохранившемъ дифтонгъ *aj* форма *haṙ* невозможна.

Если правильно утвержденіе, что надпись на ковпѣ составлена на польско-крымскомъ нарѣчій, въ пользу признанія за нашимъ ковномъ польско-армянскаго, а не крымскаго, происхожденія можно привести нѣкоторыя историческія данныя, позволяющія намѣтить болѣе точно мѣсто изготовленія ковша.

Въ 1912 г. во Львовѣ вышло въ высшей степени интересное и цѣнное для насъ изслѣдованіе В. Лозинскаго, представляющее очеркъ развитія золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерства въ Польшѣ и специально во Львовѣ въ XIV—XVIII вв.⁴⁾ Изслѣдованіе основано какъ на вещественныхъ памят-

1) См. Karst, Hist. Gramm. d. Kilikisch-Armen., стр. 241.

2) Napusz, s. vv. Форма *majraḡan* материнскій не нарушаетъ выдержанности указанного перехода, т. к. это слово въ данномъ случаѣ явно литературнаго происхожденія.

3) Эта данная, конечно, сама по себѣ, безъ послѣдующей посылки, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ, очевидно, нашу надпись нельзя разсматривать какъ точную фонетическую запись, и наличие *š* h можно объяснить и вѣрностью грамматически-правильному литературному написанію.

4) Такъ напр., въ моксскомъ *äṭ* *än*, *äṭ* *ät* *moṭ*.

5) Władysław Łoziński, Złotnictwo lwowskie (Biblioteka Lwowska, XV—XVII, Львовъ, 1911-12). Пользуясь случаемъ принести глубокую благодарность Я. И. Смирнову за указаніе мнѣ трудовъ Лозинскаго, упоминаемой ниже статьи въ журналѣ Tygodnik Ilustrowany и вообще литературы по этому вопросу.

никахъ, такъ и на документахъ, хранившихся въ Львовскомъ городскомъ и въ частныхъ архивахъ и собраніяхъ; обстоятельныя и точныя ссылки на источники придаютъ труду Лозинскаго большой интересъ. Въ этомъ трудѣ мы находимъ въ перечнѣ львовскихъ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ много армянскихъ именъ; число этихъ именъ должно быть нѣсколько увеличено, такъ какъ Лозинскій, по незнакомству его съ армянскимъ языкомъ, могъ не признать въ нѣкоторыхъ мастерахъ армянъ. Въ сообщаемыхъ имъ значкахъ львовскихъ гражданъ¹⁾, въ томъ числѣ, повидимому, и мастеровъ, можетъ быть указано и среди неизвѣстныхъ по владѣльцамъ²⁾ Лозинскому значковъ нѣсколько армянскихъ лигатуръ, да и среди упоминаемыхъ въ книгѣ, не признанныхъ армянскими именъ, можно было бы указать таковыя³⁾.

Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что, располагая богатымъ матеріаломъ касательно мастеровъ поляковъ и вообще католиковъ, мы, какъ это подчеркиваетъ и Лозинскій, не имѣемъ свѣдѣній о значительной части мастеровъ-инородцевъ («националистовъ»), и «схизматиковъ», какъ русины и армяне, и нехристіанъ, евреевъ. Объясняется это препятствіями, долгое время, для армянъ вплоть до середины XVII вѣка, непреодолимыми, ко вступленію ихъ въ цехъ⁴⁾. Еще въ 1600 году это положеніе армянъ и русиновъ было закрѣплено цеховымъ статутомъ, дающимъ и любопытное обоснованіе этихъ ограниченій⁵⁾. До 1654 г. ни одинъ армянинъ не былъ принятъ въ этотъ цехъ; въ этомъ году особый королевскій указъ открылъ армянамъ доступъ въ цехъ, но въ ограниченномъ числѣ, не свыше четы-

1) Złotnictwo, стр. 164—165; W. Łoziński. Patrycyat i mieszczaństwo Lwowskie w XVI i XVII wieku, Львовъ, 1892, стр. 386—387.

2) Впрочемъ, см. Patrycyat, стр. 390.

3) Трудность опознанія армянской національности въ средѣ польскихъ ювелировъ, какъ и вообще колоніальныхъ армянъ, объясняется тѣмъ, что ихъ имена не только подвергались частичнымъ внѣшнимъ измѣненіямъ (напр., принимали польскія окончанія, какъ Мойзесовичъ, Дадуровичъ, Сааковичъ), но и переводились на мѣстный языкъ (напр., Серебрековичъ, Богдановичъ); еще труднѣе признать армянъ въ лицахъ, просто перемѣнившихъ фамилію (какъ Стечко).

4) Wiedzieć nadto należy, że źródła wspomniane nie obejmują w tym samym stopniu złotników niekatolickiego lub niechrześcijańskiego wyznania, Rusinów, Ormian i żydów.... Ormian, bo także jako akatolicy do cechu należeć nie mogli, a spory ich w najznaczniejszej części rozstrzygały się przed ich własnym urzędem... (Złotnictwo, стр. 18).

5) Въ статутѣ говорится: «Iż wszystek rząd przy łasce i błogosławieństwie Bożem najspokojniejszy bywa, k'temu złotnicze rzemiosło potrzebuje ludzi dobrego sumienia, które w katolickiej wierze najlepiej zachowane być może, nie mają złotnicy lwowscy między sobą cierpieć ani przyjmować żadnego mistrza heretyka ani schizmatyka, tylko katoliki, oprócz jeśliby się który z schizmatyków, jako Rusin i Ormian, do unji kościoła rzymskiego powszechnego przywrócił». (Złotnictwo, стр. 36).

рехъ. Хотя согласно этому указу армяне не имѣли права избираться въ цеховые старшины, въ 1678 г. уже былъ случай избранія въ старшины армянина Киркора Латыновича¹⁾. Только въ 1685 г. Янъ Собѣскій, «wielki przujaściel Ormian», какъ его справедливо называетъ Лозинскій, декретомъ, даннымъ 6 июня въ Варшавѣ, установилъ полное равноправіе армянъ съ поляками въ этомъ отношеніи, открылъ имъ свободный доступъ въ цехъ и призналъ за ними право избираться въ цеховые старшины²⁾. По словамъ Лозинскаго «Тогда наступилъ полный триумфъ армянъ..... De jure стали уравниены, de facto взяли верхъ»³⁾.

Дѣйствительно, говоря о возрожденіи ювелирнаго дѣла въ Польшѣ въ XVII в. Лозинскій пишетъ: «Знаменательной и очень интересной чертой этого неожиданнаго и внезапнаго расцвѣта уже вполне угасающаго искусства является фактъ, что мы имъ обязаны главнымъ образомъ армянамъ, что означаетъ, что исторія ювелирнаго дѣла въ Польшѣ, какъ она началась преобладаніемъ армянскихъ мастеровъ, такъ и закончилась имъ. Въ самомъ началѣ XV в. (1407—1419), слѣдовательно во время, съ котораго удается прослѣдить начало этого искусства во Львовѣ, на 18 мастеровъ ювелирнаго искусства приходились 1 полякъ, 6 армянъ, остальные—нѣмцы. Въ самомъ концѣ XVII в. во Львовѣ работало около 30 армянъ ювелировъ, мастеровъ и подмастерьевъ, цифра, составляющая болѣе половины общаго числа, значеніемъ же въ искусствѣ и богатствомъ поднимающая это соотношеніе до значительно высшей мѣры превосходства»⁴⁾.

Этимъ виднымъ участіемъ армянъ въ развитіи ювелирнаго дѣла въ Польшѣ Лозинскій желаетъ объяснить не одну стилистическую загадку и освѣтить вопросъ, почему такъ долго, такъ упорно, и до столь поздней поры, до середины XVIII в. проявляется такое сильное восточное вліяніе въ польскихъ ювелирныхъ произведеніяхъ, относившихся къ

1) Złotnictwo, стр. 138. Любопытно, что когда въ 1685 г. избранъ былъ цехмистромъ другой армянинъ, Норсесъ Мойзесовичъ, избраніе это было кассировано магистратомъ и на цехъ былъ наложенъ штрафъ (тамъ же, стр. 138—139).

2) Лозинскій (Złotnictwo, стр. 139—141) приводитъ крайне интересный для насъ текстъ декрета, содержащаго и объясненіе причинъ, вызвавшихъ дарованіе армянамъ этого равноправія: «Przeto uważając wspomnianą od lat kilkuset życzliwość, męstwo i odwagę w defensyi miast Kamieńca, Jazłowca i Lwowa i innych pogranicznych fortec oświadczoną ormiańskiej nacyi ludzi, uważając z nich pożytek miasta naszego Lwowa i tegoż miasta z konkurencyi i osiadania Ormian wielką ozdobę, a stąd zachęcenia i konserwacyi teje nacyi do osiadania w miastach naszych i Rzpiej oczywistą potrzebę.....». Впрочемъ, и въ этомъ актѣ дается предположеніе армянамъ-латинцамъ (osobliwie ritis romani).

3) Złotnictwo, стр. 141. Для насъ крайне интересны послѣдующія страницы, подтверждающія, пожалуй, приведенныя слова.

4) Złotniswo, стр. 122.

нарядамъ, оружію, сбруѣ: его поддерживали и усиливали армяне, львовскіе ювелиры, и главнымъ образомъ львовцы, такъ какъ издавна изъ всѣхъ польскихъ городовъ Львовъ болѣе всего славился артистической и художественной оправой сабель, богатыми украшеніями сбруи, тонкимъ чеканомъ щитовъ, мисюрокъ, колчановъ и пороховницъ изъ золота и серебра¹⁾.

Во Львовѣ то и хотѣлось бы искать мастера, дѣлавшаго нашъ ковшъ. Если видѣть въ надписи на ручкѣ имя мастера Петра *Петраро Чечотвичъ*, то быть можетъ слѣдуетъ отождествить этого Петра съ мастеромъ Петромъ, упоминаемымъ Лозинскимъ подъ 1520 г.²⁾ или съ извѣстнымъ ювелиромъ Петромъ Чечотовичемъ, упоминаемымъ подъ 1547 г. на основаніи львовскихъ городскихъ актовъ³⁾. Но если даже воздержаться отъ этого—не отрицаю—рискованнаго, отождествленія, трудно отказаться отъ присвоенія ковша львовскимъ ювелирамъ.

Несомнѣнно, болѣе или менѣ тщательные розыски должны привести къ обнаруженію еще не одного интереснаго произведенія львовскихъ серебряковъ-армянъ, хотя, вѣроятно, лишь самая незначительная часть ихъ подѣлокъ уцѣлѣла и сохранилась до нашего времени⁴⁾: еще въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка едва избѣгъ переплавки почти современный нашему ковшу прекрасный потиръ 1517 г., принадлежавшій Хенцинскому костелу, обмѣненный затѣмъ на новый потиръ и перешедшій въ коллекцію г. Т. Зѣлинскаго въ Кѣльцахъ⁵⁾; на потирѣ сохранилась армянская надпись въ двѣ строки, судя по изображенію ея отдаленно напоминающая формой буквъ надпись на ковшѣ Іоанна. Надпись гласитъ:

1) Тамъ же.

2) Złotnictwo, стр. 61.

3) Złotnictwo, стр. 62. Лозинскій не указываетъ, какой національности былъ этотъ Чечотовичъ. По фамиліи его можно признать армяниномъ: *Чечот* значитъ по армянски *рыбой*, фамилія Чечотенцъ, которая у польскихъ армянъ должна была звучать Чечотовичъ,—встрѣчается въ армянской средѣ. Если нѣтъ другихъ данныхъ для опредѣленія національности этого Чечотовича, такое объясненіе его фамиліи представляется не менѣе приемлемымъ, чѣмъ ея производство отъ польскаго слова *szczęotka* *чечотка*, *конопалка*.

4) Лозинскій останавливается (Złotnictwo, стр. 30) на причинахъ гибели и исчезновенія болѣе части произведеній польскихъ, въ частности—львовскихъ, ювелировъ.

5) Свѣдѣнія объ этомъ потирѣ, описаніе и недурное изображеніе его и штриховой рисунокъ надписи даны въ польскомъ журналѣ *Tygodnik Ilustrowany*, t. I, 1859, стр. 301. Въ текстѣ даны переводъ и латинская транскрипція надписи прочитавшаго ее проф. Краковскаго Ягеллонскаго Университета В. Jülg'a: dawithin wortwun andreasin jew dsnoghats thw 966 hi(=hadag). Свѣдѣнія о потирѣ имѣются также въ *Katalog'ie warszawskiej wystawy starożytności* (№ 549), а фотографія его—въ дополняющемъ этотъ каталогъ альбомѣ (*Album de l'exposition des objets d'art et d'antiquité à Varsovie par Charles Beyer*).

Ковшъ этотъ (табл. IV) представляетъ собою двойникъ ковша священника Иоанна и вполне сходенъ съ нимъ какъ въ формѣ и размѣрахъ, такъ и въ отдѣлкѣ; отличается онъ лишь большей шириной верхней части ручки, ломанной линіей надъ каймой надписи, формой листьевъ на ручкѣ, а также обратнымъ направлениемъ изгиба ложекъ. Отличіе бляшки на днѣ ковша, какъ придатка, существеннаго значенія не имѣетъ. Однако же необходимо отмѣтить, что работа этого ковша болѣе грубая, чѣмъ ковша священника Иоанна; это особенно замѣтно на каймѣ съ надписью.

На ковшѣ имѣются двѣ греческія надписи, размѣщенные точно такъ же, какъ на ковшѣ священника Иоанна, т. е. по краю ковша и на верхней сторонѣ его ручки.

Чтеніе надписи по краю ковша приходится начинать, какъ и на ковшѣ Иоанна, со стороны, противоположной ручкѣ. Листикъ въ началѣ второй строки печатаемаго ниже текста соответствуетъ листу на ручкѣ ковша. Последнія двѣ буквы не рельефны, а врѣзаны.

ΚΟΥΠΑΜΕΩΡΕΟΤΑΤΙΜΕΤΟΓΛΙΚΩΓΤΟΥΓΟΣΒΑΛΕΣΚΟΠΩΗΓΡΟ
ΣΤΗΦΔΕΞΙΑΚΕΓΙΡΝΟΕΤΟΓΙΡΩΣΗΔΟΕΘΡΩΓΥΧΩΗΤΕΣΒΑΖΩ
ΗΤΑΣΗΣΤΟΧΕΡΙΩΣΠΗΓΗΓΗΓΑΡΕ

Надпись эта съ исправленными орфографическими ошибками и съ разбивкой на стихи представляется мнѣ такъ:

κοῦπα με ὡραιότατη με τὸ γλυκὸν τὸ οἶνος
βάλε σκοπὸν πρὸς τὴν δεξιὰν καὶ γύρισε τὸ γῦρος
νά σε θεωροῦν οἱ ἄρχοντες βάζοντας εἰς τὸ χέρι
ὡς πίνουσιν το νά σε πινῶν.

О моя прекраснѣйшая чаша со сладкимъ виномъ, брось взоръ вправо и обойди кругъ, чтобы тебя созерцали князья (т. е. гости), беря тебя въ руку, когда пьютъ его (т. е. вино), чтобы тебя испить.

На верхней сторонѣ ручки ковша (табл. III), помѣщена дата.

Η
Ω
ΗΛΡΥ
ΕΤΑΠΘ
ΑΦΠ
Σ

Последнія четыре буквы, выражающія дату, во всякомъ случаѣ совершенно ясны: ρφπς, т. е. 1586 г. (по Р. X).

Къ доньшкѣ ковша внутри (табл. III) плотно прикрѣплена круглая бляшка, которая тутъ имѣетъ менѣе неестественный видъ, чѣмъ на ковшѣ съ армянской надписью, не приклепана, а припаяна, и окружена подвижнымъ кольцомъ изъ серебрянаго жгута. На бляшкѣ на темносинемъ фонѣ весьма грубой эмали представленъ св. Георгій на конѣ, пронзающій копьемъ дракона, а влѣво отъ св. Георгія башенка и въ ней двѣ поясныхъ фигуры въ коронахъ. По сторонамъ головы святого помѣщена пояснительная греческая надпись

Θ ΓΙΩΓΙΟΣ св. Георгій.

Къ сожалѣнію, я далеко не въ силахъ использовать діалектологическій матеріалъ, представляемый греческой надписью и нуждающійся въ спеціалистѣ по новогреческимъ нарѣчіямъ; но мнѣ кажется, что многочисленныя орфографическія и грамматическія погрѣшности могли бы дать основаніе для предположенія, что греческій языкъ не былъ роднымъ для мастера, изготовившаго ковшъ.

Во всякомъ случаѣ, для рѣшенія вопроса о происхожденіи ковша съ греческой надписью представляется нелишнимъ значенія полное совпаденіе какъ во внѣшности этихъ ковшей и въ размѣщеніи надписей, такъ и въ техникѣ, да и въ датѣ: разница 37 лѣтъ, ковшъ Иоанна—1549 г., другой—1586 г.

І. Орбели.

Образчики армянскихъ церковныхъ вышивокъ.

Армянскія вышивки, какъ матеріалъ для исторіи искусства, еще не обращали на себя вниманія. Только по наслышкѣ мнѣ было извѣстно, что у насъ въ ризницѣ Эчміадзинскаго монастыря имѣются цѣнные остатки вышивокъ, изъ которыхъ древнѣйшія относятся къ XIII вѣку, но большинство — позднѣйшія, съ XVII-го по XIX вв. Хочу надѣяться, что когда-нибудь все это мнѣ удастся использовать въ цѣляхъ изученія армянскаго искусства. Пока представляю только нѣсколько образчиковъ, которые мнѣ удалось лишь на короткое время извлечь, наскоро сфотографировать и вкратцѣ описать.

I.

Хоругвь св. Григорія Просвѣтителя. Древнѣйшій изъ этихъ образчиковъ — хоругвь, извѣстная подъ именемъ хоругви Просвѣтителя (0,83 × 0,59 м.). Шелковая рама, равно какъ и три висяція ленты — заплатки, пришитыя въ позднѣйшее время. На одной сторонѣ изображена группа: въ центрѣ — св. Григорій Просвѣтитель, по его правую сторону — царь Тиридатъ, а по лѣвую — св. дѣва Рипсимэ (табл. V). Надъ головой каждой фигуры вышито имя:

ՅԴԴԱՆ Թ ԳՐԻԳՈՐԻՍ: Թ ՀՈՒՓՈՒԷ

Տիրիմատ — Тиридатъ *սուրբ Գրիգորը լուս աստուծոյ* — св. Григорій Просвѣтитель и *սուրբ Հռիփսիմէ* — св. Рипсимэ.

Св. Григорій изображенъ въ облаченіи: на немъ длинный доходящій до самыхъ ногъ полосатый стихарь, поверхъ котораго одѣта желтая шелковая епитрахиль (*փորձարար օրհնար*), а на плечѣ омофоръ (*եմփորան օմֆորոն*) съ выпуклыми вышитыми крестами. На правомъ бедрѣ — патриаршая палица (*կոնքեռն էփ: զօնատիւն*). Риза по византійскому образцу короткая, бѣлаго цвѣта и покрыта

черными вышитыми крестами. Риза, усеянная крестами, какъ можно заключить изъ современныхъ патриаршихъ портретовъ въ миниатюрномъ искусствѣ, была присвоена лишь армянскимъ католикосамъ. То же можно сказать и о палицѣ, которою и поднесъ облачаются одни католикосы, и право ношенія которой лишь въ исключительныхъ случаяхъ получаютъ отъ католикоса выдающіеся патриархи и архіепископы. Митра на св. Григорія по латинскому образцу невысокая, подобно митрамъ армянскихъ миниатюръ XIII столѣтія. Нимбъ св. Григорія, равно какъ и нимбы боковыхъ фигуръ вышиты золотомъ и имѣютъ круглую форму. Просвѣтитель десницей благословляетъ, а шуйцей держитъ евангеліе.

На Тиридатѣ красный доходящій до ногъ кафтанъ безъ накидки. На рукавахъ царскіе знаки. Воротникъ и полы орнаментированы. Поясъ вышитъ серебромъ и украшенъ шелковыми точками, изображающими драгоценные камни. Отъ воротника по груди и ниже, вплоть до ногъ, полосой идетъ украшеніе, подобно епитрахили. На ногахъ обувь съ короткими голенищами, а на головѣ — украшенная драгоценными камнями корона, подобная тѣмъ, которыя обычно носили въ XIII в. Руки его молитвенно обращены къ Просвѣтителю.

Св. Рипсимэ изображена въ зеленоватомъ кафтанѣ, по формѣ и украшеніямъ схожемъ съ кафтаномъ Тиридата. Поясъ, украшенный драгоценными камнями, чернаго цвѣта, равно какъ и орарь, орнаментированный отъ шеи до ногъ. Сверху одѣта порфира въ видѣ фелони. На рукавахъ княжескіе или царскіе знаки. Корона украшена драгоценными камнями и по формѣ схожа съ короной Тиридата на фрескѣ анійской церкви св. Григорія Просвѣтителя. Волосы съ обѣихъ сторонъ локонами ниспадаютъ на плечи. Въ правой рукѣ святой — крестъ, крылья котораго заканчиваются крестообразно, а лѣвую она держитъ молитвенно. Глаза и брови очерчены и отгѣнены чернымъ шелкомъ. Обувь краснаго цвѣта съ черными носками.

На другой сторонѣ хоругви (табл. VI) изображенъ Іисусъ Христосъ на престолѣ съ четырьмя апокалиптическими животными¹⁾. Расположеніе звѣрей соответствуетъ Апок. IV, 7. Облаченіе Христа обычное; поза, нимбъ, коврикъ подъ ногами — все это изображено согласно византійскимъ образцамъ. Кафтанъ краснаго цвѣта, накидка — синяго. Десницей Онъ благословляетъ, а шуйцей держитъ украшенное драгоценными камнями евангеліе. Обувь краснаго цвѣта; лѣвая нога попорчена. Вся картина помещена подъ аркой, которая опирается на двѣ колонны. Арка изображаетъ небо, на ко-

1) [Надъ изображеніемъ льва читается надпись ՄԱՏԹ: Մամբեյ]. *Ред.*

торомъ видны солнце, луна и звѣзды. По сторонамъ головы Иисуса надписи: ԹՄ Իսուսъ Христосъ.

Надпись, состоящая изъ пяти строкъ, къ сожалѣнію, мѣстами выпала. Вообще эта сторона по сравненію съ другой сохранилась хуже. Можно разобратить слѣдующее¹⁾:

ՎԱՌՍՎԱՅԵԼԷԷՋՄԻՍԾՆԵՑ
ԵՒՍՈՒՄՆՈՅԲՍՍԱԼԹՈՒՆԻՆՑ
ԹՎՑ
ՅԻՇԱՐՍԱԿԷՍԻՄԵՆԵՔՉՍՅԵ
ՆՆՈՂԱՅՆԵՋՍԱԿԱՅՆՑ
ՍՍՏԹՑ

ԳԴՐՈՇԵՈՍՄԻ

ԻՋԻԹՈՒՆՆԵՒՄՈՐՆԳՈՇԱՐՍԵԼԻԲԵՑԲԱՐՉՈՂԲՍՈՐՍՅԻՄԲՉԵՆԵՋՄԵՋ
ՅԻՇԵՍՋԻԲԻՅՍԱՅԵՆԻՆՑ

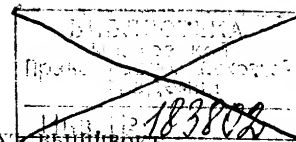
Վառս Վայելէ Էջմիածնին. յիշատակ է Սիմէոնի բաճանային եւ ամուսնոյ Քամալ խաթունին, ծնողացն եւ զաւակացն: ԹՎ.... Գրի' գորո ձեռամբ ...իզ խաթունին եւ մօրն Գոհար Սեւիբին:

Բարձողք սորայ ի սուրբ ձեռին
զմեզ յիշեցիք ի յատենին:

«Сія хоругвь принадлежит Эчмиадзину. Память о священникѣ Симеонѣ и супругѣ (его) Камал-хатунѣ, ихъ родителейъ и дѣтихъ. Лѣта... рукою Григорія... хатуны и матери ея Гохар-мелики. Воздымающе это святою рукою, помяните насъ на Судѣ».

Такимъ образомъ недостаетъ даты и имени вышившей. Дату, къ счастью, возможно возстановить. По распоряженію католикоса Симеона въ 1768 году была составлена опись древностей и святынь Эчмиадзинскаго монастыря. Въ этой описи относительно нашей хоругви мы читаемъ слѣдующее: «Хоругвь, вышитая ниткой съ позументами (կլապկառն) на красномъ

1) [Транскрипція надписей эпиграфическимъ шрифтомъ внесена Редакціей. Редакціей же внесены нѣкоторые измѣненія въ чтеніе и переводъ надписи: въ строкѣ 1 о. Гарегинъ читаетъ Էջմիածնի, բճանայ, въ строкѣ 2 եւ զաւակացն, въ строкѣ 3 ԹՎ, въ строкѣ 5 Խաթունի. Ред.].

украшенномъ цвѣтами атласѣ. На одной сторонѣ изображеніе Господа на престолѣ съ чегырьмя звѣроподобными фигурами, а на другой—изображенія св. Просвѣтителя, Тиридата и св. дѣвы Рипсимэ. Дарована на память св. Престолу нѣкимъ священникомъ Симеономъ и супругой его Камал-хатунъ въ 897 году нашей эры». Такимъ образомъ у насъ имѣется точная дата происхожденія нашей хоругви, 1448 г.

Но и помимо этой цѣннаго указанія, мы бы могли сказать, что наша хоругвь существовала въ 1462 г. Аракель Даврижскій внесъ въ свою исторію записъ одной Четы-Минен (Айсмавуркѣ), написанной въ Ангортѣ, гдѣ описана дѣятельность Захаріи Ахтамарскаго (1461—1464). Изъ этой записи видно, что во время путешествія этого католикоса предъ нимъ послали «хачаламъ» т. е. хоругвь, «которая была прикрѣплена на концѣ шеста, и золотой крестъ поставленъ на его верхушкѣ» — որ բարձրացեալ կայր ի ծայրն ձողոյ և խաչ ոսկի կառուցեալ ի զլուխ ճորա. На хоругви «были представлены: на одной сторонѣ изображеніе Господа, а на другой—просвѣтителя нашего св. Григорія и царя Тиридата и прекрасной дѣвы святой Рипсимэ; и поражала она зрителей золотой вышивкой разнообразными цвѣтами и разноцвѣтно украшеннымъ ораремъ». Годъ записи ԶԺԽ=911=1462. Эта хоругвь хранилась въ Эчмиадзинѣ при католикоствѣ Филиппѣ, и Даврижскій видѣлъ ее въ 1662 году¹⁾. Тождество нашей хоругви съ описанной въ записи хоругвью очевидно.

II.

Орелъ католикоса Филиппа. Въ ризницѣ Эчмиадзина хранится коверъ съ изображеніемъ орла (табл. VII) или «парящаго орла» — օղաւաթիկ արծուի — какъ сказано въ надписи на немъ — одно изъ прекрасныхъ произведеній рукодѣльнаго искусства XVII столѣтія. Орелъ съ распростертыми крыльями вышитъ на свѣтло-голубомъ атласѣ. Орелъ вышитъ золотомъ, нимбъ—серебромъ; голова, шея, начала и концы крыльевъ, грудь, хвостъ и ноги отгѣнены блестящимъ и матовымъ золотомъ и изображены рельефно. Орелъ изображенъ на фонѣ неба; по угламъ — солнце и луна, въ серединѣ звѣзды. По обѣ стороны хвоста возвышаются два купола, которые заканчиваются восьмиконечными крестами. Картина заключена въ раму изъ зеленого атласа, а угловые четырехугольники изъ краснаго. Мотивы орнаментовъ растительные: цвѣты (ромашки), бутоны, листья, побѣги. Весь коверъ

1) Аракель Даврижскій. 3-е изд. 1896. Вагаршапатъ, ст. 423, 431. Христианскій Востокъ.

ныя складки отгнѣнены черными нитками. Руки и ноги очерчены серебромъ, а пальцы и ногти черными нитками. Рукава заканчиваются нарукавниками.

Въ правомъ углу изображены облака, вышитыя свѣтло-голубыми и золотыми нитками; изъ облаковъ нисходитъ на Марію Отецъ, съ младенческимъ лицомъ, и Св. Духъ, въ образѣ голубя. Вокругъ головы Отца треугольный съ лучами нимбъ. По обѣ стороны облаковъ по одному шестикрылому серафиму. Разноцвѣтныя вышитыя шелкомъ ленты, висящія надъ Маріей, по моему мнѣнію, — заповѣсь, указывающій, что эта сцена происходитъ внутри какого либо помѣщенія.

Средняя сцена—*Крещеніе*. Іоаннъ лѣвой рукой держитъ знамя на длинномъ шестѣ, на которомъ изображенъ Агнецъ Божій. Правой рукой онъ льетъ воду изъ сосуда на голову Христа. На немъ красная златотканная накидка. Нижнее платье выведено грубоѣ, съ цѣлью показать, что оно сдѣлано изъ шкуры. Туловище вышито золотомъ и поясъ синеватымъ шелкомъ. Одной ногой Іоаннъ стоитъ на скалѣ, которая вышита синими шелковыми нитками, чуть-чуть смѣшанными съ золотомъ. У ногъ Иисуса и Іоанна изображенъ драконъ, съ большой головой. Иисусъ стоитъ на колѣняхъ, лицо въ профиль, вокругъ головы большой нимбъ, испускающій лучи. Надъ головой Иисуса, довольно высоко, въ испускающемъ сіяніе ореолѣ Св. Духъ, въ образѣ голубя, а повыше, въ вѣнцѣ изъ облаковъ — Отецъ съ земнымъ шаромъ и скипетромъ, заканчивающимся крестообразно, въ рукахъ. По бокамъ по одному шестикрылому серафиму. За Христомъ, на скалѣ, стоитъ, опустившись на одно колѣно, опоясанный ангелъ, сложившій крестомъ руки на груди; вокругъ головы нимбъ. Поодаль въ стволѣ плодоваго дерева виденъ топоръ, согласно проповѣди Іоанна.

Третья сцена — *Поклоненіе волхвовъ*. Дѣва Марія сидитъ на креслѣ съ Младенцемъ на колѣняхъ; вокругъ Его головы нимбъ. На ней златотканное верхнее и свѣтло-красное нижнее платья, изъ которыхъ нижнее видно лишь спереди и на рукавахъ. Волосы вышиты свѣтло-сѣрымъ шелкомъ, нимба нѣтъ, надъ головой корона. Лучи звѣзды сверху направлены къ Иисусу. Въ серединѣ звѣзды, въ лучезарномъ вѣнцѣ, Марія, держащая Иисуса въ Своихъ объятіяхъ, — явленіе, необычное въ подобнаго рода картинахъ. За Маріей стоитъ Іосифъ въ длинномъ платьѣ; въ его лѣвой рукѣ палка съ крючковатымъ концомъ, а правая протянута къ Дѣвѣ и Младенцу. Сѣдой магъ стоитъ на колѣняхъ, положивъ скипетръ и корону на землю, и приноситъ свой даръ въ сосудѣ вродѣ кадила, только безъ цѣней; второй магъ съ черной бородой и третій со смуглымъ лицомъ, помоложе, держатъ въ золотыхъ сосудахъ свои дары. На плечахъ перваго и

второго маговъ — горностап, а третій въ нагрудникѣ, хитонѣ, доходящемъ до колѣнъ, и въ такой же длины накидкѣ. На ногахъ обувь. У всѣхъ по знамени разнаго цвѣта: у перваго — красноватаго цвѣта, у второго — сѣраго, у третьяго — темно-краснаго. Всѣ знамена вышиты шелкомъ и золотомъ. Внизу, предъ Маріей, пастухъ играетъ на свирѣли; тутъ же — овца, изображающая стадо; три холмика изображаютъ горную страну — Іудею.

Низъ картинъ представляетъ миниатюрный ландшафтъ — деревья, цвѣты.

Вышитая надпись состоитъ изъ двухъ строкъ; она даетъ намъ свѣдѣнія о происхожденіи и времени изготовленія покрывала¹⁾.

ՀԱՅՍՏԷՆԻ ՀԱՅՈՒՆԵՐԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ
[ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ
ՅԵՐԵՐԵՆԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ
[ՍԵՐԵՐԵՆԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ
[ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ ԴԵՐՈՒՄԻ]

Հայոց մեծի հայրապետի
Ընտանիքի Կաթողիկոսի
Ներսէսի մեր առաջնորդի
ուհի Սահակի վարդապետի
իդ որդեկների
իւր թիւ շարադրի:
Յիշատակ է անջնջելի
զորհոցս սուրբ սրատարազի
անձակ ի մեծ գահի
աթոռոցս սուրբ Լուսաւորջի
արդեամբք բոլոր ժողովրդի
և ի Զմիւռնի մեծ բաղարի:

«Въ 23 юбилей и 22 году счисленія черезъ нашего енархіальнаго начальника владыку варданета Манвѣла великому армянскому патріарху и католикосу Аствацатуру данъ въ неизгладимую память сей покровъ св. литургіи — [католикосу, возсѣдающему] на великомъ тронѣ сошествія Бога, престолѣ св. Просвѣтителя, иждивеніемъ всей паствы и въ великомъ городѣ Смирнѣ».

Архимандритъ Гарегинъ.

1) [Въ чтеніе этой надписи Редакціей внесены нѣкоторыя измѣненія. Въ строкѣ 1 о. Гарегинъ читаетъ զիւրի, որդի, շարադրի (sic, оставлено безъ перевода). Разбивка на стихи внесена Редакціей].

Декоративное убранство анійскихъ карасовъ.

(Опытъ классификаціи).

Многолѣтнія раскопки городища Ани дали богатый матеріалъ по вопросу о декоративномъ искусствѣ на предметахъ домашняго обихода и хозяйства. Одинъ отдѣлъ его составляютъ такъ называемые карасы¹⁾. Это неполивные сосуды изъ красной глины для вина, масла и пр. Аналогичнаго типа сосуды встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ и въ различные времена, начиная отъ Трои, Кносса, Этрурии, сассанидской Персіи и кончая современностью; говорить о какого-либо рода исторической зависимости однихъ отъ другихъ представляется уже въ виду этого неправильнымъ. Анійскіе карасы дѣлятся на двѣ рѣзко различныя группы — полированныхъ и частью при этомъ покрашенныхъ, и простыхъ неполированныхъ. Къ тому же различны у нихъ какъ форма, такъ и украшенія. Особенно крупные — почти въ ростъ человѣка — экземпляры удлиненной формы неполированы и украшены очень просто (табл. IX рис. 1 и 2): весь корпусъ раздѣленъ на горизонтальные пояса, около $\frac{1}{4}$ аршина шириной, посредствомъ накладныхъ полосокъ глины. По отдѣльнымъ поясамъ зигзагомъ идутъ такія же полосы, причемъ на каждомъ заворотѣ мастеръ придавливалъ полоску разъ или два пальцемъ²⁾. Эти карасы, украшеніе которыхъ не возвысилось до художественности (въ согласіи съ самымъ назначеніемъ: ихъ закапывали въ погребѣхъ), а пребывало въ намѣченномъ видѣ неизмѣнно, мы оставляемъ въ далѣйшемъ изложеніи въ сторонѣ³⁾. Нашъ интересъ привлекаютъ полированные карасы небольшихъ размѣровъ (около $\frac{1}{2}$ метра высоты и ширины; табл. IX рис. 3, табл. X рис. 1 и 2). Въ Анійскомъ Музеѣ Древностей находится нынѣ четыре почти полныхъ экземпляра и четыре витрины съ обломками узоровъ отъ подобныхъ же карасовъ. Впервые останавливаясь на этого рода предметахъ, настоящій очеркъ дѣлаетъ также попытку классифицировать образцы караснаго убранства.

1) Этимологию этого слова см. Н. Я. Марръ, Матеріалы по халдской эпиграфикѣ изъ командировки І. А. Орбели въ Турецкую Арменію (ЗВО, XXIV).

2) Фрагменты подобныхъ сосудовъ съ такимъ-же украшеніемъ я видѣлъ подѣ священноиной липой Рконскаго монастыря въ Грузіи. Орнаментація эта слишкомъ естественно напрашивается изъ самой техники производства этихъ сосудовъ, чтобы по старой привычкѣ считать ее за пережитокъ будто-бы украшавшихъ раньше сосуды веревочныхъ обвязокъ.

3) Въ Анійскомъ Музеѣ Древностей есть фрагменты пяти едва различимыхъ одинъ отъ другого образцовъ.

Конечно, для построения эволюціоннаго движенія мы не имѣемъ никакихъ историческихъ данныхъ, датирующихъ предметы глинянаго производства, и можемъ руководиться только общимъ комплексомъ наблюдаемыхъ стилистическихъ различій; но ниже мы постараемся связать ихъ въ закономѣрный рядъ, въ согласіи съ которымъ находятся приводимыя наблюденія. Для иллюстраціи очерка использованы сдѣланные разновременно отдѣльные фотографическіе снимки и рисунки художника С. Н. Полторацкаго, представляющіе (хотя и не въ желательномъ разнообразіи) всѣ главные типы, а также специально исполненный Н. М. Токарскимъ рисунокъ ролика для отгискиванія орнаментальныхъ поясовъ¹⁾.

Что касается формы полированныхъ карасовъ, то, судя по наличному матеріалу, она оставалась въ существѣ безъ измѣненія²⁾. Подвержены вариации были только ручки и отверстія (зѣвы) сосудовъ, такъ какъ они были использованы какъ части декоративнаго убранства карасовъ. Измѣненіе формъ тѣхъ и другихъ шло, повидимому, параллельно. Первоначально отверстіе караса было маленькое, вершка 3 въ діаметрѣ, и обводилось низкимъ бортикомъ (въ $\frac{1}{2}$ вершка высотой, примѣрно). Той же высоты были узкія ручки (числомъ до 4) съ дырочкой для одного пальца (табл. IX рис. 3 и табл. X рис. 1). Постепенно горлышко дѣлается шире, стѣнки его выше, а ручки становятся широкими, плоскими и настолько длинными, что ихъ можно брать всей рукой. (табл. X рис. 2). На одномъ карасѣ ручки идутъ, прилѣпляясь нижнимъ концомъ къ плечикамъ сосуда, еще отъ бордюра горла³⁾, на другомъ онѣ спустились

1) Клише рисунковъ табл. XII рис. 1, 2, табл. XVII рис. 3, табл. XX рис. 1 предоставлены для напечатанія Императорской Археологической Коммисіей; впервые воспроизведены въ Отчетѣ ИАК. 1892 г. и въ ИАК. 1906 г.; карасный поясъ воспроизведенный въ ИАК. 1906 г. не перепечатанъ здѣсь въ виду схематичности рисунка; изображеніе караса изъ Отч. 1892 г., повторенное также въ каталогѣ Анійскаго Музея Древностей І. А. Орбели, вып. I, стр. 25, замѣнено воспроизведеніемъ фотографическаго снимка. Въ каталогѣ на стр. 63 дано уменьшенное воспроизведеніе нашего табл. XI рис. 1. Рисунки табл. XVI рис. 1 и табл. XX рис. 2 были раньше отпечатаны въ Реестрѣ предметовъ древности изъ VI-ой (1907 г.) археологической кампаніи въ Ани Н. Я. Марра. Рисунки табл. XVI рис. 1, табл. XVII рис. 1, 2, табл. XX рис. 2 и 3, табл. XXII рис. 7 воспроизведены съ рисунковъ перомъ художника С. Н. Полторацкаго. Табл. XIII воспроизводитъ рисунокъ Н. М. Токарскаго. Рисунки 1 на табл. XVIII и 3 на табл. XXII сдѣланы съ фотографій, изготовленныхъ благодаря любезности Я. И. Смирнову, неоднократно дававшему указанія, свою искреннюю признательность.

2) Есть еще два-три фрагмента маленькихъ карасовъ вершковъ 6 высоты и ширины; орнаментированный поясъ шель ниже наибольшей окружности; украшенъ онъ былъ мелкими розетками. Значительная часть одного экземпляра собрана выѣстѣ.

3) Этотъ экземпляръ вообще нѣсколько своеобразенъ: орнаментованнаго пояса на немъ нѣтъ, а отъ борта зѣва идутъ внизъ до середины примѣрно глиняныя накладныя полосы, по всей длинѣ натканныя пальцемъ. Украшенія такого вида и расположенія встрѣчаются въ Ани на разнаго рода горнкахъ.

ниже и верхний конецъ прилѣпляется также къ покатости горлышка. На ручки на ихъ верхней части насаживаютъ поднимающіеся завитки или остроконечно вытянутыя шишки и т. д. Въ Анійскомъ Музеѣ имѣется до восьми разновидностей такихъ большихъ ручекъ. Закраины горла первоначально ничѣмъ не украшались, на позднѣйшихъ же экземплярахъ ихъ не полировали, а покрывали какимъ-либо орнаментомъ; этотъ орнаментъ въ общемъ одного характера, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ примѣняли инкрустацію фаянсовыми или простыми поливными глиняными кусочками, но въ частности онъ обнаруживаетъ до 50-ти разновидностей¹⁾. Большой частью этотъ орнаментъ — волнистая линия, въ изгибахъ которой помѣщены розетки, завитыя и т. п. Кромѣ того, въ связи съ этими же высокими бортами появляются и особыя, вертикально идущія отъ нихъ орнаментальныя узкія полосы. Эти полосы дѣлятся накрестъ наклонными линиями; каждый треугольникъ покрытъ рѣдкой сѣткой; въ углахъ насажены пуговицы: такая ихъ раздѣлка есть, вѣроятно все, подражаніе узорамъ полотенецъ²⁾. Это уширеніе и повышеніе стѣнокъ горла для Ани не есть явленіе, наблюдаемое исключительно на карасахъ: оно характерно для самыхъ различныхъ глиняныхъ сосудовъ поздней эпохи, даже для простыхъ неполированныхъ горшковъ съ двумя ручками, или широко раскрытыхъ мисочекъ, получающихъ вмѣсто закругленія края особый, отвѣсно поднимающійся подъ угломъ прямой бортъ.

Кромѣ этихъ структурно-необходимыхъ частей, использованныхъ въ декоративномъ отношеніи, карасамъ придаются и другія части, удовлетворяющія специально художественной потребности. Таковыми являются орнаментированные пояса, идущіе по наибольшей окружности, и отдѣльные фигурные рельефы въ верхней части карасовъ.

Наиболѣе древніе карасы имѣли на брюшкахъ крупныя рельефныя изображенія животныхъ — барсовъ, тигровъ и т. п. Они накладывались выѣпленными на поверхность караса и поэтому позднѣе части ихъ легко отскакивали (табл. IX рис. 3 и табл. XI рис. 1)³⁾. Въ верхней половинѣ почти цѣльнаго музейнаго экземпляра, надъ поясомъ, къ одной изъ трехъ ручекъ (для одного пальца), сдѣланной подъ отогнутымъ въ сторону ободкомъ горла, какъ бы поднимаются другъ другу навстрѣчу двѣ пантеры или

1) Изъ нихъ 5 или 6 съ инкрустаціей.

2) Къ этимъ полосамъ мы еще вернемся ниже, въ связи съ другимъ возможнымъ объясненіемъ ихъ происхожденія.

3) На почти цѣльномъ собранномъ экземплярѣ музея не хватаетъ многихъ частей рельефовъ; только видны слѣды, какъ онѣ были расположены. См. табл. IX рис. 3.

два барса, съ длинными хвостами, нѣсколько поднятыми вверхъ, и съ длинными подогнутыми передними лапами¹⁾. По туловищу вкраплены бѣлыя вставки. Такое расположеніе фигуръ, какъ бы тянущихся къ содержимому сосуда, встрѣчается изрѣдка въ восточномъ искусствѣ²⁾. Но обыкновенно оно не сочетается съ такимъ реальнымъ нагляднымъ мотивомъ, а представляетъ просто симметрически расположенныя фигуры и часто (особенно въ болѣе раннее время) заключенныя въ круги³⁾. Какъ мнѣ указалъ І. А. Орбели, аналогичныя изображенія встрѣчаются и на извѣстныхъ мѣдныхъ котлахъ изъ Дагестана, обычно датируемыхъ XIII-мъ вѣкомъ⁴⁾. Аналогично расположены рельефы и другихъ трехъ фрагментовъ съ изображеніями тигра, барса и т. п.⁵⁾. Всѣ они идутъ вверхъ⁶⁾, напиться. На послѣднемъ рельефѣ сдѣланы чешуйки и хвостъ завиткомъ. А средній — большихъ размѣровъ (до 20 см. длины) — характеризуется, какъ тигръ, полосками по шкурѣ (табл. XI рис. 1).

Къ этому приему помѣщать вверхъ орнаментально-украшенныхъ сосудовъ изображенія животныхъ крупнымъ рельефомъ мы находимъ параллели на металлическихъ кувшинахъ и подсвѣчникахъ мусульманскаго искусства конца XII-го, начала XIII-го вв., гдѣ мы видимъ спокойно сидящихъ львовъ или даже только переднія части льва — голову и переднія ноги⁷⁾,

1) Здѣсь въ деформированномъ видѣ реальное наблюденіе какъ бы крадущейся кошачьей поступи.

2) Аналогичное изображеніе имѣется, напр., на принадлежащемъ сванамъ Местійскаго общества серебряномъ сосудѣ (XII—XIII в.); здѣсь скульптурная фигура леопарда сидитъ на изгибѣ ручки кувшина (см. табл. XLI въ МАК, т. X (1904), перепечат. въ «Вост. Серебрѣ» подъ № 180).

3) См. большое число такихъ изображеній на тканяхъ съ X по XIII в.; ткани XII—XIII вв. почти всегда не имѣютъ обрамленія кругомъ, какъ видно на таблицахъ изданнаго Lessing'омъ Gewebesammlung des K. Kunstgewerbe-Museums, Berlin (1900 sqq.).

4) Я не вхожу въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ котловъ, такъ какъ І. А. Орбели специально занимается вопросомъ о связи ихъ съ карасами. Изданъ одинъ въ Museum Caucasicum, вып. V: Археологія, сост. гр. П. С. Уваровой; нѣсколько котловъ сохраняются въ Музеѣ бар. Штиглица.

5) 04. № 5а; 09. А. № 22; 10. У. IV. № 134. — Едва различимые остатки рельефа на фрагментѣ 1913 года изъ холма № 27 — какъ совершенно не поддающіеся пока опредѣленію — оставляю безъ разсмотрѣнія.

6) Это наклонное ихъ положеніе опредѣляется линиями внутренней стороны, оставленными при лѣпкѣ сосуда на станкѣ.

7) Ср. особенно Sarre, Erzeugnisse islamischer Kunst (Lpzg, 1905), I, табл. V (№ 17) и рис. въ текстѣ №№ 15 и 16 (сѣверно-персидскіе кувшины XII—XIII вв.); Migeon, Exposition des arts musulmans (Paris, 1903), pl. 9 и 10; Sarre und Martin, Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München 1910, Bd. II, табл. 141—143 (кувшины XII в., прямо отнесенные въ Армению) и 144—154 (другія металлическія издѣлія съ инкрустаціей и аналогичными изображеніями). Характерны табл. 122—139 главнымъ образомъ древнѣйшія издѣлія, относимыя издателями къ 5—6 вв., по которымъ видно постепенное развитіе ука-

а равно и на поверхности неполивныхъ керамическихъ предметовъ со среднего течения Тигра и изъ сѣверной Месопотаміи (тоже конца XII, начала XIII вв.), гдѣ посредствомъ такой же техники, какъ и въ нашихъ крупныхъ рельефахъ, выполнены крупныя фигурныя изображенія людей и переднихъ частей животныхъ¹⁾. Карасныя изображенія отличны отъ нихъ въ частности, но самый приемъ тотъ же и наблюдается въ ту же эпоху; очевидно, одинъ спросъ былъ на всемъ Востоке.

Къ той же группѣ отношу и крупныя развѣсистыя деревья на фрагментахъ трехъ карасовъ, вдавленные въ поверхность корпуса²⁾.

Другіе два фрагмента крупныхъ рельефныхъ животныхъ исполнены на слегка лишь полированныхъ сосудахъ и составляютъ, вѣроятно, простой дешевый товаръ: фигуры скорѣе всего походятъ на козъ или на что-либо подобное³⁾. Онѣ стоятъ горизонтально, а не наклонно вверхъ. Также горизонтально расположены и два рельефа одного сюжета: какія-то существа въ родѣ горныхъ козловъ съ почти пичилими носами, подходятъ къ покрытому ягодами (стилизованному) дереву⁴⁾ (табл. XI рис. 2).

Въ этомъ переходѣ къ горизонтальному положенію, мнѣ кажется, заключается существенный моментъ смѣны стиля. Рельефъ потерялъ свое значеніе, онъ деградированъ на ту же степень, что и орнаментальный поясъ. И эта деградация всего украшенія сказалась и на сюжетахъ: рѣд-

занныхъ мусульманскихъ издѣлій изъ металла; ср. также Amida, стр. 352—354. (Ср. кромѣ того и отдѣльные снимки предметовъ выставки). Кувшинъ въ Музеѣ Штиглица, см. ст. А. Половцова, «Старые Годы» 1913, октябрь, таблица противъ стр. 14. Сосуды эти предположительно изготовлены не въ Мосулѣ (Месопотамія), а на армянскомъ и сѣверо-персидскомъ плоскогорьяхъ (Sarre, ib., p. 9).

1) Въ отношеніи послѣднихъ ср. также одинъ фрагментъ широкой ручки изъ раск. 1892 года въ Армавирѣ, извѣстный по репродукціи въ Отчетѣ ИАК, за 1892, стр. 84, рис. 48 (находится въ Эрмитажѣ). На немъ видны, какъ бы вытянутыя впередъ по землѣ ноги сидящаго тигра (табл. XII рис. 9).—Месопотамскіе фрагменты изслѣдованы Sarre, *Islamische Tongefässe aus Mesopotamien* (Jahrb. der preuss. Kunstsammlungen, 1905, p. 69 sqq.); см. еще Sarre, *Erz. isl. Kunst*, II (1909), табл. XXI (№№ 1 и 4); Sarre und Herzfeld, *Archäologische Reise im Euphrat- u. Tigrisgebiete* (Berlin 1911), Bd. III, табл. CXIV и CXV; Migeon, *Exp. des arts mus.*, pl. 31; Sarre und Martin, *Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München 1910*, Bd. II, табл. 90; и фот. за № 1079.

2) Одинъ не помѣченъ, изъ раскопокъ какого онъ года; другой — 1913 г. около церкви Спасителя; третій — 1908 года.

3) 10. У. IV. № 20 и № 93.

4) 11. С. № 7 + № 9 и 12. А. № 380. Ср. также кирпичъ съ рельефными изображеніями изъ Паша-Гѣга, Эрив. губ. (табл. XII рис. 8, перепечатано изъ Отчета ИАК, 1892 г., рис. 49 на стр. 85). Аналогичный къ рельефамъ животныхъ переходъ-деградацию отъ выше названныхъ раскидистыхъ вѣтвей деревьевъ представляютъ два изображенія деревьевъ (Об. № 153 и 10. У. III. № 52) грубой работы, только намѣчающія листья, какъ и патыканныя на нихъ и на стволахъ пуговки-плоды. (Ср. еще силуэты на 12. А. и 07. № 155 въ той же витринѣ).

кіе, царственные тигры и барсы замѣнились почти сказочными козлами, сернами въ простой жанровой обстановкѣ. Эта деградация идетъ дальше, и мы встрѣчаемъ изображенія собачекъ или волковъ, какъ на экземплярѣ изъ Шпракавана¹⁾. При этомъ само изображеніе при маломъ размѣрѣ — всего 5½ см. длины — перековывало на вышнюю поверхность горла, уже очень высокаго. Въ этомъ, дѣйствительно, мнѣ кажется, нужно видѣть примѣръ перехода къ послѣдней эпохѣ караснаго искусства, когда крупныя рельефы совершенно пропадаютъ, и мы находимъ выработавшимся уже иной стиль и самыхъ украшеній. Тутъ появляются, какъ упомянуто, высокіе разукрашенные края горла и перѣдко идущія отъ нихъ внизъ — какъ бы нестрыя — полосы. Отдѣльныя рельефныя фигуры отсутствуютъ совершенно, и главнымъ украшеніемъ становятся орнаментованные пояса, къ разсмотрѣнію которыхъ перейдемъ теперь.

Какъ упоминалось уже, кромѣ отдѣльно налѣпленныхъ рельефныхъ фигуръ, карасы имѣютъ еще пояса орнаментовъ, механически оттиснутыхъ по сырой глинѣ цилиндрическими валиками, приспособленными, очевидно, къ станку. Одинъ экземпляръ такого каменнаго валика былъ найденъ въ раскопкахъ 1910 года (см. табл. XIII, въ насг. вел.)²⁾. Техника эта имѣетъ своего предшественника въ прикладываніи на сырую глину отдѣльныхъ штемпелей съ изображеніями. Многіе образцы такихъ неполивныхъ глиняныхъ сосудовъ съ отдѣльными штампованными изображеніями фигурнаго и геометрическаго рисунка (отъ 2—6 см. въ діаметрѣ), найденные въ Месопотаміи, относятся къ ранней порѣ исламскаго искусства (до X—XI в. ³⁾). Дальнѣйшее развитіе этого приема мы усматриваемъ въ украшеніяхъ, производимыхъ оттискомъ сплошныхъ формъ. Таковы украшенія на найденныхъ тамъ же кувшинахъ для воды (146 см. по наибольшей окружности) и др., покрытыхъ частью только въ верху брюшка рядами орнаментальныхъ полосъ, составленныхъ изъ геометрическаго орнамента и непрерывнаго ряда бѣгущихъ въ одномъ направленіи (среди растительныхъ витковъ) тигровъ и т. п. Они, очевидно, оттиснуты

1) 14. III. № 24 въ Анійскомъ Музеѣ Древностей.

2) Ср. Орбели, *Развалины Ани* (1911), стр. 52; 10. У. II. № 10; еще раньше найдена другая форма въ Вышгородѣ (08. № 6).

3) Sarre und Herzfeld, *Arch. Reise* (1911), Bd. I, pp. 62—63 и прим. 3, 184, 186—187, 212, 224—227, 238 и рис. 115—117, 121, 122. Эта «штемпельная» техника примѣнялась между прочимъ и на этрусскихъ вазахъ и въ модномъ теперь «хетскомъ» искусствѣ, ср. Chantre, *Recherches archéologiques dans l'Asie Occidentale. Mission en Cappadoce en 1893—94* (Paris, 1898), pp. 29 (fig. 20, 21), 80 (pl. IV, 14-15) и наконецъ, p. 157—165; также Perrot et Chipiez, *Hist. de l'Art*, IV, гдѣ говорится какъ разъ о печатяхъ. Нѣсколько такихъ печатей привезъ изъ Вана и И. А. Орбели въ 1912 году. Тоже и на этрусскихъ и римскихъ вазахъ примѣнялись штампы.

со специальных форм¹⁾. Переводъ орнаментальных поясовъ на анійскіе карасы достигнутъ дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ той же техники тисненія, именно двойнымъ вращеніемъ — караса и цилиндрическаго ролика - формы²⁾. Но этотъ пріемъ повлекъ за собой очень важное ограничение. Пуская въ движеніе форму для оттискиванія изображеній, мастеръ примѣнялъ только простѣйшій видъ движенія, т. е. производилъ касаніе рѣзной поверхностью ролика выступающей (въ томъ же перпендикулярномъ отношеніи къ вращающейся оси станка) карасной части. Благодаря этому техническому усовершенствованію, получилась возможность имѣть только одинъ узкій поясъ по наибольшей окружности самого сосуда, оставляя всю остальную поверхность гладкой и неорнаментованной, причемъ плоскость пояса должна была оставаться строго вертикальной.

По рисунку пояса анійскихъ карасовъ представляютъ также, какъ и месопотамскіе сосуды, или фигурныя изображенія (птицъ, животныхъ, людей) или чисто-орнаментальныя фигуры (плетенія, розетки и т. д.). Мы рассмотримъ обѣ группы отдѣльно. По стилю они распадаются на нѣсколько группъ. Первая образуетъ съ крупными рельефами одну, древнѣйшую, затѣмъ есть нѣкоторая переходная стадія, гдѣ все существенное древняго стиля утеряно, но сохранились кое-какіе отголоски его. Наконецъ, мы имѣемъ богатую коллекцію образцовъ карасныхъ поясовъ новаго стиля.

Стиль фигурныхъ поясовъ древнихъ карасовъ (табл. XIV рис. 1 и 2 и табл. XV рис. 1—4) и крупныхъ рельефовъ на нихъ значительно разнится отъ позднѣйшихъ. Рельефъ примѣненъ округленный, съ нарочитымъ подчеркиваніемъ контуровъ, тщательный; всѣ фигуры рѣзко, опредѣленно выдѣляются на фонѣ. Округленные въ натурѣ части такими и переданы, между тѣмъ какъ по линіямъ складокъ и т. п. одна часть отдѣлена

1) Sarre und Herzfeld, ib. Bd. III, табл. CXV; Bd. I, p. 224 sqq. (рис. 114); Sarre und Martin, Ausstellung, Bd. II, табл. 98, 104 (106); фот. за № 1193; изъ Султанабада, XIII вѣка. Многочисленныя находки неполивныхъ глиняныхъ сосудовъ такой же техники изъ Самарканда находятся въ Этнографическомъ Музеѣ Имп. Академіи Наукъ. Среди нихъ также каменная форма (состоящая изъ трехъ частей) для полученія рельефно-орнаментованныхъ малыхъ сосудовъ (металлическихъ?). Три фрагмента такихъ же сосудовъ, найденные въ раскопкахъ, находятся въ Анійскомъ Музеѣ Древностей, какъ и нѣкоторые другія находки явно-завознаго происхожденія (что видно по глинян. и формамъ).

2) Цилиндры были извѣстны на Востокѣ съ древнѣйшаго времени (хотя-бы въ томъ же хеттскомъ искусствѣ), но о примѣненіи ихъ въ гончарномъ производствѣ нигдѣ не находимъ ни указаній, ни слѣдовъ. Только на нѣкоторыхъ этрусскихъ вазахъ орнаменты наносились, повидному, прокатываніемъ цилиндровъ (на что указываютъ сдвиги и иныя неправильности). Также на одномъ поздняго времени фрагментѣ изъ Трои (H. Schmidt, Schliemanns Sammlung trojanischer Altertümer, Berlin, 1902, № 2552 и рис., ср. стр. XVI—XVII).

отъ другой сильно, утрированно вдавленной линіей контура. Мнѣ думается, что это остатки пріемовъ иной техники, — инкрустированія по металлу, гдѣ такое усиленное углубленіе примѣнялось ради лучшаго укрѣпленія накладныхъ частиц¹⁾. Здѣсь же этотъ пріемъ сохранился, какъ переживаніе. Самъ поясъ раздѣленъ на три части — средняя, широкая полоса съ фигурными изображеніями, окаймлена узкими бортиками витой линіи²⁾. Фигурныя изображенія экзотическаго характера — человѣческія фигуры съ аффектированной жестикуляціей, геральдическіе львы, птицы передъ курильницей или древомъ жизни и т. п. — тянутся, непрерывной полосой, быть можетъ, отчасти на фонѣ растительныхъ завитковъ.

Нахожденіе здѣсь, на предметахъ опредѣленно анійскаго производства такихъ изображеній, какъ по сюжетамъ, такъ и по стилю исполненія хорошо извѣстныхъ изъ искусства мусульманскаго Востока, нисколько не можетъ насъ удивить, такъ какъ проникновеніе исламской культуры сильно сказалось во всѣхъ областяхъ матеріальной культуры Ани именно въ эпоху господства Шеддадидовъ, и послѣдующія³⁾. Мы находимъ здѣсь парныя, симметрически расположенныя изображенія птицъ, тигровъ и т. п., которыя пребываютъ въ различныхъ видахъ въ мусульманскомъ искусствѣ съ X по XII, а какъ переживаніе и по XVII вв. Такой какъ бы медальонный способъ расположенія изображеній особенно характеренъ, кромѣ тканей, для чеканной посуды и для рѣзбы по дереву⁴⁾. И до нашего времени мы встрѣчаемъ въ этихъ

1) Это тѣмъ болѣе станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что такъ наз. мусульскія бронзы конца XII вѣка происходятъ, повидному, (хотя-бы частью) съ армянскаго плоскогорья и сѣверной Персіи (Sarre, Ein orientalisches Metallbecken des XIII. Jhdts, in: Jahrb. Pr. KS., 1904, pp. 57—58 u. N., p. 59 Note 2 u. 3). Въ качествѣ примѣровъ см. табл. 17 (XIII—XIV в.), 15 и 21 (XIV в.), далѣе 22 и 23 (XV в.) въ изданіи предметовъ Exposition des arts musulmans, Paris, 1903, или изъ собранія Sarre, Erz. isl. Kunst, I: Metall; Prisse d'Avennes, L'Art arabe d'après les monuments du Kaire, Paris, 1877, pl. 169, 173; Sarre und Martin, Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München 1910; F. R. Martin, Ältere Kupferarbeiten aus dem Orient. Stockholm, 1902 Tafelband; Museum Caucasicum, вып. V: Археологія, сост. гр. П. С. Уваровой, Тифлисъ, 1902 (дагестанскіе сосуды) и др.

2) Аналогичная разбивка на месопотамскихъ неполивныхъ кувшинахъ (Sarre und Herzfeld, Bd. III, табл. CXV); также на серебряной чашкѣ, вѣроятно, европейской работы, подъ № 295 въ «Вост. Серебрѣ». Отголосокъ такого дѣленія полосъ находимъ и на тиразѣ одежды дѣвочки изъ могилы усыпальницы Тыграпа Юенна въ Ани (см. Орбели, Каталогъ, I, стр. 35—за номеромъ 08. № 53).

3) I. А. Орбели, Развалины Ани. стр. 19—20.

4) Exposition des arts musulmans (Paris 1903), pl. 13 (средній медальонъ котла Абу-Бекра, султана Египта и Дамаска 1238—40 гг.); pl. 79 (перс. коверъ XVI в.), pl. 89 (шелковая ткань); Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München (1910); металлическія издѣлія (цитированныя выше), далѣе шелковыя ткани (Bd. III, преимущественно XI—XII вв.) и ковры (всѣ XVI—XVII вв. въ Bd. I); Sarre, Erzeugnisse islamischer Kunst, I,

отрасляхъ художественной промышленности вкрапленными такіе кружки посреди изображеній совсѣмъ иного характера, именно — по удачному выраженію Sarre — «импрессионистическаго». Дѣйствительно, мусульманское искусство съ XIII-го (или конца XII-го) вѣка широкой волной заполнено импрессионистическими изображеніями животныхъ, и, напр., въ керамикѣ они даже царятъ безраздѣльно. Въ то время, какъ для болѣе ранней керамики Месопотаміи (изъ Ракки) характерны застывшія вѣтви и (правда, рѣдкія) животныя, такъ же, какъ и для безусловно болѣе раннихъ, чѣмъ XIII-й вѣкъ, персидскихъ тарелокъ и кубковъ (изъ Рея или Рагъ) симметрическія изображенія сидящихъ фигуръ и нѣкоторыя черты, предвѣщающія начинающійся «импрессионизмъ», — вся керамическая продуктивность исламскаго искусства съ XIII-го вѣка приковываетъ вниманіе живостью, «импрессионизмомъ» изображеній въ богатой, красочной скалѣ¹⁾. Этого мы не находимъ на разсматриваемыхъ поясахъ карасовъ: они воспроизводятъ болѣе древній, застывшій типъ. На заднемъ фонѣ изображеній видны обычные на нихъ растительные побѣги; частью, однако, это проходящіе, повидимому, сплошь завитки, хорошо извѣстные изъ исламской поливной керамики и металлическихъ сосудовъ XIII-го и слѣдующихъ вѣковъ, гдѣ именно на фонѣ растительныхъ завитковъ изображены бѣгущія животныя²⁾. Въ Ани найдены

№ 20 (сосудъ первой половины XIII в. изъ сѣверной Месопотаміи); Prisse d'Avennes, L'art arabe d'après les monuments du Kaire (Paris 1877), texte, p. 65 (гербъ султана El-Melek-el-Daher Beybars'a второй половины XIII в.); t. II, pl. 83 и 84 (рѣзные деревянные двери XIII в.); t. III, pl. 157 (слоновой кости шкатулка съ серебряными скрѣпами, на всѣхъ выдающихся мѣстахъ которыхъ посажены парно птицы передъ «деревомъ жизни»); pl. 169, 173 (металлич. вещи); pl. 147, 148, 151 (ткани XII—XIV вв.); Lessing, Die Gewebesammlung des K. Kunstgewerbe-Museum (Berlin 1900 sqq.) — ткани восточныя съ X по XIII вв., изъ нихъ ткани XII—XIII вв. болѣею частью не заключены въ круги; есть узкія длинныя полосы, тканія съ повторяющимися симметрическими фигурами; ср. Diehl, Manuel d'art byzantin (Paris 1910), p. 604; M. v. Berchem et Strzygowski, Amida, pl. III, № 2 (909—910 гг.); Sarre und Herzfeld, Bd. III, табл. CV (рельефъ въ Мосулѣ); и на армянской церкви Ахтамаръ, на Ванскомъ озерѣ, X-го вѣка, см. Bachmann, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan (1913), табл. 33 (лѣвый снимокъ); 35 (оба); 38 (верхній); и снимки I. A. Орбели; персидскіе ковры XVI в. въ Музеѣ барона Штиглица, см. А. Половцовъ въ журналѣ «Старые Годы», октябрь 1913 года.

1) Ср. особенно Henri Rivière, La céramique dans l'art musulman (Paris 1913), но и другія публикации, какъ-то обѣихъ выставокъ мусульманскаго искусства, H. Wallis и др.

2) База Газилевскаго въ Эрмитажѣ, часто воспроизводимая, между прочимъ и у Sarre, въ Jahrb. der preuss. Kunstsammlungen, 1904, p. 64; кромѣ того, тамъ же и другія p. 62, fig. 11 (перс. изразцы XIII—XIV вв.), перепечатано Sarre, Denkm. pers. Baukunst (1911), Textband, p. 69, fig. 83; кромѣ того p. 70, fig. 85; Sarre, Erzeugnisse islam. Kunst, II, p. 12, fig. 13; Henri Rivière, La céramique dans l'art musulman (Paris 1913); далѣе публикации персидской керамики Henry Wallis'a и т. д. Местійскій серебряный кувшинъ: МАК, т. X, табл. XII, или «Вост. Серебро», № 130; Prisse d'Avennes, о. с., III, pl. 164 и особенно

такія произведенія мелкаго мусульманскаго искусства (помимо поливной керамики), гдѣ представлены хорошо моделированныя изображенія животныхъ, бѣгущихъ или величаво сидящихъ среди легкихъ завитковъ растений: это — гипсовое лѣнное убранство одной изъ залъ дворца въ Вышгородѣ, составляющее параллель къ поясамъ карасовъ. Мусульманское происхожденіе его засвидѣтельствовано присутствіемъ буквъ арабскаго алфавита на одномъ фрагментѣ. Съ карасами оно имѣетъ общія формальныя черты, отчасти и сюжеты¹⁾.

Въ формальномъ отношеніи пояса карасовъ разсмотрѣннаго типа исполнены — какъ сказано — округлымъ, хорошо моделированнымъ рельефомъ, вполне передающимъ линіи, очертанія тѣла. Это — приемъ всего мусульманскаго искусства, но ни въ какомъ случаѣ не искусства армянскаго. Здѣсь, въ Ани, это взятый цѣликомъ въ готовомъ видѣ продуктъ чужого художественнаго творчества, какъ и фигурная рѣзьба на церквахъ св. Григорія, постройкихъ Тиграна Юннца, Бахтагека и т. д. Но онъ не могъ пустить корней на чуждой ему почвѣ да еще при рѣзко выраженномъ отличіи, а наоборотъ неминуемо долженъ былъ подвергнуться ассимиляціи и переработкѣ въ духѣ мѣстнаго искусства. Мѣстный художественный укладъ сильно измѣнилъ эти чуждыя произведенія, и далъ намъ въ болѣе позднюю эпоху пояса карасовъ совсѣмъ иного типа какъ по сюжетамъ, такъ и по Technikѣ, именно совершенно плоскаго, ковроваго рисунка, притомъ очень грубаго, дикаго вида. И дѣйствительно, насколько чужды были эти первые образцы, видно и по малому числу ихъ: образцовъ древняго стиля имѣется всего 7 на сто почти экземпляровъ новаго стиля и переходнаго къ нему времени²⁾.

pl. 177, воспроизводящая миниатюру изъ рукописи Hariri 1236 года, и мн. др. Также и гипсовые лѣнные украшения въ Ани (о которыхъ сейчасъ, ниже) и Діарбекирѣ, и глиняные сосуды изъ сѣверной Месопотаміи.

1) Орбели, Каталогъ Анійскаго Музея Древностей, I вып., стр. 24; рис. см. Реестръ предметовъ древности изъ раскопокъ 1907 г., стр. 3 и 13 и Каталогъ, стр. 23. Равно и лѣнные украшения изъ Діарбекира («Amida», p. 354—357 = Sarre, Erz. isl. Kunst, II, табл. IV—V).

2) 14. № 28 (3 фрагмента); 07. п. № 26; 12. А. 55; 10. У. II. № 7; 09. п. № 54. — Къ этому коренному различію мы еще вернемся. Здѣсь же нужно отмѣтить, что и среди произведеній исламскаго искусства извѣстны рельефы плоской, такъ сказать, «армянской» рѣзьбы изъ Коніи XIII-го вѣка, т. е. расцвѣта сельджукскаго искусства. Но эти нѣсколько рельефовъ стоятъ настолько особнякомъ и посреди другихъ конійскихъ, что ихъ нужно считать произведеніями инородныхъ мастеровъ, что поддерживается относительно нужно считать произведеніями инородныхъ мастеровъ, что поддерживается относительно сельджукскаго искусства нѣсколькими исторически извѣстными аналогіями, да и, напр., изображеніемъ фигуры одного рельефа, сидящей на стулѣ, а не на полу, скрестивъ ноги, какъ естественно было бы для мусульманъ. Изданы эти рельефы у Sarre, Erz. isl. Kunst, II

Убранство древнѣйшихъ карасовъ состоитъ, какъ мы указывали, изъ крупныхъ рельефовъ и охарактеризованныхъ только что поясовъ. А между тѣмъ нельзя не отмѣтить, что первые всетаки далеко не столь выпукло, округло лѣплены, какъ, напр., фигуры гипсового убранства залы дворца. Это — въ сравненіи съ указанными исламскими памятниками; сравнивая же ихъ съ типично-армянскими рельефами, мы увидимъ значительный уклонъ въ сторону моделированія фигуръ. Здѣсь, очевидно, какъ на болѣе крупныхъ памятникахъ, армянскія нормы оказали извѣстное вліяніе уже съ самаго начала.

Между карасами новаго времени и древними, на первый взглядъ, — непреходимая пропасть. И стиль и сюжеты изображеній совершенно различны; никакой преемственности установить нельзя, кромѣ нѣкоторыхъ чисто-внѣшнихъ и для стиля чертъ. Мнѣ представляется, что на тѣхъ же сосудахъ и тѣми же техническими приѣмами стали теперь воспроизводить совсѣмъ другія изображенія. Но есть карасы съ пояснымъ убранствомъ, которое я считаю переходнымъ къ новому стилю; оно состоитъ изъ рельефныхъ поясовъ съ изображеніями сравнительно крупно представленныхъ животныхъ, главнымъ образомъ оленей¹⁾, а также лошадей²⁾, быковъ³⁾, собакъ⁴⁾, наконецъ, одинъ разъ, повидимому, медвѣдя и одинъ разъ волка⁵⁾. Мы замѣчаемъ здѣсь большое разнообразіе сюжетовъ; еще не создано шаблона: сцены живыя, подвижныя, экспрессивныя (табл. XVI рис. 1—6, табл. XVII и XVIII). Быть можетъ, это частью даже охотничьи или боевыя сцены (ср. табл. XII рис. 2 и табл. XVIII рис. 2)⁶⁾. Мы здѣсь на-

(1909). Много позднѣе, въ XVI—XVII вв. эту же плоскость въ рельефахъ и фигурахъ мы найдемъ въ персидскомъ искусствѣ; но въ это время не слѣдуетъ ли ставить ее въ связь съ китайскимъ вліяніемъ при Сефевидахъ (см. Sarre, Denkm. pers. Baukunst, Tafelband, табл. 64; Sarre, Erz. isl. Kunst, I, рис. 47 (стр. 55), № 160; Migeon, Exposition des arts musulmans, pl. 70).

1) Об. № 225, а, б; 10. У. IV. 70; 15. А. Около церкви рода Абугамренцъ въ 1915 г. откопаны фрагменты караса съ изображеніемъ трехъ бѣгущихъ животныхъ (двухъ оленей и волка?), оттиснутымъ вверхъ ногами, какъ видно изъ расположенія ручекъ.

2) 15 п.; 04, № 5с; 12. А. 5).

3) 09. М. № 48.

4) 15 п. № 15.

5) 15. А.

6) Образцы собраны въ I-ой витринѣ. Въ параллель къ нимъ естественно становятся изображенія животныхъ на фрагментахъ трехъ поливныхъ чашекъ: 15. А; 11. С. № 1; 08. № 29. Интересная находка была сдѣлана въ XII кампанію (1913 года) при раскопкахъ около церкви Спасителя. Здѣсь были найдены фрагменты, повидимому, воспроизведенія церкви въ красной полированной глинѣ (ковчежецъ?), имѣющаго еще нѣсколько аналогій въ Музеѣ. Экземпляръ раск. 1913 г. украшенъ такимъ же караснымъ орнаментомъ, какъ и перечисленные, изображающимъ чуть ли не воинское выступленіе, погоню (см. табл. XVIII рис. 2).

блюдаемъ то же теченіе, что и въ одновременномъ исламскомъ искусствѣ, именно, упоминавшуюся уже любовь къ импрессионистическому изображенію животныхъ въ движеніи и т. д. Очевидно, это общая волна, охватившая искусство всего Востока да, собственно говоря, и Запада, Европы. Но встрѣчаются также приѣмы, ставшіе затѣмъ шаблономъ. Хотя фигуры еще очень высоко выдаются на фонѣ, но онѣ совершенно плоски, отдѣленность нѣкоторыхъ частей туловища мѣстами еще налицо, но уже нѣтъ легкости и изящества линій, движенія, а рисунокъ простъ и грубоватъ¹⁾. Животныя и вообще отдѣльныя сценки (изрѣдка появляется и человѣкъ) располагаются уже болѣею частію по три разныя группы, заключенныя иногда между деревьями (вродѣ елокъ). Это и принимаетъ обязательный характеръ, становится нормой, шаблономъ. Но это измѣненіе, какъ мы уже нѣсколько разъ отмѣчали, есть явственно одно изъ проявленій какого-то общаго большого процесса переработки въ духѣ собственныхъ требованій. У анійскихъ жителей были требованія цѣлостной культуры, единства ея, начиная отъ церквей, дворцовъ, зданій, и до мелочей повседневнаго обихода включительно. Это наблюдается на протяжении всего доступнаго изученію періода. Перенесеніе готовыхъ формъ исламскаго искусства не могло произвестъ въ Ани перерожденія психологическаго уклада и нормъ художественныхъ воспріятій. Наоборотъ, эти послѣднія претворили на свой ладъ иноземныя образцы — въ нашемъ случаѣ замѣнили украшеніе карасовъ соотвѣтственно своимъ вкусамъ. Прежде всего это сказалось на формальномъ, стилистическомъ преобразеніи ихъ согласно своимъ нормамъ. Новое убранство карасовъ приняло исключительно поясной, чисто-орнаментальный характеръ, удовлетворяя инымъ требованіямъ, нежели древніе карасы. Въ то время, какъ древніе карасы своими рельефами находятся въ полной гармоніи съ аристократическимъ представительствомъ иноземной культуры, а стилемъ орнаментальныхъ поясовъ, имѣющихся на нихъ, отвѣчаютъ также и роскоши, — новыя карасы самой измѣненной формой ихъ и орнаментальными поясами отвѣчаютъ мѣстному массовому спросу, но съ пониженнымъ уровнемъ художественныхъ требованій.

Карасные пояса зрѣлаго новаго стиля показываютъ, что работа претворенія иноземныхъ художественныхъ продуктовъ произведена и въ отношеніи сюжетовъ. Импрессионизмъ и разнообразіе сценъ переходной эпохи

1) Ср. подобныя изображенія въ «Вост. Серебрѣ», № 142 (того же времени мусульманской чеканки), персидскій кафель (Sarre, Erz. isl. Kunst, II, рис. 11 стр. 11) и сравниваемые съ послѣдними сельджукскіе рельефы по камню (ib., рис. 10 и 17). Кромѣ того, Sarre, Denkm. pers. Baukunst. Textband, pp. 69 (рис. 83), 70 (рис. 85).

преодолены строгой, суровой стилизаціей, вѣрнѣе, схематизаціей изображеній и ихъ компановки. Въ новомъ стилѣ движенія нѣтъ, а царитъ схема. Сюжеты обнимаютъ людей, животныхъ и птицъ (пѣтуховъ?—того же размѣра, что и животныя), а изображенія — въ лучшихъ своихъ образцахъ — представляются стилизованными, заостренными, разбитыми теперь уже на правильные квадратики, съ повторяющимися черезъ три сюжетами¹⁾. И въ размѣрѣ пояса новаго стиля уменьшены и подведены подъ одну мѣрку²⁾.

Различаются двѣ группы изображеній различныхъ сюжетовъ. Одна, менѣе совершенная, представлена въ числѣ около 20 вариантовъ (табл. XIX и XX, ср. также табл. XVII и XVIII, гдѣ изображены пояса, непосредственно предвѣщающіе новую эпоху). Изображены три человѣчка en face, средній изъ нихъ маленький: на нѣкоторыхъ вариантахъ онъ доведенъ въ стилизаціи до ромба съ точкой въ центрѣ. Позы человѣчковъ должны быть экспрессивны. Въ другихъ квадратикахъ изображены отдѣльныя животныя — олени, собаки, быки, «пѣтухи» и т. п. Раздѣляющія отдѣльныя сценки перегородки мѣняются здѣсь: зигзагъ — лѣстница — елка — витая колонка. При этомъ есть формы, составляющія если не переходъ изъ одной въ другую, то во всякомъ случаѣ ассимиляцію одной другою, такъ что трудно сказать о нихъ — елка это или колонка.

Кромѣ того, два фрагмента составляютъ или связующіе примѣры между образцами переходной и новой эпохъ, или одинаково могутъ относиться и въ ту и въ другую. Такъ, на одномъ между человѣчками и «пѣтухомъ» изображено сидѣнье(?): его скорѣе можно отнести къ переходной эпохѣ³⁾. На другомъ, фрагментъ большой ручки, вмѣсто трехъ человѣчковъ имѣетъ только одного съ (молитвенно?) воздѣтыми вверхъ руками и купольной церковью крестоваго плана (табл. XX рис. 3). Не возможно ли предположить здѣсь специально-церковный заказъ? Этотъ поясокъ также раздѣленъ витыми колонками на квадратныя поля.

Вторая серія — законченныя произведенія новаго стиля — даетъ только 3—4 варианта (табл. XXI). Въ квадратикахъ изображены птицы съ птенцами и животныя, кормящія дѣтенышей; человѣчковъ вообще нѣтъ. Изображенія настолько деградированы, что опредѣлять, кто на нихъ представленъ, вовсе не соответствуетъ замыслу мастера: налицо такія превращенія,

1) Число три имѣетъ тутъ практическое основаніе: ширина каждой фигурки равна примѣрно діаметру цилиндра, т. е. эти три тройнымъ числомъ рѣзныхъ фигуръ на окружности цилиндра очень облегчался расчетъ величины каждой изъ нихъ.

2) Всѣ эти образцы выставлены во II-ой витринѣ.

3) 09. М. № 23 и 15. п.

которые говорятъ о полномъ отсутствіи мысли о живыхъ прообразахъ. Наоборотъ, все говоритъ о чисто-техническомъ процессѣ стилизаціи; вмѣсто одного только упрощенія рисунка и приведенія его къ основнымъ структурнымъ линіямъ, мы имѣемъ здѣсь старательное заполненіе всякаго пустого мѣста какими бы то ни было простѣйшими линіями, фигурами. Здѣсь изображены какъ бы олени, но съ вытянутымъ вверхъ пирамидой крупомъ, какъ бы серны съ совершенно прямыми рогами и закрученнымъ спиралью хвостомъ(?), наконецъ, какъ бы пѣтухи съ эксельбантами отъ конца вверхъ стоящаго трапеціей хвоста къ шеѣ¹⁾. Фигурки отдѣлены другъ отъ друга перегородками съ зигзагомъ и точками по серединѣ, уже принявшими значительные размѣры.

Стиль этихъ послѣднихъ изображеній совершенно отличенъ отъ первыхъ — крупныхъ рельефовъ и сопутствующихъ имъ поясныхъ сюжетовъ. Они плоски и орнаментально стилизованы и — въ формальномъ отношеніи — скорѣе всего напрашиваются на сравненіе съ фигурными изображеніями на поливныхъ сосудахъ и т. д.²⁾. Здѣсь мы сталкиваемся съ типичнымъ для всей армянской рѣзбы явленіемъ. Орнаментація исполняется въ рѣзко выраженной плоской рѣзбѣ: всѣ естественныя выпуклости, вся закругленность фигуръ отброшены и изображеніе достигается вырѣзываніемъ рисунка преимущественно прямыми чертами въ плоскости, а не моделированіемъ массы³⁾. Этотъ приѣмъ характеренъ для всей анійской рѣзбы, какъ фигурной, такъ въ значительной мѣрѣ и геометрической. И даже болѣе того: онъ характеренъ и для армянской рѣзбы вообще⁴⁾. И это настолько составляетъ сущность художественнаго воспріятія формъ, что даже скульптуры надгробныхъ памятниковъ воспринимаются, какъ соединенія подъ угломъ отдѣльныхъ плоскостей, а не какъ округлыя, пластическія фигуры⁵⁾.

Кромѣ фигурныхъ поясовъ, имѣются еще пояса съ исключительно геометрической орнаментовкой (табл. XXII и XXIII). Среди нихъ можно выдѣлить нѣкоторые фрагменты, которые по тщательности отдѣлки и большей

1) Аналогія деформаций «Вост. Сер.», рис. 37.

2) 06. № 180; 08. С. 19; 08. № 73; 08. № 66; 10. У. IV. 40.

3) Ср. рис. въ Отчетахъ ИАК, 1892, стр. 78, 79 или въ № 1—3 изданій «Анійской Серіи»; XV, т. I, II; TP, кн. XIII.

4) Ср., напр., безконечное количество рельефовъ на Ахтамарской церкви (на Ванскомъ озерѣ) X-го вѣка и на др., изданныхъ Bachmann'омъ, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan (Veröffentlichungen der deutschen Orient-Gesellschaft, 1913); то же: Егіазаровъ и Мартиросьянцъ, Памятники древне-армянской архитектуры (СПБ, 1905), и др. Наличие этой особенности въ рѣзбѣ армянскихъ рельефовъ подтвердилъ мнѣ и I. А. Орбели, какъ повсюду наблюдаемую имъ (быть можетъ, за однимъ двумя исключеніями).

5) Bachmann, op. cit., табл. 9.

выпуклости формъ, а частью и по внѣшнимъ обстоятельствамъ нахождения ихъ, могутъ быть отнесены къ болѣе раннему періоду. Образцы геометрическаго убранства поясовъ собраны въ Музеѣ въ отдѣльной витринѣ, причемъ при расположеніи ихъ принята во вниманіе и эта замѣчающаяся хронологическая или, по крайней мѣрѣ, типологическая послѣдовательность.

Въ отношеніи рисунка рѣзко разнятся два типа. Одинъ покрываетъ украшаемую часть сплошной, непрерывной полосой; другой же усѣиваетъ ее черезъ извѣстные промежутки кружками тѣхъ или иныхъ рисунковъ¹⁾. 15 образцовъ перваго типа представляютъ вариантъ очень пространнаго архитектурнаго орнамента волнисто переплетающихся линий съ точками посрединѣ²⁾. Одинъ образецъ мѣ представляетъ древнимъ (табл. XXII рис. 1)³⁾; близко подходитъ къ нему одинъ фрагментъ, извлеченный изъ бута купола церкви св. Григорія, рода Абугамренцъ⁴⁾, между тѣмъ какъ образцы съ идущими отъ горла къ поясу полосами, какъ бы полотенцами, переносятъ насъ въ позднюю эпоху (табл. XXII рис. 2 и табл. X рис. 2). Кромѣ того, имѣется еще три отличныхъ отъ разсмотрѣннаго только что архитектурнаго образца непрерывной геометрической орнаментовки (табл. XXII рис. 4)⁵⁾ и стилизація надписи (табл. XXII, рис. 3).

Второго типа коллекція украшеній кружками съ розетками, съ соломовыми печатями и тому подобными изображеніями достигаетъ 30-ти различныхъ примѣровъ (табл. XXII рис. 5—6 и табл. XXII). За одни изъ древнѣйшихъ я бы считалъ два выходящіе нѣсколько изъ этой разновидности примѣра, именно ручку караса, изображающую въ большомъ кругѣ солнце, стилизованное въ видѣ лица, пониже розетку и вихреобразную фигуру (табл. XXII рис. 6)⁶⁾, а также образцы чередующихся(?) кружковъ и квадратиковъ съ крестикомъ и треугольничками въ немъ. Что же

1) Частію, быть можетъ, они воспроизведены штампами отъ руки, а частію роликами, хотя равенство промежутковъ между ними еще не рѣшаетъ вопроса; ср. форму изъ находокъ 1908 года (Дневникъ раскопокъ отъ 10 іюня: ОС. № 6) съ рисункомъ розетокъ.

2) Ср., напр., на церкви изъ раск. 1911 года, на церкви Абугамренцъ и др.

3) ОЗ. А. № 12.

4) 15, А, 18: третій фрагментъ въ верхнемъ ряду.

5) Ср. фрагментъ изъ Самарканда въ Этнографическомъ Музеѣ Имп. Академіи Наукъ за № 999—16 (въ шкапу № 4).

6) ОЗ. п. № 2. Отдаленно напоминаетъ ее украшеніе на сѣверной сторонѣ барабана церкви Тиграна Юненца. Аналогичная вихреобразная фигура встрѣчается среди месопотамскихъ неполивныхъ глиняныхъ фрагментовъ ранне-исламскаго періода штампельнаго производства (Sarre und Herzfeld, op. c., I, стр. 226 и рис. 117).

касается всѣхъ остальныхъ, то въ общемъ они производятъ впечатлѣніе принадлежности одной эпохѣ — послѣдней. Показательными для нея являются уже извѣстныя намъ большая ручка особой формы и упоминавшіяся не разъ полотенца, изображающія прозрачную ткань, перехваченную тесьмами и пуговками¹⁾, а, быть можетъ, совершенно преобразованное изображеніе деревьевъ, встрѣчаемыхъ въ переходную эпоху на карасахъ: тутъ тоже есть пуговики, тамъ явно изображающія плоды²⁾. Нѣкоторые иного вида образцы такихъ полотенецъ, какъ я бы хотѣлъ ихъ считать, наводящіе на мысль и о возможности перехода изъ тѣхъ деревьевъ, найдены въ коллекціи горлъ отъ карасовъ³⁾.

Среди образцовъ Музея есть фрагменты карасныхъ поясовъ съ частями ручекъ, гдѣ наблюдается соединеніе фигурнаго пояса съ розетками, поставленными у основанія ручки: вѣроятно, это находится въ связи съ оставшимся пустымъ при отгискиваніи цилиндра мѣстомъ (табл. XXII, рис. 42)⁴⁾.

Итакъ, разсмотрѣнные нами полированные карасы, какъ по формѣ, такъ особенно по декоративному убранству составляютъ изолированную группу⁵⁾. Какъ не можемъ мы пока указать тѣхъ глиняныхъ сосудовъ, отъ которыхъ произошли наши карасы, такъ и декоративное убранство ихъ не находитъ себѣ пока прямо указуемаго источника, прообраза. Но тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что карасы тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ одновременнымъ народнымъ художественнымъ творчествомъ въ отношеніи психологическихъ основъ и особенностей. Полированные сосуды изъ красной глины — миски, кружки, кувшины, горшки, украшенные и неукрашенные — находятся въ Ани въ послѣднюю эпоху разцвѣта городской жизни въ громадномъ количествѣ, приближающемся къ количеству поливной посуды. Карасы въ этомъ отношеніи составляютъ одно изъ выраженій даннаго теченія. Что касается рельефныхъ, тисненыхъ украшеній, то они психологически входятъ въ одну группу съ упоминавшимися неполивными месопотамскими и среднеазиатскими, а также поливными персидскими издѣліями, на которыхъ украшенія рельефны; я считаю возмож-

1) Обѣ—10. У. IV. изъ собр. № 133.

2) Ср. выше, стр. 26 и табл. XI рис. 7.

3) Въ особомъ глухомъ ящикѣ Музея.

4) Пеллише будетъ также упомянуть о существованіи фрагментовъ карасовъ съ тиснеными надписями по верхней поверхности краевъ горла; они описаны І. А. Орбели въ Каталогѣ, I выпускъ, стр. 64 (въ строкѣ 9-ой слѣдуетъ только замѣнить «по поясу» словами «по борту горла»). Буквы имѣютъ хорошее лапидарное начертаніе.

5) Распространены карасы довольно широко: фрагменты ихъ имѣются, кромѣ Ани, изъ Ширакавана, Армавира, Гарни.

нымъ говорить здѣсь не о заимствованіи, а лишь о закономерномъ проявленіи однихъ и тѣхъ же формъ, какъ результатъ одинаково достигнутыхъ ступеней развитія. Такъ же надо смотрѣть на повсемѣстное проявленіе громадной живости, подвижности, прочувствованности изображаемаго, которое такъ рѣзко и выгодно отбѣняетъ искусство съ начала XIII-го вѣка, какъ въ передней Азіи, такъ и въ Европѣ, отъ сухого, безжизненнаго, схематическаго подчасъ, искусства предыдущаго времени. Въ этой смѣнѣ характера художественныхъ воспріятій мы находимъ важное подспорье и для опредѣленія, хотя бы очень приблизительнаго, времени нашихъ карасовъ. Древнѣйшіе, какъ упоминалось, исполнены еще цѣликомъ въ духѣ геральдически-неподвижныхъ, завѣщанныхъ отъ предковъ изображеній, въ то время какъ новые — полны движенія, жизни. Лишь постепенно мастера овладѣли предметомъ и выдѣлили опредѣленные композиціи, претворивъ ихъ вполне согласно своимъ требованіямъ.

Если такимъ образомъ карасы вошли и вполне слились съ армянскимъ искусствомъ послѣ XIII-го вѣка въ Ани, то все-таки возможно, что придется признать чужеземное ихъ происхожденіе. Въ этомъ смыслѣ наиболѣе важными являются два пункта. Въ то время какъ анійскіе сосуды самыхъ разнообразныхъ величинъ имѣютъ форму вытянутую, къ низу коническую, — у нашихъ полированныхъ карасовъ она пузатая, почти округлая. Далѣе, обычно сплошное заполненіе свободной поверхности предмета орнаментами, очень часто совершенно не приведенное къ высшему единству, не повторено на карасахъ, гдѣ ограниченность украшенія, технически, правда, вполне поясняемая, остается психологически непонятной. Въ обоихъ пунктахъ мы получаемъ вполне удовлетворительныя разъясненія, обратившись къ дагестанскимъ мѣднымъ котламъ, о которыхъ упоминалось вначалѣ. И. А. Орбели подвергъ специальному разсмотрѣнію взаимоотношеніе карасовъ и дагестанскихъ котловъ; благодаря любезности И. А. Орбели, изслѣдованіе котораго надѣмся скоро станетъ общимъ достояніемъ, мы имѣли возможность ознакомиться съ матеріаломъ въ полномъ объемѣ. По моему впечатлѣнію, анійскіе карасы — сколокъ дагестанскихъ котловъ, правда, сколокъ, какъ нельзя лучше пришедшійся ко двору, вполне отвѣчавшій мѣстнымъ запросамъ. Карасы сдѣланы по образцу такихъ мѣдныхъ котловъ, которые вполне легко и естественно предполагать привезенными въ Ани. Последнее обстоятельство объяснить, что скопировали и пузатую форму, и всѣ характерныя детали. Узкія горла съ невысокими и какъ бы развертывающимися бортами объясняются изъ мѣдныхъ котловъ, гдѣ нѣтъ бортовъ, но зато горизонтально отходятъ ровныя поля, которыя точнѣе нельзя было

воспроизвести изъ глины, чѣмъ то видимъ на раннихъ карасахъ. Маленькія для одного пальца ручки, мало цѣлесообразныя въ глиняныхъ тяжелыхъ карасахъ, вполне уместны на мѣдныхъ котлахъ, гдѣ въ нихъ продѣлавали большія ручки. Не даромъ на позднѣйшихъ карасахъ, выдѣлывая которые, мастеръ обладалъ уже полнымъ навыкомъ производства вмѣсто стоявшаго въ первый разъ передъ его глазами, чуждаго по технике и матеріалу, образца для копирования, онъ сдѣлалъ большія ручки, имѣющія практическое значеніе. Орнаментированные пояса, пущенные по наибольшей окружности, становятся понятными, когда находимъ ихъ на мѣдныхъ котлахъ, гдѣ они могли играть реальное, практическое значеніе сокрытія швовъ кленки. Видя такой прообразъ, мы понимаемъ, что при немъ не могла зародиться мысль (оставивъ практическое назначеніе пояса въ сторонѣ) покрыть весь корпусъ громаднаго металлическаго предмета орнаментами: это была бы несоразмѣрно трудная и слишкомъ дорого стоящая задача. Оба соображенія, однако, при глиняномъ производствѣ не могутъ имѣть мѣста. Удержались же на карасахъ пояса и не замѣнились сплошнымъ украшеніемъ, благодаря приложенному къ производству ихъ съ самаго же начала техническому усовершенствованію, создавшему традицію. Наконецъ, отсюда же пояснится и особенность убранства древнихъ карасовъ; во-первыхъ, присутствіе на поясахъ изображеній специально-исламскаго искусства: очевидно, что увидали мастера на мѣдномъ дагестанскомъ котлѣ, то—или однородное по характеру, но вообще и ранѣе извѣстное имъ — воспроизвели они и на роликахъ для оттискиванія карасныхъ поясовъ. Во-вторыхъ, воспроизведены крупныя рельефы по верхней половинѣ карасовъ, которые имѣютъ себѣ аналогію въ котлахъ, а исчезновеніе ихъ позднѣе есть результатъ эволюціи на анійской почвѣ. Всѣ эти соображенія говорятъ за то, что въ карасахъ мы имѣемъ дѣло съ заимствованнымъ явленіемъ, но насколько оно было подготовлено предыдущимъ развитіемъ, показываетъ ходъ эволюціи его въ Ани, идущей почти вразрѣзъ съ заимствованіемъ¹⁾.

Г. Чубиновъ.

1) Я. И. Смирновъ указалъ мнѣ, что Морганъ, приводя рисунокъ одного обломка анійскихъ карасовъ, считаетъ его іероглифическимъ письмомъ, при этомъ же высказываетъ соображеніе о происхожденіи его изъ хеттскаго письма и объ употребленіи въ позднюю эпоху когда въ ходу была клинопись (J. de Morgan, *Les premières civilisations. Études sur la pré-histoire et l'histoire*. Paris 1909, pp. 232 и 189 п. 1). Морганъ пользуется отчетомъ Э. Рёслера, копавшаго по порученію Имп. Археологической Коммиссіи лѣтомъ 1900 года, между прочимъ и въ Ани; отчетъ же помѣщенъ въ *Zeitschrift für Ethnologie, Verhandlungen*, 1902, pp. 236—237. При раскопкахъ на западной сторонѣ Вышгорода Рёслеръ нашелъ «кусочекъ большаго глинянаго сосуда краснаго цвѣта съ орнаментомъ изъ древне-персидскихъ клиновъ» (это по мнѣнію С. F. Lehmann'a въ Берлинѣ), и другой фрагментъ, на которомъ находятся «между двумя горизонтальными валиками подобныя іероглифамъ изображенія».

Суджунская церковь и ее древности.

Мѣстечко Суджуна находится въ 4 верстахъ отъ станціи Абаша Закавказской желѣзной дороги. Оно служило прежде зимнею резиденцію Чкондидскихъ епископовъ и являлось очень бойкимъ торговымъ пунктомъ Мингреліи. Съ открытіемъ станціи въ Абашѣ торговля Суджуны пала, хотя ярмарки бывають здѣсь нѣсколько разъ въ году. Церковь въ Суджунѣ довольно большая и очень красивая, имѣетъ видъ удлиненнаго четырехугольника съ фронтонами и куполомъ. Она облицована снаружи чисто отесанными бѣлыми камнями (табл. XXIV). Внутри она дѣлится круглыми столбами на три нефа съ тремя алтарями. Алтарные выступы снаружи образуютъ полукругъ. Широкія двери съ юга, запада и сѣвера украшены кругомъ красивою рѣзбою (табл. XXV рис. 4 и 5). Надъ южною дверью небольшой рѣзной крестъ съ голубями сверху, а по сторонамъ креста рельефомъ представлены святой Димитрій и святой Георгій съ надписями именъ: **წმ ოსტატე**, **წმ გიორგი**. Святые изображены верхомъ на коняхъ, поражающими драконовъ копьями (табл. XXV).

Барабанъ изъ 12 граней со столькими же окнами, украшенными снаружи арочками. Главное украшеніе внѣшнихъ стѣнъ церкви и фасадовъ составляютъ аркады, ниши и нишки. Въ главномъ алтарѣ три окна, въ боковыхъ по одному; затѣмъ по два окна имѣются съ запада, юга и сѣвера. Надъ западною дверью вверху видна плита въ рамѣ для надписи, но самой надписи нѣтъ (табл. XXV). Восточный фасадъ украшенъ нишами, арками и двойными арочками надъ окнами. Кромѣ того, подъ фронтономъ имѣется поясъ изъ 11 выпуклыхъ, а ниже — поясъ изъ полукруглыхъ нишекъ (табл. XXVI). Крыша желѣзная. Съ юго-восточной стороны, недалеко отъ церкви, надъ рѣчкою возвышается красивая колокольня, возведенная изъ такихъ же бѣлыхъ камней, какъ церковь. Нижняя часть

колокольни о четырехъ высокихъ столбахъ, верхняя о восьми круглыхъ колоннахъ съ базами и капителями.

Поодаль отъ церкви, съ западной стороны небольшая деревянная церковь съ алтарнымъ выступомъ съ востока.

Обширный ровный дворъ церкви украшаютъ гигантскіе чинары и липовыя деревья. Церковь построена въ половинѣ XIX вѣка Антоніемъ Чкондидели и является послѣднимъ интереснымъ памятникомъ автономной Мингреліи. Она посвящена святому Георгію и богата образами этого святого.

Образы и другія вещи Суджунской церкви.

1. Большой храмовый образъ святого Георгія, серебро-позолоченный, чеканный, грузинской работы въ 67×46 сант. Святой представленъ стоящимъ въ одеждѣ римскаго воина, съ конемъ въ правой рукѣ; лѣвою онъ держитъ у ногъ щитъ, украшенный плетеніемъ (табл. XXVII). Нимбъ святого снабженъ сложными разводами грузинскаго пошиба и украшенъ крупнымъ камнемъ (лазомъ). Надпись имени крупными заглавными церковными буквами: **წმ გიორგი**, и таковыми же греческими буквами, идущими вертикально по обѣ стороны: **Ο ΑΓΙΟΣ ΓΕОРΓΙΣ**. Самый образъ не позднѣе XIV вѣка. Кайма образа болѣе поздняго времени и грубой работы украшена травянымъ орнаментомъ и поясными изображеніями святыхъ въ медальонахъ: лѣво евангелисты Іоаннъ, Маркъ и Матѳей (**წმ იოანე**, **წმ მარკო**, **წმ მათე**), направо три ангела, сверху архангелъ Михаилъ, внизу въ серединѣ успеніе Богоматери, по краямъ изображенія Богоматери съ Младенцемъ. Всѣ эти рисунки грубой работы XVII—XVIII вѣка.

2. Образъ святого Георгія серебряный, чеканный, въ 48×34 сант., грузинской работы (табл. XXVIII). Святой представленъ стоя; въ правой рукѣ онъ держитъ копьѣ, лѣвою поддерживаетъ у ногъ щитъ, украшенный въ серединѣ листовымъ орнаментомъ, а по краямъ крупная надпись заглавными церковными буквами:

ჰქრისტე შეიწყალე იოანე ცაიშელი პოლაგისძე

«ქრისტე შეიწყალე იოანე ცაიშელი პოლაგისძე (?)».

«Христе, помилуй Іоанна Цайшели (цайшскаго епископа) Полагисдзе».

Трудно сказать, нужно ли читать группу **წმ გიორგი** какъ **წმ გიორგი** «Полагисдзе» или иначе, такъ какъ такую фамилію мы первый разъ

встрѣчаемъ; но группы **IOY** и **GIY** должны означать *იოანე ცაიშელი* — «Іоаннъ Цайшели».

Изъ другихъ источниковъ Іоаннъ Цайшели не извѣстенъ. Надпись, по-видимому, не позднѣе XIII—XIV вѣка.

По краямъ образа 12 камней, въ нимбѣ пять. Надпись имени святого крупными заглавными хуцурн: **წმ წი**. Фонъ образа гладкій, но кайма съ трехъ сторонъ покрыта выющимися растеніями. Она поздней работы, XVII вѣка, о чемъ повѣствуетъ надпись мхедрули въ шесть строкъ, помѣщенная внизу на гладкой каймѣ:

ქ: ეჭა: მოწამეთა: შორის: მკნეო: შვიდ წილ: უძლეველთ: ღვაწლის: მძლეო: 1
დიდო: მეტადო: დიდის: მეფისაო:
წმიდაო: გიორგი: კრძლოსანო: ბოროტმან: ვინმე: კაცმან: კელეო: ხატისა: 2
შენისა: გატეხა: ხოლო: ჩუენ: ძალითა: შენითა: უკადრისად: შ
ემკადრებელი შენი: გამოგზანეთ: და: ვითარცა: ავსა: კაცსა: ფერობდა: ისრე: 3
უევიოთ: აწე: ჩუენ: შენ: მიერ: განძლიერებულმან: დადინმან: ჰა
ტონმან: ლევან: განგახლეთ: ახლად: აქროსა: წელისა: დაფურვითა: გარე- 4
შემო: ოთხის: ფეხისა: მოჭედითა: და: თუალ: მარჯალიტითა: და:
დაცასვენ
ეთ: სუფუნის ეკლესიასა: მის: კურობეულისა: ჭილაძის: ასულისა: და თანა 5
მეტყედრისა: ჩუენისა: დედოფლისა: ჰატონისა: ნესტანდარეჯან-
ისა: სუ
ლისა: სახსრად: და: სახლად: ჩუენდა: სადღეგრძელოდ: და ძეთა: ჩუენთა: 6
აღსახრდელოდ: განახლდა: ქქსა: სამას: ოცდა: ათათხმეტს:

Переводъ:

«О ты, храбрый между мучениками, семь разъ непобѣдимый, украшенный подвигами, великій воинъ Великаго Царя, святой Георгій меченосецъ! Нѣкій злой человекъ приступилъ было къ ограбленію твоей иконы, но мы силою твоею обнаружили дерзнувшаго противъ тебя и, какъ подобало со злымъ человекомъ, такъ съ нимъ поступили. Нынѣ мы, возвеличенный тобою Дадіани патронъ Леванъ, снова возобновили тебя позолотою, украшеніемъ четырехъ бордюровъ и драгоценными камнями и поставили въ Суджунской церкви во спасеніе и утѣшеніе блаженной памяти урожденной Чиладзе, супруги нашей Нестанъ-Дареджаны, въ долгоденствіе наше и въ воспитаніе сыновей нашихъ. Обновленъ въ корониконъ 334».

Корониконъ этотъ соотвѣтствуетъ 1646 году.

3. Образъ св. Георгія грузинской работы, серебряный, чеканный, въ

26 × 22 сант. (табл. XXIХ). Святой представленъ верхомъ на конѣ поражающимъ дракона копьемъ. Кайма украшена травами и выющимися растеніями. Сверху надпись въ 4 строки заглавными хуцурн:

სოჲოჲნს წმ წი შიურნი	1
აჲ: ზე უღოჲნტაჲჲ	2
ყრნს უნს: ან ზოჲნს[აჲჲ]	3
მდრნი ში წი.	4

Безъ сокращеній:

«სუფუნის წმიდა გიორგი, შეიწირე და გაუმჯავვე ჰატონს გიორგის ორ-
მეჯდან მოგატ[ედიე] ხატი შენი, ამინ».

Переводъ:

«Святой Георгій Суджунскій, прими (sie) и дай побѣду господину Георгію, который распорядился отчеканить образъ твой. Аминь».

Георгій этой надписи долженъ быть или Георгій Липартіани, сынъ, Каціи, который жилъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, или Георгій Дадіани, сынъ Отіи, который извѣстенъ во второй половинѣ XVIII вѣка¹⁾. Такимъ образомъ, описываемый образъ св. Георгія не древнѣе XVII—XVIII вѣка.

4. Образъ св. Георгія, серебряный, чеканный, въ 28,5 × 24 сант. грузинской работы, внизу немного поврежденъ (табл. XXX). Святой представленъ стоя, въ правой рукѣ держитъ копьѣ, лѣвую положилъ на мечъ, рукоятка котораго оканчивается птичьей головою; къ лѣвой же рукѣ выше локтя привѣшенъ щитъ. Поле образа украшено выющимися растеніями. Надпись имени крупными заглавными хуцурн: **წმ წი**. Серебряныя цѣпи, привѣшенныя къ образу, показываютъ, что его носилъ на груди священникъ. Сверху надпись буквами мхедрули оборвана, она заключаетъ въ себѣ начало обращенія къ святому Георгію:

ქ ჰო ეფველთ ქრისტიანეთა შემწეო და შესავადრებელო შვიდ წილ უძლეველთ 1
ღვაწლ შემოსილთ... 2

Остальная часть второй строки срѣзана; видны остатки верхнихъ частей буквъ и по краямъ начальныя буквы третьей строки.

На оборотѣ образа и на толщѣ большая надпись (табл. XXXI):

¹⁾ Brosset, Hist. de la Géorgie, t. II, livr. 1, p. 648.

ქ. ზოი ეოველთა ქრისტიანეთა ზღუდეო მცველო და შესაყდრებულო მხნეო 1
 მხედრო ქრისტესო შვიდ წილ უძლეველო ღვაწლით შემოსილო დიდო მოწამ 2
 ეო მთავრო წმიდაო გიორგი სუფუნისო ჩვენ ქრისტეს მიერ კურთხ 3
 ეულმან მამა ჭეონდიდელმან ჩხეიძემ პატრონმან ევდემოს ვიგულისხმ 4
 ეო და მოფინდომეთ სსრუბით მოსვმან და მადიდებელმან ტაძრისა შენისამა 5
 ნ ვიგულებო და ვიგულისმოდგინეთ გავდრეთ და შემოგწირეთ ზნაო ესე 6
 შესწირა
 ვი ესე. ასე რომე კოდრო ვამეე დადინისკან და ელენე დედოფლისკან ზიარე 7
 ჯად შემოწირული ეოფილიყო და სჭეონდიდელთ სახსოთ ეოფილიყო და 8
 უამთა ვითა
 ვითარებისათა ელავა გოგის მისთვის დაეჭირა აწე ჩვენ გამოგვირთმევისა ხელ 9
 ახლა შენთვის შემოგვიწირავს და ჩვენსა სახსოთ დაგვიჭირავს კოდროს 10
 სამი კვამლი
 კაცი სოგიორე შელას მისი სახლის კატები თვალკაც ქობულია და ხოხონაი 11
 გა[კ]
 ულია მათს სახლის კაციოთა მამული და აღაგითა სხუა აქაური პატრასები 12
 მამული
 და აღაგები ჩვენთვის დაგვიჭირავს აწე რამანტ ქემან კაცისმან მეექვმან ანუ 13
 დედოფალ
 მან გინა უფლის წულმან დიდმან ანუ მცირემან ანუ რამანტ ქემან კაცისმან ანუ 14
 ჩვენმა შემდგომმა ჭეონდიდელმან უეუნისამდე ეს ჩვენსა გამოგვირთული 15
 მამული და ეს წიგნი თქვენ მოგიშლავს და ან ის გლეხები გასცეს ან 16
 იმ გლეხების გაცემასი გაერიოს და იშუამავლავს და გაცემას მოინდომოს 17
 მასამცა რისხავს თავად დაშალებული ღთი და მარტვილისა ღთის 18
 მშობელი და ეს წმინდა გიორგი სუფუნისა და ეოველნი წმინდანნი ღთისანი ზე 19
 ცისანი და ქვეყნისანი უხორცოთა ძაღნი მათმან დიდების მადლმან ნე იხსნას 20
 ნუცა¹⁾ იხსენების სული მისი ნუცა წირვითა და ღოცვითა ნუცა 21
 [იერუ]სალიმს წასვლითა ნუცას სადოთსა საქმითა წეეულ და შეჩვენებულ 22
 იერს სული და
 [კ]ორცი მისი ამინ. 23

На толщъ образа еще особо написано:

ქ. ჩხეიძე. ევდემოს. ჭეონდიდელისკან კოდროს: სამი კვამლი კაცი გოგო 1
 ელიავასთვი გამოერთმან და წმინდის გიორგის სუფუნისთვის შეწირა 2
 და ჩვენ ღიპარტიანის შვილმან ჭეონდიდელმა პატრონმა გაბრიელ: კუაღად 3
 ცანგახლეთ²⁾³⁾ ჩვენსა დაგვიმტკიცებია და გურბითკან 4

1) Отсюда начиная, надпись помещена на толщъ образа.

2) Отсюда начиная, надпись продолжена на другой стороне образа сверху.

3) Здѣсь два слова уже не разбираются.

ჩხაიძე მახარებელი გამოვიყვანეთ და შელას შევერეთ იგივე ჩვენ შესწირეთ 5
 ჩვენსა სადღესობელთ და სულისა¹⁾ ჩვენისა სახსოთ რათა ჩვენს ნაწილი 6
 გვაქუნდეს დღ 7
 ესა განვით 8
 ხვისსა ამინ. 9

Переводъ:

«О ты, ограда, стражъ и предметъ молснiя всѣхъ христiанъ, храбрый воинъ Христа, семь разъ непобѣдимый, украшенный подвигами, великому-ченикъ, глава святыхъ Георгiй Суджунскiй! Мы, Христомъ благословенные, отецъ Чкондидели Чхеидзе, патронъ Евдемось, упованiемъ почитающiе и возвеличивающiе твою церковь, уразумѣли, постарались, задумали и по-усердствовали, осмѣлились и пожертвовали малый сей даръ: Кодоръ былъ пожертвованъ сперва Вамекомъ Дадiani и царицею Еленою и былъ положенъ въ пользу Чкондида, но по обстоятельствамъ времени Елиава Гоги завладѣлъ имъ для себя. Нынѣ мы взяли его у него и снова пожертвовали тебѣ и въ нашу пользу оставили въ Кодорѣ три дыма людей: Сагиаре Шелию, его однофамильцевъ, Тваликаца Кобулию и Хахоная Гагулию съ ихъ домочадцами, имѣнiемъ и землями. Остальныя здѣшнiя запущенныя²⁾ имѣнiя и земли мы оставили для себя. Съ этого времени кто изъ сыновъ человѣческихъ, царь или царица, или царевичъ, великiй или малый, или кто изъ людей, или слѣдующiй за нами Чкондидели измѣнить вамъ до скончанiя вѣковъ это нами опредѣленное имѣнiе и сiю грамоту, или тѣхъ крестьянъ отчудить, или приметъ участiе и будетъ посредникомъ и постарается отчудить, его да проклянутъ самъ Богъ Создатель и Мартивильская Божья Матерь и сей святой Георгiй Суджунскiй и всѣ божьи святые, небесные и земные, безтѣлесныя силы. Да не спасетъ его благодать величiя ихъ. Да не спасется душа его ни литургiею, ни молитвою, ни паломничествомъ въ Иерусалимъ, ни инымъ божескимъ дѣломъ. Да будутъ прокляты и связаны проклятиемъ душа и тѣло его. Аминъ».

На толщъ образа:

«Чкондидели Евдемось Чхеидзе въ Кодорѣ взялъ раньше у Гоги Елиава три дыма крестьянъ и пожертвовалъ святому Георгiю Суджунскому, и мы, сынъ Липартiана, Чкондидели Гавриилъ, возобновили [сие пожертвованiе] и утвердили, и вывели изъ Гурii Махаробели Чхайдзе и присоеди-

1) Эти два слова повторены въ оригиналѣ.

[2] «выморочныя» (პარტაღი partaḡ-i). О значенiи этого термина см. Н. Марръ, Грузинскiя приписки греческаго Евангелiя изъ Коридiи, ИАН, 1911, стр. 221. Red.]

нили къ Шеліи, и его мы пожертвовали въ долгоденствіе наше и во спасеніе души нашей, дабы и мы имѣли участіе въ день суда. Аминь».

Вамекъ III Дадіани и жена его Елена, упомянутые въ приведенной надписи, жили во второй половинѣ XVII вѣка. Чкондидели Евдемось (или Евдемонъ) Чхендзе жилъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка. Ему наследовалъ Гавріилъ, сынъ Георгія Линартіана, который жилъ въ началѣ XVIII вѣка¹⁾.

Кодоръ — деревня на берегу Ріона недалеко отъ Суджуны. Такимъ образомъ, описываемый образъ св. Георгія есть произведеніе конца XVII или начала XVIII вѣка.

5. Образъ св. Георгія, серебро-позолоченный складной, такой же работы, какъ предыдущій, въ 13,2 × 11,5 сант. Святой представленъ стоя, въ правой рукѣ держитъ копьё, лѣвою придерживаетъ очень длинный мечъ съ птичьей головою у рукоятки. Мастеръ, видимо, копировалъ предыдущую икону, но у него работа вышла грубѣе оригинала. Сверху надпись имени заглавными хуцури: **გე ოგ** (табл. XXXII рис. 1). На обратной сторонѣ образа видны монцы св. Георгія, между прочимъ палецъ. Въ серединѣ частица животворящаго древа: **ძეო ჳტი**. Налѣво мощи св. Георгія: **წის გის ნაწილი**. Направо плоть св. Георгія: **წის გის გარტო**. Кругомъ надпись мхедрули (табл. XXXII рис. 2):

მხედრთ მთავარ შვიდ წილ უძლეველ მარჯველ	1
გიორგი შვეშველ ხატი ესე ჳტიონის სხი	2
სა შენის მონაგმნ სხელის შენისმნ	3
დადაის კაცის ძემნ მამ ჳონ	4
დიდელ მიტროპოლიტმნ	5
ბესარიონ და შვეშველ	6
ჳტიონის ძელთა	7
და წთა ნაწილ	8
ეპითა და დავსველ	9
ე სუჯუნის ეკლესიას	10
სახსრად და სარხად სუჯთა	11
ხეხთა ქეს აქეთ	12
ხელს.	13

Переводъ:

«Глава воиновъ, семь разъ непобѣдимый мученикъ Георгій! Украсилъ образъ сей пречистаго лика твоего я, уповающий на твое имя, сынъ Дадіани

1) Hist. de la Géorgie II, 1, p. 647, 648.

Каціи, отецъ митрополитъ чкондидскій Виссаріонъ и украсилъ честнымъ древомъ и святыми мощами и поставилъ въ Суджунской церкви во избавленіе и утѣшеніе души нашей (въ лѣто) отъ Р. Х. 1797».

Чкондидели Виссаріонъ этой надписи былъ сынъ Дадіани Каціи II, жилъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, умеръ въ 1828 г. и погребенъ въ Мартвильскомъ монастырѣ¹⁾.

6. Большой образъ св. Георгія, серебряный, чеканный, грузинской работы (табл. XXXIII). Святой представленъ верхомъ на конѣ, поражающимъ дракона копьёмъ. Изъ угла виденъ перстъ Божій, нимбъ украшенъ разводами. Кайма украшена травянымъ орнаментомъ, посреди котораго попадаются изображенія ангеловъ. Сверху посреди каймы крупный камень. Надпись имени заглавными хуцури: **გე ოგ**. Внизу на серебряной пластинкѣ надпись мхедрули, правая половина которой вмѣстѣ съ каймой съ правой стороны не уцѣлѣла. Дополнивъ по смыслу недостающія слова и буквы, я читаю надпись такъ:

ქ: ღო და დადაის ძე ჳტიონ ჳეონდადელი მ[იტროპო]	1
ლიტი გრიგოლის ბძნებთ შვეშველ ხ[ატი ესე მე]	2
ხელტარის თვედრუმს ვინც წაიკი[ოხთ შენდობა ბძნეთ]	3

Переводъ:

«Божьей помощью и по приказанію сына Дадіани господина чкондидскаго м[итропол]ита Григорія украсилъ сей [образъ я], Хоштарія Θεодоръ. Кто про[чтете, скажите прости]».

Григорій Чкондидели жилъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Я видѣлъ его актъ, данный Мартвильскому монастырю въ 1760 году. Фамилія Хоштарія извѣстна и распространена въ Абашѣ. Къ образу привѣшена серебряная цѣпь для ношенія на груди по паствѣ или передъ войскомъ.

7. Образъ св. Георгія, живописный, 29 × 23,5 сант. Святой представленъ верхомъ на бѣлой лошади поражающимъ дракона (табл. XXXIV). Сверху ангелъ вѣнчаетъ его короною. Впереди стоитъ царевна, за ней виденъ дворецъ. Кайма серебряная, чеканная, украшена выющимися растеніями. Надпись имени святого заглавными хуцури: **გე ოგ**. Работа, повидимому, XVIII вѣка.

8. Дарохранительница небольшая, золотая, наподобіе креста, усыпана драгоценными камнями (табл. XXXV рис. 2).

1) Hist. de la Géorgie, II, 1, p. 648.

9. Крестъ небольшой, золотой, очень красивый, ажурной работы, украшенный жемчужинами (табл. XXXV рис. 1).

10. Крестъ серебряный, русской работы съ надписью мхедрули:

ჩვენ წელს შემოგვირე ჯვარი ესე სსსოხს ჩემს და მეოხს წმინდის მოწა- 1
მის გიორგის სუჟს
უნის კელესიას მე ცოდვილმა სავა ჯიანოვამ სულის ჩემის სსსოხს. 2

Переводъ:

«1828-го года пожертвовалъ это упованію и утѣшителю моему Суджунскому храму святого великомученика Георгія я, грѣшный Сава Афановъ, въ утѣху души моей».

11. Голова Иисуса Христа, выгнѣнная изъ гипса, 24 × 19 сант., новой красивой работы.

12. Потиръ серебряный съ надписью мхедрули XIX в.:

ქ: წო მთავარ მოწამელ სუჟისისო გიორგი დიდგვ ორთავე ცხელუბათა 1
შა მოქაძე სესნია და მეუღლე მისა ნაკაშიძის ასული დარეჯანი.

Переводъ:

«Святой великомученикъ Суджунскій Георгій, сохрани въ обѣихъ жизняхъ Сехнію Микадзе и супругу ихъ, урожденную Накашидзе Дареджану».

13. Дискось серебряный съ такою же надписью, какъ предыдущая.

14. Большая труба изъ мѣди для созыва народа.

15. Два большихъ копыя о двухъ зубцахъ изъ желѣза, извѣстные у грузинъ подъ названіемъ копыя св. Георгія (წმიდა გიორგის ორჯუბა) и имѣющіяся обыкновенно въ храмахъ, посвященныхъ этому святому. Чаше всего такіа копыя встрѣчаются въ Сваніи и Мингреліи.

16. Покровъ изъ парчи, вышитый шелкомъ съ изображеніями Спаса на престолѣ и херувимовъ по краямъ. Изображенія украшены бисеромъ изъ мелкихъ жемчужинъ (табл. XXXVI). Надпись имени по сторонамъ Христа греческая: ΙΣ ΧΣ. Кругомъ на каймѣ трудно разбираемая надпись вязью заглавнаго хуцури, которую я читаю такъ:

ჩ. ზეფქოზი გარე მუჟიეროჟყუჯიჩი ჩინიჩი. ქ სრქიძე 1
ჩინიძე დიუხლო ყი ჩქიჩი

ჩ. უნდ მრ მუნიდ რუბ ოქიჩი. ზე ყოჩ ჩრქოვ ოხი- 1
მდლო: ოჩრქოვქიჩი. ჩქიჩი. ჩქიჩი.

თინო ჩრქო: უნდ: რო სოჟინდო ჩი: ჟო 1
გარეჩი. ოქიჩი. სრქინდ ქიჩი 2
მრქინდ ჟეჩიჩი. ოქიჩი. ჩრქიჩი. ჩრქიჩი. 3
თქიჩი. უნდოჩი. ჩრქიჩი. ოქიჩი. ოქიჩი. 4
თქიჩი. ოქიჩი. ოქიჩი. ოქიჩი. ოქიჩი. ოქიჩი. 5
თქიჩი. ოქიჩი. ოქიჩი. ოქიჩი. ოქიჩი. ოქიჩი. 6
თქიჩი. ოქიჩი. ოქიჩი. ოქიჩი. ოქიჩი. ოქიჩი. 7

Безъ сокращеній:

«ქ. ჯიანოვან ცანი შეგნაერებამს მასმს. ხოლო სოჟინდო მასათა ჯიანოვან 1
ყოველი ქიჩიჩი».

ქ. ქს. შენ, შენა წილ უძველეს და ყოველთა მოწამელთა უზეშთაქსო, 2
უმწვერვალესო, სხვათა მხედრო, დიდო მოწამელ გიორგი, წმიდაო სუჟი- 3
ნო! მე, თინა ცოდვილმან, მოსვამს პატრონისა ციხისა შენისმან, თინა 4
ქსლმან ოქიჩი, ვანბე, ვიუღესმოქიჩი, ვიუღესო ჩინი ესე ქსლმანო, ესე 5
ჯიანოვან და ზეჩქილი, შეგნობილი თვითო და მარჯალითა, ჩვენა ცოდვითა 6
შესნდობდა და მეუღლეს ჩემსა ნატრონის ჩავა[ნის] გიორგისა ამ 7
სოჟელს წინამართლებდა. სადგომქილი, და ცოდვილის სულის ჩვენისთვის 8
სცხელებდა, ძიო და ასული ჩვენა აღსწილდა. და მოუღვანეთ მამსა და 9
მამიქსანს¹⁾ ჩვენსა ქიანდაქს მარჯალით, ძმსა ჩვენსა ღოდობიქს²⁾ 10
ქსლმანს, რათა შენკან მოვიდოთ დიდა წილად და შენდობა ცოდვითა. ხოლო 11
მიმთხევენ და ამდებენ სოჟინდისო, ჯიანოვანს შენდობას ყოველი ჩვენ 12
ცოდვილისთვის. ქსლმანს ქსლმანს ჩვენსა ჩვენსა.

1) Это слово плохо разбирается и наше чтение гадательное.

2) Присутствие титула въ этомъ словѣ заставляетъ читать его ღოდობიქსს вмѣсто 1
ქსლმანს.

Переводъ исторической надписи:

«О ты, семь разъ непобѣдимый, превосходящій и превышающій всѣхъ мучениковъ, доблестный воинъ, великомученикъ Георгій, Суджунскій святой! Я, наигрѣшная почитательница святой церкви твоей, Родамъ, урожденная Паѳава, пожелала, восхотѣла и осмѣлилась (поднести) ничтожный сей даръ, этотъ покровъ и воздухъ, украшенные драгоценными камнями и жемчужинами, въ прощенье грѣховъ нашихъ и въ преуспѣяніе въ сей жизни и въ долгоденствіе супруга моего патрона Георгія Чиковани и во спасеніе грѣшной души нашей, въ воспитаніе сыновей и дочерей нашихъ, и мы поднесли (это) отцу и духовнику нашему, Ѳкондидскому митрополиту, брату нашему, Евдемону Гоѳоберидзе (или Гоѳоберидзе), дабы мы получили отъ васъ большую милость и прощенье грѣховъ. А вы, соприкасающіеся съ этимъ и выниматели святыхъ даровъ, скажите ради Бога прости въ пользу насъ грѣшныхъ, (въ лѣто) отъ Р. Х. 1727».

Лица, упомянутыя въ сей надписи, изъ другихъ источниковъ намъ неизвѣстны.

17. Воздухи (табл. XXXVII) такой же работы, какъ покровъ, тоже произведеніе Родама Чиковани, о чемъ упоминается и въ предыдущей надписи.

18. Изъ рукописей въ церкви имѣется только метафраза строчнымъ церковнымъ письмомъ, переписанный въ 1822 году ключаремъ (канделаки) Ѳкондидскаго монастыря священникомъ Игнатіемъ по приказанію Ѳкондидскаго митрополита Виссаріона, сына Каціи Дадіани.

Е. Такайшвили.

Разныя извѣстія и замѣтки.

— Одна мелочь къ арабской транскрипціи именъ въ спискахъ никейнъ. При разъясненіи арабскихъ чтеній именъ въ списокѣ епископовъ перваго вселенскаго собора въ 318 именъ (Записки Имп. Академіи Наукъ, VIII серия, т. XIII, стр. 1—112) свящ. Д. Лебедевъ, признавъ въ السیریدانوس географическое названіе «Херсонесъ», возстановливаетъ الخیرسونوس (и. с., стр. 27, прим. 6). Но едва ли есть надобность свистящій می замѣнять, придерживаясь греческаго его эквивалента χ, сложнымъ заднеязычнымъ خ; достаточно, поставивъ три точки надъ می, признать его шипящимъ ش, ибо не въ одной арабской христіанской письменности греческій звукъ χ передавали шипящимъ ш¹⁾: то же самое наблюдаемъ и у грузинъ въ литературѣ, у чановъ (лазовъ) въ живой рѣчи и др., см. Н. Марръ, Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и азановъ святымъ Григоріемъ (арабская версія), стр. 164, 203. Это обстоятельство слѣдовало бы учесть и при возстановленіи первоначальныхъ чтеній другихъ именъ съ той же транскрипціонной особенностью, какъ то:

1) [الشاری] الساری, которое свящ. Д. Л—въ считаетъ (стр. 30, прим. 2) искаженіемъ Χερύρας.

2) [اشیلن] اسپلن, про которое свящ. Д. Л—въ пишетъ (стр. 36, прим. 3): «читать нужно اخیلس или اخیلون».

Н. М.

1) Потому-то въ составѣ начертанія الافتیشіс можно бы усмотрѣть въ пользу отождествленія Hilgenfeld'a — «Eutyhias» поддержку соответствія араб. ش греческому χ (ср. свящ. Д. Лебедевъ, и. с., стр. 35, прим. 3).

Критика.

Діонисій Өракійскій и армянскіе толкователи. Издавъ и измѣдовалъ Н. Адонцъ (Bibliotheca Armeno-georgica. IV), Петроградъ 1915, лл. [8] + СХСШ + [8] + 307.

I.

Въ подлежащемъ трудѣ имѣемъ первый случай разработки у насъ ориенталистомъ историко-литературнаго вопроса, — вопроса, самымъ матеріаломъ своимъ, продуктомъ совмѣстной работы греческой и армянской образованности, рассчитаннаго на сугубый интересъ въ филологическомъ мірѣ. Въ Западной Европѣ предшественники у автора въ этой области, именно въ области фило-софско-грамматическихъ произведений, есть (Baumgarten, Conybeare и др.), давшіе кое-какія изслѣдованія по греко-армянскимъ текстамъ, греческимъ подлинникамъ и армянскимъ переводамъ.

Однако, ни въ одномъ изъ этихъ трудовъ мы не можемъ признать предшественника ни по отношенію къ содержанію, ни по приѣмамъ работы.

Діонисій Өракійскій — своего рода отецъ схоластической грамматики у армянъ: собственно, его грамматическое произведение взятое само по себѣ одно могло бы составить предметъ докторской диссертациі армениста. Этотъ памятникъ, первый въ числѣ изданныхъ Н. Г. Адонцомъ текстовъ (стр. 1—66), правда, не представляетъ новизны ни въ греческомъ оригиналѣ, ни въ древнемъ переводѣ армянъ. Армянскій текстъ былъ изданъ впервые 90 лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ въ предшествіи греческаго и съ французскимъ переводомъ. То былъ трудъ также армениста, профессора Sirbied'a или Джырпетяна (1824 г.). Не говорю о Меґх'ѣ, сравнительно недавнемъ работникѣ. И тѣмъ не менѣе въ обработкѣ Н. Г. Адонца знакомое произведение представляется столь же новымъ, какъ другіе впервые появляющіеся на свѣтъ памятники, поскольку дѣло касается подсуднаго мнѣ армянскаго текста. Результатъ этотъ зависитъ отъ правильной постановки вопроса объ армянскихъ версіяхъ или самостоятельныхъ армянскихъ произведеніяхъ по ученію объ языкѣ. Правильность эта проистекаетъ отъ объема изучаемыхъ матеріаловъ и отъ самаго способа ихъ изученія. Настоящимъ трудомъ охвачена совокупность всѣхъ памятниковъ древне-армянской грамматической литературы.

Сама работа, произведенная Н. Г. Адонцомъ, — историко-филологическая, построенная цѣлкомъ на сравнительномъ изученіи чтеній по многимъ спискамъ, рукописямъ различныхъ отечественныхъ и западноевропейскихъ собраній.

Кое-что изъ предложенныхъ въ работѣ текстовъ издавалось и раньше съ разночтеніями, но какъ въ изданіяхъ, такъ въ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ тексты представлялись стереотипами, на которыхъ предполагалось достаточнымъ освѣжить или возстановить тотъ или иной штрихъ, пострадавшій отъ времени. Даже тогда, когда зарождалось подозрѣніе, принадлежитъ ли памятникъ тому лицу, съ именемъ котораго его связывала національная традиція, никому не приходило въ голову подвергать сомнѣнію цѣльность самого текста, вылившагося, казалось, изъ стилистическаго массива одной эпохи.

Особенность постановки вопроса въ трудѣ Н. Г. Адонца состоитъ въ слѣдующемъ: проработанный имъ армянскій текстъ, даже зафиксированный печатнымъ станкомъ, не перестаетъ въ глазахъ специалиста, знакомящагося съ изданіемъ, продолжать жить перенесенными имъ, на протяжении многихъ вѣковъ, превратностями судьбы. Онѣ, эти превратности, отражаютъ не капризы или теоретическія представленія случайныхъ переписчиковъ, иногда ихъ промахи, но органическія закономѣрныя измѣненія текстовъ въ тактъ съ общими условіями развитія древне-армянской литературы, прежде всего въ тактъ съ систематическимъ перерожденіемъ древне-литературнаго языка одной эпохи въ языкъ другой эпохи.

Раскрытая во всемъ объемѣ и наглядная въ фактическихъ подробностяхъ, эта жизнь обслѣдованныхъ Н. Г. Адонцомъ памятниковъ захватываетъ специалиста и толкаетъ его на дальнѣйшія изысканія. Специалистъ невольно продолжаетъ работу надъ предложеннымъ въ изданіи Н. Г. Адонца проработаннымъ текстомъ, находитъ въ немъ новую нишу, чтобы еще болѣе рѣшительно и болѣе рѣзко, чѣмъ это сдѣлано, намѣтить очертанія различныхъ языковъ древней Арменіи, чтобы чисто лингвистически, не говоря о стилистическихъ особенностяхъ, прикрѣпить тотъ или иной памятникъ къ опредѣленной литературной средѣ, къ опредѣленному времени. Словомъ, трудъ Н. Г. Адонца не только даетъ нѣчто положительное, но содержитъ въ высокой степени плодотворное возбуждающее начало.

Что касается результатовъ кропотливаго труда уже искушеннаго въ критикѣ текстовъ армениста, мало сказать, что они знаменуютъ собой сдвигъ съ мертвой точки, на которой твердо держатся или желаютъ держаться до сего дня тонкіе знатоки древне-армянской литературы. Съ появленіемъ изслѣдованія Н. Г. Адонца, въ научной литературѣ уже не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы дошедшіе до насъ грамматическіе памятники, относимые къ древнѣйшей порѣ, датировались одной эпохой, тѣмъ болѣе V-мъ вѣкомъ, по предполагавшемуся ихъ общему стилю, или приурочивались къ тому или иному столѣтію по именамъ, съ которыми эти произведенія связывались. Дѣйствительно тонкій анализъ Н. Г. Адонца подорвалъ основу для такого традиціоннаго распредѣленія памятниковъ во времени, притомъ болѣе, чѣмъ самъ Н. Г. Адонцъ, повидимому, то склоненъ допустить. Кромѣ того, благодаря настоящей работѣ, удалось войти настолько глубоко въ изученіе стиля, что Н. Г. Адонцъ въ силахъ не безъ основанія утверждать противное показной сторонѣ текста: не все, изложенное по всѣмъ видимымъ признакамъ древнимъ языкомъ, является на самомъ дѣлѣ соответственно или хотя бы сравнительно болѣе древнимъ. Н. Г. Адонцомъ устанавливается или, правильнѣе будетъ сказать, намѣчается существованіе архаизирующей школы въ совсѣмъ поздній, именно въ кликійскій періодъ ар-

мянской литературы, съ XII-го вѣка и позднѣе. Въ трудѣ даны въ большомъ обиліи стилистическіе матеріалы для хронологіи армянскихъ грамматическихъ трудовъ, переводныхъ или оригинальныхъ изъ болѣе древнихъ эпохъ.

До сихъ поръ, говоря о значеніи новаго труда, мы находились въ кругу интересовъ самихъ изданныхъ Н. Г. Адонцомъ памятниковъ. Н. Г. Адонцъ этимъ интересамъ какъ будто придаетъ главное значеніе. Въ положеніяхъ, сопровождающихъ трудъ, какъ диссертацию, десять изъ двѣнадцати, начиная съ 3-го, ограничены были этими специальными интересами. Но съ работой связаны иные еще интересы. Во-первыхъ, Н. Г. Адонцъ устанавливаетъ связь армянскихъ грамматическихъ произведеній съ греческими, что я обхожу полнымъ молчаніемъ: глубокоцитимый С. А. Жебелевъ авторитетно поучаетъ насъ ниже по этому вопросу. Во-вторыхъ, Н. Г. Адонцъ выясняетъ филаціи и взаимоотношенія самихъ армянскихъ текстовъ грамматическаго содержанія. Но и до сихъ поръ, повторяю, мы остаемся въ кругу интересовъ самихъ памятниковъ, на двухъ ступеняхъ этихъ интересовъ. Однако съ упоминаніемъ о данномъ въ трудѣ въ большемъ обиліи стилистическомъ матеріалѣ для хронологіи армянскихъ грамматическихъ трудовъ мы поднимаемся уже на третью ступень, высшую, на которой раскрывается дѣйствительная цѣнность грамматическихъ памятниковъ для исторіи армянской литературы, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе общее значеніе научнаго труда Н. Г. Адонца. Дѣло въ хронологіи древнѣйшихъ вообще литературныхъ памятниковъ, прежде всего — историческаго содержанія.

Безъ болѣе или менѣе точнаго опредѣленія времени армянскихъ историковъ нельзя пользоваться ихъ произведеніями, основными источниками по національной исторіи Арменіи, для какой бы то ни было прочной исторической конструкции. Опредѣленіе ихъ времени въ значительной степени зависитъ отъ опредѣленія времени грекофильскаго литературнаго теченія и грекофильской школы. Это — то грекофильское теченіе, въ объясненіи котораго Н. Г. Адонцъ ограничился во 2-мъ положеніи указаніемъ на связь съ фактомъ политической исторіи, на «переходъ» къ Византіи «большей части земель бывшей персидской Арменіи». Грекофильская школа смѣнила старую, которую Н. Г. Адонцъ въ томъ же положеніи называетъ библейской случайно или отгораживаясь отъ насъ, избѣгая болѣе употребительныя въ современной нашей, т. е. петроградской, арменистической школѣ названія: «сирофильская», «миссіонерская». Грекофильская школа, такъ близко стоящая къ предмету изслѣдованія Н. Г. Адонца, какъ справедливо утверждается въ 1-мъ изъ его положеній, «по сіе время остается камнемъ преткновенія для армянской филологіи».

Что подъ этой формулой подразумѣвается реально, едва ли узнастъ кто изъ не-специалистовъ; но въ виду таинственности или осторожности, проявленной въ ея редакціи, несомнѣнно ясна она и мнѣ. Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что время грекофильскаго теченія до послѣдняго десятилѣтія или до послѣднихъ двухъ десятилѣтій опредѣлялось совершенно произвольно, безъ всякаго подобія научнаго обоснованія, по одному традиціонно воспринятому въ основѣ легендарному историческому построенію. Съ нимъ, съ этимъ опредѣленіемъ, разумѣется, конечно, и въ этомъ отношеніи грекофильское теченіе камнемъ преткновенія можетъ оставаться лишь для тѣхъ, кто имѣетъ склонность не-премѣнно обо что-либо спотыкаться. Но, дѣйствительно, до сихъ поръ неизвѣстно съ точностью время грекофильскаго теченія и объемъ имъ произведенныхъ новшествъ, принимаемыхъ за продукты архаической жизни христіанской Арменіи.

Мы сейчасъ переживаемъ въ арменистической средѣ, а равно и грузино-вѣдной, вообще въ области армяно-грузинской филологіи большія колебанія въ опредѣленіи хронологическихъ межъ древнѣйшихъ эпохъ культурно-исторической жизни обоихъ древне-христіанскихъ народовъ Востока. Такое колебаніе проявляется въ частности и въ отношеніи времени грекофильскаго литературнаго теченія въ Арменіи.

Для опредѣленія этого времени первостепенное значеніе имѣютъ грамматическія сочиненія, ибо наличіе стилистическихъ нормъ, созданныхъ ихъ авторами или переводчиками, само собою даетъ основаніе для отнесенія того или иного литературнаго памятника въ эпоху послѣ разцвѣта соотвѣтственной грамматической школы.

Для этого вопроса весьма существенное, часто рѣшающее значеніе представляютъ сами по себѣ количественно незначительныя страницы указателей, данныхъ Н. Г. Адонцомъ, именно Index graeco-armeniacus въ концѣ Діонисія Өракійскаго (стр. 67—76) и Index nominum et verborum въ концѣ всего труда (стр. 289—302), и восполняющія этотъ матеріалъ части предисловія, собственно изслѣдованія, какъ, напр., подробный анализъ предложныхъ образований на страницахъ CLXXXIV—CLXXXV.

Само распредѣленіе этихъ краснорѣчивыхъ фактовъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ нарожденія и указаніе ихъ отношенія къ языку св. Писанія является методологически безукоризненнымъ приѣмомъ: въ немъ будетъ изслѣдователь искать прочную опору для обобщеній; въ немъ, очевидно, нашелъ Н. Г. Адонцъ такую опору для тѣхъ выводовъ обще-арменистическаго значенія, къ которымъ самъ онъ, по всѣмъ видимостямъ, пришелъ, по которымъ однако не вполне подѣлился съ интересующимися читателями въ настоящемъ трудѣ.

Между тѣмъ помимо задачи, преслѣдуемой авторомъ въ обнародованной книгѣ, работа интересна именно со стороны обще-арменистическаго значенія.

Въ этой въ высокой степени важной сторонѣ изученнаго Н. Г. Адонцомъ памятника кроется главный, если не весь интересъ трактовки его арменистомъ, притомъ арменистомъ безъ отношенія къ тому, въ какой онъ собственно научной области специалистъ, лингвистической или историко-литературной, или историкъ онъ общественно-политической жизни древней Арменіи или историкъ древне-армянской культуры и хотя бы археологъ. Потому-то нисколько не представляется мнѣ загадкой или сколько-нибудь непоследовательнымъ, что сразу послѣ большой работы объ Арменіи въ эпоху Юстиніана Н. Г. Адонцъ выбралъ предметомъ своего большаго изслѣдованія тему настоящей работы. Можно спорить, могла ли работа надъ исторической темой служить хорошей школой, цѣлесообразной подготовкой для работы надъ чисто историко-филологической темой, но выборъ темы чрезвычайно удаченъ по ея важности. Я позволю себѣ освѣтить важность съ моей точки зрѣнія этого арменистическаго интереса къ памятнику самоцитованіемъ изъ работы, нынѣ доступной уже въ печати¹⁾. Значеніе того культурнаго теченія — грекофильскаго, къ которому принадлежатъ грамматическіе трактаты, двойное: въ одну эпоху оживляющее, въ другую — мертвящее.

1) Кавказскій культурный міръ и Арменія (отд. отт. изъ ЖМНП, 1915, июнь, отд. отт., стр. 36).

Въ первую эпоху «въ средѣ армянскаго духовенства происходитъ борьба литературныхъ школъ, сирофильской и грекофильской. Грекофильская школа подготавливаетъ почву для національнаго направленія съ уклономъ отъ болѣе родного иранскаго культурнаго міра въ сторону греческаго просвѣщенія.

«Съ исходомъ борьбы связаны освобожденіе отъ односторонняго церковнаго вліянія сирійской школы, непосредственное воспріятіе греческой образованности вплоть до философской и грамматической школы, усовершенствованія алфавита, исправленія переводовъ св. Писанія, ростъ самостоятельныхъ національных интересовъ, въ связи съ которыми въ литературѣ растутъ интересъ къ краевымъ историческимъ темамъ... За чисто миссіонерскимъ релігіознымъ учительствомъ подъ вліяніемъ греческой образованности развилось грекофильское просвѣтительное теченіе. Постѣднее, обоснованное на глубокомъ самостоятельномъ усвоеніи греческой философіи, главнымъ образомъ Аристотеля, мирно подготавливало вмѣстѣ съ возрожденіемъ свѣтскаго просвѣщенія выясненіе самобытныхъ началъ армянской народнои жизни, національное направленіе, когда разразилась первая по паденіи древняго армянскаго царства опустошительная гроза въ феодальной Арменіи». Рѣчь о разгромѣ ея арабскимъ нашествіемъ.

Наступаетъ другая интереснѣйшая эпоха культурно-исторической жизни Арменіи, когда не первый разъ «происходитъ пересмотръ всей исторической литературы съ точки зрѣнія церковно-національных интересовъ, возникаютъ новые и вновь редактированные труды по всѣмъ областямъ (армянской) церковной жизни. Новая (армянская) среда съ особымъ народнымъ языкомъ вынуждала къ приспособленію литературныхъ памятниковъ къ живому народному языку; однако, обиліе элементовъ изъ живой рѣчи въ произведеніяхъ создаетъ ихъ неуспѣхъ въ литературныхъ кругахъ. Писатели, исключительно духовныя лица, вѣрные традиціямъ мертваго языка, естественно мѣшаютъ сдѣлать письменность доступной массѣ населенія, сдѣлать ее истинно народной. Съ перваго же момента возрожденія армянскіе феодалы содѣйствуютъ возникновенію трудовъ по національной исторіи своимъ запросами, заданіями описать дѣянія ихъ родовъ. Багратиды, князья, особенно носились съ мыслью собрать народныя сказанія иранскаго происхожденія: имъ рисовалась перспектива возстановленія царства въ Арменіи на началахъ иранской культуры, родной для армянскихъ феодаловъ, въ противовѣсъ мусульманской цивилизаціи; но армянскіе писатели, взрощенные на греческихъ образахъ, гнушались всего иранскаго не менѣе, чѣмъ мусульманскаго. Въ увлеченіи церковно-національной идеею, связь» армянъ съ окружающимъ реальнымъ міромъ «устраняется изъ историческихъ сочиненій, [и не только обще-христіанское, но и] обще-кавказское значеніе культурныхъ пріобрѣтеній Арменіи затемняется».

Оба момента армянской культурной работы, моментъ молодого, полнаго гуманистическаго энтузіазма національнаго подъема, движенія впередъ и въ ширь, и моментъ церковно-національнаго подъема въ смыслѣ самосохраненія въ завѣщанныхъ формахъ, сосредоточенія на своемъ прошломъ, архаизированія формъ для выраженія своихъ живыхъ идеаловъ, сознательнымъ систематическимъ раболобіемъ передъ чуждыми родной рѣчи нормами греческаго письменнаго языка, многимъ, если не почти всѣмъ обязаны тому литературному направленію, къ которому принадлежатъ и изученные Н. Г. Адонцомъ грамматическіе тексты.

Этого разграниченія двухъ эпохъ въ грекофильскомъ теченіи я не вижу или почти не вижу въ работѣ Н. Г. Адонца, но этого вопроса я не буду касаться, ибо это значило бы вступить въ бой, отъ котораго Н. Г. Адонцъ уклонился, давъ намъ только предисловіе, подготовку, и сохранивъ изслѣдованіе,

Первое мое замѣчаніе и главное замѣчаніе касается почвы, на которой Н. Г. Адонцъ подготавливаетъ рѣшеніе такого кардинальнаго вопроса, какъ грекофильское литературное теченіе въ Арменіи. Не только этотъ общій вопросъ, но и правильное освѣщеніе однихъ только грамматическихъ произведеній, на мой взглядъ, не можетъ быть достигнуто исключительно данными армянскихъ источниковъ и ихъ сопоставленіемъ лишь съ греческими памятниками. При такомъ веденіи дѣла есть опасность отождествить хронологическіе этапы развитія христіанскаго просвѣщенія Арменіи и Греціи, опасность утраты чувства реальной хронологической перспективы, тѣмъ болѣе, что нормы армянскаго христіанскаго просвѣщенія вообще связаны съ факторами, не всегда тождественными съ тѣми, которыми управлялась церковная жизнь грековъ, и въ самихъ грамматическихъ памятникахъ на греческомъ языкѣ основополагатели армянской богословской мысли и вообще армянскіе писатели, исключительно съ церковнымъ образованіемъ, искали не вдохновенія и содержанія, а средствъ для удовлетворенія своихъ самобытно возникавшихъ на мѣстѣ идейныхъ потребностей. Къ числу мѣстныхъ, совершенно независимыхъ отъ греческой образованности условій, понуждавшихъ заниматься грамматикой или теоріею объ языкѣ, является перемѣщеніе центра армянской культурной дѣятельности и литературныхъ работъ изъ среды съ однимъ языкомъ въ среду съ другимъ языкомъ, т. е. жизненный разрывъ съ тѣмъ языкомъ, на какомъ раньше писали какъ на родномъ и какой впослѣдствіи усваивался искусственно, чего безъ той или иной теоріи нельзя было и достигать. Выходитъ, что грамматическія сочиненія армянъ были, правда, схоластическія, но интересъ къ нимъ порождался не теоретическими соображеніями, а реальной потребностью, и безъ выясненія времени возникновенія и усиленія этой потребности одни сопоставленія армянскихъ грамматическихъ текстовъ другъ съ другомъ или съ греческими подлинниками дѣлу не помогутъ; между тѣмъ Н. Г. Адонцъ ни слова не говоритъ объ этомъ главномъ нервѣ развитія грамматической литературы армянъ, хотя трудъ цѣликомъ посвященъ армянскимъ грамматикамъ во всей ихъ совокупности.

Помимо чисто мѣстныхъ условій, выясненіе которыхъ зависитъ исключительно отъ армянскихъ матеріаловъ, слѣдовало бы считаться съ иноземными фактами, помимо греческихъ.

Древняя культурная Арменія есть часть христіанскаго Востока, литературныя теченія у армянъ находятся въ неразрывной связи съ вопросами, волновавшими всѣ народы христіанскаго Востока и въ той или иной мѣрѣ порождавшими соотвѣтственныя литературныя теченія у другихъ представителей того же міра, у кого раньше, у кого позже, если не одновременно. Слѣдовательно, разработку такого принципиальнаго вопроса, какъ время зарожденія и развѣта грамматической литературы у армянъ, неизбежно приходится строить на совокупности результатовъ изученія тѣхъ же или родственныхъ памятниковъ не только армянъ, но и иныхъ представителей христіанскаго Востока, прежде всего у непосредственныхъ сосѣдей съ юга — сирійцевъ и съ сѣвера — грузинъ.

Между тѣмъ даже тогда, когда былъ случай высказаться по этому поводу, Н. Г. Адонцъ не только избѣгъ этого, но не постарался свою же мысль подкрѣпить хоть ссылкой на какую ни есть слабую литературу предмета. Такъ, на стр. СХVI предисловія Н. Г. Адонцъ дѣлаетъ предположеніе, что Аракель располагалъ независимыми свѣдѣніями объ армянскихъ грамматикахъ, въ частности о Давидѣ, «о томъ, что переводъ Діонисія сдѣланъ Давидомъ».

Здѣсь мы у Н. Г. А-ца читаемъ:

«Что это не простая догадка съ его стороны, а опирается на какой-нибудь источникъ, видно еще и изъ того, что тотъ же Аракель въ своемъ толкованіи къ Определеніямъ Давида сообщаетъ, что Давидъ не пользовался успѣхомъ среди армянъ, которые «отвергли его самого и его творенія и задѣвъ оскорбили его, и онъ удалился въ Грузію и тамъ умеръ».

Это сообщеніе сопровождается слѣдующимъ замѣчаніемъ:

«Это въ высшей степени интересное обстоятельство изъ жизни Давида неизвѣстно изъ иныхъ источниковъ и указываетъ, безспорно, на хорошій документъ, находившійся въ распоряженіи Аракеля».

По моему это хорошее показаніе въ части о долготѣнѣмъ пребываніи Давида въ Грузіи можно бы поддержать тѣмъ, что въ текстѣ у Давида употреблено грузинское слово *მეც* *mece* — *мысль* въ формѣ *მეცა* *mecca*. И эта мелочь тѣмъ болѣе существенна, что слово приводится въ примѣрѣ для иллюстраціи. Слѣдовательно, не только самъ Давидъ зналъ это грузинское слово, но онъ предполагалъ его знаніе въ своихъ слушателяхъ — армянахъ или въ читателяхъ — армянахъ, и указаніе на такой фактъ тѣмъ болѣе слѣдовало бы сдѣлать именно здѣсь, что объ этомъ напечатано съ довольно подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ лѣтъ пять раньше въ работѣ моей «Іоаннъ Петрицскій, грузинскій неоплатоникъ XI—XII вѣка» (стр. 42—43, примѣч.).

Я не буду останавливаться на возможности установленія времени философа Давида, если признать не легендарнымъ, а дѣйствительнымъ пребываніе его въ Грузіи. Это завело бы насъ далеко.

Но не могу не открыть другого смущенія своего касательно опять таки того же мѣста. Н. Г. Адонцъ привелъ сообщеніе въ русскомъ переводѣ: армяне «отвергли его самого (Давида), и его творенія и задѣвъ оскорбили его».

Н. Г. Адонцъ ссылается на текстъ въ Истории литературы мыхитариста Зарбаналяна (стр. 322), а тамъ сказано: *հարկաւ զնա վիրահարեցին*; это буквально значитъ «избивъ его или ударивъ, изранили его», а въ мягкой передачѣ — «нанесли ему оскорбленіе дѣйствіемъ», при передачѣ же Н. Г. А-ца «задѣвъ оскорбили» не только нельзя допустить мысли объ избіеніи, но трудно догадываться, что рѣчь идетъ о томъ, что философа Давида, можетъ быть, не сильно, но все-таки били. Допустимъ, переводъ правильный, я спорить не буду; все-таки слѣдовало бы считаться съ тѣмъ, что на русскомъ языкѣ существуетъ другой переводъ, напечатанный въ цитованной уже работѣ, а нѣтъ даже простой ссылки на нес.

Дѣло, впрочемъ, не въ томъ, былъ ли Давидъ въ Грузіи или нѣтъ, а въ болѣе существенномъ. У грузинъ, во-первыхъ, было также сильно развито то греко-фильское направленіе на грузинской почвѣ, какое наблюдаемъ у армянъ. У нихъ тѣ же приемы матеріальнаго перевода съ греческаго, что у армянъ; съ XIII-го вѣка нѣкоторые изъ греческихъ памятниковъ, завѣдомо извѣстно, переводились съ грузинскаго на армянскій языкъ; съ другой стороны, позднѣе

все философско-грамматическіе трактаты не только переводились съ армянскаго на грузинскій, но и комментировались въ грузинской средѣ, иногда при сотрудничествѣ самихъ армянъ. Если бы дѣло касалось исключительно древнѣйшихъ армянскихъ текстовъ въ соответственныхъ спискахъ, быть можетъ, съ грузинскими матеріалами не было бы надобности считаться, но, во-первыхъ, нѣтъ ни одной использованной Н. Г. Адонцомъ или извѣстной ему рукописи, если не ошибаюсь, древнѣе 1293-го года; остальные изъ 16-ти датированныхъ¹⁾ рукописей двѣ XIV-го вѣка, пять — XV-го вѣка, семь XVII-го столѣтія, съ 1605-го по 1671-го года, и одна 1725-го года. Такимъ образомъ, древнѣйшія изъ рукописей — той эпохи (XIII—XIV-й вѣкѣ), когда, несомнѣнно, въ Арменіи работало халкедонитское армянство, тяготѣвшее къ халкедонитамъ и ихъ литературѣ, въ частности къ грузинской. Такъ, армяне перевели въ XIV-мъ вѣкѣ съ грузинскаго Іоанна Климакса и извѣстный богословско-философскій трудъ *Եւթօսիս օգրիթիս տից օրծօծօցու քննութիւն* Іоанна Дамаскина. Въ составѣ армянскихъ рукописей, содержащихъ грамматическіе и философскіе трактаты, не разъ встрѣчаемъ творенія этого столпа восточнаго (и затѣмъ греческаго) православія; между прочимъ и въ использованной Н. Г. Адонцомъ венеціанской рукописи г. н. 442 (на стр. XXVII) трактатамъ армянскихъ писателей Давида философа и Моисея предшествуетъ трактатъ І. Дамаскина²⁾ о субстанціи и акциденціи.

При такихъ обстоятельствахъ важна каждая мелочь, дающая соответственное или, наоборотъ, противоположное освѣщеніе. И Н. Г. Адонцъ на нихъ обращаетъ вниманіе, напр., на стр. CLXXII онъ отмѣчаетъ у Діонисія армянскіе примѣры къ этническому виду имени, когда вм. *Թռչիչ, Դռչիչ* греческаго подлинника приводятся этническія названія *դռչիչ արշիչ, տուհ, քրքիչ*, т. е. *юдердзичъ, тухъ, грузинъ*.

Терминъ *քրքիչ*, и по формѣ видно, — поздняя вставка, но все-таки любопытно, что поздній глоссаторъ въ армянскихъ примѣрахъ усматриваетъ названія грузинскихъ племенъ. Н. Г. Адонцъ самъ находитъ, что *քրքիչ քրքիչ*, по-видимому, есть глосса, т. е. это слово опредѣляетъ *տուհ* *tuh*, за которымъ оно непосредственно слѣдуетъ. Касательно *tuh* онъ бросаетъ замѣчаніе, что это названіе «встрѣчается у Хоренскаго», и только. Не-арменистъ ничего не извлечетъ изъ этого указанія. Онъ не вспомнитъ народнаго стиха, занесеннаго Хоренскимъ въ Историю (III, 65, 42, стр. 199, 13 сл.):

*Հաստաճ քրքիչալ
վարդգիս մանուկն
ի տուհաց քրքիչալն* и т. д.

Арменистъ не всякій пойметъ, почему подъ *tuh* глоссаторъ хотѣлъ понять «грузина».

На самомъ дѣлѣ глоссаторъ правъ: *tuh* есть діалектическая, именно сванская форма этническаго названія *ժիւ'ա*, т. е. тушина. Эта именно сванская форма *ժիւ'ա* — съ сванскимъ мн. числомъ на -*ar*, т. е. *ժիւ'ar* — сохранилась въ грузинскомъ названіи древней крѣпости *ժիւ'ar-is-i* противъ Тбейскаго монастыря именно въ мѣстности, расположенной рядомъ съ той областью Кларджіею, съ которой Н. Г. Адонцъ вполне основательно отождествляетъ.

1) Недатированныя также не архаичны, развѣ *Նշեցի*.

2) Въ этотъ разъ въ переводѣ съ греческаго (*Θωμάς ο αθηναίος*) *Թոմաս օ օղի*.

ложить на древне-литературномъ армянскомъ, доступномъ всѣмъ, въ томъ числѣ и тѣмъ европейскимъ ученымъ, которые будутъ читать армянскій текстъ изданныхъ памятниковъ. Что же касается интересовъ армянскаго образованнаго общества, читающаго древне-литературные памятники и интересующагося ими, авторъ къ нимъ оказался менѣе внимателенъ, чѣмъ то можно было проявить: въ этомъ отношеніи онъ не захотѣлъ послѣдовать приему, освященному практикой факультета Восточныхъ языковъ въ изданіи армянскихъ и грузинскихъ текстовъ.

Вопреки всякимъ ожиданіямъ, авторъ-арменистъ и въ другихъ случаяхъ больше вниманія и предупредительности оказываетъ филологамъ-классикамъ, чѣмъ филологамъ-арменистамъ. Такъ, напр., въ Index graeco-armeniacus (стр. 67—76) съ формальной стороны дано все, т. е. указаны и страницы и строки, а въ указателяхъ армянскихъ словъ (стр. 289—305) — специально для арменистовъ — строки уже не указываются, указаны только страницы.

Обзоръ рукописныхъ памятниковъ (стр. I—XLI) имѣетъ задачей не описаніе рукописей для описанія рукописей, а служебную цѣль, ввести читателя въ матеріалы такъ, какъ ихъ понимаетъ Н. Г. Адонцъ, освѣтить традиціи переписчиковъ; между тѣмъ читатель, не-специалистъ и не арменистъ, не вводится, а отводится: оставляются безъ перевода не только армянскія заглавія различныхъ трактатовъ, но и сопровождающія ихъ историко-литературныя свѣдѣнія.

Такое же замѣчаніе вызываетъ отсутствіе перевода выдѣленныхъ записей и приписокъ, особенно главныхъ записей каждой изъ рукописей, напр., на стр. VI, подъ № 12, написано — «главная записъ въ концѣ и гласитъ» и потомъ голый армянскій текстъ, не указаны даже фактическія данныя записи.

Съ другой стороны, въ самый описательный текстъ внесены и приписки, не имѣющія никакого отношенія къ той именно задачѣ, которую авторъ поставилъ себѣ въ этой части, озаглавивъ ее — «Обзоръ рукописныхъ памятниковъ».

Однако, разъ они вносились въ трудъ, да еще въ основную его часть въ самый текстъ, они обязательно должны были получить освѣщеніе, свидѣтельствующее о томъ, что ихъ, хотя бы и случайно, коснулась рука знатока языка, и, напр., въ послѣднемъ двустиніи (стр. VI-й):

դիւար բլրոյ Տիւ Տաղհըն
շառլէ՛ հին ի վերայ վարդոն

отмѣтить рѣдкое слово *շառլէ* *shatləh* или *shadləh*, повидимому, своеобразную транскрипцію т. *شادلىق* *shadliq*.

Въ данныхъ авторомъ чрезвычайно важныхъ сравнительныхъ спискахъ лексическаго матеріала имѣемъ не только справочный матеріалъ, но въ извѣстномъ отношеніи *tableau raisonné*, таблицу, исторически освѣщенную съ точки зрѣнія употребительности словъ у того или иного автора, въ томъ или иномъ памятникѣ. Какъ справочная часть, эти списки сохраняютъ свое значеніе, а какъ направляющіе на извѣстныя историко-литературныя размышленія, они имѣютъ относительное, иногда даже весьма относительное значеніе.

Прежде всего въ книгѣ нѣтъ списка аналогичныхъ наблюденій ни по морфологическимъ, ни по синтаксическимъ фактамъ, а значеніе этихъ категорій для характеристики языка безспорно важнѣе, чѣмъ значеніе отдѣльныхъ словъ.

Въ числѣ словъ, приводимыхъ подъ заглавіемъ *verba a libris sacris aliena*

помѣчены *բաշ*, *բար* и др. (стр. 30); но, вѣдь, это не самостоятельныя слова, а частицы, важныя для словообразованія.

И въ отношеніи словъ далеко не вполне исчерпанъ матеріалъ, и не вижу, чтобы обращено было вниманіе на чисто семасическую сторону дѣла, напр., въ спискѣ лексическихъ особенностей Моисея (стр. 297) я не нахожу ни *հիւսն* *hiwsən*, ни *հիւսնութիւն* *hiwsnuṭiwn*. Эти слова, первое въ значеніи *плотника*, *столяра*, *древодѣла*, а второе — *плотничьяго*, *столярнаго дѣла*, — обычные, но Моисей первое изъ нихъ употребляетъ въ значеніи не только *плотника* и *столяра*, но и *архитектора* или *зодчаго* вообще вм. общепринятаго *ճարտարապետ* *ṭartapet*. У Моисея такъ и сказано про *հիւսն* *hiwsən*: (стр. 159, 11—12) *որ ճարտար շինէ* *кто строитъ храмъ (или дворецъ)*.

Эту семасическую особенность тѣмъ болѣе слѣдовало бы отмѣтить, что такое употребленіе термина, собственно означающаго «столяръ», «плотникъ», вообще «древодѣлъ», можно объяснить не произволомъ Моисея, а извѣстной диалектической средой. То же самое происходитъ съ грузинскимъ терминомъ *ჭიკო* *ḡur-o*, собственно означающимъ «плотника», «столяра», но затѣмъ получившаго значеніе *архитектора* вообще, при этомъ на грузинскомъ иного слова какъ сложное *ჭიკო-მოდგარი* (*ḡurō-modḡari*), съ занимающимъ насъ терминомъ въ составѣ, и не существуетъ для выраженія «архитекторъ»¹⁾.

Затѣмъ, въ отношеніи лексическаго матеріала мѣриломъ для классификаціи взяты сужденія *ad personam*, а не *ad materiam*; напр., отъ перваго списка «*Dionysii verba a libris sacris aliena*» (стр. 289—253) получается впечатлѣніе, что этихъ словъ въ св. Писаніи нѣтъ не только случайно фактически, но и по природѣ самихъ словъ. Только при такомъ толкованіи констатируемыхъ фактовъ списки получаютъ громадное историко-литературное значеніе, иначе это простой справочный указатель, въ лучшемъ случаѣ не доработанный сырой матеріалъ.

Между тѣмъ армянскій текстъ св. Писанія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, представляетъ собою совершенно неопредѣленное лицо: безъ критическаго отношенія къ его тексту показанія паличной версіи св. Писанія, такъ называемой армянской вульгаты (A^v), могутъ быть приравнены къ свидѣтельскимъ показаніямъ несвѣдущаго лица. Надо при этомъ еще различать тексты св. Писанія ветхозавѣтные и новозавѣтные: по языку между ними въ доступномъ намъ армянскомъ подлинникѣ громадная разница.

Въ числѣ лексическихъ новшествъ Давида не указано вульгарное слово *բարձր* 120,1, между тѣмъ этого слова въ Библии нѣтъ. Правда, встрѣчается отыменный глаголъ *բարձրել* *прать*, но не въ Ветхомъ, а Новомъ Завѣтѣ (Дѣян. 26,14). Это большая разница.

Въ писаніи Давида въ качествѣ слова, чуждаго св. Писанію (стр. 294), приводится *երես* разъ съ 82-й страницы; на самомъ дѣлѣ этотъ чистѣйшій вульгаризмъ встрѣчается чаще, такъ, напр., 117,22, 121,6.

Списокъ, все тотъ же первый, очень много теряетъ отъ того, что въ него внесены термины, завѣдомо чуждые самому содержанію св. Писанія, такъ, прежде всего грамматическіе термины, напр., *անանկութիւն*, *անորոշութիւն*, *աւրիւն* и т. п.

Изъ словъ, дѣйствительно поучительныхъ, надо остановиться на *արմ* *ласка* потому, что ему независимо отъ списка присваивается особая роль.

1) О лингвистической связи г. *ḡur-o* (**hur-o*) и л. *hiws-ən* [|| *hus-ən*] рѣчь будетъ особо.

мыслью о хрупкой организованности работъ по армяно-грузинской филологин предупредить, что не только на войнѣ, но и въ мирномъ гражданскомъ, въ частности ученомъ быту, одиночество есть въ лучшемъ случаѣ тяжелое невыносимое бремя, а въ худшемъ — весьма невыгодная позиція.

Въ работѣ же самой отразились всѣ полеты и сомнѣнія арменистической мысли за послѣднія два, три десятилѣтія, хотя и въ субъективномъ отраженіи, всѣ успѣхи, окрыляющіе фантазію, и неудачи, призывающія къ осторожности. Въ книгѣ, однако, проявляется больше сдержанности, чѣмъ увлеченія. Съ другимъ основнымъ трудомъ автора, магистерской его диссертациею, озаглавленной «Арменія въ эпоху Юстиніана», настоящее произведеніе Н. Г. Адонца представляетъ въ этомъ отношеніи яркую антитезу. Для научной работы это громадное и безспорное преимущество.

Объ работѣ, казалось бы, ничего общаго не имѣющія въ научномъ отношеніи между собою, построены на одномъ и томъ же фундаментѣ, на арменистической оцѣнкѣ фактовъ, имѣющихъ на самомъ Востокѣ международное значеніе, на специальномъ знаніи армянскихъ матеріаловъ и ихъ толкованіи. Но въ вопросѣ о грамматическихъ памятникахъ въ армянской литературѣ авторъ изслѣдовалъ не преданія о фактахъ, а сами факты, наличныя чтенія текстовъ, какъ они нѣкогда были въ дѣйствительности, хотя бы и не въ предполагаемую или даже не въ предполагаемую самимъ авторомъ эпоху. Результаты получились реальные, снова напоминающіе о необходимости перестройки всего армянскаго традиціоннаго историко-литературнаго зданія. Это фактически ясно изъ продѣланной Н. Г. Адонцомъ и предложенной въ настоящей книгѣ работѣ; объ этомъ результатѣ можно узнать и по обмолвкамъ, хотя по излишней осторожности авторъ не нашелъ необходимымъ открыть полностью свое отношеніе къ общей традиціонной схемѣ. Весьма вѣроятно, что въ научную работу, имѣющую получить безспорно весьма длительное значеніе настольной книги для специалистовъ, Н. Г. Адонцъ избѣгалъ внесенія положеній, которыя трудно было бы отстоять безъ спора и особенно безъ извѣстной субъективной формулировки.

Въ то же время въ намѣченныхъ Н. Г. Адонцомъ рамкахъ работа ведена съ такой строгостью приѣмовъ и чуткостью къ современнымъ запросамъ по исторіи армянской литературы, благодаря мелкой, весьма сложной, можно сказать, мозаической техникѣ въ классификаціи многочисленныхъ вариантовъ матеріалъ распределенъ настолько цѣлесообразно и уже подготовленъ для напрашивающихся выводовъ, въ сужденіяхъ о стилѣ и въ самомъ подборѣ разночтеній для основного критическаго текста проявлено столь глубокое знаніе армянской литературной рѣчи на протяженіи съ V—VI вѣковъ до XIV-го и ближе, въ различныя эпохи, и въ итогѣ, какъ авторъ ни сдерживалъ себя, имъ дается такъ много совершенно новаго объ авторахъ армянскихъ грамматическихъ произведеній, что изслѣдованіе, въ которомъ Н. Г. Адонцу посчастливилось проявить всѣ эти качества, т. е. «Діонисій Оракійскій и его армянскіе комментаторы», безспорно должно стать настольной книгой для каждаго работника по армянской филологин.

Н. Маррѣ.

II.

Въ заключительныхъ строкахъ предисловія къ своему труду Н. Г. Адонцъ говоритъ: «Чтобы провѣрить достигнутые нами результаты и опредѣлить степень достовѣрности или приѣмлемости восстановленныхъ текстовъ, мы полагаемъ необходимымъ сличить ихъ со сродными схоліями греческой литературы. Не намъ судить, насколько добытые при этомъ результаты оправдываютъ предпринятое нами, казалось бы, неблагодарное дѣло, въ смыслѣ какъ методологической постановки, такъ и фактическаго исполненія».

Дѣло, предпринятое авторомъ, можетъ показаться «неблагодарнымъ» только недостаточно вдумчивому изслѣдователю. Тотъ же изслѣдователь, который стремится если и не къ достиженію истины, то хотя бы къ приближенію къ ней, не захочетъ думать о томъ, благодарное или неблагодарное дѣло онъ предпринимаетъ. Если я и не могу согласиться съ авторомъ, что предпринятое имъ дѣло было дѣломъ неблагодарнымъ, хотя бы отчасти, то я всецѣло готовъ признать, что исполненная имъ работа по сличенію армянскихъ толкованій къ «Грамматикѣ» Діонисія Оракійскаго съ греческими схоліями къ нимъ была работою чрезвычайно тяжелой и далеко невеселой, требовавшею отъ автора большого напряженія, усидчиваго вниманія и хорошихъ познаній въ области, болѣе или менѣе отдаленной отъ его ближайшей специальности. Филологъ-арменистъ долженъ былъ, по ходу подлежащей ему задачи, стать на время филологомъ-классикомъ.

Н. Г. Адонцъ съ честью справился съ этой своей задачей, и IV-я глава его книги (стр. CXVIII—CLXXXI), посвященная «разбору восстановленныхъ текстовъ», свидѣтельствуетъ о его солидной и вполне надежной подготовленности къ тому, чтобы умѣло оперировать надъ греческими текстами и извлекать изъ нихъ то, что нужно автору для его ближайшей цѣли. Цѣль же эта состоитъ въ томъ, чтобы обставить научное изданіе изслѣдуемыхъ авторомъ армянскихъ текстовъ «не только обычнымъ критическимъ аппаратомъ, а еще данными, гарантирующими ихъ историческую достовѣрность» (стр. CXX).

Изъ восстановленныхъ Н. Г. Адонцемъ текстовъ наиболее интереснымъ, по его заявленію, является «Толкованіе» Давида: комментарии остальныхъ авторовъ обнаруживаютъ знакомство съ трудомъ Давида въ большей или меньшей степени, и выводы о Давидѣ предрѣшаютъ и ихъ судьбу. Тотъ основной выводъ, къ которому пришелъ авторъ, и который кратко можетъ быть формулированъ такъ: «Толкованіе» Давида проникнуто духомъ греческихъ схолій къ «Грамматикѣ» Діонисія Оракійскаго и обнаруживаетъ много точекъ соприкосновенія съ греческими комментаторами «Грамматики», долженъ быть признанъ твердо обоснованнымъ и незыблемо установленнымъ. Для этого автору пришлось внимательно проштудировать III-й томъ изданія «Grammatici graeci», посвященный схоліямъ къ «Грамматикѣ» Діонисія Оракійскаго, вышедшій въ свѣтъ въ 1901 г. въ обработкѣ Hilgard'a. Одно уже чтеніе этого монументальнаго (около 600 страницъ) тома, насыщеннаго такой скучной матеріей, какъ схоліи составляютъ своего рода ученый подвигъ, на который найдется немного охотниковъ и среди филологовъ-классиковъ. Вдумчивое же отношеніе къ матеріалу, сообщаемому схоліями, заставляетъ всякаго научнаго работника преклониться предъ тѣмъ изслѣдователемъ, который съ такимъ самоотверженнымъ терпѣніемъ

и настойчивымъ вниманіемъ пошелъ на предстоящій ему подвигъ и удачно преодолѣлъ его.

Какъ указываетъ Н. Г. Адонцъ (стр. СХХІ сл.), въ составъ схолій къ Діонисію вошли три ихъ коллекціи — ватиканская, венеціанская и лондонская; каждая изъ нихъ представляетъ компіляцію изъ трудовъ различныхъ грамматиковъ, въ цѣломъ видѣ не сохранившихся. Авторами использованныхъ трудовъ называются Меламподъ-Диомедъ, Георгій Хиробоскъ (=Иліодоръ), Стефанъ (можетъ быть, извѣстный философъ и математикъ при Иракліи), Порфирій и др. Къ сожалѣнію, говоритъ авторъ, ни время, ни взаимоотношеніе этихъ авторовъ неизвѣстны, а то, что извѣстно и что можетъ быть болѣе или менѣе прочно обосновано, изложено, продолжаетъ Н. Г. Адонцъ, «въ обстоятельной, предпосланной изданію, статьѣ Гильгарда, куда и отсылаемъ интересующихся вопросомъ» (стр. СХХІІ).

«Интересующіеся вопросомъ» врядъ ли поблагодарятъ Н. Г. Адонца за это «отсылаемъ». Въ статьѣ Гильгарда и специалисту-классику разобраться не такъ-то легко, а для специалиста-армениста, котораго книга Н. Г. Адонца прежде всего, конечно, имѣетъ въ виду, это будетъ уже совсѣмъ тяжелый и, пожалуй, непроеизводительный трудъ. Н. Г. Адонцъ поступилъ бы болѣе человѣколюбиво со своимъ читателемъ, если бы онъ на двухъ-трехъ страницахъ далъ резюме обстоятельной статьи Гильгарда или, хотя бы, указалъ на то, что основные выводы Гильгарда удобно сопоставлены въ статьѣ L. Sohn'a, помѣщенной въ «Real-Encyclopädie» Паули-Виссова (т. V, столб. 982 сл.).

Въ краткихъ словахъ дѣло сводится къ слѣдующему. Весь составъ схолій распадается на три группы. Первую группу составляютъ древніе комментаріи отдѣльныхъ авторовъ; сюда принадлежатъ: 1) схолии Мелампода-Диомеда къ §§ 1—11, 19—20 «Грамматики», 2) схолии Иліодора=Георгія Хиробоска къ §§ 12—20 «Грамматики». Вторая группа даетъ собраніе схолій изъ комментаріевъ различныхъ авторовъ, имена которыхъ приводятся или въ текстѣ или на поляхъ рукописи: 1) ватиканскія схолии даютъ соединеніе комментаріевъ Мелампода-Диомеда и грамматика Стефана; здѣсь же использованы объясненія Порфирія и Георгія (не Хиробоска), а также предпосланы еще три различныхъ предисловія, трактующія о *ὁρος*, *τέχνη* и *προσῳδή*; 2) въ венеціанскихъ схоліяхъ экцерпированы не только комментаріи Мелампода, Діонисія и Стефана, но также и полный комментарій Иліодора=Георгія Хиробоска; 3) въ лондонскихъ схоліяхъ не нанизываются экцерпты изъ отдѣльныхъ комментаріевъ, но дается попытка объединить различные экцерпты въ одинъ непрерывный комментарій. Все, что собрано во второй группѣ схолій, т. е. въ схоліяхъ ватиканскихъ, венеціанскихъ и лондонскихъ, естественно, во многихъ случаяхъ совпадаетъ, но, съ другой стороны, эти три коллекціи схолій взаимно дополняютъ другъ друга. Наконецъ, третью группу схолій представляетъ византийскій комментарій, составленный, повидимому, въ VIII—IX вв. и по учености значительно уступающій схоліямъ болѣе древнимъ, восходящимъ, вѣроятно, въ первой группѣ не ранѣе, какъ къ VI в., а во второй — не ранѣе, какъ къ VII—VIII вв. Слѣдовательно, весь тотъ колоссальный матеріалъ, который собранъ въ изданіи Гильгарда, охватываетъ работу ученыхъ комментаторовъ на протяжении, по меньшей мѣрѣ, трехъ вѣковъ. И невольно въ умѣ изслѣдователя долженъ возникнуть вопросъ, равноцѣнны ли показанія всѣхъ трехъ группъ схолій, не слѣдуетъ ли выдѣлить изъ нихъ болѣе раннее отъ болѣе поздняго, установить ту или

пную зависимость болѣе поздняго отъ болѣе ранняго. Конечно, эта критическая историко-литературная работа представляетъ не малую сложность и трудность и должна быть выполнена филологомъ-классикомъ, а не филологомъ-арменистомъ. Но и послѣдній, думается, не долженъ закрывать глазъ на эту строго-филологическую сторону дѣла, если онъ хочетъ, при сличеніи армянскихъ толкованій съ греческими, быть *ὑπερματῆς*, а не только *τεχνικός*. Не желая вовсе обязывать филолога-армениста продѣлать ту работу, которую надлежало бы исполнить филологу-классику, я все же полагаю, что на обязанности перваго было вкратцѣ уяснить читателю, какъ обстоитъ дѣло съ составомъ всѣхъ греческихъ схолій къ «Грамматикѣ» Діонисія Фракійскаго. Правда, филологъ-арменистъ можетъ возразить филологу-классику, что для него важно было только установить зависимость толкованій Давида отъ комментаріевъ греческихъ ученыхъ. Такое возраженіе будетъ справедливо, однако, лишь съ формальной стороны, но не по существу: вѣдь, для существа дѣла, казалось бы, не безразлично вовсе, совпадаютъ ли тѣ или иные толкованія Давида съ комментаріями, находящимися либо въ первой, либо во второй, либо въ третьей изъ указанныхъ мною группъ греческихъ схолій, либо во всѣхъ нихъ, вмѣстѣ взятыхъ, либо въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Не берусь рѣшать, насколько такое различеніе могло бы представить интересъ и важность для армянской филологіи. Ограничусь только немногими указаніями, свидѣтельствующими о томъ, насколько разнообразны данныя, разбѣянные въ схоліяхъ, какъ они нанизываются одно на другое.

По толкованію греческихъ комментаторовъ, имѣются такіе виды *τεχνών* (р. 110 сл. Hilgard): 1) *ἀποτελεσματικόν*, *πρακτικόν*, *ὀργανικόν*, *θεωρητικόν* (Ватиканскія схолии, съ ссылкой на Лукія Гаррейскаго), 2) *βέλουςοι*, *ἐγχειρίδιοι* (Ватиканскія схолии), 3) *θεωρητικόν*, *πρακτικόν*, *ἀποτελεσματικόν*, *περίποιητικόν* (Ватиканскія схолии), 4) *λογικόν*, *πρακτικόν* (Венеціанскія схолии), 5) *λογικόν*, *πρακτικόν*, *ποιητικόν*, *ἀποτελοῦμενον* (Венеціанскія схолии). Изъ книги Н. Г. Адонца я не могъ установить, какую схему изъ указанныхъ пяти принимаетъ въ своемъ толкованіи Давидъ при различеніи видовъ *τεχνών*. Авторъ пишетъ (стр. СХХІV): «Давидъ различаетъ въ искусствахъ полезное и вредное, доброе и злое»; къ вреднымъ относятся разные виды колдовства — это согласно и съ греческими толкователями, къ добрымъ же онъ относитъ «духовныя книги и пѣснопѣнья»; у греческихъ толкователей, какъ примѣры полезныхъ искусствъ, называются, конечно, не духовныя книги и пѣснопѣнья, а земледѣліе, кузнечное и плотничье ремесла. Любопытно было бы знать, имѣются ли указанія на нихъ и въ толкованіи Давида, или же онъ просто замѣняетъ примѣры, даваемые греческими схолистами, своими. И вообще, мнѣ кажется, въ интересахъ армянской филологіи было бы отмѣтить, что *нового*, *своего*, внесъ Давидъ въ свое толкованіе по сравненію съ тѣмъ (или тѣми) греческимъ оригиналомъ схолій, какимъ онъ пользовался. Если Н. Г. Адонцъ прекрасно доказалъ то положеніе, что толкованіе Давида проникнуто духомъ греческихъ схолій къ Діонисію, что оно обнаруживаетъ много точекъ соприкосновенія съ греческими комментаріями, то онъ недостаточно рельефно подчеркнул, въ чемъ же толкованіе Давида отличается отъ греческихъ комментаріевъ, что *нового* (или ничего?) оно по сравненію съ ними содержитъ. Полагаю, что сгруппировать эти черты было важно въ интересахъ армянской грамматической литературы, тѣмъ болѣе, что Давидъ, вѣдь, состоитъ представителемъ грекофильской школы, а эта школа является нынѣ, по словамъ автора (Предисловіе), «камнемъ преткновенія» въ арменовѣдѣніи.

Другой примѣръ. Что разумѣютъ греческія схоли подѣ *λογικὰ τέχνη*? Sch. Vat. 112,17: астрономію, геометрію, музыку, философію, медицину, грамматику, риторику; sch. Vat. 162,10: астрономію, геометрію; sch. Marc. 297,27: грамматику, риторику, медицину. По Давиду *λογικὰ τέχνη* распадаются «на философію, медицину, грамматику и риторику» (стр. СХХV). Слѣдовательно, здѣсь толкованіе Давида совпадаетъ, главнымъ образомъ, съ показаніями Венеціанскихъ схолий, но и изъ Ватиканскихъ схолий онъ беретъ философію.

Изъ практическихъ искусствъ полезными являются у Давида плотничество и кузнечество (*τεκτονική, χαλκευτική*, 110,20), а зловредными — смертоносныя лѣкарства (ср. *φαρμακοπῶλαι* и *μυρεφοί*). *Μυρεφοί* да и *φαρμακοπῶλαι* врядъ-ли представители зловредныхъ искусствъ (*καχοτεχνία*); греческія схоли, какъ указываетъ и Н. Г. Адонцъ (стр. СХХIV), приводятъ ихъ въ примѣръ *ψευδοτεχνία*, лжеискусства. Эти «лжеискусства» пропали у Давида безслѣдно, или же они слились съ *καχοτεχνία*?

Стр. СХХIV: «Давидъ расходится съ греческими схолиями въ томъ, что признаетъ еще нѣчто среднее между означенными (полезными и вредными?) видами искусствъ, причемъ примѣромъ средняго изъ числа разумныхъ искусствъ приводитъ оркестіку (ср. *ὀρχηστική*, 122,34), а таковымъ изъ практическихъ — вооруженность лукомъ и копьемъ (ср. *στρατηγική*, 110,21)». Въ Ватиканскихъ схолияхъ оркестіка и *κιθαρίστικα* относятся къ числу практическихъ искусствъ, которыя противопоставляются теоретическимъ или разумнымъ; но въ тѣхъ же Ватиканскихъ схолияхъ *στρατηγική* относится къ области практическихъ искусствъ, *ἥτις μηχαναῖς τε καὶ ὀρχήνοις τοὺς ἐναντίους καταγωνίζεται*. Ясное дѣло, Ватиканскія схоли состоятъ изъ нѣсколькихъ наслоеній, по крайней мѣрѣ, двухъ, что и отмѣчено Гильгардомъ на стр. 115 его изданія, гдѣ онъ ставитъ черту между двумя отдѣлами схолий.

Вообще изъ дѣлаемыхъ Н. Г. Адонцемъ сопоставленій толкованія Давида съ греческими схолиями не легко усмотрѣть, держался ли онъ какого-либо принципа при своей работѣ, и, если держался, то какого? Была ли работа Давида болѣе или менѣе механической, или систематической? Что изъ греческихъ схолий Давидъ принималъ, что отвергалъ, что переименовывалъ, что добавлялъ отъ себя? На стр. СХХV—СХХVI своей книги Н. Г. Адонцъ говоритъ 1) о пространныхъ *προλεγόμενα* къ схоліямъ, 2) о другихъ пространныхъ *προλεγόμενα*, 3) о краткой редакціи. На стр. СХХVII онъ указываетъ на «родство Давида съ краткими пролегоменами». Но встрѣчающееся у Давида *ὁ διδασκαλικός* и *ἡ διαίρεσις* (см. стр. СХХVI) взято какъ разъ изъ пространныхъ *προλεγόμενα*. Приходится скорѣе всего предполагать, что въ данномъ случаѣ Давидъ континировалъ пространныя и краткія *προλεγόμενα*. Вѣроятнымъ представляется, что и вся его работа надъ греческимъ матеріаломъ, заключающимся въ схоліяхъ, носила такой же характеръ, но въ какой степени, сказать трудно: для этого нужно было бы произвести специальное разслѣдованіе. Требовать этого отъ Н. Г. Адонца было бы несправедливо и, до извѣстной степени, даже жестоко, но поставить вопросъ, самъ собою напрашивающійся, о неизбежности такой работы ему, на мой взглядъ, слѣдовало бы уже по одному тому, что тогда все его изслѣдованіе изъ формально-филологическаго превратилось бы въ реально-филологическое.

Любопытное явленіе встрѣчается въ отдѣлѣ толкованій Давида о слогахъ. Здѣсь Давидъ даетъ объясненіе трехъ гомеровскихъ стиховъ, цитируемыхъ

Діонисіемъ, причемъ стихи эти «небѣрно освѣщаются Давидомъ» (стр. СLX). Интересно то, что въ греческихъ схоліяхъ не встрѣчается толкованія гомеровскихъ стиховъ; только въ комментаріи Византійца дается нѣкоторое разъясненіе (тамъ же). Н. Г. Адонцъ (стр. СХLI) полагаетъ, что въ тѣхъ ошибкахъ, какія встрѣчаются въ данномъ случаѣ въ толкованіи Давида, послѣдній обязанъ своему греческому источнику. Невольно хочется спросить: какому, коль скоро въ болѣе раннихъ схоліяхъ къ грамматикѣ Діонисія толкованіе гомеровскихъ стиховъ вообще отсутствуетъ, а появляется лишь въ византійскомъ комментаріи, т. е. не ранѣе VIII—IX в. Не было ли здѣсь обратнаго, т. е. вліянія армянскаго толкователя на византійскаго?

Задача доброжелательной критики заключается, однако, не въ томъ, чтобы указывать автору, чего въ его книгѣ нѣтъ, а въ томъ, чтобы отмѣчать, что въ ней есть и что здѣсь нуждается въ исправленіи. Мое общее сужденіе объ исполненной Н. Г. Адонцемъ работѣ высказано ранѣе достаточно опредѣленно. Что касается «фактическаго исполненія» произведенной авторомъ работы, то она, повторяю, выполнена превосходно; и лишь въ интересахъ разсматриваемой части труда Н. Г. Адонца я позволяю себѣ отмѣтить нѣсколько мелкихъ неточностей. На стр. СХХIII и СLXXXVIII неправильно указано, что *κατάληψις* можетъ восходить къ *καταλαμβάνω* и *καταλείπω*: только къ первому, такъ какъ отъ *καταλείπω* было бы *κατάλειψις*. Стр. СХХVIII: «такъ какъ по Платону *воздухъ* не признается тѣломъ»; не воздухъ, а *звукъ*: *ὁ δὲ Πλάτων τὴν φωνὴν οὐ δοῦναι σῶμα*. Стр. СХХХIV: «чтеніе есть *возстановленіе* прежнихъ познаній души», точнѣе *узнаваніе* — *ἀναγνώρισις*. Тамъ же *νέοι* понимается «въ смыслѣ незрѣлыхъ представителей философіи»; врядъ ли правильно: *νέοι* въ схоліяхъ употребляется въ обычномъ значеніи, и въ данномъ мѣстѣ означаетъ, вѣроятно, молодыхъ послѣдователей, своего рода неопитовъ. На стр. СХХХVI и СLXXXIII греческія цитаты даны въ слишкомъ сокращенномъ, а потому и мало понятномъ видѣ. На стр. СХLI с. богъ *Διονίσ* нужно поставить вездѣ вмѣсто *Διονισій*. Стр. СХLII рѣчь идетъ о происхожденіи греческой трагедіи, причемъ авторъ замѣчаетъ: «какъ извѣстно, въ происхожденіи трагедіи, дѣйствительно, играетъ роль козелъ, котораго, какъ опустошителя садовъ, приносили въ жертву покровителю винограднаго Діонису, и въ это время распѣвались пѣснопѣнія, называвшіяся трагедіями, пѣснями при закланіи козла. Упомянутое о Діонисѣ, какъ о творцѣ виноградною лозы, можетъ быть истолковано въ смыслѣ болѣе вѣрнаго пониманія происхожденія трагедіи у Давида, чѣмъ у греческихъ грамматиковъ». Нѣтъ, Давидъ тутъ не превзошелъ греческихъ грамматиковъ, ибо трагедія получила свое названіе отъ того, что *τὰ πολλὰ οἱ χοροὶ ἐκ Σατύρων συνίσταντο, οὗς ἐκάλουν τράγους* (Большой Этимологикъ).

Тамъ же: по поводу комедіи у Мелампода говорится, что ее нужно *читать* *βωτικῶς, τοῦτέστιν ὡς ἐν τῇ βίῃ*. Стр. СXLVI: «§ 4. О точкѣ»; лучше «о пунктуациі». Стр. СXLIX: «§ 5. О рапсодіи»; лучше «о декламациі». Стр. СХХVIII: Н. Г. Адонцъ, повидимому, удивляется, почему Діонисій былъ прозванъ Θρακίємъ, хотя онъ былъ изъ Византіи; но, вѣдь, городъ Византіи причислялся къ Θракіи. Стр. I: проще было бы, вмѣсто указанія на годы правленія Птолемея Филометора указать на приблизительное время жизни Діонисія Θракійскаго — 170—90. На стр. II слѣдуетъ исправить двѣ досадныя опечатки: «Реммію Палемону» вм. Полемону и «при императорѣ Антонинѣ Піи» вм. Антонинѣ Реѣ; на стр. СXLV11 надо послѣ *τίνο* поставить знакъ вопроса, а на стр. СXLVII4 *τόπος* исправить на *τόποι*.

Обыкновенно Н. Г. Адонцъ переводитъ армянскія цитаты по-русски, но на стр. СХХІІІ, СХХХVІІ, СХLІІІ, СХLV, СLV онъ оставляетъ ихъ безъ перевода, что затрудняетъ пониманіе соответствующихъ мѣстъ книги для лица, не знающаго по-армянски.

Отмѣчу, наконецъ, что неоднократно встрѣчающійся терминъ «техникъ» соотв. *τεχνικός*, означаетъ грамматика специалиста, подобно тому какъ и грамматика называется *τεχνική* (подр. *τέχνη*). Во II в. до Р. Хр. грамматика обособилась ужъ въ отдѣльную отрасль филологіи подъ названіемъ *γραμματική* (*τέχνη*).

Вотъ и всѣ мелочи, которыя стоитъ отмѣтить въ изслѣдованіи Н. Г. Адонца, посвященномъ сличенію армянскихъ толкованій на Грамматику Діонисія съ толкованіями греческими. Остается приветствовать это прекрасное изслѣдованіе какъ крѣпкое звено, соединяющее двѣ, на первый взглядъ отдаленныя, а на самомъ дѣлѣ близкія филологическія дисциплины.

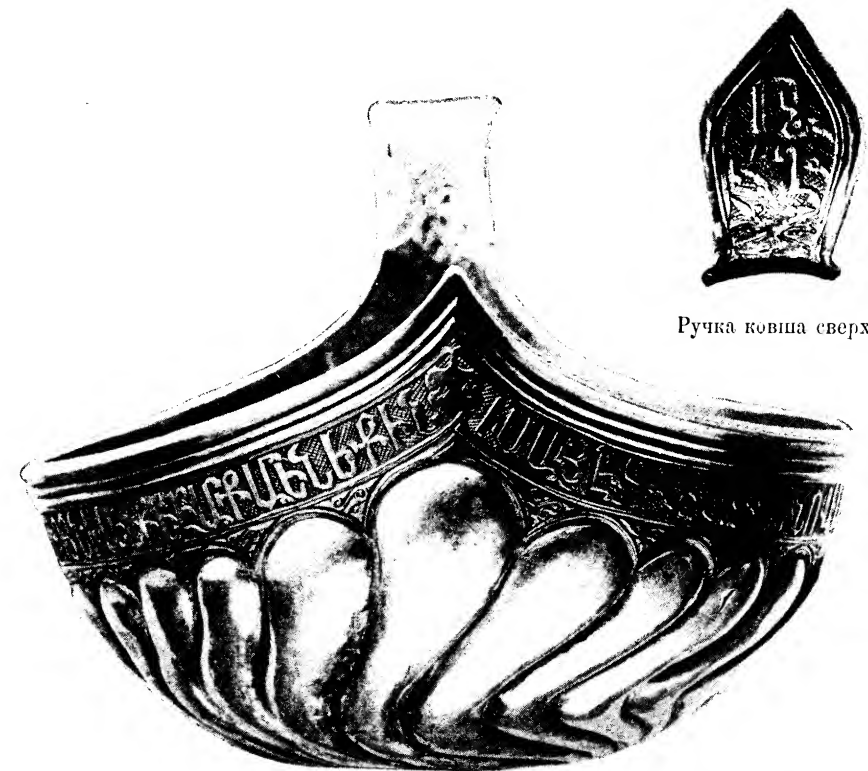
С. Жебелевъ.

1. Орбели. Два серебряныхъ ковша XVI в.

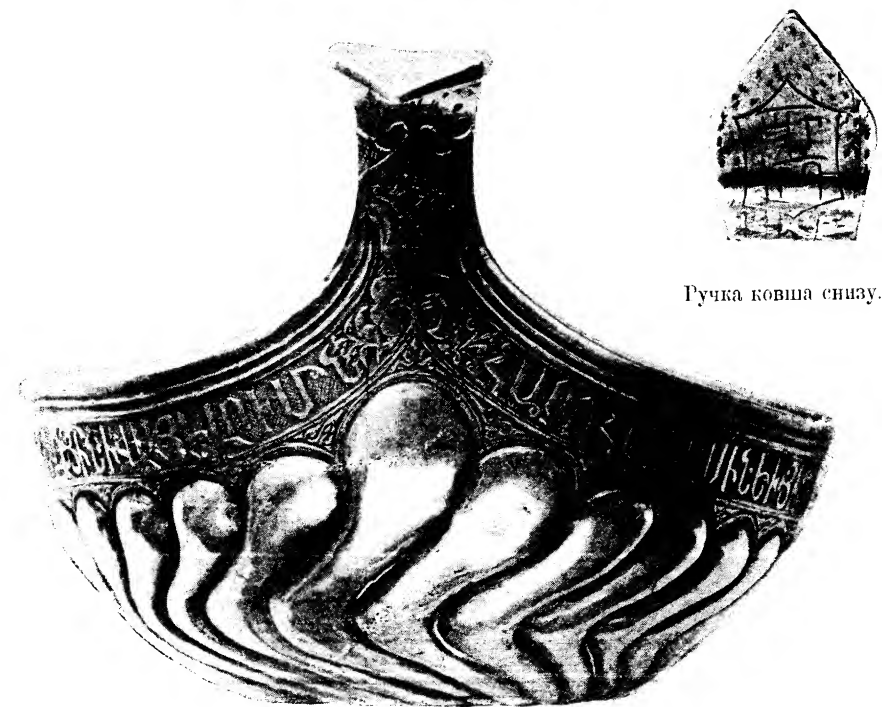
Табл. I.

Ковшъ съ армянской надписью 1549 г.

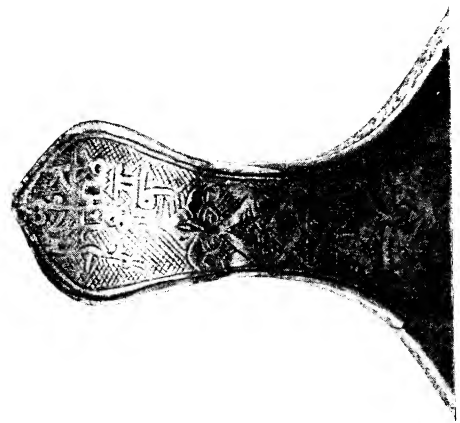
Ручка ковша сверху.

Ручка ковша снизу.

Ковш с армянской надписью 1549 г.

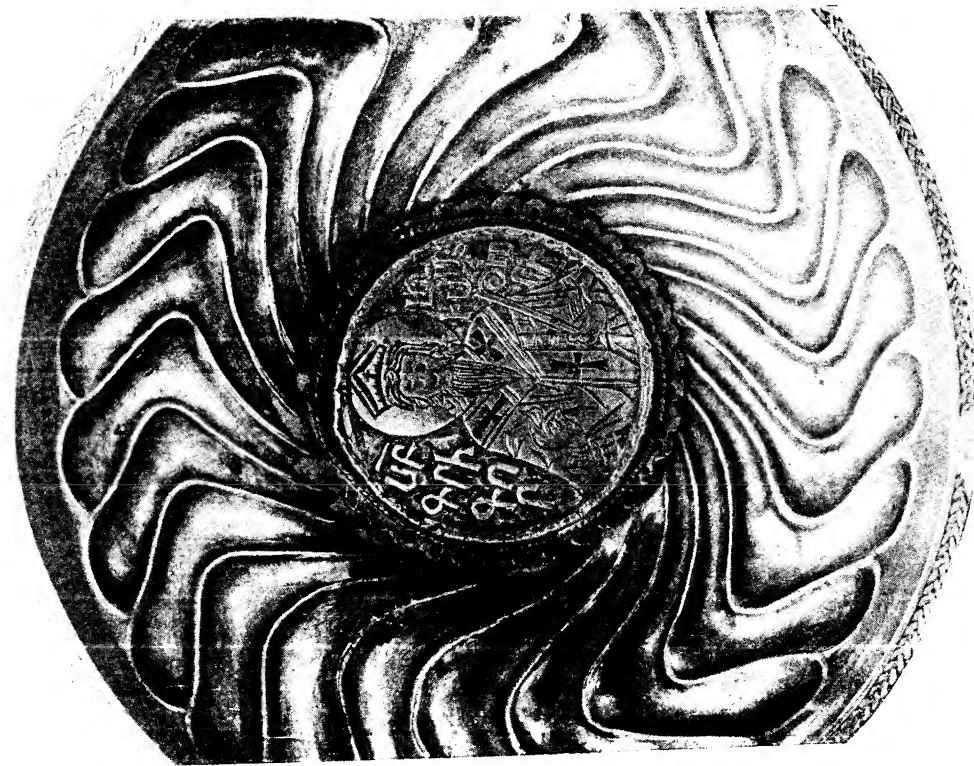
1. Орбели. Два серебряных ковша XVI в.

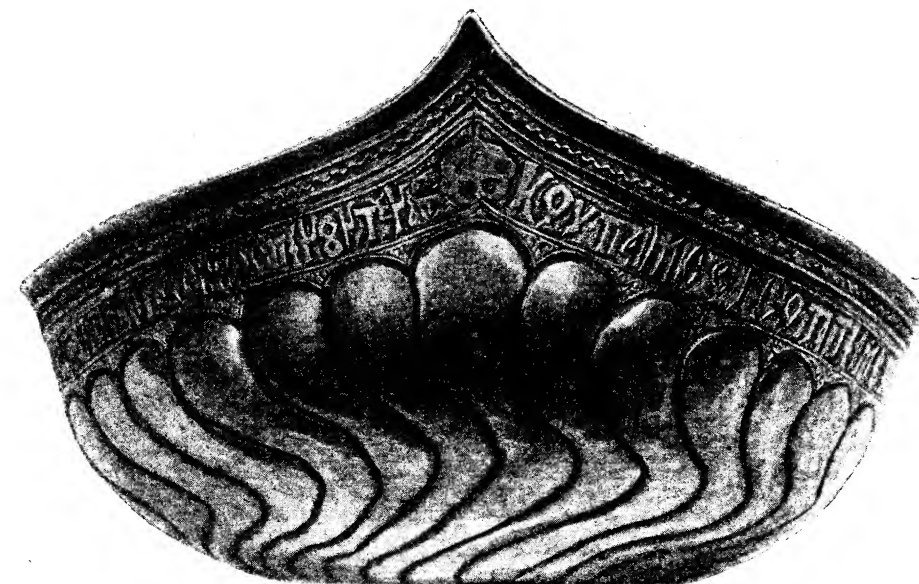
2. Ручка ковша с греческой надписью.

3. Дно ковша с греческой надписью 1586 г.

1. Дно ковша с армянской надписью 1549 г.

Ковшъ съ греческой надписью 1586 г.

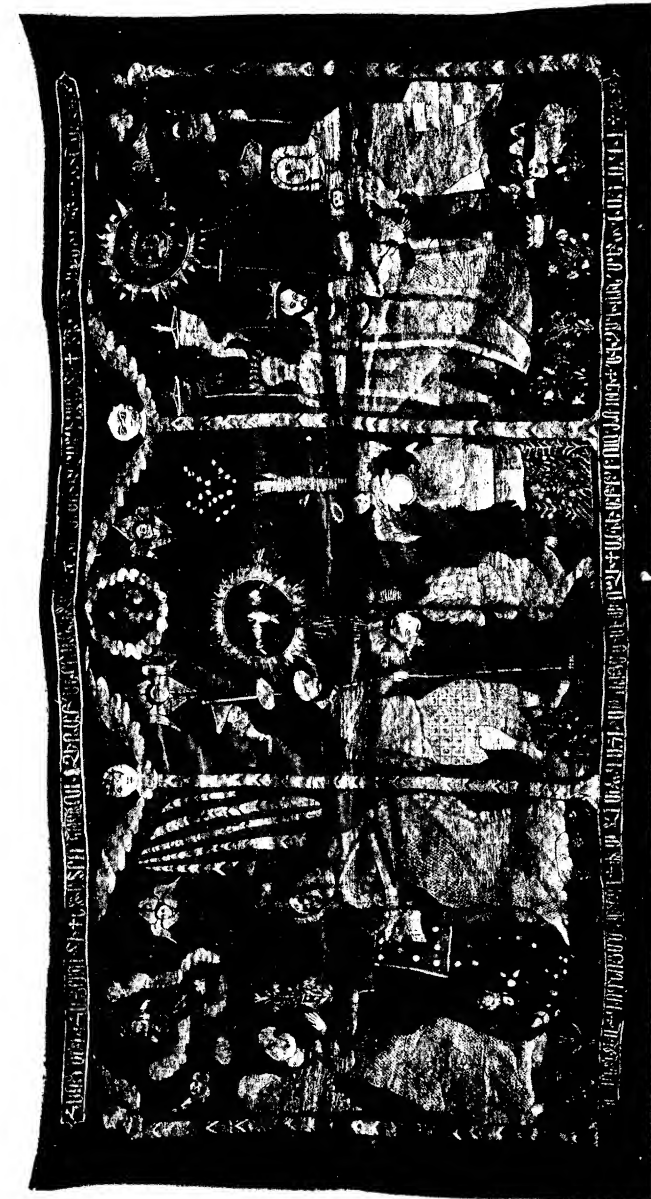
«Хоругвь Провѣдителя» 1448 г.

«Хорувъ Просвѣтителя» 1448 г.

Орлець католикоса Филиппа 1651 г.

Напрестольный покровъ 1723 г.

Рис. 1.
 $\frac{3}{4}$ человеческого роста.

Рис. 2.

Неполированные карасы.

Рис. 3. Полированный карась.

Рис. 1. Полированный карась.

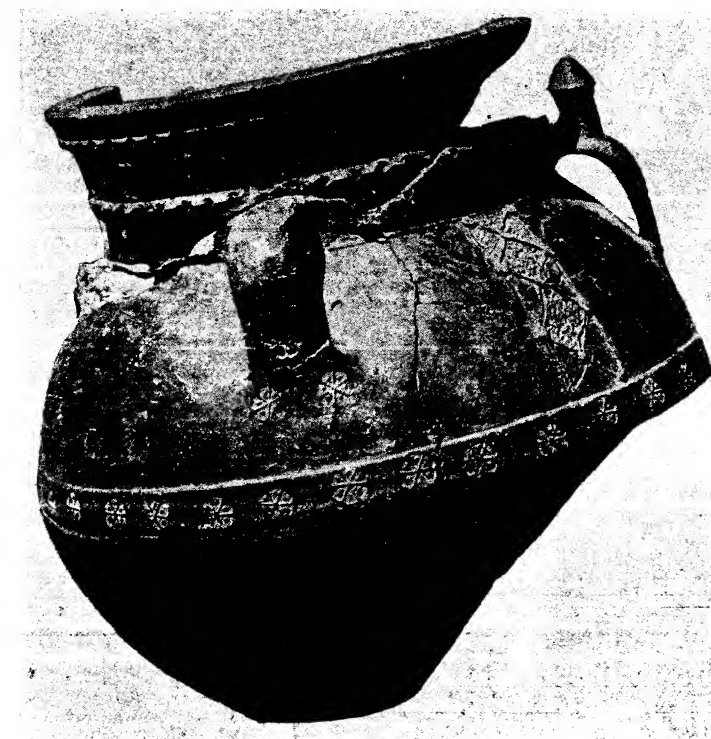

Рис. 2. Полированный карась.

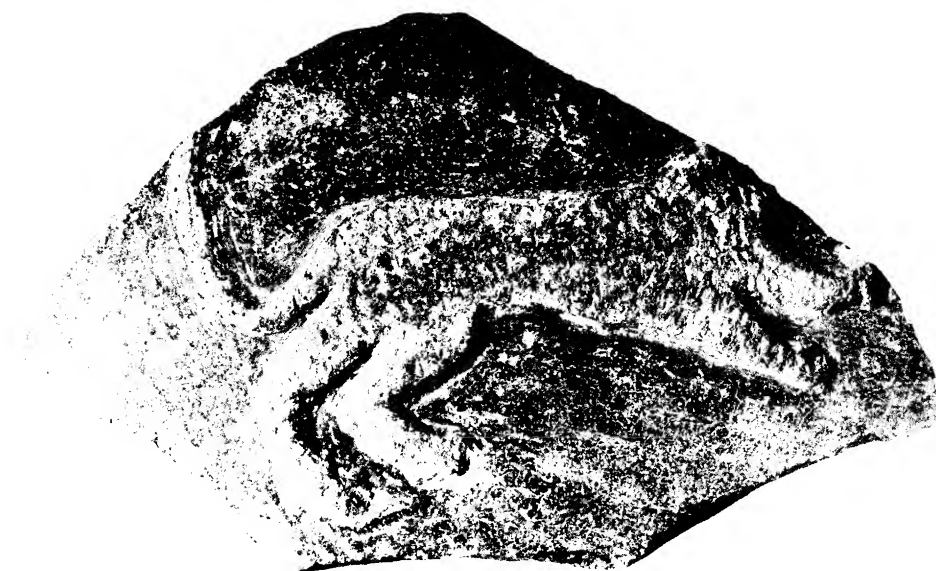

Рис. 1. Рельефъ барса на карасѣ древнѣйшаго типа.

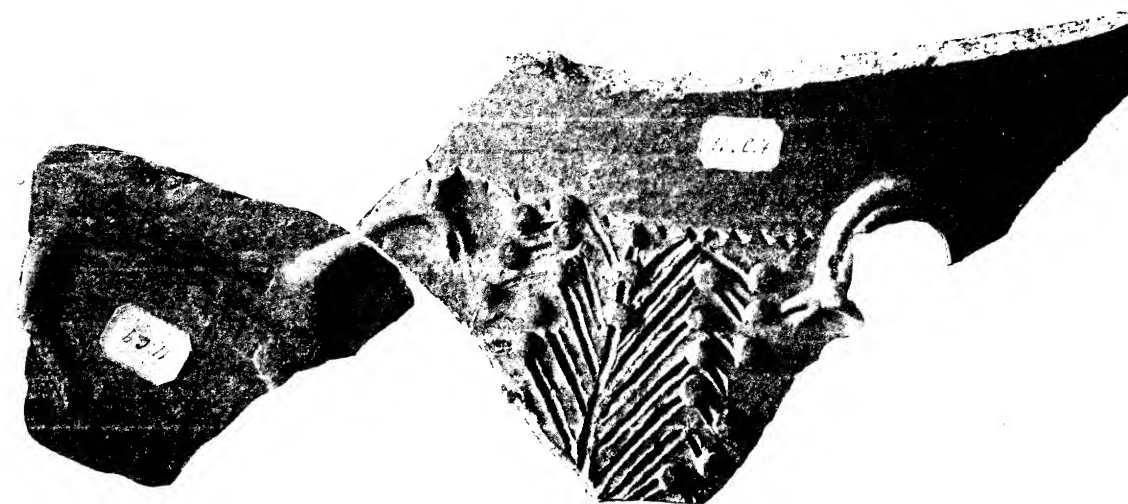

Рис. 2. Рельефъ караса переходной эпохи.

Рис. 1. Кирпичъ съ рельефными изображеніями изъ Паша-Гега, Эриванской губ.

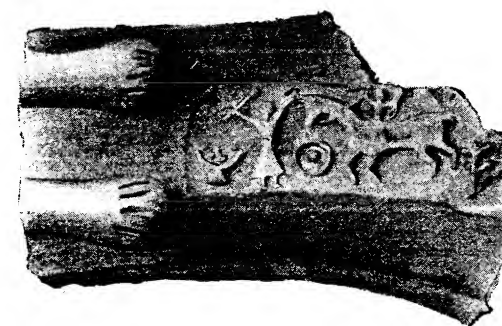

Рис. 2. Фрагментъ караса изъ г. Армавира, Эриванской губ.

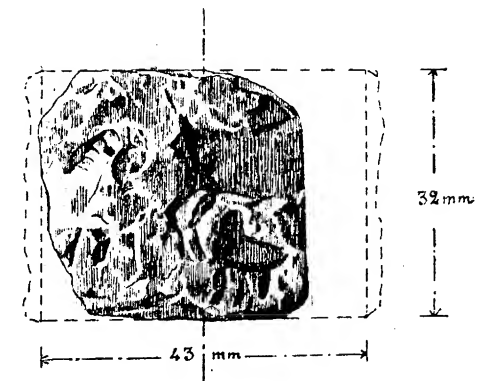

Рис. 1.

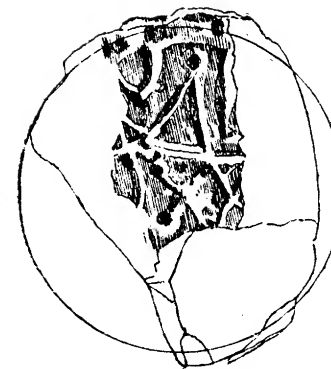

Рис. 2.

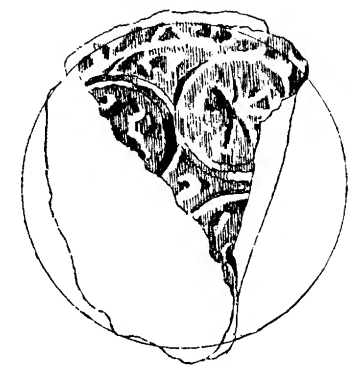

Рис. 3.

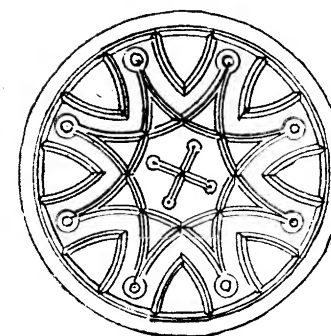

Рис. 4.

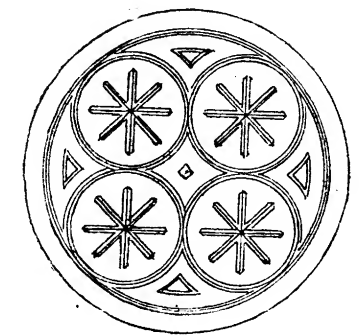

Рис. 5.

Форма для нанесенія орнаментальныхъ поясовъ (въ натур. величину).

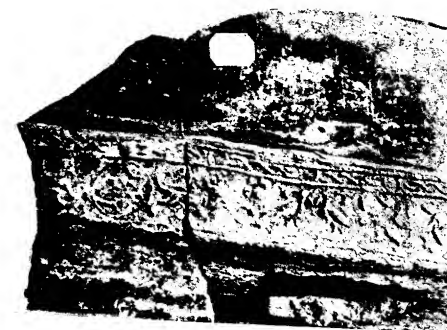

Рис. 1.

Рис. 2.

Образцы орнаментированныхъ поясовъ древней эпохи.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

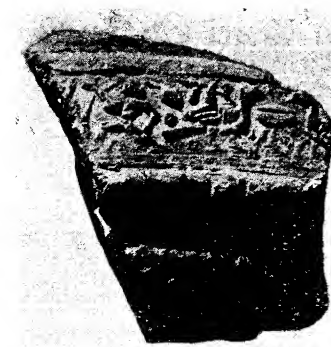

Рис. 4.

Образцы орнаментированных поясов древней эпохи.

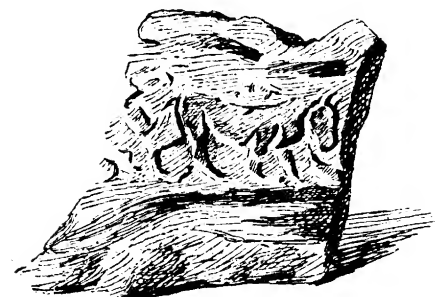

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Образцы орнаментированных поясовъ переходной эпохи.

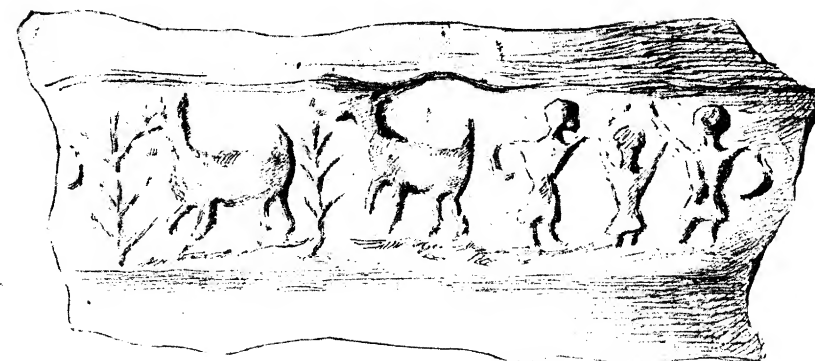

Рис. 1.

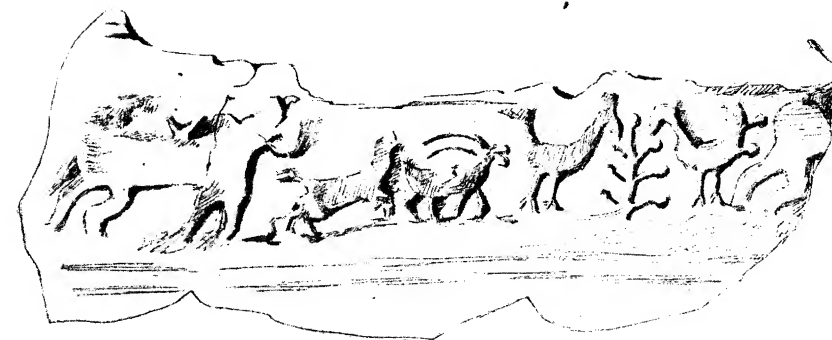

Рис. 2.

Рис. 3.

Образцы орнаментированных поясовъ переходной эпохи.

Рис. 1.

Рис. 2.

Образцы орнаментованных, поносги, переходной эпохи.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Образцы орнаментированныхъ поясовъ новаго времени.

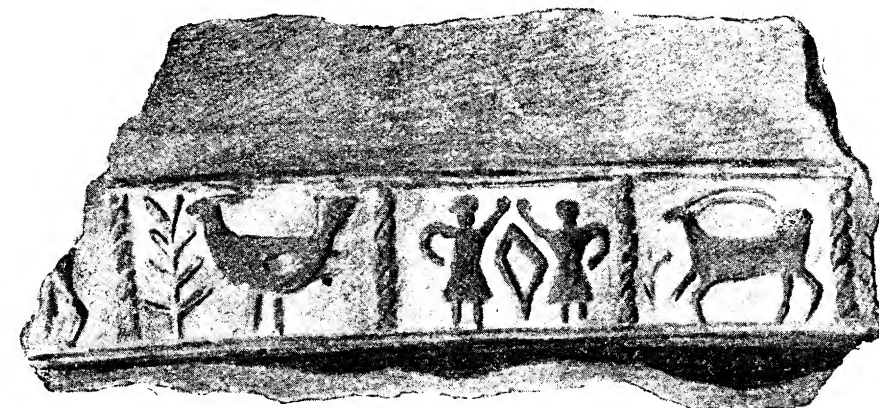

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Образцы орнаментированныхъ поясовъ новаго времени.

Рис. 1.

Рис. 2.

Образцы орнаментированных поясовъ новаго времени.

Рис. 1.

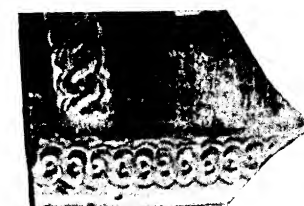

Рис. 2.

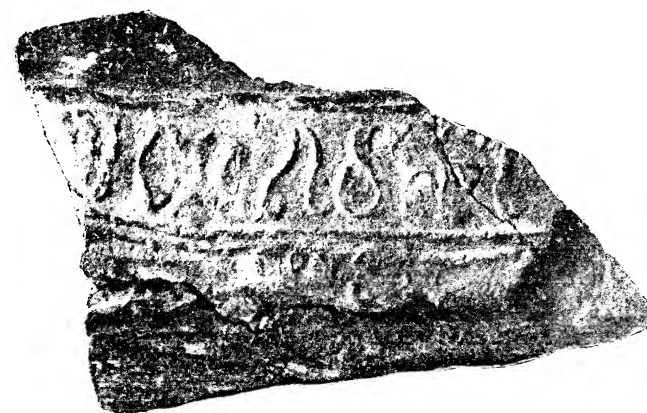

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

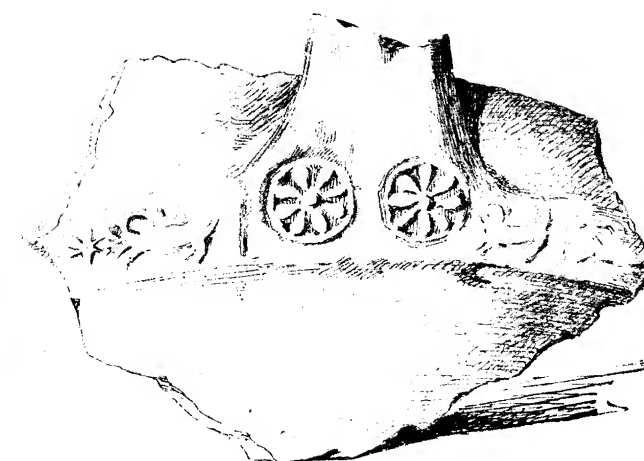

Рис. 7.

Карасные пояса геометрическаго орнамента.

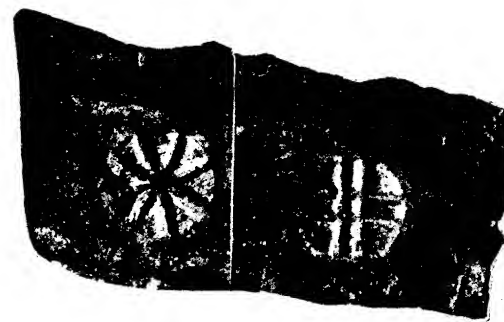

Рис. 1.

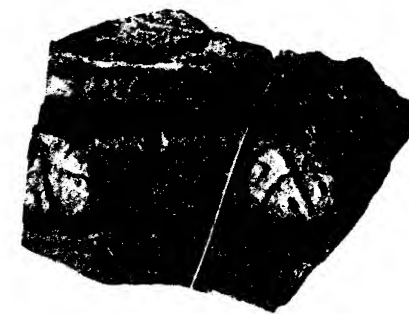

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

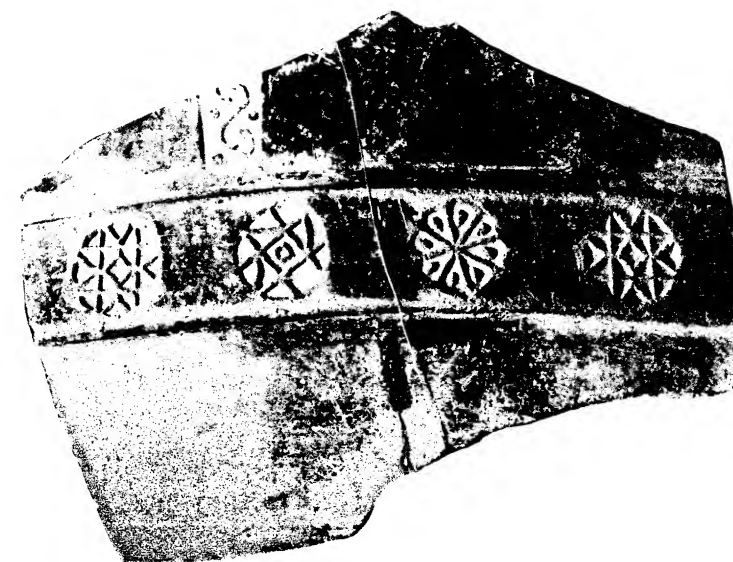
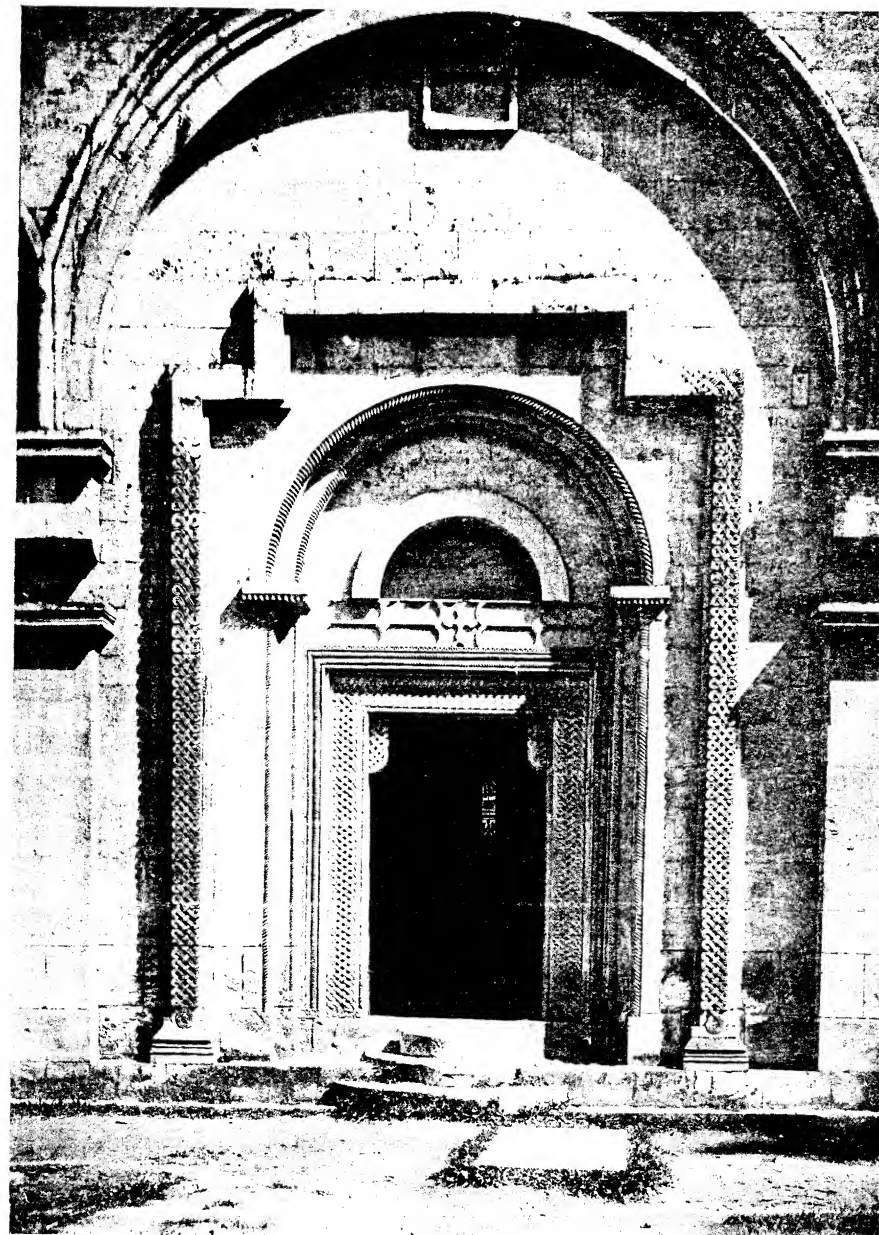

Рис. 5.

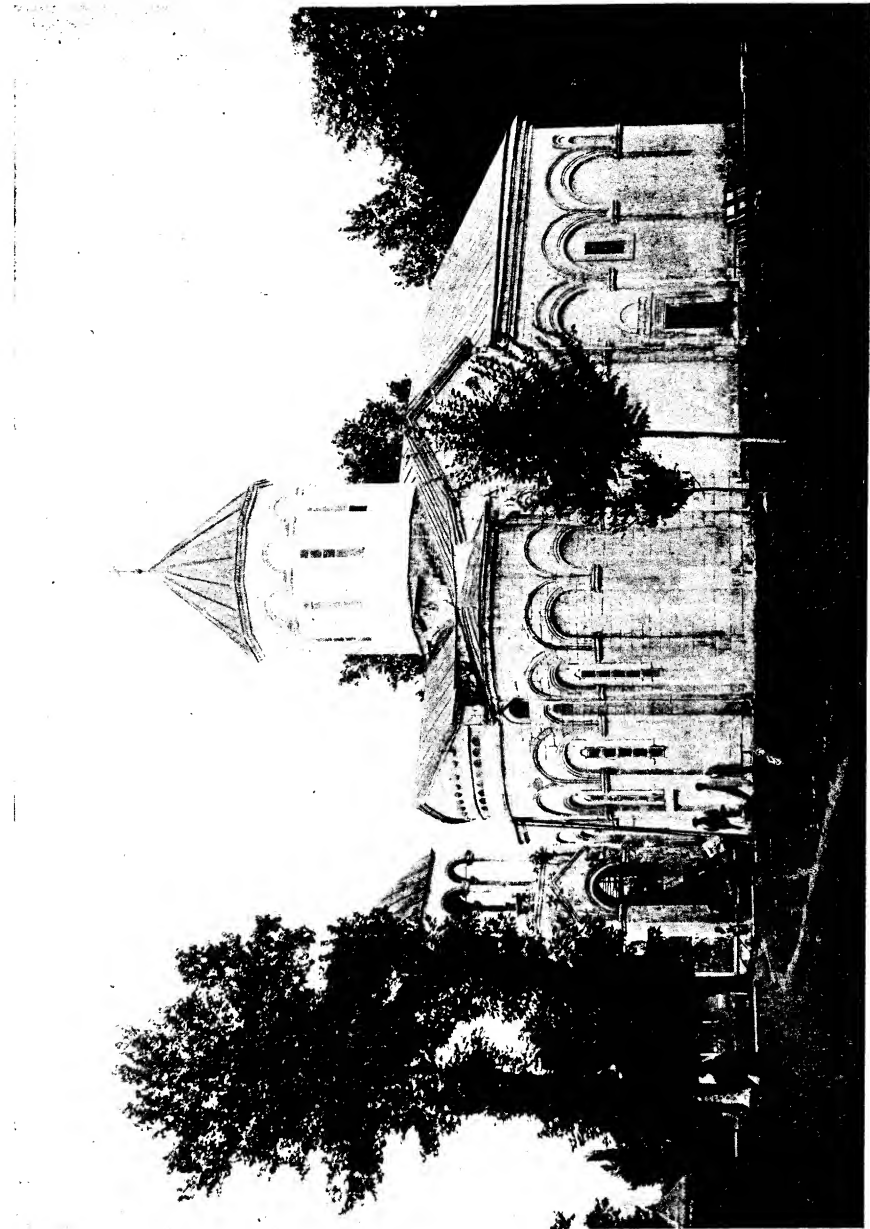
Карасные пояса геометрическаго орнамента.

Южная дверь.

Западная дверь.

Общій видъ (видъ съ сѣв.-востока).

Образъ св. Георгія серебро-позолоченный, работа XVII—XVIII вѣка.

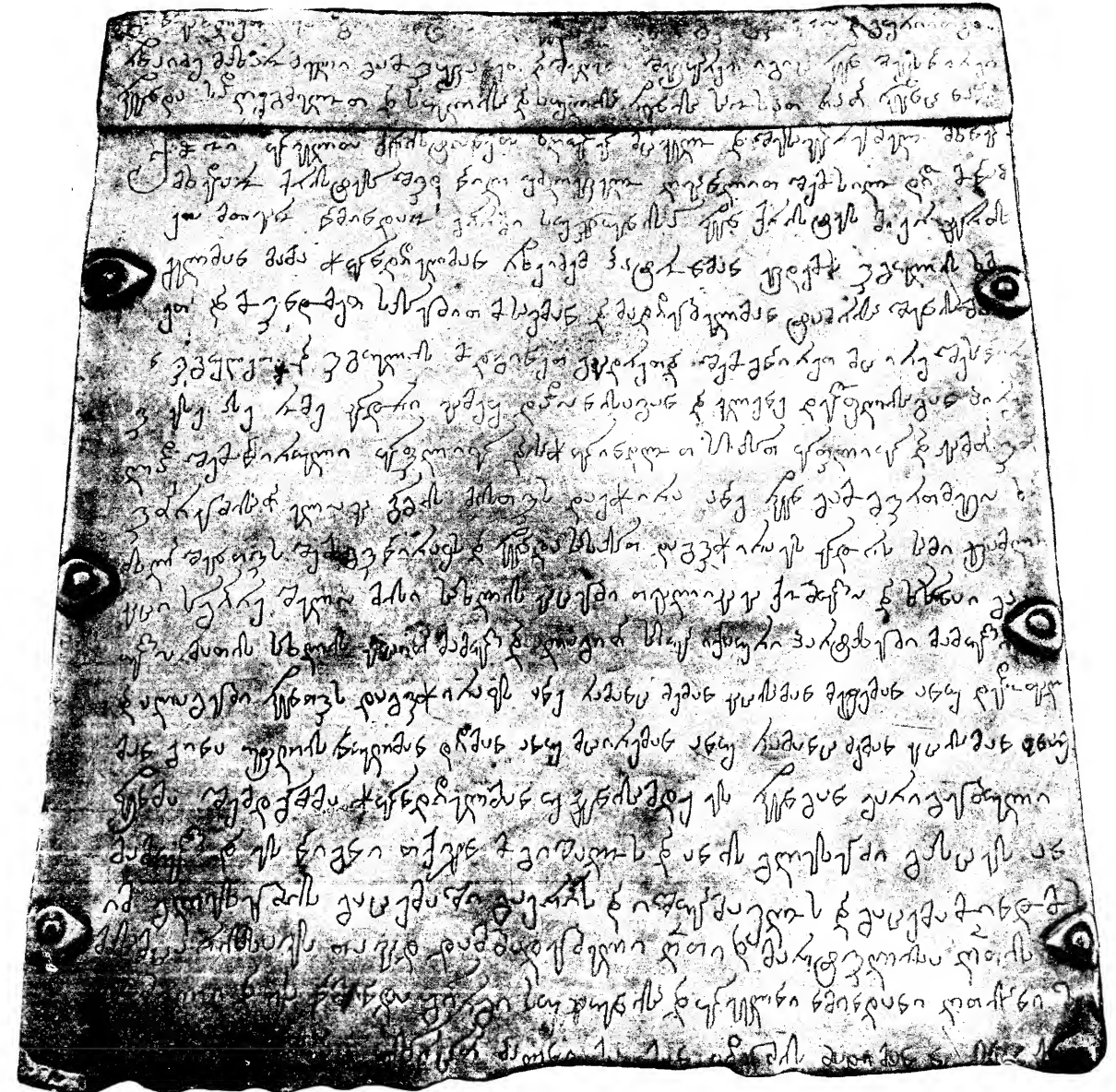
Образъ св. Георгія серебряный, работа 1646 г.

Образъ св. Георгія серебряный, работа XVII—XVIII вѣка.

Образъ св. Георгія серебряный, работа XVIII вѣка.

Написъ военнымъ писемомъ на образѣ св. Георгія (стр. 44,1а—45,6 и 44,1-20).

1. Образъ св. Георгія серебро-позолоченный съ мощами, работа XVIII вѣка.

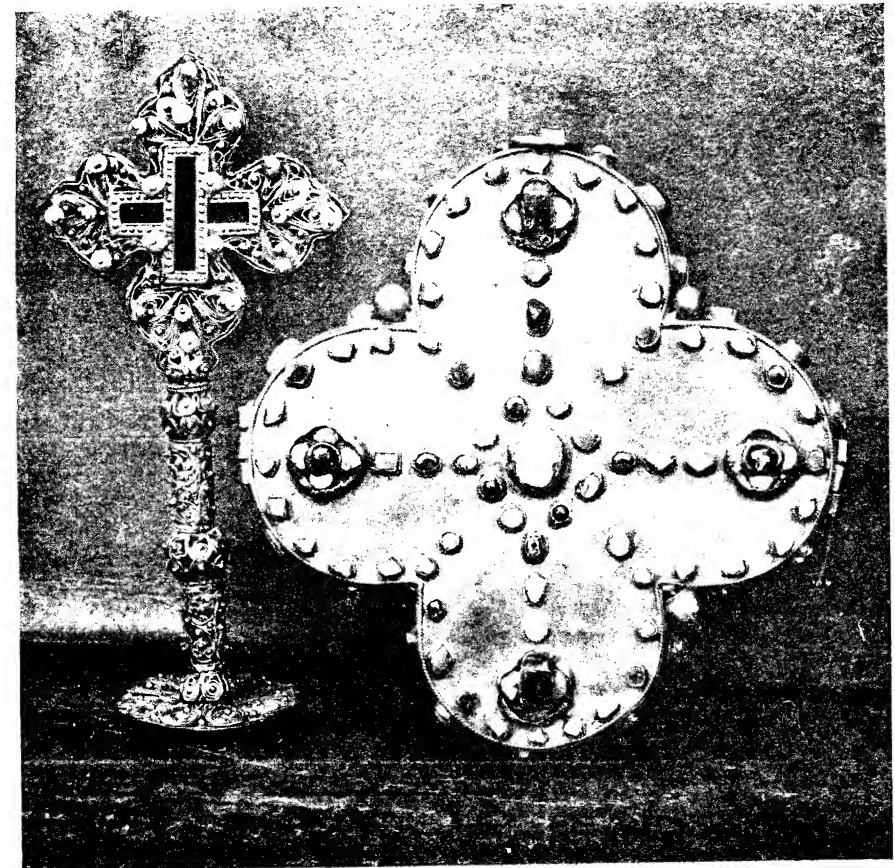
2. Обратная сторона того же образа (стр. 40).

Образъ св. Георгія серебряный, работа XVIII вѣка.

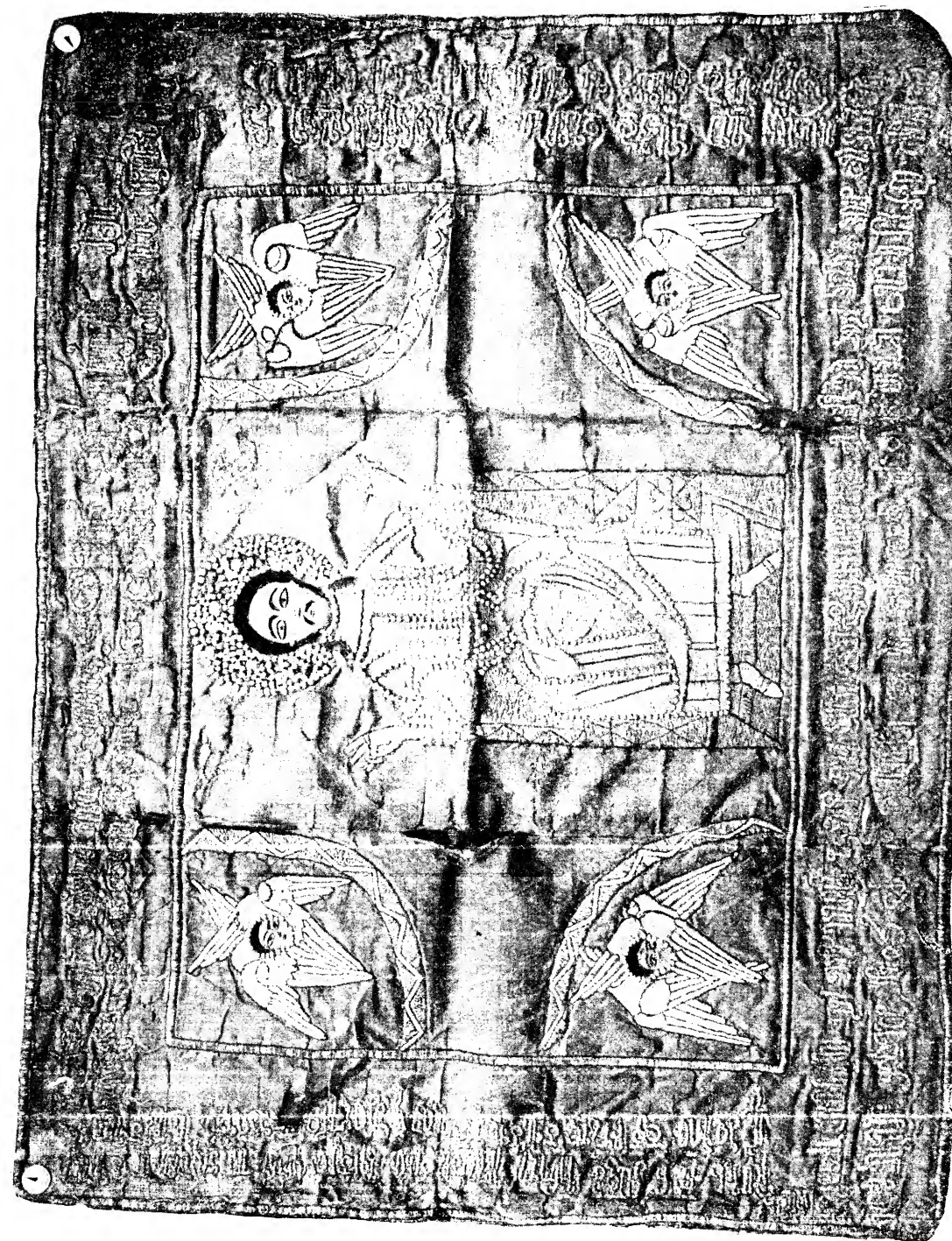

Образъ св. Георгия, работа XVIII вѣка.

1. Крестъ ажурной работы.

2. Дарохранительница.

Пергола из шара, работа клинши Ротам. Чисовани.

Сувениры из перламутра, работы мастера Роберта Антонова

NE	Notices et extraits des manuscrits.	TLZ	Theologische Literaturzeitung.
NΣ	Nέα Σιών.	ZA	Zeitschrift für Assyriologie.
OA	Orientalisches Archiv.	VGWL	Verhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig.
OCh	Oriens Christianus.	WZKM	Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes.
PEF	Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement.	ZÄS	Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde.
PG	Patrologia graeca	ZDMG	Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft.
PL	Patrologia latina	BB	Богословскій Вѣстникъ.
Phil	Philologus.	BBp	Византійскій Временникъ.
PO	Patrologia Orientalis.	ЖМНПp	Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
PSBA	Proceedings of the Society of biblical Archaeology.	ЗВО	Записки Вост. Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общества.
RA	Revue archéologique.	ЗКО	Записки Классич. Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общ.
RAfr	Revue africaine.	ИАК	Извѣстія Имп. Археол. Коммиссіи.
RAcL	Reale Accademia dei Lincei.	ИАН	Изв Извѣстія Имп. Академіи Наукъ.
RB	Revue biblique.	ИРАрхИнстКП	Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополѣ.
RE	Revue Égyptologique.	МАК	Матеріалы по Археологіи Кавказа.
REG	Revue des études grecques.	ПрСоб	Православный Собесѣдникъ.
RG	Revue de géographie.	СМК	СМ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.
RH	Revue historique.	ТР	Тексты и разысканія по армяно-груз. филологіи, изд. Факультетомъ Вост. языковъ Имп. Петрогр. Унив.
RHE	Revue d'histoire ecclésiastique.	ТрКА	Труды Кіевской Духовной Академіи.
RHR	Revue de l'histoire des religions.	XB	Христіанскій Востокъ.
RL	Revue linguistique.	ХрЧт	Христіанское Чтеніе.
RO	Roma e l'Oriente.	Ա	Անահիտ.
ROC	Revue de l'Orient Chrétien.	Աp	Արարատ.
RPL	Revue de philologie d'histoire et de littérature anciennes.	ԱՀ	Ազգազրական Հանդես.
RQuS	Römische Quartalschrift.	ԲՎ	Բազմավէպ.
RStO	Rivista degli Studi Orientali.	Գա	Գեղարուեստ.
RMasp	Recueil des travaux relat. philolog. et archéol. égypt. et assyr.	ՀԱ	Հանդես Ամսորենյ.
RTP	Revue des traditions populaires.		
SAkB	Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.		
SAkW	Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften. Wien.		
SAkH	Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften.		
StGK	Studien zur Geschichte und Kultur des Alterthums.		

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Ноябрь, 1916 годъ.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

1917 г.

т. 5

16024 Годъ 5-й.

191

Въ ближайшихъ выпускахъ „Христіанскаго Востока“:

Адоицъ, Н. Г. Фаустъ Византійскій, какъ историкъ.

Бриллиантовъ, А. И. О св. Максимѣ Исповѣдникѣ.

Блэйкъ, Р. По поводу даты армянскаго перевода церковной крата Схоластика.

Дьяконовъ, А. П. Къ исторіи сирійскаго сказанія о св. Марѣ-Ангелѣ.

Кипшидзе, Д. А. Житія трехъ грузинскихъ подвижниковъ въ Палестинѣ.

Марръ, Н. Я. Замѣтки по текстамъ св. Писанія въ древнихъ переводахъ армянъ и грузинъ. §§ 85 сл.

Изданіе выходитъ въ свѣтъ выпусками по 6—8 печатныхъ листовъ, по возможности, въ три срока: въ апрѣлѣ, августѣ и декабрѣ.

Цѣна 2 руб.; — Prix 2 rbl.

Продаются въ Книжномъ Складѣ Академіи Наукъ и у ея комиссіонеровъ:

Н. М. Галактионъ и Н. А. Радлеръ въ Петроградѣ, Н. П. Карбасникова въ Петроградѣ и Москвѣ, Н. Я. Оглоблинъ въ Петроградѣ и Кіевѣ, Н. Киммельъ въ Парижѣ, Лионахъ и Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie des Sciences:

J. Gide et G. Ricker à Petrograd, N. Karbasnikof à Petrograd et Moscou, N. Ogloulin à Petrograd et Kiev, N. Kummel à Paris, Liège & Cie à Londres.

ХРИСТІАНСКІЙ ВОСТОКЪ.

СЕРІЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНІЮ ХРИСТІАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВЪ АЗІИ И АФРИКИ.

ТОМЪ V.

ВЫПУСКЪ II.

Изданіе Академіи Наукъ.

Содержаніе:

Меликсетъ-Беновъ, Л. Грузинскій изводъ сказанія о постѣ «араджаворъ» (стр. 73—111).

Бенешевичъ, В. И. Грузинскій великій номоканонъ по епископѣ Тифлискаго Церковнаго Музея (окончаніе) (стр. 112—127).

Орбели, І. Вагванскій храмъ и его надписи (стр. 128—148).

Марковъ, А. и Ершtedтъ, П. Еще о ковчѣ съ греческой надписью 1586 (стр. 144—146).

Орбели, І. Армянскія надписи на камнѣ (стр. 147—154).

Разныя извѣстія и замѣтки (стр. 155—156).

Рисунки на таблицахъ XXXVII—XLV.

1917 г.

19175

т. 5 0424

16045

СОКРАЩЕНИЯ.

AB	Analecta Bollandiana.	EO	Échos d'Orient.
AcIBL	Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus.	GSAI	Giornale della Società Asiatica Italiana.
AAkV	Abhandlungen der Kgl. Preussischen Akademie der Wissenschaften in Berlin.	IgF	Indogermanische Forschungen.
APf	Archiv für Papyrusforschung.	JA	Journal asiatique.
ARw	Archiv für Religionswissenschaft.	JAOS	Jour
ASA	Annales du Service des Antiquités du Caire.	JBAS	J
B	Bessarione.	JS	J
BAG	Bibliotheca Armeno-Georgica.	JTSt	J
BbZ	Biblische Zeitschrift.	JBL	J
BCH	Bulletin de correspondance hellénique.	LSSt	I
BCHPh	Bulletin de la Classe Histor.-Philologique de l'Acad. des Sciences de Petrograd.	MA	N
BEFEO	Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient.	MACIBL	M
BIE	Bulletin de l'Institut égyptien.	MAcB	M
BSA	Bulletin de la Société d'Anthropologie.	MAH	M
BSAA	Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie.	MAS	N
BZ	Byzantinische Zeitschrift.	MéIBeyr	I
CHR	Congrès d'Histoire des Religions.	MGGH	M
CQR	The Church Quarterly Review.	Mq	Al-Machriq.
CSCO	Corpus scriptorum christianorum orientaliū.	MMFC	Mémoires publiées par les membres de la mission archéologique française au Caire.
DAkM	Denkschriften der bayerischen Akademie. München.	MSOS	Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin.
DLZ	Deutsche Literaturzeitung.		

Продолжение см. на 3-ей страницѣ обложки.

ხუტესმან: «მოკალით აღაჟ». მიუ-
გეს ხუტესს და ჰქუტს: «უკე-
თუ ცნას ესე ჰეტროს, ს-
დაღა იუოს სყოფელი ხუტ-
5 ნი?» ხოლო ხუტესმან ჰქუტა მათ:
«ხემ ზედა იუაგნ საქმე ეკე-
უაგთ შვილნო ჩემნო». ხო-
ლო მათ მოკლეს და კეგეს შთა-
აგდეს და დაუარეს ქვეითა მძი-
10 მითა.

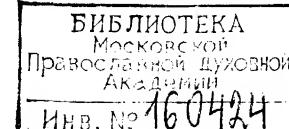
IX. მოვიდა ჰეტროს და ვერ
ზოგა აღაჟ და ჰქუტა ხუტესს მას:
«სადა არს აღაჟ? მე აქა წარმოვა-
გლინე». ხუტესმან ჰქუტა: «მე არა
15 მიხილავს». მაშინ ჰეტროს იწყო
C 85b ძიებად და წარავლინა მეძიებელნი
მისნი ყოველთაგან მათ ადგილთა
და სოფელთა. და ვითარ ვერ ზო-
გის აღაჟ, იწყო ჰეტროს განზრახ-
20 ვად თავით თჳსით და ჰქუტა ესრეთ:
«ვიღოცოთ და ვიმარხოთ ყოველთა,
რამთა გამოვიცხადოს ჩუტნ ღმერთ-
მან, თუ რამე იყო და შეემთხვა
აღაჟს». მაშინ იწუეს ორშაბათით-
B 195 25 გან ვიდრე შესაბამდე მარხვა, და
შუნთქუტსვე გამოცხდა ჩუტნებითა
ეშმაკისთა აღაჟ ჰეტროსს და
მისთანათა, და ჰქუტა: «აჲ ესერა
კეგეს შინა ვქე მე მეუდარი». მაშინ
D 146b 30 ემაღე უეო კრეს მას ჰეტროს, და
ჰქუტა: «აჲ სასწაული დიდი და საში-
ნელი, აწ უეუტ იმარხედიოთ აღა-

ნიკ: «Убейте аладжа!». Въ отвѣтъ на
это они сказали священнику: «А ежели
объ этомъ узнаетъ Петръ, гдѣ же
найти намъ тогда убѣжище <отъ гнѣва
его>?». Но священникъ сказалъ имъ:
«Пусть это дѣяніе <всецѣло> ложится
на мою <отвѣтственность>, а вы сдѣ-
layте <свое>, чада мои!». А они, убивъ
аладжа, бросили его въ оврагъ и по-
крыли тяжелымъ камнемъ.

IX. Явился Петръ и, не найдя ала-
джа, сказалъ тому священнику: «Гдѣ
аладжъ? Я его послалъ сюда». Свя-
щенникъ же сказалъ Петру: «Я его
не видѣлъ». Тогда Петръ сталъ искать
аладжа и разослалъ развѣдчиковъ по
всѣмъ <прилегающимъ> мѣстамъ и се-
ламъ; и когда послѣдніе не нашли
аладжа, впалъ Петръ въ недоумѣніе
и сказалъ народу своему: «Такъ ста-
немъ же <мы> всѣ постить и мо-
литися, дабы Богъ повѣдалъ намъ,
куда дѣвался аладжъ и что съ нимъ
случилось». Тогда начали <всѣ> по-
стить, начиная съ понедѣльника и
до субботы. И тотчасъ, по указа-
нію дьявола, показался аладжъ Пе-
тру и иже съ нимъ и сказалъ: «Вотъ,
въ этомъ оврагѣ лежу я, умерщвлен-
ный!». Тогда призвалъ Петръ народъ
тотъ <армянскій> и сказалъ: «Вотъ зна-
меніе великое и страшное! Отнынѣ,

1 აღაჟა CD.	3 ჰეტროს B	სტროს CD.	4 სყოფელი] სყოფი CD.	5 მათ+ღა C.
6 მათ+ღა C.	7 ვე (sic) A.	ჰქუტ B.	უეო ACD.	13-14 წარმოგვსენე (+ხოლო C)
CD.	ჰქუტ+მას C.	15 მიხილავს] მინახავს D.	ჰეტროს იწყო] იწყო ჰეტროს CD.	
17 მისნი] თვისნი D.	18 ვერა D.	20 ჰქუტ+ერის თვისს CD.	21 ყოლოცოთ და ვიმარხოთ]	
ვიმარხოთ და ყოლოცოთ CD.	23 შეემთხვა D.	24 ორშაბათითგან+ვითარქედ C.	26 მუნ თეგვე	
A.	27 ჰეტროს A.	ჰეტროსს CD.	28 მისთანა D.	29 ვქე] ვად CD.
მას ჰეტროს] ჰეტროსმა (ჰეტროს D)	ერის მას CD.	32 უეუტ+უეგით C.	+ იუგენით D.	

Христианскій Востокъ.

ჯისათჳს ამათ დღეთა, რომელნი მე განგიწესენ თქუენს.

ესე არს სჯული მოციქულთა მიერ შეხუტნებულისა პეტროსისი და კრესტისა მიერ განგდებულისა, და შეგანხუტნებულ არს ყოველი მმარსხველი აღაჯისათჳს და სურფსარგისისათჳს.

постите для аладжа въ тѣ дни, которые я вамъ установилъ».

Таковъ законъ Петра, проклятаго апостолами и отвергнутаго соборами, и да будетъ проклятъ всякій постникъ для аладжа и Сурб-Саргиса.

II.

შეგება სუბულის მისა სარგისისათჳს.

Уведомление о Субуловъ сынъ Саргистъ.

10 X. მათვე უამთა შინა იყო კაცი ვინმე ნაგმირევი და სხელი მისი სუბულის ძე სარგის. ესე იქმნა მონაზონ და აღაშენა მონასტერი ძირსა არარატისა მთისასა, და იღოცან დღე და ღამე. ხოლო მონასტერი იგი იყო მახლობელად ქალაქსა დვინისასა და შენებულ.

XI. მას უამთა შინა მოვიდა სპათ-საღარი აგარიანთა და მოადგა ქალაქსა და წარტყნდა ქალაქი. მაშინ || გამოვიდეს კაცი მის ქალაქისანი და ქუჩის სუბულ სარგის: «გამოვიდ მონასტრით შენით და ებრძოლე შეილთა აგარისთა მტერთა ქრისტესთა, და უკეთო სძლო და მოიქცე მშჯდობით, ჩუენ ყოველნი მონად შენდა ვიქმნეთ. და უკეთო მოგვლან, შენ წილ ჯუარი აღვმარ-

X. Въ ту-же пору жилъ нѣкто витязь, и имя его Субуловъ сынъ Саргистъ, который, постригшись въ монахи, выстроилъ монастырь у подножія горы Араратской, и «здесь» молился день и ночь. А тотъ монастырь былъ построенъ вблизи города Двина.

XI. Въ то время явился спасаларъ агарянъ и, подступивъ къ городу «Двину», взялъ было его. Тогда жители того города, явившись къ Саргису, сказали: «Субул-Саргистъ! Выходи изъ монастыря своего и борись съ сынами агарянскими, врагами Христа. Если сумѣешь благополучно одолѣть врага, всѣ мы станемъ рабами твоими, если же убьютъ тебя,

თათ სკესენებულად შენდა». მაშინ გამოვიდა სარგის წუობად აგარიანთა და სძლო. და წარმოვიდა წელუ-ლი ისრისა მიერ.

5 XII. ხოლო შემდგომად ამისა კუალად აღიჭურა სპათსა-ღარი ასპანისა და მოვიდა ქალაქად დვინისასა. და კუალადცა განვიდა მათდა სარგის. ხოლო 10 იქმნა რამე წუობად, შეიპყრეს სარგის და ყოველი სომხითი მოწუწეს და აღაოკრეს. ხოლო სარგის სხვსა აურაცხელისა ნატუქნავისა თანა ასპანს წარიუ- 15 ვანეს წინაშე სულტანისა. ხოლო სულტანმა იხილა რამე სარგის, ფრიად განიხარა რამეთუ ასმიოდა 147a სიმენე მისი და ტომიკეთილობად და შეეწაღა იგი რამეთუ მოხუ- 20 ტებულ იყო. და პირველად ვიდრე იქმნე მრავალთა სოფსეთა და ქალაქთა და სოფელთა ქადებისა მიერ და აღიქმისა ვითარმედ «ყოველი სომხითი და რანი მიგიტო შენ 25 და მეფობად მათი, უკეთო მერხდე და უფრტეო ჯუარტეული და აღიარო სჯული მეტამედ მოციქულისა მიერ მოცემული ჩუენდა». ხოლო მან ყოვლად რამეთუთით 30 არა თავს იდგა, და რამეთუ მო-

взять тебѣя водрузимъ крестъ въ память о тебѣ». Тогда вышелъ Саргистъ сражаться съ агарянами и, одолевъ ихъ, вернулся раненый стрѣлой.

XII. По прошествіи нѣкотораго времени, вновь вооружился спасаларъ Испаганскій и явился къ городу Двину. И опять выступилъ Саргистъ. Но, какъ только началось сраженіе, Саргиса забрали въ плѣнъ, а всю Арменію сожгли и предали разоренію, причемъ «этого» Саргиса, вмѣстѣ съ несмѣтнымъ количествомъ плѣнныхъ, увели въ Испаганъ къ султану. Султанъ же, какъ только увидѣлъ Саргиса, очень обрадовался, ибо слышалъ о его мужествѣ и благородствѣ, и пожалѣлъ его, такъ какъ онъ былъ старъ. И прежде всего искушалъ его обѣщаніемъ многихъ сокровищъ, городовъ и селеній, говоря: «Я оставлю тебѣ всю землю Арменійскую и Ранию и ихъ царства, если ты только покоришься мнѣ и, отвергнувъ Распятаго «Христа», исповѣдуешь религію, данную намъ пророкомъ Мухаммедомъ». Но Саргистъ не покорился султану. И несмотря на то, что Саргистъ былъ старъ, султанъ ве-

1 აღაჯისათჳს CD. 3—4 მოციქულთა მიერ შეხუტნებულისა პეტროსისი პეტროსისი მოციქულთა მიერ შეხუტნებულისა CD. 5 მიერ < CD. 6 შეგანხუტნებულ არს შეგანხუტნებულისა CD. 7 აღაჯისათჳს C. სურფსარგისისათჳს B. სუბსარგისისათჳს C. სუბსარგისისათჳს D. 8 შეგება სუბულისა სუბსარგისისათჳს (სურფსარგისისათჳს D) CD. 10—11 იყო კაცი ვინმე კაცი ვინმე იყო CD. 12 სუბულისძე CD. 13 სარგის C. 14 არარატის C. 15 იგი < C. 16 ქალაქისა A. დვინისა A. 18 შინა < CD. 18—19 სპათსაღარი D. 22 სუბულის ძე სარგის C. სუბულ სარგის D. 25 ყოველი + შენი A. 26 ვიქმნეთ C. 27 წილ < CD.

1 აღაჯისათჳს B. აღაჯისათჳს A. 2 სარგის D. 5 ამისა D. 6 კუალად აღაჯისათჳს B. 6—7 სპათსაღარი D. 8 სარგის BC. 9 სარგის წუობად მათდა CD. 10 სარგის წუობად მათდა CD. 11 სარგის წუობად მათდა CD. 12 სარგის წუობად მათდა CD. 13 სარგის წუობად მათდა CD. 14 სარგის წუობად მათდა CD. 15 სარგის წუობად მათდა CD. 16 სარგის წუობად მათდა CD. 17 სარგის წუობად მათდა CD. 18 სარგის წუობად მათდა CD. 19 სარგის წუობად მათდა CD. 20 სარგის წუობად მათდა CD. 21 სარგის წუობად მათდა CD. 22 სარგის წუობად მათდა CD. 23 სარგის წუობად მათდა CD. 24 სარგის წუობად მათდა CD. 25 სარგის წუობად მათდა CD. 26 სარგის წუობად მათდა CD. 27 სარგის წუობად მათდა CD. 28 სარგის წუობად მათდა CD. 29 სარგის წუობად მათდა CD.

ხუცბეულ იყო, უბრძანა უზატი-
ოებით განძრევა მისი და გან-
პარსვა და შემუსრვა კბილთა
მისთა და ტემა უწყალოდ და
5 განკურეკა კოჭთა მისთა და თავდა-
მოქცევით აქლემს შთამოკიდებამ და
უოგელს ქაღაქს შინა მოგვლებამ
მისი. და ესე რამ იქმნა კუა-
ლადა ჰერობილ ყვეს, სადა ან-
10 გელაზისა ხილვასა დირს ქმნი-
ლი სრულიად განიკურნა და
კუალად წარიდგინა წინაშე მძღა-
C 87b ვრისა და ჭკითხს სჯულისათჳს და
საწმუნოებისა. ხოლო მან უო-
15 ვლად კანდიკებით ამხილად და ეს-
რეთ ბრძანებოთა სულტნისათა მი-
ეცა მისათჳს განხილვამ მახვლითა
წარკუჭთად თავისა. და ჭრქმენა
კაცთა მის ადგილისათა, რამეთუ
20 სადა იგი მდებარე იყო მკუდარი,
იხილეს სულტი ტეცხლისა.

XIII. გინა შემდგომად მრავალთა
წელთასა წარვიდეს ასპანად უოგელ-
თაგან ქაღაქთა სომხითისათა და მრავ-
25 ვლითა პატრივითა აღმოიყვანეს ნა-
წილნი მისნი, და მარჯუწმენე მკლავი
B 197 მისი დადგეს გაგს კელესისა შინა,
რომელი აღაშენა პეტროს.

XIV. ხოლო განისმა იმერესადიმს
C 88a 30 და | კოსტანტინოპოლეს, ანტიოქიას;
D 147b აღექსანდრიას და ჭრომს და უოგელ-

ლელა რაზბტე его непристойно, и
выбрить его, вырвать у него зубы,
и избить его безжалостно, просвер-
лить ему щиколки, и привесить его
вниз головою къ верблюду и водить
его <въ такомъ положеніи> по всему
тому городу. Послѣ всего этого Сар-
гиса заключили въ темницу, гдѣ онъ
удостоился лицезрѣть ангела и полу-
чилъ полное исцѣленіе; а затѣмъ онъ
предсталъ предъ властелиномъ, кото-
рый сталъ его разспрашивать о ре-
лигіи и вѣрѣ. Въ отвѣтъ на это
Саргисъ дерзновенно обличилъ его,
вслѣдствіе чего по приказу султана
былъ приговоренъ къ отсѣченію го-
ловы мечомъ. И среди людей тѣхъ
мѣстностей возникла вѣра, что на
томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Саргисъ ле-
жалъ умерщвленнымъ, былъ видѣнъ
огненный столбъ.

XIII. По прошествіи многихъ лѣтъ
со всѣхъ городовъ Арменіи отправи-
лись въ Испаганъ <паломники>, кото-
рые съ почестями перенесли мощи
Саргиса, и десницу положили въ
Гагѣ, въ <той> церкви, которую по-
строилъ Петръ.

XIV. Между тѣмъ, разнеслось по
Іерусалиму, Константинополю, Ан-
тіохіи, Александріи и Риму и по всему

1 მოსუტუბულა CD. 2 განპარსვა D. 2-3 და განპარსვა < CD. 4 უწყალო C.
7 უოგელსა + მისი C. უოგელსავე + მისი D. 10 ქმნილი] იქმნა + და C.
ხოლვის დირს ქმნილი] მეორე დირს იქმნა ხილვის და D. მან <
AB. 23 ახპანად BCD. 24 და < CD. 25 მარჯულოთა < C. აღმოიყვანეს CD.
26 მარჯუენა D. 27 დადგა C. დადგა D. გაგს CD. მძღელისათა D. 28 პეტროს] პეტროსისა მეორე CD.
C. პეტროსისავე D. 29 Тутъ другіе списки приводятъ заголовокъ: პეტროსისთვის მკაწრეულისა.
კოსტანტინოპოლისათა C. კოსტანტინოპოლეს D. 30 და + უოგელთა მათ ადგილთა (ადგილთა < D) CD. კოსტანტინოპოლის B.
31 და < CD.

სა სოფელსა შინა, ვითარმედ პე-
ტროს დადგა სჯული წვალებისა
ქუტყანასა სომხითისასა, და შეკრბეს
ათხნი პატრიქნი და პაპი რომისა
A 72b 5 და || შესახებეს პეტროს. და ვინცა
იმარხვიდეს ალაჯისათჳს და ანუ
ილოცვიდეს სუბულ სარგისს მიმართ,
ანუ შეჯუღს მისსა ვიდოდეს, ანუ ვინ
ისმინოს მათი და არა შესახებეს,
10 ანუ ვინ ემზახოს საწოლითა, ანუ ვინ
ესხნდიგინოს, ანუ ვინ იმარხვიდეს
მარხვასა მათსა, კრულ იყავნ საუგუ-
ნოდ.

XV. ამან ღმრთივ მოძაგებულმან
C 88b 15 პეტროს | შესძინა საშწმინდობითისა
ქების მტუქსელებსა ვითარმედ «წმი-
დაო უკუდავო, რომელი ჟუარს ეცუ
ხუტნათჳს». და საშუალ ჟუარისა სამს-
ჯულისა განწონა და მონათლვა ჟუარი-
20 სა ამანვე სჯულ უდგა. ვინმე უკუტ
არს ესოდენ ცნობამიღებული რა-
მელმანცა ზეცისა ძალთაგან მოცემული
დიდებისმტუქსელებსა სამებისა წმი-
დისა დაუტევა და შეუდგამცა მოძუ-
25 რებასა უსჯულთსა პეტროს მკაწ-
რვადისას, რომელი იღებვიდა წულ-
რსა ოქროთა, რომელი ადვიდოდა
საყდარსაცა ზედა ანტიოქელთასა და

свѣту, что Петръ положилъ <осно-
ваніе> ереси въ странѣ Арменій-
ской. И собрались четыре патріарха
и папа римскій и предали анаѳемѣ
Петра. И <всѣ> тѣ, которые бы по-
стили изъ-за аладжа, или молились
бы Субул-Саргису, или слѣдовали бы
его религіи, или, слыша о дѣяніяхъ
подобныхъ лицъ, не предавали бы
ихъ анаѳемѣ, или кто породнился бы
съ ними по ложу или по купели, или
постилъ бы сообща съ ними, — да
будутъ прокляты во вѣки.

XV. Этотъ Богомъ презрѣнный
Петръ сдѣлалъ прибавку къ словамъ
Трисвятого, говоря: «Святый Без-
смертный, за насъ распятый». И онъ
же положилъ законъ — въ середину
креста вонзять гвоздь и освящать
крестъ. Найдется ли кто, настолько
лишенный разсудка, чтобы онъ
оставилъ данное вышними силами
славословіе Святой Троицы и по-
слѣдовалъ бы ученію нечестиваго
Петра Валяльщика, который красилъ
свою бороду золотомъ, который <не-
однократно> всходилъ на престолъ
Антіохійскій и изъ-за <проповѣданія>

1 უოგელთა AB. უოგელსავე C. სოფელსა შინა] შინა სოფელსა CD. 4 პაპი B. ქრომისა B. 5 პეტროსი
თარმედ] კუალად C. 2 დასდგა C. 6 აღაქსითვის CD. 7 სუბულსარგისისთვის C. 8 სუბულსარგისისთვის
D. პეტროსი + რომელიმან დასდგა სჯული წვალების ქუტყანას სომხითისას C. 9 არ C. შეხვეწის CD. 10 ეწმინდოს B. გვარსათა C. 11 გვინიდიკონიზოს C. 12 მარხვას მათსა] მათთან C. 13 სმწმინდაობისათა C. 14 ღთაშობა-
ბეულმან C. 15 საშწმინდობისათა თვისი C. 16 სმწმინდაობისათა C. 17 უკუდავო BCD.
18 ჟუარს ეცუ ხუტნათჳს] ნვერთის ჟუარს ეცუთ C. ნვერთის ჟუარს ეცუთ C. 19 მკაწრეულისა] მკაწრეულისა
CD. 23 საშუალს D. 24 წმიდისა (წმიდისა C) + მიმართ CD. 25 მოძღურობასა] მოძღურობასა
A. მოძღურობასა C. მოძღურობასა D. პეტროსისა C. პეტროსის D. 26 ზედა <
წვალებისათა < CD. 27 წულრთა AB. აღვიდოდა < AB. 28 საყდარსაცა AB. ზედა <

ბორცოთა მათ წუალებათა მისთათუხ
წმიდათა მამათა მიერ შეიხუზნა და გა-
C 89a ნიკუტთა და სუდრისაგან თქვისს გან-
იდგენს და მიერ მოიწიას სომხითად და
5 აღმოსავლად. ამან უკუტ დაწეულმან
არა თქუა წირვასა შინა «უმეტესად უო-
ვლადწმიდისა» და არა აღიარა ღუთის-
მშობლად წმიდაჲ ქალწული მარიამ, ვი-
თარცა ესწავა მას ბილწის ნესტორი-
10 საგან.

XVI. ხოლო მორაზაჲ დიდა ქუტყანსა
მას ჩუტნსა, საოცრებითა და აშაბრ-
B 198 ტაგებითა მრავლითა | განაკვრებდა
ყოველსა კაცსა, რამეთუ ზინ იგი
D 148a 15 ზედა კერძო მადალსა რამსე სუდ-
რად შემზადებულსა და სამოს-
ლითა ჰატიონისითა და ბრწყინვალისა
გარდაცემულსა და ჰმოსიედ სა-
მოსელი დიდ ფასისა და არს სა-
20 კელი მის გრძელ, რომელი მოუტ-
უორცის თაუჟანის მცემელთა მის-
თა, რამათა ემთხუროდინ მუჭამე-
C 89b დინთა წესითა | ხალიფასაგებ. და
შეუდგა მას კრი ურიცხვ მძლავრე-
25 ბითა წაღებათა მისთათა დახელებ-
ბული ნათესავი სომეხთა.

XVII. მაშინ მოვიდა ზუაფი იგი
კანგარს და მოუწოდა მან ნეტარსა
მიქელს კათალიკოსსა ქართლისსა, და
30 რამათა ანუ სჯულსა მისსა ეზიაროს

ლზეუჩენი სვამი თპამი ბულ
პრედან ანათემ ი, ბუდუი თლუჩენ, ბულ
ბულ თრქენ თრქ პრესთა სვოგო, ბულ
«ვსლქდსვქე ჩეგო» თრქ ი პრბულ ბ
არმენიო ი ნა ბოსთქ. თრქთ ჯე პრო-
კლათი «პეტრ» ბო ბრეა ლიტურგიი ნე
პროიზნოსილ «იზრიდო ბ პრესვათი» ი
ნე პრზნავალ სვათუი დბუ მარიო ბა
მარე ბოჯიო, კაკ ბ თმ ბ ნაუჩენ ბ
ბულ თრქ თრქ მერკაკო ნესთორი.

XVI. «Этотъ же Петръ», по при-
бытіи въ страну нашу (Грузію), уди-
влялъ всѣхъ чрезмѣрною пышностью
и высоколѣтностью, ибо возсѣдалъ
онъ на особо приготовленномъ въ видѣ
престола возвышеніи, одѣтомъ въ
драгоцѣнный и блестящій покровъ. И
самъ онъ былъ наряженъ въ драго-
цѣнное платье съ длинными рукавами,
которые онъ бросалъ поклонникамъ
своимъ, дабы послѣдніе цѣловали ихъ,
какъ, согласно ритуалу магометан-
скому, «рукавъ» халифа. И послѣдо-
валъ за нимъ безчисленный народъ изъ
армянскаго рода, отуманенный насиль-
ственно еретическимъ ученіемъ его.

XVII. Тогда явился горделивецъ
тотъ «Петръ» въ Кангарію и при-
звалъ къ себѣ блаженнаго Ми-
хаила, католикоса Карті-и, дабы

ანუ თუ ურბ ქმნეს, სუდრისაგან
განიევანოს. ხოლო შეკურს მიქელ
სულმან წმიდამან, ვითარცა იგი
პირველ დავით გოლიათს ზედა.
5 და წარვიდა მცხეთით მის ქუტ-
შეთა ეპისკოპოსთა და მღუდელთა
თვსთა და ერისა მორწმუნისა. და
მოიწივნეს ქუტყანსა კანგარისსა.
ეუწეა ჩუტნებით ანგელოზისა
10 მიერ, რამათა მან თავადმან და მის-
თანათა გამოირჩიონ ქვები მსხ-
ლი მსხლობლისა კევისაგან და
მიკასლონ რამ, მოიკადონ ქუ-
დები და შთადგან მას შინა
C 90a 15 ქვები. ხოლო სამღვთო მან || მიქ-
ელ ასწავა ყოველთა ვითარმედ «ვი-
თარ იხილეთ ჩემგან, თქუტნცა ყავთ
ეგრეთ».

XVIII. მაშინ მოვიდა მიქელ კა-
20 თალიკოზი და თაუჟანისცა წინაშე
სუდრის მის პეტროზ მკაწრვალისა.
ხოლო მან შთაუგდო საკელი შესმოს-
ლისა მის, რამათა ემთხუროს იგიცა ჩუ-
ტულებსაგებ მისისა. ხოლო ღუთი-
25 განმგრობილმან მიქელ უზურა საკელსა
მისსა და შთამოზიდა ძლიერად და
შთამოთრია და ქუტყანად დააკუტთა
და სცა ქვითა მით, რომელი აქუნდა
B 199 ქუდსა შინა მისსა, | განტყნა უღმერთო

онъ исповѣдалъ религію его, или, въ
случаѣ неповиновенія, былъ отлу-
ченъ отъ церкви. Однако, Святой Духъ
вооружилъ Михаила, какъ первона-
чально Давида на Голиафа. И высту-
пивъ изъ Мцхета, «Михаилъ» съ под-
чиненными епископами, священниками
и вѣрующимъ міромъ, прибыли въ
страну Кангарскую. Указаніемъ ан-
гела дано было знать, чтобы онъ самъ
(Михаилъ) и иже съ нимъ отобрали
изъ ближайшаго ущелья острые камни
и, какъ только приблизились бы «къ
Петру», сняли бы шапки и поло-
жили бы въ нихъ тѣ камни. При
этомъ божественный Михаилъ на-
учалъ всѣхъ такъ: «Какъ я буду по-
ступать, поступайте такъ же и вы».

XVIII. Тогда явился католикосъ
Михаилъ «въ Гагъ» и преклонился
предъ престоломъ Петра Валяль-
щика. А Петръ бросилъ Михаилу ру-
кавъ своей одежды, дабы тотъ поцѣ-
ловалъ сіе согласно обычаю его. Бо-
гомъ ободренный же Михаилъ, схва-
тивъ за рукавъ, силой стащилъ его
внизъ и повалилъ на землю и ударилъ
его камнемъ, который имѣлъ въ
шапкѣ «своей», и разможилъ без-

1 წაღებულთა A.	მწაღებულთა CD.	3 სუდრისა თვისაგან CD.	6 სოქუა C.
12 მას CD.	ამარტოვებითა C.	14 ყოველთა კაცთა CD.	15 ზედა] ზემო D.
16 შემზადებულსა] შენებულსა CD.	და <CD.	18 გარდაცემულსა D.	მოსიერ (sic) C.
19 მოხილ D.	19 მოხილ D.	20 საკელი] ხსლელული C.	21 მოუტუორცის + რა C.
22 მოუტუორცის D.	22 მოუტუორცის C.	23 მოქმე- დინის C.	24 მას < D.
24-25 მძლავრებითა] მოძლავრებითა B.	25 მოძლავრებითა C.	26 მოძლავრებითა D.	27 წაღე- ბითა C.
28 მოუწოდა D.	28 მან < CD.	29 მისილს C.	30 განტყნა CD.

1 თუ < D.	ურბ ქმნეს CD.	2 განიევან D.	შეკურს B.	შეკურს C.
მისილ C.	3 შეკურს მიქელ სულმან წმიდამან] შეკურს მიქელ B.	სულმან წმიდამან] პალოთა		
სულმან წმიდამან] პალოთა	4 დავით D.	გოლიათის B.	5 წამოვიდა CD.	6 ეპისკოპოსთა B.
ეპისკოპოსთა C.	და < CD.	ეპისკოპოსთა + ზედა A.	მღვდელთათანა C.	7 თვსთა <
CD.	9 ჩვეებითა C.	ანგელოზის D.	11 გამოირჩიონ < CD.	12 მსხლობი CD.
მსხლობისა CD.	13 მიკასლონ B.	მიკასლონ C.	მიკასლონ D.	14 ქუდები] ქვები D.
უთარცა D.	მისა C.	მას მან D.	15 სდომან B.	18 გრძელ D.
გრძელ (გრძელ D) + ყოველთა CD.	19 მისილ C.	20 თაუჟანის სცა B.	თაუჟანისცა C.	
21 მკაწრვალისა B.	მკაწრვალისა C.	მკაწრვალისა D.	23 შეუპოვოს C.	25 მისილ
C.	26 შთამოზიდა C.	27 და ქუტყანად] ქუტყანად რა CD.	რაყვეთა + რა CD.	29 რაქცა
B.	ქვითა D.	მისა + რა CD.	განტყნა C.	განტყნა D.

იგი და ზუგუი და დასდგა წყლულებად
სასიკუდიანე. მასინ უოველთა მის თანა
მყოფთა ებისკოპოსთა და მოუესთა
D 148b დაჭკობეს მის ზედა ქვა | და დაზ-
5 ნეს ქვითა. და ესრეთ მოკლეს მგელი
C 90b იგი. | და შეერაცხა მათ სიმაღლედ კა-
ტისკლავა იგი. მასინ ზარი და შიში
დიდი დაეცა უოველთა მათ ერთა
მიმდგომთა პეტროზისთა და ვერ-
10 ვინ იკადრა განძრვა კელის და სიტ-
უუადცა ბრალდობის, არამედ უკვრდა
საქმე ესე და იტყოდეს თუ «ვითარ
დიდი ესე მთავარი სჯულისა და წინა-
მძღუერი ერის მიეტა სიკუდილსა განს-
15 ქიქებულსა?» და თქუეს ერთბაშად: «მო-
ვედით და შევერბეთ უოველნი ამას და-
მეს და ლოცვით განვათიოთ ღამე
გუამს ამას ზედა წმიდისა და ვინი-
ლოთ რამი გამოგვცხადოს ღმერთ-
20 მან». და ევეს ეგრეთ და ვითარცა
შუადამე ოდენ იქმნა, იხილეს ეშმაკ-
ნი სხიითა მგელთათა და მეზრდნი
და შეკრებულნი ზედა გუამს მისსა,
C 91a მასინ კმადა ევეს უოველთა და თქუეს
25 ვითარმედ «ესე ანგელოზნი არიან
მისნი, რომელნი უგალობენ მას». და
მიერთგან ავაჯს ზედა მათს და
გუარსს კმის მათისსა იწუეს უამობად.

божнаго и кичливаго того «Петра», на-
неся ему смертельную рану. Тогда все
бывшие съ «Михаиломъ» епископы и
ученики его, «тоже» забросали «Петра»
камнями, нагромоздивъ надъ нимъ кучу
камней. Такъ и убили того Волка. И
подобное человекоубійство было вмѣ-
нено имъ въ праведность. Тогда страхъ
и ужасъ напали на всѣхъ послѣдова-
телей Петра. И никто не осмѣлился ше-
вельнуть рукой или хотя бы произне-
сти слово обвиненія, но все поража-
лись подобнымъ дѣяніемъ и говорили:
«какъ великій учитель вѣры и предво-
дитель народа былъ преданъ позорной
смерти!» И сказали они вмѣстѣ: «При-
дите, соберемся все въ эту ночь и, мо-
лясь, переночуемъ при святомъ тѣлѣ
и посмотримъ, что «намъ» изъяснитъ
Богъ». И какъ только настала полночь,
узрѣли они дьяволовъ въ образѣ волка,
которые, собравшись надъ тѣмъ тѣ-
ломъ, орали. Тогда все подѣли голосъ
и сказали: «Это—ангелы Петра, кото-
рые поютъ ему». И съ тѣхъ поръ «по-
слѣдователи Петра» стали совершать
служеніе на подобіе напѣва и голоса
ихъ «т. е. дьяволовъ».

3 მოუესთა (მოვესთა) C) + მისთა CD. 4 და + ესრეთ (ესრე D) CD. 5 ესრეთ < CD.
მგელი] გმელი D. 7—8 ზარი და შიში დიდი] ზარი დიდი და შიში B. დიდი < CD. უოველთა მათ
ერთა] მათ უოველთა CD. 9 პეტროზისთა C. 10 განძრვა C. 11 უკვრდა C. 12 თუ <
CD. 15 სიქვეს C. 17 განვათიოთ C. 18 ზედა წმიდისა] წმიდისა ზედა D. 19 რამი
რამი C. 20 და ევეს < C. 21 იხილეს CD. 22 ეშმაკი CD. და < CD. 23 მე-
მგელი და შეკრებულნი] შეკრებულნი და შევირდნი CD. 24 სიქვეს C. 25 ესენი C. 26 მისნი <
CD. 27 მიერთგან C. ავაჯის C. 28 უამობად] უამობა + და გლობა CD.

При всей своей сказочности, интересующій насъ текстъ не лишенъ также реальныхъ мотивовъ, подчасъ весьма драгоцѣнныхъ для исторической науки.

Такъ, прежде всего, изгнаніе Петра Валяльщика изъ «царственнаго града Константинополя» и, вслѣдъ за этимъ, отправленіе его въ Арменію для проповѣданія ереси безусловно напоминаютъ сверженіе того же Петра съ престола Антиохійскаго патріаршества и отправленіе его въ Сирію, гдѣ онъ сумѣлъ сыграть руководящую роль въ средѣ тамошнихъ монофизитовъ¹⁾.

Указаніе на соборъ четырехъ патріарховъ, несомнѣнно, напоминаетъ собой VI-ой вселенскій соборъ, вынесшій опредѣленные постановленія по вопросу о допущенномъ въ нѣкоторыхъ странахъ Востока «разрѣшеніи» поста въ субботніе и воскресные дни св. Четырдесятницы, когда дозволено было употреблять въ пищу яйца и молочные продукты²⁾.

Интересно упоминаніе «страны Кангарской» въ связи съ именемъ «картскаго католикоса» Михаила (449—472). «Страна Кангарская» (ქუზუ-ბაჲ კანგარისაჲ) или просто «Кангарія» (კანგარი)—это то же, что арм. Кангарк (Կանգարք), которая, судя по древней *Географіи Арменіи*, приписываемой Моисею Хоренскому, составляла собою одну изъ провинцій Веріи, т. е. Грузіи³⁾, или даже одну изъ тѣхъ 9 областей Гугарскаго «бдешхства», которыми владѣли грузины⁴⁾. Провинція эта, судя по нашему тексту, входила въ сферу юрисдикціи грузинскаго (мцхетскаго) католикосата: მოვიდა ზუგუი იგი კანგარს და მოუწოდა მან ნეტარსა მიქელს კათალიკოსსა ქართლისსა «явился горделивецъ тотъ [Петръ] въ Кангарію и призвалъ [къ себѣ] блаженнаго Михаила, католикоса Каріл-и»,—говорится въ текстѣ. Судя же по *Исторіи Ухтанаса*, Кангаріей (Կանգարք) называлась также та вершина, на которой былъ убитъ делегатъ армянскаго католикоса Авраама къ Кириону, католикосу Грузіи, епископъ Петръ⁵⁾.

Извѣстная доля исторической правды заключается въ указаніи, что

1) Кстати, достойно упоминанія, что духовное образованіе Петръ получилъ въ Константинополѣ.

2) Книга правилъ святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ, Москва 1874, стр. 105; А. Хахановъ, Правила VI вселенскаго собора, ц. изд., стр. 19, 20—21, 32, 73—74, 85; M. Brosset, Notice sur un Nomocanon géorgien, cit. loc., pp. 128—132, 135—136; О. Жорданія, ц. с., I, стр. 334—335.

3) К. Паткановъ, Армянская Географія VII вѣка до Р. Х., приписывавшаяся Моисею Хоренскому, II-гр 1877, стр. 17, 40.

4) Ibid., стр. 20, 52.—Ср. не выдерживающее критики сближеніе О. Д. Жорданія (ц. с., I, стр. 317, прим. 26 пред. стр.) კანგარს *Кангаріа* съ какою-то фантастическою *კანგარ-არა*.

5) M. Brosset, Deux historiens arméniens, Paris 1870, p. 331.

нѣкто витязь по имени Саргисъ (Сергій) «построилъ монастырь у подножія Араратской горы» (ადგენს მონასტერს ძირს არარატის მთისს), и именно «вблизи города Двина» (მონასტერად ქალაქის ღვინისს). Дѣло, конечно, не въ томъ, что Саргисомъ возведены были какія-то сооруженія, а лишь въ томъ, что св. Саргису былъ посвященъ упоминаемый въ текстѣ монастырь «вблизи города Двина». Историкъ Кириакъ Гандзакскій (Киракосъ Гандзак-ец-и) повѣствуетъ, что «послѣ Езра принялъ католикоство владыка Нерсесъ, [и патріаршествовалъ онъ] лѣтъ двадцать; онъ соорудилъ мартіриумъ [во имя] св. Саргиса въ Двинѣ»¹⁾. При этомъ тотъ же историкъ добавляетъ, что «при разрушеніи исмаильтянами города Двина [было вырѣзано] 12 тысячъ [душъ], и кровью вырѣзанныхъ были покрыты алтарь и купель [того мартіриума], а другихъ, числомъ болѣе 35 тысячъ [душъ], забрали въ плѣнъ; кости же убитыхъ предалъ [землѣ] святой патріархъ въ томъ же мартіриумѣ»²⁾. Если принять во вниманіе годы патріаршествованія Нерсеса Строителя (641—661), то станетъ ясно, что постройка «мартіриума во имя св. Саргиса» въ Двинѣ должна быть приурочена къ періоду тѣхъ же годовъ.

Не меньшій интересъ представляетъ также упоминаніе въ текстѣ «Гага» (გაგა), а въ связи съ нимъ и «престола Петра Валяльщика» (საუდაბო ჰეტოტის მკაწრჯილსა). Подъ названіемъ «Гагъ» извѣстна крѣпость въ предѣлахъ древней Кангаріи, граничащей съ Утіею (ილირ)³⁾, т. е. въ нын. Казахскомъ уѣздѣ Елизаветпольской губерніи. Въ Гагѣ, который былъ расположенъ на равнинѣ того же имени (გაგან ღაღა)⁴⁾, находилась, между прочимъ, высоко чтимая всѣмъ окружающимъ населеніемъ святыня во имя св. Саргиса (սարգիս նշան [ар. *խաչ*] որ յանուն սարգիս Սարգսի), сооруженная, по словамъ Кириака и Вардана Бардзрбердскаго, св. Месропомъ Вардапетомъ. Святыню эту Кириакъ описываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Была въ Гагѣ святыня (букв. *խաչ կրեստ*), чудотворная [по отношенію] ко всѣмъ угнетеннымъ и въ особенности плѣннымъ; ибо кто ни прибѣгалъ къ ней отъ всего сердца (բոլորով սրտիւ), тѣмъ самъ святой мученикъ Саргисъ отпиралъ двери темницъ и мѣстъ заточенія (բանտից և արգելանաց) и распутывалъ цѣпи (букв. *զերկաթն յեղնա*), и, подлѣ личнымъ своимъ [предводительствомъ] (մարմնավոր տեսլամբ), направлялъ

1) Պատմութիւն Հայոց արարեալ Վերականգնող վարդապետի Գանձակեցւոյ (Ղուկասեան Մանուկարան, Գ), Тфл 1910, стр. 58; M. Brosset, Deux historiens arméniens, p. 31.

2) Պատմութիւն Հայոց արարեալ Վերականգնող վարդապետի Գանձակեցւոյ, II, М.; M. Brosset, Deux historiens arméniens, c. 1.

3) Մեծի Վարդանայ Բարձրբերդցւոյ Պատմութիւն Տիեզերական, изд. Н. Эмина, Москва 1861, стр. 157; Всеобщая Исторія Вардана Великаго, пер. Н. Эмина, Москва 1861, стр. 147.

4) M. Saint-Martin, Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, II, p. 424.

ихъ къ роднымъ мѣстамъ (ի տեղիս իւրեանց); и вѣсть о чудесахъ [творимыхъ этою святыней,] была распространена среди всѣхъ народовъ; говорили, что она построена святымъ Месропомъ, вардапетомъ нашимъ»¹⁾. Намекъ на чудотворную силу Гагской святыни заключается, между прочимъ, и въ шараканѣ (իժնոփնի), посвященномъ св. Саргису: «Святой воевода, который принялъ крестную смерть, и имя котораго силою святого креста и церкви совершаетъ чудеса и преимущественно прославлено на вершинѣ Гага, освященной святымъ Месропомъ,—святой Саргисъ, скорый на помощь, сокрушитель капищъ, будь заступникомъ нашимъ предъ Христомъ»²⁾. Чудодѣйственная сила Гагской святыни, судя по сообщенію нѣкоторыхъ армянскихъ историковъ, была, оказывается, настолько велика, что всякій, подступавшій къ ней съ цѣлью разоренія ея, погибалъ отъ гнѣва Божія³⁾. Объясненіе названія «Гагъ» въ состояніи дать намъ Варданъ Бардзрбердскій: по его мнѣнію, названіе это происходитъ отъ имени царя Гагика I (989—1020), основателя самой крѣпости. «Гагъ», — говоритъ Варданъ, — это «знаменитая крѣпость и провинція, основанная царемъ Гагикомъ; здѣсь находился святой и пользующійся славой, на [весь] видимый міръ, монастырь (սուրբ և հռչակաւոր ուխտն յերեւանի աշխարհի) съ крестомъ и церковью, сложенными и освященными святымъ Месропомъ, вардапетомъ и перелагателемъ Армянскимъ,—каковой [монастырь] сохранился [и донынѣ] на вершинѣ Гагской и господствуетъ (букв. *հայի տօնարիտ*) надъ широкою и пространною равниною»⁴⁾. Что касается «престола Петра Валяльщика», то имъ, внѣ всякаго сомнѣнія, прикрывается Гагская святыня, т. е. Гагская церковь во имя св. Саргиса (Сергія), «послѣдователя» Петра Валяльщика. Кое-какія свѣдѣнія о Гагѣ и ея святынѣ имѣются также въ новой литературѣ⁵⁾.

Кстати, какъ это ни странно, въ армянской версіи Житія св. Саргиса, переведенной съ сирійскаго языка въ 1158 году⁶⁾, мы не находимъ рѣши-

1) Պատմութիւն Հայոց արարեալ Վերականգնող վարդապետի Գանձակեցւոյ, стр. 238; M. Brosset, Deux historiens arméniens, p. 124.

2) Ср. Н. Эминъ, Шараканъ — Богослужебные каноны и пѣсни Армянской восточной церкви, Москва 1879, стр. 66.

3) См. Մեծի Վարդանայ Բարձրբերդցւոյ Պատմութիւն Տիեզերական, стр. 166—167; Всеобщая Исторія Вардана Великаго, стр. 156 и прим. 632 на стр. 162.

4) Մեծի Վարդանայ Բարձրբերդցւոյ Պատմութիւն Տիեզերական, стр. 190; Всеобщая Исторія Вардана Великаго, стр. 178.

5) Л. Инчилянъ, Սարգսի Տիեզերական, Венеція 1822, стр. 513—514; С. Джалалянъ, Մանուկարանայի ի մեծն Հայաստան, I, 1842, стр. 157—158; M. Brosset, Deux historiens arméniens, p. 31; М. Бархударянъ, Արցախ, Баку 1895, стр. 4, 393, 436.

6) Սոփեր հայկական, XVI (Венеція 1854), стр. 11—53.—Въ концѣ Житія имѣется слѣдующая запись: «Թարգմանեցաւ ճառս յաւարեցն ի մերս ի ձեռն Միսայելի ուրումն կրօնարի»

католикосомъ, забрасываютъ его камнями, и, такимъ образомъ, онъ, Петръ, не успѣвъ возвратиться къ себѣ въ Арменію, погибаетъ подъ небомъ негостепріимной страны Кангарской. Это обстоятельство имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для расшифровки того преданія, на которое указываетъ Ухтанасъ. «Иверійцы, — говоритъ онъ, — сохранили до нашихъ дней [такого рода] сказаніе, которое передается изъ потомства въ потомство (отъ родителей къ дѣтямъ): «якобы вашъ (т. е. армянскій) волкъ-Петръ былъ умерщвленъ нашею (т. е. грузинскою) знатію на горѣ Кангарской»¹⁾. Хотя, въ силу вышеизложеннаго, подъ Петромъ-Волкомъ слѣдовало бы разумѣть Петра Антиохійскаго, однако, въ данномъ случаѣ, подъ нимъ, судя по всему, слѣдуетъ разумѣть именно Петра, епископа армянскаго, прозваннаго волкомъ въ подражаніе Петру Антиохійскому, и который могъ дѣйствовать въ Грузіи въ промежуткѣ 594—598 годовъ, т. е. на столѣтіе позже изгнанія Петра Валяльщика изъ Антиохіи, имѣвшаго мѣсто въ 488 году.

Крайне любопытно указаніе, якобы Петръ Валяльщикъ «красилъ [свою] бороду золотомъ» (აქვბოღს ჯუბსს აქვს). На что это указаніе намекаетъ, — трудно сказать. Однако, подобное дѣяніе грузинскіе источники приписываютъ и другимъ представителямъ «армянской ереси». Такъ, напри-мѣръ, въ трактатѣ «Пренія между старцемъ Евѣиміемъ Долгимъ и Сосее-номъ, учителемъ армянъ», Евѣимій считаетъ долгомъ напомнить Сосеену, какъ армянскій католикосъ Нерсесъ «красилъ бороду золотомъ» и какъ этою же ересью былъ зараженъ «экономъ» (აჯახან) Нерсеса, Сергій, благода-ря чему оба они «исполняли волю дьявола»²⁾. Источникомъ же подобныхъ указаній, очевидно, служитъ свидѣтельство армянскихъ лѣтописцевъ, въ частности Асоѣика, относительно армянскаго католикоса Іоанна Одзунскаго (718—729), который, будучи очень красивъ собою и украшенъ всѣми до-бродѣтелями, «въ сѣдую свою бороду, умащенную благовоннымъ масломъ, вдувалъ «мелкій золотой порошокъ»³⁾.

* * *

Здѣсь мы умышленно обходимъ молчаніемъ вопросъ объ упоминаемой въ сказаніи собакѣ, ибо вопросъ этотъ, какъ имѣющій специальное этноло-гическое значеніе, надлежитъ разсмотрѣть въ связи съ вопросомъ объ

1) М. Brosset, Deux historiens arméniens, p. 331.

2) М. Сабининъ, п. с., стр. 617.

3) Всеобщая исторія Степаноса Таронскаго, Асоѣика по прозванію, пер. Н. Эмина, Москва 1864, стр. 75.

Arlēz-Aləškintər'axъ¹⁾, котораго намѣревается коснуться Н. Я. Марръ въ специальной работѣ²⁾.

Помимо свѣдѣній историческаго характера, занимающій насъ текстъ изобилуетъ также данными догматико-полемическаго содержания.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія содержащееся въ сказа-ніи обвиненіе Петра Валяльщика въ томъ, что онъ, прибывъ въ страну Арменійскую, сталъ распространять ересь и, между прочимъ, допустилъ, такъ сказать, «послабленіе» при соблюденіи постнаго режима въ томъ смыслѣ, что якобы въ дни субботы и воскресенья св. Четырдесятницы раз-рѣшилъ ѣсть яйца и молочные продукты. Насколько это обвиненіе соответ-ствуетъ дѣйствительности, — не рѣшаемся сказать, ибо мы не располагаемъ на этотъ счетъ рѣшительно никакими свѣдѣніями изъ писаній древне-армян-скихъ историковъ³⁾, да и въ современной практикѣ армянской (арменійской) церкви мы ничего подобнаго не замѣчаемъ. Однако, интересъ къ выставлен-ному въ сказаніи обвиненію армянъ въ послабленіи постнаго режима еще болѣе усугубляется, когда мы аналогичное обвиненіе находимъ въ актахъ VI-го вселенскаго собора. Напримѣръ, правило 56 славяно-русской версіи ихъ гласитъ: «Увѣдали мы... яко въ Арменской странѣ, и въ иныхъ мѣстахъ, въ субботы и въ воскресные дни святыхъ Четырдесятницы, ѣдятъ нѣкото-рые сыръ и яйца. Того ради за благо признано и сіе, да Церковь Божія, по всей вселенной слѣдуя единому чину, совершаетъ постъ, и воздержи-вается, якоже отъ всякаго закалаемаго, такожде отъ яицъ и сыра, которыя суть плодъ и произведеніе того, отъ чего воздерживаемся. Аще же сего не будутъ соблюдать: то клирики, да будутъ извержены, а міряне да будутъ отлучены»⁴⁾. По сравненію съ славяно-русскою версіею, грузинская версія тѣхъ же актовъ идетъ еще дальше. Въ послѣдней правилу 56 греческой и славянской версіи соответствуетъ канонъ 17, но въ болѣе пространномъ видѣ. Ко всему тому, что имѣется въ греко-славянской версіи, версія гру-зинская добавляетъ комментарий слѣдующаго содержания (приводимъ нѣ-сколько сокращенно): «Слыхали, что въ странѣ армянской молочные про-дукты, рыбу, елей и вино считаютъ за одно, и это неразуміе и искушеніе врага», потому что «въ дни поста ѣсть молочное ни въ субботу и воскресенье, ниже въ другіе дни никому не разрѣшается, а что касается рыбы, елей и

1) Ср. Н. Джанашия, Религіозныя вѣрованія абхазовъ, XV, IV, стр. 81—82; Н. Марръ, О религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазовъ, тамъ-же, стр. 128.

2) Н. Марръ, ibid., прим. 1.

3) Ср. постановленіе Маназкертскаго собора 726 г. о разрѣшеніи рыбы, елей и вина во время великаго поста и въ другіе установленные дни (ibid., стр. 74).

4) Книга правилъ святыхъ апостолъ etc., стр. 105.

вина, нужно поститься насколько есть силы, но и разрешается ѣсть ввиду слабости здоровья или иной уважительной причины; въ праздник же Благовѣщенія — буде онъ случится въ [Великомъ] посту, все равно какой бы ни былъ день — разрешается принять рыбу, ея и вина»¹⁾. Отсюда понятно, почему въ трактатѣ «Пренія между старцемъ Евѣиміемъ Долгимъ и Сосееномъ, учителемъ армянъ», Евѣимій упрекаетъ, въ лицѣ Сосеена, армянъ за то, что послѣдніе «облегчили себѣ дни, субботы и воскресенья [въ недѣли] поста [яденіемъ] ея и, такимъ образомъ, выказали [себя] солидарными съ персами»²⁾. Повторяемъ, армянская церковь, по крайней мѣрѣ въ современной своей практикѣ, не знаетъ ничего подобнаго, почему и остается загадкой, какія собственно основанія имѣлись у участниковъ VI-го вселенскаго собора и послѣдующихъ глоссаторовъ, отцовъ церкви, въ возведеніи на армянъ обвиненія изъ-за допущеннаго ими якобы «послабленія» при соблюденіи постнаго вообще режима, въ смыслѣ употребленія въ пищу въ субботы и воскресенья св. Четырдесятницы яицъ и молочныхъ продуктовъ.

Въ связи съ допущеннымъ Петромъ Валяльщикомъ «послабленіемъ» постнаго режима въ св. Четырдесятницу приходится говорить и о принимаемомъ тому-же Петру установленіи поста «аладжор-и» — «арцивурій». Мы, конечно, не имѣемъ намѣренія подвергать критикѣ тотъ пасквильный тонъ, которымъ отличается занимающее насъ изложеніе объ этомъ постѣ, якобы установленномъ въ честь собачки, которая называлась «аладж» — «арцивур». Въ своемъ мѣстѣ мы уже указывали, что не отъ термина «аладжор-и» — «арцивурій», имѣющаго въ своемъ основаніи кличку собачки «аладж-арцивур», беретъ начало арм. терминъ «араджавор», а, наоборотъ, этотъ послѣдній, будучи транскрибированъ въ соотвѣтствіи съ звуковыми нормами грузинскаго и греческаго языковъ черезъ «аладжори» — «арцивурій», былъ возведенъ, такъ сказать путемъ дедукціи, къ фантастическому прозвищу собачки «аладж» — «арцивур».

Но каково бы ни было обиходное значеніе «араджавор» — «аладжор» — «арцивуріева» поста, послѣдній по существу, съ канонической точки зрѣнія, отнюдь не считался еретическимъ. По крайней мѣрѣ, на этотъ счетъ мы не имѣемъ какого-либо каноническаго постановленія, либо авторизованнаго соборнаго опредѣленія. Даже Никонъ Черногорецъ, учитывая это обстоятельство, замѣчаетъ: «О постѣ его же постятъ Армени арциурия [ради], во святыхъ соборѣхъ ничтоже о сихъ воспоминають, развѣ Іоаннъ

1) А. Хахановъ, Правила VI вселенскаго собора, ц. изд., стр. 92—93, ср. стр. 145—146; M. Brosset, Notice sur un Nomocanon géorgien, cit. loc., pp. 131—132.

2) М. Сабининъ, ц. с., стр. 617—618.

митрополитъ Никейскій списавый на армени»¹⁾. Что касается грузинской версии правилъ VI-го вселенскаго собора, въ которой сохранились опредѣленные постановленія касательно «аладжор-и», то она въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть никакого значенія въ виду того обстоятельства, что въ ней мы имѣемъ вольную обработку (изводъ) греческой редакціи «Правилъ», притомъ обработку, продѣланную лишь въ аѳонскій періодъ грузинскаго подвижничества.

При такомъ положеніи вещей, тѣмъ не менѣе, представляется нѣсколько страннымъ, что подлинное церковное отношеніе къ «араджавор» — «арцивуріеву» посту совершенно не согласовалось съ каноническимъ воззрѣніемъ на тотъ-же постъ, а наоборотъ совпадало съ обиходнымъ народнымъ взглядомъ на него, какъ на произведеніе опредѣленной еретической среды. Согласно церковному воззрѣнію, арцивуріевъ постъ, — говоритъ И. Мансветовъ, — «былъ постомъ еретическимъ, рѣзкимъ проявленіемъ вѣроисповѣдной розни, своего рода знаменемъ, подъ которымъ собирались сторонники этой секты, относясь къ нему, какъ къ своему дорогому историческому наслѣдію. Въ виду такого значенія постъ этотъ дѣйствительно былъ большою нравственною силою и вызывалъ рѣзкіе нападки со стороны православныхъ; они отзывались о немъ иногда слишкомъ жестоко, судили слишкомъ строго, но точкою отправленія служила для нихъ та совершенно вѣрная мысль, что не постъ самъ по себѣ заслуживаетъ порицанія, а отступленіе отъ единства съ церковью — мысль, которую они не теряли изъ вида даже въ запальчивой полемикѣ»²⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что соблюденіе армянами «араджавор»-скаго поста, который нѣкогда считался общимъ для армянъ, грузинъ и сирійцевъ, а съ теченіемъ времени сдѣлался предметомъ нападковъ со стороны грузинъ, отнюдь еще не можетъ быть, само по себѣ, сочтено за признакъ, удостоверяющій принадлежность этихъ именно армянъ къ монофизитскому толку, какъ это вообще допускаютъ многіе.

Если занимающее насъ сказаніе объ «аладжор»-скомъ постѣ и представляетъ кое-какую цѣнность для вопроса о монофизитствѣ армянъ, то только въ отношеніи той части его, гдѣ трактуется о трисвятой пѣснѣ въ редакціи Петра Валяльщика, принятой армянами еще во второй половинѣ V-го вѣка и съ того-же времени введенной ими въ богослужебную практику родной церкви³⁾. Редакція эта, сохраненная армянскою церковью и до настоящаго

1) И. Мансветовъ, ц. с., стр. 52—53.

2) Ibid., стр. 51—52.

3) Епископъ Каранетъ, *ჭეჩე ღმრთილი* etc., Эчмиадзинъ 1914, стр. LXXIII—LXXV.

времени, разнится отъ католической редакціи, собственно говоря, лишь тѣмъ, что въ ней послѣ слова «безсмертный» прибавляются выраженія: «за насъ распятый» (иже распныйся за ны), т. е. вмѣсто *սուրբ անմահ սուրբ և հաւր, սուրբ և անմահ, զորովես մեզ* «Святой Боже, святой крѣпкій, святой безсмертный, помилуй насъ»¹⁾ поется *սուրբ անմահ, սուրբ և հաւր, սուրբ և անմահ, որ խաչեցար լիան ճշեր» զորովես մեզ* «Святой Боже, святой крѣпкій, святой безсмертный, за насъ распятый, помилуй насъ». И за это именно нововведение неразъ приходилось отвѣтствовать армянской церкви на протяжении многолѣтняго существованія своего. Мы видимъ, какъ вопросъ о провозглашенномъ Валяльщикомъ тезисѣ «распятый Богъ», въ числѣ прочихъ вопросовъ догматическаго характера, служилъ предметомъ ожесточеннаго спора въ періодъ полемической переписки между высшей іерархіей армянской и грузинской церковей²⁾. Далѣе, по этому вопросу имѣется специальное постановленіе въ грузинской версіи правилъ VI-го вселенскаго собора; здѣсь канонъ 33, соотвѣтствующій правилу 81 греко-славянской версіи³⁾, приводя извѣстіе о томъ, какъ „въ странѣ армянской и нѣкоторыхъ прочихъ земляхъ при пѣніи «Святой Боже» прибавляютъ «святой безсмертный, за насъ распятый, помилуй насъ» или, выражаясь на языкѣ этихъ [армянъ], «хачецар»“, постановляетъ: «да будьте прокляты [соблюдающіе сіе]»⁴⁾. За тотъ же тезисъ Валяльщика анафематствуетъ «хачецаровъ, которые суть армяне», параграфъ 13 актовъ помѣстнаго грузинскаго Руис-Урбнисскаго собора 1103 г.⁵⁾, равнымъ образомъ обличаютъ вообще армянъ трактаты: «О разрывѣ между Грузіей и Арменией»⁶⁾ и «Пренія между старцемъ Евѣиміемъ Долгимъ и Сосѣномъ, учителемъ армянъ»⁷⁾.

Независимо отъ грузинской литературы, вопросъ о «распятомъ Богѣ» фигурировалъ также въ греческой письменности и прежде всего, не считая правилъ VI вселенскаго собора, въ перепискѣ по воссоединенію армянской и греческой церковей, причемъ греки съ своей стороны въ числѣ другихъ условій примиренія съ армянами выставляли, въ качествѣ *conditio sine qua*

1) Такая редакція налицо, между прочимъ, и у армяно-католиковъ.

2) *Գրք Քաջ*, стр. 56; Епископъ Карапетъ, ц. с., стр. 138; И. Джаваховъ, ц. с., п. изд., стр. 535.

3) Книга правилъ святыхъ апостолъ etc., стр. 116.

4) А. Хахановъ, Правила VI вселенскаго собора, ц. изд., стр. 104; M. Brosset, Notice sur un Nomocanon géorgien, cit. loc., p. 135—136; Ө. Жорданія, ц. с., I, стр. 335.

5) Ө. Жорданія, ц. с., II, стр. 65.

6) Ө. Жорданія, ц. с., I, стр. 316—317, 319, 321, 325, ср. стр. 333.

7) М. Сабининъ, ц. с., стр. 615—621.

non, требованіе, чтобы послѣдніе «пѣли трисвятую пѣснь безъ распныйся за ны»¹⁾. Недаромъ пространныя разсужденія посвящаетъ этому вопросу и Филиппъ Пустынникъ въ трактатѣ «De rebus Armeniae»²⁾. Въ трактатѣ же «Quomodo recipiendi sunt Armenii haeretici» категорически говорится: *Εἰ τις προσέθῃσιν εἰς τὸ, Ἅγιος ὁ Θεός, ἅγιος ἰσχυρός, ἅγιος ἀθάνατος, τὸ, ὁ σταυρωθεὶς δι' ἡμᾶς, ἀνάθεμα*³⁾. Отсюда вполне понятно, почему армяне были окрещены греками *χατζιζάριοι*, геср. *χατζινζάριοι* (отъ арм. *խաչեցար*), славянами «ханзыри» (отъ греч. *χα[τζι]νζάρ*), а грузинами *ხაჯცაბა* *ჟაფე-ჯარ-ი* (отъ арм. *խաչեցար*), т. е. принимающими тезисъ Валяльщика *խաչեցար ան* (Θεός ἁγίου ὁ σταυρωθῆν). Впрочемъ, подъ терминомъ *χατζιζάριοι* греческіе источники не всегда разумѣютъ армянъ, такъ какъ порой они считаютъ нужнымъ провести опредѣленную грань между армянами, хачецарами и яковитами; таково, напр., обличительное постановленіе, заключающееся въ трактатѣ «Quomodo recipiendi sunt Armenii haeretici»: *ἀναθεματίζω τὴν αἵρεσιν τῶν Ἀρμενίων, καὶ τῶν Χατζιζαρίων, καὶ τῶν Ἰακωβιτῶν*⁴⁾, — гдѣ терминъ *χατζιζάριοι*, внѣ всякаго сомнѣнія, является синонимомъ термина «тетрадиты». Подъ именемъ же тетрадитовъ, хорошо извѣстныхъ въ богословской наукѣ, обыкновенно разумѣются манихеи и послѣдователи Петра Валяльщика за то, что они признавали не Троицу, а четверицу, присоединя къ трисвятому гимну извѣстное прибавленіе⁵⁾.

Въ своей замѣткѣ «Тезисъ Θεός ἁγίου ὁ σταυρωθῆν у армянъ»⁶⁾ мною указывалось, каково отношеніе армянской антихалкедонитской церкви къ нововведенію Петра Валяльщика, причемъ тамъ-же мной были отмѣчены всѣ, какія только существуютъ, разновидности прибавленія къ трисвятому гимну, употребляемыя при богослуженіи этою-же церковью, однако, въ строго опредѣленные дни. Непосредственное же знакомство съ подобными альтернативными формами интересующаго насъ прибавленія къ «Святой Боже», безусловно, приводитъ насъ къ тому заключенію, что пѣснь эта церковью армянскою отнесена къ единому лицу Іисуса Христа. И въ этомъ, внѣ всякаго сомнѣнія, весь корень зла, весь фундаментъ тѣмъ обвиненіямъ, которыя обычно сыплются на голову армянъ съ обличеніемъ ихъ въ принадлежности къ толку «единоестественниковъ» или, по греческой

1) Ср. Н. Эминъ, Синодальное слово Нерсеса Ламбронскаго, архіепископа Тарсійскаго, Москва 1865, стр. 66.

2) PG CXXXII, col. 1237—1258, особенно 1241, 1245.

3) Ibid., col. 1260.

4) Ibid., col. 1257.

5) Ср. И. Мансветовъ, ц. с., стр. 44 и прим. 3 тамъ-же.

6) ХВ, III, стр. 198—199.

терминологіи, «монофизитовъ». И дѣйствительно, если даже оставить въ сторонѣ вопросъ объ исповѣдуемыхъ армянскою антихалкедонитскою церковью догматахъ, то одно только отступленіе этой церкви, въ богослужебной своей практикѣ, отъ католической редакціи трисвятого гимна даетъ достаточный *raison d'être* для соответствующихъ нареканій. Вотъ почему неудивительно, что извѣстный путешественникъ по святымъ мѣстамъ Кавказа Муравьевъ, посѣтившій Эчмиадзинъ и имѣвшій случай слышать тамъ пѣніе трисвятой не въ католической редакціи, не могъ не высказаться слѣдующимъ образомъ: «Церковь Армянская отнесла къ единому лицу Господа Иисуса трисвятую пѣснь: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный», которую вся Церковь воспѣваетъ въ честь Святыя Троицы; и хотя, при такомъ изъясненіи слова: «распныйся за ны» и другія, прибавляемая ею къ сей пѣсни, не заключаютъ собственно ереси, ибо и Господь нашъ есть Богъ, святый, крѣпкій и безсмертный; однако такое отклоненіе Армянъ отъ вселенскаго согласія возбудило противъ нихъ нареканіе въ ереси Евтихіевой, приписывающей страданіе Божеству»¹⁾.

* *

«Араджавор» — «аладжор» — «арцивуріевъ» постъ, приходясь обыкновенно за 3 недѣли до великаго поста или за 70 дней до Пасхи²⁾, въ практикѣ армянской церкви дѣйствительно выполняетъ роль «передового» или «предварительнаго» (Գոհարաբան) поста по отношенію къ Четырдесятницѣ, и въ дни его, такъ же какъ и въ дни великаго поста (за исключеніемъ субботы и воскресенья), безусловно воспрещается совершеніе литургіи. Примѣнительно же къ практикѣ восточно-каатолической церкви, онъ совпадаетъ съ недѣлю «всеѣдною», такъ называемою благодаря тому обстоятельству, что въ среду и пятницу этой послѣдней дозволялось ѣсть скоромное. Существоютъ даже данныя о томъ, что недѣля «всеѣдная» установлена практикою восточно-каатолической церкви, главнымъ образомъ, благодаря мотивамъ полемическаго характера, и именно въ противовѣсъ «араджавор»скому посту. Не то, Никонъ Черногорецъ и Николай Грамматикъ не старались бы ослабить полемическій мотивъ этой недѣли и возстановить ея положительное значеніе, безъ нарушенія строгости церковныхъ правилъ, разрѣшеніемъ поста въ среду и пятницу только въ тѣхъ мѣстностяхъ и для тѣхъ, кто жи-

1) Муравьевъ, Грузія и Армения, II, II-гр 1849, стр. 211—212, ср. стр. 89—90, 241, 332—330.

2) Ср. В. Болотовъ, Объ армянскомъ церковномъ годѣ, XV, I, стр. 269, 271.

ветъ съ армянами, чтобы избѣжать подозрѣнія въ солидарности съ ними¹⁾. Въ частности, Николай Грамматикъ въ своемъ отзывѣ объ этой недѣлѣ высказывается въ томъ смыслѣ, что разрѣшать постъ въ продолженіе всей этой недѣли не слѣдуетъ. «Въ эти дни, — говоритъ онъ, — многіе имѣютъ обычай своевольно разрѣшать постъ въ среду и пятницу, такъ что міряне ѣдятъ тогда мясо, а монахи сыръ, худо разсуждая и поступаая. Если они происхожденія армянскаго и прежде держались ереси арцивурія, хорошо поступаютъ, уничтожая этимъ всякое подозрѣніе. Если же происходятъ отъ православныхъ предковъ, то ихъ предлогъ для разрѣшенія поста не имѣетъ силы. Ибо армяне всю недѣлю постятъ, питаются однимъ хлѣбомъ, солью и водою, мы же разрѣшаемъ, начиная со вторника, и этимъ однимъ [днемъ] показываемъ, что не имѣемъ общенія съ ними»²⁾.

Если «араджавор»скій постъ примѣнительно къ практикѣ восточно-каатолической церкви совпадаетъ съ недѣлю «всеѣдною», то примѣнительно къ практикѣ армянской церкви онъ обыкновенно совпадаетъ съ праздникомъ, установленнымъ въ честь св. Саргиса (Сергія) и приходящимся въ субботній день той-же недѣли, т. е. вслѣдъ за окончаніемъ самаго поста, продолжающагося всего пять дней — съ понедѣльника до пятницы включительно. Въ виду такого совпаденія «араджавор»скаго поста съ праздникомъ св. Саргиса, самый постъ часто называютъ «постомъ св. Саргиса»: по-арм. *սարգիսի օրը* *սուս*, по-груз. *სარგისის დღისა* (вульг. *სარგისის დღისა*); кромѣ того, благодаря этому обстоятельству на Руси недѣля Мытаря и Фарисея называлась Саркисовою или Черкизовою³⁾.

Подъ именемъ св. Саргиса (Сергія) разумѣется одинъ изъ главныхъ дѣятелей по распространенію христіанства въ Персіи, по національности, какъ полагаютъ, грекъ. Будучи гонимъ Юліаномъ Отступникомъ и явившись сначала къ армянскому царю Тирану II, а затѣмъ къ персидскому царю Шапуху, онъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Мартиросомъ (Мартиріемъ) погибъ отъ руки этого Шапуха⁴⁾. Популярность Саргиса въ Персіи и Армении была настолько велика, что онъ по настоящее время высоко почитается не только армянами, но и шитами-мусульманами, которые называютъ его «хыдыр-наби», т. е. пророкъ-спаситель, и нерѣдко молятся ему, зажигая предъ его образомъ, разумѣется, тамъ, гдѣ таковой имѣется, свѣчу. Армяне же принимая Саргиса за мученика, гонимаго за вѣру, причислили его къ лику

1) И. Мансветовъ, ц. с., стр. 52.

2) Ibid., стр. 53.

3) Ibid., стр. 49.

4) См. пространное житіе св. Саргиса въ *Սարգիսի օրը*, кн. XVI, стр. 11—53.

святыхъ, установивъ въ честь него специальный праздникъ, обыкновенно приходящийся въ субботній день вслѣдъ за исходомъ «араджавор»скаго поста. Что же касается грековъ, то они не только не приняли и не принимаютъ Саргиса за мученика, но даже, причисливъ его къ категоріи ересіарховъ, всячески его проклинаятъ.

Такъ какъ праздникъ св. Саргиса почти всегда приходится на февраль или, въ крайнемъ случаѣ, на конецъ января, то у армянъ и сложилось повѣріе, что святой втеченіе пятидневнаго поста «араджавора» непременно подыметъ страшную мятель, чтобъ задушить невѣрующихъ въ него, подобно Юліану Отступнику, лицъ. Обвиненія же, выставляемыя греками противъ св. Саргиса и передаваемыя ими на разные лады, исключительно касаются похищенія греческой (византійской) царевны и того соучастія, которое Саргисъ якобы принималъ въ подобномъ злодѣянніи; даже болѣе того, Саргиса обвиняютъ въ томъ, что, когда приближенные царя, въ видахъ спасенія царевны, погнались за нимъ (Саргисомъ), то онъ поднявъ страшную мятель и бурю, задушилъ всѣхъ. Аналогичная легенда сохранилась также у грузинъ: будто св. Саргисъ, поднявъ бурю, задушилъ новобрачную чету грузинской національности въ то время, когда чета эта, по совершеніи бракосочетанія, направлялась изъ церкви на свадебный пиръ. Въ связи съ этимъ и у армянъ существуетъ повѣріе, что св. Саргисъ, будучи вообще мститель по отношенію къ ромеямъ (*Հռոմք*), т. е. приверженцамъ греческаго исповѣданія, въ недѣлю «араджавора» душитъ путешественниковъ-ромеевъ. Въ Борчалинскомъ уѣздѣ Тифлисской губ., по словамъ Е. А. Лалаяна, существуетъ такого рода повѣріе: будто св. Саргисъ, «затаивъ доселѣ злобу, ежегодно душитъ одного грека или грузина»¹⁾. Е. Шаһазизъ отмѣчаетъ поговорки, сохранившіяся доселѣ въ средѣ армянъ Нахичевани-на-Дону; какъ только въ праздникъ св. Саргиса или въ дни предшествующаго ему поста «араджавора» подымется мятель или засверѣцствуетъ буря, или просто подуетъ вѣтерокъ, нахичеванцы-армяне говорятъ: «*Սարգիսը հռոմ պիտ խըղզէ*» «св. Саргисъ долженъ задушить ромея», гесп. «*Սարգիսը հռոմ չիըղզած չիլալ*» «св. Саргисъ не можетъ не задушить ромея», или «*Սարգիսը հռոմ պիտ փառցունէ*» «св. Саргисъ долженъ похитить ромея», гесп. «*Սարգիսը հռոմ չը փառցրած չիլալ*» «св. Саргисъ не можетъ не похитить ромея»²⁾.

Но болѣе всего боятся св. Саргиса грузины. По воззрѣнію послѣд-

1) Е. Лалаянъ, *Բորչալինի գավառ*, т. 2 X (1903), стр. 257.

2) Е. Шаһазизъ, *Նոր-Նախիջևանի եւ Նոր-Նախիջևանցիք*, т. 2 IX (1902), стр. 14—16.

нихъ, св. Саргисъ (*Նշթօզ-Նշթօվո*, гесп. *Նշօզ-Նշթօվո*)¹⁾ является покровителемъ молодежи, въ частности жениховъ и невѣстъ и новобрачныхъ четъ. Вотъ почему тѣ представители молодого поколѣнія, которые соответственно ищутъ себѣ жениховъ или невѣстъ или помолвлены или, будучи обвиняны, добиваются счастливой супружеской жизни, непременно должны умиловать св. Саргиса. Умиловленіе же св. Саргиса заключается въ томъ, что должно строго соблюсти предшествующій празднику его пятидневный постъ «араджавора», принимаемый ими за «постъ св. Саргиса»²⁾, а тамъ, гдѣ есть возможность, сходить и въ церковь во имя этого святого³⁾ на поклоненіе его иконѣ. Но этого мало. Матери, желающія счастья своимъ дѣтямъ, согласно заранѣе данному обѣту, должны еженедѣльно, преимущественно въ субботу вечеромъ, посѣщать церковь св. Саргиса и зажигать въ ней свѣчу, сотворивъ соотвѣтствующую молитву⁴⁾.

Л. Меликсетъ-Беновъ.

Тифлисъ. 23—IV—1916.

1) Вульгарное произношеніе арм. *Նարե Սարգիս*.

2) Ср. Постъ Сурбъ-Саргиса, «Кавказъ» 1846 г. № 16; А. Кишмишевъ, Св. воевода Сергій, «Тифлисскій Листокъ», 1913 г. № 33.

3) Напр. въ г. Тифлисъ (въ предмѣстьѣ «Сейдъ-Абадъ» или «Харпухъ»), сел. Гурджаани Сигнахскаго уѣзда, сел. Джегалъ-оглы Борчалинскаго уѣзда и др.

4) Настоящая работа была сдана для напечатанія, когда появилась статья прот. Корн. Кекелидзе, *Նշթօզ-Նշթօվո ոչ Նշթօզ?* (ср. *Հայկական Եկեղեցիական Գործընթաց*), газ. *Երեւանյան*, 5 июня 1916 г., № 124, имѣющая отношеніе къ интересующему насъ вопросу.

Грузинский великий номоканонъ по спискамъ Тифлисскаго Церковнаго Музея.

(Окончаніе; начало въ XV, II, 349—377).

D. Дополнительные статьи.

Дальнѣйшее содержаніе рукописей различно, и точки соприкосновенія обнаруживаются только въ частностяхъ.

Въ A слѣдуютъ:

а) 474—495 ძეგლისწერაჲ წის და ღთოჲ შეკრებლისა კრებისაჲ. რი შემოკრბა ბრძანებითა კთლდ მსხო-რისა და ღთო დარგოჯლისა მეფისა ჩნისა ღთ აფხაზთა და ქართველთა რანთა და კასთა მეფისათა შინთა თჳს რნი ქოჯემო-მოკსენებლ არიან.

(წისავე ხილგოჯლისა და რუხილგისა...)

«Постановленіе святого и богосо-браннаго собора, который собрался по повелѣнію благовѣрнаго и бого-помазаннаго царя нашего Давида, царя апхазовъ, картвеловъ, рановъ и каховъ, о ниже приведенныхъ дѣ-лахъ.

(Всего видимаго и невидимаго...)

постановленія Руисо-Урбнисскаго собора 1103 г.]

b) Покаянный номоканонъ своеобразнаго состава, заслуживающій осо-баго изученія; онъ начинается, повидимому, не съ начала:

496—593 კანნი მექსე კარ-თ გენს შა შეკრბლთა რასსთმჯდ-მეტოს ნტრთა მითა. რა სსცხებლი ხოჯესთა შრარა იქმნებოდის. (ოჯ-რტოჯნატოს კსსკსმშნ თქს. წინს-სწრობილთა კრებთა შა...)

Τῶν ἐν Καρθαγένῃ συναθροισθέν-των σιζ' μακαρίων πατέρων κανὼν ζ'. Ὡστε χρίσμα ἀπὸ πρεσβυτέρων μὴ γίνεσθαι. (Φορτσουνᾶτος ἐπίσκο-πος εἶπε. Ἐν ταῖς προλαβούσαις συ-νόδοις...).

встрѣчаются многочисленные правила въ срединѣ, напр.:

505 კანი მეშდე კრტგესს შეკრბლთა რასსთმჯდმეტოს ღთ მე-მოხილთა მითა. ძჳრთა შა შთაგრდ-

Τῶν ἐν Καρθαγένῃ συναθροισθέν-των σιζ' θεοφόρων πατέρων κανὼν ζ'. Περὶ τῆς τῶν ἐν κινδύνῳ καθεστῶτων

მილთა დაგებისა თჳს. (ავრილიოს კსსკსმშნ თქს. რჯკოჯ ძჳრთა შა შეკრდომილშნ...)

514 კანთგენის შსსა წის კრე-ბისა კნთა რმეოცდამესმე შემ-ნებლთა თს. (რა შემნებლთა ნა-ცოდვებთა განყოფილებისა ებრ...)

с) 593—616 კანნი შეცოდებლ-თანი აღწერილი ნტრისა მამისა ჩნისა იქს მრ კოსტნტინებოჯელ მთვრე-შსკესისა რლსა ეწოდა მმარბეულ.

(ოჯწებოჯელ იუვენით ვდ ესე ნტრი იქ მმარბეული, რჯწსკნლ იუ-ქთა მთ რთა სჳდის კნნისა წესნი აღწერეს... სნ:)

καταλλαγῆς. (Αὐρήλιος ἐπίσκοπος εἶπεν. Ἐάν τις ἐν κινδύνῳ καθε-στῶς...).

Τῆς ἐν Καρθαγένῃ ἁγίας συνόδου κανὼν μγ'. Περὶ τῶν μετανοούντων. (Ὡστε τοῖς μετανοοῦσιν κατὰ τὴν τῶν ἁμαρτημάτων διαφορὰν...).

Κανόνες ἐπὶ τῶν ἁμαρτανόντων γε-γραμμένοι ὑπὸ τοῦ μακαρίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου πατριάρχου Κωνσταν-τινουπόλεως, ὃς Νηστευτῆς ἐκλήθη. (Ἰστέον, ὅτι ὁ μακάριος οὗτος Ἰωάν-νης ὁ Νηστευτῆς μεταγενέστερος ἐγέ-νετο πάντων, οἱ τοὺς τοῦ νομοκάνονος ὅρους συνέταξαν... ἀμήν).

Грузинский текстъ (впервые изд. † А. С. Хахановымъ въ совмѣст-номъ съ Н. А. Заозерскимъ трудѣ: Номоканонъ I. П. въ его редакціяхъ груз., греч. и слав. (Москва 1902), стр. 2 — 90¹)) представляетъ собою сдѣланный св. Евѣиміемъ Святогорцемъ переводъ съ греческаго; но мнѣ до сихъ поръ не удалось найти такой греч. списокъ номоканона, который бы соотвѣтствовалъ груз. переводу. Впрочемъ, наблюденіе надъ составомъ и тек-стомъ перевода и греческихъ редакцій заставляеть предполагать, что св. Евѣимій самостоятельно переработалъ свой оригиналъ и переводилъ, пользуясь не одной какой-нибудь греческой редакціей (=рукописью), а по крайней мѣрѣ двумя.

Совершенно другой составъ дополнительныхъ статей въ B:

а) 563—565 წდის ბასილის Τοῦ ἁγίου Βασίλειου ἐκ τῶν κανό-კანონთა გნ: მონსტრეს შობს: ყნი-νων <τοῖς> ἐν τῇ μοναστηρίῳ ἄσχοῦσι ვმტა წესიერად არიან. πάντες κατὰ τάξιν. (Μοναχὸς ὁμνῶν ἐπ' ὀνόματι τοῦ θεοῦ...)

b) въ концѣ приписанъ другимъ почеркомъ конецъ номоканона Іоанна Постника (изд. Хаханова, стр. 92):

1) Полная неудовлетворительность этого изданія отчетливо сознава рѣши и сдѣлана уже Н. Я. Марромъ (Виз. Врем., 1906, XII, 191—193); поэтому крайне необходимо новое изданіе.

556—566 ნოჲ ჟამითა განიკითხეს და განაწესეს კანონსა მონაზვნულთასა. ...მადლობათა ღმრთისათა. მათ თუთ მისცენ ს ტუა შნ წილ შემოქმედსა ჟღათასა. რელიას აწს ღმრთი ოჯკე 56:

566—568 пустыя (на стр. 566 заняты 2 верхнія строки).

c) 569—571 თოჲ გრ ჟერ აწს შეწყნებაჲ: რი ჭოჯრითა გნ სარწმუნოებასა ქკანეთასა მოაჯდებოდის: Goari Euchol., 282.

d) 571—578 აღწერაჲ ოჯრთჲ: თოჲ გრ ჟერ აწს შეწყნებაჲ: რი ჭოჯრითა გნ სარწმუნოებასა ქკანეთასა მოაჯდებოდის:

PG, I, 1455—1461; A. A. Дмитриевский, Богослужение въ русск. церкви XVI вѣка, прилож., 68—82.

e) 578—586 წესი რი იქმნების მოქცეულსა ზა სარკინოზთა გნ. წისა მომართ და ჴეშმარიტისა სარწმუნოებისა წნ ქეთასა:

PG, CXL, 124—135.

f) 587—593 შეზოჯნებისა იაკობიტთა და ჟღათა ერთბოჯნებთანნი. რღთა თანა არიან სომეხნიცა:

(რღთა სარკინოზისა მისგნ წყალებისა იაკობიტთა და ხაჩეცართა... გნ აწს ჩოჯოჯდებოდა სარწმუნოებულთა):

g) 593—600 სარწმუნოებისა თჳს ვნებისა ქკისისა: და გდ ღმრთი მაცნებელნი არიან მეტოჯნებნი გდ წოჯოჯდებოდა რღთა ჟგნს ეცოჯ და ივნე:

(სარწმუნოებაჲ რჩეოჯელ კაცთა გდ ბრძენთაჲ აწს თქოჯმაჲ... შესაძლებელ არიან თქოჯმაჲ):

კითხვამ მთ და მიმართოვე მამნილბოელი ღმრთივებოჯდებისა მათისაჲ:

რღთა ითქოჯმის ჟგნოჯდებოდა... და თქნ თანა მომიოჯნებოჯდისაგა მისისა):

Πῶς δεῖ δέχεσθαι τὸν ἐξ Ἑβραίων τῇ τῶν χριστιανῶν πίστει προσερχόμενον.

Ἐκθεσις ἀκριβεστάτη περὶ τοῦ πῶς δεῖ δέχεσθαι τὸν ἐξ Ἑβραίων τῇ τῶν χριστιανῶν πίστει προσερχόμενον.

Τάξις γινομένη ἐπὶ τῷ ἀπὸ Σαρακηνῶν ἐπιστρέφοντι πρὸς τὴν καθαρὰν καὶ ἀληθινὴν πίστιν ἡμῶν τῶν χριστιανῶν.

Ἀποτάξεις τῶν Ἰακωβιτῶν καὶ πάντων τῶν Μονοφυσитῶν, ἐν οἷς εἰσιν καὶ οἱ Ἀρμένιοι.

(Οἵτινες ἀπὸ τῆς αἱρέσεως τῶν Ἰακωβιτῶν καὶ Χατζιτζαρίων... ὡς ἐστὶν ἔθος τοῖς νεοφωτιστοῖς).

Περὶ τοῦ σωτηρίου πάθους τοῦ Χριστοῦ καὶ ὅτι θεοπασχίται εἰσιν οἱ λέγοντες τό. Ἅγιος ἀθάνατος ὁ σταυρωθεὶς καὶ παθὼν.

(Ὁρὸς ἄριστος ἀνδρῶν πανσοφάτων τυχάνει λέγων... καὶ τὸ θνήσκον αὐτοῦ σῶμα μία φύσις λέγεσθαι δύνανται.

Ἑρώτησις πρὸς τοὺς αὐτοὺς ἐλέγχουσα τὴν θεοπασχίαν αὐτῶν.

Ὅν λέγετε σταυρωθέντα... καὶ σὺν ὑμῖν τοῦ ποιήσαντος αὐτόν.

изъ 'Οδηγός Анастасія Синаита глава 12-я (PG, LXXXIX, 196—204). 601 пустая вся.

h) 602 აღწერაჲ და ოჯწყებაჲ მრთლისა სარწმუნოებისაჲ და წთა გრუბათა თჳს: რღთა ჟერ აწს ჟღათა ქკანეთა თჳს. რა კეთილად და გაზოჯოჯდებოდა მეცნიერ ივნე:

(მწწმს ერთი ღი... და ცნებაჲ მეცნისა სკნისა 56):

обычный символъ вѣры.

i) 602—603 წისა ფოტი მატრია სარწმუნოებაჲ:

(ესრეთ მწწმს და აღვარებაჲ კთლგე სარწმუნოებაჲ ეკლესიასა შა დაფოჯნებოჯდებოდა და ქადგებოჯდებოდა სარწმუნოებაჲ. შევიწყნებოდა წთა და მსოფლიოთა შჯდთა კრებათა... 56):

сходно съ главой 5-й посланія патр. Фотія къ папѣ Николаю I (изд. Βαλέττα, 140—142; Fabricii Bibl. Gr. ed. Harles, XII, 349—351).

k) 604—619 безъ заглавія вопросы и отвѣты:

კთხეჲ. ღმრთივებოჯდებისა შა რაღმრთისა აღვარებაჲ ბოჯნებთა: მიგბე კრთის:

კთხეჲ რღთა: მიგბე ღმრთისა:

კთხეჲ რაჲ აწს ღი: მიგბე აწსბე ოჯმნივოჯდებოჯდებისა გდ ქლოკინი. ბოჯნებისა ოჯგეშთაჲსა აწსებოთა:

კთხეჲ. რაჲ აწს აწსებაჲ: მიგბე. სარწმუნოებაჲ...

Ὁμολογία καὶ ἐκθεσις τῆς ὀρθοδόξου πίστεως, καὶ περὶ τῶν ἁγίων συνόδων, ἃς χρὴ δέχεσθαι πάντας χριστιανούς, ἵνα ὀρθῶς καὶ ἀκριβῶς φρονῶσιν.

(Πιστεύω οὖν εἰς ἓνα θεὸν.... καὶ ζωὴν τοῦ μέλλοντος αἰῶνος, ἀμήν).

Φωτίου τοῦ ἁγίου πατριάρχου ἐπιστολὴ.

(Οὕτω πιστεύω καὶ ὁμολογῶ τὴν ἐν τῇ καθολικῇ καὶ ἀποστολικῇ ἐκκλησίᾳ ἐφιδρυμένην καὶ κηρυττομένην πίστιν, ἀποδέχομαι τὰς ἁγίας καὶ οἰκουμενικάς ἐπτά συνόδους.... ἀμήν).

Ἑρώτησις. Ἐπὶ τῆς θεολογίας πόσας φύσεις ὁμολογεῖς; Ἀπόκρισις. Μίαν.

Ἑρώτησις. Ποίαν ταύτην; Ἀπόκρισις. Θεότητα.

Ἑρώτησις. Τί ἐστὶ θεός; Ἀπόκρισις. Οὐσία ἀναίτιος αἰτία παναλή, πάσης οὐσίας καὶ φύσεως ὑπερούσιος.

Ἑρώτησις. Τί ἐστὶν οὐσία; Ἀπόκρισις. Πρᾶγμα αὐθύπαρκτον...

срав. Моск. Син. Библи. № 432 (у архим. Владиміра № 317), но въ концѣ отвѣты на вопросы о вселенскихъ соборахъ и помѣстныхъ дають цѣлый разсказъ о нихъ.

l) 619—620 განხილბოდა სარწმუნოებისა: დადებოჯდებისა იწის მრ

Ἐκθεσις πίστεως, ἣν Ἰωάννης ὁ Θεολόγος ἐν ἀποκαλύψει Γρη-

ღთისმეტყუელისა გამოცხადებით
საკვრელთმოქმედისა გრგლის მტო:
გა ხოჯაშნებითა ღთისმშობელისათა:
და ესე იგი სარწმუნოებაჲ არს წინა
თჳს გრგლი საკვრელთმოქმედმან
ილოცა და ჩოჯენებით ღწ ასწავა. და
მან დაწერა ძილსა შინა. და ოდეს გა-
ნელჳს კელთა აქოჯნდა:.

(ერთ არს ღი მამა... მდის ესე
სამებაჲ):.

PG, X, 983—988; Pitra, I, 514.

m) 620—622 ლოცვაჲ ლხინებისაჲ
მათ თჳს წინ ოჯარისყოფის გნ მოქ-
ცუელ იუვენ ქმანობად: სხლად
თარგმნა ესე გი:.

(მარტოალ ხარ შენ ოლა და წრფელ
არაინ განკითხვანი შენნი. წ არა ცოდ-
ვათა შენთა ებრ მომავე წნ წ გარდა-
გაგედით წნ მცნებათა შენთა.... წნ):.

Goari Euchol., 689—690.

n) 622 ლოცვაჲ სხოჯაჲ ესეცა აღმ-
სარებელსა გე წა:.

(ოლა ღთოა წნოა წნ ჰეტრეს და
მეძავსა... წნ):.

Goari Euchol., 537.

o) 622 სხოჯაჲ ლოცვაჲ ეგრეთვე
აღმსარებელსა:.

(ღთო მაცხროა წნო. წნ წწტელის
ნათანის მიერ. შერამინანა ღთ თჳსთა
ცდვათა თჳს. შნდობაჲ მიახიჭე. და მა-
ნასეს სინანოჯლის თჳს ღცა შეიწ-
ყნარა შენვე მონადეჲ ესე შენი სხლთ.
მონანჯ).

Goari Euchol., 536; текст обрывается и даѣе одинъ листь вырѣзанъ.

γορίφ τῷ Θασματουργῷ ὡς κατ'
ἐπιτροπήν τῆς Θεοτόκου ὑπηγόρευσε.
καὶ αὕτη ἐστὶν ἡ πίστις, περὶ ἧς
Γρηγόριος ὁ Θασματουργὸς ἐδε-
ήθη καὶ ὁ θεὸς ἐν ὁράσει ἐνέδωκε.
καὶ ἐκεῖνος ἔγραψεν αὐτὴν ἐν ὕπνῳ
καὶ ὅτε ἐξύπνισεν, ἀνὰ χεῖρας εἰ-
χεν.

(Εἰς θεὸς πατὴρ... τριάς
αἰ).

Εὐχὴ ἰλασμοῦ εἰς τοὺς ἀπὸ ἀρνή-
σεως ἐπιστρέφοντας πρὸς τὸν χριστια-
νισμόν. «ВНОВЬ ПЕРЕВЕЛЪ ЭТУ МОЛИТВУ
Георгій».

(Δίκαιος εἰ σύ, κύριε, καὶ εὐθεὶς αἰ
χρίσεις σου· σὺ γὰρ κατὰ τὰς ἀνομίας
ἡμῶν ἐποίησας ἡμῖν παραβάντες γὰρ
τὰς ἐντολάς σου... ἀμήν).

Εὐχὴ ἐτέρα ὡσαύτως εἰς τὸν ἐξο-
μολογούμενον.

(Κύριε ὁ θεὸς ἡμῶν, ὁ τῷ Πέτρῳ
καὶ τῇ πόρνῃ... ἀμήν).

Εὐχὴ ἐτέρα ὡσαύτως εἰς τὸν ἐξομο-
λογούμενον

(Ὁ θεὸς ὁ σωτὴρ ἡμῶν, ὁ διὰ τοῦ προ-
φήτου Νάθαν μετανοήσαντι τῷ Δαβὶδ
ἐπιτοῖς ἰδίῳι πλημμελήμασιν ἄφεσιν δω-
ρησάμενος καὶ τοῦ Μανασσῆ τὴν ἐπὶ με-
τάνοιαν προσευχὴν δεξάμενος, αὐτὸς καὶ
τὸν δοῦλον σου τὸν δεῖνα μετανοοῦντα).

p) 623—626 [] ტლის თჳს
გნებლის თჳს ონის წნის ოჯ ქეს
[] რამსმდე ონე წწტელსა.

(აღმსიოტგნ: [] შესმა
ოლა მავალის შეს და შემეშინა ო ში-
შოჯტვარ და დავიშაღე. ეროჯქისი...
ნათლისმცემლისა. კმა დაღადე-
ბისაჲ ოჯდბნოს წა გნტმწადეთ
გწაჲ ონისაჲ გა თქნ ესია: წ ონილა
რამ ოჯ მომავალი თქოჯა: აჭა კრავი
ღთისაჲ ამხოჯელი ცოდვთა სოფლი-
სათა.

Τοῦ Ἀδάμ. Τῆς φωνῆς σου, κύριε,
ἡκούσα περιπατοῦντος ἐν τῷ παραδείσῳ,
καὶ ἐφοβήθην ὅτι γυμνός εἰμι καὶ ἐκρύ-
βην¹⁾. Τοῦ Ἐνώχ.... Τοῦ Βαπτιστοῦ.
Φωνὴ βοῶντος ἐν ἐρήμῳ· εὐθύνετε τὴν
ὁδὸν κυρίου, καθὼς εἶπεν Ἡσαΐας. ὅτε
δὲ εἶδε τὸν Ἰησοῦν ἐρχόμενον πρὸς αὐ-
τὸν, εἶπεν· ἰδοὺ ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ ὁ αἰ-
ρων τὰς ἁμαρτίας τοῦ κόσμου²⁾.

Въ CDE, хотя и есть отдѣльныя статьи, находящія себѣ параллели въ AB, все же общій составъ совершенно самостоятеленъ и своеобразенъ:

a) C 568—596, D 200—217, E 258—277

კანონი შეტდბლთანი აღწერილი ნეტარის მამის წნის ონეს მწ. კო-
სტანტინეპოლელ მთავარეპისკოპოსისა. წს მმარხველ ეწოდებოდა:.

(ოჯწეებლ იუვენ გდ ესე ნეტარი ონე მმარხველი ოჯკანსკენელ იოა ოჯოფრეს
ეთა მათ. რთა შჯლის კანონთა წესნი აღწერეს...)

то же, что въ A подъ d).

b) C 596—613, D 217—228, E 277—289

ძეგლის³⁾ წერაჲ წის და ღთიგ შეკრებლის კრების წი შემოკრბა
ბწძნითა კთლდ მსწრისა და ღთიგ დაცოჯლისა მეფისა წნის ღთ აფსწათა და
ქართვლთა რწნთა და კანთაჲ მეფისთა პირთა თს წწნი ქოჯტმო მოკსენბლ არიან:.

то же, что въ A подъ a).

c) C 613—621, D 228—233, E 289—294

ძეგლისწერაჲ სწწმნისაჲ წი
აღწერეს წთა მმთა კოსტანტინე-
პოლის შეკრებლთა წთა ხტთა თყნის-
ცემისა თს ესე წარგიოთხვის სოფე
წა და ეთა ეკლესიათა პლსა გკეს
წთა მმარხვთასა: წა ეთის წირვასა
წა შემოსილისა მდღელის გნ: გკწნ
მმო:.

Ἐκθεσις πίστεως ἣν ἐξεφώνησαν οἱ
ἄγιοι πατέρες, οἱ ἐν Κωνσταντινουπό-
λει συναθροισθέντες, περὶ τῆς προσκυ-
νήσεως τῶν ἁγίων εἰκόνων· ἥτις ἀνα-
γινώσκεται ἐν τῇ ἀγίᾳ Σοφίᾳ καὶ ἐν πά-
σαις ταῖς ἀγίαις ἐκκλησίαις τῇ πρώτῃ
κυριακῇ τῶν ἁγίων νηστειῶν ὑπὸ τοῦ ἱε-
ρέως ἐνδεδυμένου πρὸς τὴν ἱερὰν λει-
τουργίαν. πάτερ εὐλόγησον.

1) Быт. III, 10.

2) Сравн. Ио, I, 23, 29.

3) შეგლის C.

(მტკლასა ქდეგობის გნ დამტკიცე-
ბოჯლნი და წის სწობის ბრძნობა და-
მორჩილბლნი ვდღესწლობთ დღესა
ამას სატოჯუზბისსა და გნახლეებისა
სწწმნისა ჩნისსა რ ესთა წწელი
იტუჯს... ბასილი და კონსტანტინე
მრთლმდბლთა მეფეთა სწამება (под-
разум. არს სწსნბლი). და მრთლმდი-
ბლთა მწწმნთა მეფეთა ჩნთა მწლმება
არსა წელი მეფობის მათისანი. კდრა
ვიტუჯან გერმანეს ტრასისა ნიკი-
ფორეს. მეთადის სწტრლთა მათ
მტრიაქთა სწწმება არს. ეგნატისი.
ფოტისი. სტფნესი ტრიფონი-
სი. თეოფილტესი. პოლიკრკ-
ტისი. ანტონისი. ნიკონისა.
მრთლმდბლთა პატრიაქთა სწწმება
არს სასწსნბლი. ელთა მათ დწლით
შემოსილთა მამათა და მრთლ მდბლთა
მქდგებლთა... დბა და პატრიი თუნის-
ცემა მამის ძისა და წის სწლისა აწ.
(DE + და მარადის. D + და რჯოჯნითი
რჯოჯნისმდე ამინ.)

Это—синодикъ въ недѣлю православія въ своеобразной редакціи. По-
слѣдніе императоры, которымъ возглашается вѣчная память, — Василій II
(† 1025 г.) и Константинъ VIII († 1028 г.), а послѣдній константино-
польскій патріархъ—Николай II Хрисовергъ († 996).

Среди переводовъ св. Евѣимія значится ძეგლისწება სწწმუნე-
ბისა, подъ которымъ и слѣдуетъ разумѣть находящійся здѣсь синодикъ въ
недѣлю православія.

Е. Гелатскіе списки.

Когда появилась въ печати первая половина настоящаго труда, глу-
бокоуважаемый прот. К. С. Кекелидзе предоставилъ въ мое распоряженіе
оказавшіяся у него описанія трехъ гелатскихъ номоканоновъ; помѣщая ихъ
здѣсь въ нѣсколько переработанномъ видѣ.

(Τῶ ἀποστολικῷ βεβαιωθέντες κη-
ρύγματι καὶ ταῖς τοῦ ἀγίου εὐαγ-
γελίου ἐπόμενοι παραινήσεσιν, ἐορ-
τάσομεν τὴν ἡμέραν ταύτην τῶν
ἐγκαινίων καὶ τῆς τῆς ἡμετέρας πί-
στεως ἀνανεώσεως· λέγει γὰρ Ἡσα-
ίας ὁ προφήτης... Βασιλείου καὶ
Κωνσταντίνου τῶν ὁρθοδόξων βασι-
λέων αἰωνία (подразум. ἡ μνήμη).
καὶ τῶν ὁρθοδόξων πιστῶν βα-
σιλέων ἡμῶν πολλὰ τὰ ἔτη τῆς
βασιλείας αὐτῶν εἰσι. εἶτα λέγο-
μεν· Γερμανῷ, Ταρασίῳ, Νικηφόρῳ,
Μεθόδιῳ, τοῖς μακαρίοις πατριάρ-
χαις, αἰωνία ἡ μνήμη. Ἰγνατίῳ,
Φωτίῳ, Στεφάνῳ, Τρύφωνι, Θεοφυ-
λάκτῳ, Πολυεύκτῳ, Ἀντωνίῳ, Νι-
κολάῳ, τοῖς ὁρθοδόξοις πατριάρχαις,
αἰωνία ἡ μνήμη. Πᾶσι τοῖς ἀθλοφό-
ροις πατρᾷ καὶ ὁρθοδόξοις κήρυξι....
δόξα τιμὴ καὶ προσκύνησις, τῷ Πατρὶ
καὶ τῷ Υἱῷ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι
νῦν. (DE+καὶ αἰ. D+καὶ εἰς τοὺς αἰ-
ῶνας τῶν αἰῶνων ἀμήν).

Р Рукопись Гелатскаго монастыря № 17 на бумагѣ, 30×21 сант.,
текстъ 23×15 сант., въ одинъ столбецъ, строкъ 27 и 28, писана почер-
комъ XIII вѣка; края рукописи очень пострадали; всего въ ней 486 ли-
стовъ.

На л. 495^б рукой текста приписано:

«დაიწერა წა და ედ სლთა განმა-
ნათლებელი სჯულისკანონი» გელითა
მწარედ და ფდ ცოდვილისა მრთველისა
ახაშიძე..... ს.ა.მ.თ. დწ იცის წწო
დთისან რდ დიდნი ჭირნი ვნახე
უცხოველობისათს დედაა წურილი
მეფა წინა. აწ უცხად ჩხრეკისათს ნუ
მწვევთ»

На л. 486^а позднѣйшей рукой:

მე სლთა სწწალობელმან ბერმან
ბასილი დადევ ესე წა სლთა განმა-
ნათლებელი წიგნი მოძღუარი სო-
ფლისა სჯულისკანონი ნარდუნეს
ჩემსა მონასტრეს გესმანის. ტაძრსა
ედ წის დთისმშობლისას. საღვინე-
ბელად სულის ჩემისა და სამლოცვე-
ლოდ კურთხეულისა დედის ჩემისა
ბარბარესათს. და თუთ მისსა სამწირვე-
ლოს შა დაესჯ მწერალი....

Ниже приписка 1589 года:

სახელითა დთისა. მამის ძის
და სწლის წისა. და მეოხებითა
ედ წის დთისმშობლისათა: ჩწ
ქს და შრ კურთხეულმან ქმან მე-
ფისა პატრონის ლეონისმან. ქართ-
ლისა კწ პატრიქმნ. ნწ. პრასე-
ბითა მეფეთა მეფისა პატრონის სუმი-
ნისითა გავაკეთე წა ესე წიგნი სჯუ-
ლისკანონი ფდ დაწლილი და და-
ქულებული ფდითა ურმითა ჩწდა

«Написанъ святой и всепросвѣща-
ющій души номоканонъ рукою тяжко
и много грѣшнаго Мровели Аба...
Богъ вѣдаетъ, святыя Божіи, что ве-
ликія лишенія я испыталъ ради безо-
шибочности. Подлинникъ мелкій пред-
лежалъ мнѣ; не проклиняйте меня за
невѣжественное копанье!»

«Я, духомъ несчастный старецъ
Василій, положилъ эту души просвѣ-
щающую святую книгу вождь міра
номоканонъ въ предметъ моихъ за-
ботъ монастырь Геосиманію, въ
храмъ Пресвятой Богородицы на
утѣшеніе души моей и на поминъ
покойной матери моей Варвары.
И въ мѣстѣ служенія о ней я поста-
вилъ писца...».

«Во имя Бога, Отца и Сына и Свя-
того Духа, и предстательствомъ Пре-
святой Богородицы, мы, Христомъ
Богомъ благословенный сынъ царя па-
трона Леона, Грузіи католико-па-
тріархъ Николай, по повелѣнію царя
царей патрона Симеона поправилъ
святую эту книгу номоканонъ, сильно
разстроенный и изветшавшій, съ боль-
шимъ трудомъ для покрова надъ нами

საფუძვლად ორთავე შა ცხრბათა და მეფისა პატრონისა სჳმიონის მეფობისა წარსმართებულად: წინა მშენა და მცქლნო შემწე და მეოხ მექმენით წე ოა და მცნისა ჩნისა იჳქისა: დღეს მას განკითხვისა: მეფეთ მეფისა პატრონისა სჳმიონისი მრავალმცა არიან წელნი ცხრბისა მისისანი აწდა უკე ან: ქესა სოფ გაკეთდა წა ესე წიგნი კელთა დიაკონისა იოსებისითა:

Католикосъ Николай († 1591 г.)—сынъ Леона II (царств. съ 1520 г. по 1574 г.), царя каховъ, выдавшего свою дочь за картскаго царя Симеона I (царств. съ 1588 г. по 1600 г.), упоминаемаго въ настоящей припискѣ.

На лл. 1—469^b содержится все то, что имѣется въ G на лл. 1^a—296^a и въ томъ же самомъ порядкѣ. Дополнительная же статья только одна, на лл. 469^b—486:

უდ განთქმულსა პატრიარქისა ოა პეტრეს მდაბალი მაქსიმე მონაზონი მოთხრობაჲ თავთავედი ქს ღთისა ჩნისა საცხოვრებელისა პასექისათს აღმწერადისა კანონისა მიერ მთარგმანებულთა: 1)

Тѣмъ панευфѣмъ патриάρχѣ хуріѣ Пётрѣ Мάξιμος ὁ ταπεινὸς μοναχός. Διήγησις κεφαλαιώδης περὶ τοῦ σωτηρίου πάσχα τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐρμηνευθεῖσα παρὰ τοῦ συγγραφέαντος τὸν κανόνα.

G Рукопись Гелатскаго монастыря № 25 (по каталогу прот. К. С. Кекелидзе), на бомбицинѣ 29 × 19 сант., текстъ 22 × 12, листовъ 313, писана красивымъ почеркомъ XII—XIII вѣка, по 29 строкъ на страницѣ; она разбита, хотя листы сохранились всѣ. На л. 269^a запись очень мелкими буквами:

..... გლასკი ოდ ცოდვილი გრიგოლი ჩახრუხადსო მამიკსენეთ წთა შინა ღაცვათა თქნთა ჩნ დიდის გუდამოღებითა გარდაწერეთ სისითა კელითა ქანეთა წინამძღუ-

«...убогаго прегрѣшнаго Григорія Чахрухадзе помяните въ святыхъ молитвахъ вашихъ. Я съ большиимъ усердіемъ переписалъ собственоручно вождя христіанъ великій сей

1) Исправлено мною, вмѣсто стоящихъ у прот. Кекелидзе словъ: აღწერადისა კანონისა მიერ მთარგმანებულთა

არი დიდი ესე სჯულის კანონი საუკუნოდ მოკსენებულისა და ჩნ ქართველთათს ოდ ჭირთა თავს მდებელისა არსენი იუჯლოელისა თარგმნილი: საუკუნო უოს ღთნ კსენებაჲ მისი: არა რადს სხვსათს მოვიჭირვე წერაჲ ამისი თხიერ რღ სიუარული მქანდა ცალკერძ წინა მონასტრისა პატრიარქისა ჯრისაჲ და მერვე ამის წსა წიგნისაჲ. და ესე დავიდეჲ კანებასა ჩემსა და უკთუ დირს მეოს ღმნ და წდსა მონასტრისა პატრიარქისა ჯრისაჲ შა შეიწინარონ არა დავაგლდები. სილვასა ამისსა: და თუ არა ვე ცოცხალ ვიყო მამა თვთ კეთილ და ვე ცოცხალი ვიყო მე მქანდაჲს და შდმ ჩემსა სდაცა ღნ ინებოს: ნ მე პეგრის ბეგრეთლითა ცოდვითა აღტურთული ესე წთა შა ღცთა თქნთა მომიკსენეთ უღმნ კელად მიმღებმან ამის წიგნისამან: წიგნისა სიმართლისათს იჭვ ნუ ვის გაქუს. შირველ დედაჲ მართალი და კარგისა მწერლისა დაწერილი მქანდა და თვთ რად არა წარმოგიდგინებ კაცსა ამას მოკსენებითა სხელისაჲთა: იოანე დიაკონისა: წის დედოფლისა ბორენასჲს გაზრდილისაჲთა: რღ მე ესრე მესმა რღ გი ბრალასა კათოლიკოს უოფილსა აქათ მისებრი და მის უმართლესი მწერალი არ გამოსრულა ჩნ ქართველთა ნათესავსა შა: და მერვე დიდ მოჭირვებით შემიმოწმებია: ღნ გარწმუნოს ვინცა იკითხვიდეთ და

номоканонъ, переведенный приснопамятнымъ и за насъ, грузинъ, много трудовъ подъявшимъ Арсеніемъ Икалѣели — вѣчной да содѣляетъ Богъ память его! Не ради чего-нибудь другого мнѣ понадобилось писаніе этой книги, а лишь потому, что я любилъ, съ одной стороны святой монастырь Честнаго Креста, а съ другой—и святую эту книгу. И это я положилъ въ своемъ умѣ; но если сподобить меня Господь и въ святомъ монастырѣ Честнаго Креста примуть, то значить, хорошо, и, пока буду живъ, я не лишусь лицезрѣнія этой книги; а если нѣтъ, то, пока живъ буду, будетъ она у меня, а послѣ меня — тамъ, гдѣ Господу будетъ угодно. Меня же, отягченнаго многими множествомъ грѣховъ, въ вашихъ святыхъ молитвахъ помяните всякій взявшій въ руки святую сію книгу. Пусть не будетъ у васъ сомнѣнія въ правильности книги: во-первыхъ подлинникъ былъ правильный и написанъ хорошимъ писцомъ,—даже почему бы мнѣ не представить этого человека, упомянувъ его имя—Іоанномъ діакономъ, воспитанникомъ святой царицы Борены. А я такъ слышалъ, что со времени Георгія Бролы, бывшаго католикоса, подобнаго ему и болѣе исправнаго писца не нашлось у насъ въ грузинскомъ народѣ. И затѣмъ съ великимъ усердіемъ я свидѣтельствую, Богъ да дастъ увѣровать тому, кто будетъ читать и кто будетъ переписывать съ книги, какъ найдетъ, такъ и

გინტა სწორდეთ ამის გან ვითა ჰყოლოთ списываетъ. Много есть иностран-
კერე დაწერეთ. მრავალნი უცხონი სიტ-
უხანი არიან გარნადედას კერევე ვბოუ-
ужь нашель».

На лл. 1^а—296^а находится систематическая и хронологическая части но-
моканона въ 14 титл. (опис. выше ХВ, II, вып. III, стр. 360—377); но прот.
Кекелидзе удостоверяетъ, что правилъ апостоловъ Павла и Петра и Павла,
сохранившихся только въ А, и здѣсь нѣтъ, такъ что вступительныя статьи на-
чинаются со стоящей выше на третьемъ мѣстѣ შეკრება კანონთა საკვლელოთა.

Составъ дополнительныхъ статей начинается той же, какъ въ А, но
въ общемъ своеобразнъ:

а) л. 296^б—309^б: ძეგლის წერაჲ წის და ღთიგ შეკრებლის კრებისაჲ.
რე შემაკრბა ბრძანებითა კეთილად მსახურის და ღთიგ დაცულის მეფისა ჩნისა
დავით აფხაზთა და კართველთა (sic) რანთა და კახთა მეფისაჲს. შირთათნ რწნი
ქვემო მოკსენებულ არიან.

л. 309^б—311^б: მეფეს დავითს მონაზონი არსენი.
Сабининъ, საქართველოს სამოთხე, стр. 518—520.

б) л. 312^б—313^б: უწყება მიზეზსა ქართველთა მოქცევისსა თუ რა-
მელთა წიგნთა შა აღიკსენების.
известное сочинение Ефрема Мцира объ источникахъ обращенія Грузии въ
христианство.

Н Рукопись Гелатскаго монастыря № 26 на бумаге, 1761 года; 21 ×
16, текстъ 15 × 10, лл. 437 по 24 строки на страницѣ. На л. 437^а запись
переписчика рукописи:

დბად ღის რნ მოსტის ჩემებრ
უფიტოა შეძლებად აღსრულებად ესე ვი-
თართა მცნებათა სათნოთა ღთისათა:
რწნისა შეწყვნიოთა აღცესრულა წიგნი
ესე კელითა ჩემ ცოდვილისა ქლქისა
ცოდვილისა სანახებსა ჟის მონასტრი-
სასა: მისევე ჟრისა დეკანოზის ონე-
სითა: რი მთხოველ ვარ მხილველთაგნ
შენდობასა. დადაცათუ არა რადმე ს-
ხინო არს კელი ესე ად მადლითა
თქნითა სიმართლითა აღსავსე არს: ად
კდცა გვედრები მხილველთა თუმცა

«Слава Богу, Который далъ невѣ-
жественному вродѣ меня исполнить
такія угодныя Богу заповѣди, съ по-
мощью Котораго исполнена эта книга
во владѣнн Крестнаго монастыря ру-
кою моею, грѣшника Іоанна, того
же монастыря деканоса, который
проситъ прощенія у видящихъ книгу,
ибо, хотя почеркъ этотъ не бле-
стящъ, но милостію вашею полонъ
точности. Но затѣмъ умоляю видя-
щихъ эту книгу, если гдѣ-нибудь

სადამე იხილოთ ცთომილი რამე ნუ ნოდოცეთ უსмотрите, не проклинаяте
მწევეთ სიწმლისათნ ღის: ნოენბერსა რადი любви Божіей. Ноября 12,
იბ: ქქს აქეთ 1761: 1761 г. отъ Христа».

На л. 437^б почеркомъ мхедрули приписка 1776 года:

წელბითა ღთისთა ჩნ აფხაზ იმერ
გურია სამეგრელოჲსა ესე იგი არს სდ
ქვემოჲს ივერიისა კათალიკოზ მამათ
მთავარმან იოსიოთ დავითიანმან თვთ
სათესითა ჩემითა აღვაწერინე წდა ესე
სჯულისკანონი: და ვინაჲთგან თანა
მაქუნდა ეპარხიაჲსა გაენათის თანამდებ-
ცა ვიყავ მსახურებად შენდა: ამისთნ
გიძღვენ მოგართვ და შემოგწირე
წიგნი ესე სჯულთა, ნ უფროსდა
სდთა გამობრძმდელი: შენ სოლო-
მონებრსა ტაძარსა უფროსდა ეთერე-
ბრად ღმერთებრ მთენარესა უღის
სიტყუერთა დედფალსა ხსულისა ღთის
მშობელსა... მარტს კბ ქქსითგნ
ჩლოჲ:

«Милостію Божією, мы, архіерей
Іосифъ изъ рода Давидова, католи-
кость Абхазіи, Имеріи, Гуріи, Мин-
греліи, т. е. всей нижней Иверіи, на
свои средства заказалъ написать свя-
той этотъ номоканонъ; и такъ какъ у
меня была и епархія Гаэнатская, то
мнѣ надлежало служить Тебѣ; поэтому
я принесть Тебѣ въ даръ и пожертво-
валъ эту книгу канонѣвъ, болѣе всего
души очищающую, какъ черезъ гор-
нило, Тебѣ, въ храмѣ Соломоновомъ
особенно ээирно по божественному
озаряющей всѣхъ словесныхъ Ца-
рицѣ, Хахульской Божіей Матери.
Марта 22, отъ Христа 1776 года».

Рукопись воспроизводитъ въ точности составъ G; только среди допол-
нительныхъ статей нѣтъ письма Ефрема Мцира, на мѣсто котораго въ ней
имѣются находящіяся въ В подъ с, е, f. Такимъ образомъ дополнительные
статьи слѣдующія:

а) постановленія Руисо-Урбнисскаго собора;

б) л. 383^б—389^а: თუ ვითარ ჟერ არს Πῶς δεῖ δέχεσθαι τὸν ἐξ Ἑβραίων
შეწყენარება რამელი ჰურიათაგნ სარწ- τῇ τῶν χριστιανῶν πίστει προσερχό-
მუნებრსა ქქსეთასა მოუკლებოდეს: μενον.

с) вѣроятнѣе всего, что есть здѣсь и указанная въ В статья подъ d:
на лл. 383^б—389^а слишкомъ много мѣста для одной предыдущей статьи.

д) л. 389^а—393^б: წესი რი იქმნე- Τάξις γινόμενη ἐπὶ τοῖς ἀπὸ Σαρα-
ბის მოქცევისსა წს სარკინოზოსას: κηνῶν ἐπιστρέφουσιν.

е) л. 394^а—419: ჰქუეხუბნისაჲსა- Ἀποτάξεις τῶν Ἱαχωβιτῶν καὶ πάν-
ბოტისა და ქელთა ეტობუეხუბნისაჲსა: των τῶν Μονοφυσιτῶν, ἐν οἷς εἰσὶν καὶ
ἑξῆς τὰς ἑορὰς სებასტოპოლისა: οἱ Ἀρμένιοι.

III. О первоначальномъ составѣ грузинскаго номоканона и обстоя- тельствахъ его появленія.

Конечно, грузинскій переводъ номоканона первоначально воспроизво-
дилъ въ точности прежде всего то, что было въ греческомъ оригиналѣ су-
щественнаго, и вопросъ можетъ возникнуть лишь о томъ, были ли тогда же
переведены и какія-нибудь — или — всѣ дополнительные статьи греческаго
оригинала, и не были ли тогда же прибавлены памятники грузинскаго права.
При рѣшеніи этихъ вопросовъ нельзя цѣпляться исключительно за данныя
извлекаемые изъ самихъ списковъ грузинскаго номоканона. Вѣдь, если бы
не дошелъ до насъ А, мы съ увѣренностью должны были бы на основаніи
всѣхъ прочихъ, вопреки вѣскимъ фактамъ и соображеніямъ (см. стр. 359),
утверждать, что правила апп. Павла и Петра и Павла первоначально не
были переведены¹⁾. Но такъ же, случайно или намѣренно, могли оторваться
отъ первоначальнаго состава и другія статьи и оказаться въ совершенно
другомъ, даже неподходящемъ мѣстѣ, а въ дошедшихъ до насъ спискахъ
номоканона на составѣ дополненій могъ сказаться результатъ уже позднѣйшей
работы надъ нимъ. Однако, въ настоящее время приходится пока ограни-
читься тѣмъ, что даютъ сами списки, да и то нѣтъ возможности использо-
вать надлежащимъ образомъ весь матеріалъ изъ-за временной недоступ-
ности его мнѣ.

Протоіерею Кекелидзе удалось найти въ G очень важную запись
Григорія Чахрухадзе относительно того, что переводчикомъ номоканона
былъ Арсеній Икалѣоели, о которомъ о. Кекелидзе собралъ свѣдѣнія уже
въ XV, 1914, III, 139—141 (гдѣ опубликована и часть самой записи).
Сподвижникъ Ефрема Мцирѣ на литературномъ поприщѣ, Арсеній жилъ въ
Константинополѣ въ основанномъ имп. Константиномъ Мономахомъ (1042—
1054) монастырѣ св. Георгія въ Манганахъ, гдѣ находилась и основанная
тѣмъ же императоромъ высшая богословская и философская школа. И самъ
Арсеній въ Икалѣо устроилъ академію и поддерживалъ дѣятельныя сноше-

1) Дѣйствительно, прот. Кекелидзе въ письмѣ ко мнѣ, на основаніи отсутствія этихъ
правилъ въ гелатскихъ спискахъ и въ тифлисскомъ (очевидно, текстъ на лл. 1—6 въ А счи-
тается прибавкой позднѣйшаго времени) высказываетъ догадку: «мнѣ думается, что эти
правила не принадлежатъ къ первоначальному составу грузинскаго номоканона».

нія съ учеными грузинами Перу его принадлежатъ переводы византійскихъ
богословскихъ трактатовъ и полемическія сочиненія противъ яковитовъ и
несторіанъ.

Вопросъ о времени перевода номоканона Арсеніемъ о. Кекелидзе
рѣшаетъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ такъ: «Извѣстно, что дѣянія Руисо-
Урбнисскаго собора 1103 года составлены и проредактированы Арсеніемъ
Икалѣоели; дѣянія эти уже предполагаютъ существованіе на груз. языкѣ
великаго номоканона: составъ послѣдняго въ дѣяніяхъ указывается въ ре-
дакціи Арсеніевскаго перевода; значитъ, переводъ этотъ сдѣланъ въ концѣ
XI вѣка, приблизительно, въ послѣднемъ двадцатилѣтіи его». Поэтому о. Ке-
келидзе въ томъ же письмѣ рисуетъ положеніе дѣла перевода правилъ до
Арсенія такъ: «До Арсенія Икалѣоели на груз. языкѣ великаго номоканона
не было: онъ первый перевелъ его. Доводы Ваши о существованіи въ X
вѣкѣ и началѣ XI грузинскаго великаго номоканона меня не убѣждаютъ.
Въ самомъ дѣлѣ, указаніе каталога Синайской монастырской библіотеки
კრთი ღოდო კახეზი скорѣе относится къ книгѣ литургическаго характера;
именемъ კახეზი ни разу, нигдѣ книга каноническаго содержанія не назы-
вается, но литургическая очень часто: ღოდო კახეზი это названіе Великаго
Канона Андрея Критскаго, а также техническій терминъ для обозначенія
изданной мною (т. е. прот. Кекелидзе) редакціи Святоградскаго Устава (см.
Іерусалимскій Канонарь, стр. 12—13, 37), одинъ экземпляръ которой,
именно X вѣка, имѣется и на Синаѣ. Этотъ კახეზი именно и обращался въ
Грузію въ двухъ редакціяхъ: большой (ღოდო) и малой — сокращенной. Вы-
раженіе св. Евѣимія Аѳонскаго — მცირეს სწულისკახეზს не указываетъ
непременно на «великій» номоканонъ: სწულისკახეზ-омъ онъ называетъ
свой переводъ правилъ VI всел. собора; эту свою работу онъ могъ назвать
მცირე въ сравненіи съ эксерпированнымъ имъ въ одной части великимъ
номоканономъ на греческомъ языкѣ, если эго не есть выраженіе скром-
ности великаго книжника. Имѣя въ виду характеръ переводческой дѣятель-
ности св. Евѣимія, категорически можно сказать, что онъ не переводилъ бы
ни правилъ VI всел. собора, ни номоканона Іоанна Постника, если бы до
него уже существовалъ въ переводѣ великій номоканонъ. Выраженіе въ
реестрѣ 1020 года католикоса Мелхиседека — სწულისკახეზი სხდო, мо-
жетъ обозначать новую книгу переводовъ того же самаго Евѣимія, во вся-
комъ случаѣ слово სხდო не указываетъ непременно на великій номоканонъ».

«Итакъ, по моему, до Арсенія Икалѣоели грузинскаго великаго номо-
канона не существовало. Характерно въ этомъ отношеніи одно выраженіе
въ записи Григорія Чахрухадзе къ номоканону Арсенія (рук. Гел. мон.

№ 25); этотъ Григорій, по видимости, подвижникъ Крестнаго монастыря, говоритъ: «если Богъ сподобитъ меня <того>, что книгу сію примутъ (ჰო-
ფუბსაბ) въ святомъ монастырѣ Честнаго Креста, тогда хорошо — пока я
живъ, не лишусь возможности видѣть ее». Списокъ Григорія (№ 25), хотя
я его отношу къ XII—XIII вѣку, безъ сомнѣнія не позже XII вѣка, ибо
онъ сдѣланъ съ рукописи воспитанника царицы Борены (2-ая жена Ба-
грата IV † 1072), діакона Іоанна, память о которомъ еще жива была въ
современникахъ Григорія. Значитъ, въ XII вѣкѣ Григорій сомнѣвается,
примутъ ли въ Крестномъ монастырѣ великій номоканонъ; слѣдовательно, но-
моканонъ св. Евѳимія даже въ XII вѣкѣ былъ живъ въ нѣкоторыхъ цен-
трахъ грузинской монашеской и книжной жизнедѣятельности».

Для меня отвѣтъ на вопросы, рѣшенные досточтимымъ о. Кекелидзе, далеко не представляется легкимъ и яснымъ, и прежде всего потому, что недостаточны доводы, приведенные въ пользу признанія Арсенія авторомъ перевода. Прямое указаніе записи Григорія Чахрухадзе возымѣетъ полную силу лишь тогда, когда будетъ подкрѣплено сопоставленіемъ языка пере-
вода номоканона съ другими переводами Арсенія, такъ какъ, вѣдь, свидѣ-
тельство Григорія могло основываться не на записи хотя бы самого пере-
водчика, а на томъ, что Арсеній пишетъ къ царю Давиду Строителю о ка-
нонахъ, или что гдѣ-нибудь встрѣтилась Григорію такая помѣтка какъ въ
В подъ т, и онъ отнесъ ее ко всему номоканону. Слѣдуетъ еще поискать
слѣдовъ пользованія канонами въ грузинской письменности до Арсенія и
послѣ Арсенія, и особенно важно было бы найти слѣды существованія дру-
гого, притомъ самостоятельнаго перевода, независимаго и отъ номоканона
св. Евѳимія. Вѣдь, иначе трудно себѣ представить, чтобы при тѣсныхъ свя-
зяхъ политическихъ и церковныхъ, существовавшихъ особенно въ IX—X и
XI вѣкахъ между Грузіей и Византіей, грузинская церковь могла обхо-
диться безъ перевода канонѳвъ, основнаго источника ея права, и доволь-
ствоваться трудомъ св. Евѳимія, преслѣдовавшимъ совершенно спеціальную
задачу регулировать покаянную дисциплину. Можетъ быть, удастся со вре-
менемъ подобрать болѣе убѣдительные слѣды существованія перевода вели-
каго Номоканона до Арсенія, чѣмъ тѣ, которые приведены уже мною, но и
эти нельзя всеже недооцѣнивать, какъ дѣлаетъ о. Кекелидзе: св. Евѳимій
не могъ назвать свой номоканонъ малымъ въ сравненіи съ греческимъ, гру-
зинамъ неизвѣстнымъ, и въ реестрѣ Мелхиседека упоминаніе о новомъ но-
моканонѣ, въ виду присылки книгъ изъ Византіи да еще для нуждъ цен-
тральнаго органа церковнаго управленія, должно быть отнесено скорѣе къ
къ великому номоканону, чѣмъ къ труду св. Евѳимія.

Нѣтъ данныхъ и опасенія Григорія относительно того, примутъ ли
его книгу въ Крестномъ монастырѣ, ставитъ въ зависимость отъ того,
удастся ли этой книгѣ вытѣснить номоканонъ св. Евѳимія или нѣтъ. А вотъ
дѣйствительно важно отмѣтить то, что списокъ Григорія, какъ и А, сразу
послѣ основнаго ядра номоканона ставитъ Руисо-Урбнисскій соборъ, тогда
какъ не подлежитъ сомнѣнію, что греческій оригиналъ содержалъ какой-ни-
будь изъ тѣхъ составовъ дополнительныхъ статей, которые сохранены въ
ВН: не есть ли это отсутствіе греческихъ дополнительныхъ статей резуль-
татъ работы Арсенія? Но, въ такомъ случаѣ, сократилъ ли онъ самъ какой-
нибудь списокъ въ родѣ CDE, или же CDE явились на основѣ его работы?
Кажется, что наблюденія надъ составомъ дополнительныхъ статей, переве-
денныхъ съ греческаго, даютъ возможность разбить ихъ на группы разно-
временнаго происхожденія и тѣмъ дѣлаютъ вѣроятной длинную исторію гру-
зинскаго перевода номоканона еще до Арсенія; отмѣчу, напр., что синодикъ
въ недѣлю православія очень хорошо подходитъ ко времени католикоса
Мелхиседека.

Итакъ, только условно можно говорить, что великій грузинскій номо-
канонъ есть трудъ Арсенія Икалѳоели, появившійся въ концѣ XI вѣка; точ-
ное установленіе его состава и времени происхожденія есть дѣло будущаго
исслѣдователя.

В. Н. Бенешевичъ.

Багаванскій храмъ и его надписи.

(Съ рисунками на табл. XXXVIII—XLIII).

Храмъ въ древнемъ Багаванѣ (нынѣ монастырь св. Іоанна), близъ города Татеона (нынѣ Діадинъ), является сейчасъ почти единственнымъ памятникомъ древности въ этомъ районѣ.

Мѣсто, гдѣ находится монастырь св. Іоанна, Сурб-Ованесъ¹⁾, было населено уже въ очень древнюю пору и видимо являлось выдающимся религиознымъ культовымъ центромъ еще въ языческой періодъ жизни Арменіи. Помимо самыхъ названій Багавана и всей области, въ которой онъ находился, Багревандъ²⁾, на это имѣются прямые указанія у Моисея Хоренскаго, дающаго двѣ формы названія Багавана, *Բաղան* и *Բաղան ան*, и сообщающаго о нахожденіи тутъ капищъ³⁾. Эти свѣдѣнія Моисея не содержатъ ничего невѣроятнаго или фантастическаго, чтò позволяло бы предполагать ихъ вымысленность⁴⁾. Мало того, они могутъ найти себѣ подтвержденіе въ томъ, что именно съ этимъ мѣстомъ преданіе связывало

1) См. Орбели, Багаванская надпись 639 г. (ХВ, II), стр. 105.

2) Впрочемъ, ср. Н. Г. Адонцъ, Арменія въ эпоху Юстиніана, стр. 307.

3) Въ *Բաղան ան* можно было бы видѣть и попытку перевода или осмысленія слова *Բաղան*, на чисто армянской почвѣ не вполнѣ понятнаго.

Моисей, ссылаясь на Бардацана, сообщаетъ (II, 66), что «.....царь армянскій Тигранъ почтилъ могилу брата своего, верховнаго жреца Мажана, въ Багнац-аванѣ, чтò въ округѣ Багревандъ, и построилъ надъ могилой капище, дабы проходящіе пользовались отъ жертвъ и чужестранцы (гости) принимались на ночлегъ. Въ немъ и Валаршъ впоследствии установилъ всенародное празднество, въ началѣ новаго года, при наступленіи Навасарда».

Независимо отъ этого, Моисей сообщаетъ (II, 77), что Арташиръ «приказываетъ неугасимо возжигать Ормуздовъ огонь на капищѣ, которое (находится) въ Багаванѣ».

О погребеніи Мажана въ Багаванѣ Моисей сообщаетъ (II, 55): «.....убили Мажана; перенесли его, его похоронили, какъ верховнаго жреца, въ Багнац-аванѣ». Быть можетъ не было бы неосторожнымъ заключить изъ этой фразы, что Багаванъ являлся, по крайней мѣрѣ въ представленіи Моисея, мѣстомъ погребенія вообще верховныхъ жрецовъ.

4) См. Г. Халатъянцъ, Армянскій эпосъ, стр. 296—299.

наиболѣе выдающійся моментъ въ распространеніи христіанства въ Арменіи¹⁾.

Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ храмъ, разумѣется, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ зданіемъ, о которомъ сообщаетъ Лазарь и другіе цитованные мною источники. Онъ былъ сооруженъ, какъ извѣстно изъ надписи, сохранившейся на немъ²⁾, въ 631—639 гг. по Р. Х., быть можетъ — католикосомъ Езромъ.

Храмъ неоднократно подвергался частичнымъ обновленіямъ и незначительнымъ перекладкамъ, послѣднее изъ возобновленій относится къ XVIII в. Наиболѣе существенной изъ этихъ работъ является сооруженіе новаго купола, низкаго и безъ барабана, а также возведеніе заново сѣверо-западнаго угла храма и передѣлка крыши. Эти передѣлки и обновленія по счастью мало повредили остальнымъ частямъ храма (древній куполъ рухнулъ, и выведенъ заново), и храмъ можетъ представить большой интересъ для историка искусства.

Во многихъ отношеніяхъ являясь совершенно исключительнымъ въ Арменіи памятникомъ своего времени³⁾, храмъ заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія или, хотя бы, описанія⁴⁾.

Не рѣшаясь братья за эту трудную задачу, позволю себѣ привести лишь краткія свѣдѣнія, поясненія къ нѣсколькимъ издаваемымъ тутъ фотографіямъ храма и его частей, снятымъ мною при посѣщеніи Багавана въ августѣ 1912 г.⁵⁾, лишь въ дополненіе къ печатаемому тутъ тексту надписей, кажется, еще не издававшихся.

Багаванскій храмъ представляетъ собою обширное прямоугольное зданіе съ тремя выступающими многогранными апсидами (рис. 1 и 2). Возвышенное покрытие средней части храма образуетъ крестъ вокругъ

1) Орбели, Багаванская надпись, стр. 113.

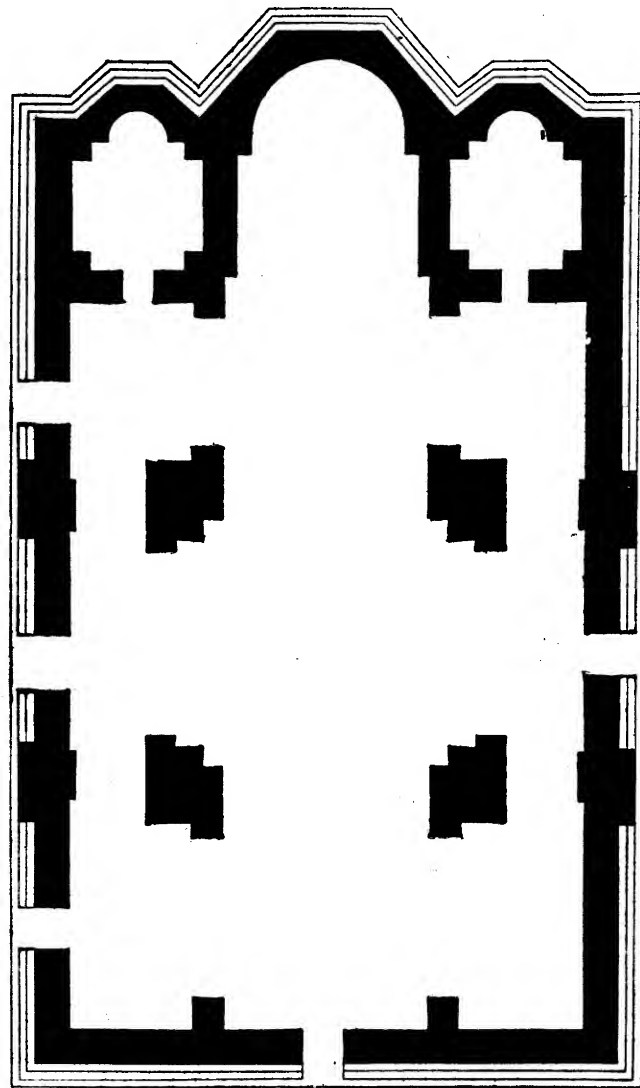
2) Ц. с., стр. 106—122. Надѣясь въ недалекомъ будущемъ особо вернуться къ вопросу объ армянскихъ датированныхъ надписяхъ VII вѣка, пока считаю необходимымъ указать, что теперь я бы не рѣшился съ такой опредѣленностью высказывать сомнѣніе въ подлинной принадлежности всѣхъ этихъ надписей ко времени, на которое указываютъ ихъ даты (ср. цит. соч., 106).

3) Я. И. Смирновъ обратилъ мое вниманіе на фотографію армянскаго храма близъ Низибина (Strzygowski, Amida, стр. 271), весьма сходнаго по формамъ съ Багаванскимъ; къ сожалѣнію, опредѣленныхъ свѣдѣній о памятникѣ нѣтъ, такъ что трудно судить, насколько велико это сходство.

4) До сихъ поръ о Багаванскомъ храмѣ можно было судить только по схематическому, притомъ искаженному при изданіи, рисунку Бартоломея (см. Алишанъ, *Описание*, 529). Рисунокъ въ изданіи давалъ настолько превратное представленіе о формахъ храма, что онъ былъ даже отнесенъ къ группѣ древнѣйшихъ крестообразныхъ храмовъ Арменіи.

5) См. Орбели, Предварительный отчетъ о командировкѣ въ Азіатскую Турцію въ 1911—1912 гг. (ИАН, 1912), стр. 925.

центрального купола. Своими размѣрами, о которыхъ даетъ представленіе прилагаемый планъ¹⁾, храмъ, имѣющій въ длину свыше 46 м., въ ширину

Планъ Багаванскаго храма.

свыше 27 м. и въ высоту около 20 м. (не считая купола), производитъ очень величественное впечатлѣніе, особенно внутри.

1) Планъ этотъ вычерченъ со всею доступной мнѣ точностью на основаніи подробныхъ обмѣровъ, произведенныхъ мною, но, къ сожалѣнію, нѣсколько искаженъ при изгото-

Храмъ окруженъ ступенями (импость). Кладка этихъ ступеней сейчасъ производитъ впечатлѣніе менѣе тщательной, чѣмъ въ другихъ частяхъ храма, что можетъ быть объяснено ихъ большей подверженностью порчѣ. Съ южной стороны ступеней сейчасъ вовсе не видно, онѣ засыпаны, но, по словамъ церковнаго сторожа, когда у южныхъ дверей храма рыли могилу для одного монаха, то ступени помѣшали достаточно углубить могилу, и монаха пришлось похоронить на одной изъ ступеней. Съ остальныхъ трехъ сторонъ храма сейчасъ видны три ступени, двѣ надъ землей, третья—на уровнѣ земли; вѣроятно, ихъ было больше, такъ какъ трудно допустить чтобы площадь вокругъ храма была, какъ сейчасъ, на уровнѣ его пола.

Стѣны храма, сложенные съ большимъ мастерствомъ, не подавляютъ своей толщиной и скорѣе кажутся слишкомъ тонкими для такого большого зданія. Сѣверная стѣна храма въ пролетѣ средней двери имѣетъ 1,51 м. толщины; стѣны внутреннія, отдѣляющія придѣлы отъ храма немного тоньше—1,33 м.

По своимъ размѣрамъ камни кладки храма не обращаютъ на себя вниманія, за исключеніемъ, впрочемъ, одного, углового, въ сѣверо-восточномъ внѣшнемъ углу храма, въ первомъ ряду кладки; сторона его, обращенная на сѣверъ, имѣетъ 2,42 м., при вышинѣ 0,71 м. и толщинѣ (съ востока) 0,47 м. Затѣмъ, какъ это всегда бываетъ въ древнѣйшихъ, современныхъ нашему, храмахъ Арменіи, очень велики камни, служащіе перемычками надъ широкими внѣшними дверьми; на примѣръ, перемычный камень западной изъ трехъ дверей сѣверной стѣны храма (снаружи) имѣетъ въ длину 2,85 м.; камень южной двери 3,02 м.; камень восточной изъ трехъ сѣверныхъ дверей 3,38 м. (теперь онъ треснулъ и раздѣлился на двѣ неравныя части); наконецъ, камень средней сѣверной двери (служащей для входа и теперь) достигаетъ 3,58 м.

Камни обтесаны весьма тщательно и въ основныхъ частяхъ зданія вполне однообразно. На камняхъ древней отески имѣются такіе же знаки, какъ на другихъ древнѣйшихъ храмахъ Арменіи, какъ напр., въ Мренѣ и Агарахѣ, въ видѣ ромбика, увѣнчаннаго крестомъ. Отличается лишь способъ отески камней въ позднѣйшихъ частяхъ, возведенныхъ при обновленіи храма, въ сѣверной части западной стѣны (рис. 3), подъ фронтономъ этой же стѣны, а также на крышѣ; что касается до барабана и купола, то тутъ

влеченіи сильно уменьшеннаго клише (искажены углы, что особенно замѣтно на пилонахъ). Считаю, тѣмъ не менѣе, лишнимъ приводить здѣсь цифры обмѣровъ, надѣясь, что храмъ этотъ въ близкомъ будущемъ будетъ какъ слѣдуетъ обмѣренъ и описанъ.

отличается не только способъ отески, но и самый камень и способъ его кладки. Наконецъ, отличія есть и въ способѣ отески камней, употребленныхъ для закладки и передѣлки дверей и оконъ, причемъ камни, которыми заложены двѣ боковыя сѣверныя двери, отличны отъ другихъ и наиболѣе близко подходятъ къ камню основныхъ частей храма, а въ окнахъ — тождественны съ камнями обновленной западной стѣны.

Стѣны храма мѣстами производятъ впечатлѣніе большой пестроты, какъ будто отдѣльныя части одной и той же стѣны возведены въ различное время (что хорошо видно и на фотографіяхъ); но это объясняется исключительно вывѣтриваніемъ камня, особенно въ тѣхъ частяхъ, которыя были наиболѣе доступны для водъ, стекающихъ съ крыши. Особенно бросается въ такихъ случаяхъ въ глаза разница въ отескѣ краевъ камня, такъ какъ на вывѣтрившихся частяхъ исчезли фаски, снятыя съ большой тщательностью по всѣмъ гранямъ камня и придающія удивительно стройный и изящный видъ стѣнѣ. Основной цвѣтъ камня сѣрый, но въ наиболѣе древнихъ частяхъ зданія снаружи камень на поверхности пріобрѣлъ мѣстами темный красноватый тонъ¹⁾.

Если не считать украшеній сѣверной и южной дверей и наличниковъ восточныхъ оконъ, храмъ лишенъ какихъ бы то ни было украшеній. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ сохранился типичный древній карнизъ съ зубцами.

Храмъ имѣлъ пять дверей, три изъ которыхъ находились въ сѣверной стѣнѣ, одна въ южной и одна въ западной. Двери при одной и той же вышинѣ, съ незначительными колебаніями — 2,85 м. (снутри), были неодинаковой ширины; шире всѣхъ средняя въ сѣверной стѣнѣ — 2,39 м. (снаружи), затѣмъ западная — 2,04 м., восточная изъ сѣверныхъ — 1,91 м., южная — 1,89 м. и, наконецъ, западная изъ сѣверныхъ.

Внѣшность дверей также была не одинакова. Двѣ боковыя сѣверныя двери были совершенно просты, покрыты громадными перемычными камнями и не имѣли никакихъ украшеній.

Надъ средней дверью сѣверной стѣны (рис. 10), надъ перемычнымъ камнемъ, выступаетъ арка въ половину круга, украшенная листиками съ кружечками въ нихъ, размѣщенными совершенно необычнымъ образомъ, не острыми къ центру круга, а наоборотъ. Подъ этой аркой на отдѣльной

1) Эти красноватые пятна невольно заставляютъ вспомнить слова Захаріи Долгорукаго, который передаетъ Киракосъ (М., стр. 108): предавая сожженію запертыхъ въ мечети ардебильцевъ, Захарія объяснилъ этотъ свой поступокъ мстью за сожженныхъ въ Нахчаванѣ армянскихъ князей и «армянскихъ священниковъ Багавана, которыхъ заклали и кровь разбрызгали по стѣнѣ церкви, такъ что до сихъ поръ мѣсто кажется почернѣвшимъ».

плитѣ вырѣзана армянская надпись, содержащая Евангельскій стихъ (Мѣ. 21,44). Эта надпись начертана, несомнѣнно, значительно позже построенія церкви.

Аналогично была украшена южная дверь, (рис. 7), не имѣвшая надписи. Надъ перемычнымъ камнемъ помѣщается арка съ расходящимися основами, средняя полочка которой украшена зубцами, съ углубленными между ними промежутками въ $\frac{3}{4}$ круга; рельефныя части полочки заполнены трилистниками. Западная дверь, кажется, тоже имѣла арочку такого же рода, но отъ ея первоначальнаго вида снаружи не сохранилось ничего, даже перемычного камня.

Вообще всѣ пять дверей храма подверглись тѣмъ или инымъ измѣненіямъ. Наиболѣе древней изъ передѣлокъ мнѣ представляется закладка двухъ боковыхъ сѣверныхъ дверей, произведенная наиболѣе тщательно, съ отеской камней, довольно близкой къ отескѣ камней исконныхъ частей храма. Въ послѣдующее время была произведена закладка южной двери храма. Всѣ эти три двери заложены наглухо, причемъ въ западной изъ двухъ боковыхъ сѣверныхъ оставлена ниша, а въ восточной изъ нихъ устроена купель. Снаружи, на кладкѣ, заполняющей восточную изъ этихъ дверей, (рис. 11) и вокругъ нея видно множество грубо высѣченныхъ знаковъ, напоминающихъ своимъ видомъ тамги и выбитые на «ртутныхъ сосудахъ» знаки. При закладкѣ этихъ двухъ дверей былъ восполненъ перерывъ двухъ верхнихъ ступеней, окружающихъ храмъ (ступени прерывались всѣми пятью дверьми, у перестроенныхъ дверей перерывъ этотъ шире нынѣшняго пролета).

Главная сѣверная дверь храма (рис. 10) перестроена. Въ пролетѣ ея была возведена надломленная въ серединѣ арка, украшенная на лицевой сторонѣ неглубокой рѣзбой, окаймленной сталактитами. Арка опирается на декоративныя сталактитовыя капители едва намѣченныхъ полуколонокъ. Дверь помѣщается въ глубокой нишѣ подъ этой аркой, причемъ лицевая стѣна украшена довольно грубыми розетками и еще болѣе грубыми крестами; маленькая дверь (шир. 1,08 внутри) совершенно не соотвѣтствуетъ величественности зданія.

Суженію подверглась и западная дверь. Западная дверь къ моменту обновленія вѣроятно обрушилась, вслѣдствіе чего при обновленіи ея былъ изъятъ перемычный камень. Сейчасъ дверь перекрыта надломленной въ серединѣ арочкой, опирающейся на тонкія декоративныя полуколонки, увѣнчанныя орнаментованными капителями. Лицевая сторона арки украшена рельефнымъ плетеніемъ, окаймленнымъ болѣе мелкой и сложной рѣзбой.

Дверь помѣщается въ глубокой нишѣ подъ этой аркой и обрамлена широкой полосой фальшивой мозаики крестовъ. Еще позднѣе эта дверь была заложена.

Стремленіе къ суженію дверей проявилось и на внутреннихъ, ведущихъ въ придѣлы, дверяхъ, которыя также были значительно сужены.

При входѣ въ храмъ особенно поражаетъ необычайное для болѣе позднихъ армянскихъ церквей обиліе оконъ и свѣта. Внутри храмъ и сейчасъ достаточно освѣщенъ, особенно въ центральныхъ частяхъ, несмотря на то, что большая часть его оконъ заложена.

Храмъ (помимо придѣловъ) освѣщался кромѣ оконъ, находившихся въ куполѣ, еще 45 окнами; изъ нихъ 6 находились въ алтарной апсидѣ, 2 въ сводахъ западнаго крыла съ боковъ, 14 въ южной стѣнѣ, 10 въ западной и 13 въ сѣверной стѣнѣ храма. Изъ послѣднихъ 37-ми оконъ — 16 находились въ одномъ ряду, на высотѣ 3,45 м. отъ уровня пола; на той же высотѣ находятся и три главныхъ окна алтарной апсиды.

Окна южной стѣны (рис. 8, 6, 9) были размѣщены слѣдующимъ образомъ (внутри). Въ боковыхъ частяхъ надъ парными большими окнами помѣщается по одному окну той же формы, но въ прямоугольныхъ нишахъ и значительно меньшихъ размѣровъ. Въ средней части окна размѣщены въ три яруса. Въ первомъ ряду—два парныхъ окна; во второмъ ряду, значительно выше, три окна: среднее большое, боковыя—малыя. Въ третьемъ ряду опять три окна: среднее—обычной формы, боковыя—круглыя; при этомъ среднее окно помѣщено въ большой полукруглой нишѣ, почти втрое шире окна, а боковыя — въ меньшихъ прямоугольныхъ нишахъ.

Въ сѣверной стѣнѣ окна размѣщены совершенно такимъ же образомъ, съ разницей лишь въ третьемъ ярусѣ оконъ. Тутъ былъ оставленъ слишкомъ широкій простѣнокъ между восточнымъ окномъ и тѣмъ большимъ полукругомъ, въ которомъ помѣщается среднее окно, вследствие чего западное окно не умѣстилось; кромѣ того тутъ боковыя окна третьяго яруса не круглы, какъ въ южной стѣнѣ, а имѣютъ обычную форму.

Распределеніе оконъ западной стѣны аналогично. Въ боковыхъ частяхъ надъ большими окнами нижняго ряда имѣется по одному малому окну той же формы, но въ прямоугольной нишѣ. Въ средней части окна расположены въ три яруса. Въ первомъ ряду большія парныя окна, во второмъ три окна, изъ которыхъ среднее громадныхъ размѣровъ, а боковыя малыя, и въ третьемъ ряду три малыхъ окна или одно тройное окно, раздѣленное на три части двумя колонками съ капителями.

Въ алтарной апсидѣ помимо трехъ оконъ нижняго ряда имѣлось еще

три окна, изъ нихъ одно прямоугольное — надъ конхой, а два круглыхъ — по сторонамъ престола наверху. Въ одномъ ряду съ этими круглыми окнами размѣщены были въ апсидѣ три круглыхъ же, но фальшивыхъ окна, какъ снаружи.

Помимо перечисленныхъ, имѣлись еще два очень маленькихъ окна, помѣщенныхъ въ широкихъ полукруглыхъ нишахъ въ нижнихъ частяхъ свода, покрывающаго западное крыло храма, по одному съ юга и съ сѣвера; эти окна находятся сейчасъ же надъ арками, соединяющими пилоны съ западными пилястрами.

Придѣлы храма освѣщаются каждый двумя окнами, изъ которыхъ одно большое находится все въ томъ же первомъ ряду въ апсидѣ, а другое, меньшее, вверху въ боковой стѣнѣ. Наконецъ, кромѣ всѣхъ этихъ оконъ, въ выступахъ южной и сѣверной стѣнъ имѣется по одному окну (а въ сѣв.-вост. — два) для освѣщенія ходовъ ведущихъ въ комнатки, о которыхъ см. ниже.

Окна въ большинствѣ прямоугольныя съ полукруглымъ верхомъ; у пяти восточныхъ оконъ (рис. 4 и 5), верхъ которыхъ не полуциркуленъ, какъ у другихъ, а подковообразенъ, подковообразность, особенно хорошо видная на центральныхъ окнахъ апсиды, замѣтна также и въ формѣ наличниковъ. Самое присутствіе этихъ наличниковъ составляетъ также особенность восточныхъ оконъ храма; остальные окна лишены ихъ. Наличники оконъ боковыхъ апсидъ въ рельефѣ не выходятъ за поверхность стѣны, представляя собою углубленный желобокъ съ идущими вдоль него полуваликами, наличники же трехъ оконъ главной апсиды сильно выступаютъ и идутъ непрерывной линіей. Круглыми наличниками снабжены также круглыя окна и фальшивыя окна главной апсиды.

Какъ видно на прилагаемомъ планѣ, центральное мѣсто въ храмѣ занимаютъ четыре массивныхъ толстыхъ пилона, необычнаго для армянскихъ памятниковъ вида, соединенные арками съ противолежащими имъ пилястрами. Эти арки выдѣляютъ изъ общей площади храма угловыя части, имѣющія свое особое перекрытіе, независимое отъ перекрытія центральной части храма, благодаря этому получающей крестообразную форму.

Крылья этого креста покрыты сводами, въ сѣченіи имѣющими, кажется, нѣсколько больше полукруга. Въ центрѣ креста находится новый нѣсколько приплюснутый куполъ безъ барабана, въ которомъ прорѣзано 8 оконъ, по числу граней внѣшняго барабана. Высота карниза, идущаго подъ окнами, надъ поломъ — 18,70 м.; діаметръ купола около 10,50 м.

Угловыя части храма покрыты крестовыми сводами. Въ мѣстѣ пере-

сѣченія сводовъ были, вѣроятно, подвѣшены свѣтильники, судя по сохранившемуся въ сѣв.-зап. углу въ серединѣ сталактитовому подвѣсу съ кольцомъ.

Алтарное возвышеніе и имѣющееся на немъ довольно сложное сооруженіе — новѣйшаго происхожденія и, вѣроятно, связаны съ реставраціей храма. Лицевая сторона алтарнаго возвышенія лежитъ на одной линіи со сторонами пилястровъ восточной стѣны. По обѣ стороны алтарнаго возвышенія, общая ширина котораго равняется 9,02 м., имѣются лѣстницы въ 4 ступени (считая полъ возвышенія). Вышина алтарнаго возвышенія 1,12 м.; на разстояніи 1,11 м. отъ наружнаго края полъ возвышается на одну ступень. Средняя часть алтарнаго возвышенія занята сооруженіемъ, основу котораго составляютъ четыре восьмигранныхъ колонны съ квадратнымъ основаніемъ и четыре пилястра у сѣв. и южной стѣнъ. Между этими колоннами и пилястрами перекинута арка, такъ что получается три квадрата изъ арокъ, перекрытые низкими куполами, средній изъ которыхъ увѣнчанъ пирамидальнымъ внѣшнимъ куполомъ, покоящимся на колонкахъ.

По сторонамъ алтарнаго возвышенія находятся два придѣла, покрытые крестовыми сводами. Алтарныя возвышенія и престолы въ томъ видѣ, какъ они сохранились сейчасъ, новы и никакого интереса не представляютъ.

Утолщенія сѣверной и южной стѣнъ храма, образованныя снаружи контрфорсами, использованы для устройства въ нихъ узкихъ (0,62 м.) ходовъ съ каменными крутыми ступенями, ведущихъ въ маленькія комнатки. Ходы начинаются открытыми дверьми съ полукруглымъ верхомъ, помѣщающимися въ серединѣ каждаго изъ сѣверныхъ и южныхъ пилястровъ, затѣмъ подъ прямымъ угломъ поворачиваютъ на востокъ — въ двухъ восточныхъ, и на западъ — въ двухъ западныхъ ходахъ, затѣмъ лѣстницы прерываются, ходы поворачиваютъ въ обратную сторону и выходятъ въ уголъ комнатокъ. Самыя комнатки помѣщаются надъ арками, перекинутыми между пилястрами и пилонами, въ толщѣ сводовъ, и, если бы не двери ходовъ, существованіе комнатокъ не могло бы быть заподозрѣно, хотя онѣ получаютъ свѣтъ черезъ маленькія отверстія, открывающіяся во внутрь храма. Ходы освѣщаются окнами, размѣщенными по одному во всѣхъ четырехъ контрфорсахъ. Въ тщательно осмотрѣнной сѣверо-восточной комнаткѣ мнѣ не удалось найти ничего интереснаго. Комнатка въ планѣ прямоугольна, въ длину (с.-ю.) имѣетъ 3,56 м., въ ширину (з.-в.) — 2,49 м. Помимо этихъ комнатокъ, по словамъ церковнаго сторожа, имѣется еще какой то мало доступный тайникъ, но гдѣ именно, онъ не смогъ мнѣ объяснить.

Въ сѣверной стѣнѣ сѣверо-восточной комнатки помимо входа имѣется

еще и отверстіе для выхода на террасу крыши. По словамъ церковнаго сторожа, выходъ на крышу имѣетъ также и юго-западная комнатка, но я ограничился осмотромъ сѣверо-восточныхъ и юговосточныхъ террасъ крыши. Всего такихъ террасъ храмъ имѣетъ шесть, по одной на западныхъ углахъ и по двѣ на двухъ восточныхъ. Изъ этихъ террасъ, имѣющихъ сейчасъ почти горизонтальный каменный полъ, четыре покрываютъ собою угловыя части храма, которыя внутри перекрыты крестовыми сводами, а двѣ восточныя — придѣлы. Соотвѣтственно съ этимъ, четыре главныхъ террасы помѣщаются метра на два выше остальныхъ двухъ.

Какъ совершенно ясно видно по слѣдамъ древней кладки въ югозападномъ углу главной сѣверовосточной террасы, прежде полъ ея вовсе не былъ горизонталенъ, т. е. не существовало и самой террасы, а была крыша съ довольно значительнымъ скатомъ и на сѣверъ и на востокъ. Такъ же точно не было, вѣроятно, и террасъ надъ придѣлами: вмѣсто нихъ были двускатныя крыши, кончавшіяся на востокѣ малыми фронтонами, что болѣе гармонировало бы съ полуконическимъ перекрытіемъ трехъ апсидъ. Вообще вся крыша подвергалась капитальной передѣлкѣ, причемъ реставраторы не ограничились только замѣной старыхъ плитъ новыми и обтесанными заново, но измѣнили, на примѣръ, и уклонъ двускатныхъ частей: въ томъ же мѣстѣ видны на стѣнѣ слѣды стараго перекрытія сѣвернаго крыла основного креста храма; уклонъ крыши, несомнѣнно, былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ имѣетъ сейчасъ. Такіе же своды имѣются въ другихъ частяхъ крыши. Да и на фронтонахъ перекрытій крыльевъ тоже имѣются слѣды передѣлокъ, особенно хорошо это видно на фронтонѣ западнаго крыла (рис. 3).

Устройство террасъ было вызвано приспособленіемъ крыши храма для обороны. Съ этой послѣдней цѣлью всѣ шесть террасъ были окружены каменными стѣнками, достаточно высокими, чтобы за ними можно было укрыться отъ пуль. Стѣны эти, тщательно сложенные изъ тесаннаго камня, не толсты (кажется, не болѣе 0,30 м.), но прочны, и снабжены большимъ количествомъ узкихъ бойницъ, имѣющихъ значительное расширеніе внутрь. Стѣнки, защищающія южныя террасы нѣсколько выше, чѣмъ у сѣверныхъ, такъ какъ съ этой стороны большія выгоды для нападающихъ представляетъ гора Нпатъ. Террасы довольно просторны; напр., верхняя сѣверо-восточная терраса имѣетъ въ длину (з.-в.) 9,91 м., а въ ширину (с.-ю.) 6,49 м. Существованіе террасъ можетъ отразиться губительно на храмѣ: вода тутъ застаивается, особенно весной при таяніи снѣговъ, и просачивается сквозь своды храма и даже вливается внутрь черезъ выходъ на крышу.

Устройство террасъ и защитныхъ стѣнокъ съ извѣстной осторожно-

стью можно было бы отнести къ моменту реставраціи храма въ XVIII вѣкѣ. Правда камень на крышѣ и на защитныхъ стѣнкахъ, хотя и тотъ же, что въ сѣв.-западн. углу храма, принялъ нѣсколько иной тонъ, чѣмъ на западной стѣнѣ, но это можетъ быть объяснено различной подверженностью атмосферическимъ вліяніямъ: новый камень западнаго фронтона имѣетъ совершенно тотъ же цвѣтъ, что въ сѣверной части западной стѣны, гдѣ больше всего было восстановлено.

Надписи.

Изъ сохранившихся на стѣнахъ Багаванскаго храма надписей для насъ представляютъ интересъ одиннадцать армянскихъ, двѣ сирійскихъ, одна арабская и одна греческая (?). Кромѣ того, имѣется много краткихъ поминальныхъ надписей, сдѣланныхъ на скорую руку, уродливыми буквами, почти всегда—безъ датъ; большинство изъ нихъ относится къ самому позднему времени¹⁾.

Надписи сирійскія и арабская, уже извѣстныя по неполнѣ точнымъ рисункамъ ген. Бартоломея²⁾, но, кажется, никѣмъ еще не разобранныя³⁾, будутъ изданы Н. Я. Марромъ. Двѣ древнѣйшія изъ армянскихъ надписей, 1 и 2, уже были изданы⁴⁾; остальные слѣдуютъ ниже.

3. Надъ сѣверной средней дверью храма, снаружи, на плитѣ, находящейся въ серединѣ образованнаго арочкой полукруга, надпись въ 3 строки.

ՈՐԱՆԿՑԻԻՎՐՅՎԻՄԻՍԱՅ

ՍՈՐԻԿԻՇՐԵՍՑԻԵՅՈՅՐՎՐՅԱՆ

3 ԿՅԻՀՈՍ ԵՍՑԷ ԶՆԱ.

ՈՐ ԱՆԿՑԻ Ի ՎԵՐԱՅ ՎԻՄԻՍ ԱՅՈՐՈՎ ՓՆԵՍՅԻ ԵՒ ՅՈՅՐ ՎԵՐԱՅ ԱՆԿՑԻ ՀՈՍԵՑԷ ԶՆԱ:

Тотъ, кто упадетъ на этотъ камень, разобьется, а на кого онъ упадетъ, раздавитъ того.

1) Среди нихъ имѣются и русскія, напр., на вост. грани барабана купола, памятники 1877—1878 гг.

2) Алишанъ, *Сборникъ*, 530—531.

3) У Алишана (ц. м.) приводится, впрочемъ, попытка чтенія нѣсколькихъ словъ одной изъ надписей.

4) Орбели, Багаванская надпись 639 г., 106—122 и 123—126.

Текстъ (Мф. 21,44) не представляетъ никакихъ особенностей, опущенъ лишь союзъ *Եւ* въ началѣ стиха. Судя по письму, надпись не должна быть древнѣе XI—XII вв.

4. На западной сторонѣ сѣверо-западнаго пилона, на выступѣ, надпись въ 3 строки инициальными буквами. Буквы надписи закрашены краснымъ; двоеточіе въ концѣ—только краской.

ՔՐԻՍՏՈՒ ՔՈՓԱՌՈՐ ԳԱՀՐՅԱՆՆ ՈՂՈՐԴԱ ՍԵՓԱՆՈՐ ՓԱՊԱՊԻ

ՈՂՈՐԴԱ ՍԵՓԱՆՈՐ ՓԱՊԱՊԻ

3 ԹՈՒԻՐԻՆԱՆԶԱՍԱ:

ՔՐԻՍՏՈՒ ՔՐ Ի ՔՈ ՓԱՌՈՐ ԳԱՀՐՅԱՆՆ ՈՂՈՐԴԱ ՍԵՓԱՆՈՐ ՓԱՊԱՊԻ ՍՈՐԻԿ ԵՒՍԻՆ ԳԱՀՐՅԱՆԱ:

Христе Боже, при твоёмъ славномъ пришествіи помилуй Степана, ключаря святого братства Гандзасара.

Весьма вѣроятно, что эта надпись принадлежитъ тому же ключарю Степану, который уже извѣстенъ намъ по двумъ надписямъ.

Первая изъ этихъ надписей¹⁾ находится на западной стѣнѣ притвора Гандзасарскаго монастыря и, слѣдовательно, не можетъ быть древнѣе 1261 г., когда былъ выстроенъ притворъ²⁾; надпись читается:

ՔՐ ՈՂՈՐԴԱՅ ՍԵՓԱՆՈՐ ՓԱՊԱՊԻ ՍՈՐԻԿ ԿԱՔՈՂԻՐԻՍ..... *Боже, помилуй Степана, ключаря сего святого собора и т. д.*

Другая надпись Степана находится на сѣверной стѣнѣ малаго притвора въ Сананиѣ и датирована 1263 г.³⁾:

ԶԻՐ: ՅՈՒՍՈՎ. ԱՆՍԱՀԻՆ ԵՍ ՍԵՓԱՆՈՐ ԳԱՀԱՆ ՓԱՊԱՊԻ ՍՈՐԻԿ ԵՒՍԻՆ ԳԱՀՐՅԱՆԱ..... 712. *Съ надеждой на Безсмертнаго я, священникъ Степанъ, ключарь святого братства Гандзасара и т. д.*

Наша надпись должна относиться къ этому же, приблизительно, времени, т. е. къ 50/60-ымъ годамъ XIII в.; характеръ ея буквъ и составъ лигатуръ вполне подтверждаютъ это.

1) Орбели, Надписи Гандзасара и Авоцптука (BAG, VI), н. 55.

2) Орбели, Асанъ Джалаль, князь Хаченскій (ИАН, 1909), стр. 414.

3) С. Теръ-Аветисянъ, Надписи Санана (BAG), н. 10 (цит. по корр.).

Я, вардапетъ Мхитаръ, съ соизволенія вардапета hАйрапета пожертвовалъ этотъ каменный настилъ въ (счетъ) стараго вознагражденія, въ память о души моей. Лѣта 1177 (1170 есть) [=1728 (1720) г.].

Въ предлагаемомъ раскрытомъ чтеніи, съ восполненіемъ сокращенно, хотя и не подъ титломъ, написанныхъ словъ, сохранены интересныя народныя формы, какъ ԽԻՆՆ ԵՄ. ՀԻՆՆ.

8. Внутри храма, на сѣверной сторонѣ юго-восточнаго пилона надпись инициальными буквами, скрытая тонкимъ слоемъ штукатурки съ росписью; не рѣшаясь удалить эту штукатурку, я смогъ прочесть лишь слѣдующее:

--ԼԱԿԻՄԻՔԱՂԱՔԷՍ:--ՍԱՐՈՅՈՐԷՅՈՐԷ

ԻԴՐԱՄԱԳԻՆԿՈՊԱԿՆՅԱՅՍՍԲԷԿԵՂԷ

3 ՅԻՍՁԱՂԱՐՈ-ՅԱԲԵԺԱՄԵԶԿԻՍՆԻՆ

ԶԵԿԶՈՒՓՍԷՄԵԱԶՈՒՆԻՈՔԻՇԻԱՆՈՒԹ

ՈՉԻՍՈՑԵԻՈՉԵԱՅՍԱՐԱՅԶԱՅՐԵՆԻԿԵԿ

6 ԵՂԵՑՈՅՍ---ԱՆԳԳԻՆԻԱՆԷԾՍՅԱ---

ԵՍ ՅՈՂԱԿԻՄ Ի ՔԱՂԱՔԷՍ ՍԱՐՈՅ ՈՐ ԷՑՈՒ ԶԻՄ, ԴՐԱՄԱԳԻՆ ԿՈՊԱԿՆ ՅԱՅՍ ՍՈՒՐԵ ԷԿԵՂԵՑԻՍ ՂԱԶԱՐՈՐԷՑ ԵՄԻՆ ԺԱՄԵ ԶԿԻՍԵ ԻՆԶ ԵՒ ԿԻՍԵ, ՀՈՒՓՍԷՄԵԱ: ԶՈՒՆԻ ՈՔ ԻՇԽԱՆՈՒԹԻՆԻՆ, ՈՉ ՅԻՍՈՑ ԵՒ ՈՉ ՅԱՅՍԱՐԱՅ ՀԱՅՐԵՆԻԿ ԵԿԵՂԵՑՈՅՍ ԽԱՓԱՆԵԼ: ԴՈՂ ՅՈՂԱԿԻՄ ԱՆԷԾՍ ՅԱՆԷՑ ԱՌՑԷ:

Я Иоакимъ изъ города пожертвовалъ купленную мною лавку въ эту святую церковь. Половину часовъ въ праздникъ Лазаря (пусть слушаютъ) мнѣ, половину Рипсиміи. Никто, ни изъ моихъ (родичей) ни изъ чужихъ, не имѣетъ права отнять (эту) вотчину у церкви. Кто осмѣлится 'да получитъ' проклятіе отъ Бога.

Въ текстѣ имѣемъ ореографическія непослѣдовательности, народныя формы (ԿԻՍԵ, если это прочтено правильно), интересную діалектическую форму имени ՀՈՒՓՍԷՄԵԱ, которую, однако же, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить опиской, какъ ԶԱՂԱՐՈՅ ԵՄ. ՂԱԶԱՐՈՅ.

Время начертанія этой надписи не опредѣляется.

9. Подъ этой надписью были еще одна или двѣ надписи инициальнымъ письмомъ, но изъ нихъ удастся вычигать лишь нѣсколько словъ.

ՏՈՒՐ ԶԻՄ ԱՅԿԻՆ ՄԻ (я) пожертвовалъ мой виноградникъ святой 'церкви'.

Греческая(?) надпись. На западной сторонѣ выступа сѣверозападнаго пилона, подъ надписью 4 находится надпись въ двѣ строки инициальными

греческими буквами, не вырѣзанными, а написанными красной краской, такую же, какою закрашены буквы надписи 4. По мѣстонахожденію она составляетъ какъ бы непосредственное продолженіе этой надписи.

:ΑΡΙΕΝ

ΣΑΥΓΑΤΙΚΟΣ ΓΡΙΓΟΡ

Въ этой странной надписи мнѣ понятно только одно собственное имя, Григорій. Возможно даже, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ надписью не греческой по языку.

І. Орбели.

Еще о ковшѣ съ греческой надписью 1586 г.

Недавно, уже по отпечатаніи моей статьи: «Два серебряныхъ ковша XVI в. съ армянской и греческой надписями»¹⁾, А. К. Марковъ, ознакомившійся съ моей статьей, въ частной бесѣдѣ сообщилъ мнѣ, что онъ еще 18 лѣтъ тому назадъ занялся по просьбѣ акад. А. А. Куника разборомъ греческой надписи на ковшѣ Великаго Князя Алексѣя Александровича, прочелъ ее и перевелъ. При этомъ А. К. Марковъ показалъ мнѣ свою рукопись (того времени) и, когда я убѣдился, что его чтеніе и переводъ нѣсколько отличаются отъ предложенныхъ мною, любезно согласился на мою просьбу предоставить его замѣтку для напечатанія. Замѣтка эта приводится ниже полностью, въ томъ видѣ, какъ она была отредактирована А. К. Марковымъ въ 1898 г.

По моей же просьбѣ П. В. Ернштедтъ сообщилъ мнѣ письменно нѣкоторые свои замѣчанія по поводу той же надписи и предложеннаго мною чтенія; замѣчанія, съ согласія автора, приводятся ниже.

Интересъ, проявленный къ этому ковшу, даетъ основаніе надѣяться, что при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ мы получимъ и исчерпывающее объясненіе надписи на ручкѣ, пока все еще остающейся неполнѣ понятной.

I. O.

I.

Надпись на ново-греческомъ (ромѣйскомъ) языкѣ стихами.

Вокругъ чаши:

ΚΟΥΠΑ ΜΕ ΩΡΕΟΤΑΤΙ ΜΕ ΤΟ ΓΛΙΚΩΝ ΤΟ ΥΓΟΣ ΒΑΛΕ
ΣΚΟΠΩΝ ΠΡΟΣ ΤΗΝ ΔΕΞΙΑΝ ΚΕ ΓΥΡΙΣΕ ΤΟ ΓΥΡΟΣ ΓΑ
ΣΕ ΘΕΩΡΩΝ ΟΙ ΑΡΧΟΝΤΕΣ ΒΑΣΤΟΝΤΑΣ ΕΙΣ ΤΟ ΧΕΙΡΙ ΩΣ
ΠΙΝΟΥΝΤΩΝ ΑΠΟ.... (неразборчивое слово).

1) См. XV, V, в. 1, стр.

κοῦπα μοῦ ὡραιότατῃ με τὸ γλυκὸν τὸ οἶνος
βάλε σκοπὸν πρὸς τὴν δεξιὰν καὶ γύρισε τὸ γύρος
νὰ σὲ θεωρῶν οἱ ἄρχοντες βαστόντας εἰς τὸ χεῖρ
ὡς πινούντων ἀπὸ.....

*Чаша ты моя прекрасная со сладкимъ виномъ,
Направо обратись и обойди кругомъ,
Да видятъ тебя гавари держа въ рукѣ,
Когда выпиваютъ изъ...*

На ручкѣ:

Η
Ω
ΗΕΡΧ
ΕΤΑΠΘ
ΑΦΠ
Σ

ἔτ(ους) ἀπὸ τοῦ Χριστοῦ
1586 ιοδὲ μηνὸς Ρ. Χ.

Внутри изображеніе св. Георгія и надпись:

Θ ΓΙΩΓΙΟΣ

ὁ ἅγιος Γεώργιος *Св. Георгій.*

А. Марковъ.

14 декабря 1898 г.

II.

Языкъ надписи представляется не діалектическимъ, а образчикомъ простонародной *κοινή* XVI вѣка. Полное незнакомство автора стиховъ съ книжной орфографіей свидѣтельствуетъ только о соотвѣтственной степени его образованія. Предполагать, что онъ нетвердо зналъ греческій языкъ и принадлежалъ къ національности негреческой, я не сталъ бы. Въ пользу такого предположенія можно было бы сослаться только на странное примѣненіе *με* вм. *μου*. Однако, *με* — если оно не является неизвѣстнымъ мнѣ синтаксическимъ діалектизмомъ — я объяснилъ бы какъ графическое предвосхищеніе, по невнимательности составителя, слѣдующаго датѣ предлога *με*, благодаря одинаковости начальнаго согласнаго въ *μου* и *με*. Другая языковая неожиданность не доказательна, по вопросу о родномъ языкѣ автора, ни въ какую сторону: *τὸ ὕνος* = *τὸ οἶνος*, очевидно, создано для

даннаго стиха, при составленіи котораго оно подвернулось стихоплету вмѣсто неподходящаго по ударенію τὸ χρᾶσι. Являясь такой окказиональной licentia, τὸ οἶνος все же имѣетъ нѣкоторое оправданіе съ точки зрѣнія живого языка въ распространенности новогреческихъ вторичныхъ ss. n. на — ος (ср. τὸ γῦρος въ слѣд. стихѣ и сопоставленія Hatzidakis'a, Einleitung. i. d. ngr. Gramm., 356 sqq.). Къ заимствованіямъ автора изъ древняго словаря слѣдуетъ, вѣроятно, кромѣ слова οἶνος отнести еще предлогъ πρὸς и союзъ ὥς. Все остальное понятно изъ новогреческаго языка.

Къ изданію и переводу I. A. Орбели замѣчу слѣдующее. Вмѣсто ὡραιότητι слѣдуетъ по-новогречески читать ὡραιότατη, что естественно также съ точки зрѣнія стиха. Слова βᾶλε σκοπὸν πρὸς τὴν δεξιάν означаютъ: «ступай (или направься) въ правую сторону», собственно: «поставь (себѣ) цѣль по правую руку», и не могутъ быть поняты соотвѣтственно переводу издателя. По фотографіи ковша, предоставленной мнѣ издателемъ, я убѣдился въ необходимости читать βασιτώντας вм. читаемаго имъ βάζοντας (въ 3-емъ же ст.).

Перевожу слѣдующимъ образомъ:

*«О моя прекраснѣйшая чаша со сладкимъ виномъ,
держи путь вправо и обойди кругъ,
чтобы тебя созерцали господа, держа (тебя) въ руку,
(и) чтобы осушали они тебя, когда пьютъ его (т. е. вино)».*

П. Ернштедтъ.

Армянскія надписи на камнѣ.

Въ рядѣ мелкихъ замѣтокъ, объединенныхъ этимъ общимъ заглавіемъ, я имѣю въ виду давать текстъ и переводъ отдѣльныхъ армянскихъ монументальныхъ надписей, съ главной цѣлью — установленія текста. Чтобы не уклоняться отъ этой главной задачи, — увеличенія проверенныхъ надежнымъ образомъ армянскихъ эпиграфическихъ матеріаловъ, и чтобы не замедлять ея посильнаго разрѣшенія, придется пока, по возможности, воздерживаться отъ какихъ либо попытокъ къ изслѣдованію и объясненію издаваемыхъ текстовъ, хотя текстъ нерѣдко нуждается въ поясненіяхъ.

Переводъ дается, по возможности, близкій къ подлиннику, но, естественно, не свободный отъ нѣкоторой условности: избѣжать ея при лаконичности текста крайне трудно.

При каждой надписи даются ссылки на прежнія изданія; отличія въ чтеніи не указываются, кромѣ особенно существенныхъ. Ссылки на изданія, представляющія простую перепечатку чужого чтенія, какъ, напр., извѣстная работа Эмина¹⁾, не даются. Исключеніе сдѣлано лишь для трудовъ Алишана, такъ какъ не всегда можно рѣшить, даетъ ли онъ просто перепечатку или самостоятельное чтеніе.

1—4. Надписи о построеніи башенъ въ Карсѣ.

Приводимыя ниже надписи были высѣчены на башняхъ городской стѣны Карса; мѣстонахожденіе точно не опредѣляется, ни по Саргисяну, ни по Крпэ.

Текстъ установленъ по фотографіямъ Кюркчяна.

1. Надпись на трехъ грубо обтесанныхъ камняхъ рельефными буквами. Буквы разной величины, угловаты, интересны въ палеографическомъ

¹⁾ Армянскія надписи въ Карсѣ, Ани и окрестностяхъ послѣдняго. Переводъ Н. О. Эмина. М. 1881.

отношеніи, особенно 2 на камнѣ 1, въ стр. 3. Расположеніе строкъ на камняхъ необычно, подобное заполненіе надписью одного камня, потомъ другого и т. д. встрѣчается рѣдко. Нижняя часть второго камня промыта и вывѣтрилась.

[illegible]

Ի ՈՒԳ ԹՎ.ԻՍ ՇԵՆԵՑԱՒ ԲՈՒՐՋՆԱՍ ՅԻՇԱՏԱԿ ԽԱՉՈՏԻՆ ԿԱՆԿԻՑԱՍՏՈՑԸ. ԱՇ ՈՂՈՐՄԻ ՆՄԱՆ:

Въ мѣто 633 [1184] построена сія башня въ память кандидата
Хачота. Богъ да помилуетъ его.

Фот.: табл. XLIV. Изд.: Саргисянъ, 104; Алишанъ, ц., 85; Крпз, 25.

Всѣми издателями прочитана лишъ надпись на камнѣ 1.

2. Надпись рельефными буквами на двухъ камняхъ, на первомъ — 2, на второмъ — 4 строки. Надъ надписью крестный камень.

ՄԽԻԹԱԳՐԻԶԵԻՆԿԱՄԻՉ

029

3 ԵՐԱԾՁԱՒԱՅՈՋԹԱԳԱՒՐ
ՆՄԵՐԻՎ ԵՎ ԵԼԱԶԳԵՅԿԱՄ
ԱՐԵՑԱԲԲՐՋՆԵՐՍԶԵՌԱՄԲ
6 ԸՆԶԿԱՆՆԳԱԶՆԻՆԵՐՈՒՄԻՆ

ՄԽԻԹԱՐԻՉ ԳՐԻՉ ԵՒ ՆԿԱՐԻՉ :

[illegible]

Мхитаръ рѣзчикъ надписи и креста (букв.: писецъ и рисовальщикъ). 683 [1234]. Господи Боже, укрѣпи царицу (букв.: царя) нашу противъ мусульманъ (букв.: инородныхъ). Закончены сѣи башни руками Ындзика, Газана и Олта.

Фот.: табл. XLIV. Изд.: Саргисянъ, 104; Алипанъ, ц., 85; Крпз, 26.

Саргисяномъ и Алишаномъ не прочитано нѣсколько буквъ; у Алишана и Крпэ строка 1 тутъ опущена и отнесена къ другой надписи.

Въ текстѣ слово *მეფისა* вм. *მეფისაჲ* въ примѣненіи къ Русуданѣ (ср. надпись 3) употреблено, вѣроятно, въ соотвѣтствіе грузинскому *მეფა*.

3. Надпись рельефными буквами на двухъ камняхъ, на первомъ — 1 строка. Надъ надписью сохранилась нижняя часть крестнаго камня.

ኮፋሊኮህ፡በፂዩ

ՇՆՈՐՀԻԻՆԱՅԵԻՈՂՈՐՄՈ

4. **ԻԹԵԲԹԱԳԻՆՄԵՐՈՅԸՌՈՒ**

ԻՍՈՒԴԱՆԱՅՄԵՔԿԱՐ

ՈՒՑՔՐԻՍԱՅՈՆԱՅՔՍՄԵ

6 ԾԵՒՓՈՔՐՇԻՆԵՑԱՔԶ

ԲՐԶՆԵՐՍԻՅԻՇԱ՝ ՏԱԿՄ

ԷԶԵԼՊԱՐՈՆԻՆՄԵՐՈՅ

Ի ԹՎԻՍ ՈՃԳ: ՇԵՈՐՀԻՆ ԱՅ ԵՒ ՈՂՈՐՄՈՒԹԵԱՄԲ ԹԱԳԱԼՈՐԻՆ ՄԵՐՈՑ ԸՈՒՒՍՈՒԴԱՆԱՅ ՄԵԲ ԿԱՐՈՒՑ ՔԻՐՍՏՈՆԱՅՔՍ ՄԵԾ ԵՒ ՓՈՔՐ ՇԻՆԵՑԱՔ ԶԲՐՋՆԵՐՍ Ի ՅԻՇԱՏԱԿ ՄԵԶ ԵՒ ՊԱՏՐՈՆԻՆ ՄԵՐՈՑ:

Въ лѣто 683 [1284]. Благодатью Бога и милостью царицы (букв.: царя) нашей Русуданы, мы христіане Карса, великіе и малые, построили сѣи башни въ память о насъ и о господахъ (букв.: патронъ) нашей.

Фот.: табл. XLIV. Изд.: Саргисянъ, 104; Алишанъ, ц., 85; Крпэ, 25.

У всѣхъ издателей дата опущена.

4. Надпись на 1 камнѣ врѣзанными буквами.

--ԹՎԻՍՈՉԳԻԹԱԳԱԼՈ

ԲՈՒԹԵՍԸՌՈՒՍՈՒԴԱՆԱ.

3 ՅԱԹԱՊԱԿՈՒԹԵՆՆԻԻԱՆ

ԷԻՄԵՔԿԱՐՈՒՑՔԻՒՄՅՈՆԷ

ՔԱՇԻՆԵՑԱՔԶԲՐՋՆԵՐՍԻ

6 ՀԱԼԱԼԱՐԴԵԱՆՑՄԵՐՈՑ

Դի թվիս 0297 Ի ԹԱԳԱՒՈՐՈՒԹԵԱՆ ԸՌՈՒՄՈՒԴԱՆԱ ՅԱԹԱՊԱԿՈՒԹԵԱՆՆ ԻՒՆԵԻ ՄԵՔ
ԿԱՐՈՒՑ ԲՈՒՍՏՈՐՆԵՐՄ ՇԻՆԵՑԱՔ ԶԲՐՋՆԵՐՄ Ի ՀԱՆԱԼ ԱՐԴԵԱՆՑ ՄԵՐՈՑ :

Лѣта 683 [1284] въ царствованіе Русуданы, въ атабегство Иванъ, мы, христіане Карса, построили сіи башни на наши собствєнныя средства.

Фот.: табл. LXIV. Изд.: Саргисянъ, 104; Алишанъ, ц., 85; Крпэ, 26.

5. Надпись Проша о сооружении церкви в Айри-ванкѣ.

Въ Айри-ванкѣ (Ге'ардѣ), въ церкви С (по описанию и плану Сысоева), на южной стѣнѣ надпись въ 8 строкъ, за которою непосредственно слѣдуетъ приписка грубо и неумѣло вырѣзанными буквами, занимающая половину строкъ 8 и 9. Въ стр. 8, въ концѣ, описка: **Մ** вм. **Մ**; въ стр. 9 буквы **Վ** **Ս** на снимкѣ видны неясно.

Текстъ установленъ по фотографіи.

ԻՅԵՐՈՒԹԵՆԲԱԷՊԱՇՏՈՒՄԵՐԹԱԳԱԴՐԻՆՎԱՅ
ԱՍԳԻՆԵԻՇԱՀՆՇԱՀԻԵԻՄԴՈՆՄԱԶԱՔԱՐԱԲԵՍ
3 ՊՈՌՈՐԴԻՎԱՍԱԿԱՅԱԶԳԷՆԻԱՂԲԱԿԱԳԱՆԶԱԳԻ
ՆԱԸԻԻՅԵՐԱՆՑԱՇԻՄԵԾԱՀՈԶԱԿԱՅՐ
ԻՎԱՆԱԸԵՐԱՄԲԵԻԴԱՇՏԱԵԻԱՄԵՆԱՅՆԿԱԶՄՈՒ
6 ԹԲՐԿԱՅՐԻՍՄԱՓՐԵՑԻՎԻՄԵՐՈՒՆՍՅՅԻՇ
ԱՅԱԿԻՆԶԵԻՄԴԵԱՑԻՄՈՑԵԻԱՄՈՒՍԻՆԻՄՈՒՈ
ԻԹԼՈՒԹԱԹՈՒՆԻՆԻՄՄՈՒՔՆԶԱՄԷՆՎԻԻԴԻՄԲԵ
9 ՂԱԳԻՆՎԱՍ

Ի ՏԵՐՈՒԹԵԱՆ ԲԱՐԵՊԱՇՏ ԱԾԱՍԵՐ ԹԱԳԱԴՐԻՆ ՎԱՅ ԱԲԳԻՆ ԵՒ ՇԱՀՆՇԱՀԻ ԵՒ ՈՐԴՈ ՆՈՐԱ ԶԱՔԱՐԱԲԵՍ ԵՍ ՊՈՐՈՐ ԴՐԻՎԱՍԱԿԱ ՅԱԶԳԷՆ ԽԱՂԲԱԿԱ ԳԱՆԶԱԳԻՆ ԱՐԱՐԻ Ի ՏԵՐԱՆՑ ԱՇԽԱՐՀԻՍ ՄԵԾԱՀՈԶԱԿԵ ԱՑՐԻՎԱՆՍ ԼԵՐԱՄԲԵ ԵՒ ԴԱՇՏԱԵ ԵՒ ԱՄԵՆԱՅՆ ԿԱԶՄՈՒԹԵԱՄԲ ՈՐ ԿԱՅՐ Ի ՍՄԱ: ՓՈՐԵՑԻ Ի ՎԻՄԷ ՏՈՒՆ ԱՅ ՅԻՇԱՍԱԿ ԻՆԶ ԵՒ ՈՐԻՇԱՅ ԻՄՈՑ ԵՒ ԱՄՈՒՍԻՆ ԻՄՈ ԽՈՒԹԼՈՒ ԽԱԹՈՒՆԻՆ: ԻՄ ՄՈՒԼԻՔ ԶԱՄԷՆ ՏՎԻ Ի ՍՈՒՐԲ ԳԵՂԱՐԻՆ ՎԱՍՄ:

Во владычество благочестиваго, Боголюбиваго вѣнцезолагателя Грузин Авага и Шахншаха и сына его Захаріи, я Прошъ сынъ Васака, изъ рода Хаѣбака, купилъ отъ владѣтелей сей страны велеславный Айри-ванкѣ, съ горами и долами и со всѣмъ устроениемъ, которое въ немъ было. Выпѣкъ я въ скаль домъ Божій въ память обо мнѣ и сыновьяхъ моихъ и женѣ моей Хутлу-хатунъ.

Всѣ мои земельныя владѣнія я далъ въ вакфъ (обители) святаго Копъа.

От.: табл. XLV. Изд.: Шаххатунянцъ, II, 285; Манкуни, 24; С. Мхитарянцъ, 38; Алишанъ, II, 341; Сысоевъ, 13.

Надпись относится ко второй четверти XIII в.; точная дата у Костанянца (1214 г.) произвольна. Отличіе въ почеркѣ приписки отмѣчено всѣми издателями; по этой причинѣ Мхитарянцъ ее опускаетъ. Отчетливо видное слово **թագադրին** вѣнцезолагателя прочитано вѣрно только у перваго изда-

теля, Шаххатунянца; Манкуни — **թագադրին** царя; Мхитарянцъ — **թագադրածին** царероднаго, Алишанъ — **թագադրին**... царя..., Сысоевъ — **թագադրին** царя¹⁾.

6. Надпись Укана и Папкана о построении колокольни в Ани.

При раскопкахъ церкви на мѣстѣ холма № 101 въ Ани, подъ западной стѣной церкви, найдены 5 кусковъ камня съ надписью въ 6 строкъ. По содержанию — недостаетъ камня слѣва, и въ каждой строкѣ приблизительно 19-ти буквъ; правый край камня отбитъ.

Текстъ установленъ по фотографіи. Изломы буквъ въ наборѣ не сохранились.

- ԲԻՄԱՅԻՆԵԻՊԱԳԱՆՎԱԽԱՅԻ --
ԻՆՇԻՆԵՑԱՔԶԱՆԿԱԿԱՅՈՒՆՍԵԻ --
3 ԲՈՑՓՈԽԱՐԷՆՀԱՅՈՒՑԻՆՍՊԱՍԱ --
ՍԻՆՈՐԱՆԻՆՊԱՅԱԿԵՆԶՔՍ - =
ՆՍԱՐԳԻՍԵՔՍԹԷ - ԻՍԱՐԳՍԻԱՐՔԱՈ -
6 ՄԵԶՈՒՔԱՆԻՍ ԵՒՊԱԳՔԱՍԵԻԴԱԳՐ -

ԴՆՈՐԶԻՆ ԱՅ ԵՍ ՈՒՔԱՆ ՔԱՐԻՄԱԾԻՆ ԵՒ ՊԱՊԿԱՆ ՎԱՍԿԱՆԻՆ ԵՒ ՀԱՐՍԵ ԻՄ ԴԱՊՏԱՑ ԽԱԹՈՒՆ ՇԻՆԵՑԱՔ ԶԱՆԿԱԿԱՅՈՒՆՍ ԵՒ ԴՎԱԿ ԴՎԱԿ Ի ՀԱՂԱՂ ԸՆԶԻՑ ՄԵՐՈՑ: ՓՈԽԱՐԵՆ ՀԱՏՈՒՑԻՆ ՍՊԱՍԱԴՈՐՔ ԵԿԵՂԵՑՈՑՍ - ԱԻՐ ՅԵՐԿՈՒՄԻՆ ԽՈՐԱՆԻՆ ՊԱՏԱՐԱԳԵՆ ԶՔՐԻՍՏՈՒ ՏԱՐՈՒՄԵՆ - ԱԻՐ ՄԵՐ ՀԱԻՐԻՆ ՍԱՐԳՍԻ ԵՒ ՍԹԷ ՍԱՐԳՍԻ ԱՐՔԱՈՒՆԻՆ ԵՒ ՄԵՐԶԷ ԵՒ - ԱԻՐ ՄԵԶ ՈՒՔԱՆԻՍ ԵՒ ՊԱՊԿԱՆԻՆ ԵՒ ԴԱՊՏԱՑ ԽԱԹՈՒՆԻՍ...

Милостью Бога, я, Уканъ Каримадинъ и Папканъ Вахрадинъ, и невестка моя Данта-хатунъ построили сію колокольню и дали дары изъ собственнаго нашего имуществва. Взаимнѣ опредѣлили служители сей церкви совершать литургію Христу въ обоихъ приделахъ - дня въ году: - дня за нашего отца Саргиса и Сити и аркауна Саргиса и Мерчи, и - дня за насъ, Укана и Папкана и Данта-хатуну.

От.: табл. XLV. Изд.: Марръ, XI Ан. камп., 36.

У Н. Я. Марра текстъ безъ возстановленій.

1) Манкуни, судя по подчеркиванію буквъ ԱԲՈ, сознавалъ, что онъ измѣняетъ чтеніе подлинника, а Мхитарянцъ и Алишанъ, очевидно, желали осмыслить фразу, въ виду нелѣпости титулованія Авага, сына Иванъ, «царемъ Грузіи». Алишанъ предположилъ, судя по его многоточію, лакуну. Только редакторы «Матеріаловъ по Археологіи Кавказа», издавшіе матеріалы В. М. Сысоева, не смущаясь этой нелѣпостью, печатаютъ слово **թագադրին** и даже переводятъ надпись — безъ всякихъ оговорокъ. Повинны въ этомъ, какъ и въ неправильныхъ чтеніяхъ, именно редакторы, располагавшіе фотографіями, но отнюдь не Сысоевъ, какъ извѣстно вовсе не знавшій языка надписей. Кстати, не лишне отмѣтить, что **վախ**; т. е. **وقف**, не персидское слово, какъ то указываетъ редакція «Матеріаловъ»; отмѣчая **վախ**; слѣдовало бы отмѣтить и другой арабскій терминъ въ припискѣ, **ملك** — **ملك**.

7. Надпись Укана и Папкана въ Кармир-ванкѣ.

Въ Кармир-ванкѣ, близъ Ани, на правомъ берегу Ахурына, на восточной стѣнѣ церкви надпись въ 16 строкъ.

Текстъ установленъ по фотографіи.

ԹՈՒԻՍ

2Ի

- 3 ՇՆՈՐՀԻՆԼԱՅԵՍՈՒ ՔԱՆՔԱՐԻՄԱԴԻՆՍԵԷՂԲԱՅՐ
ԻՄՊ ԱՊՔԱՆ ՎԱԽՐԱԴԻՆՍՈՐԴԻՔՍԱՐԳՍԻԹՈՈՆՀՈԳ
ՈՅՆ ՀԱՐՍՆԻՄ ԴԱՊԱՅԻԱԹՈՒՆՍԳՆԵՑԱՔԶՎԱՆՔՍ
6 ԻՐԱՍԵՆԱՅՆՍԱՀՄԱՆԱԲՔՍՀՈՂՈՎԵԶՐՈՎԵԾԻՆԵՑ
ԱՔԻԿՈՐԴՈՅԵԶԱՐԴԱՐԵՑԱՔՍՊԱՍԻՔԵԳՐԵՆԱ
ԻՔԵԷԸՆԾԱԵՑԱՔԵԿԵՂԵՑՈՅՍԶ ՄԵՐ ԳԱՆԶԱԳԻՆ
9 ՀԱՅՐԵՆԻՔՆԶԻԱՆԱԴԻՆԴԱԿՆՈՒՄԲԶԱԲԵՆԷՐՇԱՀ
ԱՊԻՆԶՎԵՐԵԻՆԵԲԶԵՐՔԵԻՆԵԲՀԶԱՐՈՒԿՈՂՍԱՆՆ
ԿՈՒՂՊԱԿԱՆՈՎԼԵԲԱՅԳԻՄԻՔԱԳՐԱԶԱՅԵՀԱՐՆ
12 ԵԲԶԱՔՍՐԻՆԿԱՊԻՆԵԶԻԱԶԻԻ ՐՈՅ Դ ԴԱԿՆԵԲԶԶ
ԱՂԱՑՍՀԱՅՐԱԳԻՍԵԲԱՅԼԵՂԲԱՔՍՓՈԽԵՀԱՐՈՒՑ
ԻՆՅԱՆԱՅՆՇԱՐԱԹՆԱՐԻՑԻՐԱՆՍԵՐՀԱՐՆԱԳՍԻԵԻ
15 ՍԻԹԷԲԵՄԵՐԶԵՊԱՐԱԳԵՆԵԲԻՑԻՐԱՐԱԳԻՍԱՔԱՆՈՒՆԻՆ
ՈՔՀԱԿԱՆԱԿԱՆԸՆԾԱԻՑՍԴԱՐԻՆԻՔԷՆԱԹԱԻՑԻԶԳԻԶ

Ի ԹՈՒԻՍ ԶԻ: ՇՆՈՐՀԻՆԼԱՅ ԵՍ ՈՒՔԱՆ ՔԱՐԻՄԱԴԻՆՍ ԵՒ ԵՂԲԱՅՐ ԻՄ ՊԱՊՔԱՆ ՎԱԽՐԱԴԻՆՍ ՈՐԴԻՔ ՍԱՐԳՍԻ ԹՈՒՆ ՀՈԳՈՅՆ ԵՒ ՀԱՐՍՆ ԻՄ ԴԱՊԱՅԻԱԹՈՒՆ ՍԳՆԵՑԱՔԶՎԱՆՔՍ ԻՐ ԱՍԵՆԱՅՆ ՍԱՀՄԱՆԱԲՔ ՀՈՂՈՎ ԵՒ ԶՐՈՎ ԵՒ ՇԻՆԵՑԱՔ Ի ԿՈՐԴՈՅ ԵՒ ԶԱՐԴԱՐԵՑԱՔ ՍՊԱՍԻՔ ԵՒ ԳՐԵՆԱԲ ԵՒ ԸՆԾԱԵՑԱՔ ԵԿԵՂԵՑՈՅՍ ԶՄԵՐ ԳԱՆԶԱԳԻՆ ՀԱՅՐԵՆԻՔՆ ԶԻԱՆԱՊԱՐԻՆ ԴԱՆԿՆ ՈՐ ՄԻԶԱԲԵՆ ԵՐ ՇԱՀԱՊԻՆ ԶՎԵՐԵՆ ԵՒ ԶՆԵՐՔԵԻՆ ԵՒ ԶՀԱՐԱԲ ԿՈՂՍԱՆՆ ԿՈՒՂՊԱԿԱՆՈՎԼԵ ԵՒ ԱՅԳԻ ՄԻ Ի ԲԱԳՐԱՆ ԶԱՅԵՀԱՐՆ ԵՒ ԶԱՔՍՏԻՆ ԿԱՊՆ ԵՒ ԶԽԱԶԻԹՈՅ Դ ԴԱՆԿՆ ԵՒ ԶԶԱՂԱՑՍ: ՀԱՅՐ ՍԱՐԴԻՍ ԵՒ ԱՅԼ ԵՂԲԱՐՔՍ ՓՈԽԱՐԵՆ ՀԱՏՈՒՑԻՆ ՅԱՍԵՆԱՅՆ ՇԱՔԱԹՆԱԲ Գ ԽՈՐԱՆ ՄԵՐ ՀԱԲԵՆ ՍԱՐԳՍԻ ԵՒ ՍԻԹԷ ԵՒ ՄԵՐԶԵ ՊԱՑԱՐԱԿՆ ԵՒ Գ ԱՐ ՍԱՐԴԻՍ ԱՐՔԱՆՈՒՆԻՆ: ՈՐՔ ՀԱԿԱՆԱԿ ԼՂԱՆ ԸՆԾԱԻՑՍ ԴԱՍԻՆ Ի ՔՐԻՍՏՈՒՆ ԱՄԵՆ:

ՄԽԻԹԱՐԻԶ ԳՐԻԶ:

Въ лѣто 720 [1271]. Милостію Бога, я Уканъ Каримадинъ и братъ мой Папканъ Вахрадинъ, сыновья Саргиса, внука (sic) hOm, невѣстка моя Данта-хатуна купили сію обитель во всѣхъ ея враниахъ, съ землею

и водою, и изъ запустѣнія привели въ устройство и украсили утварью и книгами. Подарили мы сей церкви нашу купленную вотчину, тотъ данъ хананара, что находился на югъ отъ Шапана, верхъ и низъ и южный (данъ) съ лавками и одинъ виноградникъ въ Багаранъ, Айгеларъ и Акстин-канъ, и четыре дана въ Хачихуръ, и мельницы. Отецъ Саргисъ и другіе братья взаимно опредѣлили каждую субботу служить литургію въ 3 придѣлахъ за отца нашего Саргиса и Сити и Мерчи и 3 дня (въ годъ) за аркауна Саргиса. Кто воспротивится симъ дарамъ, будетъ осужденъ Христомъ. Аминь.

Писецъ Мхитаричъ.

Изд.: Алишанъ, 2., 170.

Начало строки 15 у Алишана невѣрно; Н. Я. Марромъ сначала прочитано ошибочно¹⁾, затѣмъ, въ связи съ печатаемой ниже надписью 7,— правильно²⁾; установленное Н. Я. Марромъ чтеніе имени Мерчи, подтверждается теперь надписью 8.

8. Надгробная надпись католикаса Петра въ Варатѣ.

Въ Варатѣ, близъ Вана, въ сѣверовосточномъ углу притвора главнаго храма, на большой надгробной плитѣ, по обѣ стороны рельефнаго изображенія посоха, надпись въ 5 строкъ грубо вырѣзанными буквами (особенно 2). Верхняя часть буквъ обращена къ западу (ср. надпись 10).

ԹԻՆԴՃՀԱ:	ԱՅՍԷՀԱՆԳԻ
ՍՏՏՆԴԵՏՐՈՍԻ	ԿԹՂԻԿՈՍԻՆ
3 ՈՐԻՏՐԱՊԻԶՈՆ	ԶԳԵՏՆՃՐՈՒ
ԱԳԵԼԱՑԱՆ	ԱԶԻՎԱՍԻԼԱՐԳԻ
ԱՅԻՆ:	

ԹԻՆԴՃՀԱ: ԱՅՍ Է ՀԱՆԳԻՍՏ ՏԵԱՆՆ ՊԵՏՐՈՍԻ ԿԱԹՈՂԻԿՈՍԻՆ ՈՐ Ի ՏՐԱՊԻԶՈՆ ԶԳԵՏՆ ԶՂՐՈՒ ԱՐԳԵԼԼԵՂԱՑ ԱՌԱՋԻ ՎԱՍԻԼ ԱՐՔԱՑԻՆ:

Лѣто 471 [1022]. Это покой католикаса владыки Петра, который въ Трапизонѣ остановилъ рѣку Чорохъ въ присутствіи царя (argay) Василія.

Изд.: Саргисянъ, 256; Лалаянцъ, 1., 46 (с. 2, XXI, 62).

У Саргисяна точно, у Лалаянца отступленія.

1) Аркаунъ, монгольское названіе христіанъ (ВВ, XII), 64—65.

2) Վրժապեա արքայի, Предисловіе, XIII—XIV. Предложенное тутъ исправленіе даты неосновательно.

9. Надпись Укана и Палкана въ Мецараниц-ванѣ.

Въ монастырѣ св. Іакова, Мецараниц-ванѣ, въ Хаченѣ, въ сѣверной стѣнѣ южнаго притвора, въ глубинѣ ниши встроены камень съ надписью въ 10 строкъ.

Текстъ списанъ мною въ 1909 г.

4ԱՄԱՆԱՅԵՍՈՒԲՈՒ
 Ո-ՊԱՊԲՈՒՐԻՍԱԳՍԻ
 3 ՀՈԳՈՐԴՈՅՆԺԱՅԵ
 ԵՅԻՄԵՆՆԵՍԸՆԾԱԿԻԲ
 ԻՇԻՆԱԲԲՍՋԱԼԱԼԱԿԱԿԵԼԵ
 6 ՄԻՎԻԿԵՆԵՄԵՆԻՍԻՅԱ
 ՄԿԻՆԵՆԵՄԵՆԻՍԻՅԱ
 ԲԶՈՅԵՆԻՍԻՅԱ
 9 ԻՈՎԻՍՓԱՆԵԿԱՅ
 ԻՍՅԱՅԱՅԱ

4ԱՄԱՆԱՅԵ ՍԵ ՍՈՒԲՈՒՐԻՍԱԳՍԻ ՊԱՊԲՈՒՐԻՍԱԳՍԻ ՀՈԳՈՐԴՈՅՆԻՍՏԱՆԵՅԻՍ
 ՍՈՒՐԵ ՆՇԱՆԻՍ ԸՆԾԱԿԻԲ ԻՇԻՆԱԲԲՍՋԱԼԱԼԱԿԱԿԵԼԵ: ՏԻՐ ՎԱՐԴԱՆԵ ԵՒ ՄԻՎ-
 ԲԱՆԲՈՒՅԻ ԺԻՍՍ ՏՎԻՆ ՄԵՐ ԵՂԲԱԿԵՆ ՄԵՐԶՈ ՄԵԾԻ ԵՇԱԲԱԹԻ: ՈՎ ԽԱՓԱՆԵ ԿԱՏԻ ՍԵ:
 ԹՎԻՆ՝ 2Ա:

Волею Бога я Уканъ и Палканъ, сыновья Саргиса, сына hOni, сопри-
 числились къ сей (церкви) святаго Знаменія, принеся дары, въ княженіе
 Джалала Давлы. Владыка Варданъ и братія дали 10 службъ за брата
 нашего Мерчи въ великій четвертъ. Кто нарушитъ, будетъ осужденъ Бо-
 гомъ. Лѣта 701 [1252].

Изд.: Джалалянцъ, I, 194.

У Джалалянца строки 7—8, съ упоминаніемъ о Мерчи, пропущены.

I. Орбели.

Разныя извѣстія и замѣтки.

— Еще о мингрелизмахъ въ грузинскихъ надписяхъ изъ Мингрелии¹⁾.

Въ названной статьѣ мною отмѣчены мингрелизмы фонетическаго ха-
 рактера. Одна изъ опубликованныхъ только что надписей изъ Мингрелии же²⁾
 содержитъ мингрелизмъ синтаксическаго характера. Именно, на стр. 44,12 чи-
 таемъ [შეპოვნილად...] შათის სახლის კაცთა, შამულო და აღმაგლო... *Пожертвовали ихъ*
съ ихъ домохозяевами, имѣніемъ и землями, между тѣмъ какъ правильно по-гру-
 зински должно было быть: შათის სახლის კაცთა, შამულოთა და აღმაგლოთა, т. е. какъ и
 въ русскомъ переводѣ всѣ одинаковыя части слитнаго предложенія должны
 быть поставлены въ одномъ и томъ же, въ данномъ случаѣ, творительномъ
 падежѣ. Нарушеніе этого правила въ цитованномъ предложеніи объясняется
 вліяніемъ мингрельскаго языка, въ которомъ слова одной и той же категоріи
 (въ слитныхъ предложеньяхъ) воспринимаются какъ одно нераздѣльное цѣлое,
 а потому измѣненіямъ подвергается послѣднее изъ нихъ³⁾. I. Н.

— Въ трудѣ Е. А. Пахомова: «*Монеты Грузии*» есть нѣкоторыя, незна-
 чительныя шероховатости въ воспроизведеніи легендъ на грузинскихъ моне-
 тахъ, не отмѣченныя И. Джаваховымъ въ его обстоятельной критикѣ на
 эту прекрасную книгу г. Пахомова. Такъ, на стр. 109 сл. подъ № 65 послѣд-
 нія три буквы легенды на лицевой сторонѣ монеты Георгія Лаши, именно
 ოწჳ г. Пахомовъ исправляетъ въ ოწჳ на томъ основаніи, что эти буквы
 сокращеніе слова უფლის (110 стр.). Совершенно вѣрно, г. Пахомовъ читаетъ
 უფლის, но дѣло въ томъ, что звукъ უ въ древнегрузинскомъ изображается
 двумя знаками ოჳ = ოჳ (ср. греч. ου), и слово ოჳჳჳჳ сокращенно передается
 обыкновенно первымъ и послѣднимъ буквами, т. е. ოჳ = ოჳ. Поэтому нѣтъ
 надобности въ исправленіи вышеуказаннаго начертанія. Нѣтъ надобности и
 на стр. 120 въ звукѣ უ въ словѣ ღმერთისათა, ибо родит. падежъ отъ ღმერთი
 звучитъ ღმერთისათა (უ ბჭლო). Также лишнее на стр. 69 ღმერთისათა
 какъ ღმერთისათა, ибо изъ легендъ на слѣд. страницахъ ясно видно, что

1) См. ХВ, т. IV, вып. III, стр. 315 сл.

2) ХВ, т. V, вып. I, стр. 40—50 «Суджунская церковь и ея древности».

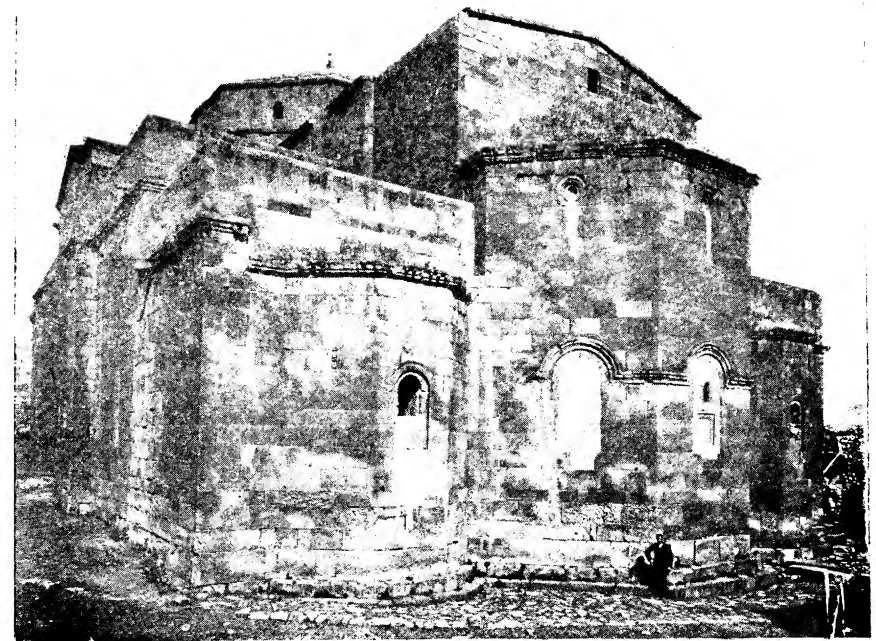
3) Ср. I. Кипшидзе, Грамматика мингрельскаго языка..., § 148.

კესარისი одна форма, а კესარი другая. Правда, на стр. 74 читается полностью и კესარისი, но это одна изъ многихъ непоследовательностей, встрѣчающихся на легендахъ. Кромѣ этихъ недосмотровъ въ воспроизведеніи легендъ, встрѣчаются у г. Пахомова просто опечатки. Такъ, на стр. 21 ჯვარს ვმ. ჯვარს, на 59—8-ая буква надписи должна быть **ჴ**, а не **ჶ**, на 77—მეფე ვმ. მეფე, на 78—ვესარისს ვმ. კესარისს, на 91—დიმიტრის ვმ. დიმიტრის, на 103—ღამით ვმ. ღამით, на 107—ღვთისათა ვმ. ღვთისათა, тамъ же ქორნიკონსა и на 118—ქორნიკონსა ვმ. ქორნიკონსა, на 119—5-ая строка снизу **სკჳტნიძე** ვმ. **სკჳტნიძე**.

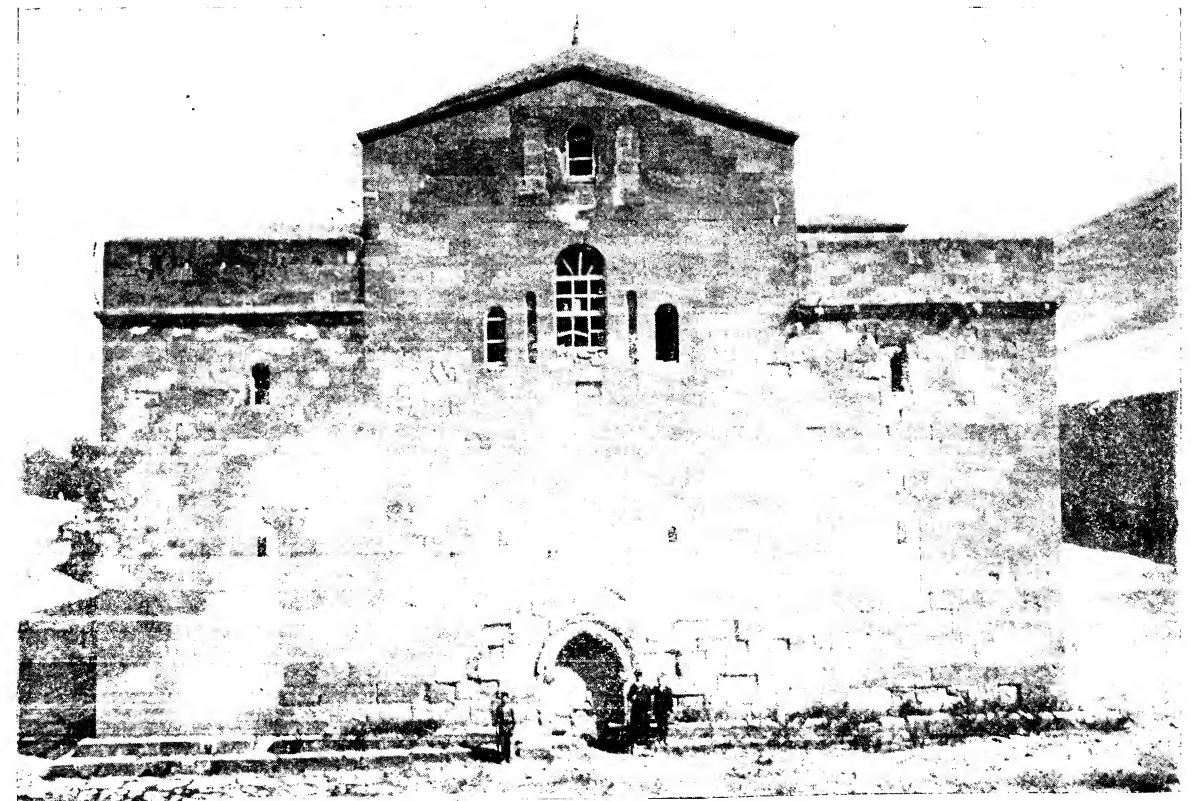
I. H.

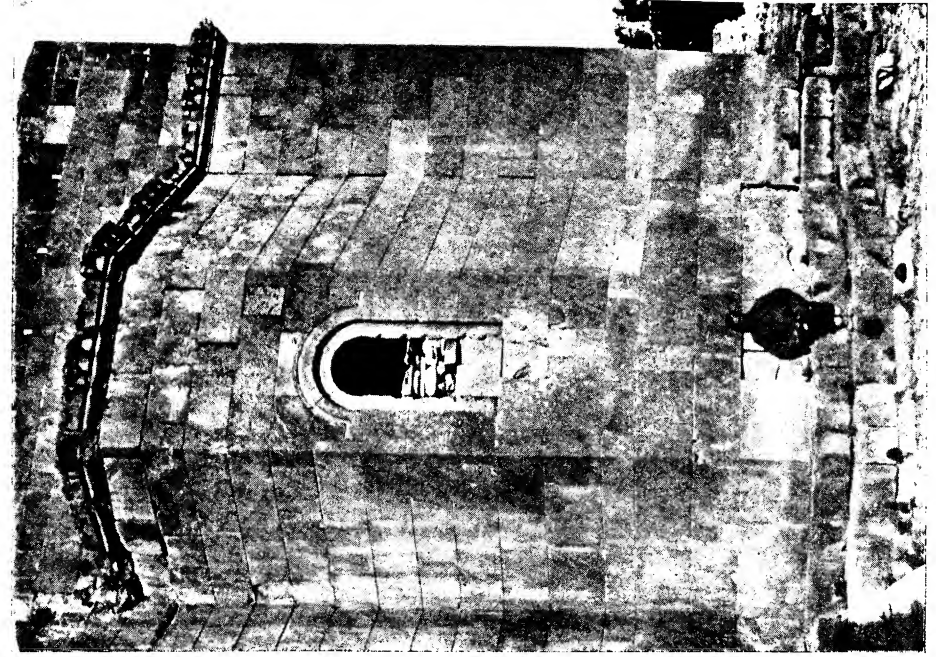
1. Видъ на Багаванскій храмъ съ юга.

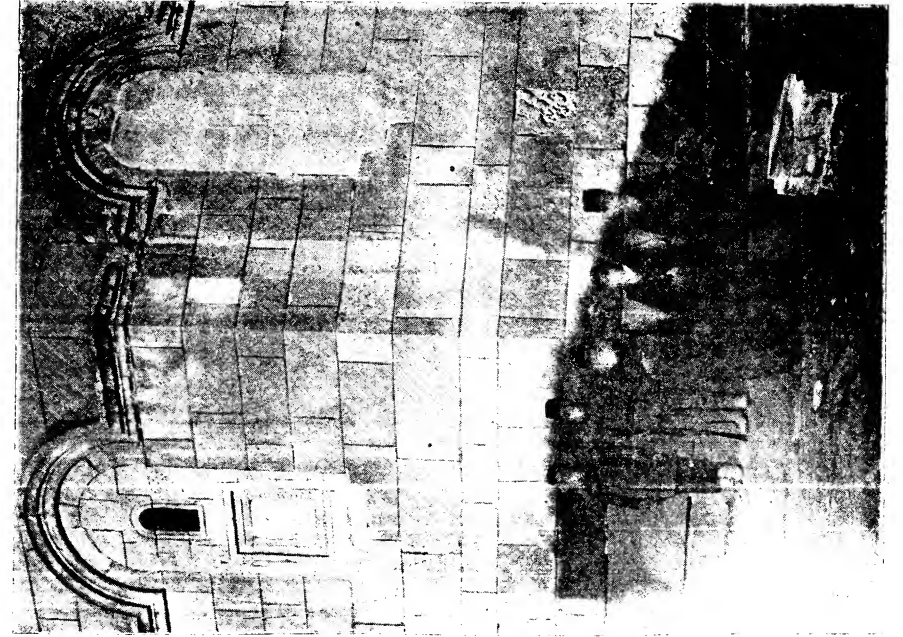
2. Видъ на храмъ съ юго-востока.

3. Западная стѣна.

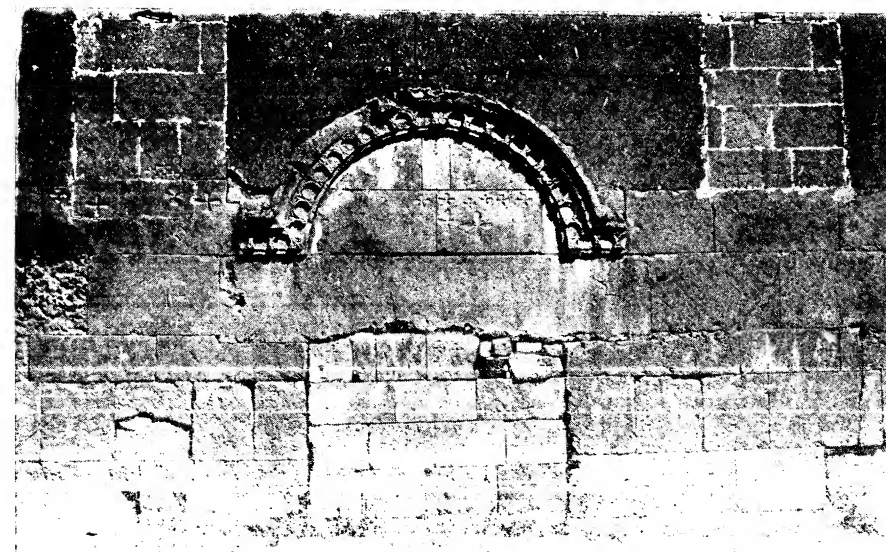
5. Выступъ апсиды сѣвернаго придѣла.

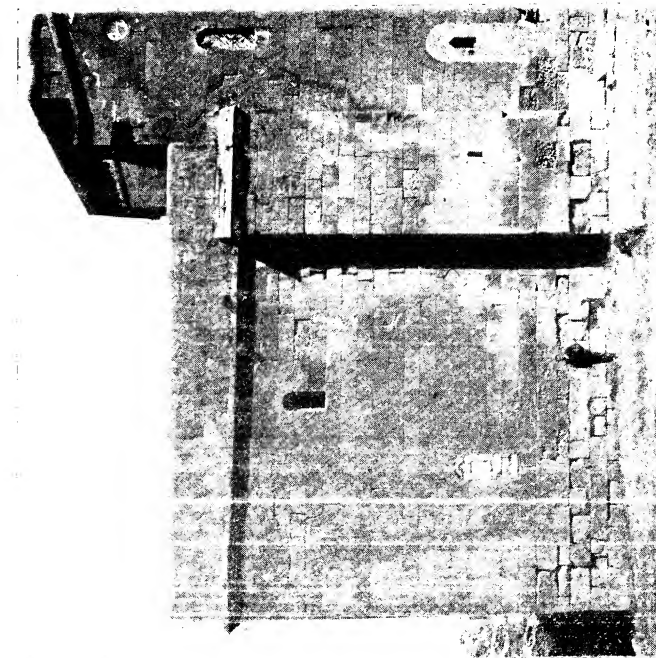
4. Выступъ главной апсиды съ сѣв.-вост.

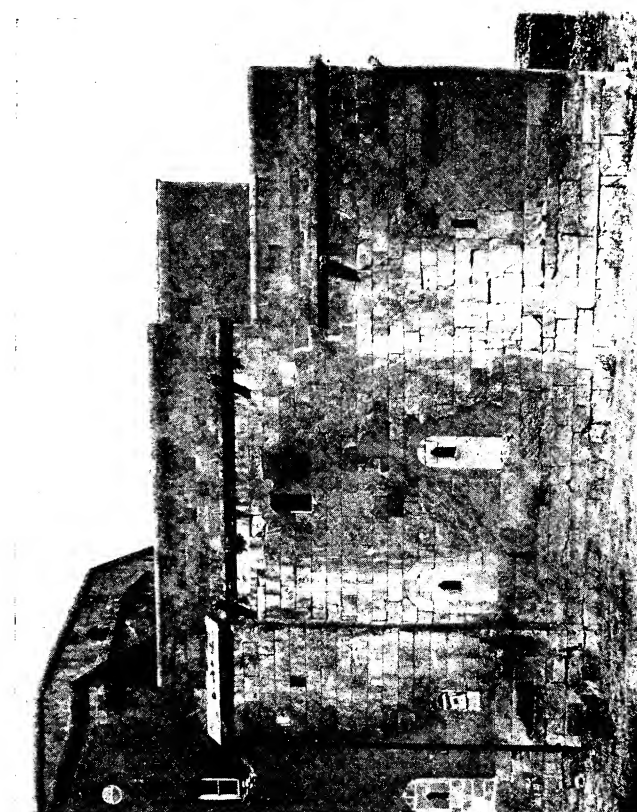
6. Средняя часть южной стѣны.

7. Южная стѣна.

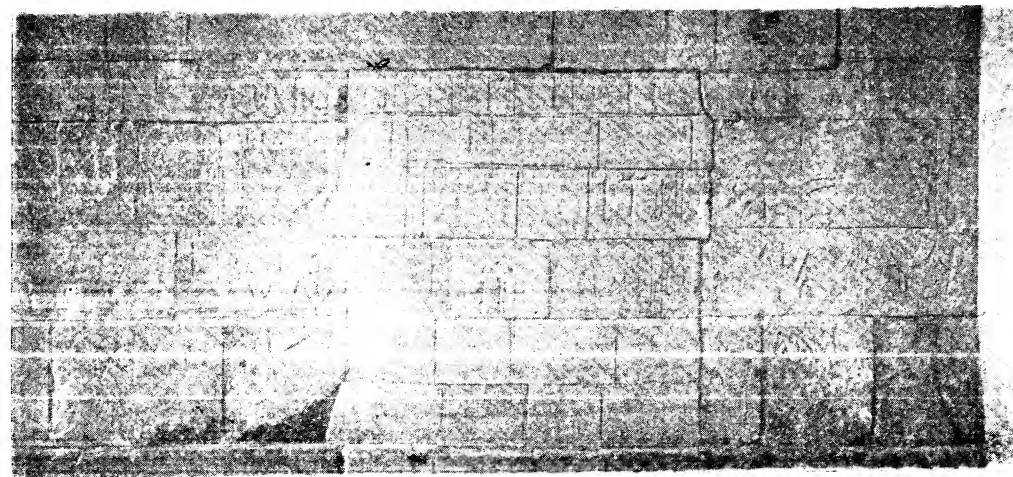
8. Западная часть южной стѣны.

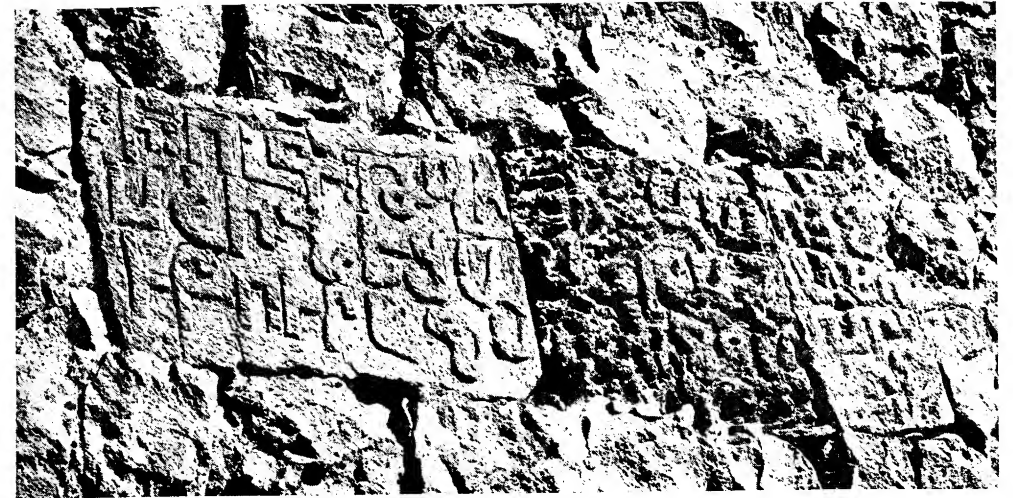
9. Восточная часть южной стѣны.

10. Средняя дверь сѣверной стѣны.

11. Восточная (заложенная) дверь сѣверной стѣны.

Надпись 1. Карсѣ.

Надпись 2. Карсѣ.

Надпись 4. Карсѣ.

Надпись 3. Карсѣ.

Надпись 5. Айри-ванкъ.

Надпись 6. Ани.

NE	Notices et extraits des manuscrits.	TLZ	Theologische Literaturzeitung.
NZ	Nέα Σιών.	ZA	Zeitschrift für Assyriologie.
OA	Orientalisches Archiv.	VGWL	Verhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig.
OCh	Oriens Christianus.	WZKM	Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes.
PEF	Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement.	ZÄS	Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde.
PG	Patrologia graeca	ZDMG	Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft.
PL	Patrologia latina	BB	Богословский Вѣстникъ.
Phil	Philologus.	BBp	Византийскій Временникъ.
PO	Patrologia Orientalis.	ЖМНПp	Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
PSBA	Proceedings of the Society of biblical Archaeology.	ЗВО	Записки Вост. Отдѣленія Русск. Археол. Общества.
RA	Revue archéologique.	ЗКО	Записки Классич. Отдѣленія Русск. Археол. Общ.
RAfr	Revue africaine.	ИАК	Извѣстія Археол. Комиссiи.
RAcL	Reale Accademia dei Lincei.	ИАН	Извѣстія Академіи Наукъ.
RB	Revue biblique.	ИРАрХИнстКП	Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополѣ.
RE	Revue Égyptologique.	МАК	Матеріалы по Археологіи Кавказа.
REG	Revue des études grecques.	ПрСоб	Православный Собесѣдникъ.
RG	Revue de géographie.	СМК	СМ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.
RH	Revue historique.	ТР	Тексты и разысканія по армяно-груз. филологіи, изд. Факультетомъ Вост. языковъ Петрогр. Унив.
RHE	Revue d'histoire ecclésiastique.	ТрКА	Труды Кіевской Духовной Академіи.
RHR	Revue de l'histoire des religions.	ХВ	Христіанскій Востокъ.
RL	Revue linguistique.	ХрЧт	Христіанское Чтеніе.
RO	Roma e l'Oriente.	Ա	Անահիտ.
ROC	Revue de l'Orient Chrétien.	Աr	Արարատ.
RPL	Revue de philologie d'histoire et de littérature anciennes.	ԱՀ	Ազգազրական Հանդես.
RQuS	Römische Quartalschrift.	ԲԷ	Բազմալեզու.
RStO	Rivista degli Studi Orientali.	Գա	Գեղարուեստ.
RMasp	Récueil des travaux relat. philolog. et archéol. égypt. et assyr.	ՀԱ	Հանդես Ամսորեստ.
RTP	Revue des traditions populaires.		
SAkB	Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.		
SAkW	Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften. Wien.		
SAkH	Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften.		
StGK	Studien zur Geschichte und Kultur des Alterthums.		

Напечатано по распоряженію Академіи Наукъ. Мартъ 1917 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Олденбургъ.

5-188 3/4
Лн

1917 г.
т. 5
160427

Годъ 5-й.

1916.

Въ ближайшихъ выпускахъ „Христіанскаго Востока“ предполагается печатать:

Адонцъ, Н. Г. Фаустъ Византійскій, какъ историкъ.

Бриллиантовъ, А. И. О св. Максимѣ Исповѣдникѣ.

Блайсъ, Р. По поводу даты арианскаго перевода церковной исторіи Сократа Схоластика.

Дьяконовъ, А. П. Къ исторіи сирійскаго сказанія о св. Марѣ-Авгвинѣ.

Ипшидзе, Д. А. Житія трехъ грузинскихъ подвижниковъ въ Палестинѣ.

Марръ, Н. Я. Замѣтки по текстамъ св. Писанія въ древнихъ переводахъ армянъ и грузинъ. §§ 85 сл.

Изданіе выходитъ въ свѣтъ выпусками по 6—8 печатныхъ листовъ, по возможности, въ три срока: въ апрѣлѣ, августѣ и декабрѣ.

Цена 2 руб.; — Prix 2 rbl.

ХРИСТІАНСКІЙ ВОСТОКЪ.

СЕРІЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНІЮ ХРИСТІАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВЪ АЗІИ И АФРИКИ.

ТОМЪ V.

ВЫПУСКЪ III.

Изданіе Академіи Наукъ.

Содержаніе:

Джанаши, Н. Абхазскій культъ и бытъ (стр. 187—208).
Гордѣвъ, Дмитрій. Описаніе пяти эмалевыхъ медальоновъ съ грузинскими надписями (стр. 209—216).

Чубиновъ, Г. Церковь близъ селенія Болнис-Капанакчи (стр. 217—220).
Разныя извѣстія и замѣтки (стр. 221—222).
Рисунки на таблицахъ XLVI—XLVIII.

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ (ВАС. ОСТР., 9 ЛИН., № 12).

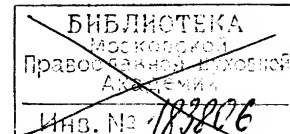
1917.

1917 г.
т. 5
160427

СОКРАЩЕНИЯ.

AB	Analecta Bollandiana.	EO	Échos d'Orient.
AcIBL	Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus.	GSAI	Giornale della Società Asiatica Italiana.
AAkB	Abhandlungen der Kgl. Preussischen Akademie der Wissenschaften in Berlin.	IgF	Indogermanische Forschungen.
APf	Archiv für Papyrusforschung.	JA	Journal asiatique.
ARw	Archiv für Religionswissenschaft.	JAOS	Journal of the American Oriental Society.
ASA	Annales du Service des Antiquités du Caire.	JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society.
B	Bessarione.	JS	Journal des Savants.
BAG	Bibliotheca Armeno-Georgica.	JTSt	Journal of theological studies.
BbZ	Biblische Zeitschrift.	JBL	Journal of biblical literature.
BCH	Bulletin de correspondance hellénique.	LSSt	Leipziger semitistische Studien.
BCHPh	Bulletin de la Classe Histor.-Philologique de l'Acad. des Sciences de Petrograd.	MA	Mélanges Asiatiques.
BEFEO	Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient.	MAcIBL	Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
BIE	Bulletin de l'Institut égyptien.	MAcB	Mémoires de l'Académie Royale de Belgique.
BSA	Bulletin de la Société d'Anthropologie.	MAH	Mélanges d'archéologie et d'histoire publiées par l'École française de Rome.
BSAA	Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie.	MAS	Mémoires de l'Acad. des Sciences de Petrograd.
BZ	Byzantinische Zeitschrift.	MéIBeyr	Mélanges de la Faculté Orientale de l'Université St. Joseph à Beyrouth.
CHR	Congrès d'Histoire des Religions.	MGGH	Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft. Hamburg.
CQR	The Church Quarterly Review.	Mq	Al-Machriq.
CSCO	Corpus scriptorum christianorum orientalem.	MMFC	Mémoires publiées par les membres de la mission archéologique française au Caire.
DAkM	Denkschriften der bayerischen Akademie. München.	MSOS	Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin.
DLZ	Deutsche Literaturzeitung.		

Продолжение см. на 3-ей странице обложки.

Абхазский культ и бытъ.

(Въ предѣлахъ Абжу).

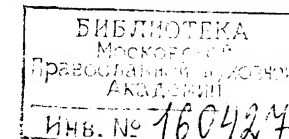
Работая надъ религіозными вѣрованіями абхазовъ, теперь уже изданными въ ХВ (т. IV, стр. 73—112), я возымѣлъ мысль поспѣшно исчерпать доступные мнѣ матеріалы, относящіеся къ этой духовной сторонѣ абхазской жизни, присоединивъ къ нимъ свѣдѣнія о тѣсно связанныхъ съ религіею обычаяхъ и общественныхъ играхъ и разбивъ все на три главы (II—IV): «Культъ мертвыхъ», «Свадебные обычаи» и «Обычаи, соблюдаемые при рожденіи и воспитаніи дѣтей». Въ отпечатанной части религіозныхъ вѣрованій я держался главнымъ образомъ праздниковъ въ порядкѣ годичнаго цикла, здѣсь же, въ I-й главѣ настоящей статьи, я восполняю изложеніе новыми данными о божествахъ и ихъ переживаніяхъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь мое описаніе ограничивается предѣлами Абжу, т. е. Абжува или Абжуи, расположенной въ средней части Абхазіи, именно въ Кодорскомъ участкѣ Сухумскаго округа, изъ которыхъ иногда вынуждаетъ насъ выходить лишь тѣсная связь съ югомъ, не только съ Самурзаканью абхазской, но и съ чисто мингрельскимъ краемъ. И въ собраніи предлагаемыхъ ниже матеріаловъ я пользовался при провѣркѣ и восполненіи моихъ свѣдѣній и наблюденій помощью Комиссіи, составъ которой указанъ въ статьѣ «Религіозныя вѣрованія абхазовъ» (ХВ, IV, 1915, стр. 73). Пробѣлъ, получающийся за отсутствіемъ описанія юридическаго быта, хотѣлось бы мнѣ восполнить особой работой отъ абхазскихъ адатахъ, вообще о народномъ судѣ и правѣ.

I. Религіозныя вѣрованія.

1. Āgərdə-nəḥa (или a-salərtə).

Первое названіе — āgərdə-nəḥa > āgərd-nəḥa — въ переводѣ означаетъ «мингрельскую молитву», а второе — a-salərtə (м. სასაღვთო saalərtə) значить «то, что относится къ || принадлежить Алерту», или, вѣрнѣе,

Христіанскій Востокъ.

св. Георгію Алертскому, находящемуся въ Мингрелии въ с. Алерт-и. Его еще называютъ *àgəg-pəŋa* или *àgəŋə-pəŋa*, значеніе то-же самое.

Это какъ бы злой духъ головной боли, «особенно ашакикъ» (*à-shakik*, г. ზჰოჰო) — мигрени, кровотеченія изъ носа и неудержанія мочи (*àtaŋdərə*). Этому духу молятся, когда больной страдаетъ обыкновенно одною изъ этихъ болѣзней. Жертвоприношенія ему происходятъ съ 1 сентября по январь. Въ честь его зарывается не обыкновенный кавказскій винный кувшинъ, а почему-то простой кувшинъ со дномъ, какъ у простыхъ горшковъ. Ему въ жертву приносятъ четыре «аквакваръ» исключительно изъ муки гоми и черную курочку, которая еще не несла яицъ. При жертвоприношеніи горитъ только одна свѣча.

2. *Anəŋa* — злой духъ желудочныхъ заболѣваній.

Когда кто-нибудь страдаетъ желудочными заболѣваніями, обращаются къ духу *A-nəŋa* (м. ბჰოზჷ ნაწა). Прежде всего кладется залогъ въ знакъ вѣрнаго исполненія своего обѣта. Это дѣлается такъ: изъ виноградной лозы приготавливаютъ кругъ; его-то молящійся и обноситъ трижды вокругъ головы больного, также обносятъ отдѣльно 10—15 к. и рубль; потомъ кругъ изъ лозы и 10—15 к., назначенныхъ для покупки *a-k̄bār* (м. კუბარ-ი *kubar-i*) *маленькаго виннаго кувшина* прячутся въ винномъ погребѣ (*aŋəbārə*), а цѣлковый, предназначенный для покупки жертвеннаго барашка, кладется въ изголовье больного. По выздоровленіи больного въ жертву *Anəŋa* закалывается барашекъ, и готовятся «аквакваръы», которые и приносятся въ винномъ погребѣ. Здѣсь же зарывается и *a-k̄bār*, который ежегодно осенью наполняется виномъ. Послѣ перваго жертвоприношенія молятся надъ кувшиномъ только «хлѣбомъ», но должны принести эту жертву до рождественскаго поста. Тѣ же, которые не хотятъ сдѣлаться вѣчными данниками *Anəŋa*, первую жертву приносятъ ему въ лѣсу, а потомъ здѣсь же высоко на деревѣ вѣшается на красной ниткѣ дощечка-планка *a-fəŋpita* (г. ფანჭიტა *fəŋpita*), чѣмъ и прекращается въ дальнѣйшемъ служеніе ему.

3. *Aŋəŋəŋ* — духъ занозы (сыни).

По моему, этотъ терминъ состоитъ изъ трехъ корней: *a-ŋəŋə* *заноза*, *a-ŋəŋə* *мнѣдо* (въ данномъ случаѣ), *à-ŋə* *сыня* (*самецъ*). Къ помощи этого духа обращаются, когда человѣкъ заболѣваетъ занозой или покрывается злокачественною сынью. Больного ставятъ на камни и въ жертву *Aŋəŋəŋ* приносятъ «аквакваръ», причемъ умоляютъ его «отнустить», освободить больного.

4. *Aŋm̄haŋpəŋ* — «коклюшъ».

При этой болѣзни, какъ при кори, больныхъ проводятъ подъ корнями грецкаго орѣха (дерева).

5. *Abəŋə* — «корь».

То же самое.

6. *Eŋəŋ* (или *Eŋəŋ-kən*).

A-ŋəŋa — «бѣленіе холста», «катаніе».

Ерышъ (или Ерыш-канъ) — богъ ткацкаго ремесла. Обыкновенно ему приносятъ жертву, когда приступаютъ къ тканью. Приносятъ нынѣ только «аквакваръ», но что абхазы старались особенно угодить ему, видно изъ того, что до сихъ поръ остались различныя привѣты въ разное время работы ткача; такъ, если вы застаете при натягиваніи основъ, должны сказать: *Eŋəŋ*, *Eŋəŋ-kən*, *magdānə* *yaŋəŋəŋəŋə* *Ерышъ, Ерыш-канъ, доведи до конца и остатокъ оставь*.

Если уже ткуть, нужно сказать или «поскорѣй докончить тебѣ», или же *àsa-ŋə* *sāyŋt* *пришелъ взять «аса»* (по-грузински — ღოჭი *dəŋi*-1, ღოჭი *laŋəŋi* по Чуб. — «гребень ткачей», «берца»).

Если застаете, когда валяютъ сукно, должны привѣтствовать: «Я пришелъ, чтобы взять ачѣлтъ» *aŋəlt-ŋə* *sāyŋt*, т. е. «скорѣе докончить тебѣ». Ачѣлтъ (*a-ŋəlt*, м. ზელტ *ŋelt*-1) — «плетенка», на которой валяютъ. Со словъ Мушвагва Ченгелія у меня записано:

„Нѣкогда одна дѣвица ткала въ день Благовѣщенія. Прохожій замѣтилъ ей: «Почему ты работаешь? вѣдь сегодня праздникъ Благовѣщенія!» — «Я не знаю, что такое Благовѣщеніе. Да удостоитъ меня Господь увидѣть моего единственнаго брата, находящагося на войнѣ, на котораго и тку». Послѣ этихъ словъ она окаменѣла со своимъ станкомъ; и до сихъ поръ она въ такомъ положеніи. Только каждый годъ въ день Благовѣщенія она оживаетъ и произноситъ: «Я не знаю, что такое Благовѣщеніе. Да удостоитъ и т. д.», и опять каменѣетъ“.

7. Моленіе духу хлопка.

Многіе въ сел. Адзюбжа молятся духу хлопка. Варятъ въ большомъ количествѣ «аквакваръ»; старшая женщина въ священный для данной семьи день, принося эти «аквакваръы» въ жертву на хлопковой нивѣ (плантаціи), просятъ духа хлопка дать хорошій его урожай.

8. Моленіе духу шелковичныхъ червей.

Также приносятся «акваквары» этому духу въ томъ помѣщеніи, въ которомъ шелковичные черви находятся, причемъ молящаяся обыкновенно произноситъ: «Великій богъ akant (м. კანტი kant-i)! принося жертву по примѣру нашихъ отцовъ, смиренно просимъ дать намъ хорошій урожай коконовъ».

9. kıkın-nəḥa (моленіе духу льна).

При сборѣ льна приносили жертву духу льна «Квиквинь»-у. Сему богу обыкновенно приносится безкровная жертва — «аквакварь»; обрядъ моленія богамъ хлопка, шелковичныхъ червей и льна (a-qənə) обыкновенно совершается по понедѣльникамъ и четвергамъ. Квиквинь — женскаго пола, и жертва приносится ей женщиною.

10. Adgil-dedo/ufal (ადგილ-დედო/უფალ).

При нѣкоторыхъ видахъ заболѣваній (a-babaḡa — «желтуха и отекъ») прибѣгаютъ къ помощи Адгил-дедо/уфалъ *царицы земли*: adgil — «земля», dedo/ufal — «царица»: г. დედოფალი dedofal-i (დედუფალი dedufal-i) — «царица». Моленіе совершается такъ: печется на очагѣ начиненный сыромъ чурекъ; къ четыремъ угламъ его прикрѣпляются восковыя свѣчи; около чурека же колѣнопреклоненно стоитъ больной (-ая), при этомъ семь чистыхъ женщинъ произносятъ за него поочередно молитву, въ коей просятъ царицу землю смилостивиться надъ больнымъ и послать ему теплоту своихъ очей и сердца и т. п.

Кромѣ того, абхазъ, когда селится на новое мѣсто, приносить часто умиловительную жертву землѣ. Я былъ очевидцемъ слѣдующаго случая: зарѣзали барана, испекли чурекъ и принесли въ жертву; при чемъ землѣ принесли въ даръ шелковую матерію и мелкія монеты — серебряныя и мѣдныя: деньги и матерію забрали моельщицы.

Весною, когда первую насадку съ цыплятами пересаживаютъ съ гнѣзда на землю, старшая женщина тоже приносить чурекъ въ жертву духу земли.

Моленіе землѣ приурочивается ко вторнику — a-ḡaḡa.

Также см. культъ земли въ главѣ «Обычаи, соблюдаемые при рожденіи и воспитаніи дѣтей»¹⁾ и «Сборъ лѣкарственныхъ травъ»²⁾.

11. Dəḍlan, Dəḥkaḡ.

Абхазамъ Dəḍlan — «мать воды», aḡə Dəḥkaḡ — «золотая владычица воды» представляется въ образѣ прекрасной дѣвы. Живетъ она въ чертогахъ

1) См. ниже, стр. 204, 205.

2) XV, IV, 1915, стр. 87.

въ глубинѣ водъ. Прекрасныя золотистыя кудри ея доходятъ до ступней, причемъ пятки у нея — спереди, а ступни — сзади: вотъ почему ее невозможно повалить на спину. Владычица воды имѣетъ зеркало, въ которомъ отражается все, что происходитъ на свѣтѣ: у нея поэтому вся вселенная какъ на ладони. Какъ дочери аḡəḡaḡa, она тоже часто находится въ супружескихъ сношеніяхъ съ красивѣйшими людьми. Такъ, она влюбилась въ красавца абхаза, сына вдовы, плѣнила его и цѣлый годъ держала у себя, а потомъ отпустила съ большими подарками. Если заручится человѣкъ пучкомъ волосъ ея или кусочкомъ ногтя, то она будетъ въ рабскомъ услуженіи у него, пока не отберетъ своей вещицы: то же самое можно продѣлать и съ чортомъ¹⁾.

Владычица воды наноситъ страшный вредъ человѣчеству: она входитъ въ непочтительныхъ людей, особенно въ женщинъ, и сводитъ ихъ съ ума. Въ такихъ несчастныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ помощи тѣхъ, въ услуженіи коихъ она находится: эти лица властно изгоняютъ ее изъ больныхъ. Какъ только такое лицо показывалось во дворѣ больной, послѣдняя начинала страшно ломаться, корчиться и говорить: «Я уже ей принадлежу! Чего тебѣ надо отъ меня?». Испѣлитель властно приказывалъ: «Dəḍlan, выходи вонъ! Тебѣ не мѣсто тамъ, гдѣ я присутствую! Выходи поскорѣе, Dəḍlan, и освободи мою больную!» И владычица водъ оставляла больную. Компессія²⁾ подчеркнула имена двухъ лицъ, имѣвшихъ особую власть надъ матерью воды: это Мустафа Хаджглейпа и Мустафа Инал-ипа. Оказывается, у нихъ у обоихъ въ услуженіи находилась владычица водъ.

Смотри также ея культъ:

1) Шествіе къ водѣ невѣсты въ «Свадебныхъ обычаяхъ»³⁾.

2) Шествіе роженицы съ ребенкомъ въ «Обычаяхъ, соблюдаемыхъ при рожденіи и воспитаніи дѣтей»⁴⁾.

12. Dıwəw⁵⁾.

Во время засухи абхазы устраивали (и нынѣ устраиваютъ во многихъ мѣстахъ) особое религиозное шествіе къ рѣкѣ, извѣстное подъ именемъ Dıwəw⁶⁾. Слово это, по моему, — сложное и состоитъ изъ a-ḡə *вода* и

1) См. XV, IV, 1915, стр. 102—103.

2) ц. с., стр. 73.

3) ниже, стр. 201.

4) ниже, стр. 206.

5) См. грузинскій журналъ Моамбэ 1897, II. Статья эта, какъ всѣ переведенныя съ грузинскаго языка мои работы, исправлена и дополнена.

6) Объ этомъ у меня говорится въ Моамбэ, въ частности о томъ, что нынѣ Dıwəw устраивается только дѣтьми, что и дѣйствительно относительно насъ, адзюбжинецъ. Но въ

а-и (> а-у)-гà *имѣть возможность достать что-либо*; послѣднее слово еще означает *итти* относительно дождя, снѣга; наприм.: asə awòyt (аор. аyt) — «снѣгъ идетъ»; aqà awòyt — «дождь идетъ», ðiwòw — «тотъ, кто имѣетъ воду, кто имѣетъ возможность дать воду». Шествіе это состоитъ въ слѣдующемъ: большую куклу (почти въ ростъ человѣка) насаживаютъ на длинный шестъ («а во многихъ селахъ сажали на лошадь, на осла», добавила Комиссія) и съ пѣніемъ исключительно въ этихъ случаяхъ употребляющейся пѣсни несутъ ее къ рѣкѣ. Всѣ въ праздничномъ одѣяніи. Вотъ слова этой пѣсни:

ðiwòw, ðiwòw-a!

ðarɪqɑqɑ markəld-a!¹⁾

Àh-ɪfà dedəšpòt (-woyt)! — сынъ владѣтеля жаждетъ.

ʷəuɹàm — вина не пьетъ, ðyàwam — воды не можетъ достать.

Àbɪək.àrak²⁾ eymidòt (-wòyt) всѣ семь ручейковъ обыскиваетъ (во всѣхъ семи ручейкахъ ищетъ воды).

ðəhàə, ðəhàə!³⁾ — Дай воды намъ, дай воды намъ!⁴⁾

Выраженіе ðarɪqɑqɑ не означаетъ ли «темная дождевая вода»? — ðarɪ в.м. ð *вода*, qɑqɑ — отъ àqɑ-euqà *дождь темный*, обычнаго выраженія у абхазовъ. При этомъ объясненіи эти стихи можно перевести такъ:

ðiwòw, ðiwòw-a!

(Ты,) жемчужная дождевая вода!⁵⁾

Сынъ владѣтеля жаждетъ воды:

Вина не пьетъ, воды не достаетъ,

Во всѣхъ семи ручьяхъ ищетъ воды.

Дай воды намъ, дай воды намъ!»

Съ пѣніемъ этихъ стиховъ подходятъ къ рѣкѣ, опускаютъ ðiwòw въ воду и мочатъ его. При этомъ же они другъ друга бросаютъ въ воду въ полномъ одѣяніи и мокнутъ. Кромѣ того, атарцы устраиваютъ а-тìw (г. ოზო tiv-i) *плотъ*, на которомъ разводится огонь, и пускаютъ его по те-

ченію воды. Это, вѣроятно, символъ того, что, молъ, настала такая страшная засуха, что даже и вода горитъ.

Характерна и абхазская пословица: Adə amɪa akəɹ ɪlowɪfəzi? — «Если вода загорится, чѣмъ ее потушить?»

Существуютъ и слѣдующія повѣрія:

1) если дно рѣки вспахать, то пойдетъ дождь; поэтому при ðiwòw часто вспахиваютъ дно рѣки; 2) если кость утопленника бросить въ воду, то пойдетъ дождь; 3) часто дѣтей поощряютъ убивать лягушекъ и бросать ихъ въ воду: вѣрное средство.

13. Àɟu-nəh.ɑ¹⁾ — Общественная молитва.

По глубокому убѣжденію абхазовъ, засухою Всевышній наказываетъ ихъ за то, что они провинились передъ нимъ чѣмъ-нибудь, а потому умиловительными жертвоприношеніями нужно искупить свою вину и отвлечь кару Его отъ себя.

Въ назначенный день народъ собирается и даетъ обѣтъ Богу, что они честно исполнять завѣщанное отцами служеніе Ему и просятъ простить имъ согрѣшенія ихъ вольныя и невольныя.

Тогда же изъ среды своихъ же сочленовъ избираютъ людей, которые берутся за извѣстное вознагражденіе доставить и приготовить жертвенныхъ животныхъ, обыкновенно быковъ, число копъ зависитъ отъ количества членовъ «ацу» — «общества». Вотъ эти-то лица въ назначенный день (у насъ, въ Адзюбжѣ, обыкновенно воскресный день) и на назначенное мѣсто у берега рѣки приводятъ своихъ быковъ. Народъ уже съ утра собирается. Всѣ въ праздничныхъ костюмахъ. Масса дѣтей и женщинъ, хотя послѣднія прежде не допускались на эту общественную молитву. Впрочемъ, имъ и сейчасъ не разрѣшается участвовать въ обѣдѣ и вообще кушать мясо этихъ жертвенныхъ животныхъ: онѣ поэтому послѣ молитвы расходятся. Всякій отдѣльный дымъ старается доставить для своихъ членовъ и гостей побольше провизіи: муки, вина, сыру и «а-хачапур» (а-qɑɹapɪɹ изъ грузинскаго, абх. а-ɟəpəɹɪɹɪɹ), при чемъ устраиваются складчины по группамъ, по околodkaмъ. Каждый околodka пзбираетъ преимущественно изъ молодыхъ людей нѣсколько лицъ, которыя сьорганизовали бы имъ обѣдъ. На первомъ сходѣ

многихъ мѣстахъ Абхазіи, какъ, напр., въ селѣ Атара (рядомъ съ Адзюбжой), въ устройствѣ Дзидова принимаютъ участіе и взрослые.

1) а-markəld — г. მარგალიტ-ი жемчугъ.

2) Вар. ak.àraqɑ *ручьи*.

3) Вар. ðəqəɹəɹək, ðəqəɹəɹək *немного воды! немного воды!*

[4] См. Н. Марр, О религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазовъ (ХВ, 1915, IV), стр. 130, гдѣ, къ сожалѣнію, вкрались опечатки.] *Ред.*

5) Вѣриѣ: «Ты, источникъ жемчужной дождевой темной воды!»

1) Ацу — «село». Это рѣдко употребляемое старинное слово, поэтому привожу и слѣдующія съ этимъ корнемъ слова: à-ɟubɟara (à-ɟubɟara) *проселочная дорога*, а-ɟutà (а-ɟutà) *мѣсто усадьбы или усадебъ, гдѣ нынѣ никто не живетъ, вымерли*. См. Моамбэ 1897, II.

избранныя лица обязаны только доставить животныхъ, приготовить (сварить) и распределить мясо.

Вотъ собрался народъ. Старики, которые должны принести жертву, закалываютъ жертвенныхъ животныхъ, причемъ произносятъ краткую молитву о ниспослании дождя. При закалываніи животное обращено лицомъ (головой) къ востоку, а спиною къ сѣверу. Въ кровь его обмакиваютъ горящую головешку; это вообще при всѣхъ убояхъ скота практикуется, причемъ абхазъ увѣренъ, что отъ этого мясо дѣлается вкуснѣе.

Когда все готово, и священникъ вернулся съ обѣдни, на которой кромѣ него да его причетника, вѣроятно, никто не присутствовалъ, приступаютъ къ жертвоприношенію. Сначала, если сельчане—христиане, служится «молебень во время бездождія»: его слушаетъ народъ не съ должнымъ вниманіемъ. Послѣ священника выступаютъ на арену старики-молеельщики. Они стоятъ передъ высокимъ «ашвамкятъ» (а-шамкăд), покрытымъ зеленью; на немъ лежатъ: лучшіе куски мяса, 5 «аквакваръ»; передъ нимъ въ большихъ корзинахъ все мясо, тамъ же шкуры жертвенныхъ животныхъ. Печень и сердце каждого животного нанизываются на фундуковыя палочки аѣ. Вотъ съ этими палочками въ однихъ рукахъ, а въ другихъ со стаканами вина и горящими свѣчами молятся старики. Весь народъ на колѣнахъ стоитъ смиренно. Ни звука вы не услышите. Старикъ проситъ Всевышняго простить грѣхи селенію, смилостивиться надъ нимъ и дать имъ дождь. «Ниспошли теплоту Твоихъ глазъ и любовь Твоего сердца на насъ! Пошли намъ дождь и тѣмъ дай намъ возможность служить вѣрно Тебѣ!» говоритъ молящійся. Народъ отвѣчаетъ ему «а́амэнъ». Происходитъ возліяніе вина на сердце и печень. Послѣ этого молится второй и третій. А потомъ поется такъ называемая аугэг-аша, т. е. «пѣсня горя»¹⁾, своего рода божественное пѣснопѣніе, исполняемое въ исключительныхъ случаяхъ.

Послѣ жертвоприношенія мясо дѣлятъ на столько кусковъ, сколько дымовъ принимаетъ участіе въ жертвоприношеніи, предварительно выдѣливъ для гостей ихъ доли-порціи. Большимъ и тѣмъ, которые почему-либо не могли лично принять участіе, посылаютъ ихъ доли на домъ. Народъ садится на зелень и принимается за обѣдь.

Шкуры жертвенныхъ животныхъ по обычаю принадлежатъ тѣмъ, кто молится за «ацу», и священнику часто достается одна изъ нихъ.

Абхазы не запоминаютъ, чтобы Богъ не посылалъ имъ дождя, разъ они совершили эту молитву.

1) У абхазовъ на всякій жизненный случай сложена отдѣльная, самостоятельная «пѣсня»: къ сожалѣнію, ихъ пока никто не собираетъ!

14. Afə¹⁾ (Афѣ).

По увѣренію абхазовъ, Господь Богъ мечетъ молніеносные удары, чтобы напугать діавола. Я какъ-то уже въ одномъ мѣстѣ отмѣтилъ, что Вседержитель не имѣетъ права убить діавола, какъ родственника Своего — племянника, именно — сына сестры. Самъ громовой ударъ — это огромная «чуля», осколки коей они находятъ въ землѣ подъ тѣми деревьями, которыя разрушены ударомъ.

Во время грозы абхазъ, если находится на дворѣ, сбрасываетъ съ себя газирю, чтобы въ нихъ не скрылся преслѣдуемый Богомъ діаволъ, и тѣмъ не привлекъ на него, абхаза, удара, и стремится укрыться подъ грабовое дерево. Какъ я уже отмѣтилъ²⁾, мать Бога изъ мингрельскаго княжескаго рода Хеція (Мхеидзе), а этотъ родъ находится въ родствѣ съ грабомъ—«ахепа» (Хеція—Qeḡia: à-ḡaḡa>à-ḡeḡa), и поэтому Онъ никогда не мечетъ своихъ ударовъ на «ахаца» (а-ḡaḡa *грабъ*). «Никогда ни одинъ абхазъ не видѣлъ, чтобы громовый ударъ упалъ на грабъ», пояснила Комиссія.

Во время грозы подъ кровлею находящійся абхазъ не выходитъ на дворъ и призываетъ милость Божию на людей и животныхъ.

Великое несчастье для абхаза, если на него или на его домъ (или скотъ) упалъ громовый ударъ: значитъ, онъ разгнѣвалъ Бога, духъ Котораго отошелъ отъ него, а потому діаволъ искалъ въ немъ убожище! Значитъ, онъ—великій грѣшникъ предъ Богомъ, а потому нужно искупить свои грѣхи умиловительными жертвоприношеніями.

Сперва глава семьи въ присутствіи тутъ же колѣнопреклоненно стоящихъ всѣхъ членовъ даетъ обѣтъ Богу, что онъ въ точности исполнитъ всѣ указанія знахарки³⁾ и принесетъ обычную искупительную жертву, и при этомъ проситъ послать Свою милость. Этотъ обѣтъ дается тамъ, гдѣ произошелъ ударъ. Потомъ приступаютъ къ уборкѣ предмета, на который упалъ громъ; соприкасаться съ этимъ предметомъ безъ Аф-рашва *пѣсня Afə* (Af-ḡaḡa) запрещается: какъ бы легокъ ни былъ этотъ предметъ, безъ этой пѣсни его нельзя поднять. Если это домъ, то въ немъ нельзя жить; если—дерево, то ни плодами его, ни имъ самимъ нельзя пользоваться, чтобы не вызвать гнѣвъ Бога вторично; если это — животное, то его съ почестями нужно «убрать». Убираютъ гдѣ-нибудь на окраинѣ села, въ лѣсу, гдѣ строится высокій «ашвамкятъ». Народъ съ пѣніемъ, въ два хора, «Аф-рашва» несетъ на ру-

1) См. Моамбэ 1897, II.

2) ХВ, IV, 1915, стр. 76.

3) Собственно «жрицы-гадальницы».

какъ громомъ убитую тварь. Первый хоръ поетъ: Wàu etlar!, второй — Àuðar etlar!, первый — ðòðhar etlar!, второй — Ètlar ðòðhar! Айтарь намъ уже извѣстенъ, а отъ поясненія остальныхъ словъ приходится отказаться.

Убитую молніей тварь кладутъ на «ашвамкятъ», чтобы не осквернить «царицу земли», по увѣреніямъ однихъ, а по увѣреніямъ другихъ — чтобы не осквернить самой твари преданіемъ ея землѣ. Мы присоединяемся къ первому мнѣнію. Мнѣ не удалось выяснить, хоронили ли встарину громовымъ ударомъ убитого человѣка, или его тоже клали на «ашвамкятъ» навсегда¹⁾.

Послѣ того уже приступаютъ къ принесенію искупительнаго жертвоприношенія. Нужно прибѣгнуть и къ помощи знахарки, указывающей число, лѣта и цвѣта жертвенныхъ животныхъ и порядокъ моленія, «отцовскій», всѣмъ извѣстный. Жертвенныя животныя должны быть «чисто бѣлыя», т. е. безъ черныхъ волосинокъ (аѣѣ еуqàfàzlàm). Порядокъ самаго моленія слѣдующій. Со дня несчастья до совершенія моленія вся семья, а часто вся та часть рода (фамиліи), которая происходитъ отъ ближайшаго одного родоначальника и называется тѣаѣагак еуkùшаз (мпахѣрак ейкùшаз), т. е. «тѣ, которые раздѣлили огонь», празднуетъ: этотъ промежутокъ времени священенъ для абхаза, и онъ проводитъ его въ полной праздности, — даже соръ изъ дома не выносится, чтобы не нарушить праздника. Бываетъ и такъ, что по указанію знахарокъ всѣ тѣ жители даннаго села, которые носятъ такую же фамилію, какъ и несчастная семья, должны принять участіе въ этомъ моленіи и празднествѣ. Насталъ и день жертвоприношенія: этимъ днемъ непременно долженъ быть тотъ день недѣли, когда постигло ихъ это величайшее несчастье. Народъ съ утра уже началъ стекаться къ тому мѣсту, гдѣ произошло несчастье: здѣсь происходитъ моленіе. Всѣ члены семьи (или рода) наряжены въ бѣлое платье, и въ знакъ покорности шеи ихъ обвиты надъочажными желѣзными цѣпями, коими привѣшиваются котлы надъ очагомъ, когда варится пища. Эти цѣпи называются архнышна (а-гqùшпа, м. б. ðà паѣ). При закалываніи всѣ стоятъ на колѣняхъ позади жертвенныхъ животныхъ. Молещикъ произноситъ краткую молитву

1) Нынѣ громовымъ ударомъ убитого человѣка кладутъ тутъ же на «ашвамкятъ» при пѣніи «Аф-рашва», а потомъ уже хоронятъ. Таковое лицо не оплакивается: запрещается. Ему не устраиваютъ гроба и хоронятъ его въ томъ одѣяніи, въ которомъ онъ убитъ. Замѣчаніе царевича Вахушта о томъ, что въ его время «абхазы не хоронили своихъ покойниковъ, а клали высоко на деревѣ» справедливо только, можетъ быть, относительно громовымъ ударомъ убитыхъ людей.

и закалываетъ. Народъ, стоящій полукругомъ позади «виновныхъ», поетъ въ два хора «Аф-рашва». Виновные три раза оборачиваются справа налѣво и крестятся, если, конечно, они — христіане. Народъ цѣлый день веселится и поетъ «Божью пѣсню». Когда жертва готова, начинается моленіе. На «ашвамкятъ» кладутся лучшіе куски туши жертвенныхъ животныхъ и столько «акваваръ», сколько виновныхъ, и одинъ ачѣ (а-ѣа х.тѣ), только побольше размѣромъ, за весь родъ. «Виновные» (izqàgaqaz) съ цѣпями на шеѣ стоятъ на колѣняхъ передъ «ашвамкятъ», народъ же ихъ окружаетъ полукругомъ. Молещикъ съ печенью и сердцемъ въ рукѣ произноситъ молитву, смыслъ которой приблизительно таковъ: «Великій Боже! Глубоко сознавъ свою вину, родъ сей (или семья) приноситъ Тебѣ по примѣру отцовъ нашихъ и по указанію Твоихъ гадальщицъ искупительную жертву и колѣнопреклоненно проситъ простить ему грѣхи его, вольные и невольные. И мы, народъ, просимъ Тебя, прости и верни имъ Свою милость и тѣмъ удостой ихъ вѣчнаго служенія Твоего» и т. д. Трижды поется «Аф-рашва», причемъ первымъ начинаетъ молещикъ; при этомъ происходитъ обычное возліаніе вина на сердце и печень. Виновные крестятся и молятся. Послѣ этого подъ звуки «Аф-рашва» исполняется хороводный «Божій танецъ», причемъ посреди круга стоятъ виновные, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ тоже вводятъ въ хороводъ и заставляютъ танцевать со своими цѣпями. Потомъ народъ садится на землю и обѣдаетъ. Танцы и веселье продолжаются до самаго вечера. Цѣпи въ этотъ день снимаются.

Жертвенныя животныя — холощенные козлы: мяса ихъ нельзя брать домой, а то можно навлечь на себя гнѣвъ Божій.

Этимъ не заканчиваются мытарства несчастныхъ «виновныхъ»: тотъ день недѣли, когда постигло ихъ несчастье, должны праздновать, пока будетъ существовать хоть одинъ человѣкъ изъ этого рода; по прекращеніи мужской линіи это обязательство переходитъ и на членовъ по женской линіи, какъ бы далеко ни отстояли они въ родственномъ отношеніи. Вообще должно отмѣтить, что, по моему, родовое, а часто и семейное или личное празднованіе одного дня (или двухъ, трехъ дней) недѣли въ большинствѣ случаевъ имѣетъ своимъ источникомъ «Афѣ» (А-ѣ) и культъ кузни. «Личное» празднованіе — это означаетъ, что какое-либо лицо семьи заболѣло, и вотъ знахари могутъ лично его обязать праздновать 1 день недѣли: это обязательство переходитъ только къ его потомству.

Въ этотъ священный день абсолютно запрещается всякая работа: въ эти дни нельзя ни оплакивать, ни хоронить своихъ покойниковъ; даже огня

(спички или головешки) не даютъ никому. Дворъ и домъ можно подметать, но сора нельзя выносить!

Жертву должны приносить, если не ежегодно, то въ три года одинъ разъ: на этихъ жертвоприношеніяхъ уже не поется Божья пѣсня.

Рога жертвенныхъ животныхъ остаются на мѣстѣ моленія, а шкуры принадлежать моельщику.

15. Anàna-шафа — аѣаѣа или сокращенно: Ашафа.

Anàna по моему отъ an — «мать», а-шафа — «творцы», «творящіе» — отъ глагола ашара = а-шага *творить* (еще означаетъ *дѣлать*); аѣаѣа *дѣлающие* — отъ глагола аѣаѣа *дѣлать*, напр., глиняную посуду, арбу и пр.; въ переводѣ означаетъ «творящую, дѣлающую мать».

Молодая женщина по выходѣ замужъ получаетъ отъ родителей молодую нетельную и нестельную корову; сначала ей посылаютъ кусочекъ праваго уха этой коровы и серебряную монету, которые молодая абхазка должна зашить въ сафьянъ и въ такомъ видѣ носить ихъ всю жизнь. Корова эта — аѣаѣа для данной женщины: пока она не состарится, ея нельзя ни убивать, ни продавать; если она околѣетъ, или ее зарѣжутъ по старости, то одну изъ ея потомства должны пустить въ аѣаѣа. Впрочемъ, всѣ аѣаѣа подчинены этому правилу. Сколько бы замужнихъ женщинъ ни было въ семьѣ, всѣ онѣ имѣютъ свою корову аѣаѣа. Бычки отъ этихъ коровъ приносятся въ жертву Anàna-шафа; каждый годъ, когда бычка нѣтъ, взаменъ его закалываютъ двухъ каплуновъ, готовятся четыре «акваквар»а и одинъ продолговатый хлѣбъ «ача-гвазалъ» (а-ѣаѣагал) и при одной свѣчѣ приносятъ все это Ананѣ. Молится непременно женщина, причемъ она проситъ, чтобы «великая богиня умножила родъ ея, сдѣлала ея дѣтороженіе безболѣзненнымъ, дала бы ей столько дѣтей, сколько слѣдуетъ» и т. д.

«Нѣтъ въ Абхазіи ни одной женщины, которая бы этой богинѣ не молилась», добавила Комиссія.

16. Aq-dù букв. «голова-большая».

Этотъ богъ у насъ уже забывается; со словъ матери у меня записано, что этому сильному и гнѣвному божеству приносился въ жертву исключительно бугай и то въ лѣсу. Женскому полу запрещалось посѣщать это моленіе. Данная семья выбирала красиваго бычка въ своемъ стадѣ или въ чужомъ, откармливала его въ теченіе пяти, шести лѣтъ и потомъ приносила въ жертву. Холостятъ его запрещалось; при жертвоприношеніи къ рогамъ

его прикрѣпляли по одной свѣчѣ. «Акваквар»ы должны быть непременно пшеничные. Кожа принадлежитъ моельщику.

17. Yahzəmdərka həzədərz — «богъ, котораго мы не могли познать, но онъ насъ позналъ», т. е. «невѣдомый богъ»¹⁾.

18. Sənfə-həzmadəw — «богъ, которому мы въ этомъ году подчинены (находимся подъ его покровительствомъ)».

Культъ этихъ двухъ боговъ мнѣ не удалось возстановить: имъ у насъ уже не приносятъ жертвы.

19. Шапѣ-ѣа — богъ кузни²⁾.

Въ религіозной жизни современныхъ абхазовъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ занимаетъ культъ кузни, извѣстный въ обыденной жизни подъ именемъ аѣа-пѣа, т. е. «моленіе кузни» (аѣа — ажира). Богъ же кузни — Шапѣ-ѣа (Шашв-хяхъ) — «Шашв — золотой владѣтель (царь)» или вѣрнѣе — «золотой владыка Шашв». Обыкновенно ежегодное приношеніе жертвы этому богу приурочивается къ кануну Нового года, называемаго абхазами мингрелизованнымъ терминомъ «хечхвама»³⁾. Но многіе моленіе это совершаютъ послѣ Нового года въ первый свой священный день, и то непременно подъ вечеръ. Какъ вообще у абхазовъ, и въ данномъ случаѣ данниками бога кузни могутъ быть зачастую и не всѣ члены семьи: обязаны служить ему только тѣ, на которыхъ онъ проявилъ свое могущество, ниспославъ на нихъ болѣзни; отъ нихъ же это служеніе богу кузни переходитъ на ихъ потомство. Можетъ, конечно, великій богъ Шапѣ и по боковой линіи проявить свою волю, свое могущество.

Жертву приносятъ обыкновенно такъ. Если въ родѣ имѣется кузнецъ, то моленіе происходитъ у него. Онъ лично приноситъ холощенаго козла за всѣхъ членовъ рода, обязанныхъ у него молиться. Каждый же членъ долженъ принести по одному пѣтуху и по одному «аквакваръ». Всѣ молящіеся со своими жертвами направляются въ кузню. Впереди всѣхъ съ печенью и сердцемъ жертвеннаго животного шествуетъ кузнецъ-моельщикъ. Всѣ становятся передъ наковальнею. Зажигаются, по показанію однихъ, семь свѣчей, а по сви-

1) У мингреловъ существуетъ культъ этому божеству подъ названіемъ *Yahzəmdərka* — «предназначенный непознаваемому, невѣдомому».

2) См. Моамбѣ 1899, IV.

3) Первоначально я производилъ «хечхвама» отъ мин. *həzə-həzə* *моленіе руки*, и культъ кузни сопоставлялъ съ м. *həzə-həzə* (см. у I. Кипшидзе), а теперь — отъ м. *həzə-həzə* *моленіе свиньи*. Интересно сравнить съ св. *həzə-həzə* и м. *həzə-həzə* (см. *həzə-həzə* у I. Кипшидзе).

дѣтельству другихъ—столько свѣчей, сколько лицъ участвуетъ въ жертвоприношеніи. Моельщикъ сначала произноситъ общую молитву приблизительно слѣдующаго содержания: «Великій Шапѣ, которому подчинены семь иконъ¹⁾, и которому зажигаются семь свѣчей, слышишь? (iwa-hawama?). Мы по примѣру отцовъ нашихъ съ жертвою стоимъ смиренно передъ тобою и просимъ принять отъ насъ эту жертву и быть покровителемъ нашимъ: и дома, и внѣ дома, и въ пути, и въ лѣсу, и въ водѣ и на деревѣ» и т. д. перечисляетъ. «Пошли на насъ теплоту глазъ своихъ» и т. д. Слѣдуетъ ударъ молотомъ по наковальнѣ, и, какъ увѣряютъ одни, вопросъ «слышишь?» Затѣмъ возліаніе весны на печень и сердце. Послѣ этого моельщикъ молится лично за себя: держитъ въ рукахъ своего пѣтуха, «аквакваръ» и вино. По окончаніи моленія возліаніе вина и ударъ молота по наковальнѣ, а потомъ вопросъ «слышишь?». Въ такомъ порядкѣ онъ молится за каждого изъ нихъ по старшинству. Во многихъ семьяхъ не ударяютъ молотомъ о наковальню.

Послѣ жертвоприношенія всѣ возвращаются въ домъ кузнеца и принимаются за ужинъ. Сколько бы ни осталось отъ ужина, все принадлежитъ кузнецу.

Многія семьи богу кузни приносятъ въ жертву вмѣсто холоднаго козла поросенка²⁾. Родъ же Ченгелія въ с. Адзюбжѣ молится Шапѣ въ великій четвергъ, причемъ въ жертву приносятъ постныя блюда. У многихъ зарыты и кувшины въ честь бога кузни.

При смерти кузнеца (ажій — ајіу), обязанности его по службѣ Шапѣ переходятъ къ старшему сыну. Если же семья совершенно вымираетъ, то эти обязанности переходятъ къ ближайшему старшему въ родѣ. Новый заступникъ рода передъ Шапѣ за свое старшинство долженъ принести двѣ жертвы: одну въ домѣ кузнеца и другую — въ своемъ домѣ. Число, возрастъ и цвѣтъ жертвенныхъ животныхъ опредѣляетъ, по обыкновенію, знахарка. Послѣ такого принятія обязанностей вымершаго рода кузнецъ — данное лицо — исполняетъ ежегодныя жертвоприношенія, причемъ остальные члены рода должны обращаться къ его посредничеству: они всѣ у него молятся независимо отъ того, знаетъ онъ это ремесло (кузнечное) или нѣтъ.

1) т. е. боговъ; буквально: «который достаетъ, извлекаетъ (изъ глубины) — iðəzgoð (iðəzgoð) — семь иконъ»: ð-ð-gaga — «извлекать || доставать что-либо изъ глубины».

2) Одинъ мнѣ извѣстный родъ не ѣстъ свинины и все же приносить въ жертву поросенка, мясо котораго всѣ члены должны положить въ ротъ себѣ и трижды какъ бы откусить, а потомъ выплюнуть. Мясо обернуто въ бумагу.

При вымираніи семьи кузнеца, кто желаетъ, можетъ такимъ же путемъ «выдѣлиться» и перенести культъ кузни въ свой домъ: обыкновенно въ такихъ случаяхъ устраивается плетенка на подобіе кузни во дворѣ, кладется въ ней наковальня, и въ этой то плетенкѣ и совершается моленіе кузни данною семьею. Часто обходятся и безъ этой плетенки. Нужно отмѣтить, что постройки для «ажира» обыкновенно устраиваются иначе, чѣмъ постройки для жилья: при постройкѣ «пацх» и для жилья колья вертикальны, а хворостъ горизонталенъ, а для кузни — наоборотъ.

Какъ выше замѣчено, «ажира» передается по наслѣдству по прямой линіи, притомъ по мужской. Дочери же лично обязаны служить Шапѣ своего рода, но дѣти дочерей освобождаются отъ этого: только при вымираніи всего рода матери къ нимъ, дѣтямъ, переходитъ и культъ кузни ихъ. Послѣ первыхъ родовъ молодая абхазка должна «помолиться подъ ажира» (atanəhaga) своихъ родителей, причемъ она приноситъ въ жертву холоднаго козла; а потомъ ежегодно ею обычно приносятся пѣтухъ и «аквакваръ».

«Ажія» (а-јіə или а-јіу), — «кузнеца», какъ представителя великаго бога Шапѣ, всѣ боятся, боятся его проклятія. Боятся, конечно, своихъ кузнецовъ и своихъ боговъ кузни больше, чѣмъ другихъ: послѣдніе не такъ страшны для вѣрующаго абхаза, если въ ней не принять ложной присяги.

Насколько силенъ страхъ абхазовъ передъ Шапѣ, видно, между прочимъ, изъ того, что если, напримѣръ, на фруктовомъ деревѣ кузнецъ повѣситъ плакъ — ајігақə буквально *паметъ «ажира»*, то дѣти перестаютъ пользоваться его плодами.

До сихъ поръ для доказательства своей невинности абхазы принимаютъ присягу передъ Шапѣ въ кузницѣ. Въ недавнемъ прошломъ всѣ мелкія дѣла разбирались при помощи присяги передъ наковальнею, а въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ прибѣгали къ присягѣ передъ иконою св. Георгія Илорскаго или Дыдырыпшъ (Dədəgəʃ). И теперь абхазъ скорѣе приметъ ложную присягу въ приходской церкви, чѣмъ въ своей кузнѣ. Присяга принимается такъ. Человѣкъ, принимающій присягу, со своими соприсягателями стоитъ передъ наковальнею съ молотомъ въ рукахъ и говоритъ: «Великій Шапѣ, которому покорны семь боговъ, и которому ставятъ семь свѣчей, слышишь? Да пожретъ меня огонь твой (сүѣблăйт = səwblăyt *да буду сожженъ я тобою*), если я виновенъ въ этомъ дѣлѣ!» и ударяетъ молотомъ по наковальнѣ. Соприсягатели тоже подтверждаютъ подъ присягою его невинность. Послѣ этого онъ оправданъ. Тяжущіяся стороны съ этого дня уже чуждаются другъ друга: «Между нами великій богъ Шапѣ!» говорятъ они и, чтобы

его не разгнѣвать, прекращаютъ всякія отношенія: даже головешки не передадутъ другъ другу.

За присягу кузнецъ получаетъ вознагражденія: копѣекъ 20—50 за cadaго, или отъ 1 рубля до 3 руб. за всѣхъ.

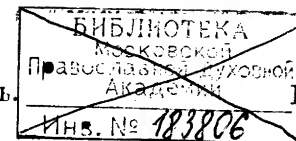
Сельскіе судьи до назначенія присяги спрашиваютъ обвиняемаго: «Не былъ ли ты когда-либо наказанъ богомъ «Шашѣ»?» (букв. «поваленъ» — уканажхеума=икапәдҟеушта?). Если онъ былъ наказанъ этимъ богомъ, то ему не дадутъ присяги передъ «Шашѣ», чтобы не оскорбить послѣдняго и тѣмъ не навлечь вновь его гнѣва на ложно присягавшаго.

Конечно, правовѣрный абхазъ боится принять ложную присягу, но можетъ случиться, что онъ ее принялъ, солгалъ передъ «Шашвѣ»: такой абхазъ находится всегда подъ страхомъ, не накажетъ ли богъ его за ложь. И вотъ, когда кто-либо изъ членовъ его семьи (или лично самъ) заболѣетъ, опять выступаетъ на сцену знахарка, по указанію коей онъ долженъ отмолиться, принести искупительную жертву богу Шашѣ въ той кузницѣ, въ которой онъ солгалъ передъ нимъ. Порядокъ умиловленія разгнѣваннаго бога уже намъ извѣстенъ, а потому не буду его описывать. Только, чтобы умиловить «Шашѣ», нужно удовлетворить впередъ то лицо, которое привлекло къ присягѣ: безъ этого условія жертва не будетъ принята. Послѣ приношенія искупительной жертвы, обѣ стороны должны другъ друга искупить и помириться передъ богомъ кузни точно такъ же, какъ нами описано это взаимное благословеніе передъ Илорскимъ св. Георгіемъ¹⁾.

Если принесшій ложную присягу передъ «Шашѣ» до сихъ поръ не обязанъ былъ совершать моленіе кузнѣ, то съ этого момента онъ уже дѣлается «данникомъ» его (абх. іқир на немз ест). Часто дѣло не ограничивается только этимъ: одного изъ своихъ дѣтей повинный долженъ посвятить на служеніе богу Шашѣ. Впрочемъ, такое посвященіе можетъ быть вызываемо не только ложною присягою, но и другими способами привлеченія на себя гнѣва великаго бога. Посвященный богу кузни мальчикъ не имѣетъ права изучить какое-либо другое ремесло; кромѣ кузнечнаго: ему даже въ школу ходить воспрещается!

Когда подростъ посвященный мальчикъ (при посвященіи ему обжигаютъ волосы), его на три года отдаютъ кузнецу въ ученіе, причемъ при поступленіи онъ приноситъ въ жертву холоднаго козла, пѣтуха, «акваваръ» и свѣчу. Молитву произноситъ кузнецъ, послѣ чего онъ считается принятымъ. По объясненію кузнеца Османа Камкія, ученикъ а-матара (г. а-матара).

1) ХВ, IV, 1915, стр. 93.

матара) долженъ былъ платить своему учителю за обученіе различно: кто обучался изготовленію оружія, тотъ платилъ 8 коровъ¹⁾ и 8 рубл. наличными; кто обучался только изготовленію курковъ и прикладовъ, тотъ платилъ 5 коровъ и 5 рублей и т. д. При этомъ первую половину этой платы за ученіе онъ давалъ при поступленіи, а вторую — при окончаніи ученія.

По окончаніи ученія а-матара вновь приноситъ въ жертву «Шашвѣ» холоднаго козла, «акваваръ» и свѣчу. Молится учитель-кузнецъ, который проситъ бога кузни, чтобы онъ удостоилъ ученика самостоятельнаго служенія ему, «Шашвѣ». Послѣ этого ученикъ уже самостоятельный жрецъ бога. Молодой кузнецъ сейчасъ уплачиваетъ своему учителю условленную вторую половину платы за ученіе. Учитель же съ своей стороны награждаетъ его нужными инструментами: наковальнею, молотомъ, щипцами и проч.

Молодой кузнецъ по возвращеніи домой опять приноситъ такую же жертву Шашѣ въ своей вновь выстроенной кузнѣ, и съ этого дня онъ полноправный членъ своей корпораціи—жрецовъ-кузнецовъ: онъ уже облеченъ во всѣ права и обязанности кузнеца.

Въ доброе, старое время, когда заводскія желѣзные издѣлія не такъ легко появлялись на абхазскомъ рынкѣ, въ организаціи общества кузнецы занимали весьма почетное мѣсто и какъ ремесленники. Кузнецъ обязанъ былъ своему околотку даромъ готовить всѣ тѣ орудія и инструменты, которыя ему были доступны; желѣзо, сталь и уголь доставляло само населеніе и при изготовленіи этихъ предметовъ тоже помогало. Зато каждый дворъ долженъ былъ въ пользу кузнеца въ году нѣсколько дней отработать: помогали ему во время вспашки, мотыженія и сбора кукурузы и винограда по одному дню. Это обязательство оставалось въ силѣ для двора независимо отъ того, изготовилъ ли ему въ данномъ году кузнецъ что-либо или нѣтъ.

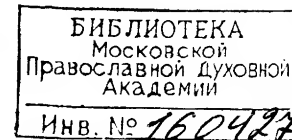
Нужно ли въ заключеніе отмѣтить, что и великій Шашвѣ сталъ постепенно «гаснуть»: и его могущество не устояло противъ новыхъ вѣяній.

Привѣсокъ къ части о богѣ кузни.

1. Клятва надъочажными цѣпями.

До сихъ поръ абхазъ божится надъочажными цѣпями, причемъ говоритъ «Abri ālaqə sōwāyt!» «Да получу проклятіе (буквально «болѣзнь глаза») этой (цѣпи)», и трясетъ цѣпью (а-гәқпәшна).

1) Повидимому, корова служила денежною единицею въ Абхазіи при куплѣ-продажѣ и оцѣнивалась въ послѣднее время въ 10 рублей.

въ единственномъ числѣ) умиловитись надъ ними, дать имъ время для искупительныхъ жертвоприношеній. «Ашасъ» *залогъ* кладется или вѣшается гдѣ нибудь на чистомъ мѣстѣ, и его нельзя трогать до обряда совершения искупительныхъ жертвоприношеній. Обрядъ заклада или внесенія залога — «ашасъ» называется ахкушарà (а-хы — «голова», а-кушара — «обносить || обводить || обходить вокругъ чего или кого-либо»). «Ашасъ» еще называется аѣпəгħġġ: а-ѣпəгħġġà — «обводить || кружить || возвращать назадъ что-либо». Слово аѣпəгħġġ въ данномъ случаѣ больше въ употребленіи, чѣмъ «ашасъ», употребляемое и въ обыкновенномъ смыслѣ залога въ повседневной жизни.

Часто прибѣгаютъ и къ слѣдующему средству. Подъ вечеръ на дворъ выводятъ съ ногъ до головы облаченного въ бѣлое платье больного и сажаютъ; вокругъ него трижды водятъ покрытую бѣлымъ саваномъ молодую, красивую кобылицу или жеребца (можно тельца или корову), причемъ совершающая этотъ обрядъ старая, чистая женщина (иногда и старикъ) бросаетъ на животное 20 маленькихъ фундуковыхъ палочекъ, а двумя фундуковыми же хворостинами бьетъ животное. Она при этомъ произноситъ приблизительно слѣдующую молитву: «Великій домъ великихъ иконъ (т. е. боговъ) и Аѣп-əġow, покровители сего дома (или рода)! Колѣнопреклоненно просимъ васъ: умиосердитесь надъ провинившейся семьею, простите имъ грѣхи вольные и невольные. Въ залогъ вѣрности служенія вамъ приносится сіе чистое животное. Простите грѣхи сему больному и дайте ему возможность свято исполнять свой долгъ предъ вами и впредь» и т. д.; при этомъ дается обѣтъ свято принести искупительную жертву по указаніямъ прорицательницъ и гадалыщницъ.

Абхазъ увѣренъ, что, если чистосердечно исполнить этотъ обрядъ, больной выздоравливаетъ и его болѣзни переходятъ къ животному, которое и погибаетъ. Для спасенія послѣдняго его трижды «обводятъ» пѣтушкомъ, къ которому переходятъ болѣзни отъ животного: пѣтушокъ этотъ погибаетъ; во всякомъ случаѣ его нельзя ѣсть.

Выкупъ залога и исполненіе обѣта при всякомъ исходѣ болѣзни обязательны. Искупительныя жертвы чаще всего приносятся богамъ гдѣ-нибудь у опушки лѣса подъ прохлаждающею тѣнью «чистыхъ» деревьевъ: дуба или граба. Въ жертву приносятся холощенные козлы, число, возрастъ и цвѣтъ коней опредѣляются знахарками. Молится обыкновенно старшій въ родѣ или въ общинѣ. Больной тутъ же на лицо. Я выше отмѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ жертвоприношеній женскій полъ не имѣетъ правъ принимать участія, кромѣ больной. Это для лицъ женскаго пола своего рода

табу. По окончаніи жертвоприношенія три ножки «ашвамкятъ» рубятся, рога жертвенныхъ животныхъ вѣшаются тутъ же на дерево, а кожа принадлежитъ тому, кто совершилъ обрядъ жертвоприношенія.

При заболѣваніяхъ абхазъ часто прибѣгаетъ къ помощи мулъ, которые лѣчатъ больныхъ клочками бумажекъ, исписанныхъ стихами изъ Корана. Эти бумажки называются а-пġġə *книга* (у грузинъ онѣ извѣстны подъ именемъ ჯგერაჲი avgagoz-1 «книга Авгаря» — талисманъ). Часто такими книжками-треугольниками, зашитыми въ сафьянъ, увѣшаны груди больныхъ. Онѣ являются украшеніями и для любимыхъ лошадей: вѣрное и испытанное средство отъ дурного глаза. Нечего и говорить, что въ обиходѣ у абхазовъ есть и лѣкарства, роль коихъ доведена до минимума.

«Аѣайшара» (ə-ġaġšara). Заболѣетъ кто-нибудь, такъ — весь околodокъ по очереди дежуритъ ночью у больного до исхода болѣзни. Такія ночныя дежурства извѣстны у абхазовъ подъ названіемъ «аѣайшара» — ə-ġaġšara (г. ჯაიშარა ġamīs-šara, м. სერის-ტაყვა seriš-taġva). На эти «аѣайшара» собирается особенно молодежь, которая въ смѣхѣ и веселіи проводитъ всю ночь напролетъ въ той же комнатѣ, гдѣ лежитъ больной. Тутъ и гаданіе счастья, и игра на «ачамгуръ» (ə-ġamġər, г. чонгур-и) и на айхярца (аѣġarġə — «двухструнная скрипка»), пѣніе, отгадываніе загадокъ, рассказы сказокъ и легендъ и т. д. Эти «аѣайшара» — самая лучшая школа для распространенія устной народной словесности. Здѣсь завязывалась и развивалась не одна любовь черноокихъ абхазокъ и ихъ поклонниковъ...

Смерть и оплакиваніе. Первую вѣсть о смерти абхазы, а особенно абхазки встрѣчаютъ со страшнымъ воплемъ и рыданіемъ: близкія родственницы рвутъ на себѣ волосы, царапаютъ себѣ ногтями лицо и грудь, ударяются головою о различные предметы и т. д. Онѣ представляютъ изъ себя душу раздирающую картину. Первый безсвязный плачъ на подобіе крика называется аġġaġa *вой, крикъ*. За воемъ слѣдуетъ уже причитаніе: одна начинаетъ причитывать и плакать, а потомъ другая продолжаетъ, такъ и смѣняютъ онѣ другъ друга. Этотъ видъ оплакиванія называется «а-мыткма» (ə-mətkma, г. მთქმა mo-ġqma, м. ღვაღა ġvalva). Эти «амыткма» замѣчательны у абхазокъ, у которыхъ нѣтъ института наемныхъ плакальщицъ: всѣ онѣ замѣчательныя плакальщицы. Покойнаго все село оплакиваетъ: узнавъ о смерти кого-либо, всякій считаетъ себя обязаннымъ явиться къ покойному и оплакать его. День похоронъ оповѣщается особо. Въ этотъ день являются почти всѣ сельчане, родственники и дальніе знакомые. Женщины — близкія родственницы съ распущенными волосами издали начинаютъ свой аġġaġa, а мужчины, войдя во дворъ, подходятъ къ столу, кладутъ на него оружіе и го-

ловной уборъ и, ударяя обѣими руками въ лобъ, громко плача, подходятъ къ покойнику. Въ недавнемъ прошломъ существовали для оплакиванія особыя плети съ широкимъ кускомъ ремня — язычкомъ, которыми мужчины ударяли себя въ затылокъ, и чѣмъ громче раздавался звукъ отъ ударовъ ими, тѣмъ лучшимъ плакальщикомъ считался онъ. Теперь плети эти, извѣстныя подъ названіемъ «а-шысла» (a-shësla > a-šësla), вышли изъ употребленія. Нарочно для этой цѣли выбранные молодые люди стоятъ у стола, и, какъ появится плакальщикъ, одинъ изъ нихъ беретъ его за талію и сопровождаетъ къ покойнику. Онъ же долженъ плакальщика во-время увести отъ покойника. По окончаніи оплакиванія онъ подходитъ къ родственникамъ покойнаго и выражаетъ свое соболѣзнованіе.

Табу. И здѣсь соблюдается своего рода табу. Мужья своихъ женъ, эти послѣдніе своихъ мужей, отцы своихъ дѣтей не имѣютъ права оплакивать: считается за величайшій стыдъ! 1) Оплакиваніе продолжается почти до вечера, когда покойникъ выносится на дворъ: здѣсь всѣ женщины и дѣвицы стоятъ, окруживъ его полукругомъ; здѣсь же стоитъ осѣдланый, съ навѣшеннымъ черезъ сѣдло оружіемъ, покрытый чернымъ коленкоромъ конь его, если онъ холостъ, а если былъ женатъ (или вдовецъ), то и конь его жены. Если — покойница, то выводится только ея конь, хотя была-бы и замужняя. Женщины дѣлятся на двѣ группы: одна группа, поднося руки ко лбу, какъ бы царапаетъ себѣ лицо (г. *abəzəb zəbək*) и произноситъ: «вовăу» (wəwəw), другая такимъ же путемъ отвѣчаетъ: «вавăу» (wəwəw). Это называется *awəwəga* *говоритъ* || *произноситъ «вовăу»*. Всѣ родственники стоятъ вмѣстѣ въ отдаленіи и, по окончаніи «авовăу», послѣдній разъ оплакиваютъ его 2). Гробы у абхазовъ двоякіе: безъ крышки — a-šəwəbəd и съ

1) Одинъ престарѣлый абхазъ перешагнулъ черезъ «этотъ стыдъ» и оплакалъ свою старуху-жену лѣтъ 30 тому назадъ; и до сихъ поръ абхазы не могутъ простить ему это нарушеніе табу, хотя нарушившій обычай давно скончался. Одинъ изъ членовъ Комиссіи заявилъ, что онъ похоронилъ всѣхъ своихъ семерыхъ дѣтей, не проронивъ ни одной слезинки (на виду людей, конечно)!

2) Особенно слѣдуетъ отмѣнить порядокъ выраженія горя абхазами звукомъ: 1) первый нестройный, несвязный звукъ, выражающій вопль отчаянія, называется *ə-həga* — «крикъ», (г. *əzəkə*); 2) за нимъ слѣдуетъ стройный, красивый нараспѣвъ плачъ женщины съ причитаніями — a-mətkma — амытка (г. *əmətk*) мо-əqma и стройный нараспѣвъ плачъ мужчины; 3) далѣе a-wəw — «аууу»; 4) *həwa* — это уже своего рода гимнъ; 5) a-məgda — «амѣрга». 6) a-zəg — «азăръ», г. *əzək* zəg-1). Послѣдній плачъ-пѣсня нынѣ превращается въ обыденную пѣсню, которая поется на всѣхъ скачкахъ, кромѣ свадебныхъ, а пятый видъ пѣсни-плача — a-məgda — поется на *ə-šəpšaga* хъ.

Пользуюсь случаемъ и повторяю, что у абхаза на каждый жизненный случай сложена особая пѣсня-гимнъ. Слѣдуетъ немедленно собрать этотъ матеріалъ по живой старинѣ, тѣмъ болѣе, что, насколько мнѣ извѣстно, у другихъ лѣтидовъ пѣсней-гимновъ очень мало сохранилось: подъ вліяніемъ христіанства онѣ исчезли изъ народной памяти.

крышкою — a-kəba (г. *əzəkə* kubo). За симъ вынось тѣла, причемъ родня, какая бы погода ни была, провожаетъ его до могилы босою. Покойникъ хоронится въ новомъ платьѣ. При вынось тѣла покойника, если онъ старшій въ семьѣ, черезъ крышу дома перебрасывается веревка, и за концы ея крѣпко держатся люди: они «связываютъ домъ», какъ выражаются абхазы. При вынось же тѣла грудного младенца, мать его какъ бы связывается: ей на шею накидывается надъочажная цѣпь — «арыхнышна»; а по другой версін — она три раза проводится черезъ кольцо (кругъ) двухъ сплетенныхъ надъочажныхъ цѣпей. При вынось же со двора трижды опускается гробъ на землю, послѣ чего грѣшно (*igəhəw*) плакать. Послѣ выноса со двора покойника одною изъ чистыхъ женщинъ подметается домъ, при чемъ съ соромъ и метла выбрасывается, тоже и у мингреловъ.

Аншанъ (*ə-nšan*). По вынось тѣла, вся одежда покойника (или покойницы) приводится въ порядокъ, какъ бы спящій человекъ въ полномъ одѣяннѣ лежитъ на тахтѣ: это и называется «а-ншанъ». Въ продолженіе сорока дней (а иногда и далѣе) запоздавшіе родственники и знакомые оплакиваютъ покойника передъ этимъ «аншанъ». Послѣ этого убираютъ, хотя при надобности опять готовятъ его.

Взаимопомощь. У насъ, въ с. Адзюбжѣ, при похоронахъ устраиваются и угощенія гостей: всѣхъ должны накормить и напоить. Прежде для этой цѣли каждый сосѣдъ обязанъ былъ приносить большой чурекъ, начиненный орѣхами, а сосѣдки здѣсь же готовили похлебку изъ фасоли. Въ послѣднее время этотъ обычай переходитъ въ область преданій, а угощаютъ гостей уже хлѣбомъ, причемъ каждый дворъ обязанъ принести отъ 20 коп. до 10 рублей и болѣе, смотря по состоянію и по степени близости родства. Эта помощь называется *aqtafə* «то, что кладется сверху», «дается». Эти приношенія принимаются только въ томъ случаѣ, если годичныхъ поминокъ не думаютъ справлять. Вообще абхазы въ высшей степени общительный народъ: и въ горѣ, и въ радости они помогаютъ другъ другу; у нихъ ничто не дѣлается за плату въ этихъ случаяхъ: даже могилы у нихъ роются по очереди сосѣдами бесплатно.

Кладбище. Общихъ сельскихъ кладбищъ у нихъ нѣтъ; если все-таки на прекрасныхъ холмикахъ и лужайкахъ встрѣчаются групповыя кладбища, то это родовыя. Хоронить покойниковъ при церквахъ начали въ послѣднее время. И христіане и мусульмане хоронятся вмѣстѣ: религіознаго антагонизма у абхазовъ нѣтъ. Вообще абхазы хоронятъ своихъ покойниковъ въ ими же излюбленныхъ мѣстахъ: въ садахъ, на холмикахъ, при пробѣжкахъ дорогахъ подъ тѣнью столѣтнихъ деревьевъ и т. д. Поэтому по всѣмъ

селама разбросаны абхазскія кладбища, надъ коими большею частью воздвигнуты небольшія крытыя постройки въ видѣ бесѣдокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ а-ħaḡḡan («ḡḡan»).

Àḡḡa воспитанникъ, -ница. Смерть воспитанника одно изъ величайшихъ несчастій для того рода, кто его воспиталъ. И потому всякая кормилица-абхазка часто молится: «Да не удостоитъ меня Богъ увидѣть смерть моего воспитанника!» Весь родъ воспитателей въ продолженіе сорока дней валяется передъ «аншанъ» воспитанника на сырой землѣ: всѣ босы, въ траурѣ, женщины въ язвахъ. Трудно передать картину ихъ несчастійшаго состоянія. И неудивительно: до сихъ поръ ни одна родственная связь въ Абхазіи не сильна въ той степени, какъ связь воспитанника съ воспитавшимъ его родомъ. На то и свое социальное оправданіе, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Тотъ родъ, у котораго есть воспитанникъ, не имѣетъ, по обычаю, права ношенія обыкновеннаго траура (чернаго коленкора) по другимъ близкимъ умершимъ, рвать на себѣ одежду и волосы, царапать лицо, ходить босою. Они носятъ въ знакъ траура черный ситецъ по своимъ близкимъ покойникамъ.

Постъ. Со дня смерти до похоронъ родственники и всѣ друзья постятся: не принимаютъ ни мясной, ни молочной пищи. Со дня же похоронъ до а-sàbshaḡḡa постятся всѣ домашніе и ближайшіе родственники. Часто матери и сестры по цѣлымъ годамъ отказываются отъ мясной пищи.

Отрощеніе волосъ. Всѣ близкіе родственники покойника въ знакъ траура отрачиваютъ себѣ волосы до совершенія главныхъ поминокъ, которыя обыкновенно справляются черезъ годъ послѣ смерти. Не разъ слышалъ я отъ абхазовъ, что на томъ свѣтѣ эти волосы даютъ прохладную тѣнь душамъ покойниковъ, по комъ носятъ. Послѣ поминокъ волосы снимаются, причемъ первый клочекъ волосъ отрѣзываетъ тотъ, кого родственники хотятъ имѣть замѣнъ покойника: такая родственная связь очень сильна у абхазовъ. Обрядъ этотъ называется «ахахукацсарà» (а-ḡaḡḡaḡaḡaḡa—«бросать || снимать волосы съ головы»). У мингреловъ тоже существуетъ этотъ обрядъ.

Водвореніе (возвращеніе) душъ. Сугубое несчастіе постигаетъ абхаза, если онъ утонетъ, или упадетъ съ дерева или со скалы и умереть. Души этихъ несчастныхъ обречены за неимѣніемъ пріюта (тѣла) на тоскливое годичное блужданіе и вопли: по ночамъ онѣ бродятъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ разстались со своими земными пріютами-тѣлами, и жалобно ищутъ ихъ. Вотъ почему абхазы прилагаютъ всѣ усилія, чтобы соединить эти несчастныя души съ ихъ тѣлами. Прежде всего разыскивается трупъ и обычнымъ порядкомъ предается землѣ, при этомъ, если человѣкъ упалъ съ

дерева, то дерево это срубается, ибо въ немъ, значитъ, поселился злой духъ дерева. Если со скалы слетѣлъ, то отъ нея отламываются куски, чѣмъ и разрушается обиталище злого духа горъ. Потомъ приступаютъ къ розыску души несчастнаго. Если обычно до похоронъ родственники и сосѣди покойника прекращаютъ всѣ работы, то въ такихъ случаяхъ вся община, прекративъ работы, ищетъ душу несчастнаго. Розыски происходятъ такъ. Вся община, переодѣвшись въ бѣлое праздничное платье, является на берегъ рѣки (къ дереву, скалѣ), въ волнахъ которой погибъ покойникъ. Къ ней прибавляются другіе общинники. Народъ дѣлится на двѣ половины и занимаетъ по одному берегу. Черезъ рѣку, откуда былъ вытасченъ трупъ покойника, протягивается новый шелковый (гдѣ возможно, позолоченный) шнуръ, на которомъ виситъ съ обѣихъ сторонъ очищенный, еще не бывшій въ употребленіи бурдюкъ-мѣхъ (à-ħaḡḡa—sḡḡaḡa, м. bḡḡaḡa ḡaḡḡa), съ открытымъ концомъ. У этого конца стоитъ самое близкое и любимое покойникомъ лицо. Собравшіеся на обоехъ берегахъ рѣки мужчины и женщины поютъ пѣсни подъ звуки чонгур-и и айхярца. Лицо, стоящее у бурдюка, приглашаетъ душу утопленника войти въ него и отправиться вмѣстѣ съ ними на мѣсто вѣчнаго упокоенія. «Не бойся меня», говоритъ онъ, «ты знаешь, что я тебя любилъ и люблю и никогда не измѣню тебѣ. Довѣрься мнѣ, войди въ бурдюкъ и тѣмъ успокой народъ, который, какъ ты самъ видишь, тебя ждетъ здѣсь съ плясками и веселіемъ. Идемъ вмѣстѣ къ твоей могилѣ!» и т. д. Блуждавшая душа входитъ въ мѣхъ, концы котораго завязываются шелковыми шнурами и съ пѣніемъ и плясками несутъ ее (душу) на кладбище, гдѣ развязывается конецъ мѣха, и она выпускается въ могилу утопленника. Народъ расходится по домамъ, весьма счастливый и довольный своимъ успѣхомъ. Если трупъ утопленника не найденъ, то, естественно, и души его нельзя водворить. Такая душа въ продолженіе цѣлаго года по ночамъ жалобно воетъ и ищетъ свой трупъ, но тщетно.

Водвореніе душъ упавшихъ съ дерева и горы происходитъ тѣмъ же порядкомъ, только шнуръ протягивается надъ мѣстомъ гибели покойника. Этотъ обрядъ называется а-ḡsəḡḡaḡa (ацсытгара—sḡḡaḡaḡaḡa): аḡsəḡḡaḡa—вынуть изъ чего либо. Неводворенная душа превращается въ а-ḡaḡḡaḡaḡa: она отъ живыхъ ушла, и къ мертвымъ не пристала. У гурійцевъ извѣстенъ bḡḡaḡaḡaḡa-1, какъ вампиръ (ушырь).

À-ушḡaḡḡaḡa. À-ушḡa—«длинный и узкій столъ» (м. ḡsḡaḡaḡa tabak-1), а-ḡ-ḡḡaḡa—«ставить», «постановка», àушḡaḡḡaḡa—«постановка», «накрытіе стола». Подъ этимъ названіемъ извѣстны приношенія пищи мертвымъ, ихъ угощенія. Тотчасъ же послѣ смерти у изголовья покойника накрывается столъ,

на который подаются излюбленные имъ блюда. Тутъ же дымящаяся трубка, если только онъ куритъ. Если христiанинъ, горитъ и свѣча. Эти приношенiя за каждымъ обѣдомъ и ужиномъ повторяются до сорока дней. Съ этого же дня до годичныхъ поминокъ подается его доля пищи (порція) на общій столъ, причемъ подъ вечеръ каждой субботы особо готовится ужинъ изъ лучшихъ блюдъ, въ посту—постныхъ, а въ обычное время—скоромныхъ. Аупа ставится у открытыхъ дверей, и на нее ставятся подаваемые кушанiя. Горитъ свѣча. Тамъ же и жаръ для асакумалъ (a-sak.mäl, г. სკუმელი sakmel-i < სკუმელი sa-kmev-el-i [**sa-kwem-el-i*]), т. е. ладана. Старшій въ семьѣ приглашаетъ душу покойника принять пищу, причемъ отрѣзываетъ и отламываетъ кусочки отъ кушанiй и возливаетъ вино на нихъ, а потомъ кусочекъ ладана кладетъ на жаръ. Его примѣру слѣдуютъ всѣ взрослые. Минутъ десять всѣ стоятъ молча. Въ это время черезъ эти двери нельзя ни входить, ни выходить, чтобы не помѣшать. Этимъ не кончаются заботы живыхъ о насыщенiи душъ мертвыхъ.

Вѣчное поминовенiе усопшихъ. Такiя же приношенiя происходятъ повсемѣстно на второй день св. Пасхи, въ день Петра и Павла — Портаба (Pertaba), въ дни Успенiя Богородицы и Рождества Христова. Эти приношенiя общiя — для всѣхъ новыхъ и старыхъ покойниковъ, которыхъ при этомъ просятъ «быть защитниками и покровителями ихъ во всѣхъ явленiяхъ жизни». «Не лишайте насъ за наше невидѣнiе теплоты глазъ вашихъ и любви сердецъ вашихъ! Умножьте нашъ родъ, чтобы онъ могъ достойно служить вамъ. Умножьте стада наши!» и т. д. Абхазъ глубоко вѣритъ, что отъ этихъ приношенiй души усопшихъ насыщаются.

Asäbšaqə. A-säbša суббота, а-қə (бз. а-қə) доля, вмѣстѣ — доля субботы. Во вторую или въ третью субботу послѣ смерти устраиваютъ asäbšaqə: закалываютъ барашка или овцу, а богатые и быка, готовятъ всевозможныя сладкiя кушанiя, приглашаютъ священника для освященiя пищи и угощаютъ гостей. Съ этого дня разрѣшается родственникамъ принимать скоромную пищу.

Абака. Абхазы для того, чтобы отмѣтить имя покойника, устраиваютъ крытыя постройки въ видѣ бесѣдокъ или ротондъ, при чемъ къ нимъ придѣлываются и тахты для путешественниковъ. Спереди этихъ ротондъ устанавливаются столбы съ крючками для привязыванiя лошадей. Эти постройки называются абака (a-bakä, აბაკი). Въ нихъ путникъ находитъ въ зной прохладу, въ дурную погоду — кровъ. Онѣ строятся при большихъ дорогахъ между селами и называются именемъ покойниковъ, въ честь которыхъ устроены. Во многихъ мѣстахъ построекъ этихъ ужъ давно нѣтъ, а названiя все-таки остались за ними.

Нужно отмѣтить, что въ этихъ, вновь выстроенныхъ абакахъ и гробницахъ путешественникъ находитъ кушанья, напитки и фрукты¹⁾. Они ихъ ѣдятъ, но посуду никто не трогаетъ. Про эти абака и гробницы въ моихъ тетрадяхъ имѣется слѣдующая записка:

«Страшная погода загнала путешественника въ одну изъ гробницъ, гдѣ онъ и заснулъ. Вдругъ онъ просыпается и слышитъ странный подземный разговоръ. Одинъ женскій голосъ говоритъ: «Сосѣдка, ко мнѣ пріѣхалъ голодный гость; дай немного муки, и я приготовлю ему ужинъ. Нигдѣ не могла раздобыть себѣ муки». Второй женскій голосъ будто бы отказалъ ей въ мукѣ за неимѣнемъ. Первый же голосъ страшно сожалѣлъ, что не можетъ угостить путника. Чтобы успокоить подземное существо, путникъ покинулъ гробницу». Послѣ такого откровенiя абхазы стали будто бы уменьшать свои попеченiя о такого рода постройкахъ.

Afäga скамейка, мѣсто сиднiя²⁾. При большихъ дорогахъ въ тѣни деревьевъ въ память своихъ покойниковъ абхазами устраиваются скамейки, извѣстныя подъ названiемъ afäga (атвара). Имъ присваиваются имена тѣхъ покойниковъ, въ честь коихъ и сдѣланы.

Колодцы. Также вырываются въ безводныхъ мѣстахъ и колодцы имени покойниковъ.

Aqsqəgə: aqsə — душа, а-қə — доля означаетъ «отдать душѣ ея долю». Такъ называются главныя поминки у абхазовъ. Поминки эти обыкновенно пріурочиваются къ годовщинѣ смерти, но часто оттягиваются и на два, три года. Ни одно явленiе въ абхазской жизни не обставляется такою торжественностью, какъ эти поминки: всю свою энергiю, все умѣнiе, всю свою душу вкладываетъ абхазъ въ эти поминки. Вѣсть о хорошихъ поминкахъ съ молниеносною быстротою переходитъ изъ устъ въ уста. Объ этихъ поминкахъ прекрасныя абхазки напѣваютъ на своихъ сладкозвучныхъ чонгурахъ, а абхазы — на айхярца. Никакая укоризна не обидна такъ, какъ укоръ, брошенный абхазу: «ты для своего покойника не могъ отлить ни одного «акопей»³⁾ воды», т. е. не могъ справить поминокъ! Вотъ почему абхазъ прилагаетъ всѣ силы, чтобы справить поминки. Къ нему на помощь въ этомъ случаѣ идетъ и общественная солидарность: всякій родственникъ

1) Небезынтересно привести слѣдующiя строки изъ М. Хоренскаго (стр. 135): «Тигранъ послѣднiй (арм. царь), желая почтить могилу брата своего, главнаго жреца Мажана..., воздвигнулъ надъ могилою жертвенникъ съ тѣмъ, чтобы проходящіе могли пользоваться отъ жертвоприношенiй, а странники получать ночлегъ».

2) Afägä, съ ударенiемъ на послѣднемъ слогѣ, — «сидѣть», «садиться».

3) Акопей (a-korey, г. აკოე kore) — «ковшъ изъ горькой тыквы».

и свойственниковъ обязанъ оказать помощь, которая подраздѣляется на двѣ категории.

Apsàdafe. Помощь убойнымъ скотомъ — овцами и баранами, ко-
ровами и быками — называется *apsàdafe to, što daetsja duš*, другого
рода помощь — деньги, лошади, ситець и т. д. — извѣстна подъ названіемъ
aqtafe. По степени близости родства и опредѣляется помощь. Не-род-
ственники не обязаны оказывать помощь, хотя должны посѣтить поминки.
О днѣ поминокъ оповѣщаются за нѣсколько недѣль родственники, знакомые
и односельчане. Если на поминкахъ предполагается устроить и скачки, то
объ этомъ оповѣщаются за 1½—2 мѣсяца раньше, чтобы дать возмож-
ность приготовить скакуновъ. Всѣ приготовления и работы при поминкахъ
исполняются сосѣдями совершенно безвозмездно: они собираются и работы
распредѣляютъ между собою, а старики руководятъ ими. Поминки эти оди-
наково устраиваются какъ христианами, такъ и мусульманами.

Наканунѣ все платье покойника достается и кладется на тахту въ
такомъ порядкѣ, какъ оно надѣвается на человѣка, или «развертывается
аншанъ», какъ говоритъ абхазъ. Я выше забылъ отмѣтить, что, если
имѣется платье умершаго воспитанника или недавно умершаго родственника,
или ихъ карточки, то наряду съ новымъ аншанъ кладутся и ихъ аншаны,
и близкіе родственники ихъ тоже оплакиваютъ. Оружіе развѣшивается
около аншанъ на стѣнѣ. Сосѣди и близкіе родственники собираются въ этотъ
день и въ обычномъ, выше описанномъ, порядкѣ оплакиваютъ аншаны.
Конь (или кони) выводится только въ самый день «айсхура». Всѣ тѣ, ко-
торые должны привести какое-либо животное, приводятъ его въ этотъ день,
особенно подъ вечеръ, когда народу собралось много. Приводъ этихъ жи-
вотныхъ замѣчателенъ въ жизни абхаза. Вотъ родственникъ со своими про-
вожатыми приближается къ воротамъ и черезъ нарочнаго справляется,
можетъ ли онъ войти. Получивъ утвердительный отвѣтъ, они вводятъ быка
(или лошадь). Благородное животное съ ногъ до рога украшено. Рога его —
съ серебряной или иной блестящей обивкой; тѣло часто покрыто са-
ваномъ съ разноцвѣтными украшеніями. Черезъ спину перекинутъ *à-qanape*
(*a-qa kashan*, па- (< па-рѣ) *рука* и *a-qa naniživat*, *вить что-либо*):
на длинномъ шнурѣ нанизаны, вперемежку каштанъ, груши, яблоки, а въ
последнее время и крендели. За быкомъ спереди и сзади съ зажженными
свѣчами идутъ провожатые. Его водятъ по двору трижды, «оборачиваютъ
около себя» (заставляютъ сдѣлать 3 круга), причемъ три раза поютъ ис-
ключительно въ этихъ случаяхъ употребляющуюся «пѣсню» *həuwa* («*хэуа*»)).
Эта процессія въ высшей степени картинна и интересна. Въ такомъ по-

рядкѣ вводятъ всѣхъ животныхъ. Послѣ этой процессіи происходитъ опла-
киваніе. Отмѣчу, что половина мяса и кожа животного, по обычаю, при-
надлежитъ тому, кто приводитъ.

Всѣ гости угощаются ужиномъ, послѣ чего они расходятся. Остаются
только тѣ, кто хочетъ продежурить ночь у аншанъ, кто хочетъ принять участіе
въ *ačaišara* (*šəjəšə a-čəšara* [по-бз.: *à-čəšara*]), особенно молодежь
обоого пола. Эта ночь — ночь веселья, смѣха и каламбуровъ. Абхазъ весьма
чутокъ къ насмѣшкамъ и никогда никому не даетъ спуска; но въ данномъ
случаѣ не принято обижаться. Этимъ обстоятельствомъ пользуются остряки,
изъ устъ коихъ, какъ изъ роговъ изобилія, такъ и сыплются горькія истины,
при другихъ обстоятельствахъ недозволенные. Присутствующіе дѣлятся
на двѣ группы (хора) и поютъ *aməda* (амерта — *əməda*), которая и поется
исключительно на этихъ канунахъ. Запѣвало какой либо стороны начинаетъ
такъ: «*Wa, məda — dəda səzədəram, aqə*» и дальше прибавляетъ свой
экспромптъ, характеризующій (дурно или хорошо) кого-либо изъ членовъ
противной стороны. Запѣвало другой стороны отвѣчаетъ тѣмъ же. Слова
«мерта — черта» мнѣ непонятны, если они не имѣютъ отношенія къ грузин-
ской фразѣ *əməda vəda* (*gmerdo dəto* *Боже мой*). «Сызыдырамъ, аха»
«значить не знаю (я), но». «Амерта» смѣняютъ легенды, сказки и загадки, и
такъ проводится время до утренней зари. «Амерта» поется только при по-
минкахъ стариковъ и старухъ, отжившихъ свой вѣкъ.

Рано утромъ сосѣди и родственники начинаютъ стекаться, и каждый
принимается за свою работу. Позднѣ прибываютъ и остальные. Оплаки-
ваютъ только родственники и друзья; для остальныхъ теперь необязательно
оплакиваніе. Часто «аншанъ» выносятся на дворъ подъ особый навѣсъ. Здѣсь
же и конь (или кони) покойнаго. Народъ садится подъ особые навѣсы —
a-šəfa (м. *šəjə* шефа, гур. *sefa* || *sefe*). Масса дѣтей. Нужно подчеркнуть,
что всякій имѣетъ право посѣтить эти поминки. Сосѣди варятъ мамалыгу
и мясо. Когда рѣжется (закалывается) жертвенное животное, говорятъ:
«На томъ свѣтѣ да пошлетъ его Богъ въ твою пользу!», т. е. пусть Богъ
удостоитъ тебя пользоваться имъ на томъ свѣтѣ. Каждый готовитъ своихъ
жертвенныхъ животныхъ. Сосѣдки-абхазки все свое умѣніе въ кулинарномъ
искусствѣ проявляютъ на этихъ поминкахъ. Ни одно пиршество въ Абхазіи
не можетъ сравниться въ обиліи и разнообразіи блюдъ съ айсхура. Есть блюда
и пряности, которыя готовятся исключительно для этихъ поминокъ, въ част-
ности *a-šəqəšə* — «печеніе изъ меда» (букв. «замороженный медъ»). Кромѣ
мяса и гоми готовятся: молочная каша изъ риса — *asatləš* (*a-satləš*), по-
хлебка изъ фасоли и мяса, блюда изъ макаронъ и вермишели, разные пе-

ченія и т. д. Все нужное количество молока, сыру и кислого молока для поминокъ доставляется даромъ населеніемъ.

Акянть¹⁾ (a-қап).

Во дворѣ на самомъ видномъ мѣстѣ стоитъ акянть (или акялтанть). Эта высокая свѣча сажени въ 3—4. Дѣлаютъ ее такимъ образомъ: берется длинный шестъ въ діаметрѣ въ 2—3 вершка; мѣстами выдабливается, и углубленія заполняются то порохомъ, то сѣрою, то инымъ взрывчатымъ веществомъ; снаружи шестъ этотъ обтягивается полосатымъ, сильно навощеннымъ полотномъ; ставится на ножкахъ. Сверху горизонтально навѣшивается деревянный крестъ, въ центрѣ коего на стержнѣ красуется фигура птицы, которая, вѣроятно, символизируетъ стремленіе человѣка къ небесамъ. Къ концамъ креста прикрѣплены роскошные кисеты (a-қаса, г. қаса qesa, қаса qisa) и платки. Акянть имѣетъ и свѣчи въ видѣ вѣтокъ. Подъ конецъ айсхура искусными стрѣлками сбиваются птица и другія вещи, кои служатъ добычею тѣхъ, кто ихъ подбилъ. Послѣ этого акянть зажигается, и онъ горитъ и по временамъ даетъ взрывы.

По объясненію Комиссіи, встарину акяны употреблялись только при поминкахъ знатныхъ особъ — дворянъ и князей.

Ащатака. При поминкахъ же употребляется длинная (саженной въ 10) свѣча — ащатака (ащатака): она сложена на подобіе двухъ усѣченныхъ, концами соединенныхъ конусовъ.

Скачки. На «большихъ» поминкахъ устраиваются и скачки, которыя собираютъ абхазовъ со всей ихъ прекрасной родины. Скачки — это любимѣйшій спортъ абхазовъ; они готовы на цѣлыя недѣли прервать свои работы, только бы посмотреть на нихъ. Состоятельные родные покойниковъ стараются непременно устроить скачки. Зачастую призы довольно большіе; но владѣльцевъ скакуновъ манятъ не призы, а слава. Вѣсть о побѣдѣ того или иного скакуна моментально обходитъ всю Абхазію: со всѣхъ сторонъ сыплются похвалы и привѣтствія. Вообще абхазъ любитъ своего вѣрнаго друга — коня, и для него ничего ему не жаль. Каждого скакуна провожаетъ масса лицъ съ пѣніемъ исключительно при тѣхъ случаяхъ употребляющагося «азаръ» (a-zâr, г. азаръ azar-1). Маленькій жокей частыми выкрикиваніями поощряетъ своего скакуна. Скачутъ въ кругъ или съ большого разстоянія.

1) Также акялтанть (a-қалантар, г. келептар keleptar-1).

Афѣгѣмагга («игра лошадей» — джигитовка). Джигитовка или, какъ они называютъ, «игра лошадей» въ большомъ почетѣ на поминкахъ. Джигитуютъ группами. Предъ отправленіемъ на скачки, приносится жертва божеству лошадей — афѣцацапа. При чемъ просятъ: «при раздачѣ сегодняшняго выморочнаго имущества не оставь и насъ безъ доли» и т.

Афатѣу. Для поминокъ готовятся разныя красивыя вещицы: кисеты, платки, полотенца, шелковые очкуры и т. п. Молодой наѣздникъ подѣбжааетъ къ назначенному лицу и получаетъ одну какую нибудь вещицу. Онъ въ сопровожденіи другихъ наѣздниковъ отѣбжааетъ отъ толпы и пускается во всю прыть; тѣ за ними вскачъ; онъ старается не дать себя поймать: не поймали, эта вещь у него остается, а то принадлежитъ тому, кто его поймалъ. Послѣ этого «афарчей» беретъ уже другой; такъ до самаго вечера. Къ концу поминокъ выдается самый главный призъ — «афарчей», которымъ и заканчивается игра.

Бѣга взапуски. Устраиваются и бѣга взапуски молодыхъ людей съ назначеніемъ призовъ.

Стрѣльба въ цѣль. Особенно въ большомъ почетѣ была стрѣльба въ цѣль, но въ послѣднее время она, всилу запрещенія мѣстной власти, переходитъ въ область преданій. Конечно, и стрѣлкамъ назначались призы.

Метаніе камней и соревнованіе въ прыганіи въ былое старое время были тоже въ большомъ почетѣ.

Аупагларга. Когда всѣ приготовленія закончились, происходитъ «установка стола» передъ «аншанъ». Столъ освящается священникомъ, или муллою, послѣ чего подходятъ пожилые люди и кладутъ по кусочку ладана на жарь, причемъ говорятъ: «На томъ свѣтѣ да пошлетъ Богъ его въ твою пользу. Послѣ этого подается обѣдъ сначала мужчинамъ, а потомъ и женщинамъ. Пьянствовать на поминкахъ позорно.

Не будетъ преувеличено, если отмѣчу, что въ жизни абхазовъ въ смыслѣ воспитательномъ эти поминки играютъ такую же роль, какъ олимпійскія игры въ жизни греческаго народа. Здѣсь, на этихъ поминкахъ, да на свадебныхъ процессіяхъ получаетъ молодое поколѣніе все свое воспитаніе. Здѣсь же завязываются новыя знакомства и связи.

Одухотворенные предки. Adnəkow <adənəkow онъ (дома) находящійся¹⁾. По мнѣнію Комиссіи adən-əkow — это души нашихъ предковъ. Эти души — наши покровительницы и защитницы, если чѣмъ нибудь мы ихъ не

1) По моему афѣгѣмагга (афѣгѣмагга) и афѣгѣмагга (афѣгѣмагга) мингрельцевъ не что иное, какъ эти «а-двн-икоу»: при жертвоприношеніяхъ Ортѣ тоже приглашаются души предковъ, но объ этомъ особо.

разгнѣвали. Въ такихъ случаяхъ мы должны расположить ихъ къ себѣ, умиловать и искупительными жертвоприношеніями. Этимъ «внѣ дома находящимся» приносится жертва при родахъ; имъ же молятся, между прочимъ, при «введеніи» новѣсты въ большой домъ. Кромѣ всего этого, а-ѣнѣковъ приналежитъ первое молоко послѣ Айтарь-Мкамгарія: послѣ отеленія коровъ и буйволицъ молока ихъ нельзя употреблять въ пищу, пока въ одинъ изъ понедѣльниковъ не принесутъ жертвы Айтарь для коровъ и Мкамгарія для буйволицъ, въ слѣдующую же субботу приносится жертва и «адвни-коу»: готовятъ àylard' (м. རྩལ་ལྷོ་ elard'-i) > àylad, и à-ḡamaqa (м. རྩལ་ལྷོ་ཤུག་ཤུག་) — это мамалыга, сваренная вмѣстѣ съ творогомъ, — каждая особымъ образомъ готовится; ставится у дверей столъ, какъ обыкновенно при àuṣarglaga, на который подаются «айларджъ», «ачамаква», aḡərṭē (кислое молоко) и зажигаются свѣчи (для коровъ — двѣ, а для буйволовъ столько паръ свѣчей, сколько буйволицъ дойныхъ), при чемъ старшій въ семьѣ молится: «Вы, внѣ дома находящіеся, и старые и новые (aḡərṭəu aḡərṭəu)! принося смиренно отцами нашими установленную жертву, просимъ васъ быть хранителями и защитниками нашими и нашихъ стадъ; умножьте наши стада, не дайте намъ никакого вреда, кромѣ полинялой (старой) шерсти и старого навоза и т. д.». Послѣ этихъ жертвоприношеній молоко и его продукты уже годны для употребленія живыхъ: божествамъ и мертвымъ даны ихъ доли!

Въ заключеніе нахожу нужнымъ привести здѣсь слѣдующее мѣсто изъ сказаній о Нартахъ.

Разъ одинъ абхазъ случайно попалъ на тогъ свѣтъ къ Нартамъ. Послѣдніе очень обрадовались его появленію и осыпали случайнаго гостя вопросами о семь мірѣ. Насталъ обѣденный часъ. Вмигъ накрылись столы всѣхъ Нартовъ и другихъ обитателей подземнаго міра и появились роскошныя блюда. Лишь одинъ столъ Сесрыквы Нарта остался не накрытымъ. Сосѣди и братья надѣлили Сесрыкву кушаніями. На вопросъ абхаза, почему Сесрыкву обошли, послѣдній отвѣтилъ: «Я скончался послѣ всѣхъ своихъ братьевъ, не оставивъ себѣ наслѣдниковъ; не оказалось у меня и такихъ друзей, которые справили бы по мнѣ «айсхура», и я остался безъ поминокъ! Вотъ почему мой столъ на этомъ свѣтѣ пустъ: вѣдь здѣсь подается намъ, душамъ, ежедневно все то, что подано нашимъ душамъ на томъ свѣтѣ нашими родственниками, особенно въ день «айсхура». Поэтому я здѣсь осужденъ на жалкое существованіе, на подачки сосѣдей до тѣхъ поръ, пока кто-либо не вспомнитъ обо мнѣ и не устроить по мнѣ тризны».

Случайный гость абхазъ сжался надъ славнымъ Нартомъ, слава коего до сихъ поръ гремить по всей Абхазіи, заручился его согласіемъ и, по возвращеніи домой, устроилъ роскошныя поминки по немъ. За это Нартъ Сесрыква наградила его своими чудными собаками и «а-рашомъ», сказочнымъ конемъ (а-гац, ср. г. ႠႬႬ ႠႬ-1).

III. Свадебные обычаи ¹⁾.

По адату абхазская молодежь не имѣетъ права говорить предъ старшими въ родѣ и въ общинѣ, предъ отцомъ и матерью, старшими сестрами и братьями о своемъ желаніи вступить въ брачный союзъ: таковое свое желаніе молодежь передаетъ старшимъ черезъ посредниковъ, что младше ихъ самихъ по возрасту. Вообще, личность абхазской молодежи сильно скована вѣками освященными обычаями: она въ присутствіи старшихъ не имѣетъ права даже шутить вообще о супружескихъ отношеніяхъ, курить табакъ, переходить съ виномъ «аллаверды» къ старшимъ, раньше нихъ привѣтствовать, здороваться или отвѣчать и т. д. Адатомъ выработанъ цѣлый кодексъ этихъ взаимоотношеній, свято соблюдаемыхъ до сихъ поръ.

Какъ только молодой человѣкъ подросъ, родители прилагаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы дать возможность ему поближе ознакомиться если не со всею Абхазіею, то по крайней мѣрѣ съ тою частью ея, въ которой онъ живетъ: никакая спѣшная работа не остановитъ родителей отъ посылки сыновей на «большія» поминки и свадьбы. «Пусть знакомится съ людьми, а работать и потомъ успѣетъ», говорятъ родители. Свадьбы же и особенно поминки являются центромъ абхазской общественной жизни, при чемъ посѣщеніе ихъ безъ приглашенія освящено обычаемъ: напротивъ, неприглашенные гости пользуются особымъ вниманіемъ. «Мы всѣ свои, а вотъ они—истинные гости», говорятъ абхазы. Въ Абхазіи существовалъ обычай отдавать молодыхъ людей на нѣкоторое время виднымъ, съ большими связями лицамъ—дворянамъ и князьямъ, которымъ они прислуживали, сопровождая ихъ во всѣхъ путешествіяхъ: «Пускай побываетъ вездѣ и учится у людей», говорили родители. Обычай этотъ въ настоящее время «меркнетъ и гаснетъ». Хотя и теперь молодой абхазъ въ своихъ «странствованіяхъ» долженъ находиться какъ бы въ «свитѣ» одного изъ старшихъ, долженъ кого нибудь сопровождать. Упрекъ, что такой-то «не знаетъ дорогъ дальше своего села», равносильнъ въ глазахъ абхаза «ничего-незнанію». Вотъ на этихъ помин-

1) См. Моамбэ, 1897, V.
Христианский Восток.

кахъ и свадьбахъ получаетъ абхазская молодежь все свое воспитаніе и обученіе. Вотъ въ этихъ странствованіяхъ, на этихъ свадьбахъ и поминкахъ завязываются новыя знакомства, новыя связи, а часто и любовь. Влюбились другъ въ друга молодые люди, дали слово не измѣнить другъ другу, и слово закрѣпили обмѣномъ вещицъ: платковъ, колецъ и т. д. Послѣ этого никакая сила не можетъ расторгнуть ихъ: часто случается и такъ, что, поближе познакомившись, одна изъ сторонъ и разлюбить, но адатъ не разрѣшаетъ отказать отъ данного слова; можетъ и такъ случиться, что они оба успѣли разлюбить другъ друга, но все-таки всилу обычая не могутъ отказать отъ данного слова; въ противномъ случаѣ, одна изъ сторонъ заслужить кличку «оставленнаго», «отвергнутаго», а это—страшный позоръ не только для даннаго лица, но для цѣлаго рода, къ которому оно принадлежитъ. Въ такихъ случаяхъ дѣло выносится на общественный судъ. Обѣ стороны (оба рода) приглашаютъ побольше своихъ сторонниковъ. Если судъ старѣйшинъ изъ сторонниковъ обоихъ родовъ удостовѣрится, что дѣйствительно дано слово, и имѣются вещественныя доказательства (подарки), то, не считаясь съ симпатіями и антипатіями отказавшагося отъ своего слова лица, постановляетъ: «исполнить свое слово». Тогда родъ, къ которому принадлежитъ виновная сторона, или долженъ заставить исполнить «данное слово», или же уплатить за «кровь отвергнутаго лица». Но этотъ послѣдній исходъ «не приличенъ», «не лестенъ» для обиженнаго рода, и потому выступаетъ на сцену сила оружія: между заинтересованными родами появляется кровавая месть, и они не щадятъ другъ друга. Отвергнутый женихъ на какомъ нибудь большомъ собраніи объявляетъ: «Такая то особа въ силу даннаго ею мнѣ слова принадлежитъ мнѣ, почему прошу всѣхъ моихъ сверстниковъ, уважающихъ себя и права жениховъ, не отбивать ее у меня! А кто же осмѣлится отбить ее, то для него моя пуля наготовѣ!» Это угроза вполне внушительна: никто не осмѣливается вторгаться въ «чужія права». На одной угрозѣ не останавливается обиженный родъ: онъ принимаетъ энергичныя мѣры къ похищенію невѣсты, или, если этого не удастся сдѣлать, заставляетъ жениха «обезчестить ее». Это «обезчещеніе» состоитъ въ слѣдующемъ: женихъ съ товарищами нападаетъ на невѣсту, рветъ ея одежду и сорваннымъ съ головы ея платкомъ возвращается домой. Этотъ актъ извѣстенъ подъ названіемъ «заставить кричать». Это высшій позоръ, какой только можно нанести абхазкѣ: послѣ этого не испытать ей супружескаго счастья, если только не выйдетъ опять за него же замужъ. Конечно, и родъ невѣсты не останется въ долгу: должна пролиться кровь «противнаго» рода. Такъ могутъ существовать родоваго строя въ Абхазіи!

Если же судъ этотъ не усмотритъ явныхъ доказательствъ виновности даннаго лица, то для успокоенія обиженной стороны заставляетъ обидчиковъ принять присягу слѣдующаго содержанія: «Клянусь всемогущимъ св. Георгіемъ Илорскимъ (или, въ сѣверной Абхазіи, — Дыдрыпшемъ), что, находясь въ твоёмъ положеніи, я не считалъ бы за обиду (à-qəmdəg) то, что ты считаешь». Такая присяга вполне успокаиваетъ и возстанавливаетъ честь оскорбленнаго рода. Только при этомъ дается много соприсягателей.

Можетъ случиться и такъ, что претендентами на сердце данной особы являются два и больше лицъ. Въ такомъ случаѣ всѣ они должны отказаться отъ нея, «освободить ее», какъ выражаются абхазы, а то ихъ претензіи должна разрѣшить пуля.

Не ошибусь, если отмѣчу, что большинство кровавыхъ распрей, столь частыхъ въ Абхазіи, имѣетъ своимъ источникомъ вотъ такія аномальныя отношенія между дѣвцами и юношами, или, по выраженію абхазовъ, «женскій вопросъ» (a-φhəs lətəqə), въ буквальномъ переводѣ—«хвостъ женщины». Не одна прекрасная абхазка ждала и ждетъ цѣлые годы разрѣшенія своего «проклятаго вопроса!» Часто причиною разрыва между молодыми людьми является неравенство въ сословномъ положеніи: могутъ они любить, обожать другъ друга, но если они не равны по сословію, то родъ, считающій себя выше въ сословномъ отношеніи другого рода, ни за какія блага не допуститъ оскорбить память отцовъ своихъ, равнѣвшихъ бракъ «своего сына» или «своей дочери» съ представителемъ низшаго сословія. Здѣсь уже на лицо фактъ насильственнаго разрыва двухъ любящихъ сердецъ въ угоду, казалось бы, давно отжившимъ сословнымъ предразсудкамъ. Къ слову отмѣчу, что, несмотря на то, что уже свыше сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ крѣпостная зависимость упразднена, до сихъ поръ сословія въ Абхазіи живутъ своею обособленною жизнью: брачные союзы между сословіями не разрѣшаются! Русское правительство признало только три сословія: 1) дворянство (дворяне и князья), 2) духовенство и 3) крестьянство, въ которое вошли: а) ашнакма (a-шпəкта, г. ʒəb:ɣəɬ ɬpəкта, б) «чистые крестьяне» — a-nqəwəðqə и в) бывшіе рабы — a-ɬə (ихъ нѣсколько категорій). Ни «чистые крестьяне», ни «ашнакма» не довольны своимъ нынѣшнимъ положеніемъ: «ашнакма» тяготеютъ къ дворянамъ, а «чистые крестьяне» не могутъ мириться съ мыслью, что они попали въ одну категорію съ ихъ бывшими рабами (чистые крестьяне тоже владѣли рабами).

Выше я употребилъ фразы — «свой сынъ», «своя дочь», которыя требуютъ поясненія. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ абхазы говорятъ: «Наша жена», «наши жены» относительно женъ своихъ однофамильцевъ, «наши дѣти»

относительно дѣтей однофамильцевъ, «наши зятья», «наши племянники» (ḥaḥṣaḥaḥa — «сыновья нашихъ сестеръ») относительно сыновей рода по женской линіи и т. д. При этомъ строго воспрещаются брачные союзы между однофамильцами, а также членами рода и его поколѣніемъ по женской линіи. Въ данномъ случаѣ, по моему, мы имѣемъ на лицо съ одной стороны пережитки группового брака, а съ другой — матриархата.

Въ настоящее время большинство брачныхъ союзовъ въ Абхазіи заключается путемъ похищенія невесты, или, какъ они называются, браки заключаются тайно — à-maḥa (səḥsə). Нынѣ причины этого явленія слѣдующія: 1) боязнь, что одна изъ сторонъ родителей, не дасть своего благословенія на заключеніе даннаго союза; если женихъ и его родители увѣрены, что родители невесты не согласятся, то происходитъ похищеніе: съ совершившимся фактомъ легче мирятся гордые абхазы; съ другой же стороны, если женихъ увѣренъ, что его родители не согласятся на данный брачный союзъ, то онъ въ одну прекрасную ночь съ невестою въ сопровожденіи многочисленныхъ «макар»овъ (a-makāgaḥa, г. ḍəḥsəḥsə makag-1 и ḍəḥsəḥsə makḥuḥ-1) — поѣзжанъ является къ роднымъ, которымъ волею-неволею приходится мириться со случившимся фактомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда женихъ убѣжденъ, что дѣло съ той или другой стороны можетъ принять весьма серьезный оборотъ, то со своею невестою онъ является къ какому-нибудь вліятельному лицу (часто дворянину или князю) въ гости; за большой позоръ считается, если это лицо не сможетъ миромъ закончить дѣло. При мирномъ исходѣ это лицо устраиваетъ какъ бы напутственное пиршество, чтобы «показать своихъ гостей людямъ», какъ выражаются абхазы, и съ подарками отпускаетъ домой новобрачныхъ. Вторая причина — это бѣдность, неподготовленность той или другой стороны: абхазская свадьба, какъ увидимъ ниже, сопряжена съ большими расходами, а потому съ обоюднаго согласія для временнаго отсроченія этихъ расходовъ происходитъ «похищеніе дѣвицы» для отвода глазъ.

Если брачный союзъ заключается «а́ргамъ» (à-rḡama *явно, ясно*), то соблюдается слѣдующій порядокъ: отецъ жениха, въ сопровожденіи чело-вѣкъ 10—15 (чѣмъ больше, тѣмъ похвалытѣ), приѣзжаетъ въ заранее условленный день въ домъ невесты съ подарками. При этомъ если домъ невесты имѣетъ своего воспитанника (à-qḥa, бз. à-qḥa), то гости обяза-тельно должны прибѣгнуть къ его помощи и явиться въ сопровожденіи его. Здѣсь устраивается пиръ, на который для развлечения гостей приглашаются почетныя лица села и близкіе родственники. Во время пира происходитъ и передача подарковъ, присланныхъ женихомъ: размѣръ стоимости этихъ по-

дарковъ, конечно, зависитъ отъ состоянія жениха. Въ особомъ почетѣ для этихъ подарковъ лошадь. Состоятельные крестьяне присылаютъ въ настоя-щее время одну хорошую лошадь и золотыя вещи: серьги, браслеты, кольца и т. п.; или эти же вещи и сто рублей деньгами. Невѣста тоже отсылаетъ какую либо вещь жениху. Актъ этотъ извѣстенъ подъ на-званіемъ aḡkagḥaḥa (a-qə — «пуля», a-kagḥaḥa — «бросать», «бросаніе», «оставленіе пули»), а сами подарки жениха — aḡkagḥaḥaḥa, т. е. «то, чѣмъ замѣняется бросаніе пули || равноцѣнно ему». Происхожденіе этого тер-мина таково: въ добрыя старыя времена въ этомъ случаѣ женихъ посы-лалъ невестѣ одну пулю съ однимъ зарядомъ пороха. Эти подарки также называются аматарба́га (a-maḥarḥaḥa). Передача подарковъ проис-ходитъ такъ: во время пиршества просятъ старшаго въ семьѣ (отца, стар-шаго брата и т. д.) сѣсть (до сихъ поръ онъ, какъ и всѣ члены семьи, стоялъ и ухаживалъ, угощалъ гостей), что онъ и исполняетъ. Нѣсколько чело-вѣкъ со стороны жениха поднимаются изъ-за стола, выходятъ и стано-вятся на колѣни; по приказанію руководителя колѣнопреклоненно стоящихъ подается бокалъ вина старшему въ семьѣ, и просятъ выпить вино. Отецъ невесты проситъ подняться на колѣняхъ стоящихъ, изъ коихъ обыкновенно поднимаются два, три старшихъ, и тогда онъ пьетъ вино. Послѣ этого, при-звавъ благословеніе боговъ обоихъ вступающихъ въ родство родовъ на новый союзъ, руководитель колѣнопреклоненныхъ перечисляетъ подарки и препод-носитъ, при чемъ подарки показываются всѣмъ. Въ отвѣтъ на это хозяинъ или сейчасъ награждаетъ гостей, или же при свадьбѣ, при чемъ ни одинъ гость не долженъ остаться безъ подарка: кто получаетъ 50 коп., кто — рубль, а кто и болѣе. Подарки, получаемые лицами, которыя сопровождаютъ пред-ставителя жениха (отца, брата и другихъ) называются aḥḥaḥa или a-ḥḥaḥa (г. ḥaḥḥaḥaḥa saamḥaḥaḥa или ḥaḥḥaḥaḥa samḥaḥaḥa).

При этомъ, какъ бы заочномъ, обрученіи нѣтъ ни жениха, ни невесты: они въ эти дни никому не показываются. Встарину въ этотъ день и не-вѣста и женихъ «запирались» въ своихъ «амхаръ» (amḥarḥa — это въ боль-шинствѣ случаевъ конусообразныя плетенки, устраивавшіяся специально для новобрачныхъ). Слово amḥarḥa значитъ «не слышать», но съ переносомъ ударе-нія на послѣдній слогъ означаетъ вышеописанную постройку. Въ двадцать пер-вый день происходилъ «выводъ» изъ «амхаръ» и невесты и жениха. По вы-бору самой невесты или ея родителей одинъ изъ молодыхъ людей устраивалъ веселье и «выводилъ» вновь обрученную изъ «амхаръ»; этотъ обрядъ назы-вается amḥarḥaḥaḥa — «выводъ изъ амхаръ». Онъ же долженъ сопровож-дать невесту въ домъ жениха во время свадьбы. Между новою парой и

этимъ субъектомъ устанавливаются новыя родственныя связи, если ихъ не было до тѣхъ поръ. Женихъ долженъ возмѣстить всѣ расходы ему. Онъ, какъ сопровождающій невѣсту, называется *aqatawəza* — «мужчина-другокъ» (г. *ḡəḡo-ḡəḡə*). Въ 21-й же день происходилъ и выводъ жениха такимъ же путемъ, при чемъ устроившее пиршество лицо награждалось самимъ же женихомъ. Это же лицо и *aqatawəza* для жениха. Этотъ обычай, «выводъ» жениха и невѣсты, почти уходитъ въ область преданій¹⁾ въ южной Абхазіи.

Встарину существовалъ и такой обычай помолвки грудныхъ дѣтей: въ присутствіи родителей обоихъ дѣтей наносились надрѣзы на ручкахъ ихъ люлекъ, при чемъ отъ имени жениха въ изголовье невѣсты клалась пуля съ порохомъ. Такой обрядъ помолвки назывался *agatakağa* — «надрѣзываніе люлекъ» (*agaga* — «люлька», *a-ḡakağa* — «надрѣзывать»).

Послѣ «обрученія» (помолвки) женихъ долженъ до свадьбы (можно и послѣ свадьбы) пригласить въ свой домъ своего тестя (или шурина) и наградить его подарками. Способъ преподношенія подарковъ такой же, какъ описанъ выше. Это приглашеніе называется «авнадаръ» (*awnadara*). — Тестъ является съ 3—4 провожатыми, которые въ свою очередь получаютъ *awəzə* — подарки. И теперь женихъ не имѣетъ права показываться своему тестю! Если даже женихъ гдѣ-нибудь встрѣтится съ тестемъ, тещею или со старшими въ родѣ невѣсты, онъ долженъ скрыться отъ нихъ, спрятаться: показаться на глаза имъ значитъ непочтительно относиться къ нимъ. Тоже самое и невѣста.

Послѣ помолвки же младшіе братъ и сестра жениха отправляются къ невѣстѣ съ подарками: платьемъ, обувью, зеркалами и т. п. При этомъ они же должны возмѣстить расходы на ужинъ-пиршество, устроенное для нихъ хозяиномъ дома: обыкновенно приводится ими бычокъ (или козель) и приносятся потребное количество вина. Гости посѣщаютъ свою невѣсту въ ея «амхаръ» (г. *ḡəḡə sa-sd̄l-o*). Последняя съ подругами стоитъ у стѣны, съ покрытымъ покрываломъ лицомъ. Золовка (сестра жениха) подходитъ къ ней и цѣлуетъ. Гости садятся. Преподносятся подарки, послѣ чего съ лица невѣсты приподнимается покрывало, и она показывается золовкѣ, шурина и ихъ провожатымъ, причемъ гости свою радость усугубляютъ пальбою изъ револьверовъ. За все время присутствія гостей въ ея «амхаръ» невѣста не имѣетъ права не только садиться, но даже улыбаться...! Гости эти, осо-

1) Молодой абхазъ изъ «Турецкой Абхазіи» Мстаа-бей Джоуа (Дориа) передалъ мнѣ, что эти свадебные обряды до сихъ поръ въ полной силѣ у турецкихъ абхазовъ, живущихъ около Измида.

бенно женщины, въ свою очередь получаютъ подарки отъ невѣсты и ея родителей.

Жениху не разрѣшается посѣщеніе дома невѣсты, онъ можетъ видѣться съ нею гдѣ-нибудь у сосѣдей, и то тайкомъ. Онъ получаетъ это желанное право лишь послѣ того, какъ явится съ подарками къ тестю. Этотъ обрядъ извѣстенъ подъ названіемъ «махвырапара» (*maḡəḡaḡa*: *ḡ-maḡə* — «зять», *a-ḡaḡa* — «итти»). Онъ исполняется до свадьбы, во время свадьбы или же послѣ свадьбы. Обыкновенно для сокращенія расходовъ онъ совпадаетъ со свадьбою. Средней руки женихъ-крестьянинъ доставляетъ: рублей сто наличными деньгами, 5—6 отборныхъ быковъ, 2—3 лошади и платье для тещи, или бабушки невѣсты, а также вино, водку, гоми и даже соль. А дворянамъ и князьямъ очень дорого обходится это «посѣщеніе зятя» родителей невѣсты. Такъ, напримѣръ, одно мнѣ знакомое лицо доставило: 500 рублей наличными, 16 быковъ, 16 отличныхъ лошадей, изъ коихъ четыре были осѣдланы прекрасными сѣдлами. Достойна упоминанія одна мелочь: почему-то вообще въ этихъ случаяхъ мужскія сѣдла безъ подушекъ! Вотъ при этомъ посѣщеніи и происходитъ личное награжденіе зятя. Обыкновенно каждая сторона старается честно обмѣняться: дать по стоимости не меньше того, сколько доставила первая сторона. «Съ какими подарками пріѣдетъ зять, съ такими и уѣдетъ», говорятъ абхазы. Конечно, не забываются и дружки зятя.

Встарину свиданіе жениха и невѣсты происходило такъ. Женихъ съ двумя, тремя друзьями являлся въ помѣщеніе невѣсты: последняя съ подругами встрѣчала его. При этомъ женихъ трижды подводилъ невѣсту подъ свою бурку, послѣ чего подруги уводили ее. Или же вѣшалась посреди помѣщенія бурка (или коверъ) и три раза оттягивалась она (бурка), чтобы дать возможность молодымъ посмотреть другъ на друга. Послѣ этого двери дома невѣсты открывались для зятя навсегда, но близкаго общенія между молодыми не бывало: при старшихъ они даже не могли встрѣчаться.

Расходы въ обоихъ мѣстахъ — и у тестя и у себя — несетъ женихъ. Вотъ почему онъ посылаетъ столько провизіи тестю. Сверхъ того, по обычаю, женихъ долженъ послать и людей для приготовленія кушаній. И этотъ обычай уже становится преданіемъ. Конечно, никакая абхазская семья не въ состояніи была бы выносить столько расходовъ, если бы въ Абхазіи не существовалъ прекрасный обычай взаимной поддержки. Въ такихъ случаяхъ, во-первыхъ, — самое широкое проявленіе трудовой даровой взаимной помощи на лицо: всѣ работы исполняются сосѣдями и родственниками даромъ, какъ-то, въ случаѣ надобности, постройка «амхаръ», навѣса для гостей — *aḡaḡa* (а-ḡаḡа), доставка дровъ, доставка и покупка провизіи и т. п. — все

это даромъ исполняется. Кромѣ сего широко оказывается помощь жениху родственниками и деньгами, и скотомъ, и лошадьми и т. п. Такая помощь называется *aqəgdəra*, что приблизительно означаетъ *давать, доставлять помощь въ догонку*.

Насколько «аѣсхура» замѣчательна разнообразіемъ блюдъ, настолько бѣдна бывала свадьба—*aḡaḡa*—кушаніями. Въ настоящее время подѣ влияніемъ новыхъ вѣяній на абхазскихъ свадьбахъ появились разныя блюда, но встарину обыкновенно подавались: мамалыга, вареное мясо, вино и подѣ конецъ жареное мясо (куръ и барановъ) — *āḡə*¹⁾, или иначе *atāḡə* (г. *ḡəḡəḡə m-ivad-1*).

За мѣсяць-полтора до свадьбы отецъ неvěсты обѣзжаетъ всѣхъ своихъ родственниковъ и друзей и приглашаетъ ихъ на свадьбу. При этомъ родственники спрашиваютъ его: «Какую же помощь тебѣ оказать? что тебѣ принести»? На кого надѣется, что свое слово исполнить, тому онъ и заказываетъ — кому лошадь, кому мѣдный котелъ и т. д., а остальнымъ говоритъ: «Удостоите насъ своимъ присутствіемъ, а о вещахъ не беспокойтесь!» Ко дню свадьбы собираются, съѣзжаются всѣ родственники и знакомые, причемъ ими часто навозится масса вещей, иногда совсѣмъ ненужныхъ. Приданое выносятся на дворъ до обѣда, и одинъ изъ стариковъ, хорошо владѣющій языкомъ, передавая вещи поштучно на показъ всѣмъ родственникамъ жениха, перечисляетъ приданое, а потомъ, снявъ головной уборъ, призываетъ благословеніе боговъ и духовъ, покровителей обоихъ родовъ. За этотъ трудъ онъ получаетъ съ обѣихъ сторонъ подарки. Подарки же получаютъ и тѣ лица, которыя выводятъ дареныхъ коней и другихъ животныхъ. Послѣ отправленія приданого начинается пиршество, причемъ хозяева стараются перепить всѣхъ поѣзжанъ, которыхъ всегда бываетъ очень много, а послѣдніе — хозяевъ: здѣсь подѣ хозяевами подразумѣваются сосѣди, родственники и друзья тестя; послѣдній вмѣстѣ съ домашними никогда не садится съ гостями: прислуживаетъ имъ. Вотъ примѣрное приданое дочери зажиточнаго крестьянина: отъ 6 до 12 паръ постели (тюфяковъ и одѣялъ), столько же подушекъ, по-парно мѣдные котлы, рукомойники мѣдные же, такіе же тазы, двѣ желѣзные цѣпи для котловъ («арыхнышка» — г. *ḡəḡəḡə sa-kid-el-1*, м. *ḡəḡə pata*), вертелъ (*aḡəḡə*), желѣзный крючекъ для того, чтобы вынимать изъ кипятка вареное мясо (*aḡəḡə*), арба съ буйволами, лошадь съ сѣдломъ для неvěсты и для жениха, если до сихъ поръ не былъ награжденъ, платья, сундукъ, чемоданы, шка-

1) *Āḡə* — еще означаетъ и *блону*.

тулки, ковры и тому подобное. Лошадь съ сѣдломъ неvěсты даетъ воспитанникъ, если таковой имѣется у данной семьи, но за то онъ же получаетъ отъ жениха равноцѣнный, если не больше, подарокъ. Встарину существовалъ особый поборъ для помѣщика — одна корова съ каждой неvěсты: платилъ женихъ. Зато и самъ помѣщикъ обязанъ былъ дать неvěстѣ что-нибудь цѣнное. Поборъ этотъ въ пользу помѣщика назывался «ахшбыръ» (*aḡshbər*).

Послѣ обѣда выѣздъ неvěсты и поѣзжанъ. У воротъ хозяйскаго дома мѣстная молодежь съ дубинами встрѣчала поѣзжанъ и чѣмъ дольше она задерживала свадебную процессію, тѣмъ похвальнѣе было для нея. Затѣмъ за поѣзжанами вскачь гонится молодежь, стараясь какъ можно дольше задержать ихъ: то срываетъ съ головы кого-либо изъ поѣзжанъ папаху или башлыкъ, и давай Богъ ноги назадъ, а тѣ за ними гонятся; то отнимаютъ бурки другъ у друга и т. д. Невѣста при выѣздѣ изъ родительскаго дома плачетъ; ей вторятъ мать и сестры. Она во всю дорогу находится подѣ покрываломъ. Невѣсту, какъ и выше замѣтилъ я, сопровождаютъ одна подружка и два, три дружка. Свадебная процессія весело ѣдетъ и, при приближеніи къ дому жениха, посылаетъ гонцовъ, которые отъ родителей получаютъ подарки¹⁾. Когда процессія вошла во дворъ и спѣшилась, ее встрѣчаетъ старшій въ родѣ и проситъ благословенія боговъ на новобрачныхъ, послѣ чего неvěста вводится въ свою «амхарă»: здѣсь при входѣ надѣ ея головою у дверей скрещиваются шашки, и подѣ лязгъ ихъ неvěста переступаетъ порогъ новаго своего жилища, при этомъ раздается залпъ изъ огнестрѣльнаго оружія²⁾. Ей на колѣна сажаютъ мальчика въ «амхарă». Ее также осыпаютъ зернами гоми³⁾.

Конечно, женихъ и здѣсь, у себя, устраиваетъ пиръ на весь міръ: свадьбу можетъ посѣщать всякій, кто только пожелаетъ. Подарки для постороннихъ необязательны: только родственники и друзья обязаны оказать помощь. Абхазскія свадьбы вообще многолюдны, но сравнительно женщинъ

1) При свадебной процессіи поется свадебная пѣснь — *ori dada mokwa* (можетъ отъ г. *ḡəḡəḡə ḡəḡəḡə ori dada mokwa* — «двѣ подружки пріѣхали съ нею»?).

2) Нѣсколько членовъ Комиссіи отмѣтило, что при входѣ въ «амхарă» на палецъ неvěсты надѣвается серебряное кольцо въ залогъ того, что владычицѣ водѣ своевременно принесутъ установленную жертву. Большинство же отмѣтило, что обрядъ надѣванія кольца таковъ: послѣ свадьбы неvěстку ведутъ въ бѣломъ платьѣ къ рѣкѣ, причемъ чистая женщина надѣвая серебряное кольцо на палецъ неvěстки, говоритъ: «Дзидзанъ, владычица воды, твоимъ именемъ даемъ ей это кольцо!» Снимать съ пальца это кольцо нельзя: всю жизнь она должна носить.

3) При входѣ въ «амхарă» черезъ нее встарину перебрасывался начиненный сыромъ амганъ (*a-mgan* — «чурекъ»). Люди ловили его и ѣли.

мало: онѣ навѣщаютъ невѣстку на второй день свадьбы, и опять для нихъ особо нужно устроить угощеніе. Ни женихъ, ни невѣста не показываются на свадьбѣ: она у себя въ «амхарѣ», гдѣ собирается молодежь и въ танцахъ и пѣніи проводитъ весело время; сама же все время стоитъ у стѣны своего новаго жилища съ закрытымъ лицомъ, молча. Танцы вообще въ Абхазіи заканчиваются въ знакъ радости пальбою. Женихъ же скрывается гдѣ-нибудь у сосѣдей, а въ самомъ лучшемъ случаѣ смотритъ изъ-за куста, какъ на его свадьбѣ веселятся люди. Подается ужинъ (или обѣдъ), при чемъ невѣста, ея подруга и дружки, стоя на колѣняхъ, должны подать утиральникъ почетнымъ гостямъ. Пока примутся за ѣду, одинъ изъ стариковъ встаетъ, беретъ въ руки палочку съ нанизанными на ней сердцемъ и частью печени и стаканъ вина и произноситъ импровизованную молитву, въ коей приглашаетъ благословеніе боговъ и духовъ обоихъ родовъ, обликаетъ виномъ печень и сердце, по кусочку самъ принимаетъ и даетъ другимъ. Теперь столъ благословленъ и пиршество начинается. Веселье сопровождается танцами и пѣніемъ, при чемъ нужно отмѣтить, что у абхазовъ танцуютъ только молодые люди: ни замужнія женщины, ни женатые мужчины не танцуютъ, развѣ только на свадьбѣ своихъ дѣтей. Пирующие должны встрѣтить непременно восходъ солнца¹⁾; теперь хороводный танецъ²⁾ съ пѣніемъ, а затѣмъ приношеніе подарковъ. Каждый, желающій поднести подарокъ, по очереди входитъ въ «амхарѣ», садится и проситъ показать невѣсту. Подруги съ блюдцемъ подходятъ къ нему, и онъ кладетъ на это блюдо свой подарокъ — деньги, вещицы, а если животное, то называетъ, какое именно. Послѣ поднимается покрывало и невѣста показывается. Опять выстрѣлы. Въ такомъ же порядкѣ приносятся и другіе подарки. Подарки — отъ 20 коп. до десятковъ рублей и лошадей, коровъ и т. д. Эти подарки называются ақагшә (ахаршв).

Состоятельныя лица на свадьбахъ тоже устраиваютъ скачки и стрельбу въ цѣль; назначаются и призы.

Во время свадьбы невѣста не имѣетъ права говорить съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ своей подруги. Вообще въ первыя 2—3 недѣли она обречена на полное молчаніе: имѣетъ право говорить только съ дѣтьми и съ младшими сестрами и братьями своего мужа. Въ первую ночь женихъ даже на глаза не показывается своей невѣстѣ.

1) Гости должны сбить съ дерева при разсвѣтѣ домашнюю птицу, которая и подается имъ въ видѣ адзъ (a-d [или a-də? см. выше, стр. 196]).

2) Аубагәкәгапә, или иначе цагадәпә (цагадәпә устраиваютъ и всадники).

Часто случается и такъ, что кто-нибудь изъ родственниковъ принимаетъ на себя всѣ расходы по устройству свадьбы, за что женихъ расплачивается съ нимъ, одаривъ его въ тотъ же день подарками.

Мужчины — дружки невѣсты (г. მდადე-კაჲ-ი m-dade-kaġ-i) уѣзжаютъ домой на второй день; женихъ ихъ тоже долженъ наградить подарками — кого деньгами, кого вещами, кинжаломъ, серебрянымъ поясомъ и т. д. Какъ выше я отмѣтилъ, если изъ дружковъ имѣется кто-либо, который устроилъ невѣстѣ «амхаратгара» (ამჟანგთგარა — a-mġagaġara), то онъ сообразно съ понесенными расходами щедро вознаграждается. Подруга же остается недѣли двѣ-три, потомъ съ большими подарками отъ жениха она уѣзжаетъ домой: обыкновенно ей дарятъ лошадь, лошадь съ сѣдломъ, нынѣ швейную машину, дорогое платье и т. д. Мѣсяца черезъ два она опять навѣщаетъ новобрачныхъ, причемъ приноситъ жениху полное готовое платье: черкеску, архалукъ, чусты, башлыкъ и даже рубашку и кальсоны. За то она вторично награждается женихомъ, при этомъ каждая изъ сторонъ старается, чтобы его подарки были лучше получаемыхъ имъ подарковъ.

Для женщинъ устраивается вторая свадьба на другой день, когда онѣ являются видѣть «атаца» (a-ġaġa) со своими подарками; приносятъ обыкновенно деньги, тазы, шкатулки, разную посуду и т. д. Близкія же родственницы являются въ первый же день свадьбы и вмѣстѣ съ мужьями и со всею семьею подносятъ подарки.

Свадьба какъ бы продолжается недѣли двѣ, три: въ продолженіе этого времени окрестная молодежь почти ежедневно собирается въ «амхарѣ» невѣсты и въ пѣсняхъ и танцахъ проводитъ все свободное время: ихъ нужно, конечно, угощать. Еще разъ отмѣчу, что «атаца» за все время присутствія постороннихъ лицъ должна стоять на ногахъ у стѣны своей «амхарѣ».

Своеобразный табу существуетъ у абхазовъ для невѣсты: она не имѣетъ права называть по имени ни одного родственника мужа, ни живыхъ, ни мертвыхъ, кромѣ дѣтей. Нечего и говорить, что и мужа не можетъ называть по имени. Она должна всѣмъ дать новыя имена, конечно, только для себя. Старшаго же въ родѣ или своего тестя она величаетъ ġaġa (ġaġa <ġ>), т. е. *нашимъ владѣтелемъ*, и, вопреки законамъ абхазскаго языка, не употребляя множественнаго числа, когда говорятъ объ одномъ лицѣ, про ġaġa, тестя и тещу выражается во множественномъ числѣ.

Мужъ тоже не можетъ называть по имени свою жену, тещу и тестя, а иногда старшихъ сестеръ и братьевъ жены.

Невѣста не имѣетъ права безъ особаго разрѣшенія говорить со стар-

точнѣе, *къ берегу воды*. Для этого семья устраиваетъ «обѣдъ для женщинъ», на которомъ могутъ присутствовать только замужнія женщины. Послѣ обѣда старыя женщины ведутъ въ новомъ нарядѣ невѣсту къ водѣ. Здѣсь одна изъ старшихъ молится и проситъ *адідоу въ водѣ находящуюся*, *дәдлан мать воды*, «*дәһкәр*» *владычицу*, *царицу воды* «умилостивиться надъ ней, быть ея покровительницею и хранительницею въ родахъ, въ домашнемъ быту, при кормленіи шелковичныхъ червей и т. д., и при этомъ ея какое-либо платье мочать въ водѣ, а нѣкоторыя бросаютъ и яйца въ воду. Послѣ этого обряда ей разрѣшается ходить къ водѣ.

Черезъ годъ или полтора зять съ женою ѣдетъ къ родителямъ жены, причемъ онъ всѣмъ родственникамъ жены раздаетъ подарки, если только до сихъ поръ не роздалъ. Эти подарки называются *аҭаҭа*: *аҭ* — «ротъ», *а-пҭага* — «класть», «положить на» что-нибудь.

Такіе же подарки раздаетъ женихъ во время свадьбы и своимъ роднымъ и старшимъ родственникамъ, послѣ чего онъ приобретаетъ нѣкоторыя права: курить табакъ, переходитъ къ нимъ съ виномъ «аллаверды» и т. д. Эти подарки тоже *аҭаҭа*.

Зять долженъ наградить подарками, когда его посѣтятъ, свою тещу, шуриновъ, свояковъ, свояченицъ и т. д. По обычаю и онъ получаетъ отъ нихъ подарки. Особенно торжественно награжденіе подарками воспитанника рода жены.

При выдѣленіи новой хозяйственной единицы всѣ сосѣди и родственники считаютъ своею обязанностью помочь ей чѣмъ нибудь: мужчины помогаютъ своимъ трудомъ, а женщины дарятъ, кто домашнихъ птицъ, кто тарелки и т. п. Если у новосельцевъ нѣтъ кукурузы, то сосѣди снабжаютъ ихъ кукурузою до новаго урожая.

По обычаю, трудъ «атаца» тоже даровой: она всѣмъ, кто только къ ней ни обратится, шьетъ даромъ. Вообще въ Абхазіи до сихъ поръ женщины постороннимъ шьютъ даромъ. А «атаца» особенно завалена работою.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о добрыхъ супружескихъ отношеніяхъ абхазовъ. Мужъ не имѣетъ права бить свою жену: за это онъ отвѣчаетъ предъ родомъ ея. Разврата въ Абхазіи нѣтъ пока: родъ строго слѣдитъ за нравственной жизнью «своихъ женъ»; и если, паче чаянія, появится у кого-либо гуляющая жена, то она должна быть удалена изъ рода. Въ данномъ случаѣ поведение ея разбираетъ вышеописанный народный судъ. При наличности уликъ жена не имѣетъ права получить что-нибудь отъ мужа; при недостаточности уликъ, мужъ долженъ заплатить «за ея кровь» ея роднымъ.

Въ этихъ случаяхъ родъ не считается съ мнѣніемъ мужа: честь рода выше всего на свѣтѣ для правовѣрнаго абхаза!

Вѣнчаніемъ абхазы не спѣшатъ: часто они своихъ дѣтей крестятъ раньше, чѣмъ обвѣнчаются сами. Вообще во взаимоотношеніяхъ абхазовъ вѣра почти никакой роли не играетъ: свободно выходятъ мусульманки за христіанъ, а христіанки — за мусульманъ.

IV. Обычаи, соблюдаемые при рожденіи и воспитаніи дѣтей¹⁾.

Молодая женщина — будущая мать никому изъ старшихъ лично не сообщаетъ о томъ, что она въ положеніи: стыдно объ этомъ говорить со старшими вообще, а въ частности съ мужчинами, какого бы возраста онъ ни былъ. Объ этомъ изъ устъ ея можетъ узнать только мужъ. Остальнымъ она сообщаетъ черезъ посредство женщинъ, моложе ея по лѣтамъ. Она ведетъ обыкновенную жизнь. Прихоти, вызываемыя положеніемъ ея, она можетъ вполне удовлетворять. Если старшая въ семьѣ женщина захочетъ предостеречь отъ чего либо, наставить, то она говоритъ объ этомъ индифферентно, какъ-бы про другую говоритъ; этимъ она щадитъ ея стыдливость²⁾.

Великій актъ появленія новой жизни абхазы встрѣчаютъ благоговѣйно. Чтобы облегчить роды, абхазки напередъ призываютъ милость боговъ и духовъ, особенно тѣхъ, которые имѣютъ прямое отношеніе къ родамъ. Такъ, какъ только начнутся роды, сейчасъ повитуха даетъ обѣтъ и кладетъ залогомъ — «ашась» (*а-шас*) слѣдующимъ покровителямъ дома, прося у нихъ счастливаго и милостиваго разрѣшенія родовъ у данной особы. Первый «ашась» кладется духу, внѣ дома находящемуся — *аҭәпәкәу*. «Ашась» этотъ долженъ быть непременно мѣдный, особенно въ ходу мѣдная сковорода съ длинною ручкою — «адырганъ» (*а-дәргән*, г. *᠘᠑᠗᠑ таҭа*). Повитуха трижды обводитъ ею вокругъ головы больной, почему эти залогомъ

1) Привожу здѣсь же слѣдующую легенду. Одна беременная женщина верхомъ на сужеребой (абх. *амака* — *а-мақа*, г. *᠑᠑᠗᠑ таке*) кобылѣ поднималась по высокой горѣ. Она сжалась надъ кобылой, слѣзла и пѣшкомъ поднялась на гору. Тогда сужеребая кобыла попросила Создателя вознаградить женщину за такое человѣчное обращеніе съ нею тѣмъ, чтобы вообще женщины рожали дѣтей на 9 мѣсяцѣ, какъ до того времени было съ сужеребыми кобылами, а имъ, кобыламъ, назначить срокъ родовъ 12-тимѣсячный, какъ у женщинъ было до тѣхъ поръ. Богъ исполнилъ эту просьбу: вотъ почему теперь у женщинъ 9-тимѣсячный срокъ, а у кобылъ — 12-тимѣсячный.

2) См. Моамбэ 1897, XI.

также называются и акѣѣшаѣ, кладетъ на нее кошель и прячетъ гдѣ-либо въ чистомъ мѣстѣ.

Второй залогъ—«ашасъ» для Аѣаѣага. Здѣсь употребляется тарелка или бутылка, которая тоже трижды обводится вокругъ головы роженицы и прячется.

Для Adgil-dedozal Царицы земли повитуха беретъ пять яицъ, кладетъ ихъ подъ роженицею на землю, проводитъ (катитъ) по ней, а потомъ по одному яйцу зарываетъ глубоко въ землю у каждого угла дома, пятое же прячетъ до поры до времени.

Больная должна разрѣшиться непременно на землѣ, на которую кладутъ чалу¹⁾—аѣѣ.

Мужчина, кто бы онъ ни былъ, не имѣетъ права посѣщенія роженицы. Мужъ же, особенно если первые роды, долженъ куда нибудь скрыться: стыдно показаться²⁾!

Появленіе новой жизни абхазы встрѣчаютъ выстрѣлами изъ ружей. Рожденіе сына сугубо празднуется, причемъ подъ его голову кладутъ пулю.

Послѣдъ или дѣтское мѣсто крѣпко завязывается въ платокъ и глубоко зарывается въ землю. При этомъ, если мать не хочетъ больше имѣть дѣтей, кончикъ послѣда обжигаютъ, а потомъ передаютъ землѣ.

Ножницы, коими отрѣзали пупъ у новорожденного, должны лежать безъ употребленія, пока рана не заживетъ.

Обыкновенно на 14—15 день совершается обрядъ выкупа залоговъ и приношенія умиловительныхъ жертвъ. До этого дня роженица не встаетъ съ постели. Это называется аѣаѣа³⁾ отъ слова а-ѣаѣа *встать, подниматься*. Это настоящій женскій праздникъ. Свекровь роженицы или одна изъ родственницъ за два, три дня обходитъ всѣхъ женщинъ своего околка и приглашаетъ ихъ на а-ѣаѣа. Въ назначенный день

1) Чала — грузинское слово, принятое и русскими на Кавказѣ, въ значеніи кукурузной соломѣ.

2) При трудныхъ родахъ прибѣгаютъ къ слѣдующимъ средствамъ. Во-первыхъ, слѣва кладутся ножницы и веретено, а справа — ножикъ и шило, при чемъ повитуха новаго члена семьи приветствуетъ такъ: «Если ты мальчикъ, иди (выходи) направо, а если — дѣвочка, — налево. Во-вторыхъ, черезъ тѣло больной должно трижды перешагнуть лицо, которое освободило лягушку изъ пасти змѣи и между ними прошло, причемъ говорить: bōwnašit *отпустилъ тебя* (женщину). Въ третьихъ, даютъ ей пить алмазную воду (кладется въ стаканъ воды алмазъ, и это вода извѣстна подъ этимъ именемъ). Въ четвертыхъ, если можно достать, то привязываютъ къ поясищѣ больной а-пѣлманѣ.

3) Гурійцамъ нѣчто подобное извѣстно подъ названіемъ *loginis aģeba* (loginis aģeba) букв. «поднятіе (> уборка) постели».

рано собираются онѣ, причемъ каждая изъ нихъ доставляетъ что-нибудь, особенно куръ и сыръ. Если семья состоятельная, то рѣжется баранъ или козель, а то рѣжутъ однѣхъ куръ. Никто изъ мужчинъ не можетъ посѣтить это пиршество, кромѣ дѣтей. Вотъ теперь-то происходитъ выкупъ залоговъ, т. е. приношеніе жертвъ.

Съ нѣсколькими, начиненными сыромъ «аквакваръ», повитуха обращается къ Аѣаѣага и говоритъ: «Точно исполнивъ все то, что намъ завѣщали наши отцы, смиренно просимъ тебя, великій Аѣаѣага, быть милостивымъ къ роженицѣ и ея ребенку; не оставляй ихъ безъ своего теплаго вниманія, какъ не оставляешь безъ своей милости и кровь сей» и т. д. Потомъ жертвоприношеніе «Внѣ дома находящемуся»¹⁾. Въ жертву сего духа вьются каплунъ и одна курица и нѣсколько «аквакваръ», причемъ повитуха и говоритъ: «Вы всѣ, которые внѣ дома находитесь, будьте милостивы къ ней; охраняйте ее и весь домъ ея отъ всякаго нечестиваго» и т. д. Нужно отмѣтить, что этотъ «Внѣ дома находящійся» ставится то въ единственномъ, то во множественномъ числѣ. Залогъ освобождается.

Слѣдующее жертвоприношеніе въ честь «царицы земли». На томъ мѣстѣ, гдѣ родился ребенокъ, повитухою (непременно должна заколоть женщина) закалываются пѣтухъ и курица, которыхъ могутъ кушать только мужъ и жена, и никто другой²⁾. Ихъ то и 5—6 кусковъ начиненнаго сыромъ чурека (ašēmgal) приносятъ въ жертву повитуха и молится: «Великая царица земли! Сегодня такая-то, исполняя свой обѣтъ и выкупая свой «ашасъ» (ā-shas), смиренно просить тебя быть покровительницею ея и ея ребенка: избавь ихъ отъ головной боли, отъ зубной и другихъ болей» и т. п.

Въ тотъ же день пекутся 4 круглыхъ «аквакваръ», а пятый—на подобіе рога мѣсяца; круглые «акваквары» повитухою три раза проводятся черезъ кругъ, образуемый присоединеніемъ большихъ и указательныхъ пальцевъ роженицы, при чемъ она трижды повторяетъ: «развязала!» Послѣ этого она будетъ рожать дѣтей такъ же свободно, какъ свободно проходили «акваквары» черезъ этотъ кругъ. Пятый «аквакваръ», въ формѣ рога мѣсяца, повитуха накладываетъ на пупъ а-ѣарапѣ (г. ʒəʒə ʔip-1), молясь, чтобы съ сего часа у ребенка не болѣлъ пупъ.

Если аѣаѣа совпалъ съ четвергомъ, въ тотъ же день, а если нѣтъ, то послѣ него въ одинъ изъ четверговъ приносится жертва и духу воды —

1) Порядокъ жертвоприношенія не вездѣ одинаковъ. Въ большинствѣ случаевъ эта жертва приносится послѣ а-ѣаѣа въ одну изъ субботъ, въ день духовъ.

2) По объясненію нѣкоторыхъ, мясо этой курицы могутъ ѣсть и старыя женщины, у которыхъ дѣторожденіе прекратилось.

Дзыдланъ (Dëdlan). Закалываются и варятся «чисто бѣлые» (qùdeuqatla-zadām, по грузински ღობეს ოჯახო iminda deḡri) пѣтухъ и курица и некутся «аквавары». Роженица съ ребенкомъ и съ этими дарами идетъ къ рѣкѣ, и здѣсь повитуха, принося жертву, молится: «Великая Dëdlan — dāhkaḡe! Такая то сегодня исполнила обычай отцовъ своихъ, принесла тебѣ жертву и милостиво просить тебя быть ея покровительницею» и т. д. Послѣ родовъ до совершенія сего жертвоприношенія роженица не имѣетъ права итти къ рѣкѣ. При слѣдующихъ родахъ ограничиваются однимъ бросаніемъ въ воду яицъ.

Когда новаго члена рода вводятъ въ домъ представителя рода (старшаго), въ жертву «Ажахара» (A-jāḡaga) приносятъ кто козла, а кто и пѣтуха.

Ащја - фкага отъ а-щја *пята* и а-фкага *рѣзаетъ*. Если ребенокъ не начинаетъ долго ходить, то печется сыромъ начиненный чурекъ на огнѣ; ноги ребенка заплетаются шерстяною (войлочною) лентою, и онъ ставится тою же повитухою на чурекъ; она разрѣзываетъ ножомъ ленту и говоритъ: «Пятки разъединила (*букв.* разрѣзала) и отпустила тебя». При этомъ чурекъ раздаютъ дѣтямъ по кусочку, а они должны съѣсть свои куски, рѣзаясь и бѣгая.

Чапъ (Ṭar). Если и это средство не помогаетъ, то обращаются къ помощи духа Ṭar. Онъ духъ очага, по объясненію Комиссіи: ростомъ малъ, не выше самого очага. По совѣту знахарокъ, этому духу молятся такъ. Достаютъ воду и камешки изъ семи различныхъ ручьевъ и рѣкъ, по кусочку чего либо отъ семи дворовъ; приглашаютъ трехъ или семерыхъ старухъ, зажигаютъ семь восковыхъ свѣчей. И вотъ повитуха, стоя съ ребенкомъ передъ очагомъ, покрытымъ чурекомъ, обращается къ Чапу и молится: «Великій Чапъ! Если этого ребенка ты поймалъ въ водѣ, то отпусти его; если на камнѣ поймалъ, тоже отпусти; если у сосѣдей поймалъ, тоже отпусти; если у очага поймалъ, тоже отпусти; гдѣ бы ни поймалъ, отпусти его, развяжи ноги и отпусти! Для того, чтобы угодить тебѣ, мы собрали семь старухъ, съ семи рѣкъ воду соединили, съ семи рѣкъ камешки собрали и смѣшали, а также по кусочку отъ семи дворовъ смѣшали! Просимъ тебя, развяжи ноги ему!»

Если у сосѣдокъ одновременно родились дѣти, то непременно одно изъ нихъ будетъ худощавымъ, хилымъ; чтобы этого не случилось, каждая мать тайкомъ отъ другой должна накормить своею грудью чужого ребенка: послѣ этого оба ребенка будутъ расти нормально. Если почему либо не смогли сдѣлать этого, то прибѣгаютъ къ слѣдующему средству. Въ трехъ кисе-

тахъ кладутъ по 24 зерна мелкаго орѣха и подъ вечеръ кладутъ ихъ подъ изголовіе хилаго ребенка. Отецъ же ребенка въ продолженіе одной недѣли долженъ бросить эти кисеты туда, гдѣ скрещиваются три дороги вмѣстѣ: одинъ кисетъ онъ выноситъ во вторникъ, день Земли (духу земли молятся по вторникамъ); другой — въ четвергъ, день Неба, Бога, а третій — въ субботу, день духовъ предковъ, причемъ боговъ и духовъ просить объ исцѣленіи своего чада. Это извѣстно подъ именемъ акыркъ (a-kərq).

Адзтыхра (adḡḡra). Слово значить «черпаніе воды», adḡ *вода* и a-ḡḡ-ḡra *черпать, брать воду*.

Если ребенка часто лихорадитъ, то прибѣгаютъ къ слѣдующему средству.

Берутъ больного ребенка къ рѣкѣ и здѣсь повитуха проситъ царицу воды умиловаться надъ больнымъ ребенкомъ и его отпустить, освободить отъ лихорадки. При этомъ она мѣднымъ рукомошкой (a-gəḡəm) черпаетъ воду, бросаетъ въ этотъ рукомошникъ три камешка изъ той же рѣчки и, по возвращеніи домой, моетъ (купаетъ) больного ребенка этою водою. Камешки же хранятся до поры до времени. Черезъ нѣсколько дней вторичное шествіе къ водѣ. Здѣсь закалывается молодая курочка, кровь которой льется въ воду, и повитуха, бросая въ воду же тѣ камешки, опять призываетъ милость духа воды на больного ребенка, тутъ же присутствующаго со словами: «Великая владычица воды! отпусти его и избавь его отъ болѣзней!»

Aḡaṭa-ḡḡra. Существуетъ еще болѣе вѣрное средство отъ лихорадки. Повитуха въ присутствіи больного ребенка ольховымъ листомъ зачерпываетъ воду изъ рѣки, обычную молитву произноситъ и, завязавъ листъ, надъ очагомъ вѣшаетъ воду въ листѣ. Черезъ нѣсколько дней, когда вода испарится, молятся царицѣ водъ такъ, какъ при «черпаніи воды». Иногда дѣтей, страдающихъ лихорадкой, обливаютъ черезъ сито холодною водою: очень, молъ, помогаетъ.

Какъ чисто дѣтское средство, я долженъ отмѣтить еще слѣдующее: при заболѣваніяхъ корью, дѣтей проводятъ подъ корень орѣховаго (грецкаго) дерева: послѣ этого приѣма духъ кори, имени котораго мнѣ не удалось отмѣтить, освобождаетъ дѣтей отъ болѣзни.

Такъ же поступаютъ и съ коклюшемъ (a-uḡḡaḡḡa).

Тотъ, кто сниметъ первые (утробные) волосы ребенка, родится какъ съ ребенкомъ, такъ и съ его семьею. Первые волосы прячутъ и, когда ребенокъ заговорить, показываютъ ему, при этомъ задается ему вопросъ: «Чьи эти волосы?» На кого ребенокъ укажетъ, его счастьемъ будто бы на-

граждается и ребенокъ; напр., если скажетъ, «коровьи» — то онъ будетъ счастливымъ пастухомъ и т. д.

Первые ногти дѣвочки отрѣзываются и кладутся въ «ачангурѣ» (а-*qangur*, г. «чонгур-и»), а мальчика — въ аїхярца: хорошіе-де музыканты будутъ.

Н. Джанашия.

Описаніе пяти эмалевыхъ медальоновъ съ грузинскими надписями на иконѣ Спаса, хранящейся въ ризницѣ Гелатскаго монастыря.

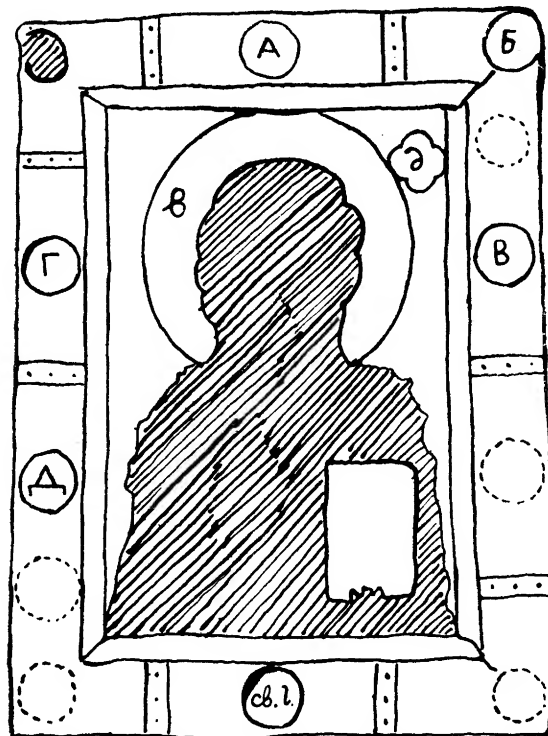
Въ ризницѣ Гелатскаго монастыря хранится образъ Спаса, украшенный шестью перегородчатыми эмалями: одна изъ нихъ, изображающая св. Георгія, — греческой работы и снабжена греческой надписью, остальные пять — грузинскія. Общій видъ образа былъ опубликованъ Н. П. Кондаковымъ¹⁾ цинкографіею по снимку Д. Ермакова (въ Тифлисѣ) № 5656; воспроизведеніе уменьшено противъ фотографіи, довольно крупной (18 × 24 см.), но недостаточно четкой въ деталяхъ. Описаніе (Опись, стр. 25) эмалей гласитъ: «Кайма рамы покрыта тончайшими разводами чернью на тонкихъ листахъ, и на нихъ сохранились 11 медальоновъ, 0,03 въ поперечникѣ, на золотыхъ листахъ²⁾; изъ нихъ пять сдѣланы барельефомъ, съ греческими надписями и навожены зеленою и синею финифтью въ XV—XVI вѣкахъ, или въ позднѣйшее время. Шесть медальоновъ древней византійской эмали чудной работы, съ грузинскими надписями³⁾, того-же достоинства по краскамъ и тѣхъ-же недостатковъ по рисунку, какъ и медальоны образа въ монастырѣ Джумат-и. Самыя чистыя краски, удивительная тѣлесность, красота сочетанія тоновъ и грубый, мѣстами уродливый рисунокъ. Средній медальонъ вверху изображаетъ Гетимасію: въ грузинской надписи она именуется Сахдар-и [Sakdar-i] — «престолъ», «сѣдалище», «храмъ»; на престолѣ крестъ съ

1) Опись памятниковъ древности въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи, составленная по Высочайшему повелѣнію профессоромъ С.-Петербургскаго Университета Н. Кондаковымъ. Грузинскія надписи прочтены и истолкованы Димитріемъ Бакрадзе. СПб. 1890, стр. 24, рис. 10.

2) Промѣры даны суммарно. Размѣры медальоновъ не всюду тождественны, какъ то видно на указанномъ снимкѣ.

3) Изъ шести перегородчатыхъ эмалей, сохранившихся укрѣпленными на этой иконѣ, только пять имѣютъ грузинскія надписи, тогда какъ шестая, какъ указывалось, имѣетъ греческую надпись Θ ΓΕΟΡΓΗΝΟ/; см. ук. фот. Ермакова № 5656.

вѣнцомъ, губка и копье. По сторонамъ одинъ медальонъ съ Архангеломъ по грудь преклоненнымъ: при изумрудномъ нимбѣ гранатовыя перья крыльевъ даютъ чудный тонъ; это тотъ-же блескъ яхонтовъ и изумрудовъ. Слѣдуютъ: Петръ (отъ Христа *по лѣвую*) и Павелъ по правую. У Петра гиматій двухъ-цвѣтный: синій и красный. Ниже—Лука съ Евангелиемъ. Грубость рисунка ясно свидѣтельствуетъ о грузинской работѣ. Внизу, въ срединѣ сохранился

Гелатская икона Спаса (схема).

Въ наличности сохранились слѣдующія грузинскія пластинки (табл. XLVI, А—Д): А) Престоль Уготованный, Б) ангелъ, В) ап. Петръ, Г) ап. Павелъ и Д) ев. Лука.

Въ настоящее время и икона, и риза, и окладъ полей по краямъ ковчежца сильно пострадали. Однако декоративная схема обивки полей, на ко-

медальонъ византийской работы, и въ оригиналѣ легко видѣть громадную разницу того и другого типа. Послѣ блестящихъ, нестрыхъ красокъ, здѣсь полутоны.... Но главное отличие въ тонкомъ артистическомъ рисункѣ головы и «фигуръ»¹⁾.

Изучая икону на мѣстѣ нынѣшняго ея храненія, я имѣлъ возможность составить не регистраціонное, но болѣе полное описаніе этого рѣдкаго и замѣчательнаго набора грузинскихъ перегородчатыхъ эмалей, а также заказать фотографу Б. Н. Рудневу детальныя фотографическія снимки, прилагаемые къ настоящей замѣткѣ.

1) Приведенный текстъ составляетъ часть общаго описанія иконы Спаса, помѣщеннаго въ цит. соч. Кондакова-Бакрадзе подъ № 2 на стр. 23—26. Почти тождественное (незначительные варианты и сокращенія) описаніе, но безъ иллюстраціи у графа И. Толстого и Н. Кондакова, Русскія древности въ памятникахъ искусства, IV. СПб. 1891, стр. 86—87, и у Н. Кондакова, Исторія и памятники византийской эмали, Византийскія эмали, собраніе А. В. Звенигородскаго. СПб. 1892, стр. 146—148.

торыхъ помѣщаются дошедшіе медальоны, вполне ясна. Первоначально симметрично чередовались — гнѣзда съ драгоценными камнями, помѣщавшіяся по три въ рядъ поперекъ поля, и круглыя луночки, нарочито разсчитанныя по размѣру эмалевыхъ пластинокъ. Луночки расположены: четыре по угламъ, по одной въ срединѣ поперечныхъ полей и по двѣ на продольныхъ. Пять изъ нихъ заняты грузинскими эмалями, какъ то указано на схемѣ¹⁾. Что же касается остальныхъ луночекъ, то одна изъ нихъ пуста (лѣвый верхній полъ), другая (нижнее поперечное поле, средняя луночка) занята упоминавшейся эмалевой пластинкой съ изображеніемъ св. Георгія съ греческой надписью, а къ остальнымъ прибиты рельефныя медальоны съ финифтью. Два такого же типа медальона прибиты и на мѣстахъ гнѣздъ для драгоценныхъ камней.

Характеръ теперешняго размѣщенія эмалей и финифтей указываетъ на неоднократныя ограбленія или, во всякомъ случаѣ, порчи образа, какихъ было не менѣе двухъ: въ первый разъ былъ фрагментированъ наборъ грузинскихъ эмалей, послѣ чего на мѣста утраченныхъ бляшекъ въ нижней долѣ доски набиты были на ихъ луночки и кое-гдѣ по мѣстамъ гнѣздъ для драгоценныхъ камней финифти (и, возможно, эмаль съ изображеніемъ св. Георгія); во второй разъ пропалъ медальонъ изъ луночки лѣваго (отъ зрителя) верхняго угла, такъ какъ не приходится допустить, чтобы въ моментъ поновленія иконнаго оклада финифтями оставили луночку пустою, а свободныя, остающіеся еще медальоны набили на поле безъ луночекъ. И если первая порча образа и исчезновеніе части эмалеваго набора произошли, вѣроятно, еще въ древности, то исчезновеніе углового медальона должно (на основаніи поздняго происхожденія финифтей) отнести къ новому времени.

А) Престоль, подушка, стороны подножія и окладъ Евангелія съ застѣжками — кирпично-краснаго, коричневатаго цвѣта, не сплошь одного тона, но съ пятнышками и прожилками болѣе темнаго коричнево-красноватаго цвѣта. Концы подушки, украшеніе ножекъ престола, верхняя доска подножія и украшенія оклада Евангелія — тепло-желтаго, мало прозрачнаго тона, мѣстами переходящаго въ лимонно-желтый прозрачный. Матерія — сине-ультрамариновая; тонъ сильный, цвѣтистый, но почти вовсе не прозрачный. Обрѣзъ книги чисто-бѣлый. Копіе голубоватое, съ бѣлыми крапинками въ массѣ эмали. Крестъ и губка наведены глубокой прозрачной

1) Пунктиромъ обозначены финифти, буквою в — вѣничикъ, д — дробница.

эмалью желтоватаго оттѣнка, въ массу котораго входятъ какъ бы капли, застывшія въ моментъ растворенія въ общей массѣ и имѣющія оттѣнокъ темнаго бѣлаго вина. Стволы креста и губки — какъ копіе.

Б) Ликъ и руки — тѣлеснаго тона, винно-розоваго оттѣнка, мѣстами, но не всюду, глубоко прозрачнаго. Въ серединѣ луночекъ, подальше отъ золотыхъ перегородокъ и мѣстами подъ слоемъ прозрачной смальты видны массы менѣе прозрачныя, нѣсколько бѣлесоватыя съ бѣловатыми крапинками и какъ бы кристаллами. Волосы, брови и зрачки черные, но тоже не сплошь одного тона, а кое-гдѣ коричневато-золотистые. Бѣлки глазъ и слухи бѣлые, непрозрачные. Нимбъ изумрудно-зеленый, темнаго, сильнаго, глубоко-прозрачнаго тона эмали. Вѣнчикъ кирпично-красный. На ангелѣ сине-ультрамариновый саккосъ съ лоромъ, оплечьемъ и нашивками на рукавахъ тепло-желтаго цвѣта, окаймленными полосами кирпично-краснаго, какъ и поручи, тона. Такой же смальтой выполнены: уста, посохъ-мѣрило, крестъ въ сферѣ, оконтуровка и часть оперенія крыльевъ. По желтому на воротѣ, поручѣ, а кромѣ того и въ сферѣ по сторонамъ креста безъ достаточнаго порядка разсѣяны кружочки, заполненные бѣлой эмалью. Два ромба и квадратъ на лорѣ — изумрудно-зеленые. Сфера заполнена не однородной, крапчатой, бѣловатой и сине-сѣрой, мало прозрачной смальтой. Опереніе крыльевъ пестрое съ окраской луночекъ, расположенной безъ опредѣленнаго порядка. Эмальеръ лишь избѣгалъ заполнения смежныхъ луночекъ смальтой одного и того же цвѣта. Въ опереніи имѣются слѣдующіе тона: кирпично-красный, изумрудно-зеленый, малопрозрачный желто-зеленый, бирюзовый, сине-ультрамариновый, тепло-желтый, бѣлый, крапчатый-бѣловатый и сине-сѣрый, а также и черный.

В) Главнымъ отличіемъ даннаго медальона отъ другихъ фигурныхъ пластинокъ этой группы эмалей является окраска нимба — сильнаго, хотя и почти не прозрачнаго бирюзоваго тона (на другихъ — зеленые-изумрудные). Вѣнчикъ, какъ и на другихъ, кирпично-красный. Этимъ же тономъ исполнены: уста, часть прошивки на правомъ рукавѣ хитона, полосы на иматіи¹⁾ и наружная оконтуровка правой руки, имѣющаяся около двухъ поднятыхъ и около большого пальцевъ. Тѣло исполнено той же эмалью, что и тѣло ангела. Волосы, какъ и ангельская сфера, крапчатые наведены бѣловатой

1) На снимкѣ онѣ болѣе темныя — широкая, проходящая подъ кистью, потомъ выше черезъ одну начинающаяся отъ пальцевъ руки и еще выше черезъ одну — вторая сверху отъ края иматія, охватывающаго благословляющую десницу, и начинающаяся съ переломомъ надъ складочками на лѣвомъ плечѣ.

и сине-сѣрой смальтой; брови — черной и крапчатой, впущенными въ одну общую луночку. Глаза — черные. Бѣлки и свитокъ бѣлые. Хитонъ желто-зеленый, малопрозрачный, съ нашивкой (плохо отличимой на снимкѣ) на правомъ рукавѣ, состоящей изъ трехъ полосокъ: наружныя — кирпично-красныя, а средняя — тепло-желтая. Иматій имѣетъ полосы кирпично-краснаго цвѣта по основному сине-ультрамариновому полю.

Г) На этой пластинкѣ нимбъ съ вѣнчикомъ, цвѣтъ тѣла, волосъ, устъ и глазъ — какъ у ангела. Книга какъ на Престолѣ Уготованномъ. Хитонъ сине-ультрамариновый, съ нашивкой на правомъ рукавѣ, состоящей изъ трехъ полосокъ, изъ которыхъ наружныя — кирпично-красныя, а средняя — тепло-желтая съ бѣлыми неправильной формы кружочками. Иматій желто-зеленый, малопрозрачный.

Д) Отличія расцвѣтки фигуры этого медальона отъ предшествовавшего слѣдующія: иматій — полосатый; луночки съ кирпично-красной смальтой здѣсь сопоставлены съ доминирующимъ тепло-желтымъ (на снимкѣ темныя полосы — красныя), а на прошивкѣ рукава верхъ средней полосы залить бѣлымъ; круглая луночка заполнена кирпично-краснымъ¹⁾.

Буквы надписей на всѣхъ 5 пластинкахъ кирпично-красныя.

Принимая во вниманіе декоративную схему оклада должно допустить, что изъ десяти пластинокъ, нѣкогда заполнявшихъ луночки оклада полей, сохранилась лишь половина полного набора. На утраченныхъ пластинкахъ, полагаю, были изображены: 3 евангелиста (ими заполнялись обѣ нижнія угловыя луночки и нижняя праваго продольнаго поля, находящагося подъ луночкой съ пластинкой и расположенная симметрично къ мѣсту занимаемому образкомъ ев. Луки), ангелъ (въ лѣвомъ верхнемъ углу симметрично пластинкѣ Б, такъ что получалась группа — два ангела по сторонамъ Уготованнаго Престола) и, вѣроятно, какой-либо святой или святая²⁾. Последняя гадательная пластинка находилась въ средней луночкѣ нижняго поперечнаго

1) Издана гравюрой у Н. Кондакова, Ист. и пам. виз. эмали, рис. 113 на стр. 359.

2) Аналогичный иконографически (и, какъ и гелатскій, также въ настоящее время неполный) греческій наборъ перегородчатыхъ эмалей сохранился укрѣпленнымъ на такъ называемомъ Намюрскомъ крестѣ западнаго дѣла. Наборъ снятъ, по всему вѣроятію, съ византийскаго оклада и взаимно, въ цѣляхъ реконструкціи, дополняетъ гелатскій. На крестѣ укрѣплено восемь бляшекъ: 1) Престолъ Уготованный, 2) арханг. Гавріилъ, 3) ап. Петръ, 4) ап. Павелъ, 5) ев. Матей, 6) ев. Маркъ, 7) ев. Іоаннъ и 8) мч. Пантелеймонъ (сл. недостаетъ ев. Луки и арханг. Михаила). См. F. Bock, Die Byzantinischen Zellschmelze der Sammlung D-r Alex. von Swenigorodskoi und das darüber veröffentlichte Prachtwerk. Als Manuscript gedruckt. Aachen, 1896, Tafel XX, и лит. соч. Н. Кондакова, Ист. и пам. виз. эмали, стр. 160, рис. 46.

поля, тамъ, гдѣ въ настоящее время прибита упоминавшаяся пластинка, изображающая св. Георгія и имѣющая греческую надпись. На то, что первоначально здѣсь была другая пластинка, впоследствии исчезнувшая и замѣненная нынѣ существующей, указываютъ слѣдующія данныя: эмаль съ изображеніемъ св. Георгія въ діаметрѣ шире луночки и прибита къ доскѣ поверхъ ея 3 гвоздями, въ то время какъ остальные эмали, сохранившіяся на поляхъ, укрѣплены безъ гвоздей исподнизу въ подогнанныхъ луночкахъ, посредствомъ ихъ загнутыхъ краевъ.

Рисунокъ описанныхъ эмалей изъ золотыхъ ленточекъ-перегородокъ мѣстами сбитъ, нетвердъ и незавершенъ, однако свобода выполненія, наряду съ яркой портретной характеристикой типовъ изображенныхъ лицъ, имѣющихъ каждое свой обособленно-индивидуальный обликъ, говорятъ за высоту художественнаго уровня. Мастерство же, техническая умѣлость выполненія — значительно ниже собственно византійскихъ эмалей. Такъ масса смальты при обжигѣ даетъ отъ накипи глубокія выемочки и углубленія, разсѣянные мѣстами по всѣмъ пластинкамъ¹⁾ и вслѣдствіе своей глубины не устранимая послѣдующей шлифовкой. Мастеръ, исполнявшій эти пластинки, былъ чуждъ той строгой и суховатой систематичности, которая обычно наблюдается въ техникѣ собственно византійскихъ эмалей XI—XII вв. при наложеніи различныхъ красокъ въ строго отграниченныя другъ отъ друга луночки²⁾. Мѣстами (просѣды бровей ап. Петра, кое-гдѣ въ опереніи ангельскихъ крыльевъ) мастеръ нарочито выпускаетъ въ общую луночку два тона, предоставляя имъ случайно смѣшиваться при обжигѣ. Красочная гамма набрана изъ цѣлостныхъ яркихъ красокъ, среди которыхъ, однако, встрѣчается крапчатая.

Вышеописанная группа грузинскихъ эмалей датирована надписью, исполненной чернью, какъ и орнаментальная раздѣлка листовъ оклада, въ луночкахъ котораго задѣланы эти пластинки. Въ надписи упоминается «украшившій» образъ Спаса «грѣшныи Свимонъ Чкондидел-и», жившій въ концѣ XI и въ первой половинѣ XII вв.³⁾, что придаетъ гелатскимъ эмалямъ особое значеніе въ вопросѣ датировки родственныхъ имъ грузинскихъ

1) Воплѣ различимы на снимкахъ, напр., на хитонѣ и иматіи ап. Петра или на подножій Престола Уготованнаго — въ видѣ различной величины кружочковъ и точекъ.

2) Также легко различимо на снимкахъ — напр., правая рука ев. Луки не отдѣлена отъ иматія перегородочкой въ мѣстѣ соприкосновенія у запястья; на правой же рукѣ ап. Петра, вслѣдствіе промежутка между перегородками, синяя эмаль затекла на ладонь руки. Менѣе замѣтно это и во многихъ другихъ мѣстахъ.

3) Кондаковъ - Бакрадзе, стр. 25—26.

же эмалевыхъ медальоновъ, какъ происходящихъ изъ монастыря Джумат-и¹⁾, такъ равно и сохраняющихся въ монастырѣ Хоп-и²⁾.

Сопоставляя же данную группу грузинскихъ эмалей съ эмалями собственно византійскими, слѣдуетъ отмѣтить, что линейный характеръ рисунка перегородокъ, по отсутствію прямыхъ линий и мелочной шрафировки, а равно и наличность незамкнутыхъ вплотную перегородочками луночекъ деталей и проистекающее отъ этого непосредственное соприкосновеніе смальтъ разныхъ тоновъ, приближается къ группѣ «древнѣйшихъ» эмалей³⁾, исполненныхъ на зеленомъ смальтовомъ фонѣ невыглаженными передъ припайкой, мѣстами случайно гнутыми, ленточками-перегородочками. Датированныя же и датируемыя пріемлемо византійскія эмали XI—XII вв., т. е. одновременно съ данными исполненныя, настолько отличны по типу мастерства и красочному набору отъ группы грузинскихъ эмалей на образѣ Спаса въ Гелатѣ, что сравненіе заставляетъ утверждать существованіе нѣкогда самостоятельной грузинской провинціальной (по отношенію къ Византіи) школы эмальеровъ. Наличность же стилистическихъ чертъ, сближающихъ мастерство эмалей этихъ (и другихъ, указанныхъ эмалей изъ Джумат-и и Хоп-и) съ византійскими эмалями болѣе древними, позволяетъ допустить предположеніе, что въ этихъ чертахъ обнаруживается давняя мѣстная художественная традиція эмалевой техники.

1) Обѣ группы сопоставлены Н. П. Кондаковымъ въ цитованномъ въ началѣ отрывкѣ. Теперь, послѣ исчезновенія иконы, на коей медальоны были укрѣплены искони, сохранившаяся въ Закавказьѣ часть набора находится въ монастырѣ Шемокмед-и (Кондаковъ-Бакрадзе, стр. 102—104), другія же бляшки перешли въ частныя коллекціи (Н. Кондаковъ, Ист. и пам. виз. эмали, стр. 357—359).

2) Кондаковъ-Бакрадзе, стр. 82—84.

3) Напр.: эмаль съ изображеніемъ распятія на лѣвомъ (отъ зрителя) крылѣ Хахульскаго складня Гелатскаго м-ря (см. фот. Д. Ермакова № 5108, изданную гравюрой у Н. Кондакова, Ист. и пам. виз. эмали, рис. 35 на стр. 135; по регистраціонной описи эмалей складня № 68, Кондаковъ-Бакрадзе, стр. 16 и 20, и Толстой-Кондаковъ, стр. 97—98); отчасти два круглыхъ медальона на среднемъ таблѣ того же складня съ изображеніями: 1) Богородицы и 2) св. Θεодора (см. фот. Ермакова № 5078—№ 1; Ист. и пам. виз. эмали, стр. 138, рис. 39, и въ трудѣ Н. Кондакова, Иконографія Богоматери, т. II. Петроградъ 1915, рис. 171 на стр. 307; по описи — № 11 на таблицѣ и № 14 въ текстѣ; для № 2 — фот. Ермакова № 5077; Ист. и пам. виз. эмали, стр. 138, рис. 40; по описи — № 14 на таблицѣ и № 11 въ текстѣ); икона Деисуса въ Мартвил-и (прорисъ въ Ист. и пам. виз. эмали, стр. 119, рис. 23, опис. стр. 119—120), также линейно ср. съ крестомъ изъ собр. Бересфорда Гола въ Лондонскомъ Кенсингтонскомъ музеѣ (O. M. Dalton, Byzantine art and archaeology. Оксфордъ 1911, рис. 302—303 на стр. 506—507). По системѣ незамкнутыхъ лоточковъ описываемыя эмали при-
мыкаютъ къ эмалямъ апостольской серіи на Хахульскомъ складнѣ, относящейся, по аналогіи съ Лимбургскимъ ковчежцемъ-ксилотеккой, съ наибольшей долей вѣроятія къ X вѣку (о ксилотекѣ — см. Н. Кондаковъ, Ист. и пам. виз. эмали, рис. 59 на стр. 198; эмали Хахульской апостольской серіи — №№ «Описи» 23—25, 27, 27а и 28, см. фот. Ермакова №№ 5092, 5119, 5106, 5115, 5124 и 5102).

Въ заключеніе позволю себѣ отмѣтить, что наборъ эмалевыхъ украшеній иконы Спаса въ Гелатѣ не ограничивается фигурными медальонами. Кромѣ нихъ сохранились двѣ декоративно-орнаментальныхъ эмали: вѣнчикъ-нимбъ и дробница съ надписью ХС (парная этой послѣдней — утрачена)¹⁾.

Дмитрій Гордѣевъ.

Церковь близъ селенія Болнис-Капанакчи.

Во время поѣздки моей для обследованія Болнисскаго Сіона¹⁾, проѣзжая изъ нѣмецкой колоніи Екатериненфельдъ (нынѣ Екатериновки) мимо сел. Болнис-Капанакчи, я замѣтилъ на сѣверъ отъ него въ небольшомъ разстояніи (менѣе 1 версты), на склонѣ горъ, зданіе, которое издали съ востока можно было принять за развалины крѣпости²⁾. Церковь эта расположена у самой дороги; поровнявшись, мы свернули къ ней лошадей, такъ какъ она показалась на первый же взглядъ интересной. Почва вокругъ нея сильно поднялась, перемычные камни входовъ были едва видны съ дороги. Древность церкви, дѣйствительно, внѣ сомнѣнія очень значительна; такіе элементы, какъ срѣзы швовъ въ камняхъ кладки, какъ подковообразная форма оконъ, какъ сюжетъ рельефовъ надъ дверьми и др., ставятъ ее въ одинъ рядъ съ древнѣйшими церквами Закавказья.

Планъ этой церкви (табл. XLVII) не представляетъ ничего исключительнаго, онъ встрѣчается нерѣдко на Кавказѣ: общій наружный видъ (табл. XLVIII рис. 1) заставляетъ предполагать въ церкви настоящую трехнефную базилику, между тѣмъ на провѣрку мы имѣемъ церковь съ двумя симметричными притворами — съ юга и сѣвера, построенными одновременно съ самой церковью. Алтарь выступает полукругомъ за линію восточнаго фасада (общаго для церкви и притворовъ). Притворы имѣютъ также полукруглыя внутри апсиды. Изъ притворовъ въ церковь ведутъ входы; въ нашемъ случаѣ два изъ южнаго и одинъ въ сѣверный притворъ. Притворы, нынѣ почти совсѣмъ разрушенные, были половинной высоты церкви³⁾. Внѣшнія стѣны

1) Описанія и этихъ эмалей даны въ тѣхъ-же цитованныхъ трудахъ, гдѣ описаны грузинскія эмали: Кондаковъ-Бакрадзе, стр. 24—25; Толстой-Кондаковъ, стр. 86—87; Н. Кондаковъ, Ист. и пам. виз. эмали, стр. 146. Изображеніе нимба дано гравюрой на стр. 147, рис. 42.

1) Исслѣдованіе о Болнисскомъ Сіонѣ будетъ опубликовано въ ближайшее время.

2) Къ сожалѣнію, я не занялся разспросами касательно названій окрестныхъ мѣстъ ради точнаго опредѣленія положенія церквей; вотъ почему приводимыя указанія лишь очень суммарно намѣчаютъ его.

3) Такого-же типа и то-же глубокой древности церкви мы имѣемъ, напр., въ сванскихъ селеніяхъ Енапшъ и Пхытрерь.

обоихъ притворовъ разрушены настолько, что сказать, какъ онѣ выглядѣли, были ли въ нихъ окна или нѣтъ, гдѣ были входы и т. д. — нельзя. По остаткамъ стѣнъ создано впечатлѣніе, что въ сѣверномъ притворѣ не было самостоятельнаго входа, а только изъ церкви. Въ обоихъ притворахъ, около алтаря, въ стѣнахъ самой церкви имѣется по нишѣ.

Сложена вся церковь съ притворами изъ зеленого камня, мѣстами изъ очень большихъ, хорошо тесаныхъ плитъ (такъ особенно — весь восточный фасадъ и затѣмъ входы). Швы плитъ скошены внутрь, какъ на церкви св. Креста противъ Мцхета, и др. Своды церкви и притворовъ позднѣе были сложены изъ большихъ черепицъ (длиной сантиметровъ 45), какъ видно по остаткамъ. Вѣроятно, это древнія черепицы покрытія церкви¹⁾. Что сама церковь имѣла каменный сводъ, видно изъ того, что мѣстами сохранилось начало его изъ двухъ рядовъ тѣхъ же зеленыхъ камней. Сводъ былъ безъ подпружныхъ арокъ, только предъ алтаремъ триумфальная арка опирается на гладкія, но едва расширяющіяся кверху капители. Форма ихъ²⁾ указываетъ тоже на большую древность. Также были устроены и алтарныя части притворовъ, по крайней мѣрѣ сохранившагося южнаго.

Въ церкви было одно алтарное окно, одно на западъ и два на югъ. Окна подковообразной формы, большихъ размѣровъ, и почти не расширяются внутрь церкви, особенно длинно алтарное окно (табл. XLVIII рис. 2), у котораго наружу не угловатые края, а закругленные (ср. планъ и табл. XLVIII рис. 1). Западное окно снабжено снаружи навѣсомъ-выступомъ, по нижнему краю котораго расположена какъ-бы цѣпь ововъ въ длину.

Оба южныхъ входа въ церковь были украшены рельефами на громадныхъ плитахъ. Надъ этими плитами кладка образуетъ щель, какъ облегченіе давленія на рельефный камень, — обычай наблюдаемый только въ древнихъ постройкахъ. Надъ болѣе восточной дверью южной стѣны слѣдующее изображеніе на зеленомъ камнѣ (табл. XLVIII рис. 3): въ кругѣ сидятъ въ крещатомъ нимбѣ Христосъ на тронѣ, правая рука его благословляюще поднята (безымянный палецъ сложенъ съ большимъ), по сторонамъ Христа, на концахъ трона, сидятъ въ профиль смотрящіе въ стороны птицы (какъ нерѣдко изображаютъ ручки трона); по сторонамъ головы Христа кружки (солнце и луна?). Медальонъ съ изображеніемъ несутъ летящіе ангелы съ птичьими крыльями и хвостомъ вмѣсто нижней части корпуса. Подъ трономъ

1) Въ сѣверномъ притворѣ валялся также обломокъ и полукруглой черепицы.

2) Къ сожалѣнію на рис. 2 табл. XLVIII воспроизведено одно только окно безъ капителей и самой арки.

изгибъ линіей (какая-то часть трона?), а подъ ней слѣва двѣ сбитыя фигуры, справа большой кусокъ камня отбитъ.

Надъ болѣе западной дверью того-же сюжета изображеніе по красному камню, но меньшаго размѣра. Центральная фигура не въ медальонѣ и настолько сбита, что нельзя сказать, кто былъ изображенъ. Вѣроятно, не Христосъ, а Богоматерь.

Подобныя композиціи очень ходки въ древнее время, но отъ обычнаго наблона, если сравнивать хотя-бы съ изображеніями на южномъ фасадѣ церкви св. Креста противъ Мцхета, тутъ много отступленій. Не считая нужнымъ останавливаться на сличеніи матеріала въ полномъ его объемѣ, я не могу однако не указать на двѣ ближайшія аналогіи именно въ отношеніи стилистическаго упадка, атрофіи пластическаго чутія у мастера. Такая же, и по многимъ второстепеннымъ деталямъ, композиція — изображена Богоматерь съ младенцемъ — имѣется на камнѣ изъ восточной церкви въ Зебедѣ въ Сиріи, датируемая Бутлеромъ VI вѣкомъ¹⁾. Другую аналогію даетъ изображеніе на столбѣ въ такъ называемомъ памятникѣ царя Сымбата въ Узунларѣ, гдѣ на лицевой сторонѣ изображенъ въ медальонѣ сидящій Христосъ, а на боковыхъ сторонахъ видны крылья и хвостъ, повидимому, держащаго медальонъ ангела. Столбъ этотъ относится къ разряду древнѣйшихъ памятниковъ армянскаго искусства²⁾.

Сѣверная дверь безъ какихъ-либо украшеній. Есть еще рѣзные камни, но они не на своихъ мѣстахъ. Въ кладку западной стѣны снаружи попали два рѣзныхъ камня (табл. XLVIII рис. 4), одинъ (31 × 26 см.) — съ изображеніемъ розетки; другой (25 × 25 см.) съ двухъ видныхъ сторонъ имѣлъ по мальтійскому кресту въ круглой рамѣ изъ треугольничковъ. Такіе кресты встрѣчаются въ Болнисскомъ Сіонѣ, откуда, быть можетъ, и попали сюда, какъ подражаніе. Какія собственно части храма мы имѣемъ въ этихъ двухъ маленькихъ камняхъ, сказать не могу. Въ кладкѣ западной же стѣны, только внутри церкви, находится на продолговатомъ, красномъ камнѣ изображеніе мальтійскихъ крестовъ въ кругахъ, отъ которыхъ въ сторону идетъ полоса и нѣчто сбитое (очевидно, человекъ), и далѣе такая

фигура

Вокругъ церкви видны отдѣльныя христіанскія могилы. Въ пролетѣ болѣе западной изъ южныхъ дверей стоитъ обломокъ надгробнаго (?) камня

1) Труды сирійской экспедиціи, ч. II: Architecture a. other arts, H. C. Butler, 1903, рис. и фот. на с. 308—309 (ср. еще тамъ же с. 307—308).

2) Фот. Анійскаго Музея Древностей 1914 г. № 99 и 97.

съ изображеніями — съ одной стороны челоуѣка съ маленькимъ сосудомъ въ лѣвой рукѣ и двумя большими съ его правой стороны, изъ которыхъ за одинъ онъ держится рукой. На другой сторонѣ изображенъ стоящій челоуѣкъ, который держитъ за узду лошадь лѣвой рукой, повидимому, то же и правой держалъ (есть остатокъ лошадиной ноги?) — остальное отбито.

Такимъ образомъ эта небольшая церковь, относящаяся по всѣмъ даннымъ къ древнѣйшей эпохѣ христіано-кавказскаго зодчества, обслуживала бывшее здѣсь, какъ на то указываютъ могилы, до недавняго времени христіанское населеніе.

Г. Чубиновъ.

Разныя извѣстія и замѣтки.

— О вкладѣ Христіанскаго Востока въ древне-русское искусство. Для читателей ХВ живой интересъ представляетъ статья проф. Ѳ. И. Шмита, помѣщенная въ ВВр (т. XXII, 1915). Черезчуръ общимъ заглавіемъ «Замѣтки о поздневизантійскихъ храмовыхъ росписяхъ» она прикрываетъ спеціальныи интересъ автора къ вопросу о значеніи кавказскаго искусства, въ частности грузинской церковной стѣнописи для вопроса о генезисѣ русскихъ росписей и грузинскаго церковнаго зодчества для вопроса о происхожденіи архитектуры Киевской Руси. Послѣдняя сторона съ сопоставленіемъ Москв-и и Киевской св. Софійи выдвигалась въ числѣ прочихъ проф. Стржиговскимъ въ линіяхъ общихъ сужденій и таковыхъ же сопоставленій. Настоящая работа возведена также на широкихъ обобщеніяхъ и сопоставленіяхъ, дающихъ въ подробностяхъ проскользнуть въ сужденія элементамъ, требующимъ оговорок. Это естественно, особенно при отсутствіи спеціальныхъ монографическихъ работъ по кавказскимъ памятникамъ, на что такъ основательно жалуется авторъ (ц. с., стр. 22), много кладущій усилій на то, чтобы создать кадръ работниковъ по христіанскому искусству Кавказа въ Харьковскомъ университетѣ и вообще пріохотить къ нему специалистовъ своего круга. Въ чрезвычайно своеобразной постановкѣ вопроса о Деисусѣ самъ авторъ предупреждаетъ (стр. 64), что перечень памятниковъ, иллюстрирующихъ его мысль, «составленъ на основаніи совершенно случайныхъ и завѣдомо неполныхъ данныхъ». Здѣсь же впрочемъ при указаніи на участіе армянской среды въ распространеніи Деисуса въ росписяхъ мнѣ вспоминалась любовь армянъ-халкедонитовъ къ Деисусу и въ скульптурѣ, такъ его появленіе въ тимпанѣ двери церкви XIII-го вѣка (Н. Марръ, Краткій каталогъ Анійскаго Музея, 1906, табл. III). Если бы мысль Ѳ. И. Шмита оправдалась, то особая роль вообще армянъ въ этомъ дѣлѣ могла бы получить освѣщеніе въ связи съ исключительнымъ значеніемъ св. Карапета (Предтечи) не только въ армянской церкви, но и въ армянскихъ народныхъ религіозныхъ представленіяхъ. Специалисты по исторіи искусства, хотимъ надѣяться, отзовутся на возбуждающія мысли харьковскаго ученаго. Сейчасъ мы остановимся на двухъ, трехъ приводящихся обстоятельствахъ. Къ неточнымъ мелочамъ, къ тому же не имѣющимъ прямого отношенія къ положеніямъ автора, относится, когда по контексту его изложенія (стр. 35) Григорій Пакуріанъ, извѣстный византійскій дѣятель, въ религіозной жизни однако поборникъ грузинской православной церкви, оказывается однимъ изъ «чистокровныхъ» грузинъ (ср. Н. Марръ, Аркаунъ, монгольское названіе христіанъ въ связи съ вопросомъ объ армянахъ-халкедонитахъ (ВВр, т. XII, отд. отт., стр. 21 сл.). Быть можетъ, болѣе интимное вхожденіе историка искусства въ культурныя условія средневѣковаго христіан-

скаго Кавказа повліяло бы не только на болѣе реальное размежеваніе армянскаго и грузинскаго теченій въ искусствѣ, но и менѣе тѣсное сближеніе Кавказа вообще съ Малой Азіею въ опредѣленные эпохи. Попутно или вѣрнѣе всколзъ затрагивается такой специальный этнологическій вопросъ, какъ сродство названій «касоги», «касаги» и «казаки» (стр. 38), давно выявленное яфетидологіею въ исторіи развитія лежащаго въ ихъ основѣ этническаго термина kas-|| kos- и распространенія его въ той или иной формѣ мн. числа (-p, -d) — kas-p, kas-q || kas-ḡ и т. п. съ юга Кавказа, т. е. съ Закавказья, на сѣверъ, а не только съ Предкавказья.

Работа дастъ случай высказаться объ одной подробности въ передачѣ на русскій кавказскихъ собственныхъ именъ. Такъ какъ грузинскія названія, въ числѣ ихъ географическія, все болѣе и болѣе начинаютъ появляться въ научныхъ работахъ на русскомъ языкѣ, слѣдовало бы сговориться не давать читателямъ повода принимать грузинское окончаніе Им. падежа «-и» за часть основы и, слѣдовательно, или отдѣлять его черточкой, если кто считаетъ нужнымъ почему либо приводить названія съ бѣглымъ грузинскимъ окончаніемъ Им. падежа, или, воспринимая ихъ осознанно въ русскую рѣчь, имѣющую свой суффиксъ того же падежа, отбрасывать исходный гласный суффиксъ «-и». Въ послѣднемъ случаѣ получимъ, напр., Атенъ, Гремъ, Эркетъ, Жибианъ, Кинцвисъ и т. п., а не «Атени», «Греми», «Еркети», «Жибиани», «Кинцвиси» и т. д., что такъ же основательно, какъ если бы по-русски говорили «Тифлиси», «Кутайси», «Батуми» и т. п. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ «-и» сталъ неустрашимъ, напр., въ названіи города «Поти», или, что еще болѣе несуразно, онъ воспринимается за русское окончаніе мн. числа «-ы», напр., когда пишемъ, приспособиваясь къ принятымъ въ нашихъ официальныхъ учрежденіяхъ неграмотнымъ формамъ «Озургеты», «Цагеры».

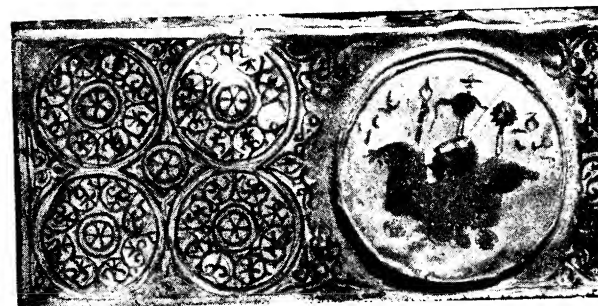
— О *Пицундѣ и постройкѣ Юстиніана въ Абхазіи*. Въ Запискахъ Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества (Тифлисъ 1916, кн. XXIX, вып. 4) появилась (стр. 59—73) статья Л. М. Меликсетъ-Бекова «Древнѣйшая Пицунда у Понта Евксинскаго». Статья представляетъ опытъ пересмотра вопроса о постройкѣ Юстиніаномъ храма Богоматери у абхазовъ, какъ нѣкоторые предполагали, именно въ Пицундѣ. Рѣшеніе дается отрицательное. Литература приведена по вопросу о Пицундѣ съ большою полнотой.

Н. М.
— За 1916 по сей день (1917, май) въ редакцію ХВ поступили слѣдующія періодическія изданія:

Rivista degli Studi Orientali pubblicata a cura dei professori de la Scuola Orientale nella R. Università di Roma. Anno VI.—Volume VI. Fasc. Quarto, 1915; vol. VII. Fasc. Primo 1916. Fasc. Secondo. 1916.

Сообщенія Правосл. Палестинскаго Общества 1915, т. XXVI, вып. III—IV (Юль—Декабрь).

Труды Оренбургской Ученой Архивной Коммисіи. Историческія права Оренбурга какъ центра цѣлаго края на высшее учебное заведеніе. Л. А. Словохотовъ, Оренбургъ. 1917.

А.

Б.

Г.

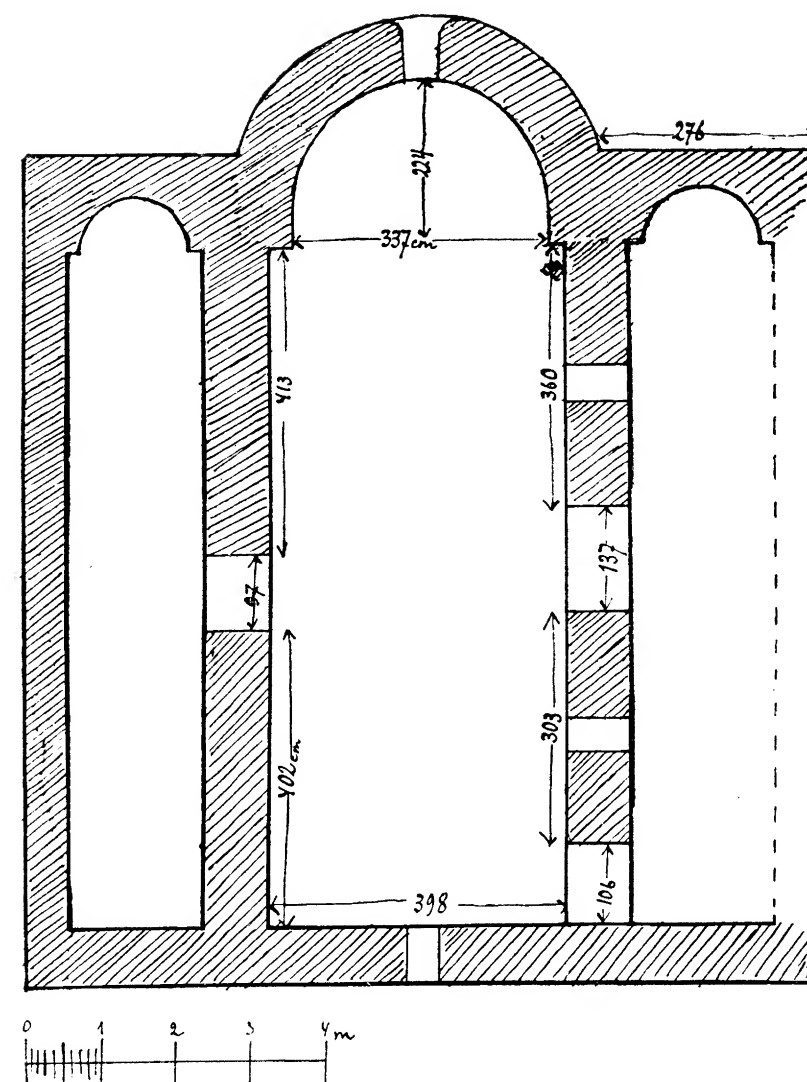

В.

Д.

Перегорелые эмалевые медальоны съ грузинскими надписями на иконѣ Спаса, хранящейся въ ризницѣ Гелатскаго монастыря.

Планъ церкви.

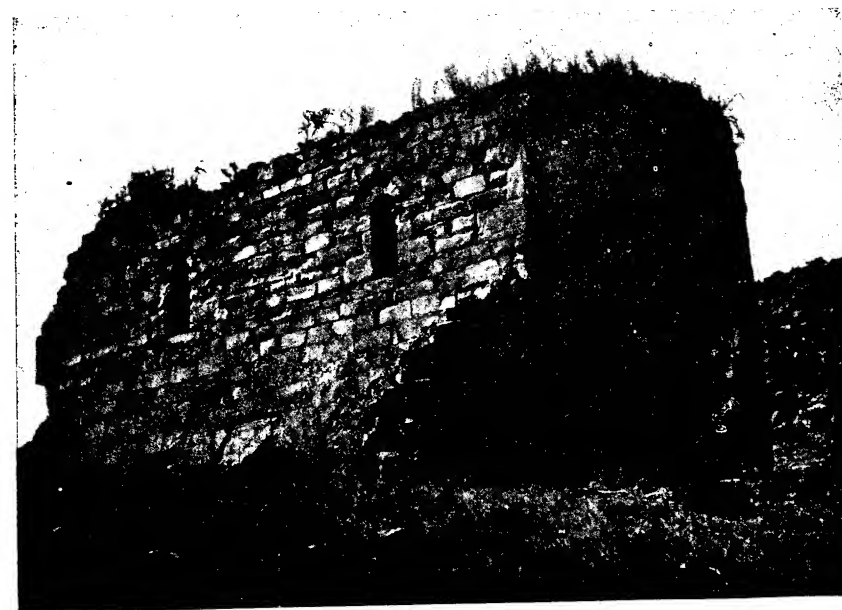

Рис. 1. Общий видъ съ юго-восточной стороны.

Рис. 2. Алтарное окно.

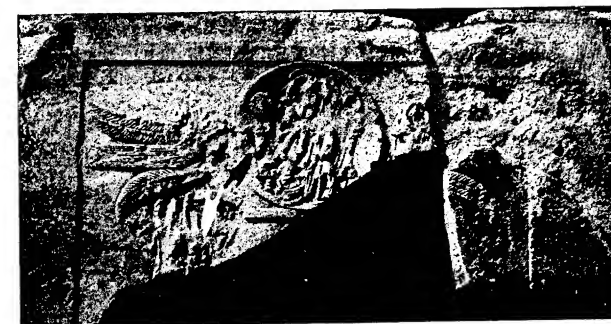

Рис. 3. Рельефъ надъ южной дверью.

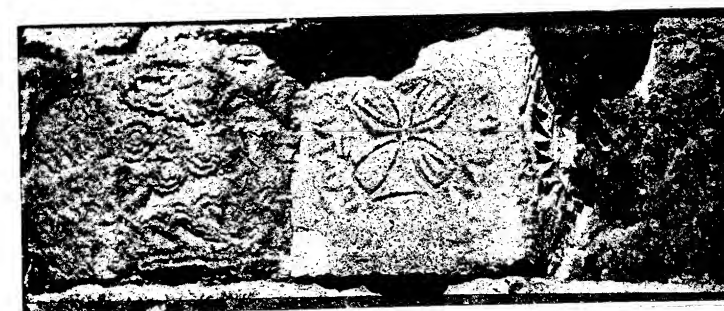

Рис. 4. Рѣзные камни въ кладки западной стѣны.

Годы 6-9.

1917-1920.

ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОКЪ.

СЕРІЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНІЮ ХРИСТИАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВЪ АЗІИ И АФРИКИ.

ТОМЪ VI.

ВЫПУСКЪ III.

Изданіе Россійской Академіи Наукъ.

Содержаніе:

Берселе, В. Халифъ Омаръ II и про-
тивоборъшіе египетскіе о его лич-
ности (стр. 203—234).

Адоитъ, И. Фаустъ Византійскій, какъ
историкъ I (стр. 286—272).

Кривошеинъ, И. Христиане и христіанскіе
термины у мусульманскаго поэта
Х. П. въ Багдадѣ (стр. 273—280).

Меликсетъ-Бекетъ, Л. Къ. Біографія свя-
щенника Филиппа Каймазова
(стр. 281—284).

Марръ, Н. Два грузинскія архитектур-
ныя термина — «трапеза» и «ба-
лканъ» (стр. 285—298).

Татаишвили, Е. Древности Гуленарской
церкви (стр. 299—302).

Мебелевъ, С. Христосъ — плотникъ
(стр. 303—314).

Меликсетъ-Бекетъ, Л. Фрагментъ гру-
зинской версіи «Дѣства Христа»
(стр. 315—320).

Марръ, Н. «Тронъ и империализмъ» (321—324).

Тураевъ, Б. Оскаръ Эдуардовичъ Леммъ
(стр. 325—333).

Марръ, Н. Памяти Л. А. и Д. А. Ки-
шинизе и С. Ломія (стр. 334—340).

Разныя извѣстія и замѣтки (341—359).
Рисунки на табличкахъ II—IX.

ПЕТРОГРАДЪ.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1922.

ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОКЪ.

СЕРІЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНІЮ ХРИСТИАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВЪ АЗІИ И АФРИКИ.

ТОМЪ VI.

Издание Россійской Академіи Наукъ.

БИБЛИОТЕКА
Московской
Православной Духовной
Академіи
Инв. № 78816

ПЕТРОГРАДЪ.

РОССІЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1922.

СОКРАЩЕНІЯ.

AB	Analecta Bollandiana.	EO	Échos d'Orient.
AcIBL	Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus.	GSAI	Giornale della Società Asiatica Italiana
AAkB	Abhandlungen der Kgl. Preussischen Akademie der Wissenschaften in Berlin.	IgF	Indogermanische Forschungen.
APf	Archiv für Papyrusforschung.	JA	Journal asiatique.
ARw	Archiv für Religionswissenschaft.	JAOS	Journal of the American Oriental Society.
ASA	Annales du Service des Antiquités du Caire.	JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society.
B	Bessarione.	JS	Journal des Savants.
BAG	Bibliotheca Armeno-Georgica.	JTSt	Journal of theological studies.
BbZ	Biblische Zeitschrift.	JBL	Journal of biblical literature.
BCH	bulletin de correspondance hellénique.	LSSSt	Leipziger semitistische Studien.
BCHPh	Bulletin de la Classe Histor.-Philologique de l'Acad. des Sciences de Petrograd.	MA	Mélanges Asiatiques.
BEFEO	Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient.	MACIBL	Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
BIE	Bulletin de l'Institut égyptien.	MACB	Mémoires de l'Académie Royale de Belgique.
BSA	Bulletin de la Société d'Anthropologie.	MAH	Mélanges d'archéologie et d'histoire publiées par l'École française de Rome.
BSAA	Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie.	MAS	Mémoires de l'Acad. des Sciences de Petrograd.
BZ	Byzantinische Zeitschrift.	MéIBeyr	Mélanges de la Faculté Orientale de l'Université St. Joseph à Beyrouth
CHR	Congrès d'Histoire des Religions.	MGGH	Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft. Hamburg.
CQR	The Church Quarterly Review.	Mq	Al-Machriq.
CSCO	Corpus scriptorum christianorum orientaliū.	MMFC	Mémoires publiées par les membres de la mission archéologique française au Caire.
DAKM	Denkschriften der bayerischen Akademie. München.	MSOS	Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin.
DLZ	Deutsche Literaturzeitung.		

Продолженіе см. на 3-ей страницѣ обложки.

Годы 6-9.

1917-1920.

ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОКЪ.

СЕРІЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНІЮ ХРИСТИАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВЪ АЗІИ И АФРИКИ.

ТОМЪ VI.

ВЫПУСКЪ III.

Издание Россійской Академіи Наукъ.

Содержаніе:

Бартольд, В. Халифъ Омаръ II и про-
твореніи имъ о его лич-
ности (стр. 203—234).

Афанасьевъ, Н. Фаустъ Византийскій, какъ
историкъ I (стр. 235—249).

Ивановскій, И. Христиане и христианские
термины у мусульманскаго поэта
XII вѣка въ Багдадѣ (стр. 273—280).

Малиновскій-Бенковъ, Л. Къ биографіи свя-
щенника Филиппа Каймазова
(стр. 281—284).

Марр, Н. Два грузинскихъ архитектур-
ныхъ термина — «ачраба» и «ба-
лаба» (стр. 285—298).

Танайшвили, Е. Древности Гулестанской
церкви (стр. 299—302).

Медведевъ, С. Христианскій — плотникъ
(стр. 303—314).

Малиновскій-Бенковъ, Л. Фрагментъ грузинской
версии «Дѣяній Христова»
(стр. 315—320).

Марр, Н. «Тронъ и императоръ» (стр. 321—324).

Гуреевъ, Б. Оскаръ Александровичъ Лемке
(стр. 325—333).

Марр, Н. Памати Л. А. и Д. А. Копи-
шидзе и С. Дони (стр. 334—340).

Разныя извѣстія и замѣтки (341—353).
Рисунки на таблицахъ II—IX.

ПЕТРОГРАДЪ.

РОССІЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

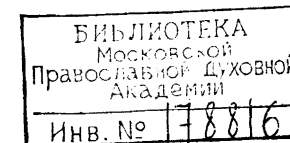
1922.

ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОКЪ.

СЕРІЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНІЮ ХРИСТИАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВЪ АЗІИ И АФРИКИ.

ТОМЪ VI.

Издание Россійской Академіи Наукъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

РОССІЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1922.

СОКРАЩЕНІЯ.

AB	Analecta Bollandiana.	EO	Échos d'Orient.
AcIBL	Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus.	GSAI	Giornale della Società Asiatica Italiana
AAkB	Abhandlungen der Kgl. Preussischen Akademie der Wissenschaften in Berlin.	IgF	Indogermanische Forschungen.
APf	Archiv für Papyrusforschung.	JA	Journal asiatique.
ARw	Archiv für Religionswissenschaft.	JAOS	Journal of the American Oriental Society.
ASA	Annales du Service des Antiquités du Caire.	JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society.
B	Bessarione.	JS	Journal des Savants.
BAG	Bibliotheca Armeno-Georgica.	JTSt	Journal of theological studies.
BbZ	Biblische Zeitschrift.	JBL	Journal of biblical literature.
BCH	bulletin de correspondance hellénique.	LSSSt	Leipziger semitistische Studien.
BCHPh	Bulletin de la Classe Histor-Philologique de l'Acad. des Sciences de Petrograd.	MA	Mélanges Asiatiques.
BEFEO	Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient.	MAcIBL	Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
BIE	Bulletin de l'Institut égyptien.	MAcB	Mémoires de l'Académie Royale de Belgique.
BSA	Bulletin de la Société d'Anthropologie.	MAH	Mélanges d'archéologie et d'histoire publiées par l'École française de Rome.
BSAA	Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie.	MAS	Mémoires de l'Acad. des Sciences de Petrograd.
BZ	Byzantinische Zeitschrift.	MéIBeyr	Mélanges de la Faculté Orientale de l'Université St. Joseph à Beyrouth
CHR	Congrès d'Histoire des Religions.	MGGH	Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft. Hamburg.
CQR	The Church Quarterly Review.	Mq	Al-Machriq.
CSCO	Corpus scriptorum christianorum orientaliū.	MMFC	Mémoires publiées par les membres de la mission archéologique française au Caire.
DAkM	Denkschriften der bayerischen Akademie. München.	MSOS	Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin.
DLZ	Deutsche Literaturzeitung.		

Продолженіе см. на 3-ей страницѣ обложки.

1922 г. Июль

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Выпускъ I.

	Страницы.
✓ Бриллиантовъ, А. О мѣстѣ кончины и погребенія св. Максима Исповѣдника	1—62
✓ Тураевъ, Б. Изъ эіопской литературы.	
I. Псалмы, какъ заговоры	63—74
II. Веліалъ и его узы	74—82
III. Новая рукопись чудесъ Св. Троицы	82—86
Разныя извѣстія и замѣтки	87—97
Къ возрожденію грузинской церкви (87). Н. М.: Изъ современной арабской литературы (87—90). Л. Мелисетъ-Беновъ: Къ этимологіи названій «Мцхета» и «Цицамур-и» (90—92). Л. М.-Б.: Никиты Стифата, іеромонаха Студійскаго, «Опроверженіе армянской ереси», грузинская версія (92—93). Л. М.-Л.: Нѣсколько словъ о терминѣ «сомех» (93—94). Л. М.-Б.: Гадженкъ-Гачіанъ (94—95). Л. М.-Б.: Къ вопросу о системахъ пунктуациі въ древней Грузіи (95). Н. М.: О «Набарнуги», мірскомъ имени Петра Ивера (95—97). Н. М.: О транскрипціи кавказскихъ собственныхъ именъ (97).	
Критика	98—106
Г. Н. Чубиновъ: <i>Θ. И. Шмидтъ</i> . Замѣтки о поздневизантійскихъ храмовыхъ росписяхъ.	

Выпускъ II.

Дьяконовъ, А. Къ исторіи сирійскаго сказанія о св. Мар-Евгенѣ . .	107—174
Блэйкъ, Р. П. По поводу даты армянскаго перевода «Церковной Исторіи» Сократа Схоластика	174—188
Крачковскій, И. О переводѣ Библии на арабскій языкъ при халифѣ ал-Ма'мунѣ	189—196
Орбели, І. Фрагментъ крестнаго камня съ арабской надписью въ Тифлисѣ	197—202
Рисунокъ на таблицѣ	I

Выпускъ III.

	Страницы.
Бартольдъ, В. Халифъ Омаръ II и противорѣчивыя извѣстія о его личности	203—234.
Адонцъ, Н. Фаустъ Византійскій, какъ историкъ. I.	235—272.
Крачковскій, И. Христіане и христіанскіе термины у мусульманскаго поэта XII вѣка въ Багдадѣ	273—280.
Меликсетъ-Бекъ, Л. Къ біографіи священника Филиппа Кайтмазова (XVIII вѣка)	281—284.
Марръ, Н. Два грузинскихъ архитектурныхъ термина — «ачрдил» и «балавар»	285—298.
Танайшвили, Е. Древности Гулекарской церкви.	299—302.
Жебелевъ, С. Христосъ — плотникъ	303—314.
Меликсетъ-Бекъ, Л. Фрагментъ грузинской версіи «Дѣтства Христа»	315—320.
Марръ, Н. «Тронъ» или «икона»?	321—324.
Тураевъ, Б. Оскаръ Эдуардовичъ Леммъ	325—333.
Марръ, Н. Памяти I. А. и Д. А. Кипшидзе и С. Ломія	334—340.
Разныя извѣстія и замѣтки	341—353.

Л. Меликсетъ-Бекъ: Сигель грузинскаго царя Ираклія II о князьяхъ Аргутинскихъ (341—343). Н. М.: О фрагментѣ грузинской версіи «Дѣтства Христа» (343—347). Н. М.: Изъ гурійскихъ народныхъ преданій о постройкѣ Зарзмскаго монастыря съ преданіями о переселенцахъ изъ Месхіи и Абхазіи въ Гурію (347—350). Н. М.: Имена Бутъ и Иоасафъ въ армянскомъ быту (351—352). Н. М.: Якутскія параллели къ бытовымъ религіознымъ явленіямъ у кавказскихъ яфетидовъ (352—353).

Рисунки на таблицахъ. II—IX.

СОКРАЩЕНІЯ.

AB	Analecta Bollandiana.	EO	Échos d'Orient.
AcIBL	Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus.	GSAI	Giornale della Società Asiatica Italiana
AAkB	Abhandlungen der Kgl. Preussischen Akademie der Wissenschaften in Berlin.	IgF	Indogermanische Forschungen.
APf	Archiv für Papyrusforschung.	JA	Journal asiatique.
ARw	Archiv für Religionswissenschaft.	JAOS	Journal of the American Oriental Society.
ASA	Annales du Service des Antiquités du Caire.	JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society.
B	Bessarione.	JS	Journal des Savants.
BAG	Bibliotheca Armeno-Georgica.	JTSt	Journal of theological studies.
BbZ	Biblische Zeitschrift.	JBL	Journal of biblical literature.
BCH	Bulletin de correspondance hellénique.	LSSst	Leipziger semitistische Studien.
BCHPh	Bulletin de la Classe Histor.-Philologique de l'Acad. des Sciences de Petrograd.	MA	Mélanges Asiatiques.
BEFEO	Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient.	MAcIBL	Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
BIE	Bulletin de l'Institut égyptien.	MAcB	Mémoires de l'Académie Royale de Belgique.
BSA	Bulletin de la Société d'Anthropologie.	MAH	Mélanges d'archéologie et d'histoire publiées par l'École française de Rome.
BSAA	Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie.	MAS	Mémoires de l'Acad. des Sciences de Petrograd.
BZ	Byzantinische Zeitschrift.	MéIBeyr	Mélanges de la Faculté Orientale de l'Université St. Joseph à Beyrouth
CHR	Congrès d'Histoire des Religions.	MGGH	Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft. Hamburg.
CQR	The Church Quarterly Review.	Mq	Al-Machriq.
CSCO	Corpus scriptorum christianorum orientaliū.	MMFC	Mémoires publiées par les membres de la mission archéologique française au Caire.
DAkM	Denkschriften der bayerischen Akademie. München.	MSOS	Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin.
DLZ	Deutsche Literaturzeitung.		

NE	Notices et extraits des manuscrits.	TU	Texte und Untersuchungen.
NΣ	Nέα Σιών.	ZA	Zeitschrift für Assyriologie.
OA	Orientalisches Archiv.	VGWL	Verhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig.
OCh	Oriens Christianus.	WZKM	Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes.
PEF	Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement.	ZÄS	Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde.
PG	Patrologia graeca	ZDMG	Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft.
PL	Patrologia latina	БВ	Богословский Вѣстникъ.
Phil	Philologus.	ВВр	Византийский Временникъ.
PO	Patrologia Orientalis.	ЖМНП	Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
PSBA	Proceedings of the Society of biblical Archaeology.	ЗВО	Записки Вост. Отдѣленія Русск. Археол. Общества.
RA	Revue archéologique.	ЗКО	Записки Классич. Отдѣленія Русск. Археол. Общ.
RAfr	Revue africaine.	ИАК	Извѣстія Археол. Комиссіи.
RACL	Reale Accademia dei Lincei.	ИАН	Извѣстія Академіи Наукъ.
RB	Revue biblique.	ИРАрхИнстКП	Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополѣ.
RE	Revue Égyptologique.	МАК	Матеріалы по Археологiи Кавказа.
REG	Revue des études grecques.	ПрСоб	Православный Собесѣдникъ.
RG	Revue de géographie.	СМК	Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.
RH	Revue historique.	ТР	Тексты и разысканія по армяно-груз. филологiи, изд. Факультетомъ Вост. языковъ Петрогр. Унив.
RHE	Revue d'histoire ecclésiastique.	ТрКА	Труды Кіевской Духовной Академіи.
RHR	Revue de l'histoire des religions.	ХВ	Христiанскій Востокъ.
RL	Revue linguistique.	ХрЧт	Христiанское Чтеніе.
RO	Roma e l'Oriente.	Ա	Անահիտ.
ROC	Revue de l'Orient Chrétien.	ԱԲ	Արարատ.
RPL	Revue de philologie d'histoire et de littérature anciennes.	ԱՀ	Աղաղրական Հանդես.
RQuS	Römische Quartalschrift.	ԲԿ	Բարձրակ.
RStO	Rivista degli Studi Orientali.	Գ	Գեղարուեստ.
RMasp	Recueil des travaux relat. philolog. et archéol. égypt. et assyr.	ՀԱ	Հանդես Ամսորհայ.
RTP	Revue des traditions populaires.		
SAkB	Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.		
SAkW	Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften. Wien.		
SAkH	Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften.		
StGK	Studien zur Geschichte und Kultur des Alterthums.		
TLZ	Theologische Literaturzeitung.		

Халифъ Омаръ II и противорѣчивыя извѣстія о его личности.

Трехлѣтнее правленіе халифа Омара II (717—720) было совершенно исключительнымъ эпизодомъ не только въ исторіи династіи Омейядовъ, но вообще въ исторіи мусульманской государственной жизни. Омейяды, по отзыву историковъ, превратили религіозную общину въ свѣтское государство и правили, какъ «цари», въ отличіе отъ праведныхъ «халифовъ»; Омара II иногда называли пятымъ праведнымъ халифомъ¹, т. е. ставили его наравнѣ съ Абу-Бекромъ, Омаромъ, Османомъ и Алиемъ. Для послѣдующихъ временъ онъ остался идеаломъ благочестиваго мусульманскаго государя, какого не могъ создать воцарившійся послѣ паденія Омейядовъ «домъ посланника Божьяго». Прославляя кратковременное правленіе одного изъ послѣднихъ аббасидскихъ халифовъ, Захира (1225—26), Ибн-ал-Асиръ говоритъ, что этотъ халифъ напомнилъ мусульманамъ времена Омара II².

Европейскіе историки-оріенталисты, писавшіе объ Омарѣ II, обыкновенно изображали его искреннимъ, но непрактичнымъ, даже ограниченнымъ идеалистомъ, который былъ готовъ принести въ жертву своимъ религіознымъ утопіямъ всѣ интересы созданной его предшественниками имперіи. Въ противоположность этому, Вельхаузенъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ, вышедшемъ въ 1902 г.³, видитъ въ халифѣ идеалиста-реформатора, ста-

¹ Goldziher, Muh. Studien, II, 34. Выраженіе وهو احد الخلفاء الراشدين также у Ибн-Али, Biogr. diction., p. 464; ссылка на Суфьяна тамъ-же, p. 465.

² Ibn el-Athir ed. Tornberg XII, 287; ср. Миръ Ислама, I (1912), 225.

³ Das Arabische Reich und sein Sturz, S. 166 f.; особенно стр. 190: «Wie vieles auch unklar bleibt, eins ist doch ziemlich klar, dass man nämlich sich lächerlich macht, wenn man diesen Chalifen mit überlegenem Spotte behandelt, wozu schon Dozy das Signal gegeben hat». Вельхаузенъ больше всего полемизируетъ съ Кремеромъ и А. Мюллеромъ и не упоминаетъ о выраженіи Нельдеке (Or. Skizzen, S. 87 f.): «des äusserst braven, aber beschränkten Idealisten Omar II».

вившаго себѣ вполне разумныя цѣли, хотя иногда превышавшія его силы. Вельхаузенъ старается доказать, что благочестивый халифъ заботился не только о спасеніи своей души, но и о благѣ своихъ подданныхъ, что его стремленіе оградить подданныхъ отъ притѣсненій и примирить съ династіей, безъ существеннаго ущерба для государства и казны, всѣ оппозиціонные элементы отнюдь не свидѣтельствуетъ ни объ ограниченности, ни о политической близорукости. Доводы Вельхаузена не имѣли большого успѣха; въ популярной, но составленной специалистомъ книгѣ объ исламѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1914 г., Омаръ II изображается, какъ *Idealerscheinung eines unmännlichen Schwärmers*¹.

Вельхаузенъ, дѣйствительно, приписываетъ Омару II черты, едва ли совмѣстимыя въ одномъ лицѣ. Халифъ изображенъ какъ искусный политикъ и въ то же время какъ стойкій и послѣдовательный идеалистъ, еще въ ранней молодости усвоившій тѣ религіозныя традиціи, которымъ потомъ служилъ всю жизнь и которыя получили господство въ его царствованіи. Омаръ II, по словамъ Вельхаузена, родился въ Мединѣ, провелъ тамъ большую часть своей молодости и вполне проникся «традиціями города пророка»². Послѣ смерти его отца Абд-ал-Азиза халифъ Абд-ал-Меликъ вызвалъ его въ Дамаскъ и выдалъ за него свою дочь; впоследствии, при халифѣ Валидѣ I (705—715) онъ вернулся въ Медину въ качествѣ намѣстника, причемъ халифъ этимъ назначеніемъ хотѣлъ привлечь на свою сторону религіозные круги. Черезъ нѣсколько лѣтъ Валидъ былъ принужденъ низложить Омара по требованію Хаджжаджа, такъ какъ подъ управленіемъ Омара Хиджазъ сдѣлался убѣжищемъ для всѣхъ спасавшихся отъ преслѣдованій Хаджжаджа религіозныхъ элементовъ Ирака; вообще Омаръ въ Мединѣ поддерживалъ связи съ представителями религіознаго благочестія, не обращая вниманія на ихъ враждебное отношеніе къ омейядскому правительству. Когда халифъ Сулейманъ передъ смертью не зналъ, кого назначить своимъ наслѣдникомъ, придворный богословъ Раджа ибн-Хайва убѣдилъ его совершить богоугодное дѣло и завѣщать халифатъ своему благочестивому двоюродному брату³.

Вельхаузенъ воспроизводитъ традицію, переданную у Табари и восходящую къ Вакиди (умеръ въ 823 г.); умалчивается о томъ, что рядомъ съ этой традиціей существуетъ другая, по которой Омаръ II послѣ вступле-

¹ Tr. Mann, *Der Islam einst und jetzt*, S. 86. Ср. также слова А. Е. Крымскаго *Исторія арабовъ*, изд. 1912 г., ч. II, стр. 128) о «святѣшнѣ Омарѣ II».

² *Das Arab. Reich*, S. 166: «Er nährte sich an der Tradition der Stadt des Propheten».

³ *Ibid.*, S. 165.

ніи на престолъ сдѣлался совѣтъмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ раньше. Между тѣмъ эта вторая традиція, восходящая, повидимому¹, къ современнику Вакиди, Мадаини, находится въ большемъ согласіи съ фактами, изъ которыхъ нѣкоторые были настолько извѣстны, что о нихъ не могъ умолчать даже Вакиди. Самый яркій изъ этихъ фактовъ — казнь Хубейба, сына Абдаллаха ибн-Зубейра. По разсказу Я'куби², Омаръ получилъ отъ халифа Валида приказаніе расширить «мечеть посланника Божьяго» и для этого разрушить находившіяся рядомъ съ мечетью хижины женъ пророка. Когда приступили къ работѣ, Хубейбъ сталъ заклинять Омара не трогать построекъ, упоминаемыхъ въ Коранѣ³; Омаръ велѣлъ дать ему сто ударовъ кнутомъ и потомъ вылить на него ушатъ холодной воды, что повлекло за собой смерть (дѣло происходило зимой). Историкъ прибавляетъ: «Когда Омаръ сдѣлался халифомъ и достигъ той степени подвижничества, которой достигъ, онъ говорилъ: «Кто поможетъ мнѣ противъ Хубейба?» (подразумѣвается, конечно, въ день суда Божьяго). У Вакиди также говорилось о передѣлкахъ, произведенныхъ Омаромъ по приказанію Валида въ мединской мечети (Я'куби и Табари даже цитуютъ текстъ Вакиди почти въ одинаковыхъ словахъ) и о казни Хубейба, Вакиди только не связывалъ одного событія съ другимъ и относилъ ихъ къ разнымъ годамъ; по его разсказу, передѣлки были начаты въ 707⁴ и закончены въ 709 г.⁵, казнь Хубейба произошла въ 93 г. х., т. е. въ 711 или 712 г.; при этомъ говорится только, что Хубейбъ былъ подвергнутъ такому наказанію по приказанію Валида; чѣмъ вызвалъ Хубейбъ гнѣвъ халифа, не сказано⁶. О подробностяхъ наказанія у Вакиди говорилось почти въ тѣхъ же словахъ, какъ въ источникѣ Я'куби, причемъ Вакиди передаетъ эти подробности со словъ человѣка, ссылавшагося на разсказъ очевидца⁷.

¹ Ср. характерныя ссылки на Мадаини (علي بن محمد) у Ибн-Са'да (VIII, 246,7; 249,20; 254,12) и у Мас'уди (*Prairies d'or* V, 424).

² Годъ смерти Мадаини, какъ извѣстно, указывается различно; у Якута въ биографіи Мадаини (*The Irshad al-Arib*, ed. Margoliouth, V, 309) 225 г. (840), у Табари (III, 1330,8) — 228 г. (843).

³ *Hist. ed.* Poutsma II, 339 сл.

⁴ Кор. 49,4.

⁵ По Табари въ раби' I (II, 1192,18) или въ сафарѣ (II, 1194,4) 88 г.

⁶ 90 г. у Я'куби, II, 340.

⁷ Ср. разсказъ *Fragm. hist. arab.* I, 4, гдѣ говорится, что *صاحب البريد* извѣстилъ халифа о протестѣ Хубейба противъ разрушенія хижины, вслѣдствіе чего Валидъ послалъ Омару приказаніе дать Хубейбу 100 ударовъ кнутомъ и вылить на него ушатъ холодной воды. По этому разсказу Омаръ впоследствии только жалѣлъ, что не ограничился тѣлеснымъ наказаніемъ.

⁸ Табари II, 1255,3.

Омаръ II былъ «единцемъ» только для такого представителя мусульманскаго благочестія, какъ Бухари¹, но изъ біографическихъ свѣдѣній о халифѣ не видно даже, чтобы въ Мединѣ жила его мать, Уммъ-Асимъ или Лейла, внучка халифа Омара I; по біографическому словарю Навави² она поселилась въ Дамаскѣ, гдѣ съ ней, очевидно, сошелся отецъ Омаръ II Абд-ал-Азизъ, сынъ халифа Мервана I и братъ халифа Абд-ал-Мелика. Говорится, что Абд-ал-Азизъ очень высоко ставилъ этотъ союзъ съ родомъ халифа Омара и велѣлъ своему домоправителю (قائم) приготовить для свадьбы сумму въ 400 динаровъ³. У того же Навави⁴ сказано, что Омаръ II родился въ Египтѣ, по одному извѣстію въ 61 г. хиджры (т. е. 680—1), по другому (именно по Ибн-Са'ду) въ 63-мъ (682—3). Въ томъ и другомъ случаѣ это событіе послѣдовало за нѣсколько лѣтъ до назначенія его отца правителемъ Египта; по въ египетской историографіи⁵ есть извѣстіе, что Абд-ал-Азизъ пріѣзжалъ въ Египетъ и раньше, во время намѣстничества Масламы ибн-Мухаллада (667—682). Изъ разсказа Табари⁶ можно заключить, что въ 61 г. Абд-ал-Азизъ находился съ отцомъ въ Мединѣ и вмѣстѣ съ Абд-ал-Меликомъ принималъ участіе въ посольствѣ въ Мекку къ Абдаллаху ибн-Зубейру; но въ разсказѣ о событіяхъ 63 г., когда Мерванъ вмѣстѣ съ Абд-ал-Меликомъ и другими Омейядами были осаждены въ «домѣ Мервана» въ Мединѣ и потомъ вынуждены покинуть городъ⁷, Абд-ал-Азизъ не упоминается; возможно, что онъ въ это время ѣздилъ въ Египетъ. Въ слѣдующіе годы Абд-ал-Азизъ снова находился при отцѣ и принималъ дѣятельное участіе въ тѣхъ битвахъ, которыя спасли отъ гибели династію Омейядовъ. Въ битвѣ при Мерджъ-Рахитѣ въ 684 г., обезпечившей за Омейядами господство надъ Сиріей, Абд-ал-Азизъ былъ сброшенъ съ коня⁸; при завоеваніи Египта онъ находился во главѣ отряда, вторгнувшагося въ эту область черезъ Айлу⁹, т. е. по дорогѣ къ сѣверу отъ Синайскаго полуострова. Покидая Египетъ въ февралѣ 685 г.¹⁰, Мерванъ назначилъ правителемъ страны Абд-ал-Азиза, который управлялъ Египтомъ до своей смерти,

¹ Ср. ссылку на него у Навави, Biogr. dict., p. 466.

² Biogr. dict. p. 464.

³ Ибн-Са'дъ VIII, 243 сл. Навави, Biogr. dict., p. 466.

⁴ Biogr. dict., p. 465 сл. 63 г. также у Ибн-Са'да VIII, 243,7; 62 г. у Табари II, 1182,18.

⁵ Кинди, ed. Guest, 54,12.

⁶ Табари II, 397,18.

⁷ Табари II, 405 сл.

⁸ Табари II, 479 ult.

⁹ Кинди 42,8 и 43,12.

¹⁰ Реджебъ 65 г. у Кинди 48,8.

послѣдовавшей по Кинди въ 705¹, по Табари² и другимъ источникамъ³ въ 704 г. За все это время онъ только два раза, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ VII в., ѣздилъ въ Сирію къ своему брату халифу Абд-ал-Мелику, гдѣ принималъ участіе въ усмирении возстанія одного изъ Омейядовъ, котораго Абд-ал-Меликъ оставилъ своимъ представителемъ въ Дамаскѣ⁴. Въ Египтѣ Абд-ал-Азизъ правилъ вполне самостоятельно и полновластно распоряжался доходами этой области; ему была подчинена также сѣверная Африка⁵. На находившіяся въ его распоряженіи средства онъ, между прочимъ, построилъ «позолоченный домъ» (الدار المذقبة) въ Каирѣ, къ западу отъ мечети Амра, которая также была при немъ расширена и перестроена, и произвелъ рядъ построекъ (домъ и мечети) и насажденій (виноградники и пальмовыя рощи) въ сосѣднемъ Хульванѣ, куда онъ въ 689 г. перенесъ свое мѣстопробываніе и гдѣ его впослѣдствіи застигла смерть⁶. Его личный образъ жизни, однако, не отличался пышностью; оставшаяся послѣ него одежда частью была въ заплаткахъ⁷; въ его казнѣ было найдено всего 7000 динаровъ⁸. Абд-ал-Азизъ отличался болѣе мягкимъ характеромъ, чѣмъ его братъ Абд-ал-Меликъ, котораго онъ старался удержать отъ слишкомъ суровой расправы съ врагами⁹, и не былъ также чуждъ религіознаго благочестія. Передъ смертью онъ, очевидно, боясь суда Божьяго, говорилъ, что хотѣлъ бы быть полнымъ ничтожествомъ, горстью праха, или вести жизнь пастуха верблюдовъ на окраинѣ Хиджаза¹⁰.

Будущему халифу Омару II было уже болѣе 20 лѣтъ, когда умеръ Абд-ал-Азизъ. Вѣроятно, онъ провелъ по крайней мѣрѣ часть своей молодости при дворѣ своего отца въ Египтѣ; среди наслѣдства, полученнаго имъ отъ отца, были нѣкоторые предметы, происходившіе, по преданію, изъ сокровищницы Фараона¹¹. Въ разсказахъ о происходившихъ тогда въ Египтѣ

¹ Кинди 55,1 (джумада I 86 г.).

² Табари II, 1165,17 (джумада I 85 г.).

³ 85 г. у Я'куби, 335.

⁴ Табари II, 783 сл. объ Абд-ал-Азизѣ 789,10; Кинди 49,3.

⁵ Ср. статью объ Абд-ал-Азизѣ (K. V. Zetterstéen) въ *Enz. des Islam*, I, 38; также II, 6 (s. v. Egypten, C. Becker).

⁶ О постройкахъ Кинди 49 сл.

⁷ Кинди 55,14.

⁸ Ibid. 55,10.

⁹ Разсказъ у Табари II, 789 сл. Ср. приведенныя у Я'куби (II, 334 внизу) слова الشعبي объ Абд-ал-Азизѣ какъ «самомъ великодушномъ по характеру изъ царей», которыхъ онъ зналъ.

¹⁰ Кинди 55,5.

¹¹ Табари I, 485,12.

событіяхъ упоминается только одинъ сынъ Абд-ал-Азиза, Асбагъ¹, любимецъ отца, который хотѣлъ назначить его своимъ наслѣдникомъ², но лишился его незадолго до своей собственной смерти. Ибн-Кутейба говоритъ объ Асбагѣ, что онъ былъ ученымъ человекомъ и могъ предсказывать будущее; онъ будто бы предсказалъ будущую судьбу своего брата Омара, когда тотъ получилъ отъ лошади ударъ копытомъ, знакъ котораго сохранился на всю жизнь³. Историки приписываютъ Омару I предсказаніе, что одинъ изъ его потомковъ, на лицѣ котораго будетъ знакъ, наполнить землю справедливостью; говорится также о преданіи, будто этотъ «носящій знакъ» долженъ былъ быть изъ Омейядовъ⁴; ученые увѣряли, что такое предсказаніе находится въ книгѣ Даниила⁵. По словамъ Табари, этотъ случай произошелъ съ Омаромъ въ Дамаскѣ⁶; больше о его молодости у Табари ничего не говорится⁷. Всего у Абд-ал-Азиза было десять дѣтей, семь сыновей и три дочери⁸, изъ которыхъ одна была выдана за сына Абд-ал-Мелика, будущаго халифа Валида.

Послѣ смерти Абд-ал-Азиза Абд-ал-Меликъ назначилъ намѣстникомъ Египта своего сына Абдаллаха, которому было поручено по возможности уничтожить всѣ слѣды управленія Абд-ал-Азиза⁹. Дѣти Абд-ал-Азиза, очевидно, не могли оставаться въ Египтѣ; повидимому, они переселились въ Дамаскъ. Абд-ал-Меликъ выдалъ за Омара свою дочь Фатиму, которой было суждено пережить своего мужа и принять его послѣдній вздохъ, хотя она далеко не была его единственной женой¹⁰. Омаръ приобрѣлъ расположеніе своего тестя; есть извѣстіе, что онъ сидѣлъ выше всѣхъ сыновей халифа, кромѣ наслѣдника, Валида¹¹. Еще болѣе высокое положеніе занялъ Омаръ въ царствованіе Валида (705—715). Въ 706 г. Омаръ былъ назначенъ намѣстникомъ Медины и поселился въ домѣ своего дѣда Мервана; багажъ молодого намѣстника прибылъ на 30 верблюдахъ, что отмѣчаетъ и

¹ О немъ у Кинди, 51 и 54; Северъ, ed. Seybold, 133 ult.

² Табари II, 1167, 10) говоритъ то же самое о другомъ сынѣ, Абу-Бекрѣ.

³ Ибн-Кутейба, كتاب المعارف, ed. Wüstenfeld, 184.

⁴ Выраженіе اشج بنی مروان въ كتاب الاغانی, VIII, 151.

⁵ У Ибн-Кутейбы (I. c.) слова هو في كتاب دانيال الدردوق الاشج, съ ссылкой на Асма'и.

⁶ Табари II, 1362, 18. По Fragm. hist. arab. I, 39 въ Египтѣ.

⁷ Разсказъ о томъ, какъ Омаръ съ разрѣшенія отца ѣздилъ учиться въ Медину, есть въ Fragm. hist. arab. I, 40.

⁸ Перечисленіе ихъ у Ибн-Кутейбы, I. c.

⁹ Кинди 58, 7.

¹⁰ Ср. перечисленіе женъ и дѣтей Омара у Ибн-Са'да, VIII, 242 сл.

¹¹ كتاب الاغانی, VIII, 151.

Вакиди¹. Изъ этого видно, что Омаръ своимъ роскошнымъ образомъ жизни выдѣлялся даже среди представителей династіи Омейядовъ. О томъ же свидѣлствуетъ рядъ разсказовъ историковъ. Говорили, что никто не тратилъ такъ много денегъ на духи, одежду и лошадей, какъ Омаръ². Изъ-за его духовъ люди платили деньги въ прачешной, чтобы ихъ одежду стирали вмѣстѣ съ одеждой Омара, такъ чтобы она пропиталась тѣмъ же запахомъ³. Поставлявшій ему одежду торговецъ Хадждаджъ разсказывалъ, что до вступленія Омара на престолъ его одежда обходилась ему въ 400 дирхемовъ, и то онъ находилъ ее слишкомъ грубой; послѣ вступленія на престолъ онъ покупалъ одежду за 14 дирхемовъ, и то находилъ ее слишкомъ тонкой⁴. Мас'уди разсказываетъ то же самое о плащѣ (حلة) въ 1000 динаровъ и рубахѣ (قميص) въ 10 дирхемовъ⁵. Омаръ въ Мединѣ щедро награждалъ поэтовъ за привѣтственные стихи; одинъ изъ нихъ получилъ отъ намѣстника за свое стихотвореніе 15 верблюдицъ⁶.

Предшественникъ Омара Хишамъ ибн-Исмаиль Махзуми былъ тестемъ халифа Абд-ал-Мелика и дѣдомъ его сына, будущаго халифа Хишама⁷. Несмотря на это высокое положеніе, Омаръ по приказанію халифа поставилъ своего предшественника у дома Мервана къ позорному столбу. Хишамъ во время своего намѣстничества всячески притѣснялъ представителей религій, во главѣ которыхъ находился Са'идъ ибн-Мусейябъ, и Алидовъ, изъ которыхъ главнымъ былъ Алій, сынъ Хусейна; теперь Са'идъ и Алій будто бы запретили своимъ приверженцамъ оскорблять наваго врага словомъ или хотя бы взглядомъ⁸.

По разсказу Вакиди⁹, Омаръ тотчасъ послѣ вступленія въ должность созвалъ къ себѣ мединскихъ факиховъ и объявилъ имъ, что во всемъ будетъ поступать по ихъ указаніямъ. Среди нихъ упоминаются два внука халифа Омара I, благочестивый внукъ халифа Абу-Бекра Касимъ и братъ Абдаллаха ибн-Зубейра, историкъ Урва. Не упоминается въ этомъ списокѣ Са'идъ

¹ Табари II, 1182, 18. Ср. Я'куби, Hist., II, 339.

² Полнѣе всего у Ибн-Са'да, VIII, 244, 28: وهو احسن الناس لباسا ومن اطيب الناس رائحة. ربحا ومن اخيل الناس في مشيه.

³ كتاب الاغانی, VIII, 155.

⁴ Ибн-Са'дъ VIII, 246, 7 сл.

⁵ Prairies d'or V, 424. Въ Fragm. hist. arab. I, 40 говорится объ одеждѣ въ 100 динаровъ и меньше чѣмъ въ 1 динаръ.

⁶ كتاب الاغانی, VIII, 155.

⁷ Табари II, 1174, 6 сл.

⁸ Табари II, 1183, 12 сл. Я'куби, Hist., II, 339.

⁹ Табари II, 1182 ult. сл. О Касимѣ часто у Ибн-Са'да. Въ указателѣ къ изданію Табари факихъ Касимъ ошибочно отличается отъ внука Абу-Бекра.

ибн-Мусейябъ; судя по разсказу о приѣздѣ въ Медину въ 710 г. халифа Валида¹, Са'идъ и во время намѣстничества Омара оставался въ такомъ же отчужденіи отъ властей, какъ прежде. Чтобы связать Са'ида съ Омаромъ, преданіе только могло приписать Са'иду предсказаніе будущаго; Са'идъ будто бы послалъ одного изъ своихъ учениковъ въ домъ Мервана посмотреть на «махдія»; ученикъ вернулся и объявилъ, что въ домѣ Мервана никакого махдія не оказалось; только тогда Са'идъ объяснилъ ему, что махдіемъ будетъ сидящій теперь въ домѣ Мервана Омаръ ибн-Абд-ал-Азизъ². Разсказъ о суровой расправѣ съ сыномъ Абдаллаха ибн-Зубейра показываетъ, что и вліяніе остальныхъ факиховъ на Омара преданіемъ значительно преувеличено.

Омаръ былъ въ Мединѣ вѣрнымъ исполнителемъ предназначеній халифа Валида. Исполняя повелѣніе халифа, Омаръ произвелъ въ Мединѣ набѣръ и назначилъ 2000 (изъ нихъ отправились 1500) мединцевъ на сѣверъ для участія въ набѣгѣ на византійскія владѣнія³. Впослѣдствіи, будучи халифомъ, Омаръ не одобрялъ пышности построенной Валидомъ знаменитой «мечети Омейядовъ» въ Дамаскѣ; будучи намѣстникомъ Медины, онъ, по желанію Валида, разрушилъ простую мечеть пророка и выстроилъ вмѣсто нея пышное зданіе. Есть извѣстіе, что византійскій императоръ прислалъ для этой постройки, по желанію халифа, сотню рабочихъ, 100.000 золотниковъ золота и сорокъ верблюдовъ, нагруженныхъ мозаикой, выломанной изъ развалинъ старыхъ городовъ⁴. На полу мечети мозаикой было выложено имя Валида; впослѣдствіи халифъ Махдіи уничтожилъ эту надпись и замѣнилъ имя Валида своимъ⁵, какъ въ IX в. Мамунъ замѣнилъ своимъ именемъ имя Абд-ал-Мелика въ іерусалимской мечети⁶. Передѣлки, произведенныя въ мединской мечети при Махдіи, снова потребовали большого количества золота, мрамора и мозаики; по ироніи судьбы, въ этихъ работахъ принималъ участіе потомокъ Омара II⁷, какъ самъ благочестивый халифъ, врагъ всякой пышности въ религіозномъ культѣ, въ дни своей молодости обратилъ въ пышное зданіе простую мечеть пророка.

Во время своего намѣстничества Омаръ не покидалъ Хиджаза и нѣсколько

¹ Табари II, 1232 ult. и сл. Я'куби, Hist., II, 340.

² Ибн-Са'дъ VIII, 245,4 сл.

³ 2000 по Я'куби, II, 339; 1500 у Табари II, 1192,10.

⁴ Я'куби, Hist., II, 340. Табари II, 1194.

⁵ Табари III, 535. Ссылка на это мѣсто должна быть прибавлена въ указатель къ изданію Табари, стр. 628, при имени الوليد بن عبد الملك.

⁶ Міръ Ислама, I, 204.

⁷ Beladkori 7.

лѣтъ къ ряду, съ 706 г., стоялъ во главѣ паломничества. Въ 710 г. паломничество было совершено подъ руководствомъ самого халифа, который прибылъ въ Мекку и Медину, чтобы лично осмотрѣть производившіяся по его приказанію работы, и былъ торжественно встрѣченъ Омаромъ¹. Въ 711 г. паломничествомъ снова руководилъ Омаръ. Время его отозванія изъ Медины опредѣляется различно; указываются 93 и 94 г. хиджры, т. е. 712 и 713 гг.². Тотчасъ послѣ своего отозванія онъ принялъ участіе въ набѣгѣ на византійскія владѣнія, повидимому, единственный разъ въ своей жизни. О причинѣ его отозванія разсказываютъ, что Хаджжаджъ пожаловался халифу Валиду, что въ Хиджазѣ, именно въ Меккѣ и Мединѣ, находятъ убѣжище всѣ бѣглецы изъ Ирака. Халифъ попросилъ его назвать двухъ угодныхъ ему людей; Хаджжаджъ указалъ на Халида ибн-Абдаллаха ал-Касри и Османа ибн-Хайяна; Валидъ назначилъ Халида намѣстникомъ Мекки, Османа — намѣстникомъ Медины и отозвалъ Омара. По другому извѣстію того же Табари, однако, Халидъ уже былъ намѣстникомъ Мекки въ 708 г.³. Достовернымъ можетъ считаться фактъ, что въ Хиджазѣ въ то время были бѣглецы изъ Ирака; по разсказу Я'куби, приказаніе выселить ихъ было дано халифомъ Халиду, который уже отъ себя послалъ въ Медину Османа ибн-Хайяна⁴. Омаръ, во всякомъ случаѣ, покинулъ Медину до прибытія поваго намѣстника, оставивъ тамъ своимъ замѣстителемъ назначеннаго имъ-же казія Абу-Бекра ибн-Хазма⁵. Казій Абу-Бекръ считался однимъ изъ благочестивыхъ факиховъ и происходилъ изъ ансаровъ; фактъ его назначенія является едва ли не единственнымъ доказательствомъ, что Омаръ еще во время своего намѣстничества сблизился съ мединскими религіозными кругами; Абу-Бекръ, однако, не связалъ своей судьбы съ судьбой Омара и остался казіемъ при его преемникѣ.

Враждебное отношеніе Омара и его семьи къ Хаджжаджу могло быть вызвано не только религіозными причинами. По своимъ взглядамъ и образу жизни Омаръ долженъ былъ больше примыкать къ культурнымъ кельбитами, чѣмъ къ грубымъ кайситамъ, представителемъ которыхъ былъ Хаджжаджъ; взгляды Омара вполне раздѣляла его сестра Умм-ал-Бининъ, жена халифа Валида. Ибн-Кутейба разсказываетъ, что Хаджжаджъ однажды пришелъ

¹ Разсказъ по Вакиди у Табари, II, 1232,10 сл. Я'куби II, 340.

² Табари II, 1255. Омаръ прибылъ въ Медину въ раби' I 87 г. (Табари II, 1182,17; Ибн-Са'дъ VIII, 244,4), по Ибн-Кутейбѣ (كتاب المعارف, 182) онъ пробылъ въ Мединѣ 7 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ, что указывало бы на набѣтъ 94 г.

³ Табари II, 1199.

⁴ Я'куби II, 347.

⁵ Эта подробность у Табари II, 1255,14 сл.

къ Валиду въ панцырѣ и черной чалмѣ, съ арабскимъ лукомъ и колчаномъ; Умм-ал-бининъ послала спросить халифа: «Что это за бедуинъ пришелъ къ тебѣ въ грубой одеждѣ, при оружьи, и ты самъ принимаешь его безъ верхней одежды?». Узнавъ, что это — Хаджжаджъ, Умм-ал-бининъ велѣла передать мужу: «Я охотнѣе узнала бы, что ты бесѣдуешь наединѣ съ ангеломъ смерти, чѣмъ что ты бесѣдуешь наединѣ съ Хаджжаджемъ». Дальше говорится, какъ Хаджжаджъ предупредилъ халифа противъ опасностей женскаго вліянія и какъ Умм-ал-бининъ за это вызвала его къ себѣ и въ рѣзкихъ словахъ отчитала его¹.

Въ послѣдніе годы царствованія Валида, повидимому, между семьей Абд-ал-Азиза и Хаджжаджемъ произошло примиреніе. По распоряженію халифа Абд-ал-Мелика, халифатъ послѣ Валида долженъ былъ перейти къ его брату Сулейману; Валидъ хотѣлъ заставить Сулеймана отказаться отъ своихъ правъ въ пользу Абд-ал-Азиза, сына Валида и Умм-ал-бининъ. Сторонникомъ этой кандидатуры былъ и Хаджжаджъ, для котораго вступленіе на престолъ Сулеймана было еще менѣе желательно, чѣмъ переходъ власти къ сыну Умм-ал-бининъ и племяннику Омара. Сулейманъ упорно отказывался исполнить желаніе халифа, и Валидъ умеръ прежде, чѣмъ успѣлъ осуществить свой планъ; но о кандидатурѣ Абд-ал-Азиза говорили открыто, и поэтамъ было приказано подготовить къ этой перемѣнѣ общественное мнѣніе. Табари приводитъ стихи поэта Джерира, гдѣ между прочимъ говорится: «Если спросятъ, кто изъ людей — лучший изъ халифовъ, всѣ пальцы укажутъ на Абд-ал-Азиза. Они считаютъ его самымъ достойнымъ халифата изъ всѣхъ людей и въ этомъ не ошибаются; торопитесь принести ему присягу»². Распоряженіе Абд-ал-Мелика осталось, однако, неотмѣненнымъ и вступило въ силу тотчасъ послѣ смерти Валида, послѣдовавшей въ концѣ января³ или въ концѣ февраля 715 г. Омаръ былъ тогда въ Дамаскѣ и, повидимому, считался первымъ лицомъ послѣ халифа; имъ была произнесена молитва надъ тѣломъ умершаго халифа, и онъ же привелъ населеніе Дамаска къ присягѣ законному наслѣднику, находившемуся тогда въ Палестинѣ⁴. Омару удалось сохранить такое же вліятельное положеніе при Сулейманѣ и въ то же время остаться другомъ своего племянника Абд-ал-Азиза. Послѣ смерти Сулеймана войско, не зная о его завѣщаніи, принесло присягу Абд-ал-Азизу; самъ Омаръ выражалъ готовность отказаться въ

¹ Ujûn al Ahbâr ed. Brockelmann, p. 206,3 сл.

² Табари II, 1283,7 сл.

³ Середина джумâдъ I у Я'куби, II, 349 и 351; джумâдъ II у Табари, II, 1269,14 и др.

⁴ Я'куби, Hist., II, 349 и 351.

пользу Абд-ал-Азиза отъ своихъ правъ; но Абд-ал-Азизъ объявилъ, что вполне одобряетъ провозглашеніе халифомъ Омара¹.

Хаджжаджъ умеръ еще въ 714 г., не доживъ, къ своему счастью, до вступленія на престолъ его врага Сулеймана².

Сулейманъ, подобно Валиду, любилъ воздвигать постройки; съ его именемъ связано основаніе Рамлы, сдѣлавшейся потомъ главнымъ городомъ Палестины; но больше всего онъ любилъ женщинъ и пиршествъ, и ему подражали его приближенные³. Очень вѣроятно, что такую же жизнь велъ въ эти годы Омаръ. Ибн-Са'дъ приводитъ рассказъ челоуѣка, видѣвшаго Омара при дворѣ Сулеймана; Омаръ не выдѣлялся отъ окружающихъ по своей одеждѣ и производилъ впечатлѣніе сильнаго, крѣпкаго⁴ и, конечно, жизнерадостнаго мужчины. Вельхаузенъ полагалъ, что образъ жизни Омара представлялъ полную противоположность образу жизни Сулеймана: Sulaiman war ein üppiger Wüstling, Umar fast ein Ascet⁵. Въ дѣйствительности Омаръ, не дожившій до 40 лѣтъ, имѣлъ по Ибн-Кутейбѣ 14⁶, по Ибн-Са'ду — 16 дѣтей⁷, изъ нихъ 9 отъ рабыни-наложницы, что, во всякомъ случаѣ, не свидѣтельствуетъ объ аскетическомъ образѣ жизни.

По рассказу Я'куби⁸, Сулейманъ въ 97, т. е. въ 716 г. совершилъ паломничество въ Мекку; съ нимъ былъ и Омаръ. Еще раньше Сулейманъ смѣнилъ назначенныхъ Хаджжаджемъ намѣстниковъ Мекки и Медины; намѣстникомъ Медины теперь сдѣлалось то же лицо, которое при Омарѣ было назначено казіемъ. Новый намѣстникъ долженъ былъ построить для Сулеймана дворецъ въ Джур'ѣ, въ 3 миляхъ къ сѣверу отъ Медины⁹; постройка, однако, не удовлетворила халифа. На пути изъ Медины въ Мекку паломниковъ застигла гроза съ такими ударами молніи, что Сулейманъ испугался; Омаръ сказалъ ему: «Такова милость (Господня), каково же будетъ наказаніе!» Изъ этого можно было бы заключить, что Омаръ уже тогда предавался благочестивымъ мыслямъ. Приводятся нѣкоторыя подробности о паломничествѣ и о бесѣдахъ между халифомъ и факихами. На обратномъ пути Сулейманъ былъ въ Іерусалимѣ; здѣсь ему подошли своими колокольчиками

¹ Ibid. 361. Табари II, 1345.

² Объ этой враждѣ характерный рассказъ у Джахиза, البيان والتبيين, I, 149 сл.

³ Табари II, 1273 наверху.

⁴ Ибн-Са'дъ VIII, 297,14.

⁵ Das Arabische Reich 167.

⁶ كتاب المعارف 184.

⁷ Ибн-Са'дъ VIII, 242 сл.

⁸ Ja'qubi Hist. II, 358.

⁹ О мѣстоположеніи Якутъ II, 62,19.

прокаженные, и онъ велѣлъ-было ихъ сжечь, причемъ сказалъ: «Если бы въ нихъ было что нибудь хорошее, Богъ не наслалъ бы на нихъ такого испытанія». Омаръ уговорилъ халифа отмѣнить это жестокое повелѣніе, и прокаженные были только посланы въ уединенную деревню, гдѣ бы они не общались съ другими людьми.

О паломничествѣ Сулеймана въ 97 г. и объ участіи въ этомъ паломничествѣ Омара говоритъ и Табари¹. Въ паломничествѣ принимали участіе также поэты. На обратномъ пути, въ Мединѣ, къ халифу привели 400 плѣнныхъ грековъ; халифъ и его спутники начали избивать ихъ, причемъ честь нанести первый ударъ досталось молодому потомку Алія Абдаллаху ибн-Хасану, сидѣвшему ближе всего къ халифу. Въ избіеніи должны были принять участіе всѣ присутствовавшіе; неловкость поэта Фераздака вызвала смѣхъ халифа². Не сказано, какое впечатлѣніе произвела эта сцена на Омара и принималъ ли онъ также участіе въ избіеніи. Такія сцены не мѣшали Сулейману считаться благочестивымъ человѣкомъ и произносить назидательныя проповѣди; Мадаини приводитъ его проповѣдь о Коранѣ, гдѣ онъ увѣщевалъ своихъ слушателей во всѣхъ своихъ поступкахъ руководствоваться книгой Божіей, которая отмѣнила прежнія книги и сама не будетъ отмѣнена никакой другой³.

О путешествіи Сулеймана и Омара по Палестинѣ источники, кромѣ Я'куби, сообщаютъ мало подробностей. Извѣстно, что его строительная дѣятельность въ Рамлѣ продолжалась и послѣ его вступленія на престолъ⁴; но долго ли онъ тамъ жилъ, не говорится. На пути въ Іерусалимъ онъ проѣхалъ мимо Хеврона, но не заѣзжалъ туда, такъ какъ съ этимъ городомъ было связано дурное предзнаменованіе⁵. Путь изъ Іерусалима онъ совершилъ по обычному въ арабскій періодъ маршруту, черезъ мѣстность къ востоку отъ Іордана, гдѣ останавливался въ одномъ христіанскомъ монастырѣ; здѣсь онъ будто бы велѣлъ осконить одного человѣка, ухаживающаго за одной изъ его рабынь, вслѣдствіе чего монастырь былъ прозванъ «монастыремъ евнуховъ»⁶. Осенью 716 г.⁷ онъ прибылъ въ лагерь Дабикъ въ сѣверной Сиріи, недалеко отъ Халеба. Отсюда было снаряжено войско, подъ началь-

¹ Табари II, 1313, 10.

² Ibid. 1338 сл.

³ Fragm. hist. arab. I, 35 (по Мадаини).

⁴ Ср. напр., слова Балазури 143; переводъ Н. А. Мѣдниковъ, Палестина, II, 84.

⁵ Балазури 129; Мѣдниковъ, Палестина, I, 703 и II, 67.

⁶ Якутъ II, 657 сл.; Мѣдниковъ, Палестина, II, 1026.

⁷ Табари II, 1315, 13 о прибытіи въ Дабикъ въ 98 г. (послѣ 25 авг. 716) и Fragm. hist. arab. I, 25 о вступленіи Масламы до начала зимы.

ствомъ брата халифа, Масламы, выдѣлявшагося среди сыновей Абд-ал-Мелика своими военными доблестями, для завоеванія Константинополя. Столица Византіи еще ни разу не подвергалась такой опасности; она была осаждена съ суши и съ моря; арабы переправились черезъ Дарданеллы на Балканскій полуостровъ и одержали побѣду во Фракіи. Сулейманъ оставался въ Дабикѣ; для подкрѣпленія Масламы имъ былъ посланъ флотъ (греческій флотъ передъ этимъ совершилъ удачное нападеніе на сирійскую гавань Ладикію)¹ и сухопутный отрядъ; во главѣ послѣдняго былъ Амръ ибн-Кайсъ, выступившій, повидимому, уже при новомъ халифѣ². Войско Масламы цѣлый годъ осаждало Константинополь, но безуспѣшно; столица была спасена военнымъ и особенно дипломатическимъ искусствомъ императора Льва III; кромѣ того арабы не нашли для себя достаточно продовольствія во Фракіи, вообще считавшейся плодородной областью, по въ то время опустошенной предшествующими военными событіями³.

Сулейманъ послѣ вступленія на престолъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ своего сына Эйюба, и это назначеніе, какъ въ свое время назначеніе Абд-ал-Азиза, также было воспріято поэтомъ Джериромъ⁴; но молодой человѣкъ умеръ раньше отца. Осенью 717 г. Сулейманъ въ Дабикѣ былъ разбитъ параличемъ⁵; передъ смертью онъ, по совѣту своего руководителя, Раджъ ибн-Хайвы, назначилъ своимъ преемникомъ Омара. Вельхаузенъ полагаетъ, что это назначеніе было неожиданнымъ для всѣхъ, въ особенности для самого Омара⁶. Такое впечатлѣніе, дѣйствительно, можно получить отъ разсказа Вакиди. По Мадаини кандидатура Омара, какъ перваго послѣ халифа лица, казалась настолько естественной, что Омаръ обратился къ Раджъ съ настойчивой просьбой не предлагать этой кандидатуры и не поддерживать ея, если ее предложитъ самъ халифъ. Раджъ понялъ эти слова такъ, какъ ихъ, вѣроятно, надо было понимать, и сказалъ Омару: «Я вижу, что тебѣ очень хочется сдѣлаться халифомъ». Омару, какъ прибавляетъ историкъ, «стало стыдно»⁷.

¹ Ja'qubi Hist. II, 359.

² Такъ по Ja'qubi Hist. II, 363. Едва ли можно предполагать, что Амръ передъ этимъ вернулся изъ Византіи въ Сирію.

³ Эта подробность въ Fragm. hist. arab. I, 27. Въ этомъ сочиненіи, какъ извѣстно, сохранился самый подробный въ арабской литературѣ разсказъ объ осадѣ Константинополя при Сулейманѣ.

⁴ Стихъ въ Fragm. hist. arab. I, 34.

⁵ Ibid. 33 внизу وكانت عنته ذات الجنب.

⁶ Das Arab. Reich 166.

⁷ Ибн-Са'дъ VIII, 249, 20 сл.

Послѣ своего провозглашенія халифомъ Омаръ отказался отъ пользования халифскими лошадьми и сѣлъ на своего мула, отвергъ предложеніе отправиться въ жилище халифа и вернулся въ свой шатеръ¹. Этимъ онъ сразу далъ понять, что будетъ жить и управлять иначе, чѣмъ всѣ его предшественники. Лозунгъ: «Книга Божія и сунна пророка Его», который сдѣлался потомъ лозунгомъ возстаній, при Омарѣ былъ девизомъ самого правительства. Такая политика была лучшимъ средствомъ примирить съ династіей оппозиціонные элементы, тѣмъ болѣе, что населеніе халифата наканунѣ 100 г. хиджры переживало такой же религіозный психозъ, какъ населеніе католической Европы наканунѣ 1000 г. по Р. Хр. Мнѣніе, что арабской державѣ суждено просуществовать только 100 лѣтъ, было настолько распространено, что оно дошло до самаркандскаго князя, какъ видно изъ его письма китайскому императору; въ письмѣ упоминалось объ этомъ предсказаніи и говорилось, что поэтому именно теперь лучшее время для нападенія на халифатъ². Усиленію религіознаго и въ особенности покаяннаго настроенія могла содѣйствовать плачевная неудача предпринятаго съ большими силами похода на Константинополь.

Такому моменту въ жизни халифата вполне соответствовало появленіе халифа, какъ своимъ именемъ и происхожденіемъ, такъ и своимъ внѣшнимъ образомъ жизни напомнившего мусульманамъ патріархальныя времена Омара I. Людямъ, видѣвшимъ Омара въ Мединѣ или при дворѣ Сулеймана, трудно было узнать его въ блѣдномъ и похудѣвшемъ человѣкѣ³, походившемъ по внѣшности на монаха⁴, распорядившемся доходами міровой имперіи и отка- зывавшемся отъ всякихъ земныхъ наслажденій ради спасенія своей души. Самъ Омаръ будто бы говорилъ такимъ людямъ, что остается вѣренъ себѣ; достигнувъ какой нибудь цѣли, онъ всегда стремился къ иной, болѣе высокой; сдѣлавшись халифомъ, онъ достигъ предѣла земныхъ желаній и потому стремится къ единственной цѣли, которая передъ нимъ еще осталась — къ райскому блаженству⁵.

Въ преданіяхъ объ Омарѣ II, какъ и въ преданіяхъ объ Омарѣ I, говорится преимущественно о внѣшнемъ образѣ жизни и личныхъ привычкахъ халифа, которыя описываются съ большими подробностями; говорится даже

о томъ, какъ онъ шелъ отправлять свои естественныя надобности¹. Передатчики знаютъ, какъ одѣвался халифъ у себя дома², какого цвѣта была его одежда, верхняя и нижняя³, какой длины и ширины былъ его плащъ⁴, въ какую цѣну — именно въ 12 дирхемовъ — оцѣнивался его полный костюмъ, приготовленный изъ египетскихъ тканей: шапка (كبة), чалма (عمامة), рубаха (قميص), верхнее платье (قباء), туника (قرطق), башмаки (خفان) и плащъ (رداء)⁵. Гораздо меньшей ясностью и цѣльностью отличаются извѣстія о его государственныхъ мѣропріятіяхъ. Преданіе, между прочимъ, даетъ намъ каррикатурный образъ халифа, будто бы громко восклицавшаго въ большой мечети Дамаска: «Нѣтъ у насъ правъ на повиновеніе, когда мы нарушаемъ повелѣнія Божіи»⁶. Эти и подобныя имъ преданія, какъ мы увидимъ, опровергаются другими, болѣе достовѣрными, въ которыхъ Омаръ является передъ нами еще болѣе осторожнымъ и благоразумнымъ правителемъ, чѣмъ полагаетъ Вельхаузенъ.

Однимъ изъ первыхъ мѣропріятій новаго халифа было окончаніе несчастной войны съ Византіей. Имъ былъ посланъ отрядъ къ Константинополю, не для подкрѣпленія осаждавшей городъ арміи, но только для того, чтобы снабдить ее провіантомъ, одеждой и лошадьми и облегчить ея отступленіе. По Я'куби во главѣ этого отряда былъ Амръ ибн-Кайсъ⁷; Табари и самъ Я'куби называютъ Амра ибн-Кайса начальникомъ отряда, дѣйствовавшего еще при Сулейманѣ во Фракіи⁸; по самому подробному арабскому разсказу объ осадѣ порученіе вести къ Константинополю отрядъ и поддержать отступленіе Масламы было дано начальнику Малатин. Арабскій авторъ увѣряетъ, что Маслама въ то время былъ близокъ къ успѣху и просилъ посла халифа дать ему еще небольшой срокъ для окончанія осады; но посолъ, дѣйствуя согласно данной ему инструкціи, не согласился ждать и часа⁹. По византійскимъ извѣстіямъ отступленіе Масламы началось уже въ августѣ 718 г.¹⁰, т. е. еще при жизни Сулеймана, такъ что посланный Омаромъ отрядъ долженъ былъ застать армію Масламы уже на пути въ Сирію и могъ только облегчить ея отступленіе.

¹ Ибн-Са'дъ VIII, 265,23 сл.

² Ibid. 297,2 сл.

³ Ibid. 298,7.

⁴ Ibid. 297,6.

⁵ Ibid. 297,20.

⁶ Ibid. 253,7.

⁷ Ср. выше стр. 215, прим. 2.

⁸ Табари II, 1317,12; ср. Ja'qubi Hist. II, 359.

⁹ Fragm. hist. arab. I, 33.

¹⁰ Очерки по исторіи Византіи, подъ ред. В. Н. Бенешевича, I, 63.

¹ Ибн-Са'дъ VIII, 249,2 сл. По Ибн-Са'ду и по Табари (II, 1345 наверху) Омаръ вернулся въ свой шатеръ впредь до высылки изъ жилища халифа семьи Сулеймана.

² Ср. объ этомъ мою статью въ ЗВО. XVII, 0140 сл.

³ Ибн-Са'дъ VIII, 297,17: قد نحل ودقت عنقه.

⁴ Ibid. 244,27: یمشی مشية الرهبان.

⁵ Ibid. 296,17 сл.; также كتاب الاغانى VIII, 155.

По словам Балазури¹, Малатія въ то время не имѣла военного значенія; пограничное укрѣпленіе было перенесено съ 702 г. на три дня пути дальше къ западу, въ Таранду (нынѣ Деренде); въ Малатіи оставалось немногочисленное армянское населеніе, и только лѣтомъ туда приходилъ отрядъ изъ Месопотаміи. Омаръ противъ желанія гарнизона велѣлъ покинуть Таранду и снова перенести пограничное укрѣпленіе въ Малатію²; отступленіе халифата въ этомъ мѣстѣ было окончательнымъ. Есть извѣстіе, что Омаръ и на берегу Средиземнаго моря думалъ отодвинуть границу до Антиохіи, и только ранняя смерть помѣшала ему выполнить это намѣреніе³. По другому извѣстію⁴ Омара убѣдили въ Масисѣ, куда онъ ѣздилъ лично, что очищеніе пограничныхъ крѣпостей подвергнетъ опасности Антиохію; Омаръ не только отказался отъ своего намѣренія, но построилъ въ передовомъ кварталѣ Кафарбайа, на западномъ берегу Джейхана, мечеть съ цистерной, причемъ на цистернѣ было вырѣзано его имя.

По преданію, Омаръ былъ противникомъ идеи джихада и находилъ, что мусульмане должны довольствоваться тѣмъ, что получили отъ Бога, не принимая новыхъ завоеваній⁵. Даже во время проповѣди въ мечетяхъ Омаръ, вопреки извѣстному обычаю мусульманъ въ завоеванныхъ областяхъ, не имѣлъ при себѣ меча⁶. При немъ, однако, былъ совершенъ побѣдоносный походъ на турокъ изъ Хорасана⁷, былъ взятъ и укрѣпленъ городъ Нарбонна во Франціи⁸; былъ посланъ даже отрядъ для набѣга на византійскія владѣнія изъ Химса⁹, куда пріѣзжалъ самъ Омаръ. Столь же замѣчательно, что самымъ приближеннымъ къ халифу лицомъ изъ сыновей Абд-ал-Мелика былъ не благочестивый Са'идъ, прозванный «добродѣтельнымъ» (سعيد الحسین)¹⁰, но прославившійся своими военными доблестями Маслама¹¹. Маслама въ царствованіе Омара не принималъ участія во внѣш-

¹ Beladsori 185 сл.

² По Fragm. hist. arab. I, 63 Омаръ «кунилъ» у грековъ Малатію, отпустивъ на волю 100,000 плѣнныхъ.

³ Beladsori 167.

⁴ Ibid. 165. Также Ибн-ал-Факихъ, Bibl. Geogr. Arab. V, 112, 16.

⁵ Табари II, 1365 внизу.

⁶ Ибн-Са'дъ VIII, 298, 19.

⁷ Ja'qubi Hist. II, 363.

⁸ Этотъ фактъ отмѣчаетъ и Вельхаузенъ (Das Arab. Reich 167, прим.).

⁹ Табари II, 1349, 13.

¹⁰ Beladsori 179.

¹¹ О значеніи Масламы при Омарѣ особенно كتاب الاغانی VIII, 152; его считали شريك الخليفة في الخلافة.

нихъ войнахъ, но его военные таланты были использованы противъ внутренняго врага — хариджитовъ¹.

Не сочувствуя священной войнѣ, Омаръ старался распространять исламъ путемъ мирнаго миссіонерства и обращался къ нѣсколькимъ властителямъ съ предложеніемъ принять мусульманство — иногда, какъ увѣряетъ преданіе, съ успѣхомъ². Христіанскіе авторы³ говорятъ о перепискѣ по вопросамъ вѣры между Омаромъ и императоромъ Львомъ III, армянинъ Леонтіи приводитъ даже текстъ обоихъ писемъ — краткаго и сдержаннаго письма халифа и широковысказательнаго, рѣзко-полемическаго отвѣта императора⁴. Левъ III до своего вступленія на престолъ имѣлъ возможность ознакомиться съ исламомъ; есть извѣстіе, что онъ происходилъ изъ города Мар'аша и кромѣ греческаго образованія получилъ также арабское⁵. Въ письмѣ халифа любопытна ссылка на видѣніе пророка Исаи (XXI, 7), гдѣ говорится о ѣздившихъ на ослахъ и ѣздившихъ на верблюдахъ; эти слова истолкованы въ смыслѣ равенства Христа и Мухаммеда. Въ отвѣтѣ императора любопытно, что тотъ же Левъ III, который черезъ нѣсколько лѣтъ долженъ былъ положить начало иконоборству, въ то время считалъ нужнымъ защищать отъ нападокъ халифа почитаніе креста и иконъ.

Внутри государства Омаръ старался быть справедливымъ не только къ мусульманскому населенію. Христіане и другіе иновѣрцы, согласно Корану, считались податнымъ сословіемъ; но подати предписывалось взимать безъ притѣсненій⁶ и безъ нарушенія существовавшихъ договоровъ. Въ Египтѣ Омаръ, въ противоположность своему отцу Абд-ал-Азизу и брату Асбагу, освободилъ отъ податей церковь и духовенство; взиманіе этихъ податей было возобновлено только при его преемникѣ Іезидѣ⁷. За христіанами и евреями было признано право учреждать вакфы⁸, т. е. завѣщать въ пользу своихъ религіозныхъ учрежденій имущество. Съ другой стороны говорится, что при Омарѣ должностныя лица изъ коптовъ были замѣнены мусульманами; приводится даже мало вѣроятное извѣстіе, будто Омаръ предложилъ всѣмъ своимъ иновѣрческимъ подданнымъ или принять исламъ, или высе-

¹ Ибн-Са'дъ VIII, 263 сл.

² Wellhausen, Das Arab. Reich 184, по Beladsori 426 и 441.

³ Кромѣ Леонтіи (см. ниже) также Агапіи Манбиджскій въ изд. А. А. Васильева, 243.

⁴ Гевондъ, перев. Патканова, 29 сл.

⁵ Fragm. hist. arab. I, 25. Ср. А. А. Васильевъ, Лекціи по ист. Византіи, I, 219.

⁶ Напр., Табари II, 1366, 4 (في غير ظلم).

⁷ Северъ, изд. Зейбольда, 143 сл.

⁸ Ибн-Са'дъ VIII, 262, 14 сл.

Христианский Востокъ.

литься¹. По Леонтію Омаръ, наоборотъ, въ концѣ своего царствованія отпосылалъ къ христіанамъ лучше, чѣмъ прежде. Онъ разрѣшилъ вернуться въ Арменію плѣннымъ, уведеннымъ изъ этой страны въ концѣ царствованія Абд-ал-Мелика или въ началѣ царствованія Валида, послѣ вѣроломнаго избиенія нахараровъ намѣстникомъ Мухаммедомъ ибн-Мерваномъ². Есть извѣстіе³, что Омаръ послѣ своего вступленія на престолъ исполнялъ обязанности имама, т. е. совершалъ мусульманское богослуженіе въ христіанской церкви⁴.

Омаръ назначилъ намѣстникомъ Египта Айюба ибн-Шурахбилъ; занимавшій эту должность съ декабря 714 г. Абд-ал-Меликъ ибн-Рифа'а былъ устраненъ⁵. Замѣчательно, что въ собраніи папирусовъ эрцгерцога Райнера имѣется документъ, рѣзко осуждающій намѣстника, назначеннаго благочестивымъ халифомъ, и прославляющій его предшественника⁶. Иногда Омаръ самъ признавался, что при назначеніи того или другого намѣстника сдѣлалъ ошибку. По словамъ Ибн-Кутейбы⁷, намѣстникъ Басры Адій ибн-Артатъ получилъ отъ Омара письмо, гдѣ говорилось: «Меня ввели въ заблужденіе твои постоянныя бесѣды съ чтецами Корана и твоя черная чалма; когда мы испытали тебя, мы нашли въ тебѣ противоположное тому, на что надѣялись». Черная чалма, за которую нѣкогда сестра Омара осуждала Хаджжаджа, теперь, очевидно, служила рекомендаціей, такъ какъ указывала на безпритязательный, бедуинскій образъ жизни своего носителя, похожій на образъ жизни самого халифа; но внѣшность, конечно, часто была обманчивой. Адій ибн-Артатъ оставался, однако, намѣстникомъ Басры до смерти Омара⁸. Омаръ успѣлъ смѣнить изъ назначенныхъ имъ самимъ намѣстниковъ только хорасанскаго намѣстника Джарраха ибн-Абдаллаха, который притѣснялъ инородцевъ, неохотно освобождалъ новообращенныхъ отъ уплаты податей и писалъ халифу, что Хорасаномъ можно управлять только при помощи меча и кнута. Джаррахъ, впослѣдствіи снова призванный къ власти, считался однимъ изъ «мечей Хаджжаджа» и, подобно ему, отличался личнымъ безкорыстіемъ, но задачи правителя, очевидно, понималъ иначе, чѣмъ халифъ⁹.

¹ Северъ, loc. cit.

² Гевондъ 22 сл., 29 и 70.

³ Ибн-Са'дъ VIII, 284, 18 сл.

⁴ Или въ синагогѣ (كنيسة).

⁵ Кинди, ed. Guest, 66 сл.

⁶ Papyrus Erzherzog Rainer. Führer durch die Ausstellung, Wien 1894, № 596.

⁷ عيون الأخبار, ed. Brockelmann, 78, 4 сл.

⁸ По Ибн-Са'ду (28927) ему былъ подчиненъ также Фарсъ.

⁹ Табарі II, 1354 сл.

Передатчики извѣстій объ Омарѣ стараются доказать, что онъ ради торжества отвлеченной идеи справедливости готовъ былъ жертвовать всѣми интересами государства и династіи. Несомнѣнно, что Омаръ не заботился о пополненіи казны, щедро платилъ жалованіе войску, помогалъ нуждавшимся, не останавливался передъ отпѣной податей, считавшихся незаконными. Этимъ царствованіе Омара больше всего отличалось отъ царствованія одного изъ его ближайшихъ преемниковъ, халифа Хишама (724—743), который тоже считался богобоязненнымъ человекомъ¹, велъ такой же непритязательный образъ жизни и не тратилъ государственныхъ средствъ на свои личные потребности², но заботился о финансахъ государства, находившихся при немъ въ образцовомъ состояніи³, и объ умноженіи имущества династіи⁴. Хишамъ, по словамъ Леонтія, «поричалъ щедрость Омара и обвинялъ его въ томъ, что онъ незаконно истратилъ сокровища, собранныя его предшественниками»⁵. Событія заставляютъ признать политику Омара болѣе правильной. Своимъ правленіемъ Омаръ поднялъ авторитетъ халифа на необычайно высокую, и рѣдко мы въ литературѣ встрѣчаемъ такое единодушное прославленіе государя, какъ прославленіе Омара всѣми писавшими о немъ восточными авторами, мусульманскими и христіанскими. Съ другой стороны правитель, ставившій на первомъ мѣстѣ интересы казны, не могъ быть популяренъ, каковъ бы ни былъ его личный образъ жизни; въ царствованіе Хишама движеніе во имя книги Божіей и сунны пророка было движеніемъ противъ халифа, и его образцовое финансовое хозяйство не спасло его династіи. Что провозглашенный Омаромъ II призывъ къ книгѣ Божіей и суннѣ пророка не былъ только случайнымъ явленіемъ, вызваннымъ личными странностями халифа, лучше всего показали послѣдующія событія. При ближайшемъ преемникѣ Омара II тотъ же призывъ выставилъ своимъ лозунгомъ мятежный намѣстникъ Іезидъ ибн-Мухаллабъ⁶, въ дѣйствительности, несомнѣнно, мало заботившійся о религіи; двадцать лѣтъ спустя, послѣ убійства Валида II и возведенія на престолъ Іезида III, посителемъ того же принципа снова сдѣлался представитель верховной власти, причѣмъ на этотъ разъ сторонникомъ идеи народовластія и патріархальныхъ отношеній между государемъ и народомъ объявилъ себя халифъ, гордившійся сво-

¹ Ср. особенно слова Севера (144, 16) رجل خائف من الله على طريق الاسلام.

² Табарі II, 1730 сл.

³ Ibid. 1732, 16.

⁴ Ср. слова Агапія (245) о приумноженіи недвижимой собственности.

⁵ Гевондъ 71.

⁶ Табарі II, 1391, 13.

имъ происхожденіемъ отъ хосроевъ, кесарей и кагановъ¹. Одинъ изъ ораторовъ, отвѣчавшихъ Іезиду III на его вступительную рѣчь, былъ готовъ поставить его выше Омара II, потому что Іезидъ достигъ власти путемъ открытаго возстанія противъ нарушителя предписаній вѣры, а не тѣми темными путями, къ которымъ прибѣгъ Омаръ². Іезидъ, однако, счелъ нужнымъ использовать для своихъ цѣлей популярность имени Омара и назначилъ одного изъ сыновей Омара намѣстникомъ Мекки и Медины, другого — намѣстникомъ Ирака³. Но Іезидъ не раздѣлялъ отношенія Омара къ интересамъ казны и поспѣшилъ отмѣнить прибавки къ жалованію войску, установленныя его предшественникомъ⁴. Данное Іезиду III прозваніе الناقصъ («уменьшитель») показываетъ, что эта черта его кратковременнаго царствованія произвела гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ его ревность къ вѣрѣ, и лишила его всякой тѣни популярности.

Дѣйствія Омара были, такимъ образомъ, вполне цѣлесообразны, тѣмъ болѣе, что приписанныя ему преданіемъ крайности опровергаются другими, очевидно, болѣе достовѣрными извѣстіями. Преданіе увѣрляетъ, что Омаръ не признавалъ за Омейядами никакихъ преимуществъ и отбиралъ у нихъ все неправильно ими захваченное, чѣмъ вызвалъ съ ихъ стороны рѣзкій протестъ, на который онъ въ свою очередь отвѣтилъ угрозой, что покинетъ Сирію, уйдетъ въ Медину или передастъ власть совѣту изъ нѣсколькихъ мусульманъ⁵. Омаръ будто бы собирался по требованію хариджитовъ, съ которыми велъ переговоры, отмѣнить завѣщаніе Сулеймана, лишить Іезида ибн-Абд-ал-Мелика правъ на престолонаслѣдіе и назначить своимъ преемникомъ одного изъ благочестивыхъ людей, не находившихся въ родствѣ съ династіей; Омейяды поспѣшили предупредить его и подали ему ядъ, отъ котораго онъ черезъ три дня умеръ⁶. Легенда опровергается уже тѣмъ, что предсмертная болѣзнь Омара продолжалась 20 дней⁷. Сверхъ того Табари приводитъ фактъ, установленный при халифѣ Махдїи, что въ царствованіе Омара II даже ничтожнѣйшій изъ Омейядовъ получалъ изъ казны высшій окладъ — 2000 дирхемовъ, тогда какъ шейхъ изъ Хашимидовъ, т. е. изъ

дома пророка, получалъ всего 60 дирхемовъ¹. Омаръ во всѣхъ областяхъ, между прочимъ въ Египтѣ, увеличилъ жалованіе войску, и эти прибавки были отмѣнены при его преемникѣ²; но сирійскіе отряды при немъ, по словамъ Я'куби, получили еще особую прибавку, по 10 динаровъ на человѣка, не распространявшуюся на отряды, стоявшіе въ другихъ областяхъ³. Изъ этого видно, что въ планы Омара не входилъ разрывъ съ традиціями династїи.

Столь же противорѣчивы многія другія извѣстія. Изъ сочиненія Вакиди приводится разсказъ со словъ намѣстника Ирака, что вся казна его области была израсходована на удовлетвореніе имущественныхъ претензій обиженныхъ при прежнемъ строѣ, такъ что Омаръ долженъ былъ прислать деньги изъ Сирїи⁴. Между тѣмъ есть другія извѣстія, по которымъ Иракъ въ царствованіе Омара, благодаря его справедливому управленію, приносилъ гораздо болѣе дохода, чѣмъ при Хаджжаджѣ⁵. Самъ Омаръ удивлялся искусству Зіяда, намѣстника Ирака при халифѣ Муавїи, умѣвшаго держать въ порядкѣ Иракъ при помощи мѣстныхъ элементовъ, не пужаясь въ поддержкѣ сирійцевъ, и довести ежегодный доходъ области до суммы 118 милл. дирхемовъ⁶.

Вопросъ о податяхъ былъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ въ мусульманскомъ государствѣ. По мысли Мухаммеда, государство должно было жить только военной добычей и сборами съ иновѣрцевъ; сборы съ имущества мусульманъ должны были идти исключительно въ пользу бѣдныхъ; религиозное право и общественное мнѣніе рѣшительно возставали противъ всякихъ косвенныхъ налоговъ, вообще противъ налоговъ на торговлю и промышленность. Въ дѣйствительности правительство халифа взиало въ нѣкоторыхъ областяхъ тѣ же налоги, которые взиались прежними правительствами и теперь обратились въ незаконные поборы, формально отмѣнялись, когда правительство объявляло, что будетъ впредь строго придержи-

¹ Табари III, 534,8 сл. О значеніи شرف العطاء между прочимъ. Ибн-Са'дъ VIII, 255,0.

² Кинди, ed. Guest, 68,9 и 70,11.

³ Ja'qubi Hist. II, 367 наверху.

⁴ Ибн-Са'дъ VIII, 252,10 сл.

⁵ Фактъ отмѣченъ Вельхаузенемъ, Das Arab. Reich, 191. Крайне сомнительны цифры, приведенныя у Ибн-Хордадбега (Bibl. Geogr. Arab. VI, 4 сл.). Болѣе достовѣрно сообщеніе Балазури (Beladsori 270), что доходъ съ Савады уменьшился при Хаджжаджѣ до 40 милл. дирхемовъ. Въ Fragm. hist. arab. I, 33 сказано, что въ правленіе Сулеймана хараджъ Ирака находился въ такомъ же печальномъ состояніи, какъ при Валидѣ; дальше (47) говорится, что при Омарѣ хараджъ поднялся до 60 милл.; вѣроятно, и эта цифра относится къ Ираку, а не ко всему государству.

⁶ Мубаррадъ, الكامل, 595.

¹ Ibid. 1874,14.

² Ibid. 1885,17.

³ Ibid. 1870,5, 1875,1-4 и 1854,11.

⁴ Ibid. 1874,17.

⁵ Ибн-Са'дъ VIII, 253,23 сл.

⁶ Ja'qubi Hist. II, 370 наверху. Табари II, 1349,10. Ср. также подробный разсказъ о диспутѣхъ между Омаромъ и хариджитами во Fragm. hist. arab. I, 41—47.

⁷ Табари II, 1862,1.

ваться предписаний религии, но на самомъ дѣлѣ продолжали взиматься. Такая же отмѣна незаконныхъ податей произошла при Омарѣ, причемъ въ Персіи упоминается рядъ податей, большею частью носившихъ персидскія названія¹: сборы, опредѣлявшіеся обычаемъ (آیین)², сборы въ пользу монетнаго двора³, подарки по случаю двухъ главныхъ годовыхъ праздниковъ—науруза и михрджана, плата за документы (гербовая пошлина)⁴, плата въ пользу правительственныхъ гонцовъ⁵, налогъ на дома (квартирный налогъ), налогъ на браки. Неизвѣстно, дѣйствительно ли эти подати перестали взиматься на всемъ пространствѣ Персіи; возможно, что происходило то же самое, какъ въ XII в. въ Египтѣ при Саладинѣ, когда путешественники, по свидѣтельству Ибн-Джубейра, при въѣздѣ въ страну справедливаго султана, отмѣнившего всѣ незаконныя подати, подверглись прежнимъ поборамъ, причемъ Ибн-Джубейръ былъ увѣренъ, что султанъ ничего не зналъ о злоупотребленіяхъ чиновниковъ⁶.

Пока податнымъ сословіемъ считались только иновѣрцы, распространение ислама тяжело отражалось на интересахъ казны, тѣмъ болѣе, что, какъ теперь доказано, первоначально не существовало установленное впоследствии мусульманскимъ правомъ различіе между джизьей—подушной податью, которой облагались только иновѣрцы, и хараджемъ, которому подлежали всѣ земельные участки, когда либо принадлежавшіе иновѣрцамъ, хотя бы ихъ владѣльцы въ данное время были мусульманами. При Омейядахъ термины «джизья» и «хараджъ» употреблялись какъ синонимы; взиманіе хараджа съ землевладѣльцевъ, принявшихъ исламъ, считалось противозаконнымъ, и этотъ «хараджъ» также упоминается среди податей, отмѣненныхъ Омаромъ II⁷. Долгое время европейскихъ ученыхъ вводилъ въ заблужденіе законъ Омара I, извлеченный Кремеромъ изъ исторіи Дамаска Ибн-Асăкира. Омаръ I будто бы запретилъ арабамъ пріобрѣтать въ покоренныхъ областяхъ недвижимую собственность; если землевладѣлецъ при-

нималъ исламъ, онъ долженъ былъ передавать свою земельную и даже усадьбную собственность своимъ прежнимъ единовѣрцамъ и уходить въ мусульманскіе города. При Омейядахъ законъ Омара былъ нарушенъ, и многіе земельные участки перешли изъ рукъ туземцевъ въ руки мусульманъ. Омаръ II не отмѣнилъ тѣхъ покупокъ, которыя были сдѣланы до него, и предписалъ взимать съ такихъ земельныхъ участковъ, вмѣсто хараджа, только десятину; но съ 100 г. хиджры такія покупки вновь были запрещены, и это запрещеніе сохраняло силу при двухъ преемникахъ Омара, Іезидѣ II (720 — 724) и Хишамѣ (724 — 743).

Такъ говоритъ Ибн-Асăкиръ. Вельхаузенъ¹ вполне основательно доказываетъ, что пріобрѣтеніе земельной собственности арабамъ никогда не запрещалось. Постоянно говорится, между прочимъ и при Омарѣ I², о раздававшихся въ ленъ земельныхъ участкахъ, قطائعъ, составлявшихъ наследственную собственность³ и переходившихъ отъ одного лица къ другому путемъ покупки.

Иначе Вельхаузенъ⁴ относится къ разсказу того же Ибн-Асăкира о законѣ Омара II; этотъ разсказъ признается достовѣрнымъ, и дѣлается выводъ, что Омаръ II принялъ мѣры противъ дальнѣйшаго перехода въ частныя руки государственной собственности, запретивъ продажу земли, обложенной хараджемъ, и прекративъ раздачу леновъ. Авторъ начала аббасидскаго періода Яхья ибн-Адамъ утверждаетъ, что при Омарѣ II земля новообращеннаго мусульманина переходила къ его оставшимся при своей прежней религіи односельчанамъ, если онъ переселялся къ мусульманамъ въ городъ; если же новообращенный оставался при своемъ капалѣ, т. е. при своей папшѣ, то хараджъ взимался съ него по прежнему. Вельхаузенъ признаетъ, что слова Яхьи ибн-Адама находятся въ полномъ противорѣчій со словами историковъ, что Омаръ II постоянно настаивалъ на запрещеніи взимать хараджъ съ новообращенныхъ мусульманъ; но, по его мнѣнію, противорѣчіе исчезаетъ, если предположить, что новообращенный, продолжавшій обрабатывать свою землю, разсматривался, какъ арендаторъ государственной собственности, и плата взималась съ него не какъ подать, но какъ аренда.

¹ Текетъ Табари II, 1367 наверху; попытка его толкованія у Кремера, Culturgeschichte, II, 178, прим. 1 и Вельхаузена, Das Arab. Reich, 189.

² У Кремера пропущено, у Вельхаузена «möglichster Weise Zoll, wie das englische custom». Аналогія, конечно, мало убѣдительная.

³ أجور الضرائب, у Кремера «Taxen zur Bezahlung der Messbeamten», у Вельхаузена пропущено.

⁴ ثمن الصحف, Кремеръ «Papiertaxe», Вельхаузенъ «Aktstempel».

⁵ أجور الفیوج, Кремеръ «Aufsperrgelder», Вельхаузенъ «Gebühren für Unterbeamten».

⁶ Ибн-Джубейръ, изд. Wright-de Goeje, 40, 11.

⁷ Табари II, 1367, 3.

¹ Das Arab. Reich 172 сл.

² Что ранніе арабскіе авторы не видѣли въ этомъ отношеніи разницы между Омаромъ I и его преемникомъ, видно хотя бы изъ словъ Балазури (Beladsori 144) قطائع اقطعت بامر عمر وعثمان. Ср. переводъ Н. А. Мѣдниковъ, Палестина, II, 85 сл. Есть, однако, извѣстіе (Beladsori 366 внизу), что Омаръ I никому не раздавалъ участковъ на Евфратѣ и Тигрѣ (على النهرين). Ср. еще Beladsori 350 сл.

³ Ср. слова قطيعة العلوم, изд. вант-Флотена, 60 о разницѣ между طعمة и قطيعة.

⁴ Das Arab. Reich 182 сл.

Въ подтвержденіе приводятся слова того же Яхьи ибн-Адама о сходномъ распоряженіи халифа Алія. Едва ли необходимо прибѣгать къ такимъ натянутымъ предположеніямъ. Разсказъ Ибн-Асâкира, жившаго, какъ извѣстно, въ XII в., о законѣ Омара II и значеніи 100 г. хиджры стоитъ въ мусульманской литературѣ такъ-же одиноко, какъ его разсказъ о законѣ Омара I, и находится въ такомъ же противорѣчій съ показаніями болѣе раннихъ авторовъ. Самъ Вельхаузенъ¹ приводитъ разсказъ продолжателя Исидора Севильскаго, что именно при Омарѣ II земельные участки въ Испаніи съ соотвѣтствующимъ инвентаремъ, раньше рассматривавшіеся какъ собственность всего арабскаго народа, были розданы по жребію отдѣльнымъ лицамъ, причемъ въ казну была отчислена только извѣстная часть, вѣроятно пятая. По словамъ Ибн-Са'да, Омаръ II разрѣшилъ землевладѣльцамъ продавать находившуюся въ ихъ рукахъ хараджную землю, такъ какъ «продаваемое ими есть только собственность мусульманъ, доставшаяся имъ путемъ войны (فیع المسلمین), а джизья остается неизмѣнной»². Писавшіе въ IX в. въ азіатскихъ областяхъ халифата авторы также не видѣли ничего невозможнаго въ томъ, что и при Омарѣ II раздавались земельные лены. Балазури говоритъ о каналѣ близъ Ракки на Евфратѣ, связанномъ съ именемъ Са'ида, сына Абд-ал-Мелика, что по нѣкоторымъ извѣстіямъ этотъ участокъ земли былъ пожалованъ въ ленъ Са'иду его братомъ Валидомъ, по другимъ — Омаромъ II³. Я'куби говоритъ только, что Омаръ II утвердилъ земельные лены, пожалованные его предшественниками⁴, хотя Ибн-Са'дъ приводитъ разсказъ объ отобраніи леновъ у представителей династій⁵. Повидимому, Омаръ II не отказывался отъ земельной собственности и лично для себя. По словамъ Я'куби, его пребываніе въ сѣверной Сиріи въ нѣкоторыхъ источникахъ объяснялось тѣмъ, что у него тамъ былъ участокъ земли, унаслѣдованный имъ отъ матери, внучки Омара I⁶. Доводъ Вельхаузена въ пользу показаній Ибн-Асâкира, что они слишкомъ подробны, чтобы быть *aus den Fingern gezogen*⁷, для историка вообще мало убѣдителенъ; тотъ же доводъ могъ бы быть примѣненъ и къ показаніямъ о законѣ Омара I, отъ котораго Ибн-Асâкиръ былъ отдѣленъ немного только болѣе продолжительнымъ періодомъ, чѣмъ отъ Омара II.

¹ Das Arab. Reich 184 сл.

² Ибн-Са'дъ VIII, 277, 16 сл.

³ Beladsori 179.

⁴ Ja'qubi Hist. II, 367 наверху.

⁵ Ибн-Са'дъ VIII, 275, 10 сл.

⁶ Ja'qubi Hist. II, 368 въ серединѣ.

⁷ Das Arab. Reich 182.

На авторитетъ Омара II вообще любили ссылаться въ своихъ притязаніяхъ спорившія между собой стороны. Въ IX в. бывшее еврейское селеніе Фадакъ, въ двухъ или трехъ дняхъ пути отъ Медины¹, рассматривалось въ шіитскихъ кругахъ, какъ наслѣдственная собственность пророка, неправильно отнятая у его дочери Фатимы и ея потомковъ; эти притязанія были признаны въ 826 г. халифомъ Мамуномъ, но впоследствии вновь отвергнуты врагомъ потомковъ Алія, халифомъ Мутеваккилемъ (847—861)². О болѣе раннихъ распоряженіяхъ, въ томъ числѣ и о распоряженіяхъ Омара II, приводятся противорѣчивыя извѣстія. Есть извѣстіе, что Омаръ велѣлъ возратить потомкамъ Фатимы Фадакъ, который послѣ его смерти снова былъ отобранъ его преемникомъ Іезидомъ³; но есть и другой разсказъ, по которому Фатима просила пророка отдать ей Фадакъ, но получила отказъ; при жизни пророка и первыхъ халифовъ доходы съ Фадака шли въ пользу странниковъ; Муавія подарилъ Фадакъ Мервану, тотъ оставилъ его двумъ изъ своихъ сыновей, Абд-ал-Мелику и Абд-ал-Азизу, и ихъ потомкамъ; Валидъ и Сулейманъ, по просьбѣ Омара, уступили ему свои доли; сдѣлавшись собственникомъ всего Фадака, Омаръ обратилъ его доходы на первоначальную цѣль — содержаніе странниковъ⁴; то же самое назначеніе эти доходы получили при Мутеваккилѣ, ссылавшемся на примѣръ первыхъ халифовъ и Омара II⁵. Сумма доходовъ съ Фадака составляла при Мерванѣ 10,000 динаровъ⁶.

Вообще въ шіитскихъ кругахъ распространялись явно преувеличенные разсказы⁷ о симпатіи Омара къ Алидамъ и о преклоненіи его передъ ихъ родоначальникомъ. Достовернымъ можетъ считаться фактъ, что Омаръ лично, какъ послѣ него Хишамъ⁸, отказывался проклинать Алія съ каеэдръ въ мечети, какъ дѣлалось со времени Муавіи; за это Омара прославляетъ шіитскій поэтъ Кусайиръ⁹. Мас'уди приводитъ преданіе, по которому Омаръ велѣлъ замѣнить эти проклятія произнесеніемъ двухъ стиховъ Корана

¹ О мѣстоположеніи Якутъ, III, 855, 18.

² Beladsori 32 сл.

³ Якутъ III, 856, 9 сл.; также Ja'qubi Hist. II, 366 внизу. Вельхаузенъ (Das Arab. Reich 185) признаетъ это извѣстіе достовернымъ и даже не упоминаетъ о противоположныхъ преданіяхъ; также I. Goldziher, Muh. Studien, II, 103, прим. 1.

⁴ Ибн-Са'дъ VIII, 286, 15 сл.

⁵ Якутъ III, 858, 12.

⁶ Ибн-Са'дъ VIII, 286, 22.

⁷ Это преувеличеніе отмѣчаетъ и Вельхаузенъ, Das Arab. Reich 193, прим. 2.

⁸ Табари II, 1483, 4. Объ этомъ Міръ Ислама, I (1912), 208.

⁹ Стихъ въ Ja'qubi Hist. II, 366 и Fragm. hist. arab. I, 62 внизу; У Якута, II, 671, 17 приводится о томъ же стихъ шіитскаго имама Али Ризы.

(16,92 и 59,10); при Мас'уди оба эти стиха произносились совместно, но не знали точно, было ли такъ установлено при Омарѣ, или Омаръ велѣлъ произносить одинъ изъ этихъ стиховъ. Болѣе всего подходитъ для этой цѣли второе мѣсто (59,10), гдѣ говорится о любви и прощеніи¹. Если Омаръ, дѣйствительно, ограничивался чтеніемъ этого стиха, то ясно, что онъ только отказывался отъ ненависти къ Алию, не становясь его поклонникомъ. Настроение Омара, повидимому, правильно передано въ рассказѣ Навави², по которому Омаръ отвѣтилъ спрашивавшему его мнѣнія о «днѣ верблюда» и битвѣ при Сиффинѣ: «Мнѣ довольно что Богъ избавилъ мою руку отъ пролитія этой крови; я не хочу погружать въ нее свой языкъ». Приблизительно такой же отвѣтъ далъ Тимуру въ 1401 г. одинъ ученый въ Дамаскѣ: «То время прошло; Богъ избавилъ насъ отъ участія въ тѣхъ смутахъ и сохранилъ наши мечи чистыми отъ той крови³».

Слова Табари о высокихъ окладахъ Омейядовъ сравнительно съ Хашимидами наглядно показываютъ, насколько преувеличены рассказы о милостяхъ, которыми Омаръ будто бы осыпалъ Хашимидовъ. Въ отвѣтъ на ихъ благодарность за избавленіе отъ притѣсненій, которымъ они подвергались со времени Муавіи, Омаръ будто бы заявилъ, что уговаривалъ своихъ предшественниковъ, Валида и Сулеймана, сдѣлать то же самое, но встрѣтилъ отказъ⁴. Столь же преувеличены извѣстія о безусловномъ уравненіи въ правахъ арабовъ и инородцевъ, считавшихся кліентами арабскихъ племенъ. Говорится, что кліенты были уравнены съ арабами въ продовольствіи, одеждѣ, вспомошествованіи и вознагражденіи; кромѣ того отпущенный на волю бывшій рабъ получалъ 25 динаровъ⁵. Вознагражденіе за военную службу выдавалось людямъ, способнымъ носить оружіе, начиная съ пятнадцатилѣтняго возраста⁶; кромѣ того воинамъ выдавались средства на содержаніе ихъ семей, по числу наличныхъ душъ; принимались только мѣры противъ полученія денегъ за мертвыхъ⁷. Послѣдній вопросъ, вѣроятно, былъ связанъ съ вопросомъ о правѣ передавать получавшіеся изъ казны оклады по наслѣдству. Омаръ хотѣлъ уничтожить это право и установить одинаковое для всѣхъ вознагражденіе за службу; на это ему замѣтилъ одинъ изъ его совѣтниковъ: «Я боюсь, что тѣ, кто будетъ править послѣ

¹ Prairies d'or V, 419.

² Biogr. diction. 471.

³ Ибн-Арабшахъ, каирское изд., 110.

⁴ Ибн-Са'дъ VIII, 9 289, 9 сл.

⁵ Ibid. 277, 6 сл.

⁶ Ibid. 258, 24.

⁷ Ibid. 255, 14.

тебя, будутъ слѣдовать твоему примѣру въ непризнаніи права наслѣдованія и не будутъ слѣдовать твоему примѣру въ установленіи равенства». Омаръ призналъ справедливость этого замѣчанія и отказался отъ своего намѣренія¹.

Заботы о своевременной уплатѣ жалованія въ увеличенномъ размѣрѣ не могли не отразиться на расходахъ казны; въ то же время стремленіе избавить подданныхъ отъ всякаго несправедливаго обложенія должно было отразиться на уменьшеніи доходовъ. Омару приписывается отмѣна не только налоговъ, по существу несомѣстимыхъ съ мусульманскимъ вѣроученіемъ, какъ хараджъ съ мусульманъ и поборы языческаго періода², но также отмѣна всѣхъ тѣхъ добавочныхъ сборовъ, которые были введены его предшественниками съ нарушеніемъ существовавшихъ договоровъ. При Абд-ал-Меликѣ дань съ острова Кипра была увеличена на 1000 динаровъ; при Омарѣ эта прибавка была отмѣнена, въ послѣдствіи, при халифѣ Хишамѣ, восстановлена³. Жители города Айлы на Красномъ морѣ по договору съ пророкомъ были обязаны платить всего 300 динаровъ въ годъ; Омаръ запретилъ взимать съ нихъ что либо сверхъ этой суммы⁴. Жители христіанскаго промышленнаго города Неджрана въ Іеменѣ по договору съ пророкомъ должны были поставлять ежегодно 2000 плащей; при Омарѣ I, рѣшившемъ не допускать на арабскомъ полуостровѣ другихъ вѣръ, кромѣ ислама, неджранцы были выселены въ Иракъ, гдѣ ихъ число вслѣдствіе разныхъ бѣдствій и притѣсненій уменьшилось постепенно въ десять разъ. Омаръ II призналъ, что наложенный на нихъ сборъ есть подушный — джизья — а не земельный; джизьи съ мертвыхъ, какъ и съ принявшихъ исламъ, взимать нельзя; поэтому было предписано впредь взимать съ неджранцевъ только 200 плащей, стоимостью всего въ 8000 дирхемовъ⁵. Жители мусульманскаго Іемена при прежнемъ намѣстникѣ Мухаммедѣ ибн-Юсуфѣ, братѣ Хаджжаджа, были обложены добавочнымъ сборомъ, въ качествѣ хараджа; Омаръ II отмѣнилъ этотъ сборъ и велѣлъ взимать съ іеменцевъ только десятину; при его преемникѣ Іезидѣ прибавка была восстановлена⁶.

¹ Beladsori 458 сл.

² Сюда, повидимому, причислялись и отмѣненные Омаромъ II, несмотря на его ненависть къ предметамъ роскоши, налоги на роскошь; прежде взимали по 1 динару за лошадь, по 1 динару за слугу, по 5 дирхемовъ за каждый «адданъ» (0,45 дес.) земельной собственности (Ибн-Са'дъ VIII, 271, 7 слѣд.).

³ Beladsori 151 сл.

⁴ Beladsori 59.

⁵ Ibid. 66 сл.

⁶ Ibid. 73.

Къ доходамъ казны въ строгомъ смыслѣ слова не могли быть причислены сборы съ имущества мусульманъ — *садака* — въ то время тоже принудительные, но предназначавшіеся, по крайней мѣрѣ въ теоріи, исключительно для помощи бѣднымъ. На дѣлѣ правительство часто распоряжалось и этими поступленіями по своему произволу; но сознание, что этимъ нарушаются предписанія ислама, было еще настолько сильно, что правитель, желавшій быть или казаться благочестивымъ, могъ расходовать садаку только на дѣла благотворительности. Когда въ серединѣ VIII в. движеніе во имя книги Божіей и сунны пророка привело къ низложенію Омейядовъ и воцаренію Аббасидовъ, новая династія тотчасъ нашла нужнымъ вернуть садакъ ея прежнее назначеніе¹ — разумѣется, только на короткое время. При Омарѣ II въ вопросѣ о назначеніи садаки, конечно, не могло быть колебаній; такъ сборы зерномъ и финиками, взымавшіеся въ Оманѣ, было предписано обращать исключительно въ пользу мѣстныхъ бѣдняковъ². Не вполне выясненъ былъ только вопросъ, какіе сборы должны быть отнесены къ этой категоріи. Мусульманское право при Аббасидахъ приняло формулу римскаго права объ *osservatio*, приравнило доходы съ рудниковъ къ военной добычѣ и предписало взимать съ нихъ въ пользу казны пятую часть — *хумсъ*³. При Омарѣ II вопросъ оставался спорнымъ, и самъ халифъ склонялся къ менѣе выгодному для казны рѣшенію вопроса; по его мнѣнію, сборы съ рудниковъ относились къ садакѣ, а не къ хумсу⁴. Въ вопросѣ о томъ, какія статьи дохода подлежатъ садакѣ, Омаръ, въ интересахъ бѣдныхъ, иногда шелъ дальше мусульманскаго права; такъ было предписано взимать садаку съ пчелиныхъ ульевъ, между тѣмъ какъ впоследствии многіе изъ религіозныхъ авторитетовъ находили, что эта статья дохода садакѣ не подлежитъ⁵.

Изъ мѣръ для защиты неимущихъ противъ эксплуатаціи частными лицами упоминается только распоряженіе Омара II, изданное въ томъ же 100 г. хиджры, къ которому Ибн-Асăкиръ относитъ фантастическій земельный законъ; въ этомъ году жителямъ Мекки было запрещено взимать плату за сдачу въ наемъ своихъ помѣщеній и воздвигать постройки въ долину Мина⁶, гдѣ, какъ извѣстно, паломники бросаютъ камни, совершаютъ

¹ Кинди 100,15.

² Beladsori 77 сл.

³ Миръ Ислама, I (1912), 133.

⁴ Ибн-Са'дъ VIII, 259,27 сл.

⁵ Beladsori 57.

⁶ Ибн-Са'дъ VIII, 268,23 сл. О запрещеніи сдачи въ наемъ помѣщеній въ Меккѣ говорить и Балазури (Beladsori 43), безъ указанія даты.

жертвоприношеніе и проводятъ двѣ ночи. Распоряженіе Омара, очевидно, было сдѣлано съ цѣлью защитить паломниковъ отъ эксплуатаціи мѣстными жителями; но сомнительно, чтобы оно могло получить практическое примѣненіе.

Намѣстникамъ, кромѣ справедливости и защиты населенія отъ притѣсненій, предписывалось также заботиться о чистотѣ нравовъ въ духѣ предписаній ислама. Египетскому намѣстнику было предписано запретить употребленіе вина, сломать и уничтожить лавки, гдѣ оно продавалось¹. Женщинамъ было запрещено посѣщать публичныя бани², мужчины, посѣщавшіе бани, обязательно должны были надѣвать *мизаръ*, нѣчто въ родѣ купальнаго костюма³.

При дворѣ халифа благочестіе сдѣлалось обязательнымъ. Какъ при Валидѣ разговоръ при дворѣ шелъ о постройкахъ, при Сулейманѣ — о бракахъ и наложницахъ, такъ при Омарѣ придворные спрашивали другъ друга о ночныхъ молитвахъ, изученіи и чтеніи Корана, о постѣ⁴. Благочестивую жизнь, наравнѣ съ халифомъ, вела и его семья; его сынъ Абд-ал-Меликъ, умершій въ царствованіе отца 17-ти или 19 лѣтъ⁵, считался чело-вѣкомъ самой строгой нравственности.

Переменною въ образѣ жизни халифа менѣе всего могли быть довольны поэты, которыхъ онъ нѣкогда такъ щедро награждалъ въ Мединѣ. Поэтъ Джериръ упрекалъ халифа за щедрость къ бѣднымъ и скупость къ поэтамъ⁶. Омаръ, однако, продолжалъ дѣлать подарки поэтамъ, но въ меньшемъ размѣрѣ, притомъ только изъ своихъ личныхъ средствъ, не изъ средствъ казны. Иногда халифъ считалъ нужнымъ тайно награждать поэтовъ болѣе щедро, чѣмъ публично. Въ *كتاب الاغانى* приводится рассказъ о трехъ поэтахъ, посѣтившихъ халифа; двоимъ было разрѣшено произнести свои стихи, и было приказано дать имъ по 150 дирхемовъ; третьяго халифъ совершенно отказался слушать. Поэтамъ намекнули, чтобы они остались и подождали; когда они вышли отъ халифа, двое получили по 300 дирхемовъ, третій — 150⁷.

Кромѣ поэзіи, халифъ былъ не чуждъ и науки; еврейскій врачъ изъ Басры Масарджуя или Масарджисъ перевелъ для него съ сирійскаго языка

¹ Кинди 68,9.

² Ibid. 69,4.

³ Ибн-Са'дъ VIII, 263,16 сл.

⁴ Табари II, 1273,2.

⁵ 19½ у Ибн-Кутейбы, *كتاب المعارف*, 184; 17½ у Навави, *Biogr. dict.*, 466.

⁶ *كتاب الاغانى* VIII, 154.

⁷ Ibid. 152 слѣд.

на арабскій медицинское сочиненіе александрійскаго врача и священника Аарона. По другому извѣстію, переводъ былъ сдѣланъ еще при Мерванѣ; Омаръ нашелъ его въ библіотекѣ своего дѣда, положилъ его къ себѣ на молитвенный коврикъ и 40 дней спрашивалъ Бога, вѣроятно посредствомъ гаданія по Корану, слѣдуетъ ли обнародовать этотъ трудъ¹. Во время своего царствованія Омаръ долженъ былъ ставить простодушную дѣтскую вѣру выше всякаго знанія; ему приписывается наставленіе: «Держись вѣры ребенка въ школѣ и бедуина и откажись отъ всего остального»². Халифу приписывали изреченіе: «Кто сказалъ: я не знаю, тотъ упрочилъ за собой половину знанія»³. Свое стремленіе возстановить въ чистомъ видѣ жизнь первоначальной мусульманской общины халифъ умѣлъ выражать въ картинныхъ образахъ. Въ كتاب الاغانى ему приписывается сравненіе ислама съ рѣкой, протекавшей при пророкѣ и двухъ первыхъ халифахъ въ одномъ большомъ руслѣ; со времени Османа изъ рѣки начали отводить каналы, число которыхъ все увеличивалось; оттого главное русло высохло; между тѣмъ жажда живущихъ на этой рѣкѣ будетъ удовлетворена только тогда, когда главное русло снова наполнится водой, какъ прежде⁴.

Омаръ, повидимому, рѣдко бывалъ въ Дамаскѣ и не жилъ во дворцѣ Омейядовъ. Я'куби говоритъ, что онъ ненавидѣлъ постройки своихъ предшественниковъ, воздвигнутыя на средства, взятыхъ изъ имущества Божьяго и государственной собственности мусульманъ⁵. Ему приписывается намѣреніе удалить изъ построенной Валидомъ мечети въ Дамаскѣ мраморъ, мозаику и золото, чтобы эта роскошь не отвлекала вѣрующихъ отъ молитвы; но это распоряженіе было отмѣнено, когда халифу рассказали, какое впечатлѣніе произвела мечеть на византійскихъ пословъ: византійцы сказали, что они прежде считали господство арабовъ только временнымъ, теперь великолѣпіе и прочность построенной ими мечети убѣдили ихъ въ томъ, что они ошиблись⁶. Начатая при Сулейманѣ мечеть въ Рамлѣ при Омарѣ, однако, была достроена, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ⁷. Любимымъ мѣстопробываніемъ халифа былъ укрѣпленный городокъ Хунасира въ

¹ Ибн-ал-Кишти, изд. Lippert, 324 сл. О врачѣ Ааронѣ и его переводчикѣ еще В. Райтъ, Сир. литер., перев. подъ ред. проф. П. К. Коковцева, 65, прим. 6. О Масарджисѣ также Fihrist 297.

² Ибн-Са'дъ VIII, 275, 27.

³ Джахизъ, كتاب البيان, егип. изд., I, 150.

⁴ كتاب الاغانى VIII, 152.

⁵ Ja'qubi Hist. II, 368.

⁶ Якутъ II, 595. Нѣсколько иначе Ибн-ал-Факихъ, Bibl. Geogr. Arab. V, 108. Ср. еще Fragm. hist. arab. I, 5 сл.

⁷ Beladkori 143; перев. Н. А. Мѣдникова, Палестина, II, 84.

сѣверной Сиріи, въ двухъ дняхъ пути отъ Халеба, по направленію къ сѣверо-западу, на краю пустыни¹. Еще нѣсколько дальше къ сѣверо-западу, на берегу моря, въ горной мѣстности близъ Масиса, находилась крѣпость Мусаккабъ (مثقب), постройку которой нѣкоторые приписывали Омару II², другіе — Хишаму³; въ X в. въ Мусаккабѣ показывали мимбаръ и Коранъ Омара II.

По разсказу Я'куби, Омара убѣдили, что его пребываніе на краю пустыни вредно отражается на интересахъ государства. Онъ отправился въ Дамаскъ и прожилъ тамъ 20 дней въ домѣ своего отца Абд-ал-Азиза, близъ мечети⁴. Въ XII в., при Ибн-Джубейрѣ⁵, въ Дамаскѣ показывали небольшую мечеть Омара II и домъ его; послѣдній находился къ сѣверу отъ главной мечети и впослѣдствіи былъ обращенъ въ ханаку для суфиевъ. Однако и для столицы царствованіе Омара II не прошло безслѣдно, въ смыслѣ насажденія благочестія и справедливости; назначенный имъ въ Дамаскѣ казіи оставался въ этой должности⁶, какъ говоритъ Якутъ, 30 лѣтъ, при его преемникахъ Іезидѣ и Хишамѣ или, если указанное число лѣтъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, даже послѣ Хишама, почти до конца правленія Омейядовъ.

Изъ Дамаска Омаръ ушелъ въ Халебъ, потомъ въ Химсъ, но на пути туда заболѣлъ и остановился въ монастырѣ Дейръ-Сим'анъ, гдѣ купилъ себѣ у одного монаха за 10 динаровъ⁷ мѣсто для погребенія. Какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ предполагается, что Дейръ-Сим'анъ находился въ сѣверной Сиріи⁸; только Бекри⁹ и Якутъ помѣщаютъ его въ окрестностяхъ Дамаска¹⁰. Самъ Якутъ говоритъ, что монастырь

¹ Якутъ I, 151, 16 и II, 473.

² Истахри, Bibl. Geogr. Arab. I, 63.

³ Beladkori 166 внизу.

⁴ Ja'qubi Hist., II, 368.

⁵ Ибн-Джубейръ, изд. Wright-de Goeje, 269, 11 и 271, 11.

⁶ Якутъ II, 536 внизу.

⁷ Такая сумма указана въ كتاب الاغانى VIII, 158, гдѣ нѣтъ названія монастыря. Въ Fragm. hist. arab. I, 63 говорится о двухъ динарахъ, причѣмъ вмѣсто одного халифъ отдалъ свою рубашку.

⁸ Напр. Fragm. hist. arab. I, с. من ارض المعرة; Мас'уди, Prairies d'or V, 416 من اعمال حمص.

⁹ Переводъ извѣстія Бекри у Н. А. Мѣдникова, Палестина, II, 905.

¹⁰ Якутъ II, 671, 2. Н. А. Мѣдниковъ, Палестина, I, 719 ссылается также на Евтихія, но Евтихій помѣщаетъ монастырь въ землѣ химской (ibid. II, 276). Монастырь, въ которомъ былъ погребенъ Омаръ, во всякомъ случаѣ не тождественъ съ болѣе извѣстной обителью, носившей то же названіе, на пути изъ Халеба въ Антиохію. Ср. Якутъ II, 672, 5 бар. В. Розентъ, Василій Болгаробойца, стр. 168.

давно пришелъ въ разрушеніе, и въ его время даже его мѣстоположеніе не было точно извѣстно; приводятся стихи поэта Абу-Фираса, видѣвшаго монастырь въ развалинахъ. Во времена Якута могила Омара находилась въ другомъ монастырѣ сѣверной Сирин, Дейръ-Мурранъ, близъ Ма'арры, и была мѣстомъ паломничества¹.

Преданія о послѣднихъ минутахъ халифа и о его погребеніи носятъ такую же легендарную окраску, какъ многіе рассказы о его жизни и царствованіи. У Табари говорится со словъ Фатимы, жены Омара, что послѣдними словами Омара были слова стиха Корана (28,83) «Это будущее жилище мы предназначаемъ для тѣхъ, которые не стремятся ни къ возвышенію, ни къ разврату, и будущая жизнь принадлежитъ благочестивымъ»². По легендѣ, рассказанной въ كتاب الاغانى, Фатима и Маслама слышали не земной голосъ, произнесшій этотъ стихъ Корана въ комнатѣ умершаго халифа, который испустилъ духъ со словами حتى الوجود حتى الوجود³. По كتاب الاغانى Омаръ рассказывалъ Масламѣ, что при погребеніи Абд-ал-Мелика у него было видѣніе, показавшее ему судьбу халифа послѣ смерти и побудившее его не подражать Абд-ал-Мелику. Самъ Маслама, когда завернулъ тѣло Омара въ саванъ, имѣлъ видѣніе, показавшее ему халифа въ раю⁴. Крайнимъ безвкусіемъ отличается легенда, рассказанная у Ибн-Са'да, что во время погребенія Омара съ неба упала бумажка съ надписью: «Избавленіе (امان) отъ Бога для Омара ибн-Абд-ал-Азиза отъ (адскаго) пламени»⁵.

В. Бартольдъ.

Фаустъ Византійскій, какъ историкъ¹.

Фаустъ Византійскій—древнѣйшій памятникъ армянской исторической литературы—излагаетъ событія IV вѣка, останавливаясь преимущественно на дѣяніяхъ преемниковъ великихъ просвѣтителей Арменіи, Григорія и Тирдата. Трудъ его не дошелъ до насъ въ первоначальномъ видѣ, въ каковомъ имѣлся въ рукахъ еще въ VI вѣкѣ у Прокопія Кесарійскаго, извѣстнаго историка Юстиніана². Но и наличная редакція представляетъ высокій интересъ и заключаетъ въ себѣ такія характерныя особенности, которыя выдѣляютъ его среди другихъ историческихъ памятниковъ.

Фаустъ свободенъ отъ ученой схоластики, присущей въ большей или меньшей мѣрѣ другимъ армянскимъ историкамъ. Онъ не пользовался письменными документами³ и своими свѣдѣніями обязанъ, главнымъ образомъ, живымъ воспоминаніямъ и преданіямъ. Близость Фауста къ дѣйствительной жизни страны—главное его преимущество передъ другими историками.

Значеніе труда Фауста, богатого цѣнными реаліями изъ среды современной ему нахарарской Арменіи, достаточно признано и оцѣнено нынѣ специалистами. Но сравнительно мало вниманія удѣлено находящимся у него же матеріаламъ по внѣшней исторіи Арменіи. Свѣдѣнія его о политическихъ событіяхъ, касающихся византійско-персидскихъ отношеній въ Арменіи, носятъ легендарный характеръ и потому нелегко поддаются точной оцѣнкѣ въ отношеніи исторической ихъ основательности. Намъ хотѣлось бы подойти къ Фаусту пока именно съ этой стороны и разсмотрѣть, насколько историчны его сказочныя повѣствованія и есть-ли въ нихъ положительныя данныя, пригодныя для исторіи.

¹ Настоящій этюдъ написанъ давно и печатаемая нынѣ часть доложена еще 21 декабря 1906 года въ засѣданіи Восточнаго Отд. Русск. Арх. Общества, подъ названіемъ: «Римско-персидскія отношенія за первую половину IV в. и армянскія о нихъ преданія». (ЗВО, т. XVII, стр. XLII—XLIII). Статья эта находится въ связи съ задуманной тогда большой работой, имѣвшей цѣлью собирать важнѣйшіе разбросанные у классиковъ матеріалы по исторіи армянъ въ оригиналѣ съ русскимъ переводомъ.

² См. Начальная исторія Арменіи, Виз. Врем. 1911, VIII, 1—2.

³ Вліяніе литературныхъ источниковъ сказывается въ частяхъ, касающихся жизни патріарха Нерсеса. Но весьма сомнительно, чтобы эти части входили въ первоначальную редакцію труда Фауста.

Христианскій Востокъ.

¹ Якутъ II, 697,9. Могилу Омара показывали при Якутѣ еще въ третьемъ монастырѣ Накиръ (دير النقيرة), также близъ Ма'арры, на горѣ (ibid. 704,10).

² Табари II, 1372,12.

³ كتاب الاغانى VIII, 158.

⁴ Ibid. 156 сл. Ср. сходную легенду во Fragm. hist. arab. I, 61 наверху. Омаръ видѣлъ, какъ лицо Валида въ могилѣ почернѣло; рассказчикъ (Маймунъ ибн-Михранъ) видѣлъ, какъ лицо Омара въ могилѣ стало еще лучше, чѣмъ было въ дни счастья.

⁵ Ибн-Са'дъ VIII, 301,17 сл.

I.

Въ перипетіяхъ безконечной борьбы за Арменію между Византіей и Персіей отмѣчаются два важныхъ момента, 298 и 363 гг. Обстоятельства этихъ моментовъ достаточно извѣстны изъ западныхъ источниковъ и даютъ отчетливое понятіе о положеніи двухъ соперницъ по отношенію къ предмету спора, Арменіи. Что же касается событій, происшедшихъ между 298 и 363 годами, то свѣдѣнія о нихъ у западныхъ историковъ очень скудны. У армянскаго Фауста имѣются кое-какія сказанія, которыя относятся къ названному періоду и историческая основа которыхъ вскрывается при близкомъ знакомствѣ съ обстоятельствами дѣла, сообщаемыми западными авторами.

Въ концѣ третьяго столѣтія Арменія признавала верховное покровительство римлянъ. Въ 294 году на персидскій престолъ вступилъ царь Нарсей. По примѣру отца своего Шапура и изъ явнаго желанія подражать ему, какъ говоритъ Лактанцій¹, онъ сдѣлалъ большія приготовленія къ войнѣ и въ слѣдующемъ 295 году вторгся въ Арменію и занялъ ее. «Narseus primus, свидѣтельствуегъ Амміанъ, Armeniam Romano juri obnoxiam occupat²».

Оборона Арменіи противъ персовъ выпала на долю Галерія Максиміана, зятя и соправителя Діоклетіана. Послѣдній, выступая въ Египетъ для подавленія возстанія Ахиллея, приказалъ цезарю Галерію, правившему тогда Иллиріей, отправиться немедленно противъ персидскаго царя. Неопытный и пылкій цезарь отважился завязать бой съ превосходными силами врага въ Месопотаміи между Калиникой и Каррами и потерпѣлъ страшное пораженіе. Презрительный приемъ, оказанный ему, побѣжденному вождю, Діоклетіаномъ, вызвалъ въ немъ рѣшимость еще разъ попытать счастье въ войнѣ. Галерій перенесъ военныя дѣйствія изъ месопотамскихъ равнинъ на высоты Арменіи, которая считалась «ferme sola seu facilius vincendi via». Новый бой въ горахъ Арменіи увѣнчался блестящимъ успѣхомъ для римлянъ и покрылъ имя оскорбленнаго цезаря громкой славой.

Войны Галерія описаны современными историками, Аврелиемъ Викторомъ, Евтропіемъ и Руфомъ Фестомъ, писателями IV вѣка. Мнѣ сдается, что память о послѣднемъ сраженіи Галерія и Нарсея сохранилась и у

¹ Lactantius, De morte persecutorum, c. 9.

² Ammian XXIII, 5. Ср. Eutrop. XXII: Narseus Orienti bellum inferret; а также Aur. Vict. XXXIX: Eodem tempore Orientem Persae ...quatiebant.

армянскаго Фауста. Прежде чѣмъ привести относящійся сюда, на мой взглядъ, разсказъ Фауста, познакомимся съ обстоятельствами войны по даннымъ упомянутыхъ историковъ.

Аврелій Викторъ, написавшій свой трудъ въ 360 году, говоритъ:

«Въ то время, когда Ювій (=Діоклетіанъ) отправился въ Александрію (противъ самозванца Ахиллея), онъ далъ цезарю Максиміану приказъ оставить свои предѣлы (т. е. Иллирію) и двинуться въ Месопотамію для отраженія натиска персовъ. Вначалѣ онъ потерпѣлъ тяжкое пораженіе, но успѣшно образовавъ новую армію изъ ветерановъ и новобранцевъ, онъ бросился на врага черезъ Арменію, что является надежной базой и болѣе легкимъ путемъ побѣды. Наконецъ, тамъ же Галерій разбилъ царя Нарсея, взявъ въ плѣнъ его дѣтей и женъ и весь царскій дворъ. Побѣда была такъ блистательна, что если бы Валерій (=Діоклетіанъ), по приказанію котораго все дѣлалось, не противился бы, невѣдомо, по какой причинѣ, то римская власть простерлась бы на новую провинцію. Впрочемъ, часть земель, для насъ болѣе важная, все-таки была приобрѣтена; и такъ какъ персы настойчиво требовали ихъ обратно, то снова вспыхнула война, тяжелая и весьма гибельная» — Interim, Jovio Alexandriam profecto, provincia credita Maximiano Caesari, uti relictis finibus in Mesopotamiam progredieretur, ad arcendos Persarum impetus. A quis primo graviter vexatus, contracto confestim exercitu e veteranis ac tironibus, per Armeniam in hostes contendit — quae ferme sola seu facilius vincendi via est. Denique ibidem Narseum regem in ditionem subegit, simul liberos coniugesque et aulam regiam. Adeo victor, ut ni Valerius, cujus nutu omnia gerebantur, incertum qua causa abnuisset, Romani fasces in provinciam novam ferrentur. Verum pars tamen nobis utilior quaesita, quae quum acrius reposcuntur, bellum recens susceptum est, grave admodum perniciosumque. Aur. Victor. De Caesaribus, XXXIX.

Нѣсколько обстоятельнѣе сообщеніе Евтропія:

«Галерій Максиміанъ сначала имѣлъ очень неудачное сраженіе съ Нарсеемъ, встрѣтившись между Калиникой и Каррами, такъ какъ онъ дрался скорѣе необдуманно, чѣмъ малодушно. Съ ничтожнымъ отрядомъ онъ вступилъ въ бой съ многочисленнымъ врагомъ. Обращенный въ бѣгство, Галерій отправился къ Діоклетіану и настигнувъ его на пути (въ Египетъ), былъ принятъ, говорятъ, съ такимъ высокомѣріемъ, что нѣсколько тысячъ шаговъ бѣжалъ въ порфирѣ, какъ разсказываютъ, за его колесницей.

Вскорѣ, однако, набравъ войско въ Иллиріи и Мизіи, Галерій вторично сразился съ Нарсеемъ, дѣдомъ Ормизда и Шапура, въ Великой Арменіи съ

очень большимъ успѣхомъ, благодаря обдуманному плану, а равно храбрости, при чемъ онъ принялъ на себя даже обязанность развѣдчика съ двумя или тремя всадниками. Отбросивъ Нарсея, Галерій разгромилъ его лагерь, захватилъ женъ сестеръ, дѣтей его и кромѣ того множество лицъ изъ персидской знати и персидскую богатѣйшую сокровищницу. Онъ самъ убѣжалъ въ окраинныя пустыни своего государства. Поэтому когда Галерій явился съ триумфомъ къ Діоклетіану, стоявшему тогда въ Месопотаміи съ войскомъ, то былъ принятъ съ огромнымъ почетомъ». — *Galerius Maximianus primo adversus Narseum minime secundum proelium habuit inter Callinicum Carrasque congressus, cum inconsulte magis, quam ignave dimicasset. Admodum enim parva manu cum copiosissimo hoste commisit. Pulsus igitur et ad Diocletianum profectus cum ei in itinere occurrisset, tanta insolentia a Diocletiano fertur exceptus, ut per aliquot passuum milia purpuratus tradatur ad vehiculum cucurrisset.*

Mox tamen per Illyricum Moesiamque contractis copiis rursus cum Narseo, Hormisdæ et Saporis avo, in Armenia Majori pugnavit successu ingenti, nec minore consilio simulque fortitudine, quippe qui etiam speculatoris munus cum altero ac tertio equite susceperit. Pulso Narseo castra ejus diripuit. Uxores, sorores, liberos cepit, infinitam extrinsecus Persarum nobilitatem, gazam Persicam copiosissimam. Ipsum in ultimas regni solitudines egit. Quare ad Diocletianum in Mesopotamia cum praesidiis tum morantem ovans regressus ingenti honore susceptus est. Eutropii breviarium historiae Romanae. l. IX. c. 24 — 25.

Третій историкъ Р. Фестъ о тѣхъ же событіяхъ рассказываетъ въ слѣдующихъ словахъ:

«При императорѣ Діоклетіанѣ имѣла мѣсто блестящая побѣда надъ персами. Цезарь Максиміанъ въ первой схваткѣ, сражаясь при незначительныхъ силахъ съ несмѣтными полчищами, пораженный отступилъ. Онъ былъ принятъ съ такимъ негодованіемъ Діоклетіаномъ, что впереди его колесницы нѣсколько тысячъ шаговъ бѣжалъ въ порфирѣ. Когда же онъ съ трудомъ добился разрѣшенія, набравъ армію изъ предѣловъ Дакии, вновь попытать счастья въ войнѣ, то самъ цезарь лично предпринялъ развѣдку въ Великой Арменіи вмѣстѣ съ двумя всадниками; и во главѣ 25000 войскъ достигъ непріятельскій лагерь, внезапно напалъ на безчисленные отряды персовъ и предалъ ихъ истребленію. Персидскій царь Нарсей убѣжалъ; жена и дочери его попали въ плѣнъ и охранялись съ бережнымъ вниманіемъ къ ихъ стыдливости. Восхищенные такимъ отношеніемъ персы сознавались, что римляне не только оружіемъ, но и морально выше ихъ.

Месопотамію вмѣстѣ съ пятью затигрскими областями они отдали назадъ. Миръ былъ заключенъ и продолжается до нашего времени на благо имперіи»¹. — *Sub Diocletiano principe, pompa victoriae nota de Persis est. Maximianus Caesar prima congressione, quum contra innumeram multitudinem cum paucis acriter dimicasset, pulsus recessit: ac tanta indignatione a Diocletiano susceptus est, ut ante carpentum ejus per aliquot millia passuum cucurrerit purpuratus: et quum vix impetrasset, ut reparato de limitaneis Daciae exercitu eventum Martis repeteret, in Armenia Majore ipse Imperator cum duobus equitibus exploravit hostes: et cum viginti quinque millibus militum superveniens castris hostilibus, subito innumera Persarum agmina adgressus, ad internecionem cecidit. Rex persarum Narseus effugit; uxor ejus et filiae captae sunt, et cum maxima pudicitiae custodia reservatae. Pro qua admiratione Persae non modo armis, sed etiam moribus, superiores esse Romanos confessi sunt; ac Mesopotamiam cum Transtigritanis quinque regionibus reddiderunt. Pax facta, usque ad nostram memoriam Reipublicae utilis perduravit*¹. *Rufi Festi Breviarum, c. XXV.*

Какъ можно видѣть, рассказы трехъ историковъ очень близки другъ къ другу и сходятся даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Возможно, что всѣ они пользовались общимъ, для насъ нынѣ утеряннымъ, источникомъ². Во всякомъ случаѣ достовѣрность ихъ сообщеній не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Отзвуки описанныхъ событій, какъ мнѣ кажется, слышатся и въ армянской литературѣ, именно, у Фауста. Позорное плѣненіе семейства грознаго царя царей было такое необычайное явленіе, что не могло изгладиться изъ памяти страны, служившей мѣстомъ этого позора, не оставивъ слѣда.

Фаустъ рассказываетъ объ одномъ интересномъ эпизодѣ, который имъ приурочивается ко времени царя Тирана, но въ дѣйствительности въ немъ имѣемъ отраженіе занимающихъ насъ событій.

У армянскаго царя Тирана былъ необычайный конь, «весь въ яблокахъ, отливающихъ разными тонами, полный отваги, хорошей породы, красиво сложенный, необыкновеннаго роста и длины», словомъ, своей дивной красотой составлялъ предметъ общаго изумленія и восхищенія. Изъ-за этого коня испортились отношенія между царемъ Тираномъ и персидскимъ правителемъ Атропатеной, Шапух-Варазомъ. Послѣдній пожелалъ имѣть прославленную лошадь. Владѣльцу ея Тирану жалко было съ ней разстаться.

¹ Ср. также гл. XX, гдѣ то же самое приводится сжато.

² См. Martin Schanz, *Geschichte der röm. Litteratur*, München, 1904, стр. 67 и 76.

На требованіе Вараза, онъ послалъ ему другого, подходящаго по цвѣту и вѣшности, коня. Подмѣна раскрылась. Обманутый Варазъ пришелъ въ ярость. Онъ еще болѣе воспыла въ негодаваніемъ, когда ему стали шептать о томъ, что человекъ, которому жалко было уступить ему какую-то кожу (рѣчь о конѣ), разсчитывая на императора и его силы, замышляетъ отнять персидское царство отъ рода Сасанидовъ, говоря: «это принадлежало раньше намъ и нашимъ предкамъ».

Варазъ повѣрилъ доносамъ и доложилъ обо всемъ персидскому царю Нарсею, на что послѣдовалъ приказъ поковать съ неблагонадежнымъ царемъ Тираномъ. Съ этой цѣлью Атропатенскій правитель явился къ нему въ Арменію, якобы для улаженія недоразумѣній. Довѣрчивый царь принялъ его дружелюбно, оказалъ всяческія почести, между прочимъ, пригласилъ его на охоту. Коварный гость, улучивъ минуту, захватилъ Тирана и отогналъ его въ плѣнъ къ персидскому царю, послѣ того какъ выжегъ ему глаза раскаленнымъ желѣзомъ.

Расправа вѣроломнаго правителя съ Тираномъ вызвала въ странѣ сильное движеніе противъ персовъ. Собрались владѣтельные князья нахарары и на совѣщаніи рѣшили обратиться къ греческому императору за помощью, чтобы отомстить за несчастье родного царя. Послами были избраны Сюнийскій князь Андокъ и Аршарунійскій князь Аршавиръ Камсаракапъ. Они прибыли въ столицу и вручили императору грамоту съ подарками.

Тѣмъ временемъ персидскій царь Нарсей во главѣ большихъ силъ вступилъ въ Арменію и сталъ опустошать ее. Услышавъ объ этомъ, императоръ собралъ войско и двинулся противъ персовъ. Онъ остановился лагеремъ подъ городомъ Саталой. Императоръ выбралъ двухъ знатныхъ лицъ изъ армянъ, Аршавира и Андока, тѣхъ самыхъ князей, которые были посланы къ нему, и вмѣстѣ съ ними, самъ переодевшись крестьяниномъ подъ видомъ торговца капустой, проникъ въ лагерь непріятеля. Персы стояли въ Басіанской области, въ селѣ Осахъ. Лазутчики явились къ нимъ, осмотрѣли все, развѣдали количество силъ и ихъ расположеніе и вернулись обратно къ себѣ въ лагерь. Послѣ того греческія войска набросились врасплохъ на персовъ и разбили ихъ на голову. Рѣзня была страшная; едва удалось царю спастись бѣгствомъ въ сопровожденіи единственнаго всадника. Греки взяли персидскій лагерь, и въ числѣ прочихъ къ нимъ попали въ плѣнъ жены царя и первая жена съ прислужницами. Побѣдоносный императоръ назначилъ князей Андока и Аршавира правителями Арменіи и, осыпавъ ихъ и другихъ князей щедрыми подарками, возвратился къ себѣ въ столицу.

Персидскій царь Нарсей собралъ своихъ приближенныхъ для выясненія причинъ постигшаго его несчастья. Тутъ обнаружилась настоящая подкладка доносовъ Атропатенскаго начальника Шапух-Вараза: изъ-за одного коня онъ вовлекъ своего государя въ войну съ императоромъ и послужилъ виновникомъ неслыханнаго пораженія. Разгнѣванный царь приказалъ немедленно казнить Вараза; затѣмъ послалъ людей къ императору съ предложеніемъ мира и съ просьбой отпустить изъ плѣна по крайней мѣрѣ женъ его.

Въ отвѣтъ на это императоръ Валентъ требовалъ въ особой грамотѣ, чтобы сначала персы освободили плѣнныхъ, уведенныхъ ими изъ Арменіи, и прежде всего армянскаго царя Тирана, обѣщая тогда исполнить просьбу персидскаго царя. Послѣдній согласился и сейчасъ же отпустилъ Тирана изъ заключенія; такъ какъ онъ былъ лишень зрѣнія, то по его же просьбѣ преемникомъ былъ назначенъ сынъ его Аршакъ. Послѣ того были освобождены и возвращены въ Персію семья царя и другіе плѣнные¹.

Разсказъ Фауста носитъ нѣсколько сказочный характеръ. Въ немъ сплетены событія разныхъ временъ: персидскій царь Нарсей, правившій отъ 293 по 302 годъ, выставляется современникомъ Тирана, царствовавшего въ Арменіи въ 40-ыхъ годахъ IV вѣка и оба они ведутъ дѣла съ императоромъ Валентомъ, занимавшимъ престолъ отъ 364 по 368 годъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать здѣсь отголоска вѣрнаго историческаго событія, именно, войны 298 года, имѣвшей несчастнымъ исходомъ плѣненіе семьи персидскаго царя. Сообщенія Фауста, объ обстоятельствахъ развѣдки императора достаточно, чтобы отнести его разсказъ къ Галерію. Мы видѣли выше, что и западнымъ историкамъ извѣстенъ фактъ развѣдыванія самимъ императоромъ вражескаго лагеря въ сопровожденіи двухъ всадниковъ. Изъ рѣчи Синесія узнаемъ, что Галерій выдавалъ себя за посла отъ императора къ персамъ для переговоровъ: *Ἐτέρων δὲ τοῦτου νεώτερον ἀκούεις, οἶμαι καὶ γὰρ οὐδὲ εἰς ὃς ἀνήκοον τινα εἶναι βασιλέως ἑαυτὸν ἐπιδόντος εἰς αὐτὴν τῆς πολέμιας γενέσθαι ἐν χρεῖα κατασχούσης μνηστειμένου σχῆμα πρεσβείας*, Syn. X.

По армянскому же преданію, сохранившемуся у Фауста, императоръ съ той же цѣлью явился въ персидскій лагерь подъ видомъ крестьянина, торгующаго капустой. Сопровождавшіе его всадники были, по Фаусту, армянскіе князья Андокъ и Аршавиръ, тѣ самыя лица, которыя были посланы къ императору съ важной миссіей. У нашего историка указана и мѣстность

¹ Фаустъ, III, 21.

ними обходились такъ, какъ съ людьми, которые должны были вернуться къ своему (царскому) положенію. Онъ не преминулъ напомнить и объ измѣнчивости человѣческихъ судьбъ.

На это императоръ, видимо, разсердился и, дрожа всѣмъ тѣломъ, сказалъ, что не къ лицу персамъ напоминать другимъ о превратности человѣческихъ судьбъ, покуда сами, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, не перестаютъ бить людей въ несчастіи: «хорошо соблюли вы при Валеріанѣ умѣренность въ побѣдѣ, вы, которые, обманувъ его коварствомъ, захватили и не отпускали его до крайней старости и безславной смерти. Даже послѣ смерти какимъ то постыднымъ образомъ сохраняли его кожу, и смертному тѣлу нанесли безсмертную (для васъ) гнусность».

Такъ возразилъ императоръ. Онъ сказалъ, что онъ уступаетъ, но не потому, что персы черезъ свое посольство напоминаютъ о томъ, что надо считаться съ измѣнчивостью человѣческаго счастья (въ этомъ случаѣ надо было еще болѣе возмущаться, если бы принять во вниманіе все сотворенное персами), а слѣдуя по стопамъ своихъ предковъ, у которыхъ принципъ — щадить побѣжденныхъ и бороться противъ непокорныхъ, и приказалъ послу передать царю о великодушіи римлянъ, доблестъ коихъ испытана имъ, и обнадежить, что въ скоромъ времени придутъ къ нему также плѣнные, согласно приказанію императора»¹.

Объ условіяхъ мира тотъ же историкъ сообщаетъ слѣдующее:

«Когда Галерій и Діоклетіанъ съѣхались въ Низибинѣ, то, посовѣщавшись вмѣстѣ, отправили въ Персію посломъ Сикорія Прова, магистра меморіи.

Нарсей принялъ его радушно въ надеждѣ на то, что было ему обѣщано, но откладывалъ аудіенціи. Точно желая утомить ожиданіемъ посольство Сикорія и тѣмъ сдѣлать его стоворчивѣе, Нарсей повезъ съ собой Сикорія, который догадывался, въ чемъ дѣло, до мидійской рѣки Аспрудія, пока собрались разсѣянные походами въ разныя стороны войны. И наконецъ во внутреннихъ покояхъ дворца, удаливъ всѣхъ остальныхъ и довольствуясь присутствіемъ Аффарбана, Арханета и Варсаворса, изъ коихъ одинъ былъ *praefectus praetorio*, а другой имѣлъ власть Сумія, приказалъ Прову доложить о своей миссіи.

Главныя положенія посольства слѣдующія: чтобы 1) римлянамъ имѣть на востокѣ Ингелену съ Софеной и Арзанену съ Кордуеной и съ Завдикеной; 2) рѣкѣ Тигру быть границей обонхъ государствъ; 3) крѣпости

¹ Excerpta Petri Patricii, Ad Romanos, c. XII.

Зинтѣ, лежащей на границѣ Мидіи, быть границей Арменіи; 4) царю Иберіи получать знаки власти отъ римлянъ; 5) пунктомъ для торговыхъ сношеній быть городу Низибину, лежащему на Тигрѣ. — Ἦν δὲ τὰ κεφάλαια τῆς πρεσβείας ταῦτα, ὥστε κατὰ τὸ ἀνατολικὸν κλίμα τὴν Ἰνγληνὴν μετὰ Σοφηνῆς καὶ Ἀρζανηνὴν μετὰ Καρδουηνῶν καὶ Ζαβδικηνῆς Ῥωμαίους ἔχειν, καὶ τὸν Τίγριν ποταμὸν ἑκατέρας πολιτείας ὁροῦσιον εἶναι, Ἀρμενίαν δὲ Ζίνθα τὸ κάστρον ἐν μεθορίῳ τῆς Μηδικῆς κείμενον ὀρίζειν, τὸν δὲ Ἰβηρίας βασιλέα τῆς οἰκείας βασιλείας τὰ σύμβολα Ῥωμαίοις ὑφείλιν, εἶναι δὲ τόπον τῶν συναλλαγμάτων Νισιβὶν τὴν πόλιν παρακειμένην τῷ Τίγριδι.

Выслушавъ все это Нарсей, поневолѣ долженъ былъ согласиться на все. Но чтобы не показать вида, продолжаетъ историкъ, что онъ поступаетъ вынужденно, онъ сталъ возражать противъ того, чтобы торговымъ пунктомъ былъ признанъ Низибинъ.

Сикорій отвѣтилъ, что «надо уступить и въ этомъ, такъ какъ посольство не уполномочено дѣйствовать по своему, а отъ императора никакихъ инструкцій по этому вопросу не имѣется». Итакъ предложенія были приняты; Нарсею были выданы жена и дѣти¹.

Разсказъ византійскаго историка характеренъ какъ образчикъ дипломатическихъ переговоровъ того времени, близко подходящій по духу своему къ способу изложенія армянскаго Фауста. Въ немъ для насъ важны особенно условія мира. Границей Арменіи съ востока, со стороны Персіи выставляется замокъ Зинта. Мѣстоположеніе его, къ сожалѣнію, неизвѣстно, но искать его надо къ югу отъ Урмійскаго озера, такъ какъ, по утверженію Фауста, почти весь Атропатаканъ со столицей Гандзакомъ находился во власти армянскихъ Аршакидовъ. Гандзакъ соответствуетъ нынѣшнему Тахт-и-Сулейману между Марагой и Зенджаномъ; стало быть, граница армянскихъ владѣній проходила южнѣе этого мѣста, гдѣ и слѣдуетъ искать Зинту.

Кромѣ того, въ силу договора, отъ персовъ отпали области Ингелена съ Софеной, Арзанена съ Кордуеной и «Реимена» съ Завдикеной, области, расположенныя на обонхъ притокахъ Тигра въ предѣлахъ Арменіи.

Владѣтельные князья тѣхъ изъ этихъ областей, которыя въ дальнѣйшей борьбѣ съ персами окончательно утвердились за имперіей, получали инвентитуру отъ императоровъ, какъ это было установлено въ договорѣ 298 года по отношенію къ царю Иберіи. Области эти были включены въ составъ

¹ Excerpta Petri Patricii, Ad gentes c. III.

Послѣ краткаго обзора римско-персидскихъ отношеній, упомянувъ о заключенномъ въ 298 г. мирѣ, говоритъ Юліанъ:

«Не вѣдаю, какимъ образомъ персы нарушили миръ еще при жизни отца твоего и избѣгли мщениа вслѣдствіе кончины его среди военныхъ приготовленій. Ты же позднѣе наказалъ ихъ за дерзость. Такъ какъ мнѣ придется еще часто касаться войнъ, которыя ты велъ противъ нихъ, то пока считаю нужнымъ обратить вниманіе слушателей моихъ на то, что ты сдѣлался владыкой трети имперіи въ такое время, когда казалось, что ты не былъ положительно подготовленъ къ войнѣ ни въ отношеніи оружія, ни людей и ни вообще тѣхъ средствъ, которыя необходимо имѣть въ изобиліи для такой серьезной войны. Кромѣ того, никто изъ братьевъ тебя не поддерживалъ въ этой войнѣ по какимъ то непонятнымъ причинамъ. Не найдется, однако, человѣка въ такой степени безстыднаго и завистливаго клеветника, который бы не сознался, что ты главный виновникъ существующаго между ними единенія. Начинается война, думаю тяжелая сама по себѣ; взбунтовались войска по поводу переворота и оплакивали смерть прежняго своего начальника, обнаруживая желаніе командовать вами, братьями; тысяча другихъ неблагоприятныхъ и тяжелыхъ обстоятельствъ всплывали отовсюду и представляли надежды на войну все болѣе мрачными.

«Армяне, старинные наши союзники, терзаемые раздорами, и значительно частью перешедшіе къ персамъ, разоряютъ собственныя границы. То, что при настоящихъ условіяхъ являлось единственнымъ спасеніемъ, именно, тебѣ принять бразды правленія и дѣйствовать властно, дотолѣ не могло послѣдовать по причинѣ переговоровъ съ братьями въ Пеоніи, которые ты личнымъ присутствіемъ своимъ велъ такъ, что не далъ имъ повода къ порицаніямъ» — Ἀρμένιοι παλαιοὶ σύμμαχοι στασιάζοντες καὶ μοῖρα σφῶν οὐ φαύλη Πέρσαις προσθέμενοι, τὴν ὁμῶν σφίσιν λησταῖς κατατρέχοντες· καὶ ὅπερ ἐν τοῖς παροῦσιν ἐφαίνετο μόνον σωτήριον, τὸ σὲ τῶν πραγμάτων ἔχειν καὶ βουλεύεσθαι, τέως οὐχ ὑπῆρχε διὰ τὰς πρὸς τοὺς ἀδελφούς ἐν Παιονίᾳ συνθήκας, ἃς αὐτὸς παρὼν οὕτω διώκησας, ὥς μηδεμίαν ἀφορμὴν ἔχουσιν παρασχεῖν μέμφεως. Jul. Imp. Orat. I. ed. Teub. p. 21—22.

Далѣе, изображая критическое положеніе, въ которомъ засталъ имперію Констанцій послѣ смерти отца — возгорѣвшаяся война, постоянныя нашествія, отпаденіе союзниковъ, деморализація войска и общій безпорядокъ въ государственныхъ дѣлахъ — тотъ же авторъ продолжаетъ:

«Послѣ того, какъ ты покончилъ переговоры съ братьями, настало желанное время отдалиться находившимся въ опасности государственнымъ дѣламъ и привести ихъ въ порядокъ. Быстрымъ ходомъ изъ Пеоніи пока-

зался ты въ Сиріи съ такой скоростью, что даже трудно выразить словомъ. Но для тѣхъ, кто знаетъ, достаточно и попытка. Кто въ состояніи рассказать, какимъ образомъ при твоёмъ появленіи все измѣнилось живо, все улучшилось; и не только избавилъ ты насъ отъ давившаго страха, но и вселилъ лучшія надежды на все грядущее. При одномъ твоёмъ приближеніи войска оправились отъ деморализаціи и порядокъ былъ возстановленъ».

«Тѣ изъ армянъ, которые перешли къ врагамъ, вернулись немедленно, когда ты изгналъ виновниковъ бѣгства къ намъ (царя) начальника этой страны, и убѣжавшимъ обезпечилъ безопасный возвратъ въ свои дома. Такъ гуманно обошелся ты съ тѣми, которые пришли недавно къ намъ и ласково сношлся съ тѣми, которые возвратились изъ бѣгства вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, что одни раскаивались въ томъ, что раньше отпали отъ насъ, другіе же настоящую свою судьбу предпочитали прежнему правленію. Бѣжавшіе раньше признавали, что на дѣлѣ научились благоразумію, иные — что они за вѣрность получили слѣдующее имъ вознагражденіе. Ты отличился такой щедротой подарковъ и почестей по отношенію къ вернувшимся, что имъ нечего досадовать или завидовать своимъ противникамъ, которые благоденствуютъ и удостоены должныхъ почестей» — Ἀρμενίων δὲ οἱ προσθέμενοι τοῖς πολεμίοις εὐθὺς μετέστησαν, σοῦ τοὺς μὲν αἰτίους τῆς φυγῆς τῷ τῆς χώρας ἐκείνης ἄρχοντι παρ' ἡμᾶς ἐξαγαγόντος, τοῖς φεύγουσι δὲ τὴν ἐς τὴν οἰκίαν κάθοδον ἀδεᾶ παρασκευάσαντος. οὕτω δὲ φιλοανθρώπως τοῖς τε παρ' ἡμᾶς ἀφικομένοις ἄρτι χρησαμένου καὶ τοῖς ἐκ τῆς φυγῆς μετὰ τοῦ σφῶν ἄρχοντος κατεληλυθόσι πρῶτος ὁμιλοῦντος, οἱ μὲν, ὅτι καὶ πρότερον ἀπέστησαν, αὐτοὺς ἀπωλοφύραντο, οἱ δὲ τὴν παροῦσαν τύχην τῆς πρόσθεν ἡγάπων μᾶλλον δυναστείας. καὶ οἱ μὲν φεύγοντες ἐμπροσθεν ἔργῳ σωφρονεῖν ἔφασαν ἐκμαθεῖν, οἱ δὲ τοῦ μὴ μεταστῆναι τῆς ἀμοιβῆς ἀξίας τυγχάνειν· τοσαύτη δὲ ἐχρήσω περὶ τοὺς κατελθόντας ὑπερβολῇ δωρεῶν καὶ τιμῆς, ὥστε μηδὲ τοῖς ἐχθίστοις σφῶν εὖ πράττουσι καὶ τὰ εἰκότα τιμωμένοις ἄχθεσθαι μηδὲ βασκαίνειν. Jul. Orat. I. p. 24—25.

Слова Юліана, намеки на какія то событія въ Арменіи, несовсѣмъ ясны. Изъ нихъ можно заключить, что у армянъ были партіи, состоявшія изъ приверженцевъ персовъ и римлянъ. Персидская партія взяла верхъ и и изгнала противниковъ; тѣ вмѣстѣ съ царемъ (= архонтомъ) нашли убѣжище въ римской территоріи. Императоръ Констанцій примирилъ партіи и возстановилъ миръ къ общему удовольствію обѣихъ сторонъ. Но кто же былъ этотъ архонтъ-царь армянскій? Фаустъ не знаетъ случая бѣгства царя къ императору. Онъ рассказываетъ о плѣненіи персами царя Тирана,

какъ мы видѣли. При этомъ царѣ происходили смуты и тренія между нахарскими фамиліями, и вѣроятно всего къ этому времени относятся событія, упоминаемыя Юліаномъ. По словамъ Юліана, смуты въ Арменіи были подавлены Констанціемъ, послѣ того какъ онъ «быстрымъ ходомъ изъ Пеоніи показался въ Сиріи». Въ Пеоніи же находился Констанцій вмѣстѣ съ братьями по дѣлу раздѣла отцовскаго наслѣдія.

Константинъ Великій, какъ извѣстно, раздѣлилъ имперію между тремя сыновьями и двумя племянниками, при чемъ восточныя владѣнія достались сыну Констанцію и двумъ племянникамъ. Послѣ смерти Константина произошло избіеніе членовъ боковой линіи императорской фамиліи, во время котораго погибли также его племянники Далматій и Аннибаліанъ¹. Вотъ тогда сыновья Константина съѣхались въ Пеоніи для новаго раздѣла имперіи. Весь востокъ остался за Констанціемъ. Переговоры, начавшіеся между братьями послѣ смерти Константина по этому дѣлу, въ 338 году были закончены. Имѣется указъ отъ имени Константина и Константа, изданный въ Сирміи, городѣ Пеоніи, въ концѣ іюля мѣсяца 338 года: D. VI k. Aug. Sirmi Urso et Polemio conss (338) Imp. Constantinus et Constans AA. ad Catulinum².

Указъ подписанъ двумя братьями; отсутствіе подписи Констанція можно объяснить тѣмъ, что онъ выѣхалъ на Востокъ. Дѣйствительно, 11 октября того же 338 года онъ находился въ Антиохіи, какъ видно изъ указа его имени отъ означенной даты. Юліанъ подчеркиваетъ скорость, съ которой Констанцій, послѣ того какъ покончилъ дѣло съ братьями, пересѣкъ пространство отъ Пеоніи до Сиріи. Возможно, что онъ выѣхалъ изъ Сиріи незадолго до іюля 338 года, въ каковое время еще не успѣли разѣхаться его братья.

Констанцій пребывалъ на Востокѣ и въ слѣдующіе годы, какъ об этомъ свидѣлствуютъ указы, изданные имъ въ Лаодикии отъ 339 года и въ Антиохіи отъ 341 года³. Появленіе Констанція на Востокѣ было вызвано войной, объявленной персами. Враждебныя дѣйствія со стороны персовъ начались еще при жизни Константина, и, по словамъ Евтропія и по

¹ Zosime, p. 98.

² Cod. Just. VIII xi 1. ed. Krüger p. 338. Въ индексѣ того же изданія интересующій насъ законъ носитъ имена Constantius (им. Constantinus.) et Constans p. 499. Издатели замѣчаютъ, что въ рукописяхъ часто смѣшиваются имена трехъ братьевъ, и законы, изданные ими, приписываются то одному, то другому изъ братьевъ. Въ данномъ случаѣ чтеніе Constantinus вмѣсто Constantius предпочтительнѣе. Имѣется декретъ Констанція аналогичнаго содержанія на имя того же Катулина, X XLVIII 7. = p. 420.

³ Cod. Just. VI IX 9 и XI, LXVI 1.

Пасхальной хроникѣ, Константинъ принялъ вызовъ и, выступивъ въ походъ, умеръ на пути въ Никомидію въ 337 году 22 мая въ день Пятидесятницы¹.

Пользуясь благоприятнымъ моментомъ, когда наслѣдники Константина были заняты въ Сирміи, персидскій царь Шапуръ (= Шанухъ) перешелъ Тигръ и осадилъ Низибинъ, сердце Месопотаміи. Осада не имѣла успѣха и персы принуждены были снять ее и уйти: Σαπῶρις ὁ Περσῶν βασιλεὺς ἐπὶ ἤλθεν τῇ Μεσοποταμίᾳ πορθήσων τὴν Νίσιβιν, καὶ περικαθίσας αὐτὴν ἡμέρας ἑξ' καὶ μὴ κατισχύσας αὐτῆς ἀνεχώρησεν².

Это — первая осада Низибина и относится, вѣроятно, къ 338 году.

Въ связи съ персидскими побѣдами находятся и тѣ событія въ Арменіи, о которыхъ говоритъ Юліанъ. Въ столкновеніяхъ двухъ сосѣднихъ державъ Арменія играла большую роль, въ большинствѣ случаевъ она и служила яблокомъ раздора.

Естественно, что при открытіи военныхъ дѣйствій каждая изъ сторонъ старалась заручиться расположеніемъ страны и использовать ея военныя силы. Возможно, что къ этому времени относится и возстаніе Бакура, о которомъ рассказываетъ армянскій историкъ. Надо полагать, что персидская партія въ Арменіи при появленіи войскъ Шапура одержала верхъ и изгнала своихъ политическихъ противниковъ, приверженцевъ имперской власти, которые вмѣстѣ съ царемъ перешли на римскую территорію. Слова Юліана не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что партійные раздоры въ Арменіи были улажены именно Констанціемъ послѣ того, какъ онъ прибылъ на Востокъ изъ Сирміи въ 338 году. Быстрое возстановленіе порядка и возвращеніе царя въ страну, которое Юліанъ ставитъ въ исключительную заслугу Констанцію, объясняется отчасти уходомъ персидскихъ войскъ послѣ неудачной осады Низибина.

Юліанъ не указываетъ имени царя; но по условіямъ времени, поскольку можно судить о нихъ по армянскимъ даннымъ, въ немъ нельзя не узнать царя Тирана. Очень странно, что Фаустъ ничего не знаетъ о бѣгствѣ Тирана и его партіи на римскую территорію. Быть можетъ, въ связи съ бѣгствомъ находится пребываніе Тирана въ замкѣ Бнабелѣ³, лежавшемъ на южной окраинѣ области Софены — сейчасъ небольшая деревня недалеко

¹ Eutrop. X 8, bellum adversus Parthos molens qui iam Mesopotamiam fatigabant XXXI anno imperii aetatis sexto et sexagesimo Nicomediae in villa publica obiit. Chr. Pasch. p. 532, Πέρσαι πόλεμον ἐδήλωσαν πρὸς Ῥωμαίους καὶ ἐπιβὰς Κωνσταντῖνος λβ' ἐνιαυτῷ τῆς αὐτοῦ βασιλείας ὀρμήσας ἐπὶ τὴν ἀνατολὴν κατὰ ἑλθὼν ἕως Νικομηδείας ἐνδοξῶς καὶ εὐσεβῶς μεταλλάττει τὸν βίον ἐν πραστέῳ τῆς αὐτῆς πόλεως. Отсюда беретъ и Θεοφάνης p. 50, подъ годомъ 5828.

² Chr. Pasch. p. 533. Отсюда беретъ Θεοφάνης, p. 52, подъ годомъ 5829.

³ Фаустъ, III, 12.

Христианскій Востокъ.

отъ Мардина. Констанцій возстановилъ его на престолѣ. Вскорѣ персы ворвались въ страну и захватили его, какъ сторонника императорской власти, въ плѣнъ. Возстановленіе его относится, такимъ образомъ, къ 338 году, когда императоръ явился изъ Сирміи. Годъ же плѣненія его выясняется изъ отчета Сингарскаго или Нарсейскаго боя.

Обстоятельства этого сраженія извѣстны намъ изъ той же Юліановой рѣчи о Констанціи. «Я знаю прекрасно, говорить нашъ панегирикъ, что всѣ склонны считать сраженіе передъ Сингарой торжествомъ варваровъ (персовъ); я же полагаю, что это сраженіе было одинаково несчастно для обѣихъ армій, но твоя доблесть одержала верхъ надъ ихъ счастьемъ, какъ слѣдовало» — Οὐκοῦν εὖ οἶδα, ὅτι πάντες ἂν μέγιστον φήσειαν πλεονέκτημα τῶν βαρβάρων τὸν πρὸ τῶν Σιγγάρων πόλεμον. ἐγὼ δὲ ἐκείνην τὴν μάχην ἴσα μὲν ἐνεγκεῖν τοῖς στρατοπέδοις τὰ δυστυχήματα, δεῖξαι δὲ τὴν σὴν ἀρετὴν περιγενομένην τῆς ἐκείνων τύχης φαίην ἂν εἰκότως¹.

Римляне не хотѣли сами наступать, «дабы не дать повода считать ихъ нарушителями мира» (οὐχὶ δὲ αὐτοὶ πολέμου μετὰ τὴν εἰρήνην ἄρχοντες φανεῖεν). Наконецъ персидскій царь далъ сигналъ къ наступленію, но при видѣ боевого строя римлянъ, испугался и «думалъ убѣжать поспѣшно, сообразивъ, что его спасло бы только то, если бы онъ заблаговременно перешелъ рѣку, которая издревле составляетъ границу между нашей и ихъ земель. Разсудивъ такъ, царь далъ знакъ сначала къ отступленію задомъ, а потомъ надбавляя постепенно скорость подъ конецъ пустился въ настоящее бѣгство, имѣя при себѣ нѣсколько всадниковъ и передавъ все войско сыну своему и самому вѣрному изъ друзей» — φεύγειν ᾤετο χρῆναι διὰ τάχους καὶ τοῦτο μόνον οἱ πρὸς σωτηρίαν ἀρχέσειν, εἰ φθίσεται τὸν ποταμὸν διαβῆναι, ὅσπερ ἐστὶ τῆς χώρας ἐκείνης πρὸς τὴν ἡμετέραν ὁρὸς ἀρχαῖος. ταῦτα διανοηθεὶς ἐκεῖνος πρῶτον ἐπὶ πόδα σημαίνει τὴν ἀναχώρησιν, καὶ κατ' ὀλίγον προστιθεὶς τῷ τάχει τέλος ἤδη καρτερῶς ἔφευγεν, ἔχων ὀλίγους ἱππέας ἀμφ' αὐτόν, τὴν δύναμιν ἅπασαν τῷ παιδί καὶ τῷ πιστοτάτῳ τῶν φίλων ἐπιτρέψας ἄγειν².

Замѣтивъ отступленіе персовъ, римскія войска набросились на нихъ. «Схватка имѣла послѣдствіемъ то, что съ нашей стороны пало трое или четверо, а со стороны парянъ (sc. персовъ) наслѣдникъ престола, захваченный въ плѣнъ, погибъ вмѣстѣ со многими изъ его свиты. При всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ персидскій царь не присутствовалъ даже во снѣ и не остановилъ бѣгства раньше, чѣмъ оставилъ за собою рѣку, ты же наоборотъ

раздѣлили всѣ тягости» — τοῦτο τέλος τῆς μάχης ἐκείνης γέγονε, τρεῖς μὲν ἢ τέτταρας ἀφελομένης τῶν παρ' ἡμῖν, Παρθυαίων δὲ τὸν ἐπὶ τῇ βασιλείᾳ τρεφόμενον ἀλόντα πρότερον, καὶ τῶν ἀμφ' αὐτὸν παμπληθεῖς ξυνδιαφθειράσης. τούτοις δὲ ἅπασιν ὁρωμένοις ὁ μὲν βαρβάρων ἡγεμὼν οὐδὲ ὄναρ παρῆν' οὐδὲ γὰρ ἐπέσχε τὴν φυγὴν πρὶν ἢ κατὰ νότον τὸν ποταμὸν ἐποίησατο¹.

О сингарскомъ сраженіи упоминаетъ и Евтропій. По его словамъ, военная дѣятельность Констанція противъ персовъ вообще была неудачна, кромѣ сраженія подъ Сингарой: nullumque ei contra Saporem prosperum proelium fuit, nisi quod apud Singaram haud dubiam victoriam ferocia militum amisit².

О немъ знаетъ также Аммианъ. Извѣстный купецъ Антонинъ, перебѣжавъ къ Шапуру, и желая возбудить его противъ римлянъ, говорилъ между прочимъ «о сороковыхъ годахъ, когда послѣ цѣлаго ряда поражений, дано было ожесточенное сраженіе при Илеѣ и Сингарѣ»: quadragesimi anni memoriam replicabat, post bellorum adsiduos casus et maxime apud Hileiam et Singaram, ubi accerima illa nocturna concertatione pugnatum est³.

Цѣнное показаніе находимъ и у Феста. Сраженіе на Илейскомъ полѣ вблизи Сингары называется у него также Нарсейскимъ по имени командующаго со стороны персовъ Нарсея, павшаго въ бою: Narsensi autem bello, ubi Narseus occidit, superiores discessimus. Nocturna vero in agro Eleiensi prope Singaram pugna, ubi praesens Constantius adfuit⁴.

Нарсей Феста и есть персидскій наслѣдникъ, сынъ Шапура, тотъ самый, которому поручилъ отецъ команду во время интересующаго насъ боя. Исходъ сраженія римляне считали для себя сравнительно удачнымъ въ виду именно плѣненія Нарсея и его гибели⁵.

Указанное обстоятельство разрѣшаетъ, какъ намъ кажется, загадку, почему событія 298 года въ приведенномъ выше разсказѣ Фауста низведены въ царствованіе Тирана. При Галеріи въ 298 году велъ войну съ римлянами персидскій царь Нарсей, сынъ котораго вмѣстѣ съ женой и другими членами царской семьи попалъ въ руки императора. Въ сингарскомъ же бою Констанціемъ былъ захваченъ въ плѣнъ царевичъ, носившій то же имя Нарсей. Въ армянскомъ преданіи у Фауста эти два происше-

¹ Ib. p. 29—30.

² Eutr. X, 10.

³ Amm. XVIII, 5.

⁴ R. Fest. XXVII.

⁵ Успѣхъ былъ скорѣе на сторонѣ персовъ; и если они тѣмъ не менѣе отступили, то это объясняется отчасти, какъ полагаетъ Раулинсонъ, смертью наслѣдника Нарсея; Шапуръ былъ потрясенъ печальной участью сына. The seventh, p. 161.

¹ Orat. I, p. 27.

² Ib., p. 28.

ствія, относящіяся къ разнымъ моментамъ исторіи, слились, при чемъ камнемъ преткновенія служили имя Нарсей и аналогичная въ обоихъ случаяхъ судьба наслѣдниковъ персидскаго трона.

Если анализъ нашъ вѣренъ, а сомнѣваться въ немъ нѣтъ основанія, то мы должны признать, что во время сингарской битвы армянскій престолъ занималъ именно Тиранъ. Иначе трудно будетъ объяснить, почему интересующій насъ рассказъ у Фауста приуроченъ ко времени Тирана. Съ установленіемъ времени означенной битвы, получимъ важную точку опоры для хронологіи аршакидскихъ царей.

Свѣдѣнія историковъ, касающіяся римско-персидскихъ отношеній за данной періодъ, вообще сбивчивы. Ни Теофанъ, ни Пасхальная хроника, данными коихъ обыкновенно пользуются изслѣдователи, не могутъ считаться рѣшающими. Въ рѣчи Юліана имѣется определенное указаніе на годъ сингарскаго боя и это указаніе должно быть признано вѣрнымъ. Рассказывая объ одной осадѣ Низибина, которая имѣла мѣсто, по его же указанію, въ годъ возстанія Магненція и убійства Константа, т. е. въ 350 году, Юліанъ замѣчаетъ, «сингарскій бой произошелъ лѣтъ за шесть до этой осады Низибина». Стало быть, означенный бой надо отнести къ 345 году.

Въ этомъ году Констанцій, принимавшій участіе въ бою, дѣйствительно находился въ Низибинѣ, какъ видно изъ изданнаго имъ указа:

Imp. Constantius A. Nemesiano com. larg. a. 345. III, IV id. Mai Nizibi. Amantio et Albino cons¹.

Пребываніе императора въ Низибинѣ находилось въ связи съ персидской войной и ближайшимъ образомъ съ сингарской битвой. Сингара лежала къ югу отъ Низибина въ горахъ одноименныхъ, называемыхъ нынѣ по арабскому произношенію Синджаръ; на южныхъ склонахъ этихъ горъ было расположено и мѣстечко Hilea, приурочиваемое Кипертомъ къ нынѣшнему Тере Hil². Въ слѣдующемъ 346 году мы застаемъ Констанція уже въ Медіоланѣ, какъ явствуетъ опять же изъ обнародованнаго имъ указа отъ декабря мѣсяца того же года³. Къ этому времени операція подъ Сингарой были закончены и вообще война съ персами прекращена, разъ императоръ удался въ Медіоланъ.

По рассказу Фауста армянскій царь Тиранъ былъ взятъ въ плѣнъ персами до сраженія, въ которомъ палъ Нарсей, и лишь послѣ заключенія мира на его мѣсто былъ назначенъ сынъ его Аршакъ. Значитъ, если не

¹ Cod. Just. X, XIX, 3. p. 403.

² Kleinasien Nsebin.

³ Cod. Just. X, IX, 30.

паденіе Тирана, то во всякомъ случаѣ вступленіе Аршака на престолъ должно быть отнесено къ 345 году. Вѣроятнѣе всего Тиранъ палъ въ предыдущемъ 344 году. Выводы, къ которымъ мы пришли, находятъ подтвержденіе и въ разборѣ нѣкоторыхъ послѣдующихъ фактовъ.

II.

Вскорѣ возобновились военныя дѣйствія. Шапуръ во главѣ войска осадилъ Низибинъ. Осада эта относится къ 350 году. Время было очень благоприятно для персовъ, въ виду политическихъ смутъ, волновавшихъ тогда Римскую имперію. Нѣкто Магненцій, начальникъ отрядовъ, былъ провозглашенъ августомъ въ Галліи и жертвой его самозванства палъ Константъ въ 350 году. Другой самозванецъ захватилъ власть въ Иллиріи. Въ этотъ трудный для имперіи моментъ персы открыли военныя дѣйствія осадой Низибина. Несмотря на чрезвычайныя приготовленія Шапура, превосходившія всѣ прежнія, персы не имѣли успѣха и на этотъ разъ. Осажденные отразили атаки непріятели, который послѣ 3-4 мѣсячныхъ тяжелыхъ трудовъ вынужденъ былъ снять осаду и уйти. Обстоятельства осады изображены у Юліана.

Послѣ описанія упомянутой сингарской битвы, нашъ панегирикъ переходитъ къ разсказу о томъ, какъ Констанцій «ставъ противъ всѣхъ, отразилъ и толпу тирановъ и силы варваровъ; зима была уже на исходѣ, спусти лѣтъ шесть приблизительно послѣ той битвы, о которой была рѣчь выше (sc. сингарской), пришло извѣстіе, что Галатія (sc. Галлія) примкнула къ самозванцу, возстала противъ твоего брата и убила его — ἦν μὲν γὰρ ὁ χειμὼν ἐπ' ἐξόδοις ἤδη, ἔκτον ποὺ μάλιστα μετὰ τὸν πόλεμον ἔτος, οὐ μικρὸν πρόσθεν ἐμνήσθην, ἦκε δὲ ἀγγέλων τις, ὡς Γαλατία μὲν συναφροστώσα τῷ τυράννῳ ἀδεαφῶ ἐβούλευσέ τε καὶ ἐπέτελεσε τὸν φόνον»¹.

То же самое творилось и въ Иллиріи другимъ узурпаторомъ.

«Персы же, продолжаетъ Юліанъ, выжидавшіе съ того времени благоприятнаго случая, чтобы при первомъ же нападеніи захватить Сирію, подняли на насъ людей всякаго возраста, пола и состоянія; двинулись мушны и дѣти, старики и множество женщинъ и рабовъ и не только для обслуживанія арміи, но большинство было излишнее: персы размышляли, о томъ, какъ они, взявъ наши города и завладѣвъ страной, оснуютъ у насъ колоніи — Πέρσαι δὲ ἐξ ἐκείνου τὸν καιρὸν τοῦτον παραφυλάξαντες, ὡς ἐξ ἐφόδου τὴν Συρίαν ληψόμενοι, πᾶσαν ἐξαναστήσαντες ἡλικίαν καὶ φύσιν καὶ τύχην ἐφ' ἡμᾶς ὠρμηγνο,

¹ ib. p. 32.

ἄνδρες, μεράκια, πρεσβῦται καὶ γυναικῶν πλῆθος καὶ θεραπόντων, οὐ μόνον τῶν πρὸς τὸν πόλεμον ὑπουργίων χάριν, ἐκ περιουσίας δὲ πλεῖστον ἐπόμενον. διενσοῦντο γὰρ ὡς καὶ τὰς πόλεις καθεξόντες καὶ τῆς χώρας ἤδη κρατήσαντες κληρούχους ἡμῖν ἐπάξουσι¹.

Персамъ не удалось взять городъ. Къ осадѣ города Юліанъ возвращается еще во II рѣчи, но ничего новаго не сообщаетъ, кромѣ мелкихъ деталей по чисто технической части осады. Интересны заключительныя слова его о томъ, что съ того времени Шапуръ «соблюдаетъ миръ и не нуждается ни въ клятвахъ ни въ договорахъ, а предпочитаетъ оставаться дома, если не пожелаетъ императоръ пойти на него и отомстить за смѣлость и безразсудство» — καὶ ἄγει πρὸς ἡμᾶς εἰρήνην ἐκ τούτου, καὶ οὔτε ἔρχων οὔτε συνθηκῶν ἐδέχσεν, ἀγαπᾷ δὲ οἶκοι μένων, εἰ μὴ στρατεύοιτο βασιλεὺς ἐπ' αὐτὸν καὶ δίκην ἀπαιτοῖη τοῦ θράσους καὶ τῆς ἀπονοίας².

Армянское преданіе сохранило память объ осадѣ Низибина 350 года и участникомъ ея представляетъ армянскаго царя Аршака въ качествѣ союзника Шапура. По вступленіи на престолъ Аршакъ, по словамъ Фауста, послалъ почетное посольство къ императору, «чтобы возобновить договоръ согласія и мира»³. Аршакъ находился въ персидскомъ плѣну вмѣстѣ съ отцомъ Тираномъ, и послѣ мира, какъ думаетъ Фаустъ, а по нашему, послѣ Сингарской неудачи, Шапуръ согласился, вѣроятно, по настоянію императора восстановить порядокъ въ Арменіи и посадилъ на престолъ вмѣсто Тирана его сына Аршака⁴. Посольство Аршака, видимо, имѣло миссію завѣрить имперскія власти въ томъ, что хотя армянскій царь и является какъ бы ставленникомъ Шапура, но что онъ желалъ бы жить въ мирѣ съ обѣими державами согласно договору 298 года.

Къ сожалѣнію, исторія Аршака у Фауста переплетена съ легендарнаго характера житіемъ патріарха Нерсеса. Сейчасъ не входитъ въ нашу задачу анализъ житія Нерсеса; замѣтимъ только, что оно, не чуждое обоснованія на письменныхъ источникахъ, повидимому, существовало отдѣльно и затѣмъ вставлено въ исторію Аршака. Этимъ объясняются нѣкоторые анахронизмы, искажающіе историческую обстановку. По Фаусту, въ посольство Аршака входилъ также Нерсесъ; онъ въ столицѣ выступилъ противъ аріанизма и аріанствующаго императора Валента, за что навлекъ на себя гнѣвъ его и былъ задержанъ и потомъ сосланъ. Фаустъ увѣряетъ, что задержка Нер-

сеса послужила причиной разрыва дружественныхъ отношеній, и Аршакъ, недовольный поведеніемъ императора, произвелъ набѣги на имперскія земли и опустошалъ въ теченіе шести лѣтъ страны Гамирскія (= Каппадокійскія) до города Анкирии¹.

Участіе Нерсеса въ аріанскихъ спорахъ и ссылка его — легенда, имѣющая тенденцію выставить главу армянской церкви въ качествѣ поборника православія. Приключенія Нерсеса не могли случиться при Валентѣ потому, что тогда армяне находились въ союзѣ съ нимъ и воевали противъ персовъ. Легенда, если только она имѣетъ какую нибудь историческую основу, сложилась, вѣроятно, вокругъ аріанскихъ споровъ времени Сардикскаго собора 346 г., когда нѣкоторые изъ аріанскихъ прелатовъ были сосланы въ Арменію.

Какъ бы мы ни относились къ разсказу Фауста, по несомнѣнно вѣрно въ немъ одно, что Аршаку не удалось держаться нейтралитета, и онъ склонился хотя бы временно въ сторону Шапура. По смыслу словъ Фауста, Аршакъ колебался въ своей политикѣ и не рѣшался стать на ту или другую сторону. Увѣщеванія или старанія со стороны заинтересованныхъ державъ могли повернуть его въ соответствующую сторону. Онъ ожидалъ, что подобные шаги будутъ сдѣланы со стороны императора; и передъ персидской осадой Низибина Аршакъ выжидалъ, «кто изъ нихъ призоветъ его на помощь, говоритъ Фаустъ; самъ склоненъ былъ итти охотно на помощь греческому императору, но греки не просили его и не оказали ему вниманія и почета».

Совершенно обратно дѣйствовалъ Шапуръ; по увѣренію того же историка, онъ послалъ къ Аршаку людей и уговаривалъ всячески принять участіе въ кампаніи противъ грековъ. Тогда Аршакъ собралъ войско и черезъ Арзанену спустился въ Арвастанъ, т. е. (= въ сѣверную часть Месопотаміи) и расположился передъ Низибиномъ. По преувеличенному представленію Фауста, армяне не хотѣли дожидаться прибытія персидскихъ силъ, одни завязали бой и одержали побѣду. Въ благодарность Аршаку за такой подвигъ, персидскій царь Шапуръ пригласилъ Аршака къ себѣ въ столицу и заключилъ съ нимъ союзъ «нерасторжимой дружбы на вѣчныя времена». Онъ предложилъ свою дочь Аршаку въ жены и подарилъ ему большую область въ такихъ предѣлахъ, чтобы Аршакъ, проѣзжая изъ Арменіи въ Ктесифонъ, все время пути находился на собственной терри-
торіи².

¹ ib. p. 33.

² Orat. II, p. 85.

³ Фаустъ IV, 5.

⁴ Id. IV, 1.

¹ Фаустъ IV, 11.

² Фаустъ IV, 20.

Въ разсказѣ Фауста скрывается извѣстная доля исторической правды. У Амміана имѣются, какъ мы увидимъ ниже, данныя, подтверждающія слова Фауста. Амміанъ свидѣлствуетъ, что Шапуръ всѣми мѣрами старался добиться дружбы Аршака, прибѣгая то къ коварству и обману, то къ обѣщаніямъ. Подъ Низибинскимъ сраженіемъ, гдѣ участвовалъ Аршакъ, надо понять осаду Низибина 350 года. Возможно, что къ обѣщаніямъ Шапура относятся тѣ территоріальныя уступки, о которыхъ говоритъ Фаустъ нѣсколько сказочно. Въ другомъ мѣстѣ нашъ историкъ указываетъ болѣе определенно на земли, обѣщанныя Шапуромъ. Рѣчь шла объ Атропатенѣ¹, которая по договору 298 года принадлежала армянскому царю, но впоследствии, со времени возникновенія войны, именно съ 337 года, видимо, была отпята персами. Такъ или иначе Шапуру удалось отторгнуть Аршака изъ подъ вліянія императора.

Союзъ Аршака съ Шапуромъ не длился долго. О разрывѣ его говоритъ Фаустъ, при чемъ причину разлада ищетъ по своему обыкновенію въ интригахъ и соревонованіи заинтересованныхъ лицъ изъ числа армянскихъ феодаловъ. Но поворотнымъ пунктомъ въ политикѣ Аршака послужилъ вѣроятнѣе всего пріѣздъ въ Арменію квестора Тавра съ особой миссіей. Амміанъ передаетъ, что въ 17 году Констанція и въ 4 году цезаря Галла, т. е. 354 году, квесторъ Тавръ былъ посланъ въ Арменію: eoque tempore Taurus questor ad Armeniam missus². Къ сожалѣнію, историкъ замалчиваетъ цѣль поѣздки квестора, но изъ дальнѣйшихъ событій нетрудно догадаться, что она заключалась въ восстановленіи дружественныхъ отношеній между имперіей и Аршакомъ. Дѣло въ томъ, что и послѣ неудачной осады Низибина 350 года война еще не прекратилась. Обстоятельства сложились такъ, что обѣимъ сторонамъ выгодно было на время сложить оружіе. Констанція отвлекли возстаніе Магненція, погибшаго въ 353 году, и война съ аллеманами, а Шапуръ перенесъ свои силы на борьбу съ воинственными народностями на окраинѣ имперіи, которыя то враждовали съ персами, то въ союзѣ съ ними нападали на римлянъ³.

Вскорѣ вновь начались враждебныя набѣги персовъ въ Месопотамію. Персидскій вожь Ноходаръ занималъ угрожающее положеніе и искалъ удобнаго момента, чтобы ударить на наиболѣе уязвимыя мѣста въ направленіи Эдессы⁴. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что говоря о

¹ IV, 16.

² Amm. XIV, 11.

³ Id. XIV, 3.

⁴ Nohodares quidam nomine e numero optimatum incursare Mesopotamiam quotiens copia dederit ordinatus, id. XIV, 3.

набѣгахъ и разореніяхъ тѣхъ же персидскихъ вождей подъ 355 годомъ, Амміанъ добавляетъ «nunc et Armeniam», т. е. раньше въ 353 г. они опустошали Месопотамію, *incursare Mesopotamiam*, а въ 355 году распространили свои набѣги и на Арменію. *Persici duces vicini fluminibus, rege in ultimis terrarum suarum terminis occupato, per praedatorios globos nostra vexabant, nunc Armeniam, aliquotiens Mesopotamiam confidentius incur-santes*¹ — «персидскіе вожди, стоявшіе вдоль рѣкъ, отдѣльными отрядами безпокоили насъ, въ то время когда ихъ царь былъ занятъ войной на отдаленной окраинѣ собственныхъ земель, и нынѣ вторгаются дерзко въ Арменію, нѣсколько разъ въ Месопотамію». Очевидно, произошло въ короткій промежутокъ времени нѣчто такое, что заставило персовъ включить и Арменію въ районъ военныхъ дѣйствій. Секретъ находится въ отпаденіи Аршака отъ союза съ Шапуромъ, — результатъ дипломатическаго успѣха квестора Тавра.

У Фауста сохранились двѣ даты, которыя неожиданно подтверждаютъ наши выводы, касающіеся хронологіи. По его словамъ, послѣ разрыва Аршака съ Шапуромъ прошло восемь лѣтъ въ мирѣ², такъ какъ персидскій царь былъ занятъ войной съ императоромъ и не тревожилъ Аршака, но вражда началась, какъ только прекратилась война съ императоромъ. Какъ извѣстно, миръ былъ заключенъ между двумя воюющими державами лѣтомъ 363 года. Если ссора Аршака съ Шапуромъ имѣла мѣсто лѣтъ за 8 до мира, то, значить, она падаетъ на 354 годъ — дата, выведенная нами по инымъ, изложеннымъ выше, соображеніямъ.

Далѣе, Фаустъ же передаетъ, что вражда Аршака съ императоромъ продолжалась шесть лѣтъ, въ теченіе коихъ онъ опустошалъ имперскія земли до Анкиріи³.

Если примиреніе съ императоромъ состоялось въ 354 году, то начало разрыва, по этому счету, восходитъ къ 348 году. Аршакъ вступилъ на престолъ въ 346 году, какъ мы видѣли; первые годы были посвящены упорядоченію страны, по словамъ Фауста же; а затѣмъ уже было отправлено посольство къ императору, приведшее къ печальному разрыву. Интересно, что Іеронимъ, кромѣ извѣстныхъ уже намъ осадъ Низибина, упоминаетъ еще объ одномъ сраженіи имперскихъ войскъ съ персами въ 348 году. Сраженіе имѣло мѣсто при Сингарѣ; но это не то сраженіе, которое мы на основаніи словъ Юліана отнесли къ 345 году. Р. Фестъ тоже свидѣтель-

¹ Amm. XV, 13.

² Фаустъ, IV, 21.

³ Ib. IV, 11.

ствуешь, что подъ Сингарой произошло два сраженія. По его счету при Констанціи имперскія войска выдержали 9 битвъ, кромѣ легкихъ пограничныхъ стычекъ, изъ нихъ семь вели его вожди, а двѣ произошли подъ Сингарой подъ его личной командой: «novies decertatum est; per duces suos septies, ipse praesens bis adfuit veris et gravibus pugnīs. Nimirum Singarenae praesente Constantio et iterum Singarenae Constantinensi quoque»¹.

Весьма вѣроятно, что первое выступленіе Аршака противъ императора въ союзѣ съ Шапуромъ относится именно къ 348 г. Такимъ образомъ, указаніе Фауста подтверждаетъ наши выводы, къ которымъ мы пришли инымъ путемъ.

Фаусту хорошо извѣстенъ мирный договоръ 363 года, заключенный между двумя государствами. Онъ подробно рассказываетъ о послѣдовавшей послѣ того враждѣ и войнахъ Аршака съ персидскимъ царемъ, но ничего не знаетъ о событіяхъ, предшествовавшихъ миру, несмотря на то, что въ нихъ принималъ дѣятельное участіе Аршакъ, какъ союзникъ императора. Армянскій историкъ увѣряетъ, что до заключенія мира лѣтъ восемь Шапуръ скрывалъ свою вражду къ Аршаку и ласковымъ обращеніемъ старался держать Аршака на своей сторонѣ въ виду войны съ императоромъ. Въ дѣйствительности, Аршакъ въ тѣ годы находился въ лагерѣ, дѣйствовавшемъ противъ Шапура. Событія за это время описаны историкомъ Амміаномъ, современникомъ и даже участникомъ военныхъ дѣйствій.

Несмотря на то, что Шапуръ самъ былъ занятъ подавленіемъ возстанія на отдаленной окраинѣ имперіи, его отряды не переставали тревожить врага въ Месопотаміи². Префектъ преторіа Музоніанъ узнавъ о томъ, что персидскій царь ведетъ войну противъ непокорныхъ народностей и несетъ большія потери, хотѣлъ использовать моментъ для заключенія мира съ персами. Съ этой цѣлью онъ вошелъ въ тайные переговоры съ Тамсапоромъ, командующимъ персидской арміей. Тамсапоръ отнесся сочувственно къ шагамъ Музоніана и доложилъ обо всемъ Шапуру, находившемуся тогда еще въ странѣ Хіонитовъ, съ кѣмъ онъ воевалъ. Письмо дошло до Шапура поздно въ 358 году (въ консульство Даціана и Цереалия)³. Онъ уже кончалъ кампанію и, заключивъ миръ, хотѣлъ вернуться домой, когда получилъ письмо Тамсапора. Шапуръ не былъ противъ мира, но полагая, что дѣла противника, очевидно, не важны, разъ онъ идетъ на миръ, онъ хотѣлъ использовать предложеніе римлянъ и прекратить войну на наиболее выгодныхъ условіяхъ.

¹ R. Fest. XXVII.

² Amm. XVI, 9.

³ Id. XVII, 5.

Онъ послалъ къ Констанцію нѣкоего Нарсея съ подарками и письмомъ, написанномъ въ очень высокомерномъ тонѣ:

«Царь царей Шапуръ, причастникъ звѣздъ, братъ солнца и луны, шлю Констанцію Цезарю горячій привѣтъ. Я радъ и мнѣ пріятно видѣть, что ты наконецъ вступилъ вновь на желанный путь и внялъ чистому голосу справедливости, наученный самой жизнью въ томъ, какія бѣдствія иной разъ порождаетъ настойчивая страсть къ чужой собственности. И вотъ, такъ какъ слово правды должно быть непринужденнымъ и свободнымъ, а особамъ высокаго положенія подобаешь говорить то, что они чувствуютъ, то предложеніе свое я оформлю въ краткихъ словахъ, напоминая, что все то, что я собираюсь изложить, часто развито мной. Что до рѣки Стримона и Македонскихъ предѣловъ владѣли мои предки, о томъ свидѣлствуютъ и ваши древности. Вотъ это надлежитъ мнѣ требовать, мнѣ — да не будетъ высокомерно то, что я говорю — стоящему блескомъ и рядомъ замѣчательныхъ подвиговъ выше прежнихъ царей. Но мнѣ дорога всюду прямота мысли, къ чему привыкли съ молодыхъ лѣтъ, я не совершалъ ничего такого, въ чемъ приходилось бы когда нибудь раскаиваться. Поэтому я долженъ получить *обратно Арменію вмѣстѣ съ Месопотаміей, захваченную обманнымъ образомъ при моемъ днѣ*. У насъ никогда не было принято то, что вы утверждаете, лжуча, что долженъ быть одобренъ всякій благополучный исходъ войны, безразлично отъ доблести ли онъ, или отъ коварства. Наконецъ, если захочешь поступать правильно согласно моему совѣту, брось ничтожную часть, приносящую всегда горе и кровопролитіе, чтобы владѣть остальной частью въ безопасности: разсуждай благоразумно; вѣдь и мастера врачебнаго искусства иной разъ и жгутъ и рѣжутъ, или ампутируютъ части тѣла, чтобы имѣть возможность пользоваться остальными здоровыми частями. То же самое дѣлаютъ и звѣри, которые, какъ только замѣчаютъ, для чего главнымъ образомъ ихъ ловятъ, покидаютъ то добровольно, дабы имѣть возможность жить далѣе внѣ страха. И то, конечно, я объявляю, что если мое посольство возвратится ни съ чѣмъ, то по исходу времени зимняго отдыха, во всеоружіи всѣхъ силъ, я поспѣшу выступить по возможности скорѣе, надежду на успѣшный исходъ полагая на свое счастье и справедливость выставленныхъ условій»¹.

«Rex regum Sapor, particeps siderum, frater Solis et Lunae, Constantio Caesari fratri meo salutem plurimam dico. Gaudeo tandemque mihi placet

¹ Переводы изъ Амміана сдѣланы мною еще въ 1901—2 годахъ; послѣ того вышелъ прекрасный переводъ всего Амміана проф. Кулаковскаго, по которому я исправляю свой переводъ при печатаніи статьи.

ad optimam viam te revertisse et incorruptum aequitatis agnovisse suffragium rebus ipsis expertum, pertinax alieni cupiditas quas aliquotiens ediderit strages. Quia igitur veritatis oratio soluta esse debet et libera et celsiores fortunas idem loqui decet atque sentire propositum meum in pauca conferam, reminiscens haec quae dicturus sum me saepius replicasse. Ad usque Strymona flumen et Macedonicos fines tenuisse maiores meos, antiquitates quoque vestrae testantur: haec me convenit flagitare — ne sit adrogans, quod affirmo — splendore virtutumque insignium serie vetustis regibus antistantem. Sed ubique mihi cordi est recta ratio, cui coalitus ab adolescentia prima nihil unquam paenitendum admisi. Ideoque Armeniam recuperare cum Mesopotamia debeo, avo meo composita fraude praereptam. Illud apud nos numquam in acceptum feretur, quod adseritis vos exultantes nullo discrimine virtutis ac doli prosperos omnes laudari bellorum eventus. Postremo si morem gerere suadenti volueris recte, contemne partem exiguum semper luctificam et cruentam, ut cetera regas securus, prudenter reputans medelarum quoque artifices urere non numquam et secare et partes corporum amputare, ut reliquis uti liceat integris; hocque bestias factitare: quae cum arvertant cur maximo opere capiantur, illud propria sponte amittunt ut vivere deinde possint inpavidae. Id sane pronuntio quod, si haec mea legatio redierit inrita, post tempus hiemalis quietis exemptum, viribus totis accinctus, fortuna condicionumque aequitate spem successus secundi fundante venire, quoad ratio siverit, festinabo».

На письмо Шапура императоръ Констанцій отвѣтилъ слѣдующими строками:

«Побѣдитель на сушѣ и на морѣ Констанцій, вѣчно Августъ шлю горячій привѣтъ брату своему царю Сапору. Я поздравляю тебя съ благополучіемъ твоимъ, какъ будущій, если пожелаешь, другъ; но алчность твою всегда неуклонную и все обильнѣе разливающуюся я сильно порицаю. Ты требуешь Месопотамію, какъ свою собственность, и кроме того еще Арменію, и советуешь отнять у здороваго тѣла нѣкоторые члены, чтобы здоровье его въ дальнѣйшемъ было упрочено твердо — все это слѣдуетъ скорѣе отклонить чѣмъ одобрить какимъ-нибудь согласіемъ. Такъ вотъ послушай правду, не прикрытую задними мыслями, но прозрачную и не боящуюся пустыхъ угрозъ. Мой префектъ преторія, думая, что начинаетъ дѣло, ведущее къ общей пользѣ, заговорилъ съ твоимъ вождемъ безъ моего вѣдома и черезъ какихъ-то неважныхъ людей относительно мира. Мы не отвергаемъ и не отталкиваемъ мира, лишь бы былъ онъ заключенъ прилично и почетно и ничего не отнял бы отъ нашей чести и величія. Вѣдь неслѣ-

я непристойно въ то время, когда рядомъ моихъ подвиговъ открыты уши, которыя зависть къ намъ много разъ закрывала, когда съ уничтоженіемъ самозванцевъ весь Римскій міръ подчиняется намъ, уступить то, что мы долго, еще замкнутые въ восточныхъ тѣснинахъ, хранили въ неприкосновенности. Да прекратятся также, прошу, угрозы, которыя мечутся на насъ по обычаю: ибо нельзя сомнѣваться, что не изъ трусости, а изъ скромности мы иногда скорѣе принимали вызовъ на войну, чѣмъ начинали мы сами. Когда же насъ вызываютъ, то мы защищаемъ свое имущество крѣпкимъ духомъ готовности на все, зная по опыту и традиціи, что рѣдко въ какихъ нибудь сраженіяхъ не было удачи римскому дѣлу, а результаты войны никогда не кончались въ ущербъ имъ»¹.

«Victor terra marique Constantius semper Augustus fratri meo Sapori regi salutem plurimam dico:

Sospitati quidem tuae gratulor ut futurus, si velis, amicus, cupiditatem vero semper inflexam fusius quae vagantem vehementer insimulo. Mesopotamiam puscis ut tuam perindeque Armeniam et suades integro corpori adimeri membra quaedam, ut salus ejus deinceps locetur in solido, quod infringendum est potius quam ulla consensione firmandum. accipe igitur veritatem non obtectam praestigiis sed perspicuam nullisque minis inanibus perterrendam. Praefectus praetorio meus opinatus adgredi negotium publicae utilitati conducens eum duce tuo per quosdam ignobiles, me incon-sulto, sermones conseruit super pace. Non refutamus hanc nec repellimus: adsit modo cum decore et honestate nihil pudori nostro praereptura vel majestati. Est enim absonum et insipiens cum gestarum rerum ordine placatae sint aurae invidiae, quae nobis multipliciter inluserunt, cum deletis tyrannis totus orbis Romanus nobis obtemperat, ea proderet, quae contrusi in orientales angustias diu servavimus inbibita. Cessent autem quaeso formidines quae nobis intentantur ex more, cum ambigi nequeat non mertia nos sed modestia pugnas interdum excepisse potius quam intulisse et nostra, quotiens lacessimur, fortissimo benevolentiae spiritu defensare, id experiendo legendoque scientes in proeliis quibusdam raro rem titubasse Romanam, in summa vero bellorum numquam ad deteriora prolapsam».

Отвѣтное письмо свое Констанцій послалъ вмѣстѣ съ дарами Шапуру черезъ особое посольство, состоящее изъ комита Проспера, трибуна и нотарія Спектата и философа Евстаѳіа, мастера убѣдительною рѣчи. Посольство имѣло инструкцію задержать всячески походъ Шапура, чтобы укрѣпить сѣверныя провинціи.

¹ Ibidem.

Послы представились Шапуру въ Ктесифонѣ, передали ему дары и «спросили мира при неизмѣнномъ сохраненіи существующаго положенія; помня порученіе императора, послы ни въ чемъ не поступились ни интересами, ни достоинствомъ Римской имперіи и стояли на своемъ, что мирный договоръ долженъ быть заключенъ съ тѣмъ, чтобы ни коимъ образомъ не поднять вопроса объ измѣненіи положенія Арменіи и Месопотаміи. Они, задержавшись тамъ долго, когда замѣтили, что настойчивый царь упрямится принять миръ иначе, какъ при условіи признанія его власти надъ этими областями, вернулись обратно не совершивъ своего дѣла»: *poscebantque rebus integris pacem et mandatorum memores nusquam ab utilitate Romanae rei maiestateque discedebant, amicitiae foedus sub hac lege firmari debere adseverantes, ne super turbando Armeniae vel Mesopotamiae statu quidquam moveretur. Diu igitur ibi morati, cum obstinatissimum regem, nisi harum regionum dominio sibi adiucato, obdurescentem ad suscipiendam cernerent pacem, negotio redierunt infecto*¹.

Еще разъ пытался Констанцій черезъ другихъ пословъ добиться мира у персовъ, но вновь потерпѣлъ неудачу. Шапуръ не хотѣлъ мириться съ римской властью въ Арменіи и Месопотаміи и рѣшилъ завладѣть ими открытой силой. «Горя сверхчеловѣческой страстью расширить свое царство, говорить историкъ, онъ сталъ готовить оружіе, войска и продовольствіе, взывалъ къ подземнымъ духамъ, вопрошалъ всѣхъ маговъ касательно грядущаго», чтобы съ началомъ весны открыть враждебныя дѣйствія. «*Consilia tartareis manibus miscens et praestigiatores omnes consulens de futuris*»² — слова, вполне подтверждающія, замѣтимъ вскользь, характеристику Шапура у Фауста.

Воннственный пылъ Шапура поддерживалъ нѣкто Антонинъ; богатый купецъ, служившій раньше по счетоводной части у дука Месопотаміи и впавшій въ долги по винѣ нѣкоторыхъ лицъ, онъ вынужденъ былъ убѣжать къ персамъ, не имѣя возможности расплатиться съ казной, куда были занесены его долговые обязательства. Онъ собралъ подробныя свѣдѣнія о военныхъ и продовольственныхъ силахъ римлянъ и сообщилъ обо всемъ персидскому вождю Тамсапору, чтобы тѣмъ отомстить своимъ соотечественникамъ за незаслуженную имъ обиду. Антонинъ перешелъ въ Персію со своимъ семействомъ, представился царю въ его зимней резиденціи и былъ принятъ имъ очень радушно и «пожалованъ почетной тиарой, дававшей ему

¹ Id. XVII, 14.

² XVIII, 4, 1.

право участвовать въ совѣщаніяхъ и высказывать свои мнѣнія»: *et apicis nobilitatus auctoritateque honore participantur mensae regales et meritorum apud Persas ad suadendum ferendasque sententias in contionibus ora panduntur*¹.

Мстительный Антонинъ всѣми силами возбуждалъ Шапура противъ своего отечества. Человѣкъ образованный и обладающій краснорѣчіемъ, онъ умѣлъ говорить и производить впечатлѣніе. За царской трапезой, «гдѣ у нихъ, какъ у древнихъ грековъ, обсуждались военные и другіе важные вопросы», перебѣжчикъ, всегда трезвый, подбивалъ царя взяться за оружіе съ вѣрой въ свое счастье; а самъ съ своей стороны обѣщалъ поддержку во всемъ (*inter epulas sobrius perfuga, ubi de apparatu bellorum et seriis rebus apud cos Graicorum more veterum consultatur*)².

Имперія не была подготовлена къ войнѣ; положенію ея было очень неважно въ особенности на Востокѣ. Начальникъ края, префектъ преторія Музоніанъ, отличался безпечностью и пользовался репутацией продажнаго человѣка. Наканунѣ войны въ 359 году его смѣнилъ Гермогенъ; родомъ изъ Понта, онъ зналъ Востокъ, но не проявлялъ военныхъ способностей. Наболѣе подходящимъ для даннаго момента человѣкомъ былъ Урзицинъ, но его преслѣдовали придворныя интриги. Въ 354 году онъ состоялъ начальникомъ конницы въ Низибинѣ, въ слѣдующемъ году его перевели въ Галлію, гдѣ онъ удачно справился съ самозванцемъ Сильваномъ. Въ 357 году въ должности начальника конницы вновь прибылъ на Востокъ въ сопровожденіи нашего историка Амміана. Противъ Урзицина интриговалъ особенно Евсевій, глава царскихъ покоевъ, *praepositus cubiculi*. Пользуясь расположеніемъ императора, онъ добился удаленія Урзицина съ Востока въ Италію и назначенія на его мѣсто своего любимца Сабиніана. Удаленіе Урзицина Амміанъ считалъ крупной ошибкой: по его мнѣнію, въ эту критическую минуту личность такого боевого вождя, какъ Урзицинъ, прекрасно знакомаго при томъ съ тактикой персовъ, была болѣе чѣмъ необходима. Смѣлый проектъ Антонина, одобренный Шапуромъ, былъ разсчитанъ на отсутствіе Урзицина и на неспособность его преемника. Онъ предлагалъ персамъ не тратить времени и силы на осаду укрѣпленій, а стремительнымъ маршемъ перейти Евфратъ и занять цвѣтущія провинціи Сиріи, не тронутыя войной со времени Галліена³.

Императоръ Констанцій неожиданно отмѣнилъ приказъ и Урзицинъ

¹ XVIII, 5, 6.

² XVIII, 5, 8.

³ XVIII, 6.

съ полпути вернулся обратно въ Месопотамію, съ назначеніемъ начальникомъ пѣхоты. Положеніе его было трудно, тѣмъ болѣе, что армія фактически осталась въ распоряженіи другого лица.

Урзицинъ посѣдѣлъ въ Низибинѣ и сталъ укрѣплять городъ. Вскорѣ показались изъ-за Тигра со стороны крѣпости Мавровъ и Сисары передовые отряды непріятеля. Урзицинъ и Аммианъ вышли за городъ, чтобы загородить имъ путь, но вынуждены были убѣжать черезъ Амудій и Мейкаріръ въ Амиду.

По распоряженію Урзицина Аммианъ отправился къ сатрапу Кордуены Ювиніану, питавшему тайно симпатіи къ римлянамъ. Побывавъ заложникомъ въ Сиріи, онъ занимался науками и нынѣ пылалъ желаніемъ вернуться къ римлянамъ. Поѣздка Аммиана имѣла развѣдочныя цѣли. Проводникъ сатрапа повелъ его на высокій пунктъ, откуда видно было на горизонтѣ приближеніе вражескихъ полчищъ. Во главѣ шелъ самъ царь въ блестящихъ одѣяніяхъ, имѣя по лѣвую сторону царя Хіонитовъ Грумбата, а по правую — царя Албаніи; за ними шли другіе мелкіе князья и знатныя лица изъ сосѣднихъ племенъ.

Урзицинъ, располагая всего двумя конными отрядами въ 700 ч., долженъ былъ отступить изъ Амиды къ Самосатѣ. Персидскіе вожди Тамсаноръ и Находаръ во главѣ 20000 войска, пытаясь отрѣзать ему путь, настигли его въ горахъ близъ Амиды, разбили отрядъ Урзицина, который едва спасся въ Милитену.

Между тѣмъ главныя силы подъ начальствомъ Шапура дошли до предѣловъ Низибина, а отсюда, по совѣту Антонина, повернули на сѣверъ и, проходя черезъ Bibases, Harren, Maiasarire и Charcha¹, очутились передъ стѣнами Амиды. Мужественное сопротивленіе города было сломлено упорствомъ персовъ и послѣ 73 дневной обороны онъ палъ. Аммианъ убѣжалъ въ Милитену, откуда вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ Урзициномъ поѣхалъ въ Антиохію².

Изъ Амиды Шапуръ пронесся на югъ къ Сингарѣ, очень важному стратегическому пункту, чтобы, захвативъ его, обезпечить себѣ тылъ со стороны врага, сосредоточивавшаго свои силы въ Антиохіи. Овладѣвъ городомъ, Шапуръ вновь устрѣмился на сѣверъ и осадилъ передовое укрѣпленіе на Тигрѣ Безабде, древнюю Фенику (Phoenica)³, нынѣ Джезирэ-ибн-Омаръ. И эта крѣпость пала.

¹ Эти пункты существуютъ и нынѣ и лежатъ на главномъ пути отъ Дары къ Амидѣ.

² Ib. XIX, 8.

³ XX, 7.

Персидскіе успѣхи побудили императора Констанція стать лично во главѣ арміи. Въ томъ году, когда римскія крѣпости пали одна за другой, Констанцій съ войскомъ прибылъ въ Кесарію (Каппадокійскую), Mazakam antehac nominatam (XX, 9). Здѣсь онъ узналъ, что галльскіе легіоны, недовольные приказомъ о переводѣ ихъ на Востокъ, провозгласили Юліана императоромъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, продолжать ли путь или идти противъ Юліана, Констанцій послалъ людей къ нему съ предложеніемъ довольствоваться титуломъ цезаря, и самъ готовился къ походу.

Ходили слухи, что персы принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы заставить армянскаго царя Аршака отнаться отъ римлянъ и перейти къ Шапуру. Констанцій прекрасно понималъ, что если интриги персовъ въ Арменіи достигли бы цѣли, то римское оружіе лишится серьезной поддержки; поэтому онъ старался обезпечить себя съ этой стороны, заручившись прочностью союза съ Аршакомъ.

«Констанцій, говоритъ Аммианъ, призвалъ къ себѣ армянскаго царя Арсака, принялъ его необыкновенно радушно и убѣдительно просилъ и увѣщевалъ, чтобы тотъ остался намъ другомъ и вѣрнымъ (союзникомъ). Онъ слышалъ, что персидскій царь не разъ пытался, дѣйствуя то обманомъ, то угрозами, то коварствомъ, чтобы Арсакъ, отнавъ отъ союза съ римлянами, перешелъ на его сторону. Арсакъ многократно клялся, что онъ скорѣе положитъ жизнь свою, чѣмъ позволить себѣ измѣну; и осыпанный дарами вмѣстѣ со спутниками, которыхъ привелъ съ собой, Арсакъ вернулся въ свое царство. Впослѣдствіи онъ не рѣшался нарушать данныя обѣщанія, будучи связанъ съ Констанціемъ многими узами признательности, между коими самое важное было то, что императоръ выдалъ за него Олимпиаду, дочь Аблабія, пѣкогда префекта преторія, бывшую невѣсту брата своего Константа. Отпустивъ Арсака, Констанцій выступилъ изъ Каппадокіи и черезъ Милитену, городъ Малой Арменіи, перешедши Евфратъ, прибылъ въ Эдессу» — Constantius aditum Arsacen, Armeniae regem, summaque liberalitate susceptum praemonebat et hortabatur, ut nobis amicus esse perseveraret et fidus. Audiebat enim saepius eum temptatum a rege Persarum fallaciis, et minis, et dolis, ut Romanorum societate posthabita, suis rationibus stringeretur. Qui crebro adjurans animam prius posse amittere, quam sententiam, muneratus cum comitibus, quos duxerat, rediit ad regnum, nihil ausus temerare postea promissorum, obligatus gratiarum multiplici nexu Constantio, inter quas illud potius excellebat, quod Olimpiada Ablabii filiam praefecti quondam praetorio, ei copulaverat conjugem, sponsam fratris sui

Constantis. Quo dimisso a Cappadocia ipse per Melitinam minoris Armeniae oppidum, et Lacotena, et Samosata, transito Euphrate, Edessam venit¹.

Здѣсь онъ простоялъ нѣкоторое время въ ожиданіи подкрѣпленій и вышелъ въ Амиду. Видъ разгромленнаго персами города неприятно подѣйствовалъ на императора. Изъ Амиды Констанцій прошелъ къ Безабде и, послѣ слабой и неудачной попытки овладѣть имъ, удалился въ Антиохію. Здѣсь ему донесли, что Юліанъ идетъ на столицу. Всю зиму 360—361 г. онъ провелъ въ необходимыхъ приготовленіяхъ для веденія войны противъ внутренняго и внѣшняго враговъ.

Весной ожидалось наступленіе персовъ и императоръ еще разъ дѣластъ шаги для укрѣпленія союза съ армянскимъ царемъ и сопредѣльными властителями. Такъ какъ опасались нападенія персовъ съ наступленіемъ весны, то, по словамъ того же историка, «были посланы къ затигрскимъ царямъ и сатрапамъ послы со щедрыми подарками, чтобы просить и увѣщевать ихъ держаться нашей стороны и не замышлять никакого обмана или коварства. Прежде всего Арсака и Мерибана, царей Арменіи и Иберіи, старались подкупать роскошными одѣянными и разнообразными дарами, какъ людей, могущихъ нанести ударъ римскому дѣлу, если бы въ такой критическій моментъ перешли на сторону персовъ» — *ad Transtigritanos reges et satrapes legati cum muneribus missi sunt amplis, monituri cunctos et hortaturi nostra sentire et nihil fallax temptare vel fraudulentum. Ante omnia tamen Arsaces et Meribanes, Armeniae et Hiberniae reges, cultu ambitioso indumentorum emercabantur et multiformibus donis damna negotiis Romanis illaturi, si rebus tum etiam dubiis descivissent ad Persas*².

Вскорѣ римскіе военачальники, стоявшіе въ Месопотаміи, донесли, что персидскія войска, стянутыя къ берегамъ Тигра, собираются открыть военныя дѣйствія. Констанцій поспѣшно выѣхалъ изъ Антиохіи въ Эдессу навстрѣчу врага. Однако персы раздумали и неожиданно отошли обратно въ свои предѣлы. Императоръ вернулся въ Антиохію и отсюда выѣхалъ въ Константинополь, но въ дорогѣ заболѣлъ лихорадкой въ Тарсѣ и умеръ на станціи Мопсукрентѣ 5 октября 361 года³.

Императоромъ былъ провозглашенъ Юліанъ. Рѣшивъ продолжать войну съ персами, онъ выѣхалъ въ Антиохію въ іюнь мѣсяцѣ 362 года. Слава его и страхъ передъ нимъ распространились далеко и дошли до Востока; отовсюду явились мирныя посольства: «просили о мирѣ также за-

¹ id. XX, 11.

² id. XXI, 6.

³ XXI, 15.

тигрскіе народы и армяне» *Transtigritanis pacem obsecrantibus et Armeniis*¹.

Юліанъ лелѣялъ грандіозные планы и думалъ однимъ ударомъ положить конецъ вѣковой враждѣ персовъ и сокрушить мощь государства, причинившаго столько бѣдствій, въ особенности за послѣднія 60 лѣтъ, и не разъ истребившаго римское войско до единого человѣка².

Самоувѣренный императоръ, правда, принималъ радушно предложеніе разныхъ народовъ о присылкѣ ему помощи, но съ гордостью давалъ имъ знать, что римской державѣ не подобаетъ пользоваться внѣшней поддержкой, а, наоборотъ, она готова защищать друзей и союзниковъ, если они обратятся къ ней за помощью. «Только Арсаку, царю Арменіи, продолжаетъ историкъ, предписалъ, чтобы онъ, собравъ значительное войско, дѣйствовалъ такъ, какъ ему будетъ приказано: куда ему направиться и что онъ долженъ будетъ дѣлать, вскорѣ узнаетъ — *Solum Arsacem monuerat Armeniae regem ut collectis copiis validis iubenda operiretur, quo tenderet, quid deberet urgere propere cogniturus*»³.

Послѣ высокомернаго заявленія о ненужности посторонней помощи, такое исключеніе по отношенію къ армянскому царю служить лучшимъ доказательствомъ, какую роль играла тогда Арменія и какъ дорожили ею позиціей воюющія стороны.

Въ сочиненіяхъ Юліана сохранилось письмо его, адресованное Аршаку и гласящее:

«Арсаку, сатрапу Арменіи.

Поспѣвши въ бой противъ враговъ, Арсакъ, скорѣе чѣмъ слово, поднимая руку противъ персидскаго сумасшествія. Наше вооруженіе и усердіе ставятъ себѣ задачей одно изъ двухъ: или отдать должное (т. е. погибнуть), совершивъ великіе подвиги на парянской землѣ и причинивъ ужасное зло противникамъ, или же, укротивъ ихъ при помощи боговъ, вернуться побѣдителями къ себѣ домой, воздвигнувъ памятникъ побѣды надъ врагами. Брось поэтому небрежность и обманъ и «забуди» того блаженнаго и обильные дары высокихъ лицъ, расточаемые на тебя и на тебѣ подобныхъ варваровъ при щедромъ и расточительномъ Констанціи, и нынѣ подумай обо мнѣ, Юліанѣ, верховномъ жрецѣ, о цезарѣ, Августѣ, о служителѣ боговъ и Марса, о сокрушителѣ франковъ и варваровъ, объ освободителѣ гал-

¹ XXII, 7.

² XXII, 12.

³ XXIII, 2.

ловъ и италійцевъ. Если ты замышляешь что нибудь другое — вѣдь я знаю, что ты лукавъ, дурной воинъ и хвастунъ, какъ это показываютъ настоящія дѣла, такъ какъ ты пытаешься скрыть у себя причушагося врага общей пользы — пока ты откладываешь это (т. е. замысль) до выясненія судьбы войны. Намъ довольно союза съ богами для уничтоженія враговъ. Если же судьба рѣшила нѣчто другое — рѣшеніе ея и есть желаніе боговъ — то я приму его безстрашно и мужественно. Знай же, что ты падеши отъ руки персовъ и въ борьбѣ погибнешь окончательно твой домъ и армянское царство. Раздѣлить съ тобою невзгоды также городъ Низибинъ, какъ объ этомъ вѣщали намъ давно небесные боги.

Ἀρσάκη Ἀρμενίων σατράπῃ.

Ἐπείχθητι πρὸς τὴν τῶν πολεμίων παράταξιν, Ἀρσάκιε, θάπτον ἢ λόγος, τὴν δεξιάν κατὰ τῆς Περσικῆς μανίας ἐπλίσας. ἡ γὰρ ἡμετέρα παρασκευὴ τε καὶ προθυμία δυσὶν θάτερον βεβούλευται, ἢ τὸ χρεὼν ἀποδοῦναι ἐπὶ τῆς Παρθυαίων ἐνορίας τὰ μέγιστα διαπραξαμένους καὶ τὰ δεινότερα διαθεμένους τοὺς ἀντιπάλους, ἢ τοὺς χειρωσαμένους, πρυτανευόντων ἡμῖν τῶν θεῶν, καλλινίκους ἐπανελθεῖν ἐπὶ τὴν ἐνεγκαμένην, τρόπαια κατὰ τῶν πολεμίων ἐγείραντας. πᾶσαν οὖν ῥαστώνην καὶ φενακισμόν ἀποθέμενος, καὶ τὸν μακαρίτην ἐκείνον καὶ τὰς τῶν εὖ γεγονότων περιουσίας τὰς εἰς σέ τε καὶ τοὺς ὁμοτρόπους σοὶ βαρβάρους ὑπὸ τοῦ ἀβροτάτου καὶ πολυτελοῦς Κωνσταντίου κενωθείσας, νῦν μοι τὸν Ἰουλιανόν, τὸν ἀρχιερέα, τὸν καίσαρα, τὸν αὐγουστον, τὸν θεῶν τε καὶ Ἄρεος θεραπευτὴν ἐννόησον, τὸν Φραγκῶν τε καὶ βαρβάρων ὀλετῆρα, τὸν Γάλλων τε καὶ Ἰταλῶν ἐλευθερωτὴν. εἰ δὲ ἕτερόν τι βουλευσαιο πυνθάνομαι γὰρ εἶναι σε πανοῦργον καὶ κακὸν στρατιώτην καὶ ἀλαζόνα, ὥς τὰ παρόντα μοι πράγματα δείκνυσιν· ἐχθρὸν γὰρ τινὰ τῆς κοινῆς λυσιτελείας λανθάνοντα ἀποκρύπτειν παρὰ σοὶ πειρᾶσθαι· τέως μὲν τοῦτο ὑπερτίθεμαι διὰ τὴν τοῦ πολέμου τύχην· ἀρκεῖ γὰρ ἡμῖν ἡ τῶν θεῶν συμμαχία πρὸς τὴν τῶν πολεμίων καθάρεισιν. εἰ δέ τι τὰ τῆς εἰμαρμαμένης κρίνει· θεῶν γὰρ βούλησις ἢ ταύτης ἐξουσία· ἀδεῶς καὶ γενναίως οἶσω τοῦτο. ἴσθι δὲ ὡς σὺ μὲν πάρεργον ἔση τῆς Περσικῆς χειρός, συναφθείσης σοὶ παγγενεὶ τῆς ἐστίας καὶ τῆς Ἀρμενίων ἀρχῆς· κοινωνήσῃ δέ σοι τῆς δυστυχίας καὶ ἡ Νισιβίων πόλις, τῶν οὐρανίων θεῶν τοῦτο πάλαι ἡμῖν προαγορευσάντων. Iuliani opera, vol. I, epistola 66, p. 589—590.

Письмо это и по формѣ и по содержанію вызываетъ серіозныя сомнѣнія: необыкновенно грубый тонъ считается недостойнымъ пера Юліана да и не соотвѣтствуетъ реальному положенію вещей. Императоръ не могъ такимъ оскорбительнымъ языкомъ говорить съ властителемъ, помощь кото-

раго онъ очень цѣнилъ, какъ видно изъ словъ Амміана. Последняя фраза письма, касающаяся паденія Аршака и его дома и вообще армянскаго царства, указываетъ скорѣе на то, что документъ составленъ послѣ совершившагося факта гибели аршакидской короны въ Арменіи. Кромѣ того, въ письмѣ подъ τῶν μακαρίτην ἐκείνων «того блаженнаго», подразумевается, повидимому, Константинъ Великій, при которомъ Аршакъ не могъ быть на престолѣ — обстоятельство, тоже поддерживающее сомнѣнія въ подлинности документа.

Въ тонѣ письма сказалась, безспорно, та злоба, которую долженъ былъ испытать Юліанъ отъ того, что Аршакъ при всемъ желаніи, какъ выяснилось впослѣдствіи, не могъ оказать помощи римлянамъ. Когда Юліанъ прибылъ въ Карры, то узнавъ о томъ, что врагъ уже перешелъ границу, выдѣлилъ отрядъ въ 30.000 человекъ и передалъ его Прокопію съ приказаніемъ маневрировать по берегамъ Тигра и зорко слѣдить за движеніемъ врага. «Онъ поручилъ также соединиться, если будетъ возможно, съ Аршакомъ и съ нимъ вмѣстѣ пройти быстрымъ набѣгомъ черезъ Кордуену, Моксоену, опустошить богатую провинцію Мидіи, Хилиокомъ, и другіе районы ея и затѣмъ поспѣшить къ нему въ Ассирію для оказанія ему помощи, если будетъ нужда» — mandabatque eis ut, si fieri potius posset, regi sociarentur Arsaci cumque eo per Corduenam et Moxoenam Chiliocomo uberi Mediae tractu partibusque alliis praestricto cursu vastatis apud Assyrios adhuc agenti sibi concurrerent necessitatum articulis adfuturi¹.

Въ этомъ заключалась военная помощь Аршака и на это указываютъ приведенныя выше слова историка, что Юліанъ приказалъ Аршаку готовиться и ждать его распоряженій.

Юліанъ самъ съ главными силами двинулся по теченію Евфрата на югъ къ столицѣ персидскаго царя. Онъ прошелъ побѣдоносно до Ктесифона и несмотря на то, что въ генеральномъ сраженіи на Наармалхѣ, по увѣренію Амміана, Юліанъ разбилъ персовъ, послѣ того римскія войска предпочитаютъ взять обратный путь. При этомъ однимъ изъ обстоятельствъ, ухудшавшимъ положеніе Юліана, выставляется та «не малая бѣда, что не явился отрядъ, который ожидался съ Арсакомъ и съ нашими вождями, задержанный причинами, указанными выше» — haud exiguum malum, quod nec adminicula, quae praestolabamur cum Arsace et nostris ducibus, adparebant ob causas inpedita praedictas². Къ сожалѣнію, въ наличномъ текстѣ

¹ XXIII, 3.

² XXIV, 7.

Амміана не имѣется указанія насчетъ причинъ, задержавшихъ Аршака, на что ссылается авторъ. Изъ этихъ словъ видно, во-первыхъ, какое большое значеніе придавалось помощи Аршака, во-вторыхъ, Аршакъ вовсе не былъ виновенъ въ томъ, что не могъ прійти на помощь Юліану. Смѣлое предпріятіе Юліана кончилось плохо; при отступленіи онъ палъ, произведенный стрѣлой врага 26 іюня 363 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Адонцъ.

Христіане и христіанскіе термины у мусульманскаго поэта XII вѣка въ Багдадѣ.

Для характеристики христіанско-мусульманскихъ отношеній въ эпоху арабскаго халифата до сихъ поръ очень рѣдко привлекаются произведенія арабовъ-мусульманъ. Я не говорю о сочиненіяхъ специалистовъ и такихъ авторовъ, какъ ал-Біруні или ал-Мас'уді, которые близко касаются этихъ вопросовъ и поэтому всегда пользовались извѣстнымъ вниманіемъ ученыхъ, хотя быть можетъ не въ такой мѣрѣ, какъ этого заслуживаетъ сообщаемый ими матеріалъ. Я имѣю въ виду богатую литературу по такъ называемому *адабу* съ беллетристическимъ оттѣнкомъ, которая оптомъ оставляется въ сторонѣ по апріорному предположенію, что она ничего не можетъ дать. Мнѣ уже неоднократно приходилось обращать вниманіе на тѣ интересныя детали, которыя выплываютъ при изученіи работъ писателя IX вѣка ал-Джāхиза¹; теперь я хочу привести одинъ примѣръ изъ другой области, которая (нужно оговориться) остается въ пренебреженіи и у самихъ арабистовъ-мусульманистовъ, — области поздней арабской поэзіи. Для древней поэзіи работа въ указанномъ направленіи частью произведена L. Cheikho, главнымъ образомъ въ двухъ арабскихъ монографіяхъ², къ сожалѣнію и до сихъ поръ не вполне вошедшихъ въ обиходъ европейской науки. Вполнѣ вѣроятно, что аналогичный трудъ надъ произведеніями болѣе поздняго времени, начиная съ омейядской эпохи, далъ бы столь же цѣнные результаты. Въ данный моментъ я не имѣю въ виду ставить вопросъ

¹ XB, III, 231 и IV, 302 сл.

² Les récits bibliques et les allusions chrétiennes dans la poésie préislamique, Beyrouth 1904 (Оттискъ изъ *ал-Машири*, въ дальнѣйшемъ Шейхъ¹) и Le christianisme et la littérature chrétienne en Arabie avant l'Islam, II partie (въ *ал-Машири* за 1913 годъ; въ дальнѣйшемъ Шейхъ²).

сколько-нибудь широко, а лишь хочу привести одинъ примѣръ, подвернувшийся мнѣ, — не скрою, — нѣсколько случайно.

Изучая для своихъ цѣлей произведенія одного поэта XII вѣка, я обратилъ вниманіе на встрѣчающійся у него терминъ изъ области христіанскаго культа — برشان panis eucharisticus, который былъ мнѣ извѣстенъ до тѣхъ поръ только въ діалектическомъ употребленіи современной Сиріи, но не зарегистрированъ, какъ мнѣ казалось, въ литературныхъ памятникахъ. Это обстоятельство заставило меня болѣе внимательно просмотрѣть произведенія, именно съ указанной точки зрѣнія. Сколько-нибудь полной картины, конечно, не получилось, такъ какъ и самый матеріалъ средняго качества, но нѣкоторые черточки не лишены интереса и своимъ наброскомъ я хочу подѣлиться съ читателями Христіанскаго Востока.

Сибт-ибн-ат-Та'аввизі (ум. 583/1187 г.), одинъ изъ многихъ поэтовъ эпохи упадка 'аббасидской династіи¹, своимъ талантомъ не выделяется среди другихъ. Если нѣкоторые арабскіе ученые признаютъ его крупнейшимъ поэтомъ за два предшествовавшихъ ему вѣка², то вѣроятно все это объясняется тѣмъ, что трудно найти хоть одного арабскаго поэта, о которомъ не существовало бы аналогичнаго отзыва какого-нибудь ученаго. Изученіе его произведеній, изданныхъ D. S. Margoliouth'омъ въ Каирѣ въ 1903 году³, говоритъ скорѣе за то, что они болѣе интересны для историка, чѣмъ для изслѣдователя поэзіи. Ибн-ат-Та'аввизі былъ современникомъ знаменитаго Салāх-ад-динъ (ум. 589/1193 г.), которому адресовано нѣсколько хвалебныхъ пьесъ; въ придворной бюрократіи Багдада онъ занималъ до постигшей его слѣпоты довольно видный постъ, и въ его стихахъ изрѣдка проскальзываетъ тотъ или другой намекъ на современность. Определенное положеніе въ обществѣ позволяетъ считать и отношеніе его къ христіанамъ обычнымъ для средней интеллигенціи багдадскаго мусульманства въ XII вѣкѣ.

¹ О немъ см. Brockelmann, Geschichte der arabischen Litteratur — I, 1898, 248—249 и Зейдъ-ант, تاريخ آداب اللغة العربية — III, Каиръ 1913, 24 (Указанную здѣсь литературу о немъ можно дополнить ссылкой на ас-Сафаді, نکات العميان, Каиръ 1911, 259—263).

² Иначе говоря, эти критики считаютъ его наиболѣе выдающейся величиной послѣ ал-Мутанаббй.

³ Изданіе вышло въ 1905 году и въ Европѣ съ другой обложкой подъ заглавіемъ: Carmina Mubammadis Ubaidallahi f. dicti Sibti ibn-al-Ta'awidhi ex codicibus Bodleianis edita et vocalibus indicibus instructa a D. S. Margoliouth, Halis Saxoniæ 1905 (Отъ каирскаго оно отличается только коротенькимъ предисловіемъ и спискомъ Corrigenda in vocalibus. Само изданіе носитъ нѣсколько «восточный» характеръ: исполнено оно только по нѣсколькимъ изъ извѣстныхъ рукописей, текстъ комбинируется по этимъ источникамъ субъективно, варианты не приводятся, нѣкоторые стихи опускаются لعدم منفعتها и т. д.).

Если поставить вопросъ, какія понятія соединялись съ представленіемъ о христіанахъ въ древней Аравіи, можно не колеблясь отвѣтить — грамотность и вино. Оба фактора шли къ центру съ сѣвера и юга Аравіи изъ болѣе культурныхъ странъ; носителями обоихъ являлись представители чуждыхъ религій — въ большей мѣрѣ христіанской, въ меньшей іудейской. Послѣ Мухаммеда съ распространеніемъ ислама обстоятельства перемѣнились. Если у поэта омейядской эпохи ал-Фераздака во 2-ой половинѣ VII вѣка *р'а'вильмъ* (рансодомъ) былъ попрежнему христіанинъ¹, такъ какъ на обязанности его лежала и запись произведеній, то съ другой стороны его современникъ, истый бедунинъ, Зū-р-Румма уже самъ умѣлъ писать, хотя и считалъ нужнымъ это скрывать для поддержанія своего престижа². Грамотность, такимъ образомъ, начинала распространяться и переставала считаться отличительной особенностью представителей другой религіи. Характернымъ признакомъ христіанъ въ 'аббасидскомъ халифатѣ служить теперь знакомство съ «пришлыми» (по терминологіи арабовъ) науками: математикой, медициной, философией и пр. Уже съ начала IX вѣка этотъ признакъ надолго остается за ними, какъ въ извѣстной мѣрѣ за евреями и сабиями³. Поэтому мы видимъ, что и въ XII вѣкѣ Ибн-ат-Та'аввизі не находитъ лучшей похвалы для своего мецената, какъ сказать (188,32)⁴: «Благодаря ему всѣ мои жалобы прекратились: я удалилъ ихъ точно при помощи самого Бохтйшū»⁵.

Въ противоположность грамотности, вино продолжаетъ соединяться въ мусульманскомъ представленіи съ христіанами и во времена нашего поэта. Связанные съ этимъ образы и картины настолько разнообразны и субъективны, что нѣтъ никакой возможности видѣть въ нихъ только литературный приѣмъ или шаблонъ. Въ грустную минуту своей жизни Сибтъ обращается къ пріятелю-христіанину съ просьбой прислать вина «изъ запаса монаховъ, безъ котораго до скончанія вѣка не обойдется ни одна келлія католика» (207,5). Онъ готовъ поклониться вину, какъ іерей, на зарѣ и вечеромъ (ib. 6). Вино это — «дочь епископовъ и діаконовъ» (192,15), «воспитанница іерея и діакона» (320,9). Для загородныхъ поноекъ горожане арабы чаще всего направлялись въ монастырь еще со временъ омейядскихъ халифовъ; у Ибн-ат-

¹ И. Крачковскій, Абū-л-Фараджъ ал-Ба'вй дамаскій, II. 1914, 70, стр. 3.

² Ибн-Кутейба كتاب الشعر والشعراء (изд. de Goeje), 333,3-4.

³ Ср. XV. IV, 304 сл.

⁴ Ссылки даются по изданію Margoliouth'a съ указаніемъ номера стихотвореній и стиха.

⁵ Извѣстная фамилія врачей-несторіанъ при первыхъ 'аббасидскихъ халифахъ (см. Enzyklopaedie des Islam — I, 626).

Та'авйзй мы находимъ живую картину того, какъ сонный монахъ выносить неожиданному ночному посѣтителю вино (154,14-18):

«Не разъ я останавливался въ монастырѣ, когда хозяинъ монастыря уже дремалъ.

И вставалъ онъ ко мнѣ, спросонокъ торопливо высѣкая огонь.

Языкъ его, связанный напиткомъ, какъ будто бы постигала нѣмота.

И приносилъ онъ его (= вино), какъ солнце, посылавшее въ наполненные имъ кубки утреннюю зарю.

Я не торговался съ нимъ за вѣсь, и онъ не жадничалъ, отбѣривая...».

Блескъ и великолѣпіе христіанскихъ празднествъ влекли несомнѣнно и мусульманъ на богослуженіе; Ибн-ат-Та'авйзй не можетъ забыть про видѣннаго имъ въ «Лисичьемъ монастырѣ» (Дейр-ас-са'алиб) красавца-послушника «въ одѣяніи монаха» (33,2). Какъ христіане справляютъ свои разговинны, онъ тоже хорошо знаетъ: другому своему пріятелю онъ пишетъ, что готовъ пропоститься съ нимъ хоть пятьдесятъ дней лишь бы потомъ получить въ награду, какъ монаху, христіанскаго вина, сладостей и просфоръ (260,4 сл.):

4. «Я буду поститься ради вашего поста пятьдесятъ дней, удаляясь отъ всего запретнаго, недозволеннаго.

5. Я буду избѣгать (мяса) заколотыхъ, не по необходимости, а ради своего обязательства;

6. добровольно, не оставляя себѣ никакого извиненія, я даже броню изъ сочувствія къ вамъ пить вино,

7. пока дни не соберутъ насъ вмѣстѣ съ вами межъ кувшиномъ и чашей....

13. И если ты завершишь (постъ) сладостями — а вѣдь твоя щедрость не можетъ остаться безъ завершенія —,

14. то получишь отъ меня свободную хвалу и избавишься отъ всякихъ упрековъ.

16. Сильна жадность у меня еще и къ просфорѣ, но теперь не время говорить».

Другой разъ, недовольный отсутствіемъ болѣе реальныхъ подарковъ, онъ пишетъ тоже къ другу (288,4-9):

«Прошелъ уже годъ и повернулся вслѣдъ за нимъ неторопливо второй,

а отъ него нѣтъ у меня ничего, кромѣ посылокъ съ просфорными хлѣбами,

точно я монахъ въ келліи среди какихъ-нибудь келлій Наджрана.

Послушай же — да будетъ тебѣ благо! — поэта, который продаетъ тебѣ стихи за лепешки:

Разговѣйся и отпразднуй свою задержку отпирать мнѣ должно за 1000 нисановъ (= апрѣлей)!

Нѣтъ у меня жадности къ сладостямъ, а о тебѣ и просфорѣ (довольно сказать) два слова».

Титулъ католикоса отмѣченный выше и мѣсто дѣйствія — Багдадъ даютъ намъ возможность опредѣлить, хотя и приблизительно, съ какими христіанами преимущественно имѣлъ дѣло Ибн-ат-Та'авйзй. Одинъ со-временный ему писатель Ибн-Хамдунъ¹ сохранилъ въ своей «памяткѣ» (*Тазкира*) интересную жалованную грамоту, данную халифомъ католикосу несторіанъ въ Багдадѣ 'Абдйшб'². Такъ какъ по другимъ источникамъ намъ извѣстно, что онъ былъ избранъ въ 533/1139 году³, то этотъ документъ несомнѣнно характеренъ и для времени нашего поэта. Изъ него вытекаетъ, что въ Багдадѣ главную роль среди христіанъ въ XII вѣкѣ играли несторіане, и ихъ католикось считался даже официально признаннымъ главой всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, кромѣ своего собственнаго, — яковитовъ, мелькитовъ и «фумовъ»⁴. Вѣроятно, и Ибн-ат-Та'авйзй находился по преимуществу въ общеніи съ несторіанами.

Воздѣйствіе христіанскаго міра на нашего поэта послѣ приведенныхъ общихъ замѣчаній еще отчетливѣе выступаетъ⁵ при простомъ перечнѣ словъ, имѣющихъ отношеніе къ христіанамъ и отмѣченныхъ мною при зна-комствѣ съ его произведеніями⁶.

أسافى (множ. отъ أسف) — епископъ (192,15 вино — «дочь епископа»).

Слово греческое, перешедшее черезъ арамейскій (ср. Шейхб², 592); коптское

¹ Ум. 562/1167 г. (Brockelmann, op. cit. I, 280—281, № 8).

² Ее издалъ съ англійскимъ резюме Amedroz въ JRAS за 1908 годъ, стр. 447—450 (изложеніе) и 467—470 (текстъ по лондонской рукописи). Издателю осталось неизвѣстнымъ, что текстъ былъ напечатанъ по двумъ рукописямъ (берлинской и лондонской) въ *ал-Машрихъ* еще за 1899 годъ — т. II, 353—355.

³ Amedroz, l. cit. 450.

⁴ Ib. 448 и 450, текстъ — 468.

⁵ Въ связи съ этимъ характерно, что ничего подобнаго нельзя установить по отноше-нію къ свреямъ, хотя они тоже играли извѣстную роль въ Багдадѣ. Единственный разъ лицо одного еврея по безобразію сравнивается (162,7) съ лицомъ Мардохея (? מרדכי).

⁶ Кромѣ двухъ упомянутыхъ уже сокращеній въ дальнѣйшемъ сокращенно цитуются слѣдующія работы: Belot [*Vocabulaire arabe-français*, 6-me éd., Beyrouth 1899], Dozy [*Supplément aux dictionnaires arabes*], Fränkel [*Aramäische Fremdwörter im Arabischen*].

посредство, которое допускает Fränkel (275), менѣе вѣроятно, такъ какъ слово имѣется уже въ до-исламской поэзии (Шейхѹ², ib.). Употребляемая поэтомъ форма множественнаго рѣдка; обыкновенно **أَسَاقِفَة**.

بُرْشَان — просфора, хлѣбъ евхаристіи (260,16 288,5, 9 — упоминаніе какъ лакомства). Арабизованная форма арамейскаго **ܚܪܫܢܐ** (Payne Smith, Thesaurus Syriacus 3305). До сихъ поръ слово было извѣстно только изъ современнаго арабскаго діалекта въ Сиріи (Dozy I, 72; Fränkel 278; Belot 27, 1007), гдѣ оно употребляется какъ въ упомянутомъ значеніи, такъ и въ смыслѣ антечной облатки. Въ литературныхъ арабскихъ памятникахъ, тѣмъ болѣе старыхъ, насколько мнѣ извѣстно, оно не было зарегистрировано.

جَانَلِيق — католикозъ (207,6 — въ его келліи вино не переводится). Слово греческое, перешедшее черезъ арамейское посредство (Fränkel 275 — 276; Belot 70, 1008); въ старой поэзии извѣстно (Шейхѹ² 592).

فَخَارِب (множ. отъ **مَعْرَاب**) — святилище (11,1, 45 58,32 — въ нихъ находятся изображенія и лампады). Слово, не имѣющее удовлетворительнаго этимологическаго объясненія изъ арабскаго языка. Соблазнительная гипотеза Fränkel'я (274) о передачѣ имъ эоіонскаго **𐤍𐤒𐤕𐤍** — **mēkūṣrāb** (= южн. араб. **مَكْرَاب**), принятая рядомъ ученыхъ (въ томъ числѣ Шейхѹ, Chrestomathia arabica, Beryti 1897, 210 прим. д; ср. Dillmann, Lexicon lingae aethiopicae, 836—837), отвергнута Praetorius'омъ (ZDMG — LXI, 621) и Nöldeke (Neue Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft — 52 прим. 3) по фонетическимъ соображеніямъ. Такимъ образомъ, попрежнему продолжаетъ оставаться неясной семасическая исторія слова, имѣющаго слишкомъ разнообразныя значенія (ср. Шейхѹ² 430 и Nöldeke, l. cit.); не менѣе поразительно, что корень **كرب** игравшій такую важную роль въ южно-арабскомъ лексиконѣ, не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ сѣверно-арабскомъ (ср. Бартольдъ, Исламъ, II, 1918, стр. 10). Слово хорошо извѣстно въ ст.-арабской поэзии (Шейхѹ¹ 31, Шейхѹ² 430).

دُمِيَّة (140,13), множ. **دُمَى** (11,1) — изображеніе, статуя (идеаль красоты). Слово арамейское (Fränkel 272), хорошо извѣстное въ старой поэзии (Шейхѹ¹ 32, Шейхѹ² 681—682).

ذَبْر — монастырь (154,14 — тамъ производится покупка вина; 33,1 — въ собственномъ имени «Лисичій монастырь»). Слово арамейское (Fränkel 275), рано вошедшее въ языкъ (Шейхѹ¹ 34, Шейхѹ² 774).

ذَمَى — находящійся подъ защитой договора, не мусульманинъ

(140,48 — сравненіе съ его костюмомъ). Слово арабское, закрѣпленное въ употребленіи юридической терминологіей.

رَاهِب (33,2 288,0), множ. **رُهبَان** (207,6) — монахъ. Слово арабское (см. Fränkel 267—268, Бартольдъ, op. cit. 10), играющее большую роль въ поэтической терминологіи древней эпохи (Шейхѹ¹ 36—38).

زُنَار — поясъ (33,4 140,13 — принадлежность костюма монаха). Слово, повидимому, греческаго происхожденія (Шейхѹ, Chrestomathia 441 s. v.); о его роли въ одеждѣ см. Dozy, Dictionnaire des vêtements 196. Въ старой поэзии встрѣчается рѣдко (Шейхѹ² 856).

شَمَّاس (192,15), множ. **شَمَّامِس** (320,9) — діакопъ (вино — его «дочь»). Слово арамейское (Fränkel 276, Belot 387, 1010); форма множественнаго числа вм. обычнаго **شَمَّامِسَة** до сихъ поръ зарегистрирована только у поэта IX вѣка ал-Бухтуріи (Йакутъ, изд. Wüstenfeld'a II, 830 = Шейхѹ¹ 36). Само слово встрѣчается и въ древнемъ періодѣ (Шейхѹ² 594).

غِيَار — отличительный знакъ (140,48 — въ одеждѣ зинмисевъ). Слово арабское, того же порядка, какъ и **ذَمَى**.

قَس (207,7) и **قَسِيس** (320,9) — іерей. Слово арамейское (Fränkel 275, Belot 636), въ обѣихъ формахъ извѣстное въ старой поэзии (Шейхѹ¹ 35, Шейхѹ² 593).

قَلَايَة (207,6 288,6), множ. **قَلَايَات** (288,6) — келлія. Слово греческое, перешедшее черезъ арамейское посредство. Fränkel (275) знаетъ только форму **قَلِيَة**, на основаніи Castell'я; только ее упоминаетъ и о. Anastase (ал-Маширикъ III, 1900, 69). Dozy (II, 401—402) настаиваетъ по неизвѣстнымъ основаніямъ на формѣ **قَلَايَة**, отрицая другія (рас **قَلِيَة** ni **قَلَايَة**), по ср. еще Belot 658. Въ старой поэзии слово встрѣчается очень рѣдко (Шейхѹ² 775).

قَنَادِيل (множ. отъ **قَنَدِيل**) — лампады (11,45 58,32 — сравнивается съ ними блескъ красивыхъ лицъ). Слово греческое, перешедшее черезъ арамейскій (Fränkel 95). Болѣе старыя цитаты мнѣ неизвѣстны.

كِنَائِس (множ. отъ **كَنِيسَة**) — церковь. Слово еврейское (Fränkel 275), перешедшее черезъ арамейскій (Nöldeke, Neue Beiträge... 37, пр. 3).

Въ до-исламской поэзіи неизвѣстно и замѣняется обыкновенно *بیعة* (Шейхъ¹ 29—30, Шейхъ² 677).

نواقیس (множ. отъ *نافوس*) — било (49,6). Слово арамейское (Fränkel 276, Nöldeke, op. cit. 188), очень распространенное въ старой поэзіи (Шейхъ¹ 33—34, Шейхъ² 682—684).

И. Крачковскій.

II. Январь 1918 г.

Къ біографіи священника Филиппа Кайтмазова (XVIII вѣка)¹.

Со времянь Антонія I, католикаса Грузіи, какъ извѣстно, начинается новая эра въ исторіи грузинской литературы. Это была эпоха, когда пышно расцвѣтшая, начиная съ XII—XIII столѣтій, грузинская свѣтская подражательная литература какъ-будто совершенно заслонила теченія философско-богословской мысли, бывшія въ ходу особенно съ конца X вѣка, — эпоха, когда почти считались забытыми традиции отцовъ святогорцевъ и петрицѣнцевъ. И вотъ въ такую именно эпоху умственного затишья на грузинскомъ литературномъ небосклонѣ появляется яркая звѣзда, въ лицѣ католикаса Антонія, который благодаря присущимъ ему глубокому уму и жельзной волѣ, соединеннымъ съ благороднымъ патріотизмомъ и истинною преданностью Христову ученію, сумѣлъ предохранить грузинскую философско-богословскую мысль отъ паденія и направить ее, эту мысль, по новому жизненному пути, приведшему изстрадавшійся подъ постояннымъ персидско-турецкимъ игомъ народъ къ нѣкоторому религіозно-умственному подъему. Между прочимъ, по почину Антонія I, въ Тифлисѣ и Телавѣ были открыты духовныя семинаріи, имѣвшія цѣлью готовить грузинскихъ юношей къ церковно-общественной и учено-педагогической дѣятельности, и, такимъ образомъ, грузинская образованность была поставлена на должную высоту.

Однако, задавшемуся «мыслью обновить школу и внести новый лучъ просвѣщенія въ общественную жизнь», «Антонію I», — выражаясь словами А. С. Хаханова, — «необходимо было воспользоваться услугами армян-

¹ Настоящая статья составляетъ собою одну изъ главъ доклада моего на тему «Арменовѣды-грузины и грузиновѣды-армяне на поприщѣ древнегрузинской литературы», прочитаннаго, на армянскомъ языкѣ, 1 ноября 1916 г. въ засѣданіи Армянскаго Этнографическаго Общества.

скихъ и католическихъ духовныхъ особъ»¹. И вотъ мы видимъ, какъ онъ, Антоній, приближаетъ къ себѣ, съ одной стороны, «іерсея Филиппа, родомъ изъ армянъ» (ფილიპე სომეხი იერსეა), а съ другой — «нѣкоего іеромонаха Іоанна изъ латынъ» (იოანე ჯანე ზეგეს-მონაწილე ლათინთა-გან²). При этомъ особенно цѣнны были для Антонія услуги, оказываемыя ему священникомъ Филиппомъ, который, кстати сказать, былъ не только его ближайшимъ сотрудникомъ въ сферѣ учено-литературной дѣятельности, но и его душевнымъ другомъ.

Насчетъ священника Филиппа мы, къ сожалѣнію, не располагаемъ почти никакими біографическими матеріалами. Извѣстно только, что онъ, будучи выходцемъ изъ владѣній князей Орбеліани, являлся — по національности природнымъ армяниномъ, по происхожденію же своему грузинскимъ дворяниномъ. Что же касается его фамиліи, то она указывается въ нѣкоторыхъ источникахъ, какъ «Кайтмазашвили» (კაითმაზაშვილი), resp. «Кайтмазишвили» (კაითმაზიშვილი), — очевидно, отъ арм. «Кайтмази» (Կայր-Մազի), т. е. «Кайтмазовъ» (если въ основѣ ея принять имя «Кай-Тгамазъ»).

Извѣстная въ печати историко-литературная статья анонимнаго автора подъ заглавіемъ «კრატკი უწყება ქართველთა მწერელთათვის *Краткій очеркъ о грузинскихъ литераторахъ*», издавшая Е. С. Такайшвили и приписываемая послѣднимъ царевичу Теймуразу (съ приуроченіемъ времени написанія ея къ 1820—1827 гг.), при обрисовкѣ заслугъ каждаго изъ дѣятелей на поприщѣ грузинской литературы не оставляетъ безъ вниманія и этого Филиппа. Здѣсь Филиппъ упоминается въ ряду «армянскихъ ученыхъ [пребывающихъ] въ Тифлисѣ» (ფილიპეს სომეხი მეცნიერნი), каковыми были: вардапетъ Захарій, тер-Филиппъ, тер-Петросъ, тер-Давидъ и тер-Самуилъ³. Говоря о вардапетѣ Захаріи Матинянѣ или Мадинашвили (ზახარე ვართაპეტის მადინაშვილისთვის) и объ его школѣ, авторъ *Краткаго очерка* далѣе продолжаетъ:

«კერ-ფილიპესთვის. ესე იყო ზედ მაწევნილი ფილოსოფოსი მწგნარნი ზემოხსენებულის ვართაპეტისა. ამანც მრავალნი მოწაფენი განსწავლეს და შეეწია რადიკალუ წიგნთა თარგმანებათა შინა კათოლიკოს სტოლი პირველს⁴.

¹ А. Хахановъ, Очерки по исторіи грузинской словесности, вып. 3, Москва 1901, стр. 251.

² Ср. *წიგნ-სტეფანე ქანდო სტოლი I სკანდულის კათოლიკოსისთვის*, подъ ред. свящ. Н. Карбелова, Тфл. 1892, стр. 4—5.

³ «Древняя Грузія», т. I, отд. 3, стр. 45—46.

⁴ Ibid., стр. 46.

«О тер-Филиппѣ».

Онъ былъ глубокій философъ, подобно вышеупомянутому вардапету. Онъ также воспиталъ многихъ учениковъ и помогъ католику Антонію Первому въ переводѣ нѣсколькихъ книгъ».

Прежде всего, Антоніемъ въ сотрудничествѣ со священникомъ Филиппомъ, была переведена съ армянскаго на грузинскій языкъ Грамматика Мыхитара Севастійскаго. Переводный текстъ былъ снабженъ Антоніемъ обширнымъ предисловіемъ; изъ предисловія мы, собственно говоря, и узнаемъ не только о причинахъ перевода этой Грамматики на грузинскій языкъ, но и объ обстоятельствахъ, побудившихъ Антонія сблизиться съ армянскимъ священникомъ Филиппомъ.

«Упомянемъ обстоятельство, подавшее намъ поводъ къ составленію настоящаго труда», — такъ начинается свою «исповѣдь» Антоній, и далѣе продолжаетъ (приводимъ въ переводѣ А. А. Цагарели съ сохраненіемъ стиля переводчика): «Богъ ниспослалъ царствованіе царей Теймураза [II, 1744—1761] и сына его Ираклія [II, 1761—1798]; оба эти царя сильно желали найти (исслѣдовать) правила грузинской грамматики, но они не могли найти [въ видѣ сотрудника] знатока грамматики какого-нибудь изъ иностранныхъ языковъ. Я же, будучи хорошо знакомъ съ нашимъ языкомъ, пожелалъ еще больше изслѣдовать его. Спустя нѣсколько лѣтъ я познакомился съ однимъ священникомъ Филиппомъ Кайтмазашвили; [онъ былъ] по происхожденію Ерманиянъ (армянинъ), т. е. Гайосіанъ, дворянинъ изъ владѣній князя Орбеліани; съ нимъ я очень подружился, и стали [мы] заниматься каждый день вмѣстѣ изслѣдованіемъ предложеній (словъ) каждаго отдѣльно. Прежде всего я перевелъ съ армянскаго языка категоріи Аристотеля въ двухъ частяхъ [разсуждающія] о словосочиненіи и предложеніи, т. е. о силлогизмѣ, — чему я былъ весьма радъ и благодарилъ Бога моего св. Духа. Бесѣдуя между собою, мы стали говорить о томъ, чтобы сдѣлать и переводъ грамматики, но меня удерживало то, что умъ мой не имѣлъ грамматическаго образованія, между тѣмъ священникъ Филиппъ былъ весьма близко знакомъ съ грамматическимъ искусствомъ; [такимъ образомъ] положившись на премудрость Божию, согласно съ повелѣніемъ царя Теймураза (II) и сына его (Ираклія II) предприняли мы это дѣло (составленіе грамматики). Филиппъ познакомилъ меня сначала кратко съ частями рѣчи, затѣмъ съ опредѣленіями и свойствами грамматики, буквъ, слоговъ, словъ и предложеній, и постепенно излагалъ мнѣ части рѣчи и принадлежности ихъ, вводя меня незамѣтно въ дверь мудрости. И поелику благодать [Бо-

жія] помогла мнѣ, то умъ мой, познавъ ее, зачалъ грамматическую науку... Что же касается до Синтаксиса, рассуждающаго о сочетаніи предложеній (словосочиненій), то и съ нимъ познакомилъ меня слегка тотъ достохвальный мужъ, соболѣзнующий мнѣ Филиппъ»¹.

Изъ цитованныхъ словъ, думается намъ, нельзя не заключить, насколько велика заслуга армянскаго священника Филиппа предъ Антоніемъ и, въ связи съ этимъ, предъ грузинскою литературою.

Нужно вообще имѣть въ виду, что сотрудничеству Филиппа съ Антоніемъ обязаны мы появленіемъ въ грузинской литературѣ такихъ трудовъ послѣдняго, какъ «Категоріи Аристотеля», «Богословскія начала Прокла Діадоха (по редакціи Симеона Гарнійскаго)», «Исторія Ефесскаго Вселенскаго собора», «Риторика Мыхитара», «Грузинская Грамматика», «Готовое слово» и пр.

Но дѣятельность священника Филиппа на поприщѣ грузинской литературы выражалась въ сотрудничествѣ его не только съ Антоніемъ Католикосомъ, но и съ другими представителями тогдашняго литературнаго міра и прежде всего съ Досиѣемъ (Черкезишвили), епископомъ Некресскимъ, съ тѣмъ Досиѣемъ, который, по словамъ автора *Краткаго очерка о грузинскихъ литераторахъ*, «хорошо зналъ языкъ армянъ» (უწუგადს სომეხთა ჟნს კეთილად)². Этому Досиѣю совместно съ Филиппомъ приписываются переводы: 1) «Сокращеннаго толкованія Книги Періарменія»³ и 2) «Діалектики Ковидія Антонія Левмоакскаго»⁴.

Кромѣ Досиѣя Некресскаго, со священникомъ Филиппомъ на литературномъ поприщѣ сотрудничали также Іоаннъ Джамбакур-Орбеліани⁵, Антоній Цагарели⁶, Іоаннъ мдиван-бегъ со священникомъ Николаемъ⁷ и другіе.

Л. Меликсетъ-Беновъ.

¹ А. Цагарели, О грамматической литературѣ грузинскаго языка, Пгр. 1873, стр. 6—7.

² «Древняя Грузія», т. I, отд. 3, стр. 39.

³ См. рпц. Общества распространія грамотности среди грузинъ № 278 (Д. Каричашвили, კატეგორიკი ქართველთა ჰარის წერა-კითხვის გამავრცელებელ საზოგადოების წევრთ-საცემის, I, стр. 261) и Тифлискаго Церковнаго музея № 535 (Ө. Жорданія, Описаніе рукописей Тифлискаго Церковнаго музея etc., кн. I, стр. 78).

⁴ См. рпц. О-ва грамотности №№ 250 и 349 (Д. Каричашвили, ц. с., I, стр. 255—256).

⁵ Д. Каричашвили, ц. с., I, стр. 253, Н. Марръ, Іоаннъ Петрицкій, грузинскій неоплатоникъ XI—XII вѣка, стр. 9 сл.

⁶ Ibid., стр. 255—256.

⁷ Ibid., стр. 254.

Два грузинскихъ архитектурныхъ термина — „ачрдил“ и „балавар“.

I.

Въ Грузинскихъ лѣтописяхъ читаемъ про царя Арчила, сына Стефана (Stepan-oz) II-го въ VII вѣкѣ («639—663» гг.), что онъ —

საგანბურნი უოგუდნი (М უოგუდთა) «Сокровищницы всѣ (М всѣхъ) ქართლის ეკლესიისა და დიდსა ახრ- церковей Картліи зарылъ въ болъ- დიდსა დიდსა სიონის მცხეთისსა¹. шомъ აჭრდิล მცხეთისაго სიონა.

Древнел. აჭრდิล обыкновенно въ грузинской рѣчи нынѣ воспринимается какъ синонимъ слова ჭრდლ || ჭრდლ *тнь*²; съ нимъ связывается лишь представленіе о разновидности слова, принадлежащей къ высокому стилю, а не выражающей особое понятіе. Вульгарно слово появляется не только безъ префикса а- и безъ слогообразующаго г, звуча ჭრდლ, но съ паденіемъ перваго коренного ჭ въ низшую его ступень ш — შრდლ или შრდლ въ живой діалектической рѣчи, причемъ оно всегда означаетъ «тѣнь»; это трехсогласный корень ჭრდლ (< ჭრდლ)³, яфетическій эквивалентъ семитическаго ṭl въ словѣ того же значенія арб. ظل, евр. צל, сир. ܥܠܐ, и т. д. Основа грузинскаго построена по формѣ qʾəʾmin, то съ потерей огласовки перваго коренного (ჭრდლ, შრდლ), то съ замѣною ея плавнымъ г (ჭრდლ). Префиксъ а- можетъ быть воспринятъ какъ образовательный элементъ имени безъ особаго значенія, слѣдовательно, и а-ჭრდლ можетъ означать лишь «тѣнь», какъ по

¹ Brosset, I, стр. 172=списокъ ц. Марин, стр. 200.

² Даже Орб. не указываетъ иного значенія. Вносимое Ч₂ новое толкованіе «полу тѣнь» есть претензія на особое пониманіе или новаторство, древними текстами не подтверждаемое.

³ Діалектически (въ живой рѣчи) и у яфетидовъ имѣемъ тотъ же корень безъ дифференціаціи двухъ плавныхъ (ll > dl), причемъ однако вмѣсто l появляется плавный r съ утратой удвоенія: имер. ჭერ-ო (< *ჭერ-ო) *тнь*. На разновидностяхъ этого корня, да и самого слова по другимъ яфетическимъ языкамъ мы сейчасъ не останавливаемся.

нимаютъ обычно его современные грузины, но въ нашемъ древнемъ текстѣ рѣчь явно о части храма; такъ и понялъ слово Brosset въ слѣдующемъ французскомъ переводѣ¹:

«Quant aux richesses des églises de la Géorgie, peu de jours après les avoir cachés dans la grand coupole de Sion, à Mtzkhétha...»

Brosset вынужденъ былъ оправдать свой вольный переводъ слова «тѣнь» терминомъ «куполъ» слѣдующимъ примѣчаніемъ (ц. с., прим. 4):

«Слово ზბდოღო [a-ḡrdil-1], которое я передаю такъ, означаетъ собственно *тѣнь*; но такъ какъ смыслъ получился бы малоудовлетворительный, я воспринялъ другое значеніе, предоставленное мнѣ устнымъ преданіемъ грузинъ. Я часто слышалъ, что купола перквей, т. е. пустыя пространства между кровлею и нижней частью свода являются обычными тайниками для церковныхъ сокровищъ. Къ тому же кровля, выступая наружу, за поддерживающую ее стѣну, образуетъ настоящій *зонтикъ* или *шатеръ* (*parasol* ou *ombrelle*), который прикрываетъ (*abrite*) церковь: я думаю, что это истинный смыслъ слова ზბდოღო [a-ḡrdil-1], и его надо прибавить къ трехязычному Словарю [Чубинова=Ч.]».

Въ существующіе грузинскіе словари, дѣйствительно, надо внести слово, собственно особое его значеніе, но не предложенное Brosset толкованіе, основанное прежде всего—на непониманіи переводившагося имъ мѣста, затѣмъ—на нереальномъ представленіи о куполахъ грузинскихъ церквей и объ ихъ кровляхъ. Brosset даетъ настоящее толкованіе въ 1849 году, за нѣсколько лѣтъ до его путешествія по Грузіи и Арменіи.

Въ цитованной фразѣ aḡrdil по контексту представляется безспорно имѣющимъ архитектурное значеніе какъ названіе какой-то определенной конструктивной части храма, хотя оно отсутствуетъ въ специальной работѣ И. А. Джавахова о грузинскихъ терминахъ искусствъ². Понятіе «тѣнь» могло бы получить такое развитіе по аналогіи съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ русской рѣчи. Въ русской церковной рѣчи для сроднаго по значенію «сѣни» Даль указываетъ въ числѣ старинныхъ значеній «архіерейское подворье», но въ примѣрахъ имѣемъ «у церкви на сѣняхъ» съ поясненіемъ «на паперти, или въ отдѣльномъ, крѣпкомъ притворѣ». Еще болѣе возбуждающе-любопытна для толкованія нашего мѣста въ Грузинскихъ лѣтописяхъ слѣдующая цитата, приведенная тамъ же: «казна и граматы, рѣше-

¹ Стр. 237.

² Термины искусствъ и главнѣйшія свѣдѣнія о памятникахъ искусства и матеріальной культуры въ древнегрузинской литературѣ, именно въ I-мъ отдѣлѣ—«Архитектура» (ХВ, III, 1914, стр. 19—31).

нія вѣча, въ Новгородѣ» хранились «на сѣняхъ у св. Софїи, во Псковѣ въ Лаврѣ у св. Троицы»¹. Поскольку «сѣни» или «сѣнь» отождествляется съ «теремомъ», М. Н. Бережковъ даетъ разъясненіе «теремъ—сѣнь, навѣсъ, балдахинъ надъ гробницей съ мощами святыхъ», но это отводитъ насъ отъ конструктивныхъ частей храма; М. Н. Бережковъ категорически отвергаетъ возможность отождествленія терема съ какой-либо архитектурной частью древне-русского храма, ему дѣло представляется вполне яснымъ и разрѣшаемымъ, когда по его же словамъ вопросъ о связывавшихся съ теремомъ «папертяхъ и придѣлахъ требуетъ новаго разслѣдованія»².

Если идти въ сторону *сѣни* съ реальнымъ значеніемъ «шатра», «навѣса», «балдахина», «киворія»³, то работнику по древне-кавказской терминологіи христіанскаго зодчества словарно естественнѣе всего и правильнѣе вспомнить сирійскіе архитектурные термины, произведенные отъ корня *tl*, эквивалентнаго яфетическому корню *ḡdl*.

1. Отъ этого корня происходитъ то слово со значеніемъ «шатеръ», «палатка», «куща»⁴, основа котораго *tal-* налицо въ составѣ и армянскаго и грузинскаго термина *talavar*, восходящаго, по всей видимости, къ первоначальной кавказской версіи св. Писанія, переводамъ съ сирійскаго языка и на армянскій (*talawar*, resp. *taḡawar*⁵), и *via armeniaca* (*suanicaque*) на грузинскій (*talavar-i*⁶) языкъ. Расхожденіе стиховъ въ использованіи этого термина въ сирійскомъ подлинникѣ и въ армянской и грузинской версіяхъ есть результатъ позднѣйшихъ измѣненій всѣхъ трехъ текстовъ, интересный для ихъ исторіи, но нашего вопроса не касается. Древность

¹ Въ матеріалахъ древне-русского словаря по письменнымъ памятникамъ И. И. Срезневскаго (Пб. 1906) отмѣчается «сѣнь церковная» съ одной цитатой, но реального объясненія религіозно-архитектурнаго значенія не получаемъ.

² Къ исторіи черниговскаго Спасскаго собора (Груды четырнадцатаго археологическаго съѣзда въ Черниговѣ 1908, т. II, Москва 1911), стр. 19. Приношу благодарность Н. П. Сычеву за указаніе этого изслѣдованія по вопросу.

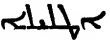
³ Кстати, «киворій» бывалъ въ реальности большой и малый (Martigny, Dictionnaire des antiquités chrétiennes, s. v.: «Quelquefois, au-dessous du grand ciborium, dont les colonnes portaient sur le sol, il y en avait un autre qui appuyait ses piliers sur l'autel même»).

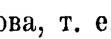
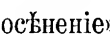
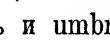
⁴ Быт. 33,17, II Ц 22,12, IIс 131,9 (въ послѣднемъ случаѣ въ зависимости отъ евр. .

⁵ Быт. 31, 34, Лев. 23, 42, 43, Неем. 8, 14—17, Юд. 8, 5, 34, Ис. 1, 8; 24,20; 38,12, Мих. 1,6; 3, 12, Мф 17,4, [Мк 9,4, Лк 9,33].

⁶ Ис. Н. 2,6 (bis), Мф 17,4, Мк 9,5, Лк 9,33. Ч₂ поясняетъ *talavar-i* синонимомъ *siskion-i*, что Орб. приводитъ на своемъ мѣстѣ, но безъ всякаго объясненія, а Ч (Д. Чубиновъ), въ первомъ изданіи своего словаря совершенно опускающій его, во второмъ изданіи переводитъ словами «сѣнь, шатеръ, наметъ», ссылаясь на словарь Н. Чубинова. Въ *siskion*, по всей видимости, имѣемъ искаженіе *siskion*, передачи греч. *σίσκιον* *тѣнь* или *σίσκον*.

употребленія этого термина сирійскаго происхожденія въ кавказской версии библейскихъ текстовъ, раннее полученіе терминомъ правъ гражданства въ кавказскихъ письменныхъ языкахъ явствуетъ и изъ наличія производныхъ отъ него словъ грузинскихъ *talavt-ob-a-y*¹ *праздникъ куцей* и особенно армянскаго въ томъ же значеніи, скроеннаго по греческому шаблону *σκηνοπηγία*—*talawarahaq*, и тѣмъ не менѣ нельзя не считаться также съ тѣмъ, что у грузинъ *talavar* встрѣчается и въ живой рѣчи (такъ, напр., въ гурійскомъ говорѣ въ значеніи *бесѣдки* изъ виноградной лозы, пущенной на столбы и перекладины ихъ, какъ синонимъ г. *fanḡatur*), да и образованіе само *talavar* не представляется книжнымъ. Слово можетъ оказаться изъ той категоріи заимствованныхъ словъ, изъ арамейскаго въ армянскій, изъ армянскаго въ грузинскій, которыя сначала были народно усвоены въ пограничной съ языкомъ источника этнически гибридной средѣ и лишь затѣмъ проникли въ письменность;

б) отъ того же корня происходитъ, вмѣстѣ съ со значеніемъ уже инымъ — «кровь», «кровля»², другое слово исключительно со значеніемъ «крыша», «кровля».

Собственно въ обоихъ случаяхъ сирійскія слова, т. е. и и , въ корнѣ означаютъ «осѣняющій», «осѣненіе», «служащій для тѣни». Въ значеніяхъ мы находимъ и *umbraculum*, т. е. все «то, что производитъ тѣнь, доставляетъ прохладу», «навѣсъ», «тѣнистое мѣсто», «бесѣдка» и т. п. Грузинской лексикографъ Ч₂ такъ и объясняетъ терминъ *talavar*—1 словомъ *sa-ḡrdil-obel*—1 «служащій для тѣни», «осѣняющій», «защищающій отъ яркаго свѣта или знойныхъ лучей» и т. п. Но *sa-ḡrdil-obel*, грузинское и по образованію слово, представляетъ лишь синонимъ термина *a-ḡrdil*, между тѣмъ *a-ḡrdil* можетъ быть безукоризненнымъ по спирантному типу образованія двойникомъ грузинскаго слова *sa-ḡrdil*³, параллельной формы и синонима *sa-ḡrdil-obel*: префиксъ *a-* (< *ha-*) въ немъ легко воспринять какъ частицу для образованія имени мѣста, эквивалентъ грузинскаго *sa-*. Слѣдовательно, словарно грузинское *aḡrdil* могло бы означать

σκιος тѣнистый, осѣненный, защищенный отъ яркаго свѣта въ формѣ вин. падежа. Въ греческомъ употребленіе этого слова въ указанномъ грузинскими лексикографами значеніи не отмѣчено въ словаряхъ. Неизвѣстно мнѣ и то, изъ какого текста извлечено грузинское слово *sisikon*, гезр. *sisikon*, приводимое Д. Чубиновымъ (Ч₂) безъ цитаты и безъ всякой ссылки.

¹ По цитатѣ Орб. «3 Эздр. 5,51», но имѣемъ его и въ каноническихъ частяхъ Библіи Второз. 16,13, 16; 31,10 et pass.

² Въ Пс 131,3 потому-то и армянская версия имѣетъ разночтеніе *լուրի քրօն*, воспроизводящее это именно значеніе того же сирійскаго слова, противъ всѣхъ другихъ версій, въ которыхъ рѣчь о *платѣ жилища* (*σκηνομα*, *saḡofel* въ зависимости отъ евр. *לִּטְס*).

³ По Ч₂: «шалашъ, шатеръ, бесѣдка; для тѣни».

любую часть храма съ защитой, дающею тѣнь, любую пристройку съ навѣсомъ и самъ навѣсъ, шатеръ, какъ «сѣнь» въ древне-русскомъ, реально же въ терминологіи религіозной архитектуры древнихъ грузинъ *aḡrdil* съ полнымъ правомъ могло бы означать «портикъ съ колоннадой» типа Эреруйской базилики или Текорской (до ея перестройки) въ Арменіи, а этого типа портики строились и въ Грузіи, притомъ въ Грузіи не только въ древне-христианское время, но и позднѣе, даже въ XI-мъ вѣкѣ, въ частности выведенъ былъ онъ и въ мцхетскомъ храмѣ¹. Эти портики съ колоннадой древне-армянскихъ и грузинскихъ храмовъ (въ болѣе поздней терминологіи—«стоа») были, дѣйствительно, величественныя обширныя постройки, потому *did* *большой* въ приложеніи къ *aḡrdil* Мцхетскаго собора въ цитованной въ началѣ настоящей работы фразѣ изъ Грузинскихъ лѣтописей былъ бы вполне соответственнымъ эпитетомъ *oghans*, и переводъ въ такомъ случаѣ долженъ бы гласить: «Сокровищницы всѣ церквей Картліи (царь Арчилъ) зарылъ въ большомъ портикѣ Мцхетской базилики»².

Въ древнелитературномъ армянскомъ языкѣ также существуетъ словарно однозначущій эквивалентъ этого термина—*hovani*, это по словарю — «тѣнь; навѣсъ, навѣсъ», «скинія, шатеръ» и переносно молъ встрѣчается въ выраженіяхъ «подъ сѣнью руки Его», «подъ сѣнью св. Богородицы въ монастырѣ Цорцора» и т. п. Лишенное письменныхъ документовъ и актовъ, современныхъ даже раннему средневѣковью, тѣмъ болѣе древне-христианской эпохѣ развитія армянской культуры и армянскаго зодчества, арменовѣдѣніе, къ тому же развившееся вдали отъ армянской реальности, отъ памятниковъ матеріальной культуры Арменіи, да еще съ теоретическимъ уклономъ къ исторіи и словесности безъ реального вещевѣдѣнія, не располагаетъ возможностью указать, какое религіозно-архитектурное значеніе имѣло слово *hovani* у древнихъ армянъ. У насъ нѣтъ пока средствъ указать и то, какія мѣста армянскихъ авторовъ и армянскихъ надписей подтверждаютъ подобное специальное значеніе, если, понятно, оно дѣйствительно имѣется у него. Можно только сказать, что если бы за *hovani* утвердилось значеніе портика, то реально мы могли бы имѣть его использованнымъ не только въ смыслѣ *стоа* какъ въ базиличныхъ храмахъ древнехристианскаго типа въ родѣ Эреруйской базилики, но и въ смыслѣ притвора съ колоннадами, армянскаго *gawid*, получающаго особое развитіе съ X вѣка.

¹ И. Джаваховъ, ц. с., стр. 27—28.

² О томъ, что *Сіонъ* въ древнегрузинской терминологіи религіозной архитектуры означаетъ базилику, см. И. Джаваховъ, ц. с., стр. 22—23.

Наконецъ, вопросъ иной еще, представляютъ ли термины др.-литературный грузинскій აფრდილ и армянскій հովանі плодъ переводческаго словарнаго творчества, вновь сочиненныя для христіанской письменности слова по шаблону термина подлинника, съ котораго переводили армяне и грузины библейскіе книги или вообще памятники христіанской литературы? Или, какъ то замѣчаемъ нерѣдко въ другихъ случаяхъ, и აფრდილ, и հովանі были, задолго до возникновенія христіанства у кавказскихъ народовъ, мѣстными терминами зодчества, наслѣдіемъ архаичной яфетической культуры, и переводчики армянскіе и грузинскіе взяли ихъ изъ живой обиходной рѣчи?

II.

Лексикографъ Орбеліанъ balavar толкуетъ словами სპილენძის ქვა, ფუძისკენ — «камень основанія громаднѣй». Это толкованіе и повторяетъ Чубиловъ въ первомъ изданіи своего словаря — «большіе камни для фундамента», во второмъ же изданіи, воспроизводя по-грузински то же толкованіе Сулхана Орбеліана, въ русскомъ текстѣ разъясняетъ реально словами «бутовая плита», очевидно, потому, что этотъ терминъ означаетъ, какъ то разъяснили мнѣ специалисты, лишь известняковый плитнякъ, въ Россіи на самомъ дѣлѣ идущій также на фундаментъ, но balavar ни въ какомъ случаѣ не означаетъ ни бутовой плиты, ни иной породы камня. Это архитектурный терминъ, нынѣ у грузинъ, дѣйствительно, воспринимаемый въ общемъ значеніи *фундамента* или *основанія*. Потому то проф. А. А. Цагарели встрѣтившееся ему впервые въ житіи святогорца Евѣимія Грузина созвучное Balavar (←Balahwar ∞ Balawhar)¹, передачу арабскаго Ві-

lāwhar (بلوهر), изъ заглавія «Мудрость Балавара», особой версіи повѣсти о Варлаамѣ и Иосафѣ, перевелъ черезъ «фундаментъ»¹. А. А. Цагарели предполагалъ, очевидно, что рѣчь идетъ о «*фундаментъ вѣры*». Тѣмъ болѣе имѣлъ основанія Е. С. Такайшвили въ народномъ четверостишіи о построеніи Зарзмской церкви² понять его діалектическую форму balaver, какъ фундаментъ. Это было въ 1905-мъ году, но позднѣе — въ переводѣ надписей Зарзмской въ 1909-мъ и особенно Гомаретской въ 1913-мъ году Е. С. Такайшвили переходитъ къ реальному опредѣленію значенія термина примѣнительно къ тексту: «ბალავარი [balavar-ი]», читаемъ у Е. С. Такайшвили въ разборѣ гомаретской надписи³, «обыкновенно означаетъ фундаментъ, но въ старину, видимо, означало еще тотъ громаднѣй камень, который ставили надъ дверью церкви, т. е. наверхіе двери. Такое предположеніе высказалъ И. Джаваховъ въ своей лекціи о грузинскомъ искусствѣ, и смыслъ нашей надписи оправдываетъ это»⁴. Однако текстъ именно этой гомаретской надписи представляется спорнымъ, наименѣе подходящимъ въ смыслѣ окончательнаго установленія за balavar опредѣленнаго значенія, или «фундамента» или, какъ выражается Е. С. Такайшвили, «наверхія». Гомаретская надпись (IV-я), что на стр. 83-й, можетъ и оправдать предлагаемое Е. С. Такайшвили толкованіе, но не въ предложенномъ имъ переводѣ. Текстъ по раскрытіи титла Е. С. Такайшвили читаетъ სპილენძის ფუძისკენ [ა]თა მის ქმის ოფეს ძრეულმან და უძველესმან გიორგი ზეზნათა შეეუმან შეპყრნა ზვიად მარტვიანი, მამის ესე ბალავარი იდგა კელათა ცოდვილის მიქელ ხუცეს-გაღატონისათა.

Въ текстѣ имѣемъ такой явный вульгаризмъ, если вѣрно чтеніе, какъ ძრეულმან (подъ титломъ — ძრეულ) вм. ძრეულმან, тѣмъ не менѣе стоящее подъ титломъ ფოа слѣдуетъ читать не ფუძისკენათ, какъ то у Е. С. Такай-

¹ А. Хахановъ вноситъ поправку въ чтеніе имени, устанавливая Balhvar [Balhwar] вм. Balahvar (Балхваръ) и Иосафѣ. Грузинскій текстъ по рукописямъ XI—XII вв. (съ приложеніемъ двухъ палеографическихъ таблицъ), Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ Инст. Вост. яз., вып. IX, Москва 1902, стр. IX). Однако, судя по приложеннымъ таблицамъ, нѣтъ основанія утверждать о принадлежности «рукописей» къ «XI—XII» вѣку, мотивировка же самого А. Хаханова въ пользу такой датировки тѣмъ, что приписки военного письма относятся молъ «къ XI—XII в.», свидѣтельствуемъ о незнакомствѣ автора съ тѣмъ, что военное письмо того же характера было въ ходу и въ XIII вѣкѣ, вѣроятно, и въ XIV-мъ (о такой же отчасти тенденціи къ архаизированію грузинскихъ приписокъ военного письма того же характера см. у меня въ работѣ Грузинскія приписки греческаго Евангелія изъ Коридіи, ИАН, 1911, стр. 214—217). Въ то же время не учтена возможность, что чтенія съ пропускомъ гласныхъ часто результатъ опусканія титла; не учтено также то, что при передачѣ не только собственныхъ, но и нарицательныхъ именъ изъ языковъ культурно господствовавшихъ мусульманскихъ народовъ, арабскаго и персидскаго, грузинскія заимствованія проявляютъ полногласіе сравнительно съ подлинной огласовкой (см. П. Марръ, Грузинская

поэма «Витязь въ барсовой шкурѣ» Шоты изъ Рустава и новая культурно-историческая проблема, ИРАН, 1917, стр. 480). Совершенно упущено изъ виду, наконецъ, то, что при установленіи правильнаго грузинскаго чтенія въ отношеніи огласовки существенное значеніе имѣетъ живая традиція: имя Балаваръ съ полногласіемъ и по наше время сохранилось въ соответственной діалектической разновидности — Балаверъ (Н. Марръ, Мудрость Балавара, грузинская версія «душеполезной исторіи о Варлаамѣ и Иосафѣ», стр. 2).

² А. А. Цагарели, Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности, Пб. 1886, стр. 54, см. В. Р. Розенъ въ рецензіи на изслѣдованіе Н. Zotenberg'a Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph (ЗВО, II, 1887), Пб. 1883, стр. 172).

³ См. ниже, стр. 295.

⁴ Археологическія экскурсіи, разысканія и замѣтки. Вып. IV (Отд. отт. изъ СМ, вып. XIII), Тифлисъ 1913, стр. 84, прим.

⁵ Въ работѣ И. А. Джавахова о терминахъ искусствъ и т. д., цитованной выше, терминъ balavar отсутствуетъ.

швили, а ღმრთისადო, разъ имѣемъ такое полное чтеніе окончанія той же формы въ გლავანისადო (подъ титуломъ გლავანისადო)¹. Переводъ Е. С. Такайшвили гласитъ: «Во имя Бога въ то время, когда сильный и непобѣдимый Георгій, царь абхазовъ, взялъ въ плѣнъ Звіада Марушіани, тогда онъ положилъ сіе наверхіе двери рукою прѣшного священника-каменщика Микелы»². Весь интересъ нашъ сейчасъ сосредоточивается на подчеркнутой нами фразѣ, гдѣ наличный въ подлинникѣ терминъ balavar переводится словомъ «наверхіе», а не «фундаментъ». «Если бы въ данномъ случаѣ рѣчь шла о «фундаментѣ», дополнительно намѣчаетъ Е. С. Такайшвили³, «то мы бы имѣли фразу: მშენებლის კვლევას ბაღვანი ღვა — «тогда положилъ [онъ] фундаментъ сей церкви». Такой переводъ, независимо отъ перевода самого термина balavar, совершенно искажаетъ смыслъ подлинника, вводя новое лицо въ качествѣ субъекта («онъ», т. е. царь абхазовъ Георгій), а именно: при томъ толкованіи, какое предлагаетъ Е. С. Такайшвили, нѣтъ возможности въ постройку церкви вмѣшивать царя Георгія въ качествѣ активного лица, имя царя съ упоминаніемъ историческаго событія служить лишь датой. Въ подлинникѣ наличнаго состоянія слѣдуетъ читать не ბაღვანი ღვა balavar-i dva «онъ положилъ balavar», а ბაღვან ღვა balavar i-dva «въ балаваръ былъ положенъ (ესე «этотъ», подразумевается «храмъ»). Фраза съ цитованнымъ мѣстомъ полностью, при наличномъ чтеніи, въ переводѣ можетъ гласить или «тогда эта (церковь) была основана («заложена основаніемъ») Михайломъ, священникомъ-каменщикомъ», если balavar понимать «обычно» какъ «фундаментъ»⁴, или «тогда это (мѣсто, гдѣ помѣщается надпись) было заключено balavar'омъ рукою Михаила, священника-каменщика», если balavar понимать въ смыслѣ верхней перекладины 'двери, какъ бы архитравной плиты, или, какъ выражается Е. С. Такайшвили, «наверхія». Если же отрицать возможность существованія такого составнаго глагола въ томъ или иномъ смыслѣ («заложень основаніемъ», «заключень перекладиной» и т. п.), и мѣстоименіе ესე относить къ наличному въ текстѣ слову balavar какъ его опредѣленіе — «этотъ balavar», то, въ такомъ случаѣ, чтеніе дефектно, а именно опущено окончаніе им. падежа въ словѣ balavar, и прежде всего слѣдуетъ возстановить чтеніе balavari idva;

¹ У насъ съ другой стороны подъ сомнѣніемъ сама основа, должна ли она быть раскрыта по древне-литературной книжной нормѣ ღმრთ- или по средневѣковой народной — ღმრთ- въ согласіи съ народной формой ღმრთელ, да и, несомнѣнно, съ мѣстнымъ народнымъ терминомъ ბაღვან balavar.

² Ц. с., стр. 83—84.

³ Ц. с., стр. 84, прим.

⁴ Ср. арм. հիմն արկան (рульг. հիմնարկեցաւ), հիմն եղաւ.

въ данномъ мѣстѣ получится собственно не случайный пропускъ, а какъ будто грузинскій примѣръ одного эпиграфическаго приѣма, отмѣченнаго мною въ армянскихъ надписяхъ, когда одна и та же буква используется двукратно, разъ въ качествѣ окончанія предыдущаго слова, другой разъ въ качествѣ начала послѣдующаго слова¹; въ нашемъ грузинскомъ чтеніи буква i — разъ въ качествѣ суффикса, характера им. падежа предшествующаго слова (balavar-i), другой разъ въ качествѣ префикса, характера породы глагола въ послѣдующемъ словѣ (i-dva). Словомъ, придется возстановить чтеніе ესე ბაღვანი ღვა ese balavar-i i-dva, и тогда все мѣсто въ переводѣ будетъ гласить: «этотъ balavar былъ положенъ рукою Михаила, священника-каменщика». Такое чтеніе можно поддержать и параллельнымъ мѣстомъ въ VIII-й гомаретской надписи²: ღვა ბაღვან ესე da-idva balavar-i ese «этотъ balavar былъ положенъ». И здѣсь, конечно, рѣчи не можетъ быть о «фундаментѣ»: надпись VIII-я гомаретская помѣщается направо отъ рѣзного креста на названной мною архитравной надпролетной плитѣ южной двери (Е. С. Такайшвили переводитъ своимъ терминомъ «наверхіе»), какъ не можетъ быть рѣчи о фундаментѣ и въ кумурдойскѣй надписи, гдѣ тотъ же терминъ Е. С. Такайшвили перевелъ *краеугольнымъ камнемъ*³. Что же въ концѣ концовъ реально значить грузинскій архитектурный терминъ balavar? «Фундаментъ», какъ «обычно» принято понимать (и это пониманіе косвенно поддерживаетъ такой знатокъ грузинскихъ реалій какъ лексикографъ Сулханъ Орбелианъ)⁴, «наверхіе», собственно «архитравная плита», или «краеугольный камень»? Слово, по всей видимости, живое народное, какого бы оно ни было происхожденія, и въ качествѣ народного, притомъ мѣстнаго, месхійскаго, оно появляется и въ надписяхъ гомаретскихъ и кумурдойской. Надпись кумурдойская требуетъ пересмотра чтенія и перевода.

¹ Камень съ арм. надписью изъ Ани въ Азіатскомъ Музеѣ (ИАН, 1910), стр. 1151.

² Строки 2—3 на стр. 87 ц. с. Е. С. Такайшвили.

³ Такое специальное значеніе надверной части выявляется для этого термина и въ надписи или Боди-джварской или Тбетской церкви въ Горійскомъ уѣздѣ, изданной Brosset (VI Rapp., p. 57), на которую обратилъ мое вниманіе I. A. Орбели: здѣсь въ надписи, помѣщенной на южной двери, читается «этотъ balavar (ესე ბაღვანი) положилъ я (ღვა), Гамрекелъ, сынъ Кавтара» (ესე ბაღვანს ქაღვანს ღვა. . . ღვა ბაღვანს ქაღვანს ღვა), а не «Gasal Kawthrosan», какъ переводилъ Brosset; надпись эта, непонятая Brosset, требуетъ особаго разъясненія и въ другихъ частяхъ по особому ея значенію для грузинскихъ лѣтописей.

⁴ За то же значеніе стоитъ и М. Г. Джанашвили, однако въ такомъ текстѣ, гдѣ о фундаментѣ не можетъ быть рѣчи, именно въ разбираемой ниже Кумурдойской надписи (см. Царевичъ Вахуштъ. Географія Грузіи. Введеніе, переводъ и примѣчанія М. Г. Джанашвили, Тифлисъ 1904, стр. 169, прим.).

Кумурдойская надпись тѣмъ и цѣнна, что въ ней обстоятельностью изложенія дѣла строительства, упоминаніемъ двухъ моментовъ — закладки основанія и выведенія затѣмъ одной подробности, именно balavar, исключается возможность и толкованія термина въ смыслѣ фундамента. Къ сожалѣнію, самъ текстъ оказался не точно воспроизведеннымъ не только у Brosset¹, но и у И. П. Ростомова², и у Е. С. Такайшвили³, какъ то оказалось при лично произведенномъ мною на мѣстѣ лѣтомъ 1917 г. сличеніи изданій съ подлинникомъ. У Е. С. Такайшвили вмѣсто классическаго и вульгарное начертаніе б въ კვლავ, подѣ титломъ კვლავ (также у Brosset съ опечаткой б вм. о). За одно съ Brosset ни И. П. Ростомовъ, ни Е. С. Такайшвили не обратили вниманія на то, что во всѣхъ случаяхъ сокращенія подѣ титломъ титла опущены, и къ такимъ случаямъ надо отнести и имя ზვადის, стоящее въ Р. падежѣ съ Д. отношенія; слѣдовательно, его полное чтеніе, безъ сокращенія подѣ титломъ: ზვადისი Zviada; имя эристава, слѣдовательно — Звιάдъ, а не Звіа, какъ то вычитывали и Brosset и И. П. Ростомовъ и Е. С. Такайшвили⁴. Но главнымъ камнемъ преткновенія явилось прочтеніе, а въ связи съ нимъ и переводъ фразы со словомъ balavar въ составѣ, собственно прочтеніе и переводъ сокращенія подѣ опущеннымъ титломъ ზბ, что И. П. Ростомовъ читаетъ ზბ тамъ (переводитъ же совершенно произвольно «здѣсь»), а Е. С. Такайшвили, судя по его переводу «тотъ», подобно Brosset—ზბ, каковая форма исключается при аор. страд. залога ზადვ; если же признать глаголъ аористомъ дѣйст. залога II-й породы, формально можно это оправдать, но по существу получимъ то расхожденіе съ контекстомъ и ту неловкость изложенія, которые чувствуются особенно въ грузинскомъ подлинникѣ при принятіи перевода Е. С. Такайшвили⁵.

¹ II Rapport, стр. 167.

² Ахалкалакскій уѣздъ въ археологическомъ отношеніи (СМ, XXV, 1898), стр. 84.

³ Матеріалы по археології Кавказа. Вып. XII, Москва 1909, стр. 37.

⁴ Такайшвили довольствуется разъясненіемъ, что Звіа и Звιάдъ одно и то же лицо (также и Д. Бакрадзе, Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства, стр. 35), но этого мало. Если бы въ надписи мы имѣли названную форму отъ предполагаемаго *ზა, то и тогда она должна бы звучать полнѣе, именно ზვადისი. Р. вычитываетъ совершенно невозможную «ზვადის». Имя это есть грузинизованное въ мѣстной діалектической средѣ арабское Zīād, съ такимъ же перерожденіемъ i въ w, какое наблюдаемъ въ гур. машин *тогда* сравнительно съ литературнымъ машин. Въ ново-грузинскомъ и нарицательное имя арабское زاید, собственно персидская форма араб. زاید; *увеличеніе, излишекъ* используется въ тождественной формѣ zwiad какъ основа для образованія глагола ga-zwiad-eb-a *преувеличивать, утрировать*.

⁵ Или Brosset, который еще сильнѣе ударяетъ на это невѣрно вычитываемое мѣстоименіе (ц. с., стр. 168): «c'est lui qui a posé cette grande pierre».

Фактъ тотъ, что ზб есть сокращеніе ზბი, и вся фраза должна быть прочтена и переведена такъ: ქვე ზღვაზე ზბი ღადვს «этотъ balavar тогда былъ положенъ»¹; то, что предшествуетъ въ надписи, изложеніе обстоятельствъ основанія церкви, служить лишь хронологическимъ опредѣленіемъ момента — «съ Божьею помощью епископъ Іоаннъ положилъ основаніе этой церкви рукою грѣшнаго Скѣопра при царѣ Леонѣ, да возвеличить его Богъ; въ хрониконѣ 174 [— 780 = 954 по Р. Х.] въ мѣсяцъ майскій въ день субботній 1-й луны въ эриставство Звіада. Этотъ balavar тогда былъ положенъ. Христе, помоги рабу Твоему. Аминь».

Balavar, очевидно, не особая порода камня (Ч₂: «бутовая плита») и не просто «большой камень» (Br.: «cette grande pierre»), а весьма существенная часть зданія, если его закладка упоминается наравнѣ съ закладкой фундамента. Это если не завершеніе дѣла, то завершеніе какого либо важнаго момента въ процессѣ строительства церкви, имѣющее значеніе для всего зданія. Такимъ моментомъ можетъ считаться, какъ мнѣ любезно подсказываетъ К. К. Романовъ, «заканчиваніе двери» церковной. По мѣсту нахождения надписи на плитѣ, архитравно утвержденной надъ двернымъ пролетомъ, въ словахъ «этотъ balavar» мы имѣемъ безспорно указаніе именно на надверную часть. И все-таки вопросъ, что реально значить вообще и въ частности въ данной надписи самъ терминъ balavar. Такъ какъ это слово безспорно народнаго обихода, мы должны исходить при его толкованіи прежде всего изъ народныхъ матеріаловъ занимающей насъ месхійской области или сродной этнографической среды. Въ нашемъ распоряженіи прежде всего гурійское четверостишіе о построеніи Зарзмской церкви —

სამმა ძმამ ზღვაქმ
 ზარზმას ღადვს ზღვავენი:
 ვინც თარმეტი ჩამოიდეს,
 იგი არის ფალავენი.

Е. С. Такайшвили ფალავენი falavend-1 снабдилъ вопросительнымъ знакомъ. Это, дѣйствительно, не литературная форма². Прежде всего огласовка, какъ и въ риомуюшемъ съ нимъ ზღვავენი balaver-1, проявляетъ вліяніе имеро-гурійской діалектической перегласовки, притомъ въ данныхъ

¹ Ср. въ гомаретской надписи (Е. Такайшвили, Археол. экск., разыск. и зам. Вып. IV, стр. 83, ср. выше, стр. 292) — ზბი ქვე ზღვაზე ღადვს «тогда былъ заложенъ этотъ тимпанъ».

² Слово въ литературѣ у грузинъ появляется лишь свѣтской, по ея возникновенію, слѣдовательно, съ поздняго средневѣковья, и оно и въ письменности звучитъ безъ h: falavan || falavan.

словахъ перегласовка можетъ быть основана на языковой психологiи одного изъ трехъ этническихъ слоевъ, отложившихся въ имерахъ, какъ и въ гурiйцахъ, поскольку они по языку огрузинившіеся народы шипящей группы — нынѣ лазы-чаны и мегрелы (по-свански — зап-аг, т. е. заны), которые въ свою очередь по языку являются претворенными или перерожденными въ народности шипящей группы племенами спирантной вѣтви, именно племенами прослѣживаемой нынѣ въ сванахъ группы спирантной вѣтви яфетическихъ языковъ. Слѣдовательно, въ нашихъ словахъ мы имѣемъ или пережитокъ сванской огласовки «е» при грузинскомъ «а» и при мегрело-чанскомъ «о», какъ полагалось бы, если бы располагали и третьей соотвѣтственной разновидностью, или пережитокъ второй эпохи, именно мегрело-лазскую огласовку «е» при грузинскомъ «а», или, наконецъ, по третьему закону звуковыхъ корреспонденцій — соотвѣтствіе «е» свистящей группы гласному «а» шипящей группы, и въ такомъ случаѣ это будетъ во-зобладаніемъ народно-основныхъ фонетическихъ нормъ этнологически позднѣйшей въ краѣ грузинской рѣчи. Послѣ того, какъ у насъ выяснилась въ яфетическихъ языкахъ возможность фонетической діалектизаціи заимствованныхъ словъ, существа нашего подхода не касается то, что обсуждаемые слова могутъ быть и заимствованными словами; они, къ тому же, заимствованы, а *falavend* безспорно заимствовано изъ опредѣленного источника: это — перс. *فهلوان* *fehlevān* въ грузинской народной передачѣ — *falavand*, съ утратой спиранта *h*, но съ усиленіемъ *n* въ *nd*¹, и мегрело-чанскимъ, и сванскимъ, какъ то наблюдаемъ въ нашей разновидности и по огласовкѣ — *falavend*. Въ сванскомъ такое же осложненіе звукомъ *d* наблюдаемъ и съ плавнымъ *g* именно въ интересующемъ насъ терминѣ — *balverd* при той же переогласовкѣ «а» въ «е» въ данномъ случаѣ, понятно, по сванской нормѣ². И огласовка «е» въ обоихъ примѣрахъ восходитъ, по всей видимости, къ сванской звуковой природѣ, слѣдовательно, при сванскомъ *balwerd* и г. *balavar* (и сванизованномъ въ отношеніи огласовки діалектическомъ грузинскомъ, именно гурiйскомъ *balaver*) мы ожидали бы мегрело-лазскую разновидность *balawog*, что дѣйствительно имѣется

¹ Армянское фамильное названіе *Fahlavuni* (< *Fahlav-uni*), образованное отъ одной основы съ *fahlavān*, у грузинъ появляется съ тѣмъ діалектическимъ осложненіемъ *n* < *nd* въ видѣ *Fahlavndi*, что налицо въ грузинскомъ уже древне-литературномъ текстѣ — житіи Серапіона, строителя все той же Зарзмы, причемъ въ древней письменности спирантъ *h*, естественно, сохраняется.

² Такая же утрата внутреннего «а» изъ *falavan* (< *fahlavan*) должна была бы дать *falvan*, resp. *palvan* или *balvan*.

на лицо, но не у мегреловъ или лазовъ, а у древнихъ армянъ. Въ то же время у армянъ же, уже современныхъ, діалектически прослѣживается, судя по словарю Сабака Аматауни въ айраратскомъ нарѣчii — *balavar* || *balawar* и въ мушскомъ — *balawog* [*balawār?*]¹. Къ сожалѣнію, толкованіе С. Аматауни «послѣдній рядъ [кладки] верха стѣны, по-русски *карнизъ*» возбуждаетъ сомнѣніе использованием термина «карнизъ». Цитаты имъ приведены не изъ текстовъ на мушскомъ и айраратскомъ нарѣчiяхъ, а изъ литературно изложенной собственной статьи². Что касается др.-литературнаго *balawog*, наличнаго въ Исх. 12,7, 22, 23, то преждевременно свѣ-щить съ его этимологіею по обыкновенію лишь по созвучію, какъ это дѣ-лаетъ Hübshmann³, когда не установлено реальное значеніе термина⁴. Литературные памятники, въ томъ видѣ, какъ они дошли до насъ, не до-статочно надежны въ области реалій. Установленіе значенія по иноязыч-ными параллельнымъ чтеніямъ Библии чрезвычайно опасно, поскольку ея армянскій текстъ именно въ частяхъ съ терминами матеріальной культуры представляетъ мозаику, сложенную изъ элементовъ различнаго происхожде-нія, различной переводческой школы и по различнымъ иноязычнымъ под-линникамъ. Судя по Исх. 12,7, 22, 23, гдѣ наличныя грузинскія версіи (М, О) даютъ въ своихъ чтеніяхъ одинаково *zğrūl porog*, а не *balavar*, *h. bagawog* есть передача *ܒܐܠܐܘܪܐ*, т. е. означаетъ «перекладину двери», «верх- ній порогъ». У свановъ *balwerd* означаетъ и «порогъ» и «притолоку». Вообще въ сванскомъ языкѣ «порогъ», «притолока», «косякъ» выражается еще другимъ однимъ и тѣмъ же словомъ, именно *lakōga* на халдскомъ и мулахскомъ говорахъ сванскаго языка «притолока», «порогъ», на лаш-скомъ — «косякъ». Слово, по всей видимости имѣетъ первоначальное реаль-ное значеніе «завязки», «сведенія двухъ концовъ», «перекладины». Отсюда съ одной стороны, если вѣрно толкованіе С. Аматауни⁵ и усвоенное имъ въ армянскихъ діалектахъ ар. *balavar*, мш. *balawog* значеніе *карниза*, какъ

¹ *Հայոց բառ ու բառ*, 1912, в. v.

² *Հայոց երեք Մոլոթից Կապուր Կն*, Арабатъ 1902, стр. [794,31] 795,4 и 16. Что слово на- лично въ живой арабатской рѣчи, это независимо подтверждаетъ и Вардап. Сіонъ Тэръ- Манвелянъ въ спискѣ арабатскихъ словъ безъ перевода (*Արաբաթի բառերի ժողովրդա- կան բառերի ցանկ բառաբանություն*), Вагаршапатъ 1911, стр. 5.

³ AG, I, стр. 119,106.

⁴ Особенно слѣдовало бы быть осторожнымъ и индоевропейцамъ съ архитектурными терминами армянъ, хотя бы наличными и въ персидскомъ.

⁵ См. выше, стр. 297; по записи, сдѣланной мною въ 1916 г., къ сожалѣнію, безъ указа- нія, въ какой мѣстности и съ чьихъ словъ, *բալավար* *balavar* въ живой армянской рѣчи означаетъ «уголъ кладки, вообще ту часть постройки, гдѣ кладка одной стѣны сходится съ кладкой другой стѣны».

обрамляющей или выступающей отѣлки, тѣмъ болѣе, что въ народной армянской рѣчи русское слово «капіз» используется для обозначенія всякаго рельефа, какъ то лично приходилось слышать въ армянской средѣ рабочихъ крестьянъ. Съ другой стороны, въ связи съ первоначальнымъ значеніемъ *завязки* въ грузинскомъ языкѣ могло возникнуть пониманіе *balavaḡ* и какъ *основанія*, *фундамента*, такъ какъ понятія «начало», «основаніе» въ семасіологіи яфетическихъ языковъ, въ частности грузинскаго выражается корнемъ, означающимъ «завязывать»¹. Однако специально въ гурійскомъ говорѣ *balavaḡ* могло получить значеніе «фундамента» въ иномъ пути семасическаго развитія слова благодаря особымъ условіямъ реалій деревяннаго зодчества гурійцевъ. Фундаментомъ гурійскаго дома *òda*² служатъ бревна, толстые длинные брусья, пролагаемые по деревяннымъ столбикамъ или устоямъ, вбитымъ въ землю, т. е. это на дѣлѣ перекладины, возложенные на столбы. *Balavaḡ* въ каменномъ зодствѣ, по всей видимости, означаетъ и большія плиты, покрывающіе архитравно пролеты дверей, тоже своего рода *перекладины* и *завязки*. Въ рѣчи о Зарзмской церкви, построенной изъ камня, подразумѣвается такая именно плита, камень-перекладина или архитравная плита, и въ гурійскомъ народномъ четверостишіи, приведенномъ выше, соотвѣтственно о *balavaḡ* говорится, какъ о громадномъ предметѣ и въ то же время предметѣ, который можно взять *сверху* и поставить или положить *снизу* (*ḡa-mo-iḡeb-s*). Очевидно, здѣсь рѣчи не можетъ быть не только о фундаментѣ, но и о притолокѣ или косякѣ или порогѣ.

И всетаки вопросъ объ архитектурномъ терминѣ *balavaḡ* вообще не разъясненъ. Окончательное его рѣшеніе мыслимо лишь тогда, когда, прежде всего, исчерпывающе будетъ зарегистрированъ весь этнографическій матеріалъ по этому *balavaḡ* и сроднымъ не только по созвучію, но и по реальному значенію словамъ и явленіямъ. Не исчерпанъ въ этой части, по всей вѣроятности, и литературный матеріалъ. И въ то же время необходимо углубить разысканія по архитектурнымъ терминамъ народовъ Кавказа.

Н. Марръ.

¹ См. Яфет. элементы въ языкахъ Арменіи, X (ИРАП, 1918), стр. 329, 336.

² Въ гурійской рѣчи *òda* отличается отъ общаго понятія *zaḡl dom* также какъ отъ спеціального *faḡḡa izba-nlstenka*; кромѣ того, гур. *òda* реально не имѣетъ ничего общаго съ арм. тур. *oda*.

Древности Гулекарской церкви.

Селеніе Гуле-каръ расположено на лѣвомъ берегу Ріона, въ Сенакскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи, у самой границы Озургетскаго уѣзда, и входитъ въ Абашское приставство. Церковь этого селенія — въ честь св. Георгія, повидимому, не особенно старая, но построена изъ тесаныхъ камней на мѣстѣ древней церкви, съ обширнымъ дворомъ и вѣковыми липовыми и чинаровыми деревьями. Она безъ купола, покрыта дранью, въ планѣ четырехугольна, съ полукруглымъ алтарнымъ выступомъ съ востока. Длина церкви 22 аршина 2 вершка, ширина 16 аршинъ 2 вершка. Двери имѣются со всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной. Окна восемь, по три съ востока и запада, по одному съ сѣвера и юга. Окна узкія, небольшія. Общій видъ церкви воспроизводится нами на табл. II.

1. Серебряный образъ-складень св. Георгія, въ 19,5 × 15 сантиметра, весьма грубой работы. Украшенъ драгоценными камнями. На створкахъ съ наружной стороны въ медальонахъ представлены попарно святые: Маркъ и Θεодоръ съ надписями заглавнымъ церковнымъ письмомъ: **ՔՅ ԹԻՆԻ** — «св. Маркъ», **ՔՅ ԹԷՂ** — «св. Θεодоръ» (табл. III). На среднемъ тяблѣ внутри представленъ святой Георгій, стоя, съ копьемъ въ рукѣ, крайне уродливаго рисунка; техническое исполненіе плохое (табл. IV).

Надпись имени некрасивыми буквами заглавнаго церковнаго письма: **ՔՅ ԴԻ** — «св. Георгій». Ниже: **ՄԴԵՆԵՆ** (вѣроятно **ԳԵՂԵՂԵՆ** = **ԳԵՂԵՂԵՆ**). На оборотѣ образа на серебряномъ листѣ надпись заглавными буквами церковнаго письма, но очень некрасивыми и еле разбираемыми. Буква **Յ** всегда писана наоборотъ, нѣкоторыя строки еле замѣтны (табл. V). Нечего и говорить, что чтеніе нѣкоторыхъ словъ этой надписи гадательное, что и отмѣчено вопросительнымъ знакомъ. Надпись я читаю такъ:

оно должно равняться ზემუჭეჯღბო — украсители. Группа ზამკობო может означать и ზამკაობო.

Въ старинныхъ своихъ частяхъ образъ лучшей поры грузинскаго искусства, не позднѣе XIV вѣка.

Мы не знаемъ, когда жилъ моквскій деканозъ Гигерасимъ Перидзе, намъ неизвѣстный изъ другихъ источниковъ. Имена и фамилии золотыхъ дѣлъ мастеровъ — мингрельскія.

3. Образъ-складень св. Георгія и Димитрія серебряный, позолоченный, въ 30,5 × 26 сант., грубой работы, украшенъ драгоценными камнями. На створкахъ лицевой стороны (табл. VIII) св. Георгій и св. Димитрій стоя, одинъ съ мечомъ, другой съ копьемъ. Внутри на среднемъ тяблѣ (табл. IX) представленъ св. Георгій верхомъ на конѣ, подъ ногами котораго поверженъ *человѣкъ* въ воинскихъ доспѣхахъ. На новой работы обрамленія разводы и четыре святыхъ воина. На створкахъ съ внутренней стороны опять св. Георгій и св. Димитрій. Весь образъ крайне грубой работы неумѣло обновленъ, что особенно замѣтно на среднемъ тяблѣ внутри складни. Образъ, повидимому, начала XIX вѣка.

4. Въ Гулекарской церкви хранится сабля, порядкомъ покрытая ржавчиною, безъ ноженъ, но съ красивою рукояткою. Она извѣстна подъ названіемъ сабли Мурвана Глухого. Рассказываютъ, что когда этотъ арабскій полководецъ завоевалъ Грузію, онъ прибылъ и въ Гулекаръ и вошелъ въ церковь, чтобы посмотрѣть на чудотворный образъ святого Георгія. Не вѣря въ чудо, онъ сталъ насмѣхаться надъ образомъ; тогда настала тьма, двери церкви закрылись, и никакими усиліями предводитель арабовъ не могъ выбраться изъ нея. Испуганный этимъ обстоятельствомъ, Мурванъ смирился, призналъ икону чудотворною и обѣщалъ оставить въ церкви свою саблю, которою дорожилъ больше всего на свѣтѣ, если святой Георгій его выпуститъ изъ церкви. Мракъ смѣнился свѣтомъ, двери растворились, и Мурванъ былъ освобожденъ. Сабля осталась у святого Георгія, получившаго названіе Гулевел-и (გულეველი), т. е. გულეველი gulovan-и, что значитъ «храбрый», «съ несокрушимымъ сердцемъ».

Сабля имѣетъ въ длину 115 сантим.; рукоятка ея изъ слоновой кости съ двумя желѣзными полосками, украшенными золотой насѣчкой. Желѣзные выступы у основанія рукоятки кончаются змѣевидными головками. На одной желѣзной полоскѣ — изображеніе солнца золотомъ.

Указанная сабля не можетъ быть отнесена къ эпохѣ арабскаго завоеванія Грузіи; она скорѣе всего персидская или сельджукская.

Е. Такашвили.

Христосъ-плотникъ.

Когда Христосъ, по завершеніи служенія своего въ Галилеѣ, пришелъ въ свой родной городъ Назаретъ и выступилъ тамъ въ синагогѣ съ проповѣдью, многіе изъ присутствовавшихъ іудеевъ въ изумленіи задавали вопросы: откуда эта премудрость? какъ можетъ онъ творить такіе чудеса? «Не плотникъ ли онъ, сынъ Маріи, братъ Іакова, Іосіи, Іуды и Симона? Не здѣсь ли, между нами, его сестры? И соблазнились о немъ». Οὐχ οὗτός ἐστιν ὁ τέκτων, ὁ υἱὸς τῆς Μαρίας καὶ ἀδελφὸς Ἰακώβου καὶ Ἰωσήφου καὶ Ἰούδα καὶ Σίμωνος; καὶ οὐκ εἰσὶν αἱ ἀδελφαὶ αὐτοῦ ὧδε πρὸς ἡμᾶς; καὶ ἐσκανδαλίζοντο ἐν αὐτῷ. — Мк. 6, 3.

Въ соотвѣствующемъ разсказѣ у Мѳ. 13, 54-57 не говорится, что самъ Христосъ былъ плотникомъ, но только, что отецъ его, Іосифъ, былъ плотникомъ¹. «Не плотниковъ ли онъ сынъ? Не его ли мать называется Марія, и братья его Іаковъ и Іосифъ и Симонъ и Іуда? И сестры его не всѣ ли между нами? Откуда же у него все это? И соблазнились о немъ». Οὐχ οὗτός ἐστιν ὁ τοῦ τέκτονος υἱός; οὐχ ἡ μήτηρ αὐτοῦ λέγεται Μαρία καὶ οἱ ἀδελφοὶ αὐτοῦ Ἰάκωβος καὶ Ἰωσήφ καὶ Σίμων καὶ Ἰούδας, καὶ αἱ ἀδελφαὶ αὐτοῦ οὐχὶ πᾶσαι πρὸς ἡμᾶς εἰσιν; πόθεν οὖν τούτω ταῦτα πάντα; καὶ ἐσκανδαλίζοντο ἐν αὐτῷ².

¹ Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ начало приведенной цитаты изъ Мк. читается такъ: οὐχ οὗτός ἐστιν ὁ τοῦ τέκτονος υἱὸς καὶ τέκτων и пр. Это чтеніе, отнесенное Westcott-Portmъ къ числу тѣхъ, которые они назвали «западными» (Western), отвергается при установленіи текста второго евангелія.

² Кто кого «перерабатываетъ»? Матоей Марка, или Маркъ Матоей? По Holtzmann'у, Hand-Commentar zum Neuen Testament, Tübingen u. Lpzg. 1901, I. 1, 136, Матоей — Марка, по Usener'у, Geburt und Kindheit Christi. Vorträge u. Aufsätze, Lpzg. u. Berl. 1907, 171, Маркъ — Матоей. Если во что бы то ни стало стремиться искать «переработку», то хронологическій приоритетъ Марка говорилъ бы противъ Узенера. Но вопросъ о взаимоотношеніяхъ синоптиковъ на основаніи однихъ формальныхъ соображеній и доводовъ врядъ ли можетъ и долженъ быть рѣшаемъ и, во всякомъ случаѣ, не долженъ быть рѣшаемъ для всѣхъ случаевъ совпаденія и различія въ передачѣ преданія, которымъ пользовались синоптики, одинаково. По отношенію къ занимающимъ насъ мѣстамъ второго и перваго евангелій можно представить и такое объясненіе: Маркъ не называетъ Христа сыномъ плотника Іосифа (а, можетъ быть, и называетъ, если слѣдовать «западному» чтенію) потому, что у него вообще объ отцѣ Христа нѣтъ рѣчи (Swete, Marcus, Lpzg. 1898, — цитирую по Holtz-

Въ евангеліи отъ Луки (4, 22) іудеи ограничиваются вопросомъ: «Не Іосифовъ ли это сынъ»? Οὐχὶ υἱὸς ἐστὶν Ἰωσήφ οὗτος; О занятіяхъ плотничествомъ ни самого Христа, ни отца его рѣчи нѣтъ¹.

Въ евангеліи отъ Іоанна (1, 45) сомнѣніе въ томъ, что Христосъ — обѣщанный Мессія, вложено въ уста Наанаила изъ Вивсаиды; братъ его, Филиппъ, говоритъ ему: «Мы нашли того, о комъ писали Моисей въ законѣ и пророки, Іисуса, сына Іосифова, изъ Назарета». Οὐ γράφεν Μωϋσῆς ἐν τῷ νόμῳ καὶ οἱ προφῆται εὐρήκαμεν, Ἰησοῦν υἱὸν τοῦ Ἰωσήφ τὸν ἀπὸ Ναζαρέτ. У Іоанна центръ тяжести лежитъ въ томъ, что Христосъ происходитъ изъ Назарета, ибо Наанаилъ отвѣчаетъ Филиппу словами: Изъ Назарета можетъ ли что добро быти.

Да и вообще, если принять въ соображеніе специфическія особенности четвертаго евангелія, умолчаніе о социальномъ положеніи Христа могло бы, если бы это понадобилось, найти себѣ надлежащее объясненіе. Но чѣмъ объяснить то, что третій изъ синоптиковъ, любящій обо всемъ повѣствовать подробно и обстоятельно, не говоритъ о плотническихъ занятіяхъ ни Христа, ни его отца? На этотъ вопросъ попытаемся дать отвѣтъ ниже, а теперь займемся скучною, но необходимою филологическою работою: въ какомъ значеніи у Марка и Матфея надо понимать слово τέκτων? Должно ли переводить его обязательно словомъ «плотникъ», какъ оно переводилось и переводится на всѣ европейскіе живые языки?²

Тέκτων — исконное греческое слово³. Основное его значеніе соответствуетъ нашему «мастеръ», безотносительно къ тому матеріалу, въ кото-

mann'у — мудрствуетъ лукаво, думая, что у Марка называется одна только мать Іисуса потому, что Іисусъ сталъ плотникомъ вмѣсто умершаго уже Іосифа), Матеемъ же называется Христа сыномъ плотника Іосифа именно потому, что у него, какъ извѣстно, въ начальныхъ главахъ повѣствуется объ обстоятельствахъ рожденія и дѣтства Христа. Источникъ недоуменныхъ вопросовъ іудеевъ, какъ для Марка, такъ и для Матфея, былъ, вѣроятно, одинъ и тотъ же: приводимое, съ незначительными отклоненіями, изреченіе Христа: οὐκ ἐστὶν προφήτης ἄτιμος и пр.

¹ Источникомъ и для Луки послужило, конечно, передаваемое имъ ниже (4, 24) изреченіе Іисуса: οὐδεὶς προφήτης δεκτός ἐστιν ἐν τῇ πατρίδι αὐτοῦ. Комментаторы (см. Holtzmann) усматриваютъ въ вопросѣ іудеевъ «не Іосифовъ ли это сынъ» презрительное обозначеніе низкаго сословія вообще и ссылаются на I Царствъ 10, 11 («что это случилось съ сыномъ Кисовымъ? Неужели и Саулъ во пророкахъ?»), 20, 30 («развѣ я [Саулъ] не знаю, что ты [Іонафанъ] подружился съ сыномъ Іессеевымъ на срамъ себѣ и на срамъ матери твоей?»). И тутъ лукавое мудрствованіе комментаторовъ! И откуда можно заключать, что естественный въ устахъ іудеевъ вопросъ долженъ содержать въ себѣ непременно отбѣнокъ презрѣнія?

² Латинскій переводъ Библии передаетъ τέκτωνъ чрезъ faber, славянскій переводъ оставляетъ τέκτωνъ безъ перевода («Не сей ли есть тектонъ? Не сей ли есть тектоновъ сынъ?»).

³ Prellwitz, Etym. Wörterbuch d. griech. Sprache², Göttingen 1905, 454, возводитъ τέκτωνъ къ корню tekso, fertigen, künstlich wirken, zimmern.

ромъ онъ работаетъ, но при этомъ не всякій мастеръ, а мастеръ искусный, «мастеръ своего дѣла» — сказали бы мы. Такъ понимали τέκτωνъ уже древніе лексикографы (ср. Hesych. τέκτων· πᾶς τεχνίτης. Suid. κοινὸς τεχνίτης, ὁ λαός τε καὶ ὁ τῶν ξύλων εἰδήμων). Въ частности τέκτωνъ можетъ обозначать и плотника, и кораблестроителя, и строителя вообще, и рѣзчика, и ковача и т. д. Въ переносномъ значеніи даже поэты называются τέκτονες σοφοὶ ἐπέων, τέκτονες ὕμνων, даже Асклепій называется у Пиндара τέκτων νοδυνῶν ἄμερος. Въ одномъ мѣстѣ Одиссеи (ρ 384) наряду съ τέκτων δούρων сопоставляются μάντις, ἱητὴρ κακῶν, θεσπὶς αἰδός — и всѣ они причисляются къ разряду такъ называемыхъ δημιουργοί. Спрашивается: въ виду такого широкаго значенія слова τέκτωνъ въ приложеніи ко всякаго рода мастерству, есть ли основаніе передавать его въ указанныхъ евангельскихъ текстахъ непремѣнно словомъ «плотникъ»?

Въ новозавѣтныхъ книгахъ τέκτωνъ встрѣчается всего только дважды, въ приведенныхъ выше мѣстахъ евангелій отъ Марка и Матфея. Въ ветхозавѣтныхъ книгахъ, въ переводѣ Семидесяти, словомъ τέκτωνъ пользуются неоднократно, и притомъ или самостоятельно, или съ присоединеніемъ родительнаго опредѣлительнаго. Разсмотримъ сначала послѣдніе случаи употребленія τέκτωνъ:

I Царствъ 13, 19: καὶ τέκτων σιδήρου οὐχ εὐρίσκετο ἐν πάσῃ γῇ Ἰσραὴλ; τέκτων σιδήρου здѣсь значитъ кузнецъ.

II Царствъ 5, 11: καὶ ἀπέστειλεν Χειράμ βασιλεὺς Τύρου... τέκτονας ξύλων καὶ τέκτονας λίθων — плотниковъ и каменщиковъ.

III Царствъ 7, 12 (14): ὁ πατὴρ αὐτοῦ ἄνθρωπος Τύριος, τέκτων χαλκοῦ — мѣдникъ.

IV Царствъ 12, 11 (12): καὶ ἐξέδοσαν τοῖς τέκτοσιν τῶν ξύλων — плотникамъ.

I Паралип. 14, 1: καὶ ἀπέστειλεν Χειράμ... οἰκοδόμους καὶ τέκτονας ξύλων — плотниковъ.

I Паралип. 22, 15: τεχνῖται καὶ οἰκοδόμοι λίθων καὶ τέκτονες ξύλων — мастера, каменотесы, плотники¹.

Переходимъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ τέκτωνъ употреблено безъ опредѣленія.

IV Царствъ 22, 6: первосвященникъ Хелкія, по приказанію царя Іосіа, отдаетъ серебро, пожертвованное въ храмъ, производителямъ работъ въ храмѣ (τοῖς ποιοῦσιν τὰ ἔργα ἐν οἴκῳ Κυρίου), τοῖς τέκτοσιν καὶ τοῖς οἰκοδόμοις καὶ τοῖς τεχνισταῖς, на покупку дерева и тесанаго камня. Въ русскомъ переводѣ Библии

¹ Ср. Исх. 31, 5: τὰ ἔργα τὰ τεκτονικά τῶν ξύλων. Иносказательно въ Притч. 14, 22: οὐκ ἐπίστανται ἔλεον καὶ πίστιν τέκτονες κακῶν, ἐλεημόσυνα δὲ καὶ πίστις παρὰ τέκτοσιν ἀγαθῶς.

греческіе термины переданы такъ: «плотникамъ и каменщикамъ и дѣлателямъ стѣнъ». Сомнѣваюсь въ правильности этого перевода: прежде всего врядъ ли οἰκοδόμοι въ данномъ мѣстѣ значить «каменщики»; скорѣе здѣсь имѣются въ виду «строители» въ общемъ смыслѣ¹. Въ такомъ случаѣ и подѣ τέκτονες нѣтъ нужды понимать «плотниковъ», а лучше переводить это слово чрезъ «мастера», «работіе». Переводъ навѣянъ, очевидно, послѣдующими словами: τοῦ κτῆσασθαι ξύλα καὶ λίθους λατομητοῦς τοῦ κραταῖωσαι τὸ βέδεκ τοῦ οἴκου. На самомъ дѣлѣ, если прочитать внимательно всю фразу (καὶ ἔδωκεν αὐτὸ τοῖς ποιῶσιν τὰ ἔργα τοῖς ἐν οἴκῳ Κυρίου, τοῦ κατισχύσαι τὸ βέδεκ τοῦ οἴκου, τοῖς τέκτοσιν καὶ τοῖς οἰκοδόμοις καὶ τοῖς τεχισταῖς, καὶ τοῦ κτῆσασθαι ξύλα и пр.), то ясно станетъ, что Хелкія отдалъ деньги 1) производителямъ работъ, а именно: мастерамъ (рабочимъ), строителямъ (наблюдателямъ за производствомъ работъ, по нашему: десятникамъ) въ храмѣ и «дѣлателямъ стѣнъ» и 2) на покупку лѣса и камня.

IV Царствъ 24, 14: Навуходоносоръ ἀπώρισεν τὴν Ἱερουσαλὴμ καὶ πάντας τοὺς ἄρχοντας καὶ τοὺς δυνατοὺς ισχύ... καὶ πᾶν τέκτονα καὶ τὸν συνκλείοντα. Русскій переводъ «всѣхъ плотниковъ» невѣренъ; очевидно, имѣется въ виду, судя по контексту, «всѣхъ мастеровъ». То же IV Царствъ 24, 16, гдѣ русскій переводъ τὸν τέκτονα передаетъ уже словомъ «художниковъ».

I Паралип. 4, 14: Καὶ Σαραῖά ἐγέννησεν τὸν Ἰωβὰβ πατέρα Ἀγαθδααίρ, ὅτι τέκτονες ἦσαν. Чтобы уяснить значеніе τέκτονες въ данномъ мѣстѣ, инте-

¹ Значеніе слова οἰκοδόμος въ ветхозавѣтныхъ книгахъ не всегда возможно установить съ точностью. Оно встрѣчается: 1) въ приведенномъ выше мѣстѣ IV Царствъ 12, 11 (12)-13 (14) въ такомъ сочетаніи: καὶ ἐξέδοσαν τοῖς τέκτοσιν τῶν ξύλων καὶ τοῖς οἰκοδόμοις τοῖς ποιῶσιν ἐν οἴκῳ Κυρίου καὶ τοῖς τεχισταῖς καὶ τοῖς λατόμοις τῶν λίθων, τοῦ κτῆσασθαι ξύλα καὶ λίθους λατομητοῦς τοῦ κατασκευαῖν τὸ βέδεκ οἴκου Κυρίου; здѣсь въ русскомъ переводѣ сказано правильно: издерживали (серебро) на плотниковъ и строителей, работавшихъ въ домѣ Господнемъ, и на дѣлателей стѣнъ и на каменотесовъ, также на покупку деревъ и тесаныхъ камней, для починки поврежденій въ домѣ Господнемъ. 2) II Паралип. 34, 11, см. ниже. 3) I Паралип. 29, 6: принесли пожертвованія на храмъ ἄρχοντες πατριῶν καὶ οἱ ἄρχοντες τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ καὶ οἱ χιλάρχοι καὶ οἱ ἐκατόνταρχοι καὶ οἱ προστάται τῶν ἔργων καὶ οἱ οἰκοδόμοι τοῦ βασιλέως; такъ какъ чтеніе даннаго мѣста не установлено прочно (рукопись А вмѣсто οἰκοδόμοι даетъ οἰκονόμοι; этого чтенія придерживается и русскій переводъ: «начальники надъ имѣніями царя»), то его можно было бы и не касаться; во всякомъ случаѣ, въ данномъ мѣстѣ, какъ видно изъ контекста, подѣ οἰκοδόμοι слѣдовало бы разумѣть не простыхъ мастеровъ или рабочихъ, а нѣчто въ родѣ нашихъ архитекторовъ. 4) I Ездры 5, 58: καὶ οἰκοδόμησαν οἱ οἰκοδόμοι τὸν ναὸν τοῦ Κυρίου; очевидно, здѣсь οἰκοδόμοι—строители. 5) То же значеніе 6, 4: καὶ τίνες εἰσὶν οἱ οἰκοδόμοι οἱ ταῦτα τελοῦντες. 6) Исаи 58, 12: καὶ κληθήσῃ οἰκοδόμος φραγμῶν—строитель. 7) Иезек. 40, 8: καὶ ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ ἦν σπαρτίον, σπαρτίον οἰκοδόμων—строителей. Въ Новомъ Завѣтѣ οἰκοδόμος встрѣчается лишь однажды въ Дѣяніяхъ Апост. 4, 11: ὁ λίθος ὁ ἐξουθενηθεὶς ὑφ' ὑμῶν τῶν οἰκοδόμων—перифразъ Псал. 117, 22, гдѣ стоитъ, однако, причастная форма: οἱ οἰκοδομοῦντες. И въ томъ и въ другомъ случаѣ имѣются въ виду «строители».

ресна справка, наведенная Н. Я. Марромъ въ еврейскомъ оригиналѣ, мнѣ недоступномъ (русскій переводъ: родоначальника долины плотниковъ, потому, что они были плотники)¹.

II Паралип. 24, 12: производители работъ ἐμισθοῦντο λατόμους καὶ τέκτονας ἐπισκευάσαι τὸν οἶκον Κυρίου, καὶ χαλκεῖς σιδήρου καὶ χαλκοῦ ἐπισκευάσαι τὸν οἶκον Κυρίου; исходя изъ контекста возможно, хотя и не обязательно, понимать здѣсь подѣ τέκτονας «плотниковъ», какъ дано и въ русскомъ переводѣ; не исключена, однако, возможность усматривать въ данномъ случаѣ въ τέκτονας вообще «мастеровъ», особенно если слѣдовать, при установленіи текста, codex Alexandrinus, въ которомъ слова καὶ χαλκεῖς... οἶκον Κυρίου опущены².

II Паралип. 34, 11: производители работъ ἔδωκαν (деньги) τοῖς τέκτοσι καὶ τοῖς οἰκοδόμοις, καὶ ἀγοράσαι λίθους τετραπέδους καὶ ξύλα εἰς δοκοὺς στεγᾶσαι τοὺς οἴκους; что разумѣть здѣсь подѣ τέκτονες, специально ли «плотниковъ», или вообще «мастеровъ»³?

I Ездры 5, 53 (54). Рѣчь идетъ о подготовительныхъ работахъ по возстановленію храма, когда даны были деньги τοῖς λατόμοις καὶ τέκτοσι καὶ ποτὰ καὶ βρωτὰ καὶ χάρα τοῖς Σειδωνίοις καὶ Τυρίοις εἰς τὸ παράγειν αὐ-

¹ «Плотники» представляетъ уточненіе, не вполне соответствующее чтенію подлинника, гдѣ стоитъ терминъ ܦܝܬܪܝܐ «faber», «мастеръ», вообще «работникъ» обыкновенно съ прибавленіемъ названія матеріала—дерева, камня или металла, предмета специальности работника, когда имѣется въ виду точно опредѣлить видъ мастерства. Въ наличномъ текстѣ сирійскаго перевода, какъ и въ вульгатной армянской версіи стоятъ слова ԲԱԼ, հրահ, которыя обычно дѣйствительно понимаются въ значеніи «плотникъ», но въ древнѣйшей армянской версіи, восходящей къ сирійскому тексту, чтеніе—«какъ они были въ видѣниі». Объясняется это странное чтеніе тѣмъ, что первоначально въ сирійскомъ переводѣ былъ удержанъ упомянутый еврейскій терминъ, по составу коренныхъ тождественный съ сирійскимъ ܦܝܬܪܝܐ «искусство маговъ», понятое не только, какъ «магія», но и какъ «кудесничество», «прорицаніе», «видѣніе». Н. Марр.

² Въ еврейскомъ оригиналѣ названный выше терминъ; тотъ же терминъ во второй половинѣ стиха въ соответствии греческому χαλκεῖς, гдѣ древнѣйшій армянскій переводъ передаетъ его словомъ tartarapet «мастеръ», «художникъ», «τεχνίτης», «artifex» (въ позднѣйшемъ употребленіи обыкновенно «архитекторъ»), и въ томъ же мѣстѣ сирійская версія переводитъ словомъ «дѣлатель», «производитель», «творецъ»; въ первой же половинѣ наличный текстъ сирійской версіи, какъ и вульгатная армянская версія, воспроизводя греческій подлинникъ въ позднѣйшемъ пониманіи, τέκτων передаетъ упомянутыми выше словами, обычно означающими «плотникъ», и такой переводъ внесенъ и въ наличный текстъ древнѣйшей армянской версіи изъ армянской вульгаты, гдѣ, кстати, какъ и въ codex Alexandrinus, нѣтъ вовсе второй части стиха, проникшей однако въ еврейскій текстъ LXX. Н. М.

³ Въ еврейскомъ оригиналѣ все тотъ же терминъ, но въ наличныхъ текстахъ сирійской и обѣихъ армянскихъ версій въ соответствии ему имѣются слова со значеніемъ обычно «плотникъ», присущія позднѣйшимъ вариантамъ, когда имѣются параллельныя чтенія для одного и того же мѣста и насколько прослѣживается пониманіе интересующаго насъ термина по сирійскимъ и армянскимъ его переводамъ въ различныхъ мѣстахъ. Н. М.

τοὺς ἐκ τοῦ Λιβάνου ξύλα κέδρινα, διαφέρειν σχεδίας εἰς τὸν Ἰόππης λιμένα; и здѣсь окончательно высказаться въ сторону того или иного пониманія τέκτονες не рискую, хотя контекстъ говоритъ, пожалуй, скорѣе въ пользу пониманія подъ ними «плотниковъ». Ср. то же II Ездры 3, 7.

Осін 8, 6: καὶ αὐτὸ (идола) τέκτων ἐποίησεν, καὶ οὐ θεός ἐστιν; русскій переводъ правильно: «художникъ сдѣлалъ его, и потому онъ — не богъ». Ср. то же Осін 13, 2.

Захар. 1, 20: καὶ ἐδείξεν μοι Κύριος τέσσαρας τέκτονας. Καὶ εἶπα τί οὗτοι ἔρχονται ποιῆσαι; καὶ εἶπεν. . . ἐξήλθουσιν οὗτοι τοῦ θξύναι αὐτὰ (τὰ κέρατα) εἰς χεῖρας αὐτῶν τὰ τέσσαρα κέρατα, τὰ ἔθνη τὰ ἐπαιρόμενα κέρασ ἐπὶ τὴν γῆν Κυρίου τοῦ διασκορπίσαι αὐτήν; русскій переводъ «показалъ мнѣ Господь четырехъ рабочихъ» едва ли правиленъ; скорѣе здѣсь τέκτονες употреблено метафорически, и, во всякомъ случаѣ, не въ смыслѣ «плотники».

Исаіи 40, 19-20: μὴ εἰκόνα ἐποίησεν τέκτων. . . ξύλον γὰρ ἄσηπτον ἐκλέγεται τέκτων; здѣсь, конечно, τέκτων — художникъ.

Исаіи 41, 5-7: εἶδον ἔθνη καὶ ἐφοβήθησαν, τὰ ἄκρα τῆς γῆς ἠγγισαν καὶ ἦλθον ἅμα, κρίνων ἕκαστος τῷ πλησίον βοηθῆσαι καὶ τῷ ἀδελφῷ, καὶ ἐρεῖ Ἰσχυσεν ἄνθρωπος τέκτων, καὶ χαλκεὺς τύπτων σφύρῃ, ἅμα ἐλαύνων. Русскій переводъ словъ ἄνθρωπος τέκτων не передаетъ; славянскій переводъ — «древодѣлатель»; скорѣе понимать нужно въ общемъ значеніи «мастеръ».

Исаіи 44, 12-13: ὥξυνεν τέκτων σίδηρον. . . ἐκλεξάμενος τέκτων ξύλον ἔστησεν αὐτὸ ἐν μέτρῳ καὶ ἐν κόλλῃ ἐρύθμισεν αὐτό, καὶ ἐποίησεν αὐτὸ ὡς μορφὴν ἄνδρος καὶ ὡς ὠραιότητα ἀνθρώπου, στήσαι αὐτὸ ἐν οἴκῳ. . . ἔκοφεν ξύλον ἐκ τοῦ δρυμοῦ. . . ἵνα ᾧ ἄνθρωποις εἰς καὺσιν. Въ первомъ случаѣ здѣсь τέκτων, несомнѣнно, значитъ «кузнецъ»; во второмъ случаѣ подъ τέκτων можно разумѣть и плотника и мастера вообще и даже художника.

Иерем. 10, 3: τὰ νόμιμα τῶν ἐθνῶν μάταια· ξύλον ἐστὶν ἐκ τοῦ δρυμοῦ ἐκκεκομμένον ἔργον τέκτονος καὶ χώνευμα; здѣсь контекстъ показываетъ, что τέκτων значитъ «плотникъ».

Послание Иерем. 7: γλῶσσα γὰρ αὐτῶν ἐστὶν κατεξυσμένη ὑπὸ τέκτονος; русскій переводъ правильно: «языкъ ихъ выстроганъ художникомъ». 45: идола у халдеевъ ὑπὸ τεκτόνων καὶ χρυσοχόων κατεσκευασμένα εἰσὶν· οὐδὲν ἄλλο μὴ γένηται ἢ ὁ βούλονται οἱ τεχνῖται αὐτὰ γενέσθαι; подъ τέκτονες здѣсь разумѣются, надо полагать, скульпторы, работающіе въ камнѣ (имѣя противопологаются χρυσοχοί — литейщики); τεχνῖται художники вообще¹.

¹ Прем. Солом. 13, 11-13 ὁλοτόμος τέκτων въ русскомъ переводѣ хорошо передано «древодѣлъ», т. е. всякій мастеръ, искусно работающій въ деревѣ. Прем. Сирах. 38, 27 (28) πᾶς τέκτων значитъ, конечно, не плотникъ, а рѣзчикъ.

Сопоставленіе тѣхъ мѣстъ Ветхаго Завѣта, гдѣ встрѣчается τέκτων, убѣждаетъ насъ въ томъ, что, 1) когда хотѣли передать этимъ словомъ опредѣленно понятіе «плотникъ», къ нему прибавляли τῶν ξύλων, 2) τέκτων безъ опредѣленія и въ переводѣ LXX имѣло такое же широкое значеніе въ отношеніи обозначенія всякаго мастера, какое ему свойственно было въ греческомъ языкѣ вообще. Все это вмѣстѣ взятое не даетъ намъ основанія понимать подъ τέκτων евангельскихъ текстовъ непременно и исключительно «плотника».

И, тѣмъ не менѣе, освященная вѣками традиція представляла и представляетъ самого Христа (и, во всякомъ случаѣ, его отца Іосифа) плотникомъ. Откуда эта традиція ведетъ свое происхожденіе, объ этомъ рѣчь будетъ ниже; пока же достаточно отмѣтить, что, насколько оказывается возможнымъ прослѣдить, первое упоминаніе о томъ, что Христосъ занимался плотническимъ ремесломъ, восходитъ къ срединѣ II вѣка¹.

Иустинъ мученикъ въ своемъ «Диалогѣ съ Трифономъ иудеемъ» (Migne, P. G. VI, 685) пишетъ: Духъ Святой сошелъ на Іисуса, «когда онъ пришелъ къ Іордану, онъ, который считался сыномъ Іосифа плотника, являлъ себя, какъ провозглашало Писаніе, невзрачнымъ, считался плотникомъ (ибо, пребывая среди людей, онъ исполнялъ плотническія работы, плуги и ярма, показывая тѣмъ самымъ примѣры справедливости и дѣятельной жизни)». Καὶ ἐλθόντος τοῦ Ἰησοῦ ἐπὶ τὸν Ἰορδάνην καὶ νομίζομένου Ἰωσήφ τοῦ τέκτονος υἱοῦ ὑπάρχειν καὶ αἰδοῦς, ὡς αἱ Γραφαὶ ἐκήρυσσον, φαινομένου καὶ τέκτονος νομίζομένου (ταῦτα γὰρ τὰ τεκτονικὰ ἔργα εἰργάζετο ἐν ἀνθρώποις ὢν, ἄροτρα καὶ ζυγά· διὰ τούτων καὶ τὰ τῆς δικαιοσύνης σύμβολα διδάσκων καὶ ἀεργῇ βίῳ).

Изъ приведеннаго отрывка видно, что Іустинъ подъ τέκτων понимаетъ плотника — въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ. Исходя изъ того, что онъ какъ Іосифа, такъ и Христа называетъ плотниками, можно было бы заключить, что въ распоряженіи Іустина были евангельскіе тексты перваго и второго евангелій. Но если присмотрѣться ближе къ тексту Іустина, выходитъ, что, называя Іосифа и Христа «плотниками», онъ основывался не на евангельскихъ текстахъ, а на ходившемъ преданіи. Въ самомъ дѣлѣ, лишь при упоминаніи о томъ, что Христосъ былъ невзраченъ, Іустинъ добавляетъ: ὡς αἱ Γραφαὶ ἐκήρυσσον², при упоминаніи же о томъ, что Христосъ

¹ Въ самомъ раннемъ источникѣ нашихъ свѣдѣній о Христѣ нѣтъ и намека на его социальное положеніе: имѣю въ виду посланіе ап. Павла, хотя послѣдній, по преданію, самъ и былъ ремесленникомъ (σκηνοποιός), Дѣян. ап. 18, 3.

² Какіе Графаі Іустинъ имѣетъ въ виду? Конечно, ветхозавѣтные. Ср., напр., Исаіи 53, 8: καὶ εἶδομεν αὐτόν (Κύριον), καὶ οὐκ εἶχεν εἶδος οὐδὲ κάλλος, ἀλλὰ τὸ εἶδος αὐτοῦ ὀπίσθιον καὶ ἐκλιπὸν παρὰ τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων. Ср. Посл. къ Филипп. 2, 7: Χριστὸς ἐκυτὸν ἐκένωσεν μορφὴν δούλου λαβὼν.

считался сыномъ плотника Иосифа и самъ былъ плотникомъ, Иустинъ пользуется глаголомъ *υποίκοσθαι*. Этимъ Иустинъ какъ бы хочетъ сказать, что таково было преданіе, таковъ былъ общераспространенный взглядъ. Впрочемъ, быть можетъ, скажутъ, что мы слишкомъ педантично толкуемъ текстъ Иустина, хотя, съ филологической точки зрѣнія, его иначе понимать невозможно. Важно, во всякомъ случаѣ, установить, что въ срединѣ II вѣка создавалась уже традиція о занятіяхъ плотничествомъ Христа и отца его Иосифа. Была ли это традиція устная, или же она была зафиксирована въ письменномъ видѣ, вопросъ открытый¹.

Скорѣе, однако, приходится предполагать первое. Отъ средины III вѣка до насъ дошло замѣчательное свидѣтельство Оригена, этого величайшаго христіанскаго ученаго первыхъ столѣтій нашей эры. Въ сочиненіи «Противъ Кельса», написанномъ между 246 и 248 годами, Оригенъ, опровергая возраженія Кельса противъ христіанства, опредѣленно заявляетъ, что «нигдѣ въ евангеліяхъ, бывшихъ въ обращеніи въ церквахъ, самъ Иисусъ не называется τέκτων», причемъ подъ τέκτων, какъ видно изъ контекста, разумѣется «плотникъ»². Оригенъ былъ, какъ извѣстно, прекрасно освѣдомленъ о различныхъ христіанскихъ церквахъ, и освѣдомленность эта основывалась на личномъ знакомствѣ съ ними: изъ его біографіи мы знаемъ, что онъ, помимо Александріи, главнаго мѣста своей дѣятельности, былъ и въ Римѣ, и въ Палестинѣ, и въ Греціи, и въ Малой Азіи, и въ Сиріи и даже въ Аравіи. Оригенъ — добросовѣстный писатель; хотя то сочиненіе, откуда приведена выписанная нами цитата, полемическаго характера, но у насъ нѣтъ никакихъ основаній заподозрить, что категорическое утвержденіе Оригена заключаетъ въ себѣ что-либо преувеличенное; мы должны ему вѣрить, что въ тѣхъ евангеліяхъ, которые въ его время христіанскою церковью признаны были для церковнаго обихода «каноническими», нигдѣ не содержалось указанія на то, что Христосъ былъ τέκτων, «плотникъ».

А если такъ, то возникаетъ вопросъ: въ такомъ ли видѣ читался во время Оригена Мк. 6, 3, въ какомъ онъ читается теперь³. Если установле-

¹ Къ сожалѣнію, мнѣ была недоступна книга G. Archambault (Justin. Dialogue avec Tryphon. Texte grec, traduction française, introduction, notes et index, 2 тт., Paris 1909), гдѣ, быть можетъ, этотъ вопросъ разбирается.

² Origen. c. Cels. VI, 36 (II, p. 105 Koetschau): Κελσὺς εἶτα παίζων τὰ περὶ τοῦ ξύλου ἀπὸ δύο τόπων αὐτὸν χλευάζει λέγων διὰ τοῦτο αὐτὸ παραλαμβάνεσθαι, ἥτοι ἐπεὶ σταυρῷ ἐνηλώθη ὁ διδάσκαλος ἡμῶν ἢ ἐπεὶ τέκτων ἦν τὴν τέχνην, οὐχ ὁρῶν ὅτι τὸ ξύλον τῆς ζωῆς ἐν τοῖς Μωυσεῶς ἀναγέγραπται γράμμασιν, ἀλλὰ καὶ οὐ βλέπων, ὅτι οὐδαμοῦ τῶν ἐν ταῖς ἐκκλησίαις φερομένων εὐαγγελίων «τέκτων» αὐτὸς ὁ Ἰησοῦς ἀναγέγραπται.

³ Что касается Мк. 13, 55—57, гдѣ говорится о «плотничествѣ» Иосифа, то Узенберт, въ указанной выше статьѣ, доказываетъ, что повѣствованіе о рожденіи и дѣтствѣ Христа — а съ

ніе, въ окончательномъ видѣ, новозавѣтнаго канона произошло, въ восточной половинѣ имперіи, лишь въ IV—V вѣкахъ, то и установленіе текста нашихъ каноническихъ евангелій, особенно синоптическихъ, врядъ ли совершилось заразъ, въ одинъ пріемъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ — вопросъ слишкомъ важный и сложный, да къ тому же къ обсужденію его я не чувствую себя ни подготовленнымъ, ни призваннымъ.

И все-таки преданіе о томъ, что и Христосъ, по примѣру своего отца Иосифа, въ своей частной жизни, былъ τέκτων, плотникъ, несомнѣнно циркулировало въ христіанскихъ кругахъ уже въ довольно раннюю пору. Объ этомъ говорятъ и свидѣтельства Иустина мученика и Оригена, восходящіе ко II вѣку⁴. Объ этомъ же, особенно что касается Иосифа, еще краснорѣчивѣе свидѣлствуютъ евангелія апокрифическія, въ частности та группа ихъ, которая обнимаетъ «Дѣтство Христа»⁵. Фактъ этотъ — настолько общезвѣстенъ, что останавливаться на немъ излишне⁶.

Зато врядъ ли лишена интереса попытка разгадать, откуда и на какомъ основаніи могло попасть въ евангельскіе тексты указаніе о томъ, что Христосъ былъ τέκτων, безотносительно, пока, къ тому, что подъ этимъ терминомъ мы будемъ разумѣть.

Наши евангелія (особенно синоптическіе) заключаютъ въ себѣ сопоставленіе «словъ» и «дѣлъ» Христа. Это положеніе можно считать теперь фактомъ, научно обоснованнымъ⁷. Первые апостолы и вообще распростра-

этимъ повѣствованіемъ связано и все, относящееся къ личности Иосифа — представляетъ легенду, возникшую значительно позже того, какъ ученіе и исторія страданій Христа были зафиксированы въ письменной формѣ. См. мой очеркъ «Евангелія каноническія и апокрифическія», Птгр. 1919, 110 сл.

¹ Сочиненіе Кельса, съ которымъ полемизируетъ Оригенъ, появилось, какъ извѣстно, въ 70-хъ годахъ II вѣка.

² Ср. напр. Protoev. Jacobi 9, 1. 13, 1. Ps. Matth. 10, 37. Evang. Thomae latinum 11. Арабская «Исторія Иосифа плотника», армянская книга «Дѣтства» (см. P. Peeters, Evangiles apocryphes, Paris 1914) и т. д.

³ Преданіе о томъ, что Христосъ, по примѣру отца своего Иосифа, былъ плотникомъ входило и входитъ, какъ нѣчто не подлежащее сомнѣнію и въ жизнеописанія Христа, появившіяся въ новое время. См. хотя бы A. Réville, Jésus de Nazareth, Paris 1897, I, 418 сл., гдѣ рисуется такая поэтическая картина-фантазія: «Le charpentier menuisier Joseph devait donc équarrir des poutrelles, fabriquer des meubles très simples, tables, lits, espèces de bahuts tenant lieu d'armoires, bois de charrie, bancs, échelles, etc. La famille était nombreuse. Jésus avait des frères et des sœurs dont il était l'aîné. Le travail du père devait subvenir aux besoins de cet humble ménage, et il y a tout lieu de croire que Jésus exerça pendant plusieurs années le métier paternel» и пр. и въ примѣчаніи «Cf. Mc. VI, 3. Il faut remarquer la légère modification introduite dans le texte parallèle de Mt. XIII, 53, comme si l'on eût repugné à admettre que le Christ eût jamais consenti à exercer lui-même une profession manuelle. Il est donc très vraisemblable que le fils aîné dut travailler pour les nourrir tous jusqu'à ce que ses frères fussent en état de suffire à leurs besoins».

⁴ См. указанный нашъ очеркъ, 15 сл., 109 сл.

нители христианскаго ученія передавали, конечно, устно своимъ слушателямъ рассказы о «словахъ» и «дѣлахъ» Христа, при чемъ болѣе, чѣмъ вѣроятно, приписывавшіеся Христу «слова» служили поводами, а иногда канвою, для приуроченія къ «словамъ» и соответствующихъ «дѣлъ». На томъ частномъ вопросѣ, которому посвящена настоящая замѣтка, это положеніе, думается мнѣ, можетъ быть доказано съ несомнѣнною очевидностью.

Когда Христа привели на судъ къ первосвященнику, стали искать свидѣтелей, показанія которыхъ должны были повлечь за собою смертный приговоръ. «И нѣкоторые, поднявшись со своихъ мѣстъ, стали лжесвидѣтельствовать на него, говоря: мы слышали, какъ онъ говорилъ: Разрушу храмъ этотъ рукотворный и въ теченіе трехъ дней построю другой нерукотворный» (ἐγὼ καταλύσω τὸν ναὸν τοῦτον τὸν χειροποίητον καὶ διὰ τριῶν ἡμερῶν ἄλλον ἀχειροποίητον οἰκοδομήσω). Такъ Мк. 14, 57-58. Ср. 15, 29: καὶ οἱ παραπορευόμενοι ἐβλάσφημουν αὐτὸν κινεῖντες τὰς κεφαλὰς αὐτῶν καὶ λέγοντες: οὐκ ὁ καταλύων τὸν ναὸν καὶ οἰκοδομῶν [ἐν] τρισὶν ἡμέραις. У Мѳ. 26, 60-61 читается: ὕστερον δὲ προσελθόντες δύο (ψευδομάρτυρες) εἶπαν· οὗτος ἔφη δύναμαι καταλύσαι τὸν ναὸν τοῦ θεοῦ καὶ διὰ τριῶν ἡμερῶν οἰκοδομήσαι. Ср. 27, 39-40: οἱ δὲ παραπορευόμενοι ἐβλάσφημουν αὐτὸν κινεῖντες τὰς κεφαλὰς αὐτῶν καὶ λέγοντες· ὁ καταλύων τὸν ναὸν καὶ ἐν τρισὶν ἡμέραις οἰκοδομῶν. Въ русскомъ переводѣ передача глагола οἰκοδομέω не выдержана (Мк. 14, 58 «воздвигнуть»; 15, 29, Мѳ. 27, 40 «созидать»; Мѳ. 26, 61 «создать»), хотя въ греческомъ текстѣ вездѣ употребленъ не допускающій иносказательнаго толкованія терминъ οἰκοδομεῖν, «строить»¹. Такъ понимали его, конечно, и лжесвидѣтели, выступавшіе на судѣ, и толпа, надругавшаяся надъ Христомъ, когда онъ висѣлъ на крестѣ.

Въ евангеліи отъ Луки, при описаніи суда надъ Христомъ въ сinedrionѣ, лжесвидѣтели, выступающіе въ первомъ и второмъ евангеліяхъ, отсутствуютъ совершенно; не ставится въ вину Христу и похвальба его касательно разрушенія и постройки храма. У Луки старѣйшины, первосвященники и книжники прямо начинаютъ свой допросъ словами: Ты ли Христосъ? Скажи намъ. На что Христосъ отвѣчаетъ: Если я скажу, вы не по-

вѣрите, а если я спрошу, вы мнѣ не отвѣтите. Отнынѣ сынъ Человѣческій возсядетъ одесную силы Божіей (22, 67-69).

Точно также и въ четвертомъ евангеліи, при описаніи сцены суда надъ Христомъ у первосвященника, лжесвидѣтели не выступаютъ, обвиненіе, касающееся храма, противъ Христа не выдвигается (Іо. 18, 19-24). Правда, слова Христа «Разрушьте храмъ сей, и я въ три дня воздвигну его» приводятся въ четвертомъ евангеліи, но при иной ситуаци: когда Христосъ предъ Пасхою пришелъ въ Іерусалимскій храмъ и изгналъ оттуда торговцевъ и мѣнялъ, іудеи задаютъ ему вопросы: чѣмъ докажешь ты, что можешь такъ поступать. На что Христосъ отвѣчаетъ: «Разрушьте храмъ этотъ, и въ три дня я воздвигну его»—λύσατε τὸν ναὸν τοῦτον, καὶ ἐν τρισὶν ἡμέραις ἐγερῶ αὐτόν (Іо. 2, 19). Нужн обратить вниманіе, что здѣсь употребленъ не глаголъ οἰκοδομεῖν, а глаголъ ἐγείρειν, что придаетъ и всему изреченію, какъ это счелъ нужнымъ пояснить и евангелистъ (Іо. 2, 21: онъ говорилъ о храмѣ тѣла своего), иносказательный смыслъ — въ приложеніи къ воскресенію Христа (ср. Іо. 2, 2: ὅτε οὖν ἠγέρθη ἐκ νεκρῶν, ἐμνήσθησαν οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ ὅτι τοῦτο ἔλεγεν и пр.)¹. Но іудеи поняли изреченіе Христа буквально: «Въ теченіе 46 лѣтъ строился (οἰκοδομήθη) храмъ этотъ, а ты въ три дня воздвигнешь (ἐγερεῖς) его» (Іо. 2, 20).

Итакъ, и первое и второе и четвертое евангелія свидѣтельствуютъ о томъ, что Христу приписывалось «слово»: «Разрушьте храмъ этотъ, и я въ три дня построю его»². Авторъ четвертаго евангелія, что и естественно ожидать отъ него, придавъ этому слову иносказательный смыслъ и истолковалъ его въ примѣненіи къ будущему Христа, т. е. къ его воскресенію. Авторы перваго и второго евангелій (или ихъ источники, что для насъ безразлично) поняли «слово» Христа, что опять-таки вполне естественно для нихъ, въ прямомъ смыслѣ и сдѣлали изъ него соответствующій выводъ относительно прошлаго Христа, т. е. относительно того, кѣмъ онъ былъ въ своей частной жизни: коль скоро Христосъ можетъ построить храмъ, значитъ онъ τέκτων. Такъ по Марку. Матѳею, какъ мы видѣли, говорить

¹ Ἐγείρειν имѣетъ въ четвертомъ евангеліи значеніе «подниматься», «вставать» (5, 8. 11, 29. 13, 4. 14, 31), «пробуждать мертвыхъ» (5, 21. 12, 1. 9, 17. 21, 14), т. е. воскрешать. Въ смыслѣ «возставать», «являться» ἐγείρειν употреблено у Іо. 7, 52 въ выраженіи: ἐκ τῆς Γαλιλαίας προφήτης οὐκ ἐγείρεται.

² Само изреченіе Христа у Мѳ., Мк. и Іо. передается, какъ мы видѣли, не въ тождественныхъ выраженіяхъ. Каково оно было, доискиваться безплодно. Врядъ ли комментаторы правы (см. Holtzmann, Handcommentar къ Мк. 14, 58), когда они думаютъ, что первоначальную форму изреченія нужно усматривать у Мѳ. 26, 61. Скорѣе, она сохранена намъ у Мк. 14, 58, если отбросить слова χειροποίητον и ἄλλον ἀχειροποίητον, навѣянные, быть можетъ, при дальнѣйшей обработкѣ второго евангелія, Іо. 4, 21. 23.

¹ Ср. Мѳ. 7, 24. 26. Лк. 6, 48. 49. Дѣян. 47, 49 (строить домъ). Мѳ. 21, 33. Мк. 12, 1. Лк. 14, 28 (строить башню). Мѳ. 23, 29. Лк. 11, 47, 48 (строить гробницы). Мѳ. 12, 18 (строить житницу). Лишь однажды въ евангеліяхъ οἰκοδομεῖν употреблено метафорически: Мѳ. 16, 18: ταῦτα τῇ πέτρᾳ οἰκοδομήσω μου τὴν ἐκκλησίαν. Въ посланіяхъ ап. Павла οἰκοδομεῖν употребляется исключительно метафорически. Въ прямомъ смыслѣ οἰκοδομεῖν широко примѣняется и въ восточавѣтныхъ книгахъ, причемъ неоднократно также по отношенію къ храму Іерусалимскому.

только о томъ, что отецъ Христа, Иосифъ, былъ *тѣхтѡу*, а былъ ли такимъ же *тѣхтѡу* самъ Христосъ, умалчиваетъ. Быть можетъ, это благочестивое, такъ сказать, умолчаніе, находящее себѣ объясненіе въ той опредѣленной цѣли, которая руководила авторомъ перваго евангелія при его составленіи: доказать, что Христосъ — обѣщанный Мессія (второе евангеліе, какъ доказано, свободно отъ какой-либо тенденціозности)¹. Но самое характерное — повѣствованіе третьяго евангелія: въ немъ, какъ упомянуто, не приводятся «словъ» Христа касательно разрушенія и постройки храма, поэтому нѣтъ и указанія на то, что Христосъ, или хотя бы его отецъ, были *тѣхтѡуеѡс*. Такъ объясняю я себѣ возникновеніе легенды о томъ, что Христосъ былъ плотникомъ: изъ «слова», приписываемаго Христу, возникло и «дѣло», касающееся его жизни и дѣятельности.

Въ заключеніе позволю себѣ вернуться къ тому, съ чего началъ: къ пониманію въ евангельскихъ текстахъ слова *тѣхтѡу*. Христосъ обѣщаетъ построить храмъ въ три дня. Чтобы построить храмъ, мало еще знать плотничье ремесло; къ тому же и храмъ, вѣдь, пужно было строить не изъ дерева, да и сама постройка храма — дѣло очень сложное, требующее и познаній технических и опытности практической. И странно было бы предполагать, что іудеи, возмущенные похвалой Христа, подумали и сказали: въ три дня берется построить храмъ — видишь, какой плотникъ нашелся. Врядъ ли они подумали и сказали при этой похвалѣ Христа: смотрите, какой архитекторъ! Іудеи, конечно, знали, что архитекторъ составляетъ планъ, руководитъ работами, но самъ, своими руками, ничего не строитъ. Если не считать вообще празднымъ занятіемъ догадываться о томъ, что подумали и что сказали іудеи, когда слышали слова Христа: «Разрушите храмъ этотъ, и я въ три дня построю его», то невольно хочется вложить въ ихъ головы и уста такое ироническое замѣчаніе: смотрите, какой мастеръ (въ смыслѣ «искусный мастеръ») нашелся! А такому пониманію и будетъ соответствовать примѣненный въ евангельскихъ текстахъ терминъ *тѣхтѡу*. Былъ ли, однако, дѣйствительно таковымъ Христосъ въ своей частной жизни и дѣятельности, этого мы не знаемъ, да врядъ ли когда-либо и узнаемъ.

С. Жебелевъ.

¹ См. нашъ очеркъ объ евангеліяхъ, 28, 33. Возможно, Маттеей, упоминая о томъ, что отецъ Христа былъ *тѣхтѡу*, предоставлялъ самому читателю заключать о томъ, что и сынъ занимался тѣмъ же ремесломъ, какимъ занимался отецъ, такъ какъ въ древности было обычнымъ явленіемъ переходъ занятій тѣмъ или инымъ мастерствомъ отъ отца къ сыну.

Фрагментъ грузинской версіи „Дѣтства Христа“.

О существованіи въ древнегрузинской письменности извѣстнаго въ различныхъ литературахъ апокрифа о Дѣтствѣ или Отрочествѣ Христа впервые, собственно говоря, стало извѣстно съ 1892 года со словъ Н. Я. Марра, который, въ одной изъ своихъ первыхъ работъ по армяно-грузинской филологіи, касаясь пріобрѣтеннаго имъ Каталога Грузинскихъ Книгъ, составленнаго въ концѣ XVIII или въ началѣ XIX столѣтія, указывалъ, что въ этомъ Каталогѣ «въ числѣ другихъ произведеній, переведенныхъ съ армянскаго на грузинскій языкъ, поименовано (№ 177) Дѣтство Господа (სიუძე უფლისა)»¹.

Въ данномъ случаѣ Н. Я. Марръ, очевидно, имѣлъ въ виду тотъ переводъ интересующаго насъ апокрифа, который приписывается извѣстному грузинскому дѣятелю XVIII вѣка Досиѡею (Черкезишвили), епископу Некресскому². Но помимо этой, примыкающей къ армянскому прототипу, версіи апокрифа о Дѣтствѣ Господа, вскорѣ была обнаружена также другая переводная версія того же апокрифа, восходящая, судя по всѣмъ даннымъ, къ греческому оригиналу³. Въ «Разсужденіи св. Евѡимія Святогорца съ Теодоромъ, іереемъ Сабѡминдскимъ», изданномъ М. Сабининымъ, подъ заглавіемъ: *თქმულება მამის ჩუენის უფლისა მთაწმინდელის* *Сказанное отцомъ нашимъ Евѡиміемъ Святогорцемъ*, интересующій насъ апокрифъ «Дѣтство Гос-

¹ Н. Марръ, Изъ лѣтней поѣздки въ Арменію. Замѣтки и извлеченія изъ армянскихъ рукописей, X. ЗВО, т. VI (1891), стр. 135—136.

² А. Хахановъ, Очерки по исторіи грузинской словесности, в. III, Москва 1901, стр. 409, прим. 1.

³ Эту версію неоднократно упоминалъ А. С. Хахановъ; см. его: Памятники грузинской отреченной литературы (изъ ЖМНП. 1894 г., № 11), стр. 36; Очерки по исторіи грузинской словесности, в. II, Москва 1897, стр. 319—321, ქართული სიტყვების ისტორია, изд. 2-е Тфл. 1914, стр. 100—101, 106 и прим. тамъ-же.

пода» (სიერმე უფლისაჲ) упоминается въ числѣ апокрифовъ и вообще отреченныхъ книгъ, которыя переведены съ греческаго на грузинскій языкъ св. Евхиміемъ Святогорцемъ¹.

Версія эта сохранилась въ рукописи Тифлискаго Церковнаго Музея № 95, относящейся къ X вѣку² и представляющей собою сборникъ цѣлаго ряда (до 146) разнородныхъ произведеній³.

Рукопись писана въ два столбца строчнымъ церковнымъ письмомъ конца X столѣтія, причемъ интересующій насъ апокрифъ помѣщается въ ней на столбцахъ 568b — 572b. Къ сожалѣнію, на 572-мъ листѣ апокрифическій текстъ обрывается, и далѣе идетъ «Житіе и Мученичество св. Эрены, дочери царя Ликиніа». Нужно полагать, что соотвѣтствующіе листы, на которыхъ было изложено продолженіе апокрифа, вырваны впоследствии. Тѣмъ не менѣе, и въ подобномъ своемъ, фрагментарномъ, видѣ древнѣйшая грузинская версія апокрифа не лишена интереса.

Грузинская версія Дѣтства или Отрочества Христа, подлежащая въ рукописи Тифлискаго Церковнаго Музея № 95 и представляющая собою нѣкотораго рода unicum, озаглавлена такъ: სიერმე ოფლისა ჩუენისა იესოჲ ქრისტესი. ღაპრობას იკითხონ ესე საკითხავი⁴ *Отрочество Господа нашего Иисуса Христа. Чтеніе это подобаетъ читать на Срѣтеніе*⁵.

Эта версія издается ниже въ точной копій съ оригинала, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей послѣдняго какъ въ отношеніи стили, такъ и орфографіи. Русскій переводъ текста, хотя и сокращенный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неточный, былъ уже данъ А. С. Хахановымъ⁶.

Встрѣчающіеся въ текстѣ грецизмы отмѣчены въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ (въ выноскахъ); таковы: ღოფა — ἄλφα, ბეტა — βῆτα, მთ — μτ⁷.

¹ М. Сабининъ, საქართველოს სპობი, стр. 432—433.

² По А. С. Хаханову (Очерки по исторіи грузинской словесности, в. II, стр. 319) — XII вѣка.

³ Подробное содержаніе рукописи см. у Θ. Д. Жорданія, Описаніе рукописей Тифлискаго Церковнаго Музея etc., кн. I, Тфл. 1903, стр. 96—114 (о Дѣтствѣ Христа см. стр. 105).

⁴ Ср. также прот. Корн. Кекелидзе, Иерусалимскій канонарь VII вѣка, Тфл. 1912, стр. 181—182 (статия, съ неточной выпиской — *თიერმე ოფლისა ჩუენისა* вмѣсто *თიერმე ოფლისა ჩუენისა*).

⁵ ღაპრობას, гесп. ღაპრობას — праздникъ Срѣтенія Господня (см. прот. Корн. Кекелидзе, ц. с., стр. 331).

⁶ А. Хахановъ, Очерки по исторіи грузинской словесности, в. II, стр. 319—321. — Ср. славянскую версію апокрифа: М. Н. Сперанскій, Славянскія апокрифическія евангелія, въ «Трудахъ VIII Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. II», 1890, стр. 38—72.

⁷ Ср. ниже, стр. 345. Ред.

სიერმე ოფლისა ჩუენისა იესოჲ ქრისტესი.

568^b

ღაპრობას იკითხონ ესე საკითხავი.

1. ერმად იყო, ხუთ წლად მოდგებოდა იესოჲ, მისრულ იყო და იმდერდა იგი წარსავალსათანა წყალთა და ნაკადულთასა. მოზღუდვიდა და შეაყენებდა და იქმოდა ტბოვრებსა.

2. და მოვიდის მერმე გარდაუტევის და დასწმენ წყალსა მას ქვასა ზედა და ტბორად¹ განწმედილსა მას დატკრებდა.

3. მერმე აღმოიღებნ თიკასა მას ჩხვლსა განწმედილისა მისგან და შექმნა იგი სირებად თორმეტად.

4. და იყო დღე იგი შაბათი და სხვანიცა მრავალნი ერმანი იმდერდეს მისათანს.

5. და რაჟამს იხილა ერთმან ჭურათაგანმან, რამეთუ იგი || ერმათათანა ამას 569^a იქმოდა, მიიმართა იოსებისა მამისა მისისა და მიიყვანა და უჩუენა მას იგი და ეტყოდა: «გეთილმე არსა დღესა შაბათსა ესე ვითარი საქმე გამოსხვად მოვინ- ვ ველთა ამთ თიკისაგან?»

6. და მოვიდა იოსებ, ჭრისხვიდა მას და ჰქუა: «რამესთჲს იქმ შენ ამას დღესა შაბათსა?» ხოლო მას ვითარცა ესმა ესე იწყო გელთა ურთიერთსა შეტუეულებად და აღაფრინვა სირები იგი წინაშე მათ უაველთასა და ჰქუა: «ფრინეველთ და ვ მომიკსენეთ მე ცხოველი». და რომელ იგი სირები აღაფრინდა წარვიდეს წივილით.

7. იხილა რამ ესე ერთმან ფარისეველმან, შეწუდნა და დავარდა და მერმე წარვიდა მწრთელ თხრობად მეგობართა თჳსთა.

8. მაშინ ძე ანანასი მდღელთმოძღვრისა², რამეთუ იგიცა თჳთ მოსრულ იყო იოსებისათანა და მუნქუესვე მოიღო მან რტომ ძეწნისა და გარდასხა ტბორები იგი წყალთა, რომელ იგი შეეკრიბა იესოჲს და შესაკრებელი იგი წყალთა ვ განსკმო.

9. იხილა რამ იესოჲ, რამ იგი უო, მან ჰქუა: «ჲ ძელო ჲ ძეო რტომთურთ განკმელო შემწუარო ბუნითურთ ძალითა მით სულისა იონანასითა». და ერმად იგი მეესეულად დავარდა განკმელი.

10. მერმე იესოჲ მივიდოდა იოსებისათანა, მოვიდოდა ერმად ერთი და ეკუეთა მკარსა მისისა განრისნა იესოჲს და ჰქუა: «ნუ მიხვდე გზასა მაგას შენსა». და მეესეულად მუნქუესვე დავარდა და მოკუდა ერმად იგი.

11. დადავებდა აღიდეს რომელნი იგი მუნ დგეს და იტყოდეს: «ვინამე

¹ ტბორად повторяется дважды.

² Въ данномъ случаѣ *მდღელთმოძღვარი* — эквивалентъ арм. *բահանապետ* — «первосвященникъ».

არს ჩუენდა ურმაჲ ესე შობილი, რამეთუ ყოველნი სიტყუანი მაგისნი საქმს³ არიან?

12. მოვიდეს და მოადგეს სასლელნი მის მკვდრისანი იოსებს და ეტყოდეს: «უკუეთუ ეგე ურმაჲ შენათნა იუოს, ვერ ეგების შენი ჩუენ შობის ცხარებაჲ. 570^a აწ ასწავე მას, რამათა აკურთსებდეს ყოველთა და არა სწყევდეს». მაშინ წარმოდგა იოსებ, ასწავებდა მას და ეტყოდა: «რამათა ბოროტსა იტყოდე, რამეთუ ამას კაცებსა ვსძულთ ჩუენ».

13. იწყო სიტყვად იესოჲ ურმამან მან და ჭქუა: «ჟერად გონიერ არიან სიტყვანი იგი შენნი. მე ვიცი შეილთა მაგათთა კუასა დგინებაჲ». და 570^b მერმე იწყო ესრე სიტყუად: «წევამდა თუ არა შეიწყნარონ ტანჯვამა შევე-იწყნარონ».

14. მასვე უამსა რომელნი იგი ჰბასრობდეს ერთბამად დაბრმეს. ხოლო იოსებ ვითარ იხილა, განრისხნა და უპერა უური მისი და ჰზიდა.

15. ხოლო მან მიჰხედა და ჭქუა იოსებს: «აჲ კმა არს შენდა ძიებაჲ ჩემი და პოვნამა. შენ აწ მიხეზით მეცნიერებაჲ კელთა აღვიდებიეს».

16. ზაქეს ვისმე, ესმოდან სიტყუად ესე, რასა იგი ეტყოდა იოსებს, და ჭქუა იოსებს ზაქე: «ეგე ვითარისა მაგის ურმისა ფიცხლისა და ურიდისაჲ არა გნე- 570^b ბავსა მოძღუარსა მიცემად, რამათა ისწავს სიუყარული მოყვასთაჲ | და თავისაჲ ყოფამა მოხუცებულთაჲ და ძიებაჲ აეროვნისა პირისაჲ მოხუცებულთაჲსა, რამათა თვსთა მათცა შეილთა მოწყალებაჲ აგოს შეწყნარებაჲ და სწავლად 6 მათა».

17. და თქუა იოსებ: «ფინმე შეუძლოს ესე ვითარისა ამის ურმისა შეწყნარებაჲ და სწავლად? ნუმცა მცირისა რამს ჟერისაჲ შეგირაცხიეს იგი».

18. მიუგო მას ურმამან მან და ჭქუა: «მაგათ სიტყუათაგან მოძღუარ რომელთა იგი აწ იტყვ მე უცხოად შემირაცხიეს თავი ჩემი. რამეთუ გარეშს³ არს თქუენსა და შინაგან თქუენდა».

19. «რამეთუ არა ვითარ კორცთა აზნაურებაჲ რამე არს ჩემათნა, ხოლო შენ ეგერა შჯულთა ზედა სდგა, რამეთუ შობასა ზს ენასა მუნქუეს ვდეგ და შენ ვინ 570^c უწყის ჰგონებდე ვითარმედ მამამ ვარ, რამათა ჰპოო მოძღვრებაჲ ძისაგან, რომელი იგი 'არა სადა ვინ' უწყოდა სხუა მათსავე, რომელიცა ასწავის სხუასა».

20. «და ჟუარსა 'მას, რომელს შენ სახელ სდეგ, აღვიდო ეგე შენ ვისი არს 571^a შეილი ეგე, რამეთუ უმეტეს' || აღუმადდე, მითხარდა ნიში იგი ნათესავისა მის 571^b შენისაჲ, ვინ არს, ვითარ იგი უწყიან, მე მარტომან უწყი და თქუენ არა უწყითო, ვინამა ყოფილ ხართ ანუ რავდენ უამ ყოფად ხართ»,

21. ხოლო იგინი დგეს ეგრეთ დაკვრებულნი და კმითა მადლითა დაღაბდეს და იტყოდეს: «მრავალი ესე სმენამა და ახალი ხილვამა და ესე ვითარი ესე სიტ- 571^c ყუამა არა სადა მასმიეს არცა მოძღუართაგან და არცა ფარისეველთაგან და არცა სხუათა ნათესავთაგან. ვინამა ყოფილ არს ესე?».

22. «რამეთუ ხუთი წელი არდა აღსრულებულ არს ამისი და იხილეთღა ვითარ იგი კმობს ესე. ესე ვითარი არა მიხილავს ჩუენ ურმაჲ».

23. მერმე იწყო სიტყვად და თქუა: «დაგიკვრდების ანუ უფრო ურწმუნო ხართ რომელსა გეტყვ თქუენ, რამეთუ გარეშ თქუენ რდესმე, რამა შობილ ხართ, უფრომს უწყი მე თქუენსა, ვიხილე მე და მესმა კმამა».

24. ხოლო მათ, ვითარცა ესმა კმამა ესე, პირი | დაიკრეს და სიტყუად ვერ 571^b შეუძლეს თქვამად.

25. წარდგა იესოჲ მათ წინაშე და თქუა: «'///' იობდი მე თქუენ, რამეთუ თქუენ მიდბსა აგინებთ, რამეთუ ხართვე უშჯულო გონებითა თქუენითა». ხოლო მან ვითარ ესრეთ უღბილესად იწყო სიტყუად მათა.

26. და ჭქუა ზაქე მოძღუარმან იოსებს: «მელა მომეც ურმაჲ ეგე და მე ვასწავო მაგას, რამა წეს იუოს სწავლად მაგისა». და თავსა კელსა უსვმიდა და მიიყვანა იგი სამწიგნობრედ და შევიდა და დადუმნა ურმაჲ.

27. ხოლო მოძღუარი იგი ზაქე მრავალ გზის მასვე წერილსა ასწავებდა და იწყო აღფრთოვან¹ სწავლად მისა, მეორედ დააქცია მოგებაჲ მისა და იგი დუმნა, მერმე განრისხნა მოძღუარი იგი და სცა კელითა თავსა მისსა.

28. მიუგო ურმამან მან და ჭქუა: «განუზომელად გამიკვრდების სწავლად უსწავ- 572^a ლელთა, მე უშემძლებელს ვარ თქუამდ ვიდრეგან, რომელსა იგი შენ || იტყვ, ვითარცა რვალი ოხრეს და ვითარცა წინწილნი ვეჯნიან, რამეთუ არა მოაკეს- 572^b ნებენ კმას სიტყვს მოგონებისასა და არცა გონებასა მის გულისკმის ყოფად ძალისა».

29. და იწყო იესოჲ სიტყუად წერილისა მის ყოფლისა აღფრთოვან მითა ჰამდე² დიდითა გამოძიებითა.

30. მერმე თქუა: «რომელთა ეგე აღფრთა არა იცით, ბეტასა³ მას ვარ მე ასწავებად? განდა მიმარტოთ პირველად აღფრთა ესე, მაშინდა მრწმენეს თქუენი ბე- 572^c ტამსა თვსცა, რასა იგი იტყოდით».

31. და იწყო იესოჲ კითხვად ხატი და სახელი პირველისაჲ მის წერილისაჲ, რამეთუ აქნდა მას სახელებსა მკედლებს, წარმატებულებს, ჰქცევისებს, ზეუყუენ კერძ- 573^a ლებს, მიმოქცეულებს, კვკერის საცებს ფერად საფასს³ მართლიად შობით.

32. ხოლო ზაქეს მოძღუარი იგი მისი | დგა დაკვრებული ეგოდენსა მას სახე- 573^b ლისდებასა, ხატ შენიერებასა მას საკვრეულებასა, კმითა მადლითა დაღაბებდა და იტყოდა: «ვამ ჩემდა, რამეთუ თავით თვსით ესე ვითარი საქმს³ შევიმთხე, გან- 573^c მაშორეთ ჩემგან, გვედრები თქუენ».

33. «რამეთუ ჟერგე არა არს მაგისი ქუეენისა ზედსლვამა, ჰუმარიტად ღირს არს ესე დიდისა მის ჟუარისა. ამან ტყცხლისცა მას შეუძლოს შეწყ-

¹ Греч. ἀλφα.

² Греч. μτ.

³ Греч. βητζ.

3 ვად, მე ესრე მგონიერ, ვითარმედ ესე წყლითრღეხისა მის წინა ნოვესა ყოფილ
არს».

34. «რამე სავამე ყოფილ არს, რომელსა ეტყობა ეგე, ანუ რამე ყოფილი
არს იგი დიდე, რომელსა ეპყრა ესე წმიდა».

35. «შესვლებულ ვარ, დაუთმობ გონებასა, გარდასრულ ვარ. შევიტყუე
თავით თვსით, სიტბილი შემეღვა. მე ესრე ვტკონებდ ვითარმედ მონაწილე შემო-
3 ვიყვანე სახიდ ჩემდა |

Л. Меликсетъ-Беновъ.

„Тронъ“ или „икона“?

Въ послѣднія два десятилѣтія грузинская эпиграфика значительно обогатилась и количественно и качественно, какъ тщательностью воспро-изведенія, нерѣдко съ таблицами, такъ научностью толкованій, преимуще-ственно впрочемъ историческихъ. Львиная доля въ этой работѣ, исполня-лась ли она на грузинскомъ языкѣ или на русскомъ, принадлежитъ историку Е. С. Такайшвили. Критики отдѣльныхъ книгъ по этой работѣ почти не было, не было даже простыхъ о нихъ отзывовъ научныхъ, между тѣмъ ихъ длинный рядъ у одного Е. С. Такайшвили, этихъ обна-родованныхъ группами, въ большинствѣ по мѣсту находенія, памятниковъ грузинской эпиграфики. Они появлялись главнымъ образомъ въ Извѣстіяхъ Кавказскаго Отдѣленія Московскаго Археологическаго Общества и въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа. Такое молчаніе ни въ какомъ отношеніи не заслужено самими изданіями Е. С. Такайшвили, да и едва-ли желательно съ точки зрѣнія и общихъ, и специальныхъ интересовъ всей нашей области знанія. Молчаніе можетъ быть учтено не только какъ признакъ согласія. На лицо точно глубокое равнодушіе къ вопросамъ, возбуждаемымъ памятниками грузинской эпи-графики, между тѣмъ вопросы эти представляютъ живѣйшій интересъ, при-томъ многосторонній, не для однихъ историковъ и археологовъ. Вѣдь до сихъ поръ съ точки зрѣнія историковъ и археологовъ, главнымъ образомъ историковъ, грузинскія надписи и подвергаются освѣщенію со времени Броссе, Иосселиани, Бакрадзе, тогда какъ онѣ не менѣе интересны для лингвистовъ и для этнографовъ. Руководители кавказской серіи СМ, по всей видимости, не чуяли, что въ ней именно, въ матеріалахъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа, издававшіеся Е. С. Такайшвили памят-ники находили вполнѣ соотвѣтственно ихъ природѣ помѣщеніе. Посильно я намѣренъ подѣлиться нѣкоторыми наблюденіями и вызванными ими мы-

прочное? Объ этомъ то слѣдовало бы спросить тѣхъ историковъ, которые уже не въ Тифлисѣ, а въ Москвѣ и Петроградѣ въ основу организаціи университетскаго преподаванія гуманитарныхъ наукъ кладутъ разлученіе историческихъ предметовъ съ филологическими, въ искреннемъ убѣжденіи, что это есть полезное для историческихъ, вообще общественныхъ наукъ новшество.

Н. Марръ.

Некрологи.

Оскаръ Эдуардовичъ Леммъ.

1856 — 1918.

21-го мая — 3-го іюня 1918 г. скончался Оскаръ Эдуардовичъ Леммъ, (Oscar von Lemm).

На протяженіи одного года наша наука потеряла двухъ ученыхъ, съ именами которыхъ связано начало у насъ ученой традиціи въ представлявшихся имъ областяхъ научнаго знанія. Въ лицѣ М. В. Никольскаго сошелъ въ могилу первый русскій ассириологъ; съ О. Э. Леммомъ впервые въ аудиторію русскаго университета вошла египтологія; наука лишилась въ немъ авторитетнѣйшаго представителя христіанской отрасли египтологіи — коптовѣдѣнія.

Небогата внѣшними фактами угасшая преждевременно жизнь покойнаго. Онъ родился 5 сентября 1856 г. въ Петроградѣ, воспитывался въ Александровскомъ Лицеѣ, съ которымъ сохранилъ живую связь до кончины. Одинъ изъ его лицейскихъ товарищей, проводивъ его до обители вѣчности, говорилъ собравшимся у его могилы, какъ самъ почившій нашелъ себѣ призваніе и удовлетвореніе и какъ въ этомъ отношеніи онъ выдѣляется изъ ряда многихъ своихъ сверстниковъ. Дѣйствительно, еще на ученической скамьѣ онъ проникся интересомъ къ Древнему Египту и, по окончаніи въ 1877 г. курса, отправился въ Германію для занятія египтологіей и семитовѣдѣніемъ. Здѣсь въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ подъ руководствомъ Эберса, Лепсіуса, Шрадера, Дильмана и др. зрѣло новое поколѣніе изслѣдователей классическаго Востока, которому нѣмецкая наука обязана своимъ успѣхами, доставившими ей исключительное положеніе. Достаточно сказать, что сверстниками и коллегами О. Э. были Эрманъ, Видеманъ, В. Максъ Мюллеръ, Штернъ, Бецольдъ и многіе другіе, имена которыхъ тѣсно связаны съ тѣмъ періодомъ въ исторіи науки, когда область изученія культуры Египта и Передней Азіи становится на прочныя филологическія основанія, когда строго проводится историческій методъ, когда акрибія классика сдѣлалась идеаломъ, не достижимымъ и для египтолога. И О. Э. былъ въ своей области яркимъ представителемъ этого направленія, усвоеннаго имъ въ аудиторіяхъ Лейпцигскаго и Берлинскаго Университетовъ. Въ 1882 году онъ былъ уже докторомъ перваго изъ нихъ. Его докторской диссертацией было небольшое изслѣдованіе. «Das Ritualbuch des Amundienstes». Ein Beitrag zur Geschichte der Kultusformen im al-

ten Aegypten. Съ 1883 г. О. Э. былъ ученымъ хранителемъ Азіатскаго Музея Академіи Наукъ и занималъ этотъ постъ до самой своей кончины. За все это время онъ отлучался изъ Петрограда только въ 1883 г. на международный конгрессъ ориенталистовъ въ Лейденѣ и въ 1896 г. въ свою въ высшей степени плодотворную для науки заграничную командировку, когда ему удалось посѣтить библіотеки и музеи Европы, содержащія сокровища коптской письменности. Съ 1887 г. по 1891 г. онъ въ качествѣ приватъ-доцента преподавалъ въ Петроградскомъ Университетѣ (на факультетѣ восточныхъ языковъ) египтологию, коптскій языкъ и даже ассириологию. Съ 1901 г. онъ состоялъ почетнымъ членомъ Каирскаго Institut Égyptien, а въ 1906 г. избранъ въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ.

Ученая дѣятельность О. Э. распадается на три періода. Сначала онъ работаетъ въ области Древняго Египта; по возвращеніи въ Россію переходитъ постепенно къ Египту христіанскому, разрабатывая коптскія рукописи здѣшнихъ библіотекъ; наконецъ, собранный во время заграничной командировки огромный матеріалъ далъ ему возможность далеко выйти за предѣлы петроградскихъ собраний, расширить и углубить свои изслѣдованія и сдѣлаться едва ли не первымъ авторитетомъ въ области коптовѣдѣнія, заставляя прислушиваться къ своему голосу специалистовъ всего ученаго міра.

Докторская диссертация О. Э. впервые обратила вниманіе на важный памятникъ древне-египетской храмовой литературы—хранившуюся въ Берлинскомъ музеѣ богослужебную книгу Амона храма въ Оивахъ, папирусъ № 55. Онъ далъ критическое изданіе съ переводомъ и комментариемъ только однихъ надписаний «главъ» этой книги, т. е. наименованіе церемоній и священныхъ дѣйствій ежедневнаго культа, совершенно основательно считая полное изданіе текста памятника еще преждевременнымъ и требующимъ сложныхъ и подготовительныхъ работъ. Дѣйствительно, только въ 1892 году появилось большое изслѣдованіе Moret, *Le Rituel du culte divin journalier en Égypte*, основанное отчасти на напечатанномъ только въ 1896 г. Берлинскимъ музеемъ официальномъ изданіи ритуальныхъ книгъ культа Амона и Мутъ, но привлечшее къ изученію и другой обширный параллельный матеріалъ. Въ 1887 г. О. Э. еще разъ возвратился къ старой темѣ, напечаталъ въ *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* небольшую замѣтку: «Einige Bemerkungen zur Ceremonie des Lichtanzündens» (XXV, 113—116). Здѣсь онъ даетъ текстъ и переводъ всей первой «главы» ритуала въ виду того, что на страницахъ названнаго журнала появились работы Эрмана и Дюмакена, посвященныя церемоніи возженія огня. Какъ въ диссертации, такъ и въ этой статьѣ разсѣяны цѣнныя замѣтки лексическаго, палеографическаго и реального характера, иногда развивающіяся въ цѣлыя экскурсы, напр. на стр. 36—42 объ аллитераціяхъ, столь излюбленныхъ въ египетскихъ текстахъ, или на стр. 11—20, гдѣ впервые произведено изслѣдованіе о «діактрической» чертѣ. Замѣтимъ, что только въ 1908 г. Зете пришелъ къ тѣмъ же выводамъ объ ея употребленіи, забывъ конечно о своемъ предшественникѣ.

Другой трудъ, посвященный О. Э. древнему Египту—его *Aegyptische Lesestücke*¹, задуманный въ видѣ обширнаго пособия для начинающихъ египто-

логовъ, съ таблицей знаковъ, многочисленными текстами и словаремъ. Ему удалось исполнить только половину этой задачи, выпустивъ первую часть, содержащую таблицу знаковъ, тексты іероглифическіе и іероглифическія транскрипціи нѣкоторыхъ іератическихъ текстовъ. Изданіе было встрѣчено сочувственно; Эрманъ¹, Эберсъ², Пиль³ и др. посвятили ему отзывы, въ которыхъ указывали на его своевременность, на большую пригодность, сравнительно съ единственной въ то время хрестоматіей Рейниша. Дѣйствительно, до самаго появленія трудовъ этого рода, принадлежащихъ Эрману и Мэллеру, хрестоматія О. Э. была начальной книгой для чтенія всѣхъ египтологовъ слѣдовавшаго за нимъ поколѣнія. Для потребностей своей петроградской аудиторіи О. Э. выпустилъ въ 1890 г. небольшое добавленіе къ своей хрестоматіи «*Excerpta e libris sacris veterum Aegyptiorum*», содержащее первую главу книги Мертвыхъ по критическому изданію Навилля, булакскій гимнъ Амону и плачъ Исиды и Нефтиды въ іероглифической транскрипціи.

Петроградскія египетскія собранія не могли серьезно заинтересовать О. Э. по его возвращеніи изъ-за границы тѣмъ болѣе, что эрмитажные папирусы изучались уже В. С. Голенищевымъ, равно какъ и древне-египетская часть его собственной, тогда еще бывшей въ начальномъ періодѣ своего образованія, коллекціи. Значительную часть интереса свѣжести и новизны потеряли петроградскія собранія и вслѣдствіе того, что самое важное изъ нихъ было, кромѣ папирусовъ, уже описано Либлейномъ. Кое-что О. Э. нашелъ въ частныхъ коллекціяхъ, но и изъ нихъ онъ не призналъ ничего заслуживающимъ изученія и изданія. За то въ Публичной Библіотекѣ его ожидали сокровища коптской письменности, поступившія въ 1853 г. изъ коптскихъ монастырей послѣ третьяго путешествія Тишендорфа. Это были пергаменные листы съ сахидскими и средне-египетскими отрывками изъ св. Писанія, апокрифическихъ дѣяній Апостоловъ, Апокалипсиса Арх. Михаила, житій св. мучениковъ, между прочимъ Виктора, исторія Александрійскихъ патріарховъ. Бокейскія рукописи богослужебныхъ книгъ, гораздо болѣе поздняго происхожденія, но все же цѣнныя, нашлись въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ и въ Институтѣ Восточныхъ языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Коптскій матеріалъ здѣшнихъ собраний затѣмъ значительно увеличился, благодаря приобрѣтеніямъ В. С. Голенищева и экспедиціямъ В. Ю. Бока, предпринятымъ по почину Эрмитажа. Все это ждало изслѣдователя, такъ какъ В. С. Голенищевъ не интересовался коптовѣдѣніемъ, а единственный тогда русскій ученый, который могъ бы этимъ заняться, В. В. Болотовъ, имѣя опредѣленныя задачи церковно-историческаго характера, не располагалъ временемъ для работы надъ изданіемъ текстовъ.

Такимъ образомъ О. Э. выпала на долю почетная задача ввести въ научный оборотъ эти долго лежавшія втунѣ богатства и даже подвергавшіяся опасности погибнуть. Безцѣнной заслугой О. Э. было спасеніе ихъ отъ разрушенія. О коптскихъ рукописяхъ Публичной Библіотеки онъ пишетъ между прочимъ слѣдующее: «Die Handschriften sind leider alle in einem schrecklichen Zustande; sie bestehen abgesehen von einer Anzahl grösserer Stücke aus unzähligen kleinen Stücken, die alle geordnet und an die richtige Stelle gebracht werden müssen. An

¹ Deutsche Literaturzeitung. 1883, 421.

² Literar. Centralblatt. 1884. № 5.

³ Nordisk Revy. Sept. 1884.

¹ Leipzig. Hinrichs'sche Buchhandlung. 1883. I Theil. Schrifttafel und Lesestücke. Изданіе посвящено «Seinem hochverehrten und lieben Lehrer Herrn Prof. Dr. Georg Ebers».

manchen Stellen sind die Blätter durchlöchert, an anderen ist die Schrift schon fast erloschen, dazu kommt noch, dass ein guter Theil der Blätter ganz zusammengeschrunpft ist und es oft nicht wenig Mühe kostet etwas aus den Falten herauszulesen. Die Handschriften haben durch langes Liegen und, wie es scheint, früher auch durch das Feuer stark gelitten¹.

Послѣ кропотливаго труда, О. Э. удалось спасти для науки рядъ цѣнныхъ памятниковъ, и уже въ 1883 г. онъ сдѣлалъ о нихъ докладъ на международномъ конгрессѣ ориенталистовъ въ Лейденѣ². Черезъ два года вышло въ Лейпцигѣ автографированное изданіе сахидскихъ тишендорфовскихъ библейскихъ отрывковъ Публичной Библиотеки съ описаніемъ и другихъ коптскихъ рукописей этого собранія³. Въ томъ же году за этимъ послѣдовало изданіе еще семи сахидскихъ библейскихъ фрагментовъ⁴ и девяти средне-египетскихъ текстовъ изъ того же источника⁵. Библейскіе отрывки петроградскихъ и иныхъ собраній бывали неоднократно предметомъ его занятій и въ послѣдующее время⁶.

Болѣе интересные тексты требовали и болѣе сложныхъ занятій и разысканій, привлеченія параллельнаго матеріала, поисковъ за другими частями тѣхъ же памятниковъ, расчлененныхъ въ видѣ отдѣльныхъ листовъ по музеямъ и библиотекамъ всего міра — вѣдь вся древняя коптская литература дошла до насъ въ истерзанномъ видѣ. О. Э. стремится къ реконструкціи того, что имъ найдено и спасено и окончательно дѣлаетъ своей спеціальностью разработку коптскаго языка и письменности. Житіе Св. Виктора и Апокалипсисъ Арх. Михаила—двѣ темы, къ которымъ онъ непрерывно шелъ и для которыхъ онъ накопилъ огромный матеріалъ. Первую изъ нихъ ему удалось довести до конца, но еще не удалось увидѣть полностью въ печати.

Раньше всѣхъ увидѣли свѣтъ отрывки «Исторіи Патріарховъ»⁷, для которыхъ нашелся восполняющій матеріалъ въ изданныхъ Zoega и Rossi частяхъ того же памятника въ борджіанской и туринской рукописяхъ. О. Э. доказалъ, что этотъ памятникъ не исторія патріарховъ, а похвальное слово св. Афанасію Великому; фрагменты извѣстной исторіи патріарховъ Севира Ашмунейскаго онъ видитъ въ другой борджіанской рукописи (№ 160), которой въ той же работѣ и посвятилъ небольшое изслѣдованіе. Имъ были опредѣлены и мельчайшіе «сиротствующие» («verwaiste») кусочки изданнаго Россіи текста; они составили рядъ новыхъ фрагментовъ похвальнаго слова св. Афанасію⁸.

¹ Bruchstücke der Sahidischen Bibelübersetzung, XVIII.

² Actes du 6 Congrès des orientalistes. Comptes-rendus I, 143 (краткое упоминаніе).

³ Bruchstücke der Sahidischen Bibelübersetzung nach Handschriften der Kaiserl. Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg. Lpz. 1885. XXIII + 32.

⁴ Sieben sahidische Bibelfragmente. Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde XXIII (1885), 19 — 22.

⁵ Mittelägyptische Bibelfragmente. Études dédiées à C. Leemans (Leide 1886), 95—102.

⁶ Sahidische Bibelfragmente. I и II Изв. Акад. Наукъ XXIII (1889), 257 — 268. 373 — 381. (Изъ Собр. В. С. Голенищева и Музея Общ. Любит. Древ. Писъм.) III Ibid. XXV, (1907), 083 — 0187. (Изъ Собр. Голенищева. Cod. orient. Berol. fol. 1605, Paris. 1305, Brit. Mus. Or. 3479 A. Berol. fol. 1348, 1349, 1605, in 8°, № 409.

⁷ Koptische Fragmente zur Patriarchengeschichte Alexandriens. Mémoires de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg, t. XXXVI, № 11.

⁸ Nachtrag z. d. Kopt. Fragm. z. Patriarchengeschichte. Изв. Акад. Наукъ IV, (1896), 237 — 43.

Въ 1890 — 92 г.г. были изданы и изслѣдованы О. Э. нижне-сахидскіе отрывки апокрифическихъ дѣяній Апостоловъ Варооломея, Филиппа, Андрея, Матфея, а также Петра и Павла; послѣднія по пріобрѣтеннымъ В. С. Голенищевымъ папирусамъ начала V в.¹. Сравненіе съ нѣкоторыми параллельными текстами, напр. эоіопскими, дало иногда характерные для Египта варианты, напр. откликъ культа кобчика въ дѣяніяхъ ап. Филиппа. Такіе пережитки древне-египетской старины всегда интересовали О. Э., который указывалъ на то, что копты въ своихъ агіологическихъ писаніяхъ иногда заимствовали отдѣльныя черты и изъ легендъ объ апостолахъ, и изъ древнихъ мученическихъ актовъ, и изъ преданій языческаго времени². Подобный же пережитокъ онъ хотѣлъ видѣть и въ скитскомъ повѣствованіи о дочеряхъ императора Зинона, сопоставляя его съ извѣстной легендой о чудѣ бога Хонсу въ странѣ «Бехтенъ», рассказанной на «стѣлѣ Бентрештъ»³. Къ этому же періоду его дѣятельности относится и его докладъ въ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ «Коптская легенда о нахожденіи гроба Господня», представляющей, главнымъ образомъ, переводъ изданной Россіи туринской легенды. Докладъ имъ напечатанъ въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Общества»⁴.

Богатый матеріалъ, собранный О. Э. во время заграничной командировки, особенно въ библиотекахъ Рима, Турина, Неаполя, Парижа, постепенно имъ разрабатывался и издавался въ видѣ длиннаго ряда непрерывно слѣдовавшихъ другъ за другомъ трудовъ. Этотъ необычайный по интенсивности періодъ научной дѣятельности начался съ изданія двухъ сахидскихъ текстовъ парижской Bibliothèque Nationale, относящихся къ раннему христіанству: отрывковъ изъ житія св. Кипріана Антиохійскаго (исповѣдь и страданіе)⁵ и апокрифическаго сказанія св. Діонисія Ареопагита⁶ о распятіи Христовѣ, во время котораго онъ наблюдалъ въ Баальбекѣ содроганіе природы, и о проповѣди Ап. Павла въ Аѳинахъ. Если первый изъ этихъ текстовъ не вноситъ чего либо новаго, такъ какъ повторяетъ то, что извѣстно изъ греческаго, эоіопскаго и другихъ житій св. Кипріана (издатель и напечаталъ подѣ строкой соответствующія мѣста греческаго текста), то второй является новостью апокрифической литературы.—За этими трудами послѣдовало исчерпывающее изслѣдованіе о немногочисленныхъ и болѣе чѣмъ скромныхъ остаткахъ коптской Александріи⁷, разсѣянныхъ въ видѣ девяти листовъ по библиотекамъ Парижа, Лондона и Берлина. Всѣ прежнія попытки перевода и обработки фрагментовъ, не только Bouriant и Maspero, но даже Crum теперь должны быть признаны совершенно устарѣвшими; О. Э. отнесъ происхожденіе памятника къ VI в., рукопись—къ XI,

¹ Koptische Apokryphe Apostelacten, I, II. Изв. Акад. Наукъ, XXXIII (1890), 509 — 581, XXXV (1892), 233 — 326; 2 фототип. табл.

² Kleine Kopt. Studien, II, 7.

³ Die Geschichte von der Prinzessin Bentreß und die Geschichte von Kaiser Zeno und seinen zwei Töchtern. Изв. Акад. Наукъ XXXII (1888), 473 — 6.

⁴ т. IV (1889), 1 — 19.

⁵ Sahidische Bruchstücke der Legende von Cyprian von Antiochien. Зап. Им. Акад. Наукъ, VIII, Ист.-фил., IV, № 6, стр. XII + 90. 1899.

⁶ Eine dem Dionysios Areopagita zugeschriebene Schrift Koptischer Sprache. Изв. Акад. Наукъ 1900, 267 — 306. Рукопись XV в.! Реп. К. Piehl, Sphinx IV, 44 — 5.

⁷ Der Alexanderroman bei den Kopten. Ein Beitrag zur Geschichte der Alexandersage im Orient. St. Petersburg. 1903. Стр. XVIII + 161 + 2 табл. Рецензія E. Anderson, Sphinx, IX, 133 — 136.

текстъ восходитъ къ греческому оригиналу, но отличному отъ псевдокаллистова; кромѣ того коптскій переводчикъ позволялъ себѣ большую свободу и находился подъ вліяніемъ Библии. Языкъ не чистый сахидскій, а съ примѣсомъ среднеегипетскаго и со своеобразной орфографіей, что заставило посвятить ему особый этюдъ грамматическаго характера. Одновременно съ Александріей О. Э. обработалъ другой важный памятникъ копто-сахидской письменности, и притомъ одинъ изъ самыхъ позднихъ—XIII или XIV в., а именно странное религиозно-дидактическое произведение въ четверостишіяхъ, называемое по своей формѣ (каждые три стиха подъ одну риму, послѣдніе вездѣ на «он») «Триадонъ»¹. Этотъ текстъ, написанный искусственнымъ языкомъ времени упадка, изобилующій насиліями надъ грамматикой и словаремъ въ угоду риму, состоялъ изъ 732 четверостишія и дошелъ до насъ въ $\frac{3}{5}$ своего настоящаго состава въ рукописи неаполитанской Национальной бібліотеки. Когда то Zoega издалъ часть его, но безъ арабскаго перевода, который необходимъ для пониманія труднаго и запутаннаго текста. О. Э. далъ полное критическое изданіе сохранившейся части памятника съ арабскимъ переводомъ; послѣднее было исполнено при участіи покойнаго бар. В. Р. Розена. Къ сожалѣнію, обѣщаніе выпустить вторую часть съ нѣмецкимъ переводомъ и комментариемъ покойный не успѣлъ выполнить. Это изданіе особенно важно въ виду того, что «Триадонъ» представляетъ оригинальный памятникъ коптской письменности и, притомъ, относится уже со времени ея заката, обнаруживая вліяніе арабскаго языка.—Послѣднимъ большимъ изданіемъ О. Э. была работа о коптскихъ отрывкахъ актовъ мучениковъ: Феодора Восточнаго, Леонтія аравитянина, Ираклида и Исидора по рукописямъ борджіанскимъ, голенищевскимъ и др. И здѣсь покойному удалось опубликовать только часть собраннаго матеріала². Всѣ эти изданія исполнены съ необычайной тщательностью, можно сказать, съ любовью, проявляющейся даже и въ ихъ внѣшнемъ видѣ. Всѣ они снабжены превосходными указателями и, по большей части, прекрасными фототипическими воспроизведеніями отдѣльных страницъ рукописей.

Кромѣ этихъ отдѣльныхъ изданій, О. Э. непрерывно обогащалъ науку множествомъ статей, изслѣдованій, замѣтокъ и т. п., которыя онъ или помѣщалъ въ разныхъ юбилейныхъ³ или иныхъ сборникахъ⁴, или постепенно печаталъ въ изданіяхъ Академіи Наукъ подъ общими заглавіями «Kleine Koptische Studien» и «Koptische Miscellen»⁵, соединяя затѣмъ въ большіе тома-сборники.

¹ Das Triadon. Ein sahidisches Gedicht mit arab. Übersetzung. I. Text. St. P. 1908. XVII + 251 + 3 табл. Рецензія Е. Anderson, Sphinx, IX, 181—183.

² Bruchstücke Koptischer Märtyrerakten. I—V. Зап. Имп. Акад. Наукъ. XII, № 1. 1903. XII + 84 + 1 табл.

³ Miscellanea Coptica. Aegyptiaca. Festschrift für G. Ebers. 37—41. Zwei Koptische Fragmente aus den Festbriefen des heiligen Athanasius. Recueil de travaux redigés en mémoire du jubilé scientifique de M. D. Chwolson (Berl. 1899), 189—197. — Два фрагмента борджіанской рукописи изъ 1-го и 25-го пасхальнаго посланія св. Афанасія В.

⁴ Die Thalassios-Legende bei den Kopten. Corpus Hamleticum. Cf. Byzant. Zeitschr. IX (1900), 382—387.

⁵ Изв. 1907, 141—151, 495—510; 1908, 56—72, 191—208, 589—605, 1067—1089, 1323—1354; 1909, 341—364, 393—404; 1910, 61—86, 169—185, 347—370, 1097—1128, 1461—1468; 1911, 327—348, 453—468, 927—940, 1135—1158, 1237—1266; 1912, 163—180, 517—529; 1913, 533—554, 627—638; 1914, 485—513, 525—540, 915—934; 1915, 205, 226.

Съ 1899 года онъ напечаталъ 58 статей, какъ «Kleine Koptische Studien»¹ составившихъ большой томъ и два выпуска и 150 «Miscellen» въ двухъ томахъ. Это былъ какъ бы единоличный органъ по коптовѣдѣнію, въ которомъ О. Э., не откладывая до большого исчерпывающаго изданія, сообщалъ свои наблюденія надъ коптскими текстами, свои лексическія и грамматическія изысканія, конъектуры, восстановленія текстовъ, замѣчанія по поводу изданій, выходившихъ за это время. Ни одна работа по коптовѣдѣнію не проходила мимо его критики, которая, при всей корректности тона, нерѣдко была безпощадна... «Im Laufe der letzten zwanzig Jahre sind nicht wenige Koptische Texte herausgegeben und übersetzt worden, doch können lange nicht alle den Anspruch erheben, grossen Nutzen gebracht zu haben. Ebenso wie auf dem Gebiete des hieroglyphischen ist auch auf dem Gebiete des Koptischen nicht wenig gesündigt worden. Es ist aber die höchste Zeit, dass auch hier mit dem alten Sauerteige aufgeräumt² werde» — таковы справедливыя слова строгой филологической школы, представителя того поколѣнія египтологовъ, которое дало Эрмана, Штейндорфа и ихъ учениковъ, успѣшно ведущихъ свою науку къ акрибіи классической филологіи. О. Э. неуклонно проводилъ эту программу въ своихъ работахъ, исправляя плохія изданія, очищая тексты, осторожно, остроумно и убѣдительно восстанавливая ихъ изъ жалкихъ остатковъ строкъ и словъ и возвращая наукѣ. И здѣсь ему помогало, между прочимъ, хорошее знаніе Библии и необычайное терпѣніе въ поискахъ. Онъ неоднократно указывалъ на то, что безъ этихъ качествъ нечего приниматься за работу надъ коптскими текстами. Къ этому, конечно, необходимо прибавить, что слѣдуетъ обладать дѣйствительнымъ знаніемъ коптскаго языка и что такое знаніе его, какимъ отличался покойный, принадлежитъ къ числу исключительныхъ явленій — онъ понималъ и чувствовалъ всѣ тонкости этого языка, его грамматики и лексикона.

Кромѣ мелкихъ замѣтокъ грамматическаго и лексическаго характера, кромѣ замѣчаній къ текстамъ и разборовъ изданій ихъ, въ сборникахъ мы находимъ и крупныя работы, лишь по недоразумѣнію причисленныя къ «Kleine Studien». Таковы, напр., этюды: XVIII. «Bemerkungen zum koptischen Kambyse-Roman», XLIII «Zu einer Rede des Athanasius», XLV «Bemerkungen zu einigen Werken des Schenute», LVI «Zu einem Encomium auf den hl. Claudius», LVII. «Zu einem Encomium auf den hl. Athanasius». Первый, кромѣ многочисленныхъ текстуальныхъ замѣчаній къ памятнику, открытому и изданному Шеферомъ, кромѣ исправленій переводовъ, касается характера и источниковъ «романа о Камбизѣ». Онъ высказываетъ мнѣніе, что авторомъ былъ пламенный египетскій патриотъ, начитанный въ Библию, особенно хорошо знавшій пророка Іеремію, знакомый съ классиками, напр. Геродотомъ и Ксенофонтомъ. Самое произведение не столько романъ о покореніи Египта, сколько похвальное слово египетскому народу. Онъ даетъ послѣ Пунтони и Эрмана новое доказательство въ пользу знакомства коптовъ съ греческой классической литературой. Другія большія работы, комбинируя собранный О. Э. матеріалъ съ изданнымъ, восстанавливаютъ большія части важныхъ памятниковъ святоотеческой и житійной литературы; въ послѣднемъ онъ снова возвращается къ старой темѣ о похвальномъ словѣ св. Афанасія

¹ Изв. Акад. Наукъ X (1899), 403—434. XIII (1900), 1—163. XIV (1901), 289—313. XXI (1904), 041—0239. XXV (1906), 01151—0193. Записки Имп. Акад. Наукъ. VIII, № 12 (1908), стр. 68. XI № 4 (1912), стр. 146 + 3 табл.

² Alexanderroman, XVI.

Христианскій Востокъ.

В., для воссозданія котораго матеріалъ успѣлъ въ значительной степени увеличиться. Не будемъ останавливаться на многихъ другихъ, болѣе мелкихъ статьяхъ того же характера, столь же важныхъ не только для коптовѣда, но и для изслѣдователя древнехристианской письменности вообще, упомянемъ только объ этюдѣ IX «Zur Geschichte der Bekehrung der Iberer zum Christenthume», развитіемъ котораго было изслѣдованіе «Iberica»¹. Здѣсь авторъ указываетъ на хорошую взаимную осведомленность коптовъ и грузинъ, обусловленную іерусалимскими сношеніями, собираетъ соотвѣтствующій матеріалъ съ возможной полнотою и доказываетъ, что настоящимъ именемъ св. Нины было Θεογνοστα, Нина же является нарицательмъ πολλα—ὄβρυχα. Этюдъ IV собираетъ въ коптской письменности свѣдѣнія объ Индіи и т. п.

Труды О. Э. доставили ему почетное имя во всемъ ученомъ мірѣ и вызвали рядъ въ высшей степени благопріятныхъ отзывовъ въ ученыхъ изданіяхъ. Еще въ 1903 г. Seymour de Ricci посвятилъ его ученой дѣятельности специальную статью². Масперо въ рецензии на *Kleine Koptische Studien* говоритъ, напр., слѣдующее: «M. de Lemm est sans contredit le mieux armé et le plus doué de sens critique de tous les savants qui depuis vingt ans se sont occupés de la dernière forme de la langue égyptienne. Non seulement il connaît ses textes à merveille, quand même ils sont encore cachés dans les bibliothèques les plus lointaines de l'Europe, mais il les manie avec une habileté et une sûreté de méthode qui n'est qu'à lui. C'est plaisir de lui voir prendre un passage incomplet, ou mal publié, ou qui contient des mots absents du dictionnaire, puis, le restituer, le redresser, réunir des exemples en quantité et en tirer le sens qui avait échappé à ses prédécesseurs. Si l'on voulait lui adresser un reproche, ce serait peut-être de ne pas savoir s'arrêter à temps et de continuer son explication quand elle est déjà plus que suffisante à prouver sa thèse, mais dans un domaine aussi inexploré encore qui oserait dire qu'une démonstration est vraiment trop longue?»³... Покойный шведскій египтологъ Karl Piehl въ своей рецензии на одинъ изъ его трудовъ пишетъ, что онъ «mérit de servir de modèle à quiconque est désireux d'apprendre comment on doit s'y prendre, lorsqu'il s'agit de composer un ouvrage de philologie copte»⁴.

Будучи большой ученой силой международнаго значенія, О. Э. и для русской науки оказалъ существенныя услуги, хотя только двѣ изъ своихъ статей написалъ на русскомъ языкѣ⁵. Онъ былъ первымъ у насъ университетскимъ египтологомъ и, несмотря на свою кратковременную преподавательскую дѣятельность, успѣлъ укоренить въ петроградскомъ, а чрезъ него и въ другихъ русскихъ университетахъ традицію нашей науки, и притомъ въ то время, когда интересъ къ той области научнаго знанія былъ еще у насъ ничтожный, когда

занятія египтологіей считались чуть ли не чудачествомъ, если не чѣмъ либо худшимъ и когда даже въ ежедневной печати могли появляться подписанныя людьми, причастными наукѣ, статьи, въ которыхъ съ пренебреженіемъ говорилось, что въ университетѣ могутъ находиться и охотники заниматься египетскими іероглифами... Но не на одной университетской кафедрѣ О. Э. былъ представителемъ своей науки въ Россіи—все мы были свидѣтелями его неутомимой, болѣе чѣмъ тридцатилѣтней дѣятельности въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ, учрежденіи, столь дорогомъ и близкомъ сердцу каждаго русскаго ориенталиста, порядокъ, богатство, гостепріимство и уютность котораго въ значительной мѣрѣ были обусловлены личностью и дѣятельностью покойнаго. Для благоустройства музея онъ не тяготился никакой работой, хотя бы она и не всегда, казалось, соотвѣтствовала ученому, и притомъ съ такимъ именемъ, какое было у него. Благодаря его стараніямъ, отдѣлы классическаго и христіанскаго Востока стоятъ въ Музеѣ на должной высотѣ. Наконецъ, сколько ученыхъ и не ученыхъ обращалось въ стѣнахъ Музея за совѣтомъ и справками къ О. Э. и сколько научныхъ свѣдѣній такимъ путемъ ему пришлось распространить. Отмѣтимъ еще одну черту научной дѣятельности покойнаго. Въ своихъ многочисленныхъ работахъ онъ привлекалъ и русскій и вообще славянскій матеріалъ и указывалъ на русскую ученую литературу, косвенно давая понять необходимость знанія того и другой для занимающихся письменностью христіанскаго Востока.

Ученое наслѣдство покойнаго чрезвычайно богато. Послѣ него осталось множество копій коптскихъ и египетскихъ рукописей, сдѣланныхъ съ оригиналовъ въ библіотекахъ Берлина, Парижа, Лондона, Неаполя, Турина, собраний б. Голенищевского и Лихачевского, фотографіи различныхъ коптскихъ текстовъ, нѣсколько вполне законченныхъ работъ и огромное количество замѣтокъ. Такъ, имъ вполне приготовлены къ печати изслѣдованія о легендѣ объ обрѣтеніи гроба Господня, бывшей темой его доклада въ Археологическомъ Обществѣ, о коптскомъ переводѣ творенія Епифанія о 12 камняхъ, объ ахимискомъ заклинаніи, о страданіи Ап. Симона, замѣтки къ новому изданію коптскихъ текстовъ Budge, изданіе двухъ похвальныхъ словъ Іоанну Крестителю, серія новыхъ *Koptische Miscellen* и т. д. Весь этотъ матеріалъ, обогатившій Азіатскій Музей, требуетъ многихъ лѣтъ для изданія и разработки.

Б. Тураевъ.

¹ Зап. Акад. Наукъ, VII (1906), № 6. Рецензія Anderson, Sphinx, X, 35 — 38.

² Les études Coptes en Russie et les travaux de M. von Lemm. Revue Archéologique 1903, II, 302 — 318.

³ Revue Critique 1905, 323 — 4. Ср. ibid. 1907, 124. 1913, 403 — 4.

⁴ Sphinx, 4, 45.

⁵ Кромѣ указаннаго реферата «Коптская легенда о нахожденіи Гроба Господня» онъ помѣстилъ еще текстъ къ цвѣтной таблицѣ изъ коптской рукописи съ миниатюрами, изданной Московскимъ Музеемъ Изящныхъ Искусствъ (б. колл. Голенищева), подъ заглавіемъ: Отрывокъ изъ посланія ап. Іакова на коптскомъ языкѣ. Изъ собр. В. С. Голенищева № 4786. Памятники Музея Изящныхъ Искусствъ. I, 59, табл. X. См. еще его замѣчанія по поводу нашего доклада въ Русск. Археол. Общ. о препод. Кирѣ. Зап. Восточн. Отд. XV, XVIII.

Памяти И. А. и Д. А. Кипшидзе и С. Ломія¹.

Случай, часто бывающий изумительным, сдѣлалъ то, что я занимался армянскимъ терминомъ, названіемъ созвѣздія «трехъ маговъ», когда мнѣ вручили письмо отъ 24-го іюня 1919 г. изъ Тифлиса о смерти трехъ моихъ учениковъ, въ томъ числѣ и И. А. Кипшидзе. Кавказовѣднѣе небоклонъ не великъ, еще менѣе обширенъ онъ въ перспективѣ нашей школы, и я нисколько не смущаюсь на такомъ маломъ небоклонѣ, далеко не насчитывающемъ полноты созвѣздія, далеко вообще не звѣздномъ, и мелкія свѣтлыя точки приравнять къ свѣтиламъ. Для насъ, ищущихъ утѣшенія больше въ предпріятіяхъ будущихъ, чѣмъ стяжаніяхъ прошлаго, три покойныхъ работника были тремя звѣздами изъ пояса Ориона.

Случайно, конечно, совпаденіе ихъ смерти.

Смерть двухъ молодыхъ грузиновѣдѣвъ не имѣетъ какъ будто особаго отношенія къ смерти старшаго изъ почившихъ — И. А. Кипшидзе, развѣ она нарушаетъ и то, что казалось достаточно жизненно оправдываемымъ въ стихѣ Шоты изъ Рустава — «Встрѣчу устроить въ концѣ Земля юношамъ со старцами»: тутъ всѣ молодые, и старшій между ними И. А. Кипшидзе далеку былъ отъ грани старости, ему не было и сорока лѣтъ.

Однако И. А. Кипшидзе, несомнѣнно, былъ причиной или поводомъ къ тому, что къ кавказовѣдѣнію приобщился его младшій братъ, Д. А. Кипшидзе, тутъ по связи крови, по семейной связанности, да и С. Ломія, тутъ уже по кровной связи адепта съ предметомъ спеціальнаго изученія И. А. Кипшидзе — мегрельскимъ языкомъ; С. Ломія былъ мегрелъ.

С. Ломія былъ самымъ молодымъ изъ трехъ лишь въ качествѣ питомца Петербургскаго Университета. До вступленія его въ учащуюся среду Ломія учительствовалъ въ сельской школѣ. Онъ не былъ первымъ въ этомъ отношеніи: такова была жизненная школа и Вукола Беридзе, и изъ этой школы, со слабымъ еще тогда здоровьемъ, и тогда еще носившій въ себѣ болѣзнь, унесшую его въ могилу, скромный, спокойный, тихогласный Ломія настойчиво работалъ, методически припадая въ Петроградскомъ Университетѣ ко всему тому,

что удавалось нашему бывшему факультету восточныхъ языковъ, да и не одному нашему факультету, давать по части кавказовѣдѣнія или соприкасающихся съ нимъ наукъ. По окончаніи курса, владѣя въ достаточной для начинающаго работника мѣрѣ знаніемъ и грузинскаго, и армянскаго языковъ, онъ по своей инициативѣ занялся діалектическими изысканіями въ той живой средѣ мѣшаннаго населенія ахалцхскаго уѣзда, гдѣ исконная грузинская и исконная армянская рѣчь, да въ послѣдствіи внесенная турецкая и еще позднѣе вторично армянская рѣчь, не способствуютъ уясненію національных межъ, а скорѣе замѣтаютъ слѣды дѣйствительныхъ межплеменныхъ демаркаціонныхъ линій. С. Ломія въ эту среду былъ направленъ не научной командировкой и не академической работой, а политической пропагандой, какъ партійный дѣятель: онъ былъ грузинскимъ социалистомъ-федералистомъ, и тѣмъ болѣе ему чести, что въ захватывавшей его политической борьбѣ онъ не упускалъ изъ виду научныхъ интересовъ, усвоенныхъ имъ въ пониманіи петроградской школы. Какъ живой стоитъ онъ передо мною, когда въ іюнѣ 1917-го года въ одной изъ комнатъ гостиницы «Сѣверные номера», въ Тифлисѣ, явившись подѣлиться своими наблюденіями по посѣщенію имъ Ахалцхскому, да и Ахалкалакскому околотку, тихо, но съ увлеченіемъ энтузіаста дешифрировалъ сокращенно занесенные имъ въ дневникъ лингвистическіе и археологическіе факты. Сообщенія его послужили лишь стимуломъ, чтобы маршрутъ мой изъ Тифлиса въ Ани, вопреки привычкѣ пользоваться обычнымъ короткимъ желѣзнодорожнымъ путемъ по Карсской дорогѣ, направить на лошадаяхъ черезъ Боржомъ, Ахалцхъ, Ахалкалакъ и т. д. Для меня его устный докладъ сдѣлалъ вполне яснымъ, что въ Ломіа мы имѣемъ работника, способнаго не только подмѣчать въ натурѣ любопытные факты, но и производить научно важныя наблюденія, да и самостоятельно намѣчать построенія, къ которымъ они клоняются. Потому естественно, что, не располагая лично достаточнымъ временемъ для предполагавшихся мною работъ по грузинскимъ говорамъ въ указанномъ районѣ, гдѣ господствовала нѣкогда месхійская грузинская рѣчь — *par excellence* литературная, и древняя, средневековая (достаточно сказать, что это рѣчь поэта Шоты изъ Рустава), я спокойно передоверилъ ему исполненіе намѣчавшейся мной въ общихъ чертахъ для себя программы, предоставивъ ему свободу въ конкретизаціи отдѣльныхъ заданий. Съ этой лингвистической программой онъ былъ первымъ, получившимъ научную командировку отъ Кавказскаго Историко-Археологическаго Института. Отчетная работа его по командировкѣ хранится въ названномъ Институтѣ, какъ то сообщаетъ Г. Н. Чубиновъ.

Въ заключеніе отмѣчу, что еще въ первыхъ попутныхъ своихъ наблюденіяхъ Ломіею было обращено вниманіе на Мурджахетскую стелу близъ Ахалкалака, въ описаніи Ростомова и въ опредѣленіи Е. С. Такайшвили (какъ «аллѣ») вызывавшую сомнѣніе покойнаго Я. И. Смирнова и подозрѣніе, не имѣемъ ли въ ней вишапа. Совершенно ясно описанные и сопровождаемые рисункомъ ея детали въ первомъ, еще устномъ, докладѣ о личной его, Ломіа, поѣздкѣ меня убѣдили, что въ памятникѣ мы дѣйствительно должны имѣть дѣло съ вишапомъ. Въ дальнѣйшемъ это подтвердилось при личномъ осмотрѣ (стелъ оказалась пара), и, такимъ образомъ, благодаря покойному Ломіа днемъ раньше установилось, что районъ распространенія вишаповидныхъ стелъ не ограничивался Гехамскими горами въ Эриванской губерніи, доходя на сѣверо-западъ до верхняго теченія Куры, до Ахалкалака.

¹ Эти нѣсколько словъ памяти почившихъ моихъ учениковъ были прочитаны въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества, членомъ котораго состоялъ И. А. Кипшидзе.

Я. И. Смирновъ въ моей памяти тѣсно связанъ и со специальнымъ направлениемъ, которое приняли работы Д. А. Кипшидзе—археологическія. Еще въ 1914-мъ году Д. А. Кипшидзе былъ однимъ изъ трехъ, которымъ было мною доверено производство раскопокъ въ селѣ Мурѣ (Mur-i), у вратъ Сваніи, въ поискахъ мѣста погребенія Максима Исповѣдника: это были Н. Н. Тихоновъ (убитый у Карпатъ въ великой войнѣ, 14-го мая 1915-го года), прошедшій техническую школу по производству раскопокъ въ Ани и въ то же время искусный исполнитель фотографическихъ снимковъ археологическаго матеріала, Е. Д. Микеладзе, грузиновѣдъ, принимавшій годомъ раньше, именно въ 1913-мъ году, участіе въ анійскихъ раскопкахъ, и Д. А. Кипшидзе, которому было поручено осмотромъ близлежащихъ памятниковъ и опросомъ окрестнаго населенія найти для освѣщенія древностей въ Мурѣ опору или пережиточные ихъ самихъ отклики въ мѣстныхъ памятникахъ матеріальной культуры и мѣстныхъ народныхъ преданійхъ. Порученіе было выполнено съ добросовѣстностью, со скрупулезностью стараго опытнаго филолога (Е. Д. Микеладзе тогда было списано житіе Максима Исповѣдника по цѣнному тексту Мартвильской рукописи въ Мегреліи X-го вѣка). Д. А. Кипшидзе мнѣ казался болѣе по расположенію своему и подготовкѣ призваннымъ работать въ области письменныхъ или устныхъ литературно-филологическихъ изысканій. Но на государственномъ экзаменѣ у Я. И. Смирнова на меня произвели впечатлѣніе продуманные и совершенно зрѣло научно сформулированные отвѣты Д. А. Кипшидзе на задававшіеся ему вопросы по Уплис-цихскимъ пещерамъ, въ рисункахъ Dubois. Въ 1915-мъ году Д. А. Кипшидзе былъ приглашенъ мною въ Ани для описанія пещерныхъ построекъ средневѣковаго армянскаго городища. Д. А. Кипшидзе и въ этотъ разъ съ избыткомъ оправдалъ оказанное ему довѣріе. О результатахъ его анійскихъ работъ я имѣлъ честь обстоятельно докладывать въ Восточномъ Отдѣленіи въ одномъ изъ отчетовъ объ анійскихъ кампаніяхъ. Плодъ кропотливыхъ настойчивыхъ его работъ, въ видѣ весьма толстой рукописи, снабженной фотографическими снимками, лежитъ у насъ здѣсь въ Петроградѣ, въ архивѣ Кавказскаго Историко-Археологическаго Института. Мы всѣ, бывшіе въ Ани, были свидѣтели, какъ не щадя силъ, не жалѣя себя, Д. А. Кипшидзе, страдавшій туберкулезомъ, съ точностью хронометра выполнялъ дневныя задания своей обширной работы. Когда у меня возникла мысль, восполнить изслѣдованіе использованныхъ въ средніе вѣка для современнаго христіанско-культурнаго строительства пещерныхъ помѣщеній описаніемъ Вардзійскихъ пещеръ въ Грузіи, близъ Ахалкалака, и это предпріятіе сдѣлать однимъ изъ первыхъ въ работахъ Кавказскаго Историко-Археологическаго Института, мнѣ казалось, что лучшаго исполнителя я не могу найти, какъ описатель пещерныхъ помѣщеній Ани, и Д. А. Кипшидзе былъ командированъ Кавказскимъ Историко-Археологическимъ Институтомъ вмѣстѣ со специальнымъ фотографомъ. Онъ былъ командированъ одновременно съ Ломіа, вмѣстѣ съ Ломіа, и вмѣстѣ съ отчетной работой Ломіа хранится и отчетная работа Д. А. Кипшидзе въ Тифлисѣ въ Кавказскомъ Историко-Археологическомъ Институтѣ, какъ пишетъ Г. Н. Чубиновъ.

Д. А. Кипшидзе былъ захваченъ Вардзійскими пещерами. Его письма, получавшіеся мною въ Ани, были большимъ удовлетвореніемъ, внушавшимъ не только увѣренность въ успѣшности данной задачи по Вардзії, но и въ полученіи работника спеціалиста вообще по средневѣковымъ пещернымъ постройкамъ

Кавказа. Однако, Д. А. Кипшидзе отнюдь не терялъ интереса къ литературно-филологическимъ изысканіямъ. Заявившій себя еще на студенческой скамѣ серьезнымъ отношеніемъ къ грузино-палестинскимъ разысканіямъ, когда изданный мною синодикъ Крестнаго монастыря былъ сдѣланъ предметомъ ряда докладовъ слушавшихъ одновременно лекціи по грузинскому языку и грузинской литературѣ Блейка, Ломіа, Д. А. Кипшидзе, я передалъ Д. А. Кипшидзе мой списокъ житій грузинскихъ дѣятелей въ Палестинѣ для подготовки текста къ изданію и русскаго перевода. И здѣсь я имѣлъ липшій случай убѣдиться въ большой скрупулезности молодого работника, волновавшегося, что или въ переводѣ или въ подлинномъ текстѣ что либо имѣть недосмотрѣно, что либо ускользнуло отъ его вниманія, и бравшаго не разъ готовую работу для пересмотра. Сейчасъ работа эта цѣликомъ набрана, давно набрана (всего 17 гранокъ Христіанскаго Востока), и давно была бы сверстана, напечатана и издана, если бы не переживаемые нами типографскія условія. Д. А. Кипшидзе, не чуждый родныхъ національных интересовъ, по складу своего характера былъ типичнымъ ученымъ работникомъ, находившимъ полноту жизненнаго своего удовлетворенія въ научныхъ занятіяхъ.

Того же склада по существу былъ и І. А. Кипшидзе, со смертью котораго престарѣлый отецъ, священникъ, лишился единственной поддержки и остались вдова его самого съ малолѣтними дѣтьми. Если бы не семейныя обстоятельства и совершенно справедливыя опасенія одинаковыхъ трудностей для семьи пережить наступившія условія вмѣстѣ съ нимъ въ Петроградѣ или въ разлукѣ съ нимъ въ Тифлисѣ, І. А. Кипшидзе остался бы въ нашихъ рядахъ на своемъ посту ученаго работника, призваннаго углублять свою спеціальность отстаивать ея далеко не всѣми въ научномъ мірѣ признанные права все той же научной работой, онъ несъ бы вмѣстѣ съ нами всѣ тяготы петроградскаго сидѣнія ученыхъ.

Лишь по общественной средѣ, въ которой І. А. Кипшидзе росъ, онъ увлекаемъ былъ политическими интересами. Жизнь Кавказа была такова, что уроженецъ его безъ политическаго интереса, притомъ политическаго интереса съ національнымъ уклономъ, такъ же былъ бы не реаленъ, какъ въ настоящихъ нашихъ условіяхъ жизнь безъ спекулянтовъ.

І. А. Кипшидзе былъ воспитанникъ той православной семинаріи въ Кутаисѣ, которую впослѣдствіи властямъ пришлось закрыть, такъ какъ каждое серьезное просвѣтительное учрежденіе въ переживавшихся на Кавказѣ условіяхъ являлось источникомъ пониманія ихъ несносности и необходимости ихъ упразднить. Большинство грузинскихъ дѣятелей социаль-демократической партіи происходило изъ грузинъ-имерцевъ и грузинъ-гурійцевъ, и добрая часть ихъ, особенно работавшихъ въ сельскомъ населеніи, въ самыхъ глухихъ углахъ Грузіи, была изъ питомцевъ Кутаисской семинаріи. І. А. Кипшидзе, также изъ грузинъ-имерцевъ, также воспитанникъ духовной семинаріи въ Кутаисѣ, не могъ избѣгнуть той же жизненной школы. Одно время, спасаясь отъ полицейскаго надзора, вынужденъ былъ провести зимніе мѣсяцы, полные лишеній, въ Сваніи, нестерпимой по условіямъ жизни именно зимой, гдѣ въ реальной средѣ І. А. Кипшидзе очень еще молодымъ, по всей видимости, пришлось по своему передумать объ усвоенныхъ имъ пропагандой идеяхъ.

Интересъ къ нимъ однако І. А. Кипшидзе сохранялъ и въ Петербургѣ въ первые годы студенчества, когда за присутствіе изъ любопытства на неіе-

гальномъ собраніи въ одномъ изъ рабочихъ кварталовъ, И. А. Кипшидзе былъ высланъ на Кавказъ безъ права вернуться въ столицу; будучи студентомъ физико-математическаго факультета по естественному отдѣленію, И. А. Кипшидзе усердно посѣщалъ наши лекціи и успѣшно занимался и по грузинскому, и по армянскому языкамъ; это знаніе личное И. А. Кипшидзе по лекціямъ мнѣ дало возможность вступить за него, и ректору удалось добиться разрѣшенія для И. А. Кипшидзе вернуться на короткій срокъ въ Петербургъ, чтобы онъ могъ сдать экзамены и зачетныя работы по физико-математическому факультету, и затѣмъ проститься съ нашимъ Университетомъ. Была еще надежда дальше выхлопотать ему право на проживание въ Петербургѣ, какъ студенту, занимавшемуся на факультетѣ восточныхъ языковъ. Не знаю, сдѣлалъ ли онъ свои экзамены или зачетныя работы по возвращеніи въ Петербургъ, но по приѣздѣ въ Петербургъ И. А. Кипшидзе съ физико-математическаго факультета перешелъ на факультетъ восточныхъ языковъ, и про него забыла бдительная полиція.

И. А. Кипшидзе кавказовѣдныя занятія свои по переходѣ на факультетъ восточныхъ языковъ повелъ совершенно сознательно и продуманно въ смыслѣ плана, какъ лингвистъ, и вскорѣ, еще студентомъ, онъ могъ быть призванъ къ сотрудничеству въ начатомъ тогда предпріятіи по изслѣдованію яфетическихъ языковъ шипящей группы, въ то время именовавшейся «тубал-кайнской». Въ 1909-мъ году въ вакаціонное время онъ былъ командированъ факультетомъ восточныхъ языковъ въ Мегрелію уже «для продолженія изученія на мѣстѣ мингрельскаго языка». Тогда еще И. А. Кипшидзе имѣлъ попутное порученіе «собрать дополнительные матеріалы по чанскому языку въ Русскомъ Лазистанѣ», и тогда еще послѣ совершенныхъ имъ уже лингвистическихъ экскурсій по Мегреліи располагалъ результатами въ видѣ «грамматики мингрельскаго языка, мингрело-русскаго словаря и хрестоматіи», въ процессѣ подготовки для изданія, какъ писалъ онъ въ предисловіи работы о чхальскомъ говорѣ, озаглавленной «Дополнительныя свѣдѣнія о чанскомъ языкѣ (изъ лингвистической экскурсій въ Русскій Лазистанъ, Пет. 1911). Это являлось необходимымъ, не терпѣвшимъ отлагательства дополненіемъ къ моей грамматикѣ чанскаго языка.

По части обработки грамматики живой рѣчи И. А. Кипшидзе былъ большой мастеръ, какъ то можно видѣть по литографированной грамматикѣ грузинскаго языка въ серіи курсовъ кавказскихъ туземныхъ языковъ для кандидатовъ на судебныя должности Министерства Юстиціи (Пб. 1911). Мнѣ пришлось нѣсколько разъ быть на его лекціяхъ для посѣтителей названныхъ курсовъ, и вполне понимаю, почему слушавшіе его студенты и въ Университетѣ высоко цѣнили его преподавательскій талантъ.

И. А. Кипшидзе, отойдя совершенно отъ политическихъ интересовъ къ научнымъ, сохранилъ свое социаль-демократическое, тогда и на Кавказѣ отнюдь не окрашенное націонализмомъ настроеніе. Этому помогалъ и характеръ специальныхъ лингвистическихъ его занятій, и вообще факультетская или университетская, пропитанная научными интересами атмосфера Петербурга. Уже то, что И. А. Кипшидзе, грузинъ, взялся за изслѣдованіе и составленіе грамматики мегрельскаго языка съ точки зрѣнія мѣстной національной оцѣнки было преступленіе. И. А. Кипшидзе имѣлъ смѣлость въ самомъ Кутаисѣ, передъ грузинской аудиторіею, цѣлую лекцію посвятить значенію мегрельскаго языка и необходимости его изученія, и былъ повидимому, смущенъ холоднымъ при-

момъ, но не поколебленъ въ правильности своего отношенія къ вопросу о мегрельскомъ языкѣ.

На грамматикѣ мегрельскаго языка, магистерской диссертациі покойнаго, я не буду останавливаться. Когда я давалъ о ней отзывъ, нѣкоторымъ показавшійся черезчуръ восторженнымъ, я не зналъ, что работа эта получитъ особую цѣнность для рѣшенія ряда важнѣйшихъ вопросовъ, въ томъ числѣ скиоскаго. Но тогда уже было ясно, и постепенно это еще болѣе выяснилось, что въ И. А. Кипшидзе имѣемъ работника, на котораго спокойно можно возложить дальнѣйшее обнаруженіе всего фактическаго богатства живой рѣчи шипящей группы яфетическихъ языковъ. Болѣе того, я увѣренно и спокойно ждалъ, какъ къ нему перейдетъ естественно и работа надъ сванскимъ языкомъ, съ которымъ его связывали и воспоминанія совсѣмъ молодыхъ годовъ. По чанскому языку онъ сдѣлалъ еще дальнѣйшіе успѣхи по углубленію нашихъ знаній, далеко опережающіе то, что имѣется въ моей работѣ.

Но И. А. Кипшидзе отнюдь не былъ лишь работникомъ по живымъ безписьменнымъ или письменнымъ яфетическимъ языкамъ. Его умѣние мастерски справляться съ трудностями древне-грузинскихъ текстовъ было основано въ значительной мѣрѣ на большой работѣ, которую онъ велъ по грузинской лексикографіи: это порученное ему Академіей Наукъ изданіе безподобнаго по содержательности, несмотря на небольшой на видъ его размѣръ, грузинскаго словаря С. Орбелиана. Порученіе было исполнено блестяще и по быстротѣ и исчерпывающей полнотѣ использованія всѣхъ рукописныхъ списковъ (около 30), имѣ же предварительно классифицированныхъ. Внимательный пересмотръ первыхъ шести гранокъ меня лишній разъ убѣдилъ въ высокой цѣнности произведенной И. А. Кипшидзе работы. Будетъ понятно, почему я вполне довѣрялся его переводамъ съ грузинскаго, убѣдившись въ ихъ высокомъ качествѣ. И въ XV, и въ ВAG я избѣгалъ подписывать къ печати грузинскія части, безъ предварительнаго просмотра имъ. Сотрудники названныхъ изданій изъ грузиновѣдовъ, весьма извѣстные своими спеціальными знаніями, могли не замѣтить, отъ какихъ досадныхъ недосмотровъ и погрѣшностей освобождалъ ихъ изданія и переводы такой просмотръ, сдѣланный И. А. Кипшидзе.

Развернувшійся съ февральской революціи событія увлекли всѣхъ трехъ въ водоворотъ злободневныхъ политическихъ происшествій, однако Д. А. Кипшидзе оставался въ сторонѣ отъ чисто политическихъ дѣлъ, въ поискахъ средствъ къ жизни для обезпеченія себѣ возможности научныхъ занятій въ Тифлисѣ. Съ теченіемъ времени имѣлось въ виду, по открытіи вакансіи, привлечь Д. А. Кипшидзе въ постоянные работники Кавказскаго Историко-Археологическаго Института, какъ и Ломія. Но Ломія оказался въ Ревтѣ, гдѣ онъ и умеръ.

И. А. Кипшидзе былъ въ составѣ преподавательскаго персонала Грузинскаго (Тифлискаго) Университета, и лишь на одинъ моментъ выступаетъ онъ какъ свѣдущее лицо при переговорахъ въ Трапезундѣ съ турками объ уступкѣ Грузіи Лазистана по провозглашеніи кавказскимъ сеймомъ отдѣленія Кавказа отъ Россіи. И. А. Кипшидзе въ письмѣ, подъ впечатлѣніемъ видѣннаго, давалъ мнѣ чувствовать трезвую оцѣнку совершавшагося на его глазахъ особой редакціею сообщенія о происшедшемъ. Онъ писалъ: «Турки не только не сообразовали уступить намъ Лазистанъ, но, наоборотъ, потребовали себѣ Батумъ. Мы вернулись». И. А. Кипшидзе поддержку могъ находить для душевнаго равновѣсія

лишь въ научныхъ работахъ, въ которыя онъ вошелъ слишкомъ основательно, чтобы замѣнить ихъ иными интересами.

Но насъ сейчасъ не займутъ привходящія личные его качества (необычайное спокойствіе и безграничная терпимость), а также достоинства важныя и для ученаго, методичность работы, большая работоспособность, аккуратность (безъ его содѣйствія мы до сего дня не имѣли бы и перваго выпуска грузинской библиографіи). Намъ хотѣлось охарактеризовать разность выбора предметовъ изслѣдованія у трехъ работниковъ, нынѣ покойныхъ.

Небо наше кавказовѣдное не звѣздное, матеріалы кавказовѣдные богатые, громадныя, когда мы съ письменными соединяемъ и живые — какъ словесныя, такъ вещественныя, и лежатъ они какъ въ безпорядочномъ архивѣ, случайно нагромоздившись точно послѣ столпотворенія, и когда мы лишаемся трехъ новыхъ путеводныхъ свѣтильниковъ, загоравшихся или уже разгоравшихся, съ какими подходили три работника, каждый къ объектамъ своей специальности, то становится темно не только на и безъ того бѣдномъ нашемъ небосклонѣ, но и на душѣ, а въ живомъ архивѣ кавказовѣдныхъ матеріаловъ еще темнѣе, еще мрачнѣе.

Н. Марръ.

Разныя извѣстія и замѣтки.

— *Сигель грузинскаго царя Ираклія II о князьяхъ Аргутинскихъ.* Печатаемый ниже сигель грузинскаго царя Ираклія II-го, отъ 28 августа 1783 года данный въ подтвержденіе княжескаго достоинства грузинскихъ тавадовъ (князей) «Аргут»-овыхъ (არგუთაბი), извлеченъ нами изъ архива Тифлискаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія (д. старой комиссіи № 53, ч. 2-я). Это — доселѣ еще не изданный въ подлинникѣ документъ, касающійся фамиліи исторіи князей Аргутинскихъ-Долгорукихъ. Въ виду большого интереса, вызываемаго этимъ документомъ, мы его приводимъ съ параллельнымъ нашимъ русскимъ переводомъ. Этотъ-же сигель въ армянскомъ переводѣ изданъ прот. Гютомъ Аганянцемъ (*Յովսէփ Կաթողիկոս Արղութեան*, ч. I, 1778—1800 [*Դրան Էջոց Պատմութեան*, кн. IX], Тфл. 1911, столб. 395—396).

Сигель писанъ на плотной бомбицинѣ, въ 31,5×46,8 см., въ 2 стр. красивымъ почеркомъ военнаго письма, причемъ самый текстъ состоитъ изъ 24 строкъ, включая сюда и датировку, изъ коихъ 20 на страницѣ лицевой, а остальные 4 на страницѣ оборотной.

Встрѣчаемый въ сигелѣ терминъ *მეკვდთავარი* мы приводимъ въ видѣ *მეკვდრ-მთავარი*, а географическое названіе *სამცხე სათავადო* — въ видѣ *სამცხე-სა'ათავადო*. Кстати, интересно отмѣтить также наличіе въ сигелѣ формъ *სა'ათავადოსა* в.м. *სა'ათავადოსი*, *ბორჩალოსა* в.м. *ბორჩალოსი*, *შეხაბაში* в.м. *შაჰაბაში*, *პატივცემულ* в.м. *პატივცემულს*. Наконецъ, обращаемъ вниманіе на использованіе мн. числа въ оборотѣ *საგნიანთათ ღერბთა მათთა, რომელიცა შედგმულ არს ესრეთ* (21—22) вмѣсто *საგნიანთა ღერბსა მათსა, რომელიცა შედგმულ არს ესრეთ*.

Наличный въ сигелѣ терминъ *მთავარი*, означающій вообще князя, *властителя князя*, въ данномъ случаѣ мы переводимъ какъ *обладатель*. Хотя *მხარგრძელი* въ дословномъ переводѣ означаетъ «Долгоплечій», по-арм. *երկայ-նաթիկունք*, resp. *երկարաթիկունք*, или *երկարաուկ* (ср. Асл. Шахназарянъ, *Զարարեան (Երկայնաբազուկ) տոնիր ծագումը, գաղթը դէպի Զորագետ եւ Կարսըրները*, — «Շողակաթ», кн. I, Эчм. 1913, стр. 67, прим., однако въ данномъ случаѣ мы его оставляемъ въ традиціонной формѣ «Долгорукій», соотвѣтствующей арм. *երկայնաբազուկ*. Географическое названіе *სამხეთი* на сей разъ употреблено не въ смыслѣ «Сомехія» (Сомх-ет-и), провинціи политической Грузіи, но — какъ «Арменія». Тамару, равно Русудану какъ царствовавшихъ женщинъ надѣляютъ титуломъ *მეფე მე-ფე*, въ грузинскомъ, за отсутствіемъ грамматическаго рода, общимъ для царствующихъ лицъ и мужского и женскаго пола (у грузинъ *დედოფალი* *dedofoal-i* *ოსუდარია*, *царица* обычно прилагается къ супругамъ царей и вообще господствующимъ князьямъ и династиямъ), но на рус-

скомъ языкѣ естественно и тѣмъ въ такихъ случаяхъ приходится передавать словомъ «царица», слѣдовательно выраженіе მეფეთა თამარისა და რუსუდანისა надлежитъ перевести — «царица Тамары и Русуданы».

Остается еще указать, что въ подлинномъ текстѣ знаки препинанія разставили мы, отнюдь не придерживаясь пунктуации, существующей въ самой рукописи. Не сохранены нами также обычныя сокращенія подъ титлами: ღისათა (1) — ღისა (13), რმელ (7) — რმელსაცა (14), ვა (8, 12, 19), უდ (13), ვდ (18).

ქ. წყალობითა ღისათა ჩვენ ირაკლი მეორე, მეფე ქართლისა და მეფე კახეთისა, მეცხედრითა მთავარი სამცხე-საქათაზგოსა, მთავარი ყაზახისა, მთავარი ბორჩალოსა, მთავარი სამშაღლოსა, მთავარი კაკისა, მთავარი უპისა, მთავარი შირვანისა, მცურაბელი და მბრძანებელი განჯისა, ერევნისა და სცვათა, ვინათგან ყოველი ჩინებულია შთამომავლობითი და იმტკიცების სიმკვლეითა გვართათა და ჩინებულეზითა წინაპართა, ამისთჳს არა უმიწეზო არს, რათა ჩვენმიერი წამება მისცემოდით არღუთნით, რომელ არიან მკარგრძელები, ვითარმედ არიან სომხეთისა და ივერთისა შინა გვარნი დიდნი და ჩინებულნი, ვითარცა სწამებენ ისტორიანი ჩვენნი და უფროსად ისტორია | მეფეთა თამარისა და რუსუდანისა, თავდათა ზაქარია ამირ-სპასალარისა და იოანე ათაბაგისათჳს, რომელთაცა ერთგულება მეფეთა ქართლისათა ზაგრაგონათა ზედა ცხად | არს ყოველთა შინა გუგარათა და უფროსად საკნაზოსა ღერბსა ზედა მათსა, რომელიცა | შედგმულ არს ესრეთ: ფარი ვეცხლის ადგილით, ზედა მას დროშა ანუ მოვარაუა, ვითარცა | ნიშანი სპასეცობისა, რომელსაცა ზედა გავსა | მოსახელ არს ხატი ყოველად-წმიდისა ღმრთისა | დედისა, რომელსაცა უპირიეს მარცხნივ სიტყვა იგი საუკუნოსა მამისა, ძეა თჳსი, ქვეშე სავისა შორის არს განპყრობილ მკლავი კმლითა მარჯვნივ, ვითარცა ცხად-ყოფი გვარობითა | თისა სიმხნისა მათისა, და მარცხნივ ფარ პირქვე მდებარე და მას ზემოს წორედ დადგმული შუბი, და ყოველი ესე არის დაგვრგვნიბულ ზემო სათავადოსა გვრგვნითა. ამას ყოველთა ჩინებულეზათა გვარობითა მათთა ცხად ვჰყოფთ ყოველთა მიმართ, ვითარმედ ესრეთ პატივცემულ ყოფილან, ვითარცა ცხად გვიქმნიეს ამას შინა ყოველითა სამართლითა და | ნიშნითა შესაბამისთა. და ვითხოვთ ყოველად დიდებულსა ყოვლისა როსისისა საიმპერატორსა | კარისაგან, რათა ღეროდ-

„Божією Милостью мы, Ираклий второй, царь Картліи и царь Кахи, наследный обладатель Самцхе-Саатабаго, обладатель Казаха, обладатель Борчали, обладатель Шамшадилы, обладатель Каха, обладатель Шаки, обладатель Ширвана, владѣтель и повелитель Ганджи, Эривани и проч. Поелику всякая знатность потомковъ подтверждается древностью рода и достославностью предковъ, то потому не было бы лишено основанія, если отъ насъ дано было бы удостовѣреніе Аргѣтовымъ, которые суть Долгорукіе, о томъ, что они являются въ Арменіи и Иверіи родомъ великимъ и знатымъ, какъ то свидѣлствуютъ исторіи наши и, въ особенности, исторія царицы Тамары и Русуданы о князьяхъ Захаріи амир-спасаларѣ и Іоаннѣ атабагѣ, которыхъ преданность картлійскимъ царямъ Багратіонамъ очевидна повсѣмъ гуджарамъ и, въ особенности, по ихъ княжескому гербу, который составленъ такъ: щитъ изъ серебра [мѣстами (по мѣстности?)], надъ нимъ знамя или позолота, какъ символъ «спасенія»ства, на которомъ изображенъ образъ пресвятой Богоматери, держащей шуйцею Слово вѣчнаго Отца, Сына Своего; подъ образомъ-же—справа простертая рука съ саблею, какъ показатель доблести ихъ рода, а слѣва щитъ, ничкомъ лежащій, и на немъ прямо установленное копьё; и все это увѣнчано сверху княжескою короною. Обо всѣхъ сихъ показателяхъ знатности ихъ происхожденія мы объявляемъ всѣмъ, что они (Аргѣтовы) были въ такомъ почетѣ, какой выявленъ нами по всѣмъ законнымъ основаніямъ (букв.: всѣмъ правдамъ) и клейму Шах-Аббаса (?). И про-

საცა შინა როსისის კეთილშობილთასა აღრიცხულ იქმნას მსარგმელოდ.
[ხელის მოწერილობა] ერეკლე. [ბეჭედი]

симъ Императорскій Дворъ превеликой всея Россіи, дабы и въ російской герольдіи благородныхъ <они> зачислены были Долгорукими.

[Подпись:] Ираклій. [Печать].

მიეტა სამეფოსა ქალაქსა შინა ჩუბნსა
45 ცფილისსა (1783): წელსა | აგვსტოს: (28):
ოცდა მეათცხრამეტესა წელსა მეფობისა ჩუბნისსა.

Данъ въ царственномъ градѣ нашемъ Тифлисѣ 1783 года 28 августа, въ лѣто царствованія нашего тридцать девятое“.

Л. Меликсетъ-Беконъ.

— О фрагментъ грузинской версии «Дѣтства Христа»¹ (Къ критикѣ грузинскаго текста). Версію эту издатель Л. Меликсетъ-Беконъ считаетъ восходящей, «судя по всѣмъ даннымъ, къ греческому оригиналу»². Въ числѣ этихъ данныхъ особенности текста должны бы быть учтены на первомъ мѣстѣ. Текстъ представляетъ самостоятельный интересъ и независимо отъ его мѣста въ средѣ различныхъ версій «Дѣтства Христа», какъ памятникъ древнегрузинскаго литературнаго языка, древнегрузинскаго повѣствовательнаго стиля. Для стиля характерно особенно часто всплывающее, народное образованіе мн. числа — на -eb: Им. სირ-ებ-ი 6,3,4, Д. ცხოვრ-ებ-სა 1,3, Направ. სირ-ებ-ად 3,2. Естественно, въ текстѣ выступаетъ и синтаксисъ народной рѣчи, ед. число сказуемаго при народной формѣ мн. числа субъекта: სირ-ებ-ი აღფრინდა 6,4. Съ внесеніемъ народной струи въ языкъ текста въ тѣснѣйшей связи находится наличие въ немъ народной фонетики, такъ, напр., народной разновидности слова შტოთა: რტოა 8,2, რტოათ-ურთ 9,1. Той же народной струей внесено въ текстъ колебаніе между უ и ჯ, такъ то თქუად 28,2, მოძღუარბან 26,1 и др., то თქუად 24,2, სჯანი 4,1, სიტყუად 23,1 и др., между ო и ოვ, такъ—то ცხოვრ-ი (ცხოვრებსა 1,3), то ცხოვრ-ი (ცხოვრად 2,2). Полнымъ переходомъ къ народной рѣчи опредѣляется устраненіе ა въ Р. и Т. падежахъ: ქრისტეს-ი въ заглавіи, ერეკ-თ 21,1. Весьма вѣроятно потому, что писецъ произносилъ რ не по древнегрузинской нормѣ — რამეთუ, а რმეთუ 8,1, 11,2, et pass., какъ издано у М.-Б.-ва. Если не къ вулгаризмамъ, то къ диалектизмамъ относима форма მწრადლ (<მწწრადლ) 7,2 в.მ. მწწრადლ, какъ съ другой стороны, если не къ архаизмамъ, то къ диалектизмамъ месхійскимъ относится употребленіе მღერა въ значеніи *играть*: 1,1, იმღერდეს 4,1. Мѣстами бросается въ глаза тотъ параллелизмъ выраженій, который Р. П. Блэйкъ въ своихъ штудіяхъ надъ стилемъ древнегрузинскихъ переводныхъ памятниковъ опредѣлилъ какъ особенность мѣстной рѣчи переводчиковъ, какъ вкладъ особой школы времени еще до Евиміи Святогорца, такъ, напр., წარსავალს-თანა წყალობა და ნაკადულთასა (1,2: წყალობა || ნაკადულთა).

Какъ вкладъ особой народной среды могло бы быть оставлено чтеніе ღელა 34,2 в.მ. ღელა, оно и сохранено: вулгаризмъ ღელა возможенъ, диалектически существуетъ эта разновидность слова (ср. и ნენა id.), и въ такомъ случаѣ въ ო в.მ. უ могла бы быть усмотрѣна не обычная описка въ заглавномъ церковномъ письмѣ, а отраженіе въ ней мегрельской разновидности—ღელ (по огла-

¹ См. выше (стр. 315—320) работу Л. Меликсетъ-Беконъ.

² Ц. с., стр. 315.

совкѣ ср. также г. ჰობ კორმილა, диалектически — ჰობე). Нѣтъ однако увѣренности въ сохраненномъ нами чтеніи ღეგე, изъ-за обилія въ текстѣ описокъ.

Въ текстѣ, подлежавшемъ въ списокѣ М.-Б-ва. былъ рядъ безспорныхъ ошибочныхъ чтеній, именно — диттографическихъ: მიიღოღა в. მიიღოღა 10,1, ცხორად ცხორად в. ცხორად 2,2¹. Возможно, что дальнѣйшее искаженіе такой диттографической описки ჰქო || ჰქო имѣемъ въ странномъ чтеніи ჰქოლო ჰქო 9,1, едва ли «о древо, о сынъ». Чтенія эти, не имѣемъ основанія сомнѣваться, присущи самой рукописи согласно тому, что по словамъ М.-Б-ва копія его воспроизводитъ «всѣ особенности» оригинала «какъ въ отношеніи стиля, такъ и орфографіи»². Однако нѣтъ основанія воспроизводить ошибочныя чтенія, хотя бы и оригинала, достаточно бы дать ихъ перечень для характеристики рукописнаго списка. Но возникаетъ у меня сомнѣніе, насколько тутъ имѣемъ дѣло съ дѣйствительными чтеніями самой рукописи, а не ихъ воспроизведеніемъ въ копіи М.-Б-ва, когда в. იქъ появляется γ въ слѣдующихъ случаяхъ³: «ვერ იგებოს» 12,2, «იგი იტყოს» 16,1, «იგი ვითარის» 16,2 или, наоборотъ, ე в. ი: «მცირეს» 17,2, особенно же когда в. იქъ появляется ი: «ყოფილ ხარო» 20,4, «ყოფილ არს» 21,4, «შობილ ხარო» 23,2, «უთბილესად» 25,3, «ყოფილ» 33,3⁴.

И тогда начинаю предполагать, что «გიეო» в. იწყო 6,2 плодъ такого же недоразумѣнія, какъ «გეგავს» в. გეგავს 16,2-3 и «აღკრულებულ» в. აღკრულებულ 22,1, между тѣмъ въ копіи М.-Б-ва именно эти невозможныя чтенія — «გიეო», «გეგავს» и «აღკრულებულ» нами, понятно, замѣненныя единственно возможными правильными. Въ связи съ этимъ возникаетъ сомнѣніе и въ правильности чтенія ჰქუ 6,1,3, 9,1, 10,2 et pass. въ 3-мъ лицѣ съ отношеніемъ в. ჰქუ, (безъ отношенія — ჰქუ 17,1, 23,1), и хотѣлось бы знать, восстанавливаетъ ли самъ М.-Б-овъ сокращеніе этого слова подъ титломъ или воспроизводитъ такое полное написаніе, какъ наличное въ самой рукописи, когда онъ пишетъ ჰქუ.

При такихъ явныхъ искаженіяхъ текста, отъ кого бы они ни исходили, трудно мириться съ фразой, напр. ზეტას მას ვარ მე ასწავებდ 30,1-2, что весьма нескладно сложено и лишь съ нѣкоторымъ насиліемъ надъ свободнымъ строимъ грузинской рѣчи, отнюдь не чуждымъ тексту нашего памятника, можно бы перевести — «бегѣ я подлежу быть обученнымъ». На самомъ дѣлѣ фраза, повидимому, гласила: ზეტას მას ვარ მე (== ვითარ-მე) ასწავებო (или архаично ასწავებდ) «бегѣ какимъ образомъ обучаете?» Обращеніе дѣлается къ тѣмъ, «кто не знаетъ и альфы» (30,1).

Послѣ этого трудно до полученія сличеннаго повторно съ рукописью списка строить на изданіи М.-Б-ва критику текста. Съ особеннымъ сомнѣніемъ

¹ Однако здѣсь, можетъ быть, повтореніе не по опискѣ, а для выраженія этимъ повтореніемъ мн. числа—въ значеніи «потоками». Такой стилистическій приѣмъ также могъ бы быть отнесенъ на счетъ вліянія живой рѣчи.

² См. п. с., стр. 316.

³ Смѣшеніе ე и ი возможно подъ перомъ неопытнаго переписчика, когда онъ списываетъ текстъ церковнаго письма, но не строчного, какимъ писана оригинальная рукопись нашего памятника, а заглавнаго.

⁴ Неопытному переписчику легко смѣшать церковныя строчныя буквы ი съ ლ. Мы имѣемъ основаніе быть неуверенными въ чтеніяхъ самого М.-Б-ва не только въ этомъ памятникѣ, но и въ изданномъ имъ сигелѣ (см. выше, стр. 341—343), гдѣ проявляется незнакомство со случаями употребленія мн. числа в. ед. (ср. его разъясненіе мн. ч. ზეგანობა ღებნათ მათთა), всплываетъ ზეგანობა ეკეი и закрѣпляется переводомъ «обладатель (?) Каха» и т. п.

приходится признать, что нѣтъ увѣренности въ правильности чтеній ჰგზბობ (28,3), მიღზსა (25,2), ჰგზბობ (31,3), чтобы исходить отъ нихъ при ихъ толкованіи.

Увѣренность въ правильности чтенія была бы необходима и для толкованія ряда терминовъ техники чтенія (31,2-3), а равно для рѣшенія вопроса о такой детали, какъ появленіе въ текстѣ (9,2) слова ჰუბი ბუბ-1 *корень*, армянскаго, геср. хайкского происхожденія: возникаетъ вопросъ, внесено ли оно народной струею рѣчи, что могло совершиться и позднѣе, напр., въ месхской народной лингвистической средѣ, или это вкладъ литературнаго армянскаго вліянія, быть можетъ—показатель армянской рѣчи оригинала, съ котораго могъ быть переведенъ и нашъ апокрифъ.

Съ другой стороны, если вѣрно чтеніе მიჰამდე mi-oh-am-de (29,1-2), то въ немъ на лицо не греческое названіе буквы ρι, какъ предполагаетъ М.-Б-въ, а грузинское названіе греческой буквы ϱι: ω въ грузинскомъ транскрибировали специальнымъ для него начертаніемъ ზ, что и имѣлось, по всей видимости, въ занимающемъ насъ чтеніи მი-ჰ-ამდეჲი «до ω», геср. «до *омеги*». Позднѣйшимъ переписчикомъ, если, повторяю, вѣрно чтеніе მიჰამდე, это не понятно, или онъ звуковое значеніе ჰ передалъ описательно двумя буквами ზჲ oh (ср. передачу греческой омеги въ армянскомъ также описательно двумя буквами ու օւ), приспособившись къ традиционному грузинскому названію послѣдней въ грузинскомъ алфавитѣ буквы — ზოჲ hoe (собственно мы ожидали бы: მი-ჰოჲ-მდე mi-hoe-m-de).

Переводъ А. С. Хаханова¹ нисколько не помогаетъ въ устраненіи сомнительныхъ чтеній. Оцѣнка М.-Б-вымъ работы² черезчуръ благопріятна сравнительно съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. Мало сказать, что переводъ «сокращенъ» и «неточенъ», когда приходится имѣть дѣло съ переводческой работой, характеризуемой слѣдующими примѣрами.

Грузинскій текстъ:	А. С. Хахановъ переводить:	На самомъ дѣлѣ текстъ означаетъ:
1) 10,1-2: ეკუთა მკარს მისს	«схватилъ его за плечи» (320,9-10)	ударился объ его плечо
2) 10,2: ნუ მისვდე გზას მკარს მისს	«не дойти тебѣ до дому» (320,10)	«да не дойдешь ты туда, куда ты держишь путь» (букв. по пути твоему этому).
3) 12,2: უკუეთუ ეგე ურმა უბ თან იგოს	«если этотъ отрокъ твой сынъ» (320,14-15)	если этотъ отрокъ <i>будетъ</i> съ тобой.
4) 12,3: აკურთხევედეს უოკელთა	«благословлялъ.... дн-тей» (320,15)	благословлялъ... <i>всѣхъ</i> ³

¹ Очерки по исторіи грузинской литературы. Выпускъ II. Древняя литература до конца XII в., Москва 1897, стр. 319—321.

² «Русскій переводъ текста, хотя и сокращенный и, виѣсть съ тѣмъ, неточный, былъ уже данъ А. С. Хахановымъ» (см. выше, стр. 316).

³ Можетъ быть, უოკელთა *всѣхъ* есть неправильное по чьему либо недосмотру чтеніе слова подъ титломъ უთა, геср. ეთა=უბნობა *отроковъ* или ეთა=უბნობა *дѣтей* или на лицо прямо описка, см. ниже, стр. 345, пр. 2 и 4).

- 5) 12,4: *ძალაჲს ზო-* «для чего ты *сдѣлалъ* почему ты зло *испо-*
რისა იტყოდე зло?» (320,16) *ришь?*
 6) 13,1: *ჟეზად გობიერ* «не разумны» (320,18) *достаточно*¹ разумны.
აზიან

Изложение А. С. Хаханова представляет не переводъ, хотя бы сокращенный, а пересказъ съ особенностями, въ нашемъ текстѣ отсутствующими, какъ можно видѣть и по одному примѣру, именно груз. тексту 13,2—14—15,2:

сокращенный переводъ А. С. Хаханова подлинное изложение въ русскомъ переводѣ.

«и Онъ сдумѣетъ поставить дѣтей *იუდევეს* на путь, если же не примутъ наставленія его, то *потерпятъ* наказанія⁴. Они такъ спорили, и Иосифъ, разгнѣвавшись, взявъ Иисуса за ухо и сильно потянулъ («отяже зѣло»). Иисусъ же («негодую») сказалъ: довольно тебѣ искать меня и обрѣсти».

«Я умѣю дѣтей² этихъ поставить на путь³ (букв. *смыдѣ*). И затѣмъ онъ сталъ говорить такъ: «если они не воспримутъ *проклятiя*⁵, то воспримутъ *истязанiе*».

14. Въ тотъ же часъ поносившiе его поголовно (|| сразу) ослѣпли, а Иосифъ, увидѣвъ (это), разгнѣвался и взялъ его за ухо и потянулъ.

15. Онъ же взглянулъ на Иосифа и сказалъ ему: «вотъ достаточно тебѣ искать меня и обрѣсти. Ты нынѣ берешь въ руки ученiе, (пользуясь) поводомъ».

Если бы не прямое подтвержденiе и М.-Б-ва, можно бы думать, что А. С. Хахановъ давалъ свое изложение по другому списку древне-литературнаго грузинскаго текста.

Что касается сокращенiя, то его еще больше въ 16,1—20,4, какъ то изложено у А. С. Хаханова (390,26—33), особенно же въ концѣ—30,1—35,3, пересказанномъ имъ въ 321,5—12. При этомъ, переводить ли или пересказываетъ онъ, А. С. Хахановъ обѣгаетъ всѣ трудныя мѣста. Потому ускользаетъ возможность использовать работу А. С. Хаханова въ какой либо мѣрѣ для критики текста, для установленiя чтенiя въ мѣстахъ, сомнительныхъ по списку ли М.-Б-ва, доставленному для напечатанiя, или по самой подлинной рукописи, такъ, напр., *აღ-*

¹ Но вопросъ, не прочиталъ ли кто (но кто именно?) *ჯეჟიანი*⁸ достаточно вм. *აღიანი* никакъ.

² *ჟეჟიანი* собственно «сыновей».

³ Весьма интересно использование слова *კვალი* (чит. *kwal-i*) *смыдѣ* въ значенiи *пути*: хотя и наличное въ грузинскомъ, это спирантная разновидность слова отъ корня, эквивалента сибилантныхъ корней *svl* || *shbl*, resp. *shbr*, отъ которыхъ имѣемъ въ афетическихъ языкахъ *svla* *ходить* (|| **hvl* (r. *vla* id. <**hvla*) > *gvl*: св. и др.-г. *gwale* *иди*), арб. *سبيل* *sabil* *путь*, сир. *shavil* id.

⁴ Слав. переводъ не даетъ этого мѣста, ср. Сперанскiй, op. cit. [Слав. апокриф. евангелия] 103 (ц. с., 320,19—23): *ჟეჟიანი* собственно «сыновей».

⁵ Быть можетъ, въ грузинской рукописи подлинное чтенiе *ჟეჟიანი* *поученiе, наставленiе*, а не *ჟეჟიანი* *проклетiе*.

ღის (25,2). Особенно поразительно полное умолчанiе А. С. Хаханова о техническихъ терминахъ чтенiя (31,2—3), требующихъ провѣрки, какъ они воспроизведены по доставленному М.-Б-вымъ списку, гдѣ *კვალის* (31,3) вызываетъ одно недоумѣнiе. Впрочемъ на пропускъ А. С. Хахановымъ цѣлой фразы въ пересказѣ грузинскаго текста указываетъ разъ примѣчанiе его самого (321, пр. 4) — «Въ груз. есть соотвѣтствующее слав. тексту мѣсто: яко мѣдъ звѣняще или яко кругъ мѣдлѣ звяца не престану. Сперанскiй, ср. с. 104», но въ опущенной именно фразѣ *კვალი ზღაღი ოხრეს და კვალი ზღაღი ოხრეს ჯეჟიანი* (28,3) «какъ мѣдъ *стонетъ* и какъ *гусли*...» имѣется сомнительное, несомнѣнно испорченное чтенiе *ჯეჟიანი*, о чемъ ни слова. Быть можетъ, нашъ переводчикъ имѣлъ передъ собою нѣчто иное или вычитывалъ нѣчто болѣе разумное, чѣмъ совершенно безсмысленное чтенiе «*ჯეჟიანი*». Въ текстѣ, какъ то читается въ рукописи, очевидно, особое чтенiе сравнительно съ св. Писанiемъ—*კვალი* (I Кор. 13,1: *კვალი ზღაღი ოხრეს ოხრეს გინა ზღაღი ოხრეს კვალი*), откуда взята фраза. Сомнительное чтенiе «*ჯეჟიანი*» могло бы быть искаженiемъ *გებანი*—*ეუბნები* *удятъ* въ качествѣ синонима глагола *კვალი* *звучать*: глаголъ *გება* въ значенiи «*удитъ*», отъ *გება-ი* *гусли*, налиценъ въ слѣдующей главѣ того же текста I Кор. 14,7.

Таково же молчанiе о чтенiи *აღიანი* (29,1), переведенномъ по смыслу «до конца», и потому нѣтъ увѣренности, насколько исправленiе *აღიანი* въ *აღიანი* (см. выше, стр. 336), по существу неизбѣжное, поддерживается или нѣтъ самой рукописью.

И когда А. С. Хахановъ въ заключенiе по случаю обрывающагося текста пишетъ (стр. 321): «Очевидно, продолженiе, согласно съ греческимъ оригиналомъ, должно было заключить изложенiе о душевномъ состоянiи Закхея и далѣе приведенныя въ славянскомъ переводѣ чудеса», то, можетъ быть, это такъ и есть, т. е. можетъ быть, какъ то подтверждаетъ и М.-Б-въ, памятникъ грузинской древней письменности переведенъ съ греческаго оригинала, но ни въ предварительномъ сообщенiи А. С. Хаханова, ни въ напечатанной выше замѣткѣ М.-Б-ва (ХВ, стр. 315—320) не дано ни одно текстуральное основанiе, чтобы утверждать о такомъ согласiи грузинской версiи съ греческимъ подлинникомъ. Названiя буквъ «альфа» и «бета»¹ могутъ встрѣчаться въ грузинскомъ текстѣ и независимо отъ греческаго языка подлинника, не говоря о томъ, что ихъ присутствiе уравнивается наличiемъ *ბუ-ი* *корень* армянскаго происхожденiя². Тѣ же греческiя названiя наличны и въ армянской, и арабской версiи. Стилистическiя особенности текста, какъ онѣ выявляются при наличномъ доступномъ намъ его состоянiи, главнымъ образомъ ихъ народность, если и указываютъ на переводчика, то менѣе всего на Евхимiя Святогорца, менѣе всего вообще на аѳонскую школу.

Н. М.

— Изъ *гурiйскихъ* народныхъ преданiй о постройкѣ Зарзмскаго монастыря съ преданiями о переселенцѣхъ изъ Месхiи и Абхазiи въ Гурiю. У гурiйцевъ есть тѣсныя связи съ извѣстнымъ монастыремъ въ Зарзмѣ, расположеннымъ въ древней Месхiи и въ началѣ текущаго столѣтiя реставрированнымъ трудами архит. Свиньина и скончавшагося минувшею (1919) весною живописца А. С.

¹ Но не «ми»: упоминанiя этой буквы въ нашемъ грузинскомъ текстѣ нѣтъ (см. стр. 345).

² См. тамъ же.

Христианскiй Востокъ.

Славцева, — реставрированнымъ, въ значительной мѣрѣ особенно въ архитектурномъ отношеніи лишь отремонтированнымъ, еще тогда, когда его мѣстоположеніе опредѣлялось скромными административными терминами — «въ Ахалцхскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи»: Зарзма находилась между обращеннымъ изъ резиденціи паши въ уѣздный городъ Ахалцхомъ и вновь народившимся курортомъ Абастуманомъ. Имѣется письменный документъ о такой связи извѣстнаго Шемокмедскаго монастыря въ Гуріи съ Зарзмой, въ частности о перенесеніи зарзмской иконы «главной — Преображенія Господня» изъ Зарзмы въ Шемокмедъ, въ церковь, специально по тому случаю построенную¹. Эти связи прославленныхъ богомолій и святынъ или ихъ перенесенія, съ другой стороны, переплетаются съ переселеніями отдѣльных родовъ изъ той или иной области въ Гурію, а преданія объ этихъ переселеніяхъ представляютъ въ свою очередь большой этнологическій интересъ и въ томъ случаѣ, когда они касаются культурно-историческихъ эпохъ, хотя бы новѣйшихъ, такъ какъ они открываютъ путь къ очисткѣ племенного состава мѣстнаго коренного населенія отъ позднѣйшихъ наслоеній. Вѣдь подлежитъ еще опредѣленію первичный составъ населенія Гуріи. Нынѣшнее населеніе безспорно тѣсно связано съ Месхією и Джавахією, но въ болѣе древнемъ слоѣ является органической частью сроднаго и нынѣ населенія приморскихъ же областей Мегреліи (Эгриса или Геріи), страны колховъ, Лазики и Абхазіи, слѣдовательно, частью и того первоначальнаго племенного ядра, которое постепенно этнически же осложнялось и перерождалось въ захватывавшемъ край историческомъ процессѣ прохожденія обитателей Гуріи черезъ культурно-историческія эпохи соотвѣтственно политическимъ образованіямъ, прото-историческому герскому съ колхскимъ (доисторическому для европейскаго античнаго міра) и сравнительно позднимъ историческимъ, лазскому и абхазскому². Е. С. Такайшвили уже привелъ по моей записи четверостишіе изъ народной гурійской пѣсни о построеніи церкви въ Зарзмѣ нынѣ гурійцами, выходцами изъ нея³. Записалъ я его 2/15 августа 1903 г. со словъ моего вотчина С. Т. Гугушвили въ сел. Саквависткѣ (Sakvavistke) на правомъ берегу р. Супсы⁴. С. Т. Гугушвили, собственно Гугускуа, нынѣ покойный († 1918), самъ былъ выходцемъ изъ Мегреліи. Онъ разсказалъ:

«Настоящая фамилія Мгалоблишвили — Баладзе. Они переселились изъ окрестностей Зарзмы. Зарзмская церковь построена, судя по ихъ словамъ, ими. Имѣется стихотвореніе, начинающееся такъ:

სამა მამა ზალაძე
ზარზმის ღვთისმშობლის

«Три брата Баладзе въ Зарзмѣ поставили церковь».

Дальше мой источникъ не помнилъ стиховъ, могъ только сказать по-грузински съ гурійскимъ произношеніемъ — «ихъ много (მეტი ჩაღვსებოთ)», и обѣщалъ доставить полный списокъ, заключивъ, что «они, Мгалоблишвили, до

¹ Е. С. Такайшвили, Археологическія экскурсіи, разысканія и замѣтки. Вып. I, Тифлисъ 1905, стр. 4 (отд. отт. изъ СМ, XXXV).

² Привходящихъ этническихъ вторженій материковыхъ народовъ, въ томъ числѣ иверовъ-имеровъ, а равно вселеній, лишь этнологически, пока лингвистической палеонтологією выясняемыхъ племенъ, напр. дзиховъ, сейчасъ не касаясь, не смотря на ихъ громадное перерождающее или первотворческое значеніе въ рѣчи мегрельскаго (герскаго) и въ связи съ нимъ и лазскаго населенія.

³ ц. с., стр. 5.

⁴ Въ Чохатоурскомъ участкѣ Озургетскаго уѣзда Кутаисской губерніи.

сихъ поръ ходятъ въ Зарзму на богомоліе», «несутъ туда жертвы (შესწავნა მიაქვთ)».

Полнаго списка я такъ и не дождался. Но по справкѣ тогда же у одного изъ Мгалоблишвили, именно Сіо Мгалоблишвили, выходило, что стихотворенія о Баладзе теперь никто не помнитъ полностью. Сообщенное же мнѣ четверостишіе не точно передаетъ то, что онъ слышалъ. Онъ же слышалъ и знаетъ слѣдующее четверостишіе, которое и было издано затѣмъ Е. С. Такайшвили:

სამა მამა ზალაძე
ზარზმის ღვთისმშობლის
ვინც თორმეტი ჩამოიღეს,
იგი არის ფალავანი.

«Три брата Баладзе въ Зарзмѣ поставили «верхній камень»¹, кто, (хотя бы собравшись группою въ) двѣнадцать, низложитъ² его, тотъ — герой».

Сіо Мгалоблишвили далѣе разсказалъ:

«Когда первые выходцы рода Мгалоблишвили появились въ Гуріи, въ нашемъ ущеліи, то въ Эркетѣ³ былъ Джуматскій епископъ. Мгалоблишвили принесли икону Зарзмскаго св. Георгія и поставили въ Шемокмедской церкви⁴. Во время службы выходцы приняли участіе въ пѣніи. Епископъ обратилъ вниманіе на ихъ стройное пѣніе и пріятные голоса. Послѣ службы епископъ порасспросилъ ихъ. Узнавъ, что они изъ Зарзмы и знатоки пѣнія, онъ назначилъ ихъ пѣвчими церковными (მგლობელი m-galob-el-i), а также поручилъ имъ нѣсколькихъ лицъ для обученія пѣнію. Отсюда наличная ихъ фамилія Мгалоблишвили (mgalobli-shvil-i). Рабовъ (kma) имъ пожаловалъ владѣтель Гуріи — Гуріэль. Каждый третій годъ Мгалоблишвили и ѣздятъ теперь на богомоліе въ Зарзму».

Въ томъ же околоткѣ съ выходцами еще другими изъ Зарзмы и вообще изъ Ахалцхскаго края сошлись переселившіеся изъ Абхазіи Шарапидзе, какъ то видно изъ слѣдующихъ мѣстныхъ преданій, сообщаемыхъ мною по разсказу всего того же С. Т. Гугушвили:

«1) Тодріа (თოდრია, Thodria), крестьяне, живутъ въ с. Яноулѣ⁵. Ихъ подлинная фамилія — Алавис-дзе. Они — выселенцы изъ окрестностей Зарзмы. Тодріа, по ихъ словамъ, не были крестьянами, но по переселеніи сюда, въ Гурію, оскудѣли и искали покровительства Мгалоблишвили, коихъ крѣпостными и состояли они до освобожденія. По словамъ же Мгалоблишвили, Тодріа принадлежали имъ еще на родинѣ.

«2) Дворяне Джакелы (Dakel), живущіе въ с. Саквависткѣ (Sakvawis-tke)⁶, считаютъ себя происходящими изъ Ахалцха. Ихъ подлинная фамилія — Атабагъ (Atabag). Ихъ сородичи нынѣ мусульмане. Когда еще живъ былъ Иванъ Джакелъ, отецъ моихъ сосѣдей, продолжалъ мой освѣдомитель, «къ намъ

¹ Касательно перевода термина balaver, resp. balavag словомъ «тимпанъ» см. выше, стр. 290 сл.: «Два грузинскихъ архитектурныхъ термина «ачрдил» и «балавар»».

² ჩამოიღეს букв. «возьметъ (сверху и поставитъ) внизъ».

³ ერკეთ — селеніе на лѣвомъ берегу Супсы, противъ правобережнаго Саквависткѣ. Въ немъ церковь со старинной росписью.

⁴ О связи Шемокмедскаго монастыря съ Зарзмскимъ см. выше.

⁵ На лѣвомъ берегу р. Супсы съ началомъ у самаго выхода ея изъ тѣсинъ, противъ правобережной крѣпости, по нарицательному имени которой (ჯიჯი ჭიქე) называется и все селеніе — Цихѣ, расположенное также на правомъ берегу насупротивъ с. Яноула.

⁶ На правомъ берегу р. Супсы, непосредственно ниже с. Цихѣ.

пріѣзжалъ родственникъ съ дарами (ძღვბოთ). Привезъ онъ тогда корову, съдобныя печенія (ბჭუჭი) и еще кое-что».

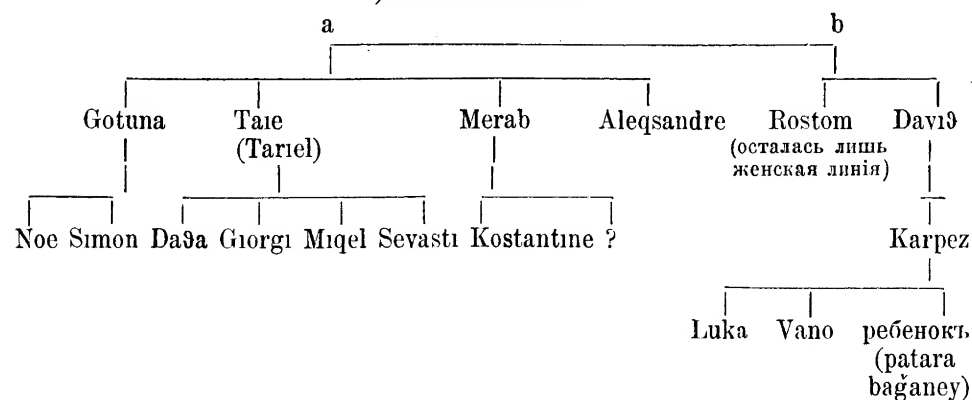
«3) Осепешвили (Осепе-шви), въ с. Саквавис-ткэ, также выселенцы изъ Ахалциха. Подлинная ихъ фамилія Майсурадзе».

«4) Настоящая фамилія Котрикадзе, крестьянъ въ с. Саквавис-ткэ, также иная; они равнымъ образомъ выходцы изъ Ахалциха».

«5) Элизбаровичи (Elisbari-шви) Шарашидзе, родственники Эриставовъ гурійскихъ. Были два брата, выселившіеся изъ Абхазіи. Элизбаровичи, происходя отъ одного изъ этихъ братьевъ, жили въ с. Яноулъ. Другіе Шарашидзе побочные. До послѣдняго времени у нихъ, потомковъ двухъ братьевъ, Элизбаровыхъ Шарашидзе и Эриставовъ, было общее жертвоприношеніе (საგვთო სამღვთო საერთო სამღვთო).

Въ этихъ преданіяхъ меня смущаетъ рассказъ про крестьянъ Тодріа, поскольку настоящая ихъ фамилія Թოდრ-а позднѣйшая, слѣдовательно, данная въ Гуріи, области этнографически, во всякомъ случаѣ по языку грузинской, между тѣмъ Թოდრ-а по формѣ мегрельская фамилія, и судя по ней ихъ въ пору считать скорѣе выходцами изъ Мегреліи. Правда, и въ Мегреліи этотъ типъ фамильнаго словообразованія отнюдь не коренной мегрельскій, а усвоенный отъ иной этнографической среды, именно сванской (-i-ān > -i-an), съ діалектической особенностью, утратой не только долготы ā, но и исходнаго n, и такая сванская морфема отнюдь не могла быть чуждой въ древности и въ Месхіи, и въ Абхазіи.

А) Въ Саквавис-ткэ —

В) Въ Эркетѣ —

Эту генеалогическую таблицу современныхъ представителей зарэмскихъ выходцевъ Мгалоблишвили, въ селахъ Яноулъ и Эркетѣ¹, мнѣ удалось установить лѣтомъ 1903 года.

Н. М.

¹ Эркетскіе Мгалоблишвили считаются въ родствѣ съ основными вѣтвями въ Яноулѣ, гурійскіе побочные.

— *Имена Бутъ и Иоасафъ въ армянскомъ быту.* Въ ближайшіе дни имѣетъ появиться въ свѣтъ VI-я книга серіи Bibliotheca Armeno-georgica съ армянскимъ эпиграфическимъ текстомъ, трудъ І. А. Орбели, собственно одинъ изъ первыхъ выпусковъ его труда по армянской эпиграфикѣ, озаглавленный «Надписи Гандзасара и hАвоцитука». Самъ матеріалъ, и критически, и технически образцово публикуемый въ немъ, пока лишь въ подлинникѣ армянскомъ, безъ перевода и безъ комментариевъ, возбуждаетъ рядъ вопросовъ и представляетъ разнообразный интересъ не только эпиграфическій, но и культурно-историческій. Въ частности матеріалъ этотъ вынуждаетъ ставить новые вопросы по армянскому onomasticon'у или даетъ ту или оную поддержку ставившимся раньше вопросамъ по именамъ у армянъ. Сейчасъ я хочу остановить вниманіе лишь на двухъ именахъ, выписанныхъ въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Въ замѣткѣ, имѣющей давность 24—27 лѣтъ, «Имя Бутъ или Будъ въ армянской надписи VII вѣка по Р. Х.» (ЗВО, т. VIII, стр. 322—325) установленію существованія такого имени, повторяющаго имя переводчика, по сирійскому сообщенію, сказочнаго сборника «Калила и Димна», помогла одна изъ древнѣйшихъ армянскихъ надписей изъ Ширака, Багаранская. Теперь на основаніи удостовѣреннаго проверкой на мѣстѣ чтенія ктиторской надписи 30-й изъ Гандзасара (ц. с., стр. 15) можемъ утверждать, что имя Бутъ у армянъ продолжало существовать до XIV—XV вѣка: надпись не датирована, но она этой эпохи. Съ именемъ «Іоасафъ», также связаннымъ съ литературнымъ памятникомъ индійскаго происхожденія, иное положеніе. Армянская прозаическая версія повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ, въ двухъ редакціяхъ — краткой и пространной, изслѣдователями вопроса о названной душеполезной повѣсти датировалась съ большимъ колебаніемъ, то временемъ Багратидскихъ царей (Сопубеаре), то XV-мъ вѣкомъ, временемъ внесенія повѣсти въ армянскій сборникъ житій святыхъ (Zotenberg). Болѣе близкое знакомство съ реальнымъ положеніемъ дѣла у армянъ давало основаніе приурочить появленіе армянской версіи къ XII—XIII вѣку (Н. Марръ, рецензія на The Barlaam and Josaphat Legend in the ancient Georgian and Armenian Literatures, ЖМНП, стр. 490, Месропъ, Тэръ-Мовсесянъ, Եկարագրութիւն հոգեւոր փարոջ Յովնանի, որով Յովնանի հոգեւոր Զոգեւոր, Вагаршапатъ 1897, стр. 100—104). Но слѣдовъ влияния повѣсти въ быту армянъ, въ частности популярности именъ мы не могли прослѣдить раньше XVI—XVII вѣка: первымъ вспоминался поэтъ Іоасафъ. Было засвидѣтельствовано знакомство армянъ съ этимъ и другими именами изъ повѣсти лишь въ письменномъ памятникѣ безъ точной и прочной датировки, приблизительно XIII—XIV вѣка (Н. Марръ, Къ вопросу о «Варлаамѣ и Іоасафѣ». Изъ армянской Географіи, приписываемой Вардану, ЗВО, т. IV, стр. 397). Въ надписяхъ обычныхъ изданій имя Յովնանի Եկարագրութիւն встречается въ началѣ XIII вѣка (Vim. tar. 1211 в, 1234; см. также Մրաշխան 40, 41). Изъ гандзасарской надписи XIII-го вѣка въ новомъ изданіи (№ 2, стр. 4), чтенію котораго можемъ вполне довѣряться, не только на лицо имя героя повѣсти Іоасафа, но это имя успѣло и формально стать бытовымъ, приспособленнымъ къ особенностямъ мѣстной фонетической среды, раздѣлявшей, очевидно, одно звуковое явленіе, перерожденіе среднихъ въ звонкіе въ паузѣ съ древне-литературной грузинской рѣчью, гдѣ Elisabeth становилось Elisabed, Iosef—Ioseb и т. п. Послѣднія двѣ строки, заключающія названную надпись, въ русскомъ переводѣ гласятъ: «Въ праздникъ Антонія 1 день службы монаху Іоасафу по волѣ вели-

каго hAsana», и вотъ здѣсь имя по-армянски звучитъ не Ybasaf (въ вульгарномъ чтеніи Novasaf), а Ybasab (въ вульгарномъ чтеніи Novasab). Эти заключительныя строки не органическая часть основного текста надписи, а, повидимому, приписка, но приписана письмомъ основного текста надписи, и она одного съ нимъ времени. Основной текстъ повѣствуетъ о завершении храма постройкой въ 1238-мъ году, объ его освященіи въ 1240-мъ, и онъ высѣченъ не позднѣе 1261-го года, судя по синхронизмамъ. Слѣдовательно, въ половинѣ XIII-го вѣка въ армянской средѣ совершалась служба (поминальная) по монахѣ, носившемъ имя Ioasafъ въ формѣ съ особенностью мѣстнаго произношенія. Очевидно, сама душеполезная повѣсть съ этимъ именемъ должна была появиться у армянъ не позднѣе конца XII-го вѣка, чтобы къ указанному времени получить значеніе календарнаго имени, да еще въ монашескомъ кругу. Съ послѣднимъ обстоятельствомъ можетъ быть связанъ иной еще интересъ того же имени, иное его значеніе, поскольку дѣло идетъ объ армянской церковной средѣ въ Гандзасарѣ, т. е. въ предѣлахъ Албаніи, точнѣе — албанскаго католикосата, въ которомъ для насъ представляютъ большой историческій интересъ элементы былого въ краѣ халкедонитства, хотя бы пережиточные и формальные.

— *Якутскія параллели къ бытовымъ религіознымъ явленіямъ у кавказскихъ ифетидовъ.* «Бережа», собственно по-якутски «харыс», «харыста», выраженія «для перевода» которыхъ В. М. Іоновъ «не находитъ подходящихъ словъ» (Духъ-хозяинъ лѣса у якутовъ, Сборн. Музея Антр. и Этногр. при Ак. Наукъ, 1916, IV, стр. 4, прим. 2), судя по данному имъ же разъясненію¹, есть именно то, съ чѣмъ у свановъ и абхазовъ связана наличность такъ называемаго «охотничьяго языка». Въ дополненіе къ тѣмъ лексическимъ даннымъ (рѣчь именно о замѣнѣ словъ однихъ другими, а не объ особомъ фонетически или морфологически языкѣ), которыя собраны Дирромъ въ СМ, у меня имѣются неизданные пока сванскій и менѣе обстоятельно абхазскій матеріалы. У обоихъ яфетическихкихъ народовъ явленіе связано съ культомъ бога охоты, у свановъ того бога Апсата, наличнаго и у осовъ (осетинъ), съ названіемъ котораго отождествляется названіе у армянъ-христіанъ вообще Бога — aspat || asvat > astovat и у грековъ — Σαρῳζῖος, какъ разъяснено то въ посвященныхъ мною терминамъ Σαρῳζῖος и apsaθ замѣткахъ. У абхазовъ и еще въ болѣе сильной степени у грузинъ не разъ отмѣчалось (Еще о терминѣ ღათ-1 образъ, подобіе, ХВ, IV, 1916 г., с.р. 313) употребленіе названія языческаго бога qat (г. qat-1), resp. qa (абх. пэ-қа) въ христіанской терминологіи въ значеніи *иконъ*: у грузинъ, подвергшихся глубокой христіанизациі, слово употребительно лишь въ смыслѣ *иконъ-образа, подобія*, поскольку дѣла не имѣемъ съ такими частями грузинскаго народа, какъ племя хевсурское или слой вообще грузинскаго населенія съ пере-

¹ Ц. м.: «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ дорогѣ, при промыслѣ и т. д.) нѣкоторыя вещи и дѣйствія нельзя назвать настоящими словами или потому, что злой духъ можетъ услышать и причинить вредъ (вмѣсто ЫНБІР сѣдло, ЫНДБІ вьюкъ говорятъ хара черное и т. п.), или потому, что обидится іччі [хозяинъ, духъ-хозяинъ] (вмѣсто названія урочищъ, рѣкъ и пр. говорятъ йбѣ бабушка и т. п.)». У него же стр. 7, прим. 6: «харистанъ (оберегаючи)». У яфетидовъ не «при промыслѣ», притомъ опредѣленно — охотѣ, явленіе наблюдается о словомъ «змѣя», которую замѣняютъ, напр., у гурійцевъ словомъ u-qsen·eb-el-1 (უყსენებელი) *неподлежащій*, resp. *неподлежащая упоминанію*.

живаніями языческихъ вѣрованій въ быту; у абхазовъ полностью и исключительно въ реальномъ воспріятіи *иконъ, образа* слово а-пэ-қа употребляется только въ переводахъ христіанскихъ текстовъ. То же самое отмѣчаетъ В. М. Іоновъ съ якутскимъ терминомъ «Танара» (ц. с., стр. 2): это названіе „въ смыслѣ «Богъ» (Ајы Танара) употребляется только въ переводахъ св. Писанія на якутскій языкъ, а якутами теперь употребляется чаще въ смыслѣ «икона», «праздникъ»“.

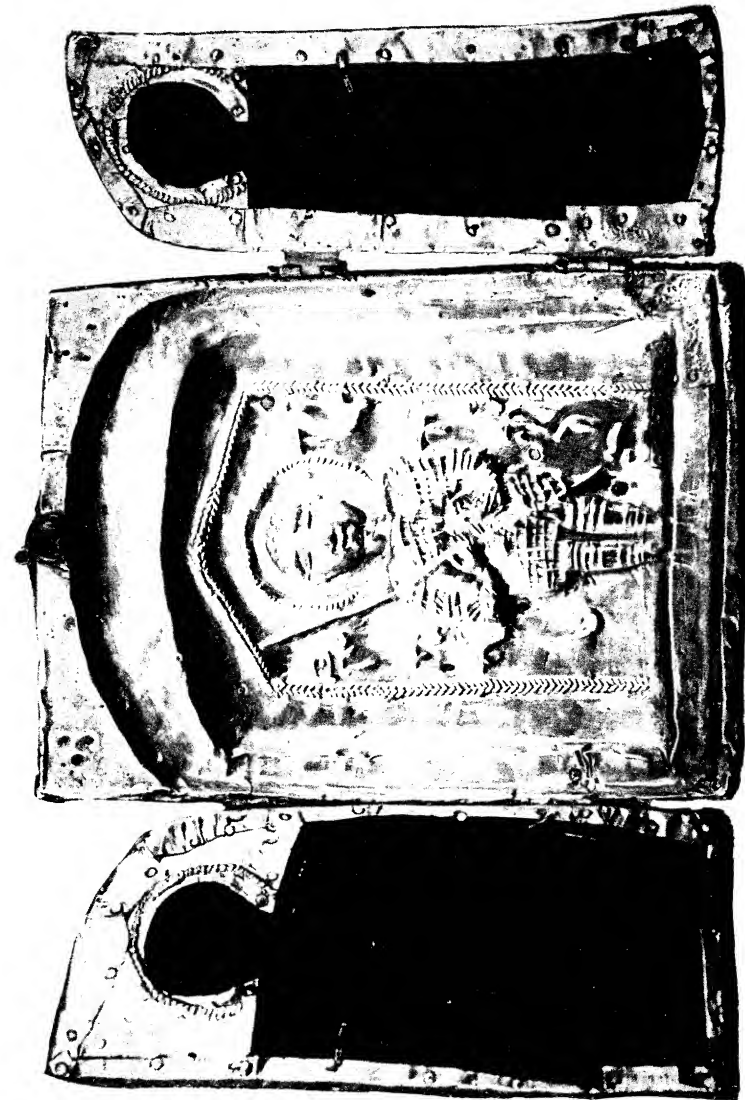
Н. М.

Церковь из селения Гулекаръ.

Образъ-складень св. Георгія (2).

Образъ-складень св. Георгия (2).

Падшеъ на образѣ-складнѣ св. Георгія (2).

Чудотворная икона св. Георгия (1).

Надпись на чудотворной иконѣ св. Георгія (1).

Образы-складень свв. Георгия и Димитрия (3).

Образы-складень св. Георгия и Дмитрия (3).

NE	Notices et extraits des manuscrits.	TU	Texte und Untersuchungen.
NZ	Néa Σιών.	ZA	Zeitschrift für Assyriologie.
OA	Orientalisches Archiv.	VGWL	Verhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig.
OCh	Oriens Christianus.	WZKM	Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes.
PEF	Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement.	ZAS	Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde.
PG	Patrologia graeca	ZDMG	Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft.
PL	Patrologia latina		
Phil	Philologus.		
PO	Patrologia Orientalis.	БВ	Богословскій Вѣстникъ.
PSBA	Proceedings of the Society of biblical Archaeology.	ВВр	Византийскій Временникъ.
RA	Revue archéologique.	ЖМНП	Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
RAfr	Revue africaine.	ЗВО	Записки Вост. Отдѣленія Русск. Археол. Общества.
RAcL	Reale Accademia dei Lincei.	ЗКО	Записки Классич. Отдѣленія Русск. Археол. Общ.
RB	Revue biblique.	ИАК	Извѣстія Археол. Комиссіи.
RE	Revue Égyptologique.	ИАН	Извѣстія Академіи Наукъ.
REG	Revue des études grecques.	ИРАрхИнстКП	Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополѣ.
RG	Revue de géographie.	МАК	Матеріалы по Археологіи Кавказа.
RH	Revue historique.	ПрСооб	Православный Собесѣдникъ.
RHE	Revue d'histoire ecclésiastique.	СМК	СМ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.
RHR	Revue de l'histoire des religions.	ТР	Тексты и разысканія по армяно-груз. филологіи, изд. Факультетомъ Вост. языковъ Петрогр. Унив.
RL	Revue linguistique.	ТрКА	Труды Кіевской Духовной Академіи.
RO	Roma e l'Oriente.	ХВ	Христіанскій Востокъ.
ROC	Revue de l'Orient Chrétien.	ХрЧт	Христіанское Чтеніе.
RPL	Revue de philologie d'histoire et de littérature anciennes.	Ա	Անահիտ.
RQuS	Römische Quartalschrift.	Ար	Արարատ.
RStO	Rivista degli Studi Orientali.	ԱՀ	Աղգադրական Հանդես.
RMasp	Recueil des travaux relat. philolog. et archéol. égypt. et assyr.	ԲՀ	Բազմալիզ.
RTP	Revue des traditions populaires.	Գա	Գեղարուեստ.
SAkB	Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.	ՀԱ	Հանդես Ամսթրայ.
SAkW	Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften. Wien.		
SAkH	Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften.		
StGK	Studien zur Geschichte und Kultur des Alterthums.		
TLZ	Theologische Literaturzeitung.		

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.

Октябрь 1922 г.

Непремѣнный Секретарь, академикъ С. Олденбургъ.